

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Институт стран Азии и Африки

На правах рукописи

Строганова Нина Андреевна

**Стихотворные и прозаические послания в Китае на рубеже Древности и
Средних веков**

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литература Китая)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель

Кандидат филологических наук, доцент

Семенов Иван Иванович

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Стихотворные послания в Китае на рубеже Древности и Средних веков ...14	
1. Вводное теоретическое уточнение.....	14
2. Возникновение: прототип стихотворного послания – «Ода Шэньскому князю» из <i>Шицзина</i>	14
3. Становление: послание в эпоху Хань.....	16
3.1. Стихотворное послание неизвестного автора.....	17
3.2. Стихотворные послания Цинь Цзя.....	19
4. Развитие и оформление: стихотворное послание на закате Хань – в период <i>Цзяньань</i>	29
4.1. О «литературном» периоде <i>Цзяньань</i>	29
4.2. Стихотворные послания Цао Чжи.....	31
4.3. Стихотворные послания Лю Чжэня.....	53
4.4. Стихотворные послания Ван Цаня.....	67
5. Поэтика циклов стихотворных посланий.....	81
6. Выводы по стихотворным посланиям.....	88
ГЛАВА II. Прозаические послания в Китае на рубеже Древности и Средних веков ...94	
1. О генезисе и ранних периодах становления <i>шу</i>	94
2. Прозаические послания Цао Чжи и <i>Цзяньаньских</i> мужей.....	97
2.1. Прозаические послания Цао Чжи.....	97
2.2. Прозаические послания Лю Чжэня.....	129
2.3. Прозаические послания Ван Цаня.....	139
2.4. Прозаические послания Чэнь Линя.....	157
2.4. Прозаическое послание Ин Чана.....	180
3. Выводы по прозаическим посланиям.....	184
ГЛАВА III. Поэтика жанра послания в китайской литературе рубежа Древности и Средних веков	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	224
БИБЛИОГРАФИЯ	230
ПРИЛОЖЕНИЕ А	253
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	268
ПРИЛОЖЕНИЕ В	286
ПРИЛОЖЕНИЕ Г	323

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящается изучению жанра послания в китайской литературе II–III вв.

Китайская литература рубежа II–III вв. представлена, главным образом, литературой *Цзяньань* 建安 (196–220 гг.), названной так по девизу правления последнего ханьского императора Сяньди 献帝 (годы жизни: 181–234 гг.).

Под литературой *Цзяньань*, или *цзяньаньской* литературой подразумеваются, как правило, поэзия и проза царства Вэй 魏国, если быть точнее – творчество представителей семейства Цао (Цао Цао 曹操, Цао Пи 曹丕, Цао Чжи 曹植), а также творения Семи *цзяньаньских* мужей 建安七子 (Семеро мужей – Лю Чжэнь 刘桢, Ван Цань 王粲, Сюй Гань 徐干, Ин Чан 应玚, Чэнь Линь 陈琳, Жуань Юй 阮瑀, Кун Жун 孔融; Кун Жун, не ладивший с Цао Цао, зачастую рассматривается отдельно). Отец и братья Цао, покровительствовавшие искусствам, благоволили Семи мужам: в частности, Цао Чжи, младший сын Цао Цао, был не только их покровителем, но также соратником и единомышленником. Цао Чжи был настолько близок с Семью мужами, что даже может быть назван негласным членом группы, остальных представителей которой он, по признанию многих, затмевал своим талантом.

Именно в период *Цзяньань*, возвестивший о закате Древности и заре Средневековья в китайской культуре, жанр послания, уходящий корнями еще в *Шицзин*, получил оформление в том виде, в каком он продолжил существовать на протяжении всей дальнейшей истории китайской литературы.

В этот переходный период литературное послание как жанр уже было представлено в двух жанровых формах – стихотворной и прозаической; иными словами, оно бытовало как в виде стихотворения (послания, посвящения), так и в виде письма.

Актуальность исследования определяется тем, что жанр послания в китайской литературе, в отличие от послания в русской и западных литературах, которое так или иначе рассматривалось в историческом и теоретическом аспектах, до сих пор не становился объектом исследовательского интереса как со стороны отечественных и западных синологов, так и со стороны китайских специалистов. Несмотря на то, что учеными разных стран предпринимались попытки изучения отдельных аспектов этой темы, она еще ни разу

не формулировалась, не заявлялась и не выдвигалась в качестве научной проблемы. Необходимость проведения подобного исследования обусловлена не только потребностью синологии в выявлении и восполнении разного рода лакун, но и в углублении, расширении и обогащении знаний о мировой литературе и мировой культуре в целом.

Степень разработанности темы исследования представляется недостаточной.

Отдельные сочинения Семи *цзяньаньских* мужей и Цао Чжи в разное время переводились на русский язык В.М. Алексеевым, Л.Е. Черкасским, А.И. Гитовичем, И.С. Лисевичем, М.Е. Кравцовой и другими. Некоторые из рассматриваемых в Диссертации стихотворений¹ Цао Чжи были переведены Л.Е. Черкасским, одно из анализируемых нами писем² Цао Чжи было переведено И.С. Лисевичем. Несмотря на наличие переводов, а в отдельных случаях и комментариев к отдельным *цзяньаньским* произведениям, ни одно из них до сих пор комплексно не изучалось.

В отечественной синологии предметные исследования в области литературы *Цзяньань*, помимо собственно сборников переводов (среди них – первый том «Антологии китайской поэзии», 1967; «Семь печалей» Л.Е. Черкасского, 1973; «Китайская поэзия» Л.Е. Черкасского, 1982; «Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов» М.Е. Кравцовой, 1994; «Цао Чжи. Фейя реки Ло» Л.Е. Черкасского, В.А. Журавлева, А.Е. Адалис, А.И. Гитовича, И.С. Лисевича, 2000 и другие), представлены буквально одной диссертацией («Поэзия Цао Чжи / 192–232 /» Л.Е. Черкасского, 1962), одной монографией («Поэзия Цао Чжи» Л.Е. Черкасского, 1963), одной статьей («Цзяньаньская литература» Л.Е. Черкасского, 1969) и тематическими параграфами в различных изданиях (таких, как, например, второй том «Истории всемирной литературы», 1984; «Хрестоматия по литературе Китая» М.Е. Кравцовой, 2004; «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.» И.А. Алимова и М.Е. Кравцовой, 2014).

Безусловно, феномен *Цзяньаньской* литературы наряду с именами Семи *цзяньаньских* мужей и Цао Чжи упоминается и в других работах отечественных китаеведов³, однако анализы произведений, теоретические обобщения в области поэтики этих произведений, компаративистские изыскания на основе этих произведений, а также рассмотрение послания как жанра, форм и разновидностей этого жанра, жанрового своеобразия послания и т.п. пока не увидели свет.

¹ Оригинальные тексты и выполненные нами подстрочные переводы анализируемых в Диссертации стихотворных посланий см. в Приложении А.

² Оригинальные тексты и выполненные нами подстрочные переводы анализируемых в Диссертации прозаических посланий см. в Приложении Б.

³ См. подробнее Приложение В – «История изучения китайской литературы рубежа Древности и Средних веков».

На Западе сочинения Семи *цзяньаньских* мужей и Цао Чжи тоже переводились и комментировались. Однако, как и в отечественной синологии, специальных работ по *Цзяньань* было написано крайне мало. Из работ западных сиологов в первую очередь интересны исследования по прозаической эпистолографии, которые фактически отсутствуют у нас и которые в последнее время появляются на Западе одно за другим. Это, главным образом, диссертация Евы Чжун (Chung, Eva Yuen-wah) «Изучение *шу* (писем) династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.)» (A Study of the ‘Shu’ (Letters) of the Han Dynasty (206 B.C. – A.D. 220)), защищенная в США в 1982 г., диссертация К. Метельманна (C. Metelmann) «Корреспонденция в эпоху Хань» (Schriftverkehr der Hanzeit), защищенная в Германии в 2001 г., монография Антье Рихтер (Antje Richter) «Письма и эпистолярная культура в раннесредневековом Китае» (Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China, 2013), сборник из 25 англоязычных статей под редакцией А. Рихтер «История китайских писем и эпистолярной культуры» (A History of Chinese Letters and Epistolary Culture, 2015). О раннесредневековой китайской эпистолографии, различных ее аспектах, литературе *Цзяньань*, тех или иных ее особенностях заходит речь и в других западных исследованиях⁴, однако именно в вышеперечисленных работах затрагиваются вопросы, которые представляют немалый интерес и для нашего исследования. В этих работах мы тоже не найдем комплексных анализов произведений, теоретического осмысления произведений, изысканий в области поэтики послания; тем не менее, эти работы, равно как и работы отечественных специалистов, навели нас на многие мысли, воплощенные на страницах данного диссертационного исследования.

Все вышесказанное относится и к трудам китайских сиологов⁵: о литературе *Цзяньань* в той или иной форме пишут достаточно, однако работ, содержащих аналитический материал, по-прежнему очень мало. Несомненная заслуга китайских китаеведов заключается в их скрупулезной компилятивной, текстологической и комментаторской работе, без опоры на результаты которой порой невозможно прочитать тот или иной текст. В этой связи мы хотели бы отметить труд Янь Кэцзюня 严可均 «Полное [собрание] текстов эпох *Саньдай*, *Цинь*, *Хань*, *Саньго*, *Лючао*» 【全上古三代秦汉三国六朝文】 (многочратно переиздавался), «Историю литературы Вэй и Цзинь» Сюй Гунчи 徐公持 【魏晋文学史, 1999】, «Стихотворения Цао Цзыцзяня с комментариями» Хуан Цзе 【曹子建诗注, 1957】, «Стихотворения Семи *цзяньаньских* мужей с комментариями» Юй Сяньхао 【建安七子诗笺注, 1988】, «Сборник стихотворений Семи *цзяньаньских* мужей

⁴ См. подробнее Приложение В.

⁵ См. подробнее Приложение В.

с комментариями и переводами» Хань Гэпина 【建安七子诗文集校注译析，1991】， «Собрание сочинений Семи *цзяньаньских* мужей со сверкой и комментариями» У Юня 【建安七子集校注，2005】. Едва ли не единственной в своем роде является монография Чжао Шугуна «История китайской эпистолярной литературы» 【中国尺度文学史，1999】.

Таким образом, хотя отдельные из рассматриваемых нами произведений переводились на русский и другие языки, а в некоторых случаях и комментировались, до сих пор они не становились предметом специального и комплексного изучения. При проведении анализа мы будем опираться на наши собственные подстрочные переводы, отдав при этом дань уважения предшественникам, выполнившим до нас художественные переводы отдельных произведений.

Материал исследования представлен 30 стихотворными посланиями (25 из них – *цзяньаньские*) и 12 прозаическими посланиями.

Стихотворные послания (среди них есть как стихотворения-послания, так и стихотворения-посвящения) включают следующие произведения: «[Шесть] стихотворений о разном. [Стихотворение] первое» “杂诗其一”, «Выражаю стремления» “言志”, «Посылаю Дин И» “赠丁仪” («В начале осени появляется прохлада...»), «Провожая господ Ин» “送应氏”, «Расстаюсь с другом (вместе с предисловием)» “离友（并序）”, «Взамен грядущего несчастья» “当来日大难”, «Мелодии кунхоу» “箜篌引”, «Посылаю Сюй Ганю» “赠徐干”, «Посылаю Дин И» “赠丁翼” («Дорогие гости собрались на башне стены...») Цао Чжи 曹植; «Посвящаю братьям. Три стихотворения» “赠从弟三首”, «Посылаю Сюй Ганю» “赠徐干”, «Вновь посылаю Сюй Ганю» “又赠徐干”, «Посылаю *угуань-чжунланцзяну* [Цао Пи]» “赠五官中郎将” Лю Чжэня 刘桢; «Посылаю Шисунь Вэньши» “赠士孙文始”, «Посылаю Вэнь Шуляну» “赠文叔良”, «Посылаю Цай Цзыду» “赠蔡子笃”. От стихотворений «Посылаю Ян Дэцзу» “赠杨德祖” Ван Цаня 王粲 и «Посылаю *угуань-чжунланцзяну* [Цао Пи]» “赠五官中郎将” Сюй Ганя 徐干 сохранилось только по одной строчке.

Чтобы проследить генезис стихотворного послания в китайской литературе, мы, кроме того, рассматриваем прообраз послания из «Книги песен», или *Шицзина* 诗经 (XI–VI вв. до н.э.) – «Оду Шэньскому князю» “崧高” (III, III, 5), а также сохранившиеся образцы ханьского стихотворного послания (? - II в. до н.э.), которые ранее не переводились на русский язык и не становились предметом изучения в отечественном китаеведении, – «Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна» “崔少府女赠卢充诗” неизвестного автора, «Посылаю супруге» “赠妇诗” и «Оставаясь в родной области, посылаю супруге. Три стихотворения» “留郡赠妇诗（三首）” Цинь Цзя 秦嘉.

Стихотворное послание в том виде, в каком оно сформировалось к III в., делится на две разновидности – любовное и дружеское.

Прозаические послания, иначе говоря, письма, включают следующие произведения: «Письмо Ян Дэцзу» “与杨德祖书”, «Письмо к Сыма Чжунда» “与司马仲达书”, «Письмо У Цзичжуну» “与吴季重书” Цао Чжи 曹植; «Письмо-увещевание, адресованное Пинъюань хоу Чжи» “谏平原侯植书”, «Письмо Линьцзы хоу Цао Чжи» “与临淄侯曹植书”, «Письмо, написанное в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс» “答曹丕借廓落带书” Лю Чжэня 刘桢; «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями» “为刘表谏袁谭书”, «От имени Лю Бяо пишу письмо Юань Шану» “为刘表与袁尚书” Ван Цаня 王粲; «Подмененное письмо [от] Гунсунь Цзая сыну» “更公孙瓒与子书”, «Отвечаю на письмо Чжан Хуна» “答张紘书”, «Письмо к Вэй Вэньди, [написанное] за Цао Хуна» “为曹洪与魏文帝书” Чэнь Линя 陈琳; «Ответное письмо Пан Хуэйгуну» “报庞惠恭书” Ин Чана 应瑒.

Наше исследование не охватывает лишь небольшое число *цзяньаньских* посланий, что, тем не менее, не искажает точность извлеченных выводов, – проанализированных произведений достаточно для того, чтобы дать максимально полное описание и определение жанра в его основе.

Итак, **предмет исследования** – прототип послания из *Шицзина*, стихотворные послания неизвестного автора, Цинь Цзя, Семи *цзяньаньских* мужей и Цао Чжи; прозаические послания Семи *цзяньаньских* мужей и Цао Чжи. **Объект исследования** – послание в двух его формах, стихотворной и прозаической, в китайской литературе рубежа Древности и Средних веков.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы, проанализировав каждое из указанных выше стихотворных и прозаических посланий, выделив в них по ряду параметров черты сходства и различия, определив специфику двух форм жанра послания, стихотворной и прозаической, сделать подробные обобщающие выводы о поэтике жанра послания в китайской литературе рубежа Древности и Средних веков.

Перечень **задач диссертационного исследования** продиктован выбранной темой, собранным для ее раскрытия материалом и поставленной целью:

1. Исследовать ряд произведений доханьского и ханьского времени (прототип послания в «Книге песен», восточноханьские любовные послания), чтобы на основе их подстрочного перевода, подробного комментирования и комплексного анализа выявить особенности генезиса и становления стихотворной формы жанра послания в древнекитайской литературе.

2. Исследовать стихотворные и прозаические послания *Цзяньаньских* мужей и Цао Чжи, чтобы на основе их подстрочного перевода, подробного комментирования и комплексного анализа составить целостное представление о развитии и оформлении жанра послания в китайской литературе на переходе от Древности к Средним векам.
3. Теоретически обосновать правомочность заявленной темы, а именно последовательно разъяснить, почему, зачем и на основании чего стихотворные и прозаические послания рассматриваются в рамках одного исследования как типологически связанные между собой явления.
4. Оперируя понятийным аппаратом, выработанным теорией литературы, обобщить переведенный, прокомментированный, проанализированный материал и сформулировать его жанровое определение.
5. Проводя параллели с посланиями, относящимися к другим литературным традициям, выявить типологические характеристики послания, подчеркнув в то же время самобытность и своеобразие китайской художественной эпистолы. Тот факт, что раннесредневековые китайские послания, обладая своим «национальным» своеобразием, не выпадают из общей канвы развития мировой литературы, должен подтвердить чрезвычайно актуальный для востоковедения тезис о том, что специфика явления не должна приниматься за его отсутствие.
6. Пополнить исследования о послании в других литературах теоретической разработкой, проведенной нами на китайском материале.
7. Углубить понимание жанра послания, чтобы сделанные нами выводы могли способствовать дальнейшему изучению жанра послания в мировой литературе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. К рубежу Древности и Средних веков эпистолярный жанр был представлен в китайской литературе в двух своих жанровых формах – стихотворной и прозаической.
2. Как стихотворные, так и прозаические послания в раннесредневековой китайской литературе (точнее – в *цзяньаньской*) наделены тремя базовыми жанроопределяющими и жанрообразующими признаками, с необходимостью присущими любому посланию, – наличием адресата, коммуникативной ситуации и речи, обращенной к адресату. Помимо этих признаков, стихотворные и прозаические послания также характеризуются рядом интегральных и дифференциальных признаков.

3. Дружеское послание – как стихотворное, так и прозаическое – является наиболее показательным с точки зрения полноты набора жанровых признаков.
4. Ключевой классификатор для стихотворных (в данном случае – лирических) посланий – чувство, выражаемое в стихотворении и пронизывающее его, а для прозаических (в данном случае – риторических) посланий – тема речи письма, т.е. тема, раскрывающаяся в письме, а также установка, реализующаяся в нем. Две формы эпистолярного жанра требуют разных аналитических подходов: основа анализа лирического текста – мотив и тема, а риторического – элементы инвенции, коммуникативные узлы.
5. Раннесредневековые китайские послания обнаруживают немало схожих черт не только с посланиями, написанными в других регионах, но и с посланиями, написанными в другие исторические эпохи, что дает основания говорить о типологии жанра и типологических чертах послания в китайском послании.

Научная новизна заключается в следующем:

1. Заявленная тема до сих пор не становилась предметом изучения как в отечественной синологии, так и в мировой.
2. Большинство рассматриваемых произведений переведено нами на русский язык впервые, и ни одно из них до сих пор комплексно не изучалось.
3. Исследование представляет собой попытку восполнить очевидный на сегодняшний момент пробел – нехватку или даже отсутствие аналитических и теоретических исследований как на тему раннесредневековой китайской литературы, так и на тему жанра послания применительно к китайской литературе, типологии послания с учетом китайской литературы.
4. Выявление и осмысление жанрового своеобразия стихотворных и прозаических посланий в китайской литературе на рубеже Древности и Средних веков.
5. Изыскания в области поэтики цикла стихотворных посланий, риторической природы прозаических посланий, параллели, проводимые в рамках данного исследования с другими литературными традициями, также являются новыми.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается не только в том, что оно вносит вклад в изучение раннесредневековой китайской литературы, *цзяньаньской* эпистолографии, китайской жанрологии и раннесредневековой китайской риторики, но и в том, что оно углубляет и расширяет знания о литературной типологии, что позволит в будущем в определенной степени подкорректировать, уточнить и, как следствие, обогатить представления о развитии мировой литературы и о литературном процессе как таковом.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его материалы могут быть включены в учебники по теории литературы (в частности, в раздел, посвященный жанрам, в главу, отведенную посланию), использованы при чтении общих курсов по истории мировой и китайской литературы, спецкурсов по истории средневековой китайской литературы, учтены при подготовке обобщающих сравнительных исследований.

Структура работы продиктована задачами и целью диссертационного исследования. Диссертация состоит из Введения, Главы I, посвященной рассмотрению стихотворных посланий (разбита на параграфы, пункты параграфов и подпункты параграфов), Главы II, посвященной рассмотрению прозаических посланий (тоже разбита на параграфы, пункты параграфов и подпункты параграфов), Главы III, содержащей выводы о поэтике раннесредневекового китайского послания, Заключения, подводящего итог работе, Библиографии; Приложения А, содержащего оригинальные китайские тексты и наши подстрочные переводы стихотворных посланий, Приложения Б, содержащего оригинальные китайские тексты и наши подстрочные переводы прозаических посланий, Приложения В, подробно освещающего историю изучения китайской литературы рубежа Древности и Средних веков, Приложения Г, в деталях повествующего о жизненном и творческом пути литераторов, сочинения которых анализируются на страницах данного диссертационного исследования.

Базой и опорой диссертационного исследования послужила следующая **литература**: источники на китайском и русском языках (92 наименования) и исследования на китайском, русском, английском, немецком и др. языках (160 наименований).

Источники представлены, главным образом, собраниями прозы и поэзии ⁶ («Собрание [сочинений] Семи *цзяньаньских* мужей» в подборке Юй Шаочу, «Собрание [сочинений] Цао Чжи с комментариями» Чжао Ювэня, «Стихотворения Цао Цзыцзяня с комментариями» Хуан Цзе, «Собрание сочинений Семи *цзяньаньских* мужей со сверкой и комментариями» У Юня, «Собрание поэзии и прозы Семи *цзяньаньских* мужей со сверкой, комментариями...» Хань Гэпина; «Цао Чжи. Фея реки Ло» в пер. Л.Е. Черкасского и т.п.), классическими литературными антологиями (*Ивэнь лэйцзюй* ⁷ Оуян Сюня, *Чжаолин Вэньсюань* Сяо Туна, *Шицзин*, *Юйтай синъюн* Сюй Лина; «Шицзин: Книга песен и гимнов» в пер. А.А. Штукина и т.п.), историческими хрониками (*Саньгочжи* Чэнь Шоу, *Ханьшу* Бань Гу, *Хоуханьшу* Фань Е, *Шицзи* Сыма Цяня, *Шуцзин дацюань*; «Сыма Цянь. Исторические

⁶ И среди источников, и среди исследований мы выделяем самые основные и располагаем их в алфавитном порядке.

⁷ Оригинальные иероглифические названия этих работ, а также переводы этих названий на русский язык приведены в Библиографии.

записки» в пер. Р.В. Вяткина и т.п.), а также отдельными литературными и литературоведческими сочинениями (*Вэньсинь дяолун* Лю Се, *Дяньлунь луньвэнь* Цао Пи, *Тайтин юйлань* Ли Фана, *Шипинь* Чжун Жуна; «Поэтика. Риторика» Аристотеля, «О стиле» Деметрия и т.п.), историческими сочинениями (*Шююань* Лю Сяна, *Шитун* Лю Чжици, *Шишо синьюй* Лю Ицина и т.п.) и философскими сочинениями (*Ицзин*, *Моцзы*, *Мэнцзы*, *Чжуанцзы*; «Никомахова этика» Аристотеля, «О старости. О дружбе. Об обязанностях» Цицерона; Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы» в пер. И.И. Семененко и т.п.).

Исследования, послужившие историко-теоретической, методологической и теоретической основой исследования, представлены преимущественно монографиями, статьями, диссертациями, авторефератами диссертаций, учебниками и проч. по истории мировой литературы («История всемирной литературы» 1984 г. и т.п.), по истории китайской литературы («Древняя китайская поэзия и народная песня [Текст]: Юэфу конца III в. до н.э. – начала III в. н.э.» И.С. Лисевича, «Поэзия Цао Чжи» Л.Е. Черкасского, «Цзяньнаньская литература» Л.Е. Черкасского; «История китайской эпистолярной литературы» Чжао Шугуна, «Постижение одиночества и беседы о литературных сочинениях ученых мужей конца Хань начала Вэй...» Ян Ся и т.п.), по теории литературы («Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» А.Н. Веселовского, «Теоретическая поэтика» Н.Д. Тамарченко, «Теория литературы» В.Е. Хализева, «Теория литературы. Поэтика» Б.В. Томашевского, «Теория фольклора: курс лекций» В.П. Аникина и т.п.), по теории послания («Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст» А.А. Бачинского, «Древнерусское послание XI–XIII веков: поэтика жанра» М.В. Антоновой, «Жанрово-стилистические традиции в лирике М.Ю. Лермонтова (послание, элегия)» А.Ю. Ниловой, «Жанр посланий в творческой практике В.А. Жуковского (1800–1810)» Е.П. Мстиславской, «Жанр послания в русской лирике 1800-х–1810-х годов» П.В. Кузнецова и т.п.), по лирике («Композиция лирических стихотворений» М.Л. Гаспарова, «О лирике» Л.Я. Гинзбург и т.п.), по циклизации («Лирический цикл» Р. Вроона, «Онтологический статус произведения лирики в аспекте его художественной циклизации» М.Н. Дарвина, «Стихотворные циклы в китайской литературе» Е.И. Митькиной, «Циклизация в русской литературе XIX века» Л.Е. Ляпиной, «Циклизация» под ред. Н.Д. Тамарченко; «Die Erforschung des russischen Gedichtzyklus: Gelistetes und Perspektiven» R. Ibler и т.п.), по жанрологии («Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху» У.М. Тодда III, «Поэтика жанров лирики Пушкина 10-ых – начала 20-ых годов» В.А. Геронимуса, «Теория литературных жанров» под ред. Н.Д. Тамарченко и т.п.), по эпистолографии («Античные теории эпистолярного

стиля» Т.А. Миллер, «“Письма к Луцилию” Сенеки-философа» Т.И. Кузнецовой, «Письма Цицерона» М.Е. Грабарь-Пассек; «A History of Chinese Letters and Epistolary Culture» A. Richter, «A Study of the ‘Shu’ (Letters) of the Han Dynasty (206 B.C.–A.D. 220)» E. Chung, «Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China» A. Richter, «Schriftverkehr der Hanzeit» C. Metelmann), по риторике («Возникновение риторики и поэтики в Китае» И.И. Семенов, «Искусство речи на суде» П.С. Пороховщикова, «Курс русской риторики» А.А. Волкова, «О красноречии Мэнцзы» И.И. Семенов, «Ораторское искусство и памятники древнего Китая» Л.Д. Позднеевой, «Периодичность в ритмическом строении древнекитайской философской прозы» И.И. Семенов, «Понятия и логические приемы в образной стилистике Мэнцзы» И.И. Семенов, «Ритм как число у Мэнцзы» И.И. Семенов, «Риторика» Г.Г. Хазагерова, И.Б. Лобанова, «Теория красноречия в «Мэнцзы» И.И. Семенов; «Образцы риторического искусства в древности» Нью Хунъэня и т.п.), по стилистике («Стилистика русского языка: теоретический курс» В.П. Москвина) и т.п.

Методология и методы исследования. При проведении исследования мы опирались на комплексный филологический подход: посредством наблюдения, описания и сравнения, при помощи аналитического и синтетического подходов, на основе применения дедуктивного и индуктивного методов, проведения аналогий, систематизации, которые составили общенаучные методы нашего исследования; с опорой на биографический, культурно-исторический, сравнительно исторический (компаративистский), герменевтический, структурно-описательный и др. частнонаучные методы;

путем задействования отдельных методологических элементов техники пристального чтения, интертекстуального анализа, психологического подхода; на основе проработанной нами общей теоретико-методологической базы, по итогам изучения специализированной синологической литературы и обширной источниковедческой базы мы смогли подойти к решению тех задач, которые нам обеспечили достижение цели, поставленной во главу угла диссертационного исследования.

Степень достоверности исследования определяется тщательным отбором источников и литературы, их скрупулезным изучением, добросовестным использованием полученных сведений в собственных анализах, основывающихся на общепринятых научных методах; обоснованными и четкими промежуточными и итоговыми выводами; доказанными положениями, выносимыми на защиту; многократными обсуждениями текущей работы над диссертацией в ходе заседаний Кафедры китайской филологии ИСАА МГУ, в ходе выступлений на различных конференциях; регулярными публикациями промежуточных результатов исследования в виде тезисов к докладам или статей.

Результаты диссертационного исследования прошли **апробацию** в виде 6 статей (5 из них опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ), 16 докладов на региональных и международных научных конференциях, 9 тезисов к этим докладам, а также в ходе обсуждений текущей работы и ее итоговых результатов на заседаниях Кафедры китайской филологии ИСАА МГУ.

ГЛАВА I. СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ В КИТАЕ НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

1. Вводное теоретическое уточнение

Прежде чем приступить к рассмотрению посланий, необходимо четко обозначить базовые признаки, на основании которых они были выбраны для проведения исследования.

Ряд наиболее общих черт относит все эти произведения к жанру, который в западной поэтике принято определять как послание.

В работе «Теория литературных жанров» указано, что послание – «лирический жанр, имитирующий письмо к реальному или условному, воображаемому, фиктивному адресату» [Теория литературных жанров, 2011, С. 118]⁸. Иными словами, в произведениях, написанных в жанре послания, можно выявить наличие коммуникативной ситуации, адресата, названного или подразумеваемого, а также речь лирического субъекта, обращенную к собеседнику.

2. Возникновение: прототип стихотворного послания – «Ода Шэньскому князю» из *Шицзина*

Зарождение послания 贈 цзэн (дословный перевод – «дар, подарок; дарить») прослеживается еще на стадии складывания *Шицзина*⁹, «подлинной академии поэтического мастерства» [Федоренко, 1987, С. 14], колыбели практически всех тех жанров, которые получат свое дальнейшее становление на более поздних этапах развития китайской литературы.

⁸ Один из вариантов определения жанра послания. В целом эти варианты мало отличаются друг от друга. Единственное, в «Теории литературных жанров» речь идет о стихотворном послании. Далее мы будем доказывать, что три базовых признака послания присущи и посланию прозаическому.

⁹ *Шицзин* 诗经 – «Книга песен».

Стихотворные произведения, входящие в состав *Шицзина*, создавались на протяжении длительного исторического периода – с раннего этапа Западной Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.) до конца *Чуньцю* (VIII–V вв. до н. э.): «в этом смысле *Шицзин* представляет собой своеобразную энциклопедию китайской древности, которая словно впитала в себя все поэтические краски этого мира» [Там же, С. 6]. Таким образом, именно в *Шицзине* стоит искать истоки формирования стихотворной формы жанра послания.

Иероглиф 贈 *цзэн* встречается в пяти песнях из *Шицзина*: “女曰鸡鸣” «Жена сказала» (I, VII, 8) [Шицзин, 1987, С. 76], “溱洧” «В третью луну, праздник сбора орхидей» (I, VII, 21) [Там же, С. 83], “渭阳” «Брата матери я провожаю» (I, XI, 9) [Там же, С. 108], “崧高” «Ода Шэньскому князю» (III, III, 5) [Там же, С. 264], “韩奕” «Ода ханьскому князю» (III, III, 7). Во всех этих песнях, кроме одной, речь идет о даре в виде предметов – «яшмы на пояс» (№ 82), «пионов» (№ 95), «гнедой четверки с большой колесницей» (№ 134), «самоцветов и пояса с прекрасным нефритом» (№ 134), «царской упряжки с большой колесницей» (№ 261). Лишь в одной из них (№ 259) говорится о даре стихотворном: «Шэньскому князю ту песню дарю»; именно эта песнь послужила прообразом для дальнейшего формирования послания *цзэн* в китайской литературе. Очевидно, изначально послание было тесно связано с актом дарения.

«Ода Шэньскому князю», входящая в «Великие оды» (大雅 *Да я*), хотя еще связана с традиционной поэтикой фольклора, уже знаменует собой новый этап в развитии литературы, а именно переход к индивидуальной поэзии (имя творца указано в тексте – это Ццифу¹⁰, один из первых авторов в истории китайской поэзии).

Придворная поэзия, в том числе в рамках песенного фольклорного творчества, определяется как дидактическая, отличается риторичностью, включает в себя как хвалебные, так и обличительные песни [Семененко, 2020, С. 112]; в недрах придворной поэзии зарождается индивидуальная поэзия, в основном пока анонимная, но в некоторых случаях уже содержащая имена авторов, которые зачастую еще не осознавали себя таковыми, – пока это было еще не вполне осознанное авторство, «авторство в себе» [Семененко, 2018 А, С. 210]; именно среди таких песен и возникает прототип послания.

Все восемь стрóf оды призваны восславить Шэньского князя. Восьмая, в отличие от предыдущих семи, является статической, в ней практически отсутствует событийная динамика; именно эта часть и позволяет рассуждать об «Оде...» как о первом стихотворном послании, пусть и в зачаточном виде, в китайской литературе. Восьмая строфа: (1)

¹⁰ Ццифу 吉甫 [尹吉甫 Иньский Ццифу; 名甲 *мин*, т.е. первое имя, – Цзя; 字 (伯) 吉甫 *цзы*, т.е. второе имя, – (Бо) Ццифу]. Советник царя Сюаньвана (827–781 гг. до н. э.) [Шицзин, 1987, С. 336]

Шэньский наш князь трех достоинств радеть: (2) Мягкий, прямой он, для всех благодетель. (3) Он успокоил уделы страны, (4) Славою князя все царства полны. (5) Цифу сложил эту песню о нем, (6) Сложена песня с большим мастерством: (7) Полное звуков согласие творю, (8) Шэньскому князю ту песню дарю.

Первое четверостишие, прославляющее заслуги Шэньского князя, – панегирическая часть: эти строчки являют собой образец хвалебной оды. Строчки 1 и 2¹¹ – мотив восхищения добродетелью князя, а именно его мягкостью, прямою и добротой; стр. 3 – мотив прославления миротворческой деятельности князя; стр. 4 – мотив утверждения славы князя. Эти мотивы связаны посредством нанизывания.

Второе четверостишие, собственно послание (точнее – прототип послания), представлено в дословном переводе И.И. Семененко, более точно отражающем оригинал, чем перевод А.А. Штукина: 吉甫作诵，其诗孔硕。其风肆好，以赠申伯。(1) Цифу составил эту песню, (2) Ее стихи весьма прекрасны, (3) Напев протяжен и красив. (4) Я князю Шэнь ее дарю¹². Второе четверостишие отличается от первого. Оно призвано установить контакт между субъектом и объектом творчества – автором и его адресатом: здесь содержится прямое обращение поэта к Шэньскому князю. В стр. 1¹³ (если в масштабе всей восьмой строфы, то в стр. 5) вводится образ творца песни, в стр. 2 и 3 ей дается высокая оценка, а в стр. 4 воплощен мотив дарения, преподнесения песни как подарка; фактически здесь песнь заявляется автором как послание. В этом стихотворении (назовем восьмую строфу отдельным стихотворением), также объединенном нанизыванием мотивов, наличие адресата, и наличие речи лирического субъекта, обращенной к собеседнику, и слегка наметившиеся контуры коммуникативной ситуации, что позволяет сделать вывод: послание как жанр действительно уходит своими корнями в *Шицзин*, где были заложены основы для его дальнейшего формирования по линии дар – обращение – послание. В *Шицзине* послание пока является небольшой составной частью произведения иного жанра, но пройдет немного времени, и *цзэн* уже выделится в отдельное жанровое образование (уточним: станет жанровой формой).

3. Становление: послание в эпоху Хань¹⁴

¹¹ Далее будут указываться как «стр.».

¹² Цит. по: Лекции И.И. Семененко по китайской литературе.

¹³ И здесь, и далее нумерация строчек была сделана нами для удобства.

¹⁴ При подготовке этой части диссертации была использована публикация автора, в которой отражены основные результаты, положения и выводы этого пункта исследования: Строганова Н.А. Особенности

Стадия становления стихотворного послания в китайской литературе представлена пятью произведениями – двумя отдельными стихотворениями и одним трехчастным стихотворным циклом: это «Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна» неизвестного автора, «Посылаю супруге» Цинь Цзя и «Оставаясь в родной области, посылаю супруге» Цинь Цзя. Все эти произведения были созданы в эпоху Хань, они уже помечены как цзэн 贈, и, в отличие от «Оды Шэньскому князю», прототипа послания, несущего в себе его жанровые признаки лишь в зачаточном виде, уже могут быть названы посланиями без всяких оговорок. Безусловно, послание продолжит развиваться, и на закате Хань, в период *Цзяньань*, оно сформируется как жанр, который продолжит свое существование на протяжении всей дальнейшей истории китайской литературы с чрезвычайным разнообразием тем, мотивов, образов, как жанр универсальный и всеохватный, синтетический и «пограничный», вобравший в себя всю предшествующую традицию и органично встраивающий себя в нее; тем не менее, именно в недрах ханьской литературы (собственно ханьской, не *цзяньаньской*) уже родилось то послание, которое соответствует большинству характеристик посланий более позднего времени – единственное, тематический охват этого послания еще не столь обширен, оно носит более интимный, частный характер. Главное отличие ханьского послания от *цзяньаньского* заключается в том, что первое является любовным или, даже вернее, «семейным», а второе – дружеским.

3.1. Стихотворное послание¹⁵ неизвестного автора

崔少府女赠卢充诗. Цуй шаофу нюй цзэн Лу Чун ши

Дочь шаофу Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна

(1) Гриб *линчжи* по своей природе ярко блестит, (2) Как же он великолепен и роскошен. (3) [Он] переливается красками, (4) Завораживает [своей] непостижимостью. (5) Все лучшее, что в нем есть, еще в полной мере не проявило себя, (6) [А] в середине лета [он уже] засыхает под инеем. (7) Его блеск навсегда угасает во мраке, (8) В этом мире [более] никогда не появится. (9) Чередование двух начал – *инь* и *ян* – невозможно постичь, (10) [А

поэтики первых любовных посланий в китайской литературе // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – М.: Издательство Московского университета, № 1, 2018. – С. 31–39.

¹⁵ Оригинальные тексты стихотворных посланий см. в Приложении А.

без постижения оно] мудрец неверно совершает ритуал. (11) Свидание [наше] коротко, и время разлуки наступает быстро, (12) Мы проникнуты друг к другу почтением. (13) Чем же мне одарить своих родных? (14) Золотой чашей можно воспитать сына. (15) Питаю любовь, но отныне мы не вместе, (16) Разрыв отношений ранит печень и селезенку.

Безымянное стихотворение неизвестного автора. Условное название «Дочь *шаофу* Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна» лишь указывает на обстоятельства, при которых оно было написано. В качестве первоисточника, сохранившего стихотворение, «Полное собрание стихотворений доциньской эпохи, Западной и Восточной Хань» [Чжоу Бингао, 2011, С. 651] указывает «Записки о поисках духов»¹⁶ (*цзюань 16*) Гань Бао.

Собирая в качестве материала фольклорные тексты, Гань Бао не ставил под сомнение их правдивость, ведь свидетелем нескольких невероятных происшествий ему самому довелось быть. Например, мотив посмертного замужества безвременно ушедшей из жизни девушки, лежащий в основе этого стихотворения, перекликается с историей, произошедшей в семье Гань Бао: служанка, к которой благоволил его отец и которая была заживо замурована его ревнивой матерью в склепе, через много лет ожила, и не только ожила, но даже вышла замуж и родила сына [Меньшиков, 1994, С. 18].

Стихотворение, о котором пойдет речь, является вставным элементом в быличке «Лу Чун сочетается браком с покойницей» (XVI, 397) [Меньшиков, 1994, С. 385–391] “*卢充幽婚*” [Гань Бао, 2008, С. 456–462], краткий сюжет которой таков: уроженец Фаньяна Лу Чун, охотясь неподалеку от дома, набрел на некое строение, оказавшееся жилищем *шаофу* (хранителя императорских одежд и драгоценностей) Цуя, который отдал ему в жены свою младшую дочь; после свадебного пиршества Чуну было велено возвратиться домой, где он узнал от своих родных, что Цуй уже покойник, а побывал он только что в его могиле; на четвертый год после этого происшествия Чун вновь увиделся со своей женой, но теперь им было суждено разлучиться навсегда; передав Чуну на воспитание их сына, она обратилась к нему на прощанье со стихотворением. Именно это стихотворение, которым «дочь *шаофу* Цуя одаривает Лу Чуна», мы и рассмотрим. Оно, образец пятисложной поэзии, проникнуто трагическим мироощущением, призвано передать настроение героини, выразить ее чувства. Композиционно оно делится на две части – первую философскую и вторую лирическую. Таким сочинениям, как «Записки о поисках духов», предшествовала философская проза, в

¹⁶ *Соу шэнь цзи* 搜神记 – «Записки о поисках духов» – «всеобъемлющий сборник фантастических рассказов» [Меньшиков, 1994, С. 18], принадлежащий кисти Гань Бао 干宝 (рубеж III–IV вв.). Несмотря на то, что сборник был создан на рубеже III–IV вв., в него вошли извлечения из более ранних источников. К такого рода извлечениям можно причислить и данное стихотворение. Китайские ученые относят его к стихотворениям, созданным до III в.; на наш взгляд, по содержанию и по форме оно может быть отнесено, по крайней мере, к II в., хотя, безусловно, его датировка еще требует дальнейшего изучения.

частности – *Чжуанцзы*, отличительной чертой которого является сочетание философского высказывания с иллюстрирующей его притчей. В этом стихотворении нет ни афоризма, ни притчи, но экстраполяция общего на частное, абстрактного на конкретное – налицо.

Первая, философская, часть представлена стр. 1–10. Образ гриба *линчжи*¹⁷ (стр. 1–4), ключевой для понимания идеи стихотворения, формирует мотив вечности. Стр. 5 и 6 – мотив преждевременного ухода из жизни. За ним, связанным с предшествующим и последующим по принципу нанизывания, следует мотив увядания и забвения (стр. 7 и 8), к которому примыкает мотив непостижимости законов природы (стр. 9). Образ *инь* и *ян* – символ бытия, уходящий своими корнями в древнекитайскую натурфилософию. Стр. 10 – мотив необходимости приоткрыть завесу тайн мироздания. Тема – преходящий характер сущего, обреченность на смерть. В основе темы лежит вечный конфликт, заключающийся в осознании человеком трагического несовершенства бытия.

Вторая, лирическая, часть представлена стр. 11–16. Стр. 11 – связка, соединяющая не только две части стихотворения, но и два его противоположных плана, философский и лирический, объективный и субъективный, универсальный и индивидуальный. Стр. 11 – мотив разлуки, на который нанизывается мотив взаимного уважения (стр. 12). К мотиву стр. 12 примыкает мотив дарения как средства выражения любви (стр. 13–14). Стр. 15 – мотив разлуки любящих людей, а стр. 16 – мотив физических страданий, вызванных разлукой. В отличие от первой части, вторая представляет собой лирический монолог – обращение от первого лица, проникнутое индивидуальным началом. Тема второй части – разлука, тоска, любовь. Вплетаясь в тему первой, она создает целостный тематический узор стихотворения, вырисовывает его идею. Это идея обреченности человека на страдания.

Стихотворение – не столько послание, сколько обращение, которое по общему набору признаков может быть отнесено к тематическому комплексу жанра послания.

3.2. Стихотворные послания Цинь Цзя

О Цинь Цзя 秦嘉¹⁸, второе имя (*цзы*) которого – Шихуэй 士会, нам известно совсем не много. Он был родом из Лунси 陇西 (на территории нынешней провинции Ганьсу); жил

¹⁷ Гриб *линчжи* известен как даосский символ долголетия и бессмертия, упоминаемый, к примеру, в энциклопедическом трактате *Баопуцзы* (буквально – «Мудрец, объемлющий пустоту»), написанном в начале IV в. мыслителем, писателем и алхимиком Гэ Хуном – близким другом Гань Бао.

¹⁸ Здесь и далее подробнее о жизненном и творческом пути литераторов см. в Приложении Г.

и творил в эпоху Восточная Хань; состоял на чиновничьей службе – в частности, во времена правления Хуаньди 桓帝 (годы правления: 146–168 гг.) служил у себя в округе, затем занимал посты *шанцзюаня*¹⁹, *хуанмэньлана*. Умер молодым человеком от болезни.

Женой Цинь Цзя была Сюй Шу 徐淑, о жизни которой нам также известно крайне мало. До наших дней дошел один *цзюань* ее сочинений. Известно, что супруги-литераторы, вынужденные жить в разлуке, обменивались стихотворениями и письмами. Позднее история их любви была возведена в образец супружеской преданности. После смерти Цинь Цзя родные уговаривали Сюй Шу повторно выйти замуж, однако она хранила верность покойному супругу до конца своих дней.

3.2.1. 赠妇诗²⁰. Цзэн фу ши

Посылаю супруге

(1) Тускло светит белое солнце, (2) Лучи его озаряют запад. (3) Куры кудахчут, воробьи щебечут, (4) Стаями летят к беседке. (5) Ярко сияет полная луна, (6) Сверкают созвездия. (7) Морозный иней исполнен печали, (8) Снежинки кружатся, устилают двор. (9) Живу одиноко, (10) Пустынно и тихо в моем жилище. (11) Колышется полог постели, (12) Слабо мерцают свадебные свечи. (13) Тебя уже здесь нет, (14) К чему теперь полог? (15) И не зажжешь ты свечи, (16) К чему теперь они?

Стихотворение «Посылаю супруге» было написано в период правления восточноханьского императора Хуаньди 桓帝 (Лю Чжи 刘志; годы правления: 146–168 гг.). Оно нарушает предшествующую традицию: в нем используется четырехсложная форма, ранее ассоциировавшаяся с торжественностью и официальностью, в чисто лирических целях – для проникновенного выражения тоски по супруге. «Посылаю супруге» – стихотворный подарок, преподнесенный Цинь Цзя своей супруге Сюй Шу. На момент написания стихотворения Цинь Цзя занимал чиновничий пост – представлял отчеты в столицу. В соответствии с ханьским законодательством, в конце каждого года все области отправляли чиновника в столицу, чтобы тот отчитался о текущей ситуации. Однажды, накануне очередного отъезда Цинь Цзя в столицу, Сюй Шу по причине болезни вернулась в родительский дом и супруги не смогли попрощаться. Позже они вступили в переписку, начали одаривать друг друга стихотворными подарками, полными чувства глубокой тоски. Их творчество, нашедшее отражение в этих письмах, – один из ранних образцов

¹⁹ Здесь и далее подробнее о должностях и о титулах литераторов см. в Приложении Г.

²⁰ См. «Полное собрание стихотворений доциньской эпохи, Западной и Восточной Хань» [Чжоу Бингао, 2011, С. 607–608], «[Собрание] стихотворений доциньского периода, Хань, Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий» Лу Циньли [*Хань ши, цзюань б*], «Новые напевы Нефритовой башни» [*цзюань 9*].

проникновения в поэзию такой частной сферы человеческой жизни, как супружеские чувства и взаимоотношения. Скорее всего, вышеописанный эпизод из их жизни и послужил импульсом для создания четырехсложного стихотворения «Посылаю супруге» и пятисложного трехчастного стихотворного цикла «Оставаясь в родной области, посылаю супруге».

Итак, четырехсложное стихотворение «Посылаю супруге». Его главная композиционная особенность и структурная доминанта – восьмичленная параллельная конструкция. Стихотворение, состоящее из 16-ти строчек, симметрично делится на две части: первая рисует картину природы, вторая – картину человеческой жизни; каждое двестишие первой части имеет соответствующую пару во второй; невидимая ось, проходящая после стр. 8, будто бы делит стихотворение на две половины, не только зеркально отражающиеся друг в друге, но и обогащающие наше восприятие каждой из них. Своеобразие композиции заключается в том, что, несмотря на целостность произведения, каждая его часть может рассматриваться как полноценное стихотворение, подлежащее комплексному анализу. Это стихотворение допускает рассмотрение как «на плоскости», так и «в объеме»: в первом случае речь идет о линейном анализе каждой из двух частей, во втором – о рассмотрении каждого двестишия первой части только в связи с соответствующим ему двестишием из второй.

Первая часть. Стр. 1–2, несущие мотив заката жизни, глубоко аллегоричны: под белым солнцем, клонящимся к западу, имеется в виду лирический герой, ощущающий скорое наступление смерти²¹. Стихотворение отмечено обилием редуplikаций, заимствованных из классических произведений: например, «тускло светит» 暖暖 – реминисценция из *Чжуанцзы*, «кудахчут, щебечут» 啾啾 – из «Чуских строф», «ярко сияет» 皎皎, «сверкают» 煌煌 – из *Шицзина*, что свидетельствует о торжественности, печальной тональности. Стр. 3 и 4 – мотивы единения (куры и воробьи собираются в стаи), общего порыва (в унисон «кудахчут, щебечут»), стремления обрести уютный уголок, избавиться от одиночества («стаями летят к беседке»). Стр. 5 и 6 – мотив возлюбленной героя²². Стр. 7 и 8 – мотивы печали и разлуки. Тема – тоска по супруге – формулируется посредством нанизывания мотивов: тоска по бывшему – стремление к соединению – любимая супруга – печаль в разлуке. В этом стихотворении (первом восьмистишии), как и в следующем (втором восьмистишии), отчетливо звучат элегические нотки: здесь наблюдаются

²¹ В соответствии с традиционной китайской коррелятивной системой, «белый» и «запад» знаменуют скорое наступление смерти, солнце *ян* является символом мужского начала в природе, а луна *инь* (стр. 5) – женского.

²² Упоминание луны наряду с солнцем позволяет сделать однозначные выводы относительно трактовки этих образов.

«переживание безвозвратно уходящего времени» [Теория литературных жанров, 2011, С. 111], преобладание типичной «элегической эмоции» [Там же], «противопоставление природного циклического времени индивидуальному» [Там же].

В следующем стихотворении, рисуя картины человеческой жизни, повторяются одни и те же мотивы. Стр. 9 и 10 – квинтэссенция всех последующих мотивов (одиночества, печали, тоски, пустоты, разлуки): стр. 11 – мотив пустоты в доме, стр. 12 – окончания счастливой поры супружеской жизни и разлуки, стр. 13 и 14 – пустоты, стр. 15 и 16 – мотив стр. 12. Здесь наблюдается перекрестная корреляция мотивов (стр. 11 и 13, 14 примыкают одна к другой, их мотивы тождественны друг другу; то же касается и стр. 12 и 15, 16). Здесь проявляются все те же пары параллельных конструкций, а семантическое и логическое соположение пространственно разделенных строчек достигается не только ассоциативно, эмоционально, синтаксически, но и лексически. В этом восьмистишии тема – тоска по супруге – проступает в чередовании и варьировании синонимичных мотивов.

Теперь рассмотрим все стихотворение «в объеме», в единстве двух частей²³. Стр. 1 и 2 поставлены в параллель стр. 9 и 10: эксплицитный образ белого солнца соответствует имплицитному образу лирического героя (типичный для параллельных конструкций прием умолчания – черты одного члена параллели проступают при взаимодействии с другим членом); лексика в стр. 9 и 10 (например, редупликация, соответствующая слову «одинок») уточняет эмоцию в стр. 1 и 2 – одиночество описывается в контексте взаимоотношений с возлюбленной. Рассмотрение стр. 1, 2 в связи со стр. 9, 10 позволяет понять, что думы о смерти навеяны горечью разлуки. Взаимодействие двух членов параллели, образов и мотивов, заключенных в них, рождает промежуточную единицу смысла, идею. Синтез стр. 1, 9 со стр. 2, 10 формирует идею печали, тоски, одиночества, пустоты, вызванных разлукой с женой. Параллелизм может быть не только семантическим – он может строиться на единстве эмоции, сходстве звучания, подобии образности²⁴. Стр. 3 и 4, вступив во взаимодействие со стр. 11 и 12, порождают ассоциативную цепочку, которая завершается такими звеньями, как «дом», «семья», «очаг», что детализирует характер испытываемой тоски, тоски по супруге. Идея здесь та же – одиночество, разлука и пустота. Следующая параллель – 5, 6 и 13, 14 – тоже вносит ясность в образы: «полная луна» – «ты». Идея покоится на контрастном противопоставлении 5, 6 и 13, 14. Это идея разлуки с любимой женой и глубокой тоски по ней. Если говорить о стр. 7, 8 и 15, 16, то здесь, в отличие от

²³ Это поможет глубже понять каждую часть в отдельности, ведь «параллелизм не только сопоставляет два действия, анализируя их взаимно, но и подсказывает одним из них чаяния, опасения, желания, которые простираются и на другое» [Веселовский, 1989, С. 133].

²⁴ Главное – то, что налицо «две параллельные картинки, взаимно поддерживающие друг друга, подсказывающие одна другую» [Там же, С. 127].

рассмотренных пар параллельных двестишій, идею формирует не контраст, а взаимодополняемость мотивов и образов. Речь опять идет об идее печали, разлуки, пустоты.

На макроуровне («объемном», не «плоскостном») стихотворение представляет собой восьмичленную параллельную конструкцию, соединенную четырьмя смысловыми узлами – эмоциями печали, разлуки, пустоты и одиночества. Целостность конструкции достигается за счет семантических и структурных связей между двумя парами двестишій в каждом из четырех случаев. Значения всех мотивов стихотворения сконцентрированы в пределах одного семантического поля, что обеспечивает единство тональности. А тема – тоска по супруге – пронизывает все стихотворение²⁵. Что касается жанровой принадлежности, то это послание, которое благодаря наличию элементов элегии может быть названо элегическим.

3.2.2. 留郡贈婦詩.三首. Лю цзюнь цзэн фу ши. Сань шоу

Оставаясь в родной области, посылаю супруге. Три стихотворения

— . [Стихотворение] первое

(1) Жизнь человека подобна утренней росе, (2) Сколько невзгод выпадает тому, кто пришел в этот мир. (3) Горя обычно приходится хлебнуть [слишком] рано, (4) Радостных встреч обычно приходится ждать [слишком] долго. (5) Несу свою службу и предаюсь воспоминаниям о тебе, (6) Уже прошло немало времени с тех пор, как покинул тебя. (7) Посылаю за тобой экипаж, (8) Он отправляется пустым, таким же пустым и возвращается. (9) Читаю [наши] письма, чувство печали овладевает мною, (10) Вносят яства, но я не могу их есть. (11) Сижу один в пустой зале, (12) Где же та, с которой мы были бы друг другу опорой? (13) Долгой ночью не могу уснуть, (14) Один лежу на подушках, ворочаюсь с боку на бок. (15) Печаль не отпускает меня, (16) [А сердце мое] не циновка, его невозможно [так просто] скатать.

Стихотворения, входящие в состав трехчастного цикла «Оставаясь в родной области, посылаю супруге», – образцы пятисложной поэзии.

Первое стихотворение – ответ Цинь Цзя на стихотворное послание супруги, поэтессы Сюй Шу. В послании Цинь Цзя нашли отражение события из жизни супругов: он отправил за ней экипаж, который по причине ее болезни вернулся назад пустым, лишь доставив ее письмо, что повергло поэта в состояние глубокой тоски по супруге.

Это сочинение – типичный образец лирического стихотворения. Во-первых, здесь наблюдается преобладание статических мотивов, развертывающихся в эмоциональные

²⁵ «Неподвижная тема получает движение в варьировании выражений, вскрывающих тот или иной эмоциональный момент в основной теме» [Томашевский, 1999, С. 151].

ряды; сюжетная составляющая, если и есть, направлена на воспроизведение психологической ситуации. Во-вторых, речь поэта эмоциональна, а эмоциональный фон един для всего стихотворения. В-третьих, «развитие темы идет <...> путем нанизывания на <...> основные мотивы побочных, путем подбора этих вторичных мотивов к одной и той же основной теме» [Там же]. И, наконец, главное: первое стихотворение характеризуется типичной для лирических стихотворений композиционной структурой, где «в первой части дается тема, во второй она или развивается <...>, или оттеняется <...>, третья же часть дает как бы эмоциональное заключение...» [Там же]. Композиционно стихотворение делится на три части: первая – стр. 1–4, вторая – стр. 5–8, третья – стр. 9–16.

Стр. 1 – мотивы кратковременности человеческой жизни, бренности бытия. Стр. 2 – мотив обреченности человека на страдания. Мотивы стр. 3 и 4 – обилие горестей vs. недостаток радостей – противопоставлены друг другу. В первой части стихотворения задается эмоциональная тональность, наблюдается нагнетание эмоции, формулируется тема, а именно тоска по супруге, томление в разлуке. Эта часть, характеризующаяся последовательным нанизыванием статических мотивов, содержит философские размышления. Здесь звучат элегические нотки, выражающиеся в «переживании безвозвратно уходящего времени» [Теория литературных жанров, 2011, С. 111], устойчивом преобладании «элегической эмоции» [Там же], которая «сосредоточена на переживании невозвратности, необратимости движения времени» [Там же].

Вторая часть (стр. 5–8), в отличие от первой, лишенной хронотопа, ориентирована на прошедшее и настоящее. Поскольку она сообщает о реальных событиях, предшествовавших созданию стихотворения, в ней налицо последовательное нанизывание фабульных мотивов. Эта часть служит цели развития темы.

Несмотря на то, что третья часть характеризуется переплетением фабульных и статических мотивов, и те, и другие направлены на выражение эмоции и раскрытие чувства. Эта часть, в отличие от двух предыдущих, ориентирована на настоящее. Между третьей и второй частями, равно как и между второй и первой, очевидно наличие логической связи. Вторая и третья еще связаны по принципу временной последовательности – поменять их местами было бы невозможно. В третьей части содержится определенный набор семантически, стилистически и эмоционально синонимичных друг другу мотивов, каждый из которых «подсвечивает» тот или иной оттенок в основной теме. Стр. 9 вновь отсылает нас к обстоятельствам жизни поэта: когда Цинь Цзя отправил за женой экипаж, вместе с ним он послал ей письмо («Письмо супруге Сюй Шу» “与妻徐淑书”); она не смогла приехать, но написала Цинь Цзя письмо в ответ («Отвечаю на письмо супруга Цинь Цзя» “答夫秦嘉书”). Стр. 9 – мотив печали, тоски, горечи. На него нанизываются все

последующие – мотив внутренней опустошенности, проявляющейся в неприятии пищи (стр. 10), одиночества (стр. 11), разлуки (стр. 12), утраты душевного спокойствия (стр. 13), одиночества, внутренней тревоги (стр. 14), печали (стр. 15 и 16). Концовка стихотворения – эмоциональное заключение в форме сентенции. Стр. 16 содержит аллюзию на *Шицзин*, на песнь вдовы «Кипарисовый челнок» (I, IV, 1) [Шицзин, 1987, С. 51].

Первое стихотворение цикла – элегическое послание. Как элегия оно оказывается особо чувствительным к временным аспектам бытия, а как послание – к пространственным. Здесь два фокуса внимания гармонично дополняют друг друга.

II. [Стихотворение] второе

(1) Император не имеет пристрастия к своим родным, (2) За добро награждает небесным²⁶ жалованьем²⁷. (3) То, от чего мы оба страдали, – (4) Это одиночество в юные годы. (5) [Теперь] мы соединились в браке, (6) [Однако] радость наша горька. (7) [Ныне] ты далеко-далеко, мы пребываем в разлуке, (8) В тоске изливаю то, что у меня на душе. (9) Река широка, [но] не видно ни мостов, ни лодок, (10) Дорога близка, [но] трудна – она пролегает через холмы. (11) Перед отправлением сердце мое пронзает печаль, (12) Повозка посреди дороги останавливается. (13) Плывущие облака устремляются к высоким горам, (14) Завывающий ветер поднимается из глубокого ущелья. (15) Добрые кони не возвращаются²⁸, (16) Легкая повозка не едет²⁹ (остается на месте). (17) Уколы с лекарством можно вводить вновь и вновь, (18) Горестным думам [также] нет счету. (19) Честный муж предан навеки, (20) Можно ли забыть совет да любовь?

Второе стихотворение цикла – лирическое послание, отражающее мысли и чувства поэта накануне его отъезда в столицу. Оно тоже написано в форме пятисложного стиха.

В отличие от первого стихотворения, второе может быть условно разделено не на три, а на четыре части, что обусловлено первыми двумя строчками, которые, как может показаться на первый взгляд, выбиваются из общей логико-семантической канвы произведения. Стр. 1 и 2 напоминают славословие, панегирический зачин – они навевают ассоциации с жанром одической поэзии *фу*, но отнюдь не лирической поэзии *ши*. Смелое композиционное решение, тем не менее, продиктовано конкретной задачей.

Стр. 1 – мотив беспристрастности императора; стр. 2 – его справедливости и щедрости. Эти строчки могут трактоваться и как стремление поэта заверить императора в своей лояльности: несмотря на то, что причиной разлуки супругов послужил приказ

²⁶ Т.е. императорским.

²⁷ Вероятно, здесь имеется в виду должность.

²⁸ Т.е. и не скажут вперед, и не возвращаются назад.

²⁹ Т.е. остается на месте.

немедленно отправиться в столицу, поэт не ропщет на своего государя, а, напротив, воздает хвалу его заслугам. Даже если в семантическом и жанровом отношении стр. 1 и 2 несколько обособлены, то в логическом – отнюдь нет. Композиционное своеобразие в виде стр. 1 и 2 не искажает общую лирическую картину произведения, которая является вполне классической: в первой части (стр. 3–8) формулируется тема, во второй (стр. 9–16) она развивается, в третьей (стр. 17–20) она разрешается в виде эмоционального заключения.

Первая часть – стр. 3–8. Стр. 3 – мотив страданий, стр. 4 – мотив одиночества. При синтезе этих двух мотивов рождается идея, объединяющая стр. 3 и 4, – жизнь вдали друг от друга ничего, кроме одиночества, супругам не сулит. Стр. 5 – мотив брака, стр. 6 – радости, к которой примешивается горечь. Эти мотивы, взаимодействуя друг с другом, тоже формируют идею – идею брака, омраченного разлукой. Здесь впервые формулируется тема – тема разлуки двух супругов. В стр. 7, представляющей собой адресованную речь, выражен мотив разлуки, в стр. 8 – мотив тоски и скорби. Стр. 7 и 8 пребывают в причинно-следственных отношениях и формируют идею томления в разлуке. Хотя эта часть может произвести впечатление фабульной, она таковой не является – если здесь и заключено действие, то оно подчинено развитию чувства и разворачиванию эмоции.

Вторая часть – стр. 9–16. Как и первая, она является псевдофабульной, но, в отличие от первой, рисующей конкретные обстоятельства жизни поэта, она характеризуется преобладанием абстракций в виде иносказаний, навеянных философскими размышлениями поэта. Эта часть отмечена перекрестной микрокомпозиционной структурой: стр. 9 и 10 соотносятся со стр. 13 и 14, а стр. 11 и 12 – со стр. 15 и 16. Стр. 9 и 10, 13 и 14 представляют собой аллегорические рассуждения о жизни и судьбе, а стр. 11 и 12, 15 и 16 – воображаемое отражение предстоящего отъезда, наглядное воплощение переживаний, терзающих поэта. Стр. 9 и 10 – мотив непреодолимости преград, разделяющих супругов, и мотив дороги, трудностей жизненного пути. Стр. 11 – ранее встречавшийся мотив (и поэтому – отчасти лейтмотив стихотворения) тоски, печали, скорби. Стр. 12, вводящая сквозной для всего цикла образ повозки, – мотив нерешительности (поэт не в силах покинуть дом, не попрощавшись с супругой). Чтобы сформулировать мотивы стр. 13 и 14, необходимо разобраться с образами: «плывущие облака» – аллегория «маленького человека», чего-то незначительного, недолговечного, неопределенного; «высокие горы» – аллегория возвышенных устремлений; вариации на тему образа «завывающего ветра в глубоком ущелье» встречаются в поэзии Цао Чжи, где этот образ символизирует опасности и беды. Стр. 13 – мотив стремления к идеалу, жажды встречи, стр. 14 – мотив предчувствия несчастья. Стр. 15 и 16 – идентичные друг другу мотивы сомнения и нерешительности. Мотивы второй части, соединенные по принципу примыкания, нанизывания, детализации,

повторения, причинно-следственной связи, служат цели развития темы – темы тоски и растерянности, вызванных разлукой.

Стр. 17–20 – эмоциональное заключение. Стр. 17 и 18 – мотивы печали, тоски, горечи. К ним примыкают синонимичные мотивы стр. 19 и 20. В стр. 19 выражен мотив супружеской верности и преданности, а в стр. 20, помимо этого мотива, – еще и мотив гармоничной семьи, где царят взаимопонимание и любовь.

Второе стихотворение – послание (все формальные признаки налицо; если быть точнее, то его можно назвать элегическим посланием), отмеченное необычным композиционным решением: начавшись как хвалебная ода, стихотворение продолжается и заканчивается как лирический монолог, скрепленный тремя доминантами (одиночество – сомнение – тоска), которые в своей совокупности формируют тему разлуки.

Ξ. [Стихотворение] третье

(1) Мчится возница, (2) Звенят колокольчики. (3) На рассвете пускаюсь в путь, (4) Облачился в парадные одежды, дожидаясь крика петухов. (5) Окидываю взором пустынные покои, (6) Мне будто видится [твой] силуэт. (7) Глубоко ненавистна мне наша разлука, (8) То стою, то сижу, охваченный смятением. (9) Зачем говорить, что на душе, (10) Если письмо мое столь искренно? (11) Как же [ярко] сверкают украшения на твоей голове, (12) Как же [ясно] отражается их сияние в чистом зеркале! (13) Аромат лишен всяких примесей, (14) Звуки неукрашенной цитры чисты и звонки. (15) Поэт, получив в дар папайю, (16) Желает отблагодарить драгоценностями. (17) Мне неловко, что твои дары столь щедры, (18) Мне стыдно, что мой ответный дар столь скромн. (19) Хотя мне очевидна их неравноценность, (20) Мне важно выразить Вам свои чувства.

Третье стихотворение, как и первые два, – лирическое послание, написанное пятисложным стихом. Как и в первых двух стихотворениях, хронотоп здесь весьма определенный: поэт описывает чувства, бушевавшие у него накануне отъезда. Стр. 1 и 2, содержащие инверсию, рисуют воображаемую картину предстоящего путешествия. В связи с ними важно отметить, что в этом стихотворении, как и в предыдущих, автор чередует временные планы (здесь – настоящего и будущего времени), экзистенциальные (реальное и воображаемое), план конкретики и план абстракции, которые не только не вступают в противоречие, но и, напротив, дополняют друг друга. Мотив стр. 1 и 2 – дорога, путь, путешествие. Этот мотив, в который вплетается мотив ожидания отъезда (план будущего и план настоящего смыкаются здесь в одной точке), находит свое отражение и в стр. 3 и 4. На первые два мотива нанизывается мотив пустоты и тоски (стр. 5 и 6). В стр. 6 впервые вводится образ супруги, к которой поэт непосредственно обращается, тем самым создавая

коммуникативную ситуацию (два других неотъемлемых признака послания тоже наблюдаются в этом стихотворении). На этот мотив (стр. 6) наслаивается синонимичный ей мотив тоски и разлуки (стр. 7). Томление по супруге рождает в сердце поэта растерянность и смятение (стр. 8). Стр. 8 замыкает первую часть стихотворения, тема которой – тоска по супруге. Несмотря на преобладание в стихотворении лирического начала и несмотря на его трехчастную композиционную структуру, в нем не проявляется «типичное построение лирических стихотворений» [Томашевский, 1999, С. 151], о котором шла речь ранее. Первая (стр. 1–8) и третья (стр. 11–20) части могут восприниматься как отдельные стихотворения, а вторая часть (стр. 9–10) в таком случае является плавным переходом, связывающим две части. Подобное членение не разрушает композиционную целостность, поскольку все три части формируют идею, пронизывающую стихотворение и объединяющую его.

Строчки 9 и 10 – переходная часть, которая может быть отнесена как к первой, так и к третьей части стихотворения. Здесь заключен мотив излияния переполняющих поэта чувств, то есть заявлена цель написания стихотворения. В отличие от первой части, которая за счет преобладания псевдофабульных элементов может быть отнесена к плану конкретики, вторая часть, будучи лишенной событийной динамики, характеризуется преобладанием абстрактных рассуждений лирической и философской направленности.

Третья часть открывается четверостишием, содержащим перечисление подарков, которые Цинь Цзя оставил для Сюй Шу перед своим отъездом в столицу (указание на эти подарки находит отражение и в одном из писем поэта своей жене), – это украшения, зеркало, аромат, цитра. В этот поверхностный мотив подарков вплетается и множество глубинных мотивов, обеспечивающих смысловое взаимодействие четверостишия с предшествующими и последующими строчками, а также его встраивание в общую логическую канву произведения: для поэта все, что имеет отношение к супруге, – воплощение совершенства; восхищение супругой; любовь, испытываемая к ней. Стр. 15 и 16 – аллюзия на песнь “木瓜” «Мне ты в подарок принес плод айвы» (I, V, 10) из *Шицзина*, в которой содержатся слова «Мне ты в подарок принес плод айвы ароматный, // Яшмой прекрасною был мой подарок обратный»³⁰ [Шицзин, 1987, С. 65]. Мысль, заключенная в песни, такова: поэт стремится послать возлюбленной более ценный подарок, чем тот, который был им получен от нее, и тем самым выразить свое чувство. Мотив стр. 15 и 16 – глубокое взаимное чувство; традиция, заложенная в *Шицзине*, воспринимает одаривание друг друга подарками как символ привязанности и любви. Этот мотив, как и предыдущий, получает дальнейшее развитие в стр. 17–20. Мотив, воплощенный в них, многослоен, поскольку он формируется

³⁰ “投我以木瓜，投之以琼琚”

наслаиванием друг на друга разнообразных мотивов: все, что связано с супругой, представляет для поэта ценность; подарки, которые он посылает ей, не стоят и малой части той любви, которой она одаривает его; мотив самоуничтожения; мотив возвеличивания супруги; мотив изливания чувств; мотив любви. Третья часть, как и первая, может быть воспринята как отдельное стихотворение. Она несет в себе тему любви, раскрывающуюся в аллегориях, символах и аллюзиях. Именно эта тема и является определяющей для всего стихотворения. Безусловно, в разных его частях краски этой темы переливаются разными оттенками: разлука с возлюбленной (1-я часть), тоска и томление по ней (1-я), стремление выразить свое чувство (2-я). Именно в третьей части, несущей основную смысловую нагрузку, формулируется магистральная тема этого послания и цикла в целом – тема любви.

4. Развитие и оформление: стихотворное послание на закате Хань – в период *Цзяньань*

4.1. О «литературном» периоде *Цзяньань*

Если под «историческим» периодом *Цзяньань* 建安 принято понимать годы, соответствующие 5-му девизу правления ханьского Сяньди 汉献帝 (196–220 гг.), то под «литературным» подразумевается временной отрезок, охватывающий годы жизни Семи *цзяньаньских* мужей 建安七子 (153–218 гг.). «Литературный» *Цзяньань* длился 60 с лишним лет, и этот период совпал по времени со смутой, в которую погрузилась империя в последние годы правления династии Хань. [См. подробнее: Юй Шаочу, 2017, С. 1]

Во второй половине II в., первых десятилетиях I в. до н. э. (эпоха Хань, период правления императора Уди 武帝) Китай представлял собой одно из самых могущественных, населенных и богатых государств не только Восточной Азии, но и всего мира. Однако постепенно мощь Ханьской империи стала ослабевать.

После восшествия на престол ханьского Хуаньди 汉桓帝 (146 г. н.э.) евнухи и родственники императора по материнской линии вступили друг с другом в борьбу за власть: то одни, то другие попеременно одерживали верх, империя постепенно погружалась в хаос, а бремя невзгод ложилось, в первую очередь, на плечи простого народа. Вследствие этого на 1-й г. периода правления Чжунпин 中平 императора Линди 汉灵帝 вспыхнуло восстание «желтых повязок» (184 г.), за которым последовал двадцатилетний период междоусобицы,

отмеченный борьбой влиятельных землевладельцев за власть. Среди них особо выделялся Цао Цао. Именно он на 1-й г. *Цзяньань* (196 г.) призвал ханьского Сяньди (последнего императора Восточной Хань) перебраться в Сюйчан 许昌; отстранив Сяньди от власти, Цао Цао принялся самолично отдавать приказы удельным князьям и, наконец, взял управление государством под свой контроль. Придя к власти, он навел порядок в военной, политической, экономической сферах, подчинил себе мелких и крупных землевладельцев, хозяйничавших в отдельных районах, и, в конце концов, к 25 г. *Цзяньань* (220 г.) объединил север. Теперь уже 3 царства, Вэй 魏国, Шу 蜀国 и У 吴国, перешли к противостоянию между собой – начался период Троецарствия 三国. [См. подробнее: Меликсетов, 2002, С. 138–147, 148–151; Юй Шаочу, 2017, С. 1–2; Литература Востока в Средние века, С. 1970, С. 31–32]

Все Семеро мужей испытали на себе тяготы смутного времени. Несмотря на то, что ранние годы жизни у них складывались по-разному, все они, начиная с 1 г. *Цзяньань*, стали один за другим вступать в ряды сторонников Цао Цао (за исключением Кун Жуна, не одобрявшего действий Цао Цао и в итоге поплатившегося за это жизнью), который вместе с Цао Пи и Цао Чжи, двумя своими сыновьями, оказывал им всяческую поддержку и покровительство.

Благодаря любви Цао Цао и его сыновей к изящной словесности, а также их покровительству художникам слова, вокруг них собирались литераторы, творчеством которых и был ознаменован небывалый подъем в литературе на рубеже двух эпох, Ханьской (если быть точнее, восточноханьской) и Троецарствия, иными словами – на закате китайской Древности и заре Средневековья. Отдельно отметим, что в отечественном китаеведении этот период принято считать переходным – в частности, Л.Е. Черкасский подчеркивает, что литература этого периода характеризуется теми процессами, которые изменили в конечном итоге облик китайской литературы, ознаменовав ее вступление в полосу Средневековья [См. подробнее: Черкасский, 1969, С. 260]; в китайской же науке он обозначается как 中古 *чжунгу*, т.е. как средняя древность [временной отрезок от Ханьской до Сунской эпох; см. подробнее: У Юнь, 2005, С. 252].

За исключением Кун Жуна, все Семеро мужей были членами так называемой ечэнской группы литераторов (названной так по городу Ечэну)³¹, которым покровительствовал Цао Цао.

³¹ О «Поэзии в городе Ечэн» см. подробнее: [Черкасский, 1963, С. 12–16].

Сама *цзяньаньская* литература, в становлении которой ечэнский кружок сыграл далеко не последнюю роль, стала во многом плодом совместных усилий Мужей, отца и братьев Цао.

4.2. Стихотворные послания Цао Чжи

Цао Чжи 曹植 (192–232 гг.) – он же Цзыцзянь 子建 – он же Чэнь Сыван 陈思王 – был сыном Цао Цао 曹操, видного полководца, государственного деятеля и литератора, и младшим братом Цао Пи 曹丕, прославившегося тем же, чем и отец. Уже в юном возрасте Цао Чжи стал проявлять тягу и способности к литературному творчеству. В 20 лет он получил свое первое назначение – был отправлен удельным князем в уезд Пинъюань. За первым назначением последовали и другие. Тем временем отец начал подумывать о том, чтобы провозгласить своим наследником именно Цао Чжи, а не Цао Пи. Вокруг первого и второго стали собираться сторонники. В итоге выбор отца пал на старшего сына, и причиной тому не в последнюю очередь стали проступок младшего (ослушавшись отца, он проехал по дороге, предназначавшейся только для императора, и проследовал через *Сымамэнь*, ворота военачальника) и козни против него старшего. Восшествие Цао Пи на престол не сулило ничего доброго как окружению Цао Чжи, так и ему самому: многие из его друзей были казнены, сам же Цао Чжи получал одно назначение за другим – брат намеренно не позволял ему подолгу засиживаться на одном месте. Цао Чжи скончался в возрасте 41 года, был скромно похоронен. В историю китайской литературы Цао Чжи вошел как один из самых выдающихся, если не самый выдающийся, литераторов рубежа Древности и Средних веков, как друг и покровитель Семи *цзяньаньских* мужей.

4.2.1. 杂诗六首. 其一³². *Цзаши люшоу. Ци и*

Шесть стихотворений о разном. Стихотворение первое³³

(1) На высокой башне много печального ветра, (2) Утреннее солнце освещает Бэйлинь, (3) Этот человек на расстоянии десяти тысяч *ли*, (4) Реки и озера далеки и глубоки. (5) Как может добраться даже большая лодка? (6) Поэтому мысли о разлуке тяжело выносить. (7) Одинокий дикий гусь летит на юг, (8) Пролетает над домом с долгим, печальным вздохом.

³² Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 306–307], [Хуан Цзе, 1973, С. 10–11].

³³ Далее по ключевому образу – «Дикий гусь».

(9) Неотступно думаю с восхищением о далеком человеке, (10) Желая послать оставленную мелодию (т.е. весточку – *Н.С.*). (11) Тень от птицы не стала видна, (12) Ее полет ранит мое сердце.

Композиционно стихотворение «Дикий гусь» делится на три части – введение темы³⁴, развитие темы и эмоциональное заключение. Раскрытию темы способствуют мотивы – именно они, будучи мельчайшими единицами смысла стихотворного текста, вводят тему, развивают ее, а также формируют в своей совокупности лирический сюжет.

Весь текст пронизан символами и метафорами, составляющими целостный символично-метафорический ряд. Образ высокой башни – символ столицы; образ печального ветра³⁵ – намек на приказ Цао Пи, а также беду, т.е. разлуку. Образ утреннего холодного солнца – символ государя. Этот символ основан на приеме параллелизма. Образ Бэйлиня, Северного леса, отсылает нас к песне «Тоска по мужу» 晨风 (I, XI, 7) из *Шицзина*³⁶. Первый мотив (стр. 1 и 2) можно сформулировать как приказ Цао Пи, обрекающий близких людей – по одной из версий, Цао Чжи и Цао Бяо, братьев-друзей – на разлуку³⁷. Здесь вводится тема стихотворения – разлука.

³⁴ В лирических стихотворениях непременно присутствует тема: «для того, чтобы словесная конструкция представляла единое произведение, в нем должна быть объединяющая тема, раскрывающаяся на протяжении произведения» [Томашевский, 1999, С. 117].

³⁵ Образ печального ветра навеивает ассоциации с песней «Северный ветер» 北风 (I, III, 16) из *Шицзина* (перевод песни см: [Шицзин, 1987, С. 48–49]), само название которой может трактоваться как символическое. По традиционной китайской коррелятивной системе, системе ассоциаций и соответствий, север ассоциируется с зимой и, следовательно, со смертью, которая, в свою очередь, несет горе и скорбь. Неслучайно в песни в параллель к северному ветру ставится беда.

³⁶ Перевод песни см: [Шицзин, 1987, С. 108].

³⁷ Поскольку *цзяньваньские* стихотворные послания в своей основе – дружеские, необходимо разобраться в том, как дружба осмыслялась в традиционной китайской культуре. По мнению Конфуция, дружба и «человечность» *жэнь* 仁 неразрывно связаны друг с другом [Семененко, 2011, С. 118], друзья должны быть равны, причем не социально, а духовно [Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 60], должны быть искренни друг с другом [Там же, С. 59]. По убеждению Мэнцзы, дружба – средство реализации нравственных потребностей [Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си, 2016, С. 592], правитель, не гнушающийся дружеским общением с подданным, – образец для подражания [Там же]. Если Конфуций подчеркивает необходимость быть разборчивым при выборе друзей [Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 154], то Мэнцзы, развивая эту мысль, напрямую указывает на то, что желающий обрести добродетельного друга должен сам преисполниться добродетели [Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си, 2016, С. 325]. В конфуцианском учении дружба изначально мыслилась как одна из добродетелей [Семененко, 2011, С. 118]. Взгляды Конфуция и Мэнцзы на этот вопрос дополняют друг друга и формируют тот комплекс представлений о дружбе, который был воспринят в качестве этической платформы последующими поколениями [Там же]. Эти взгляды во многом обусловили отношение Цао Чжи, Лю Чжэня, Ван Цаня и Сюй Ганя к дружбе, нашедшее отражение в их стихотворных дружеских посланиях. Стоит отметить, что конфуцианские представления о дружбе схожи с античными, о чем можно судить по диалогу Цицерона «О дружбе» [Марк Туллий Цицерон, 1975], а также по трактату Аристотеля «Никомахова этика» [Аристотель, 1983]. Цицерон, равно как и Конфуций, и Мэнцзы, рассуждал о «совершенной дружбе»: друзья должны быть равны в стремлении следовать нравственному идеалу [Марк Туллий Цицерон, 1975, С. 44], должны избегать притворства [Там же, С. 48]. Аристотель подходит к вопросу несколько иначе [Семененко, 2011, С. 119]: рассуждает о разновидностях дружеских отношений [Аристотель, 1983, С. 252–254], задается вопросом, к кому стоит питать дружеские чувства – к кому-либо другому или к самому себе [Там же, С. 256–259], рассуждает о том, сколько человеку нужно друзей [Там же, С. 262–263], и т.п.; Аристотель не сомневается в том, что совместное пребывание друзей – одно из основных условий дружбы [Там же, С. 265–266].

За образом человека, находящегося на расстоянии десяти тысяч *ли*, вероятно, скрывается фигура Цао Бяо 曹彪, брата поэта. Известно, что Цао Пи всеми силами пытался разлучить двух братьев – Цао Чжи и Цао Бяо. Второй мотив (стр. 3 и 4) – отсутствие возможности для близких людей встретиться³⁸ – уточняет тему.

За первыми двумя мотивами следует эмоциональная реакция (стр. 5 и 6), третий мотив, –Цао Чжи впервые напрямую заявляет о своих переживаниях.

За эмоциональной реакцией следует четвертый мотив, развивающий тему, – необходимость общения хотя бы через письмо (стр. 7 и 8). Здесь вводится образ, ключевой для понимания всего стихотворения, – образ гуся³⁹. Традиционно гусь символизирует письмо.

В стр. 9 и 10 наблюдается пространственно-эмоциональная конкретизация предыдущего мотива, образующая пятый мотив. Налицо параллельная конструкция: гусь ставится в параллель весточке и, соответственно, самому стихотворению, которое воспринимается как послание.

Строчки 11 и 12, представляющие собой заключение в виде субъективно-эмоциональной реакции на невозможность письменного общения (субъективной, поскольку используется местоимение «я»), формируют шестой мотив и замыкают стихотворение.

Композиция стихотворения «Дикий гусь» не подразумевает событийной динамики: тема остается неподвижной, она формируется последовательностью мотивов, образов и ассоциаций.

4.2.2. 言志⁴⁰. *Янь чжи*

Выражаю стремления

(1) Благовещие облака в [наше] время еще не поднялись, (2) Дракон в облаках, ныряя, становится рыбой. (3) Чудесный феникс *луань* утрачивает своих спутников, (4) Возвращается в жилище ласточек и воробьев.

³⁸ Как древними китайцами, так и древними греками совместное пребывание друзей мыслилось как одно из основных условий дружбы (см. предыдущее прим.) – расставание было равносильно беде. Эти взгляды, очевидно, разделял и Цао Чжи.

³⁹ Этот образ встречается уже в *Шицзине*. Стоит отметить, что образы, отсылающие нас к *Шицзину*, в большей степени связаны с «Книгой песен» в целом, с ее общим контекстом, нежели с содержанием какой-либо конкретной песни, – этими образами отмечаются высокий стиль и печальная тональность.

⁴⁰ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 652], [Хуан Цзе, 1973, С. 10–11].

В «Выражаю стремления» «развитие темы идет не путем смены основных мотивов, а путем нанизывания на эти основные мотивы побочных, путем подбора этих вторичных мотивов к одной и той же основной теме» [Томашевский, 1999, С. 151].

Образ благовещих облаков – символ благоприятных событий. Этот символ уточняют соседние мотивы и образы: под благовещими облаками подразумевается скорая встреча друзей. Первый мотив (стр. 1) – как для благовещих облаков не пришло время подняться, так и для друзей не наступила пора увидеться.

Образ дракона в облаках тоже является символом. Дракон, водное существо, достигая облаков, оказывается в родной стихии. Дракон ставится в параллель человеку, а облака – привычной для него среде. Образ дракона в облаках может быть воспринят как символ дружеской встречи. Однако в свете того, что дракон «ныряет»⁴¹, этот символ может быть трактован иначе – как аллегория удаления существа от внешней неблагоприятной среды. Второй мотив (стр. 2) – дракон в облаках, т.е. достойный человек, заслуживает иметь друзей под стать себе, но он, тем не менее, лишен такой возможности⁴². Неприятие действительности объясняется тем, что время для встречи с людьми, близкими по духу, еще не наступило.

Связь между первыми двумя мотивами – «изменение подробности» [Гаспаров, 2011, С. 165]: второй мотив конкретизирует состояние лирического героя (нежелание мириться с положением дел) в период ожидания им перемен. Третий мотив (стр. 3) – утрата достойным человеком своих друзей – подтверждает и поясняет второй. Он связан с обстоятельствами жизни Цао Чжи: сохранилось немало сведений о том, как старший брат мучил поэта, изолируя его от близких людей, подчас запрещая ему даже справляться о здоровье родных⁴³.

Четвертый мотив (стр. 4) – благородный человек находится среди тех, кого не может считать своими друзьями,⁴⁴ – уточняет второй и третий. Ключевым в (4) является образ ласточек и воробьев, реминисценция образов цикады и горлицы, перепелки на болоте, выведенных в *Чжуанцзы* [Чжуанцзы, 2013, С. 14–15]. Все эти образы олицетворяют тех, кто стремится лишь к богатству и славе. В элегии *Лисао* «ласточки, воробьи, вороны и

⁴¹ Образ ныряющего дракона – 龙潜 – заимствован из *Ицзина*, из комментариев к первой гексаграмме «творчество», а именно из комментария к первой черте этой гексаграммы: 潜龙勿用, 阳气潜藏。(易·乾) (Перевод А.Е. Лукьянова: «Нырнувший дракон. – Не действуй» – ян находится внизу) [И Цзин, 2005, С. 54]).

⁴² Этот мотив – достойному человеку подобает иметь в друзьях только себе подобных – перекликается с мыслями Конфуция, Мэнцзы и Цицерона о необходимости равенства друзей, а также с мыслью Конфуция о необходимости быть разборчивым при выборе друзей.

⁴³ См., к примеру, в [Черкасский, 1963, С. 33].

⁴⁴ Здесь вновь подтверждается истинность ранее высказанного положения: Цао Чжи, как и Конфуций, был убежден, что другом исполненного добродетели человека может быть только тот, кто сам не менее добродетелен.

сороки» тоже противопоставляются фениксу [Цюй Юань, 2000, С. 65], а в «Выражаю стремления» Цао Чжи с ней может быть прямая перекличка.

Тема, остающаяся неподвижной на протяжении всего стихотворения, – одиночество, причем как физическое, так и духовное. Развитие темы идет путем уточнения каждым последующим мотивом предыдущего. А мотивы здесь призваны не иллюстрировать событийную динамику, а служить эмоциональному разворачиванию темы.

«Выражаю стремления» не является посланием в собственном смысле слова. Тем не менее, хотя в нем и отсутствует конкретный адресат, в нем присутствует невысказанное обращение к неназванным друзьям.

4.2.3. 贈丁儀⁴⁵. Цзэн Дин И

Посылаю Дин И⁴⁶

(1) В начале осени появляется прохлада, (2) Деревья во дворе постепенно увядают и роняют листья. (3) Замерзший иней лежит на нефритовых ступенях, (4) Чистый ветер дует между крылатыми переходами дворца. (5) Утренние облака не возвращаются к горам, (6) Затяжные дожди образуют реки и озера. (7) Просо брошено в полях, (8) Как убрать урожай крестьянам? (9) Среди знатных многие забыли о хунородных, (10) Кто способен на щедрость в благодеянии? (11) Лисьей белой [шубы] достаточно, чтобы встретить зиму, (12) Как вспомнить не имеющих одежду путников? (13) Думаю с уважением о Янь Линцзы, (14) Ему не было жалко драгоценного меча. (15) Ты же успокой свое сердце, (16) Долгом перед родными и друзьями я не пренебрегаю.

Общий эмоциональный фон стихотворения задается в стр. 1. Образы осени и пролады могут быть осмыслены с точки зрения традиционной китайской коррелятивной системы: прохладная осенняя погода знаменует скорое наступление зимы, которая, в свою очередь, ассоциируется со страданиями и смертью. В стр. 2 образ деревьев, увядающих и роняющих листья, может быть воспринят как намек на человека, теряющего друзей. Таким

⁴⁵ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 155–156], [Хуан Цзе, 1973, С. 31–32].

⁴⁶ Адресат, названный в заглавии, – Дин И, один из братьев Дин, близких друзей Цао Чжи. Чтобы избежать путаницы, отметим, что, хотя имена двух братьев Дин звучат одинаково, на письме они обозначаются разными иероглифами: 丁儀 – имя старшего брата, 丁翼 – имя младшего. Кроме того, братьев можно различать и по вторым именам: у 丁儀 второе имя – Чжэнли 正礼, а у 丁翼 – Цзинли 敬礼. Это стихотворение посвящено старшему из братьев, т.е. 丁儀. Однако у Цао Чжи есть и стихотворение, адресованное младшему брату, – тоже «Посылаю Дин И» “贈丁翼”. В переводе Л.Е. Черкасского оно известно под названием «Вновь посвящаю Дин И» – см., к примеру, [Цао Чжи. Фея реки Ло, 2000, С. 99–100]. Как мы видим, слова «вновь» в оригинале нет. К сожалению, как в своих переводах стихотворений Цао Чжи, так и в изложении биографии Цао Чжи Л.Е. Черкасский никак не различает двух братьев.

образом, первый мотив (стр. 1 и 2) – предчувствие беды, т.е. вынужденной разлуки с близкими людьми⁴⁷.

Образы нефритовых ступеней и крылатых переходов – метонимии императорского дворца, а образы сгустившегося инея⁴⁸ и чистого прохладного ветра – аллегии добродетели. Иней и ветер, соприкасаясь с частями дворца, пребывают в единении с дворцом, с императором – власть, по мнению поэта, должна быть преисполнена высоких нравственных идеалов. Второй мотив (стр. 3 и 4) – мотив справедливой и добродетельной власти.

Образ утренних облаков отсылает нас к образу Утренней тучки, или Феи из оды Сун Юя «Горы высокие Тан» [Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева, 1959, С. 50], а также к тому эпизоду из жизни Дин И, когда Цао Цао захотел выдать за него свою дочь, однако Цао Пи, невлюбивший его, воспрепятствовал свадьбе [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 22]: как Утренняя тучка не возвращается к государю, так и женитьба Дин И на принцессе состояться не может. Вместе с тем нельзя отрицать и прямую коннотацию образа: облака не возвращаются к горам, и продолжают лить дожди. Образ затяжных дождей, образующих реки и озера, может быть трактован как намек на государевы милости, которые также влекут за собой несчастья. Здесь возникает парадокс, вызванный многозначностью символики стихотворения. Одна сторона символических значений положительная: она отсылает нас к той гипотетической ситуации, при которой на престол взойдет бы достойный государь (намек на возможность прихода к власти Цао Чжи), – образы прохлады, сгустившегося инея, чистого прохладного ветра, утренних облаков, затяжных дождей говорят о чистоте и возвышенности помыслов. Другая грань этих образов является отрицательной: она была отмечена нами при осмыслении природных образов с точки зрения коррелятивной системы – она проявляется в образах утренних облаков, затяжных дождей, рек и озер (если бы на престоле восседал достойный правитель, то затяжные дожди, реки и озера были бы благом, а в реальности, по причине восшествия на престол Цао Пи, они несут зло, т.е. затопление полей и голод). Третий мотив (стр. 5 и 6) – несправедная власть, действия которой навлекают несчастья на простой народ. Подобная трактовка третьего мотива подтверждается второй частью стихотворения (стр. 7–12).

⁴⁷ Понимание разлуки как беды отсылает нас к древнекитайским и античным представлениям о том, что совместное пребывание друзей – одно из важнейших условий дружбы.

⁴⁸ Для целостного понимания образа сгустившегося инея необходимо обратиться к элегии Цюй Юаня «Злой вихрь»: «Вдыхаю прохладные испарения чистой росы, полощу рот обильно выпавшим, сгустившимся инеем». См. в [Чуские строфы в полном переводе, 1984, С. 116; ср.: Цюй Юань, 2000, С. 108]. У Цюй Юаня «вихрь жестокий, злобно качающий травы» является символом клеветы, а «обильно выпавший, сгустившийся иней», контрастирующий с вихрем, символизирует добродетели, к которым стремится прикоснуться поэт.

Четвертый мотив (стр. 7 и 8) – тяжелая крестьянская доля. Пятый мотив (стр. 9–12), разъясняющий четвертый, – равнодушие знати к простолюдинам. Под худородными могут пониматься не только неродовитые, но также и неугодные, то есть Цао Чжи и Дин И. Вторая часть, описывающая тяготы жизни простых людей, вызванные равнодушием и презрением со стороны правящего сословия, уточняет коннотацию образов и мотивов, заключенных в первой части: образ деревьев, увядающих и роняющих листья, приобретает дополнительную семантическую окраску – если правитель порочен, то чахнет все живое вокруг; образы, содержащиеся в стр. 3 и 4, рисуют идеальную картину, которая, как становится ясно из второй части, имеет мало общего с реальной; образ затяжных дождей (стр. 6) окрашивается в сугубо отрицательные тона – реки и озера затопят посевы, что повлечет за собой голод.

Строчки 13–16 составляют третью часть стихотворения. В последних двух строчках налицо и коммуникативная ситуация, и адресованная речь лирического субъекта, обращенная к собеседнику. Упомянув Янь Линцзы⁴⁹, символ верности и постоянства, Цао Чжи заверяет Дин И в своей преданности. Мотив преданности друзьям наполняет смыслом третью часть стихотворения, которая контрастирует со второй: в отличие от правителя, забывшего подданных, поэт не пренебрегает своими друзьями⁵⁰. Этот мотив становится основной темой стихотворения, в котором также присутствует и побочная тема, тема несправедливой власти, причиняющей страдания как отдельным людям, так и всему народу. Обе темы не вступают в противоречие друг с другом – напротив, их синтез формирует смысл всего стихотворения, который можно определить как манифест дружбы: несмотря на все жизненные обстоятельства, любовь к другу жива в сердце поэта.

4.2.4. 送应氏. 二首⁵¹. Сун Ин ши. Ар шоу

Провожая господ Ин⁵². Два стихотворения

⁴⁹ Л.Е. Черкасский в комментарии к переводу этого стихотворения дает следующие пояснения: «Некто Янь Лин-цзы из княжества У отправился в Цзинь (эпоха Чунью, VIII–V вв. до н. э.). По дороге он остановился в княжестве Сюй, правителю которого очень понравился его драгоценный меч, и Янь Лин-цзы решил на обратном пути подарить меч правителю. Но, когда он вернулся, правитель уже умер. Тогда Янь Лин-цзы повесил свой меч на дереве, что росло у могилы покойного» [Цао Чжи. Фея реки Ло. 2000, С. 150].

⁵⁰ По мнению Конфуция, дружба – инструмент, позволяющий актуализировать заложенную в человеке добродетель. Эти же мысли мы находим и у Цао Чжи: именно в дружбе у человека появляется возможность проявить свою преданность.

⁵¹ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 3–6], [Хуан Цзе, 1973, С. 7–16].

⁵² Адресаты стихотворения – братья Ин, старшего из которых звали Ин Чан 应场, а младшего – Ин Цюй 应璩. Оба брата были близкими друзьями Цао Чжи. Ин Чан был к тому же одним из Семи цзяньнаньских мужей.

(1) Пешком поднимаюсь по склону горы Бэйман, (2) Издали смотрю на Лоян в горах⁵³. (3) Почему в Лояне безмолвно? (4) Дворцы полностью сожжены. (5) Все стены разрушены, (6) Колючие кустарники поднимаются до небес. (7) Не видно прежних стариков, (8) Лишь вижу недавно появившуюся молодежь. (9) Ступаю по [земле] и не [нахожу] дороги, (10) Зброшенные поля не становятся снова пашнями. (11) Странник долго не возвращался, (12) Не узнает тропинки и межи. (13) Почему пустынно среди диких полей? (14) На тысячи ли нет дымка от человеческих жилищ. (15) Вспомнил дом, где всю жизнь прожил, (16) Дух перехватило, и не могу говорить.

(1) Чистое (спокойное – *Н.С.*) время трудно обрeтать часто, (2) Счастливые встречи не могут происходить постоянно. (3) У неба и земли нет конца, предела, (4) А жизнь человека, как утренний иней. (5) Желаю, чтобы можно было продлить прекрасное [мгновение], (6) Мои друзья отправляются на север. (7) Самые близкие собираются вместе, чтобы их проводить, (8) Ставят вино здесь, в Хэяне. (9) Разве среди угощений одни только непритязательные? (10) Гости пьют, но не осушают чары до дна. (11) При сильной любви надежды особенно глубоки, (12) Разве в сердце не испытываю стыда? (13) Горы, реки встают препятствием, и далеко расстояние, (14) Разлука скоро, а дня встречи не будет долго. (15) Желаю стать птицей *биш*, (16) Расправить крылья, подняться и парить в вышине.

Заглавие «Провожая господ Ин», во-первых, содержит глагол 送, который, помимо значения «проводить», также имеет значения «посылать», «дарить», «преподносить», во-вторых, включает в себе именование адресата, подразумевающее дальнейшее раскрытие коммуникативной ситуации. Само заглавие указывает на то, что перед нами – послание.

«Провожая господ Ин» – цикл из двух стихотворений.

Стр. 1 и 2 – экспозиция. За ней следует вопрос, который лирический герой задает сам себе (стр. 3). В последующих строчках разворачивается дескрипция⁵⁴: лирический герой дает ответ на свой вопрос, живописуя картину, открывающуюся его взору. Здесь описывается местность, поэтому мы имеем дело с такой разновидностью дескрипции, как топография.

Первый мотив (стр. 4–6) – разруха, запустение. Второй мотив (стр. 7 и 8) – отмирание старого и зарождение нового («старика» и «молодежь» – аллегории). Третий мотив (стр. 9 и 10) – запустение и смерть, ибо земля, не дающая урожая, олицетворяет смерть. Четвертый

⁵³ Скорее всего, стихотворение было написано не на 16 г. *Цзяньань*, когда Цао Чжи сопровождал Цао Цао в военном походе на запад, а до 16 г. *Цзяньань*, т.е. до 212 г., – в ту пору, когда Цао Чжи находился в Лояне, а Ин Чан должен был вот-вот направиться на север [Чжао Ювэнь, 2018, С. 6].

⁵⁴ «Дескрипцией (лат. *descriptio* ‘изображение, описание’) именуется фигура образительной речи, состоящую в “описании предметов через перечисление чувственно воспринимаемых деталей”. <...> По характеру объекта подобного рода словесные описания можно подразделить на звуковые, цветковые, пейзажные, портретные, интерьерные, жанровые, событийные и другие» [Москвин, 2005, С. 500].

мотив (стр. 11 и 12) – встреча с чужим и неизведанным. Образ странника метафоричен – под ним лирический герой подразумевает себя. Образы тропинок и межей – метонимии самой местности. Пятый мотив (стр. 13 и 14) – заброшенность и смерть, на что указывают поля, непригодные к возделыванию и сбору урожая, а также отсутствие людей вокруг этих полей. На пятом мотиве завершается дескрипция, которая здесь реализуется путем нанизывания мотивов в порядке перечисления, а также в порядке варьирования. В связи с шестым, последним, мотивом появляется и третий способ нанизывания – противопоставление мотивов друг другу: «стихотворение замыкается новым мотивом, по своей природе противостоящим предшествующей цепи мотивов» [Томашевский, 1999, С. 233]. Он заключен в стр. 15 и 16 – это мотив горечи от осознания утраты чего-то близкого и родного. Если этот мотив выражает эмоцию, то предыдущие служили цели описания – последний мотив противопоставлен предыдущим. Именно он точнее формулирует тему – тему тоски по былому Лояну⁵⁵.

Первый мотив второго стихотворения цикла (стр. 1 и 2) – кратковременность счастливых мгновений. Образ чистого, спокойного времени 清时 не может не вызывать ассоциации с приказом Цао Цао 清时令, начальные строки которого гласят: «Сейчас спокойное время (清时), однако должно быть всемерно преданным государству [и] все свои силы отдавать делам государевым (имеется в виду последний император династии Восточная Хань – Н.С.)»⁵⁶. В свете того, что Цао Цао ратовал за восстановление былого могущества Ханьской империи, содержание этих строк представляется ясным. Под «счастливыми встречами», скорее всего, имеются в виду дружеские встречи Цао Чжи с братьями Ин. Уже в первых строчках смыкаются «частный» и «государственный» планы стихотворения: «счастливые встречи не могут происходить постоянно» именно потому, что «чистое время трудно обретать часто».

Второй мотив (стр. 3 и 4) – быстротечность человеческой жизни. Он вырастает из образа утреннего инея: как утренний иней с наступлением дня тает, так и жизнь человека обречена на неизбежный конец. Стр. 3 и 4 контрастируют друг с другом – в отличие от вечных неба и земли, жизнь человека конечна.

Третий мотив (стр. 5 и 6) – несовместимость желаемого с действительным; вынужденная разлука. Этот мотив обусловлен историческими событиями: Ин Чан, один из братьев Ин, получил назначение на север, поэтому Цао Чжи был вынужден расстаться с братьями. Эти строчки тоже пребывают в контрастных отношениях: желанию поэта

⁵⁵ Цао Цао и его окружение, включая сыновей, мыслили себя борцами со смутой, с мятежниками. Именно междоусобица приводила такие некогда блестящие города, как Лоян, в запустение.

⁵⁶ 《清时令》中曹操说：“今清时，当尽忠于国，效力王室。。。” [Цао Цао, 2020, цзюань 3]

«продлить прекрасное» не суждено сбыться, поскольку оно противоречит приказу Цао Цао. Здесь «частный» и «государственный» планы вступают в конфликт друг с другом.

Четвертый мотив (стр. 7 и 8) – дружеская пирушка, которая у Цао Чжи окрашивается в печальные, даже горькие тона. Ключевым для понимания этого мотива оказывается образ вина, один из главных символов в анакреонтической поэзии⁵⁷. Однако называть эти строки анакреонтическими можно лишь по формальному принципу (наличию образа вина в них), отнюдь не по смысловому. Стр. 9 и 10 подтверждают то, что этот пир не проникнут атмосферой веселья, – в них выражен мотив печали расставания.

Шестой мотив (стр. 11 и 12) – горечь от осознания тщетности надежд. Он поясняет предыдущий и, в свою очередь, поясняется последующим (стр. 13 и 14) мотивом непреодолимости преграды, пространственной и временной, между нынешней встречей и будущей. Цао Чжи сетует на огромное расстояние, разделяющее друзей потому, что разлука мыслится им как беда.

Седьмой мотив (стр. 15 и 16) – потребность в общении с людьми, близкими по духу⁵⁸. Образ *бии* – ключевой для его понимания: как птицы *бии* неразлучны в своем полете, так и лирический герой желает повсюду следовать за своими друзьями. Здесь прослеживается и мотив стремления обрести свободу, на что указывает последняя строчка.

Первая строчка второго стихотворения заявляет тему цикла – тему непостоянства всего сущего. Ее можно условно назвать над-темой, поскольку ею объединены два стихотворения, каждое из которых имеет и свою тему. Эта над-тема призвана осветить вопрос переменчивости в двух ракурсах: в общем (в первом стихотворении) и в частном (во втором стихотворении) – такова роль первой строчки второго стихотворения. Следующие три строчки проецируют тему (над-тему) на контекст стихотворения, и она приобретает частную окраску. Следующие две строчки вводят тему стихотворения – тему печали от разлуки с друзьями. Последующая часть стихотворения (вплоть до последних двух строчек) раскрывает тему. А финальные две строчки, будучи эмоциональным заключением, замыкают стихотворение.

4.2.5. 离友 (并序)⁵⁹. 二首. Ли ю (бин сюй). Ар шоу

Расстаюсь с другом (вместе с предисловием)⁶⁰. Два стихотворения

⁵⁷ Подробнее о ней см., к примеру, в [Дилите, 2003, С. 90].

⁵⁸ В нем вновь проявляется связь между взглядами Цао Чжи на дружбу и представлениями Конфуция, Мэнцзы, Цицерона о том, что друзья должны быть непременно равны, причем равны не социально, а духовно.

⁵⁹ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С.67–69], [Хуан Цзе, 1973, С. 17–19].

⁶⁰ При подготовке этого анализа была использована публикация автора, в которой отражены основные результаты, положения и выводы этого пункта исследования: Строганова Н.А. Поэтика цикла «Расстаюсь с

Среди жителей деревни был Сяохоу Вэй; будучи юным, вел себя как взрослый человек. Я уважал его [как человека], сблизился с ним и подружился. Когда войско царя вернулось из похода, [он] проводил меня в столицу княжества Вэй. [Мое] сердце переполняли думы о нем, и по этой причине [у меня] проступили слезы. Тогда написал стихотворение о расставании с другом. В нем говорится:

(1) Царское войско возвращается, идет обратно на родину, (2) Этот благородный человек – опора для меня. (3) Провожает меня, когда я уйду, возвращаюсь домой на север, (4) Несусь по равнинам и низинам, стремлюсь к старым (прежним – *Н.С.*) границам. (5) Моя повозка мчится, лошади часто закидывают головы, (6) Перехожу вброд [речки], плыву в легкой лодке. (7) Добираюсь до столицы Вэй (Ечэна – *Н.С.*), останавливаюсь в орхидеевом доме, (8) Устраиваем пир, предаемся радости и удовольствию.

(1) Холодный ветер становится все более студеным, белая роса выпадает изобильнее, (2) Деревья ощущают дыхание [ветра], и ветви прощаются с листьями. (3) Иду к прозрачной воде, поднимаюсь на холм, (4) Рву осенние цветы, собираю *линчжи*. (5) Стремлюсь к тому, чтобы возвращение состоялось навсегда, посылаю [весточку] тому, о ком думаю. (6) Огорчен нашей разлукой, встречи более не будет, (7) Испытываю только печаль, в чувствах нет радости.

«Расстаюсь с другом»⁶¹ – двухчастный цикл, отличительной особенностью которого является наличие предисловия⁶².

Первый мотив (стр. 1) – возвращение воинов из похода⁶³. Второй мотив (стр. 2 и 3) – нахождение рядом с другом. Образ благородного человека вызывает ассоциации с конфуцианским идеалом *цзюньцзы* 君子. В данном случае под ним подразумевается Сяохоу

другом» Цао Чжи // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – М.: Издательство РУДН, том 25, № 2, 2020. – С. 295–304.

⁶¹ В 213 году войско Цао Цао возвращалось из военного похода на Сунь Цюаня, одержав над его армией победу. Цао Чжи сопровождал отца в этом походе. Когда по дороге домой (в город Ечэн, ставший столицей наряду с Лояном) войско остановилось в округе Цяо, Цао Чжи познакомился и подружился с Сяохоу Вэем, своим земляком (оба происходили из Цяо). Сяохоу Вэй был известен как защитник обиженных и обездоленных, отличался смелостью и благородством; кроме того, он состоял на службе – в разное время был ревизором двух округов. Именно в этот период, во время возвращения Цао Чжи из похода, и были написаны оба стихотворения. См. подробнее: [Хуан Цзе, 1973, С. 17].

⁶² Предисловия, изначально характерные для произведений, написанных в жанре оды, связывали стихотворения с ситуацией их создания. В «Расстаюсь с другом» предисловие и эвфоническая частица *си* 兮 как раз роднят его с ханьской одой.

⁶³ Здесь Цао Чжи предстает как воин царского войска. До нас дошли сведения, по которым можно судить об отношении Цао Чжи к соратникам, врагам, народу, о представлениях Цао Чжи о чести, доблести, долге. См., к примеру: [Черкасский, 1963, С. 40; 42].

Вэй. Третий мотив (стр. 4–6, в основе которых лежат приемы гипотипозиса⁶⁴ и диэксода⁶⁵, разновидности дескрипции) – стремление поскорее оказаться на родной земле.

Образ орхидеяного дома – аллегория изящного жилища, соответствующего людям высокой духовной культуры. Образ пира привносит анакреонтические нотки, создает атмосферу дружеского веселья. Четвертый мотив (стр. 7 и 8) многогранен: он может быть трактован как мотив возвращения домой, как мотив воссоединения с людьми, близкими по духу, в доме, достойном принимать этих людей, как мотив дружеского пира. Здесь вновь становится очевидно, что, по мнению Цао Чжи, друзья должны соответствовать друг другу в нравственном отношении.

Мотивы первого стихотворения соединяются друг с другом за счет хронологической (более ранние события сменяются более поздними) и логической (мотивы поясняют и уточняют друг друга) последовательности.

Первое стихотворение отмечено присутствием фабульного начала (налицо и временная последовательность, и логическая связь между мотивами, и наглядность, т.е. гипотипозис). Однако событийная динамика представлена как единая картина – сюжетность подчинена описанию. Образы родины, благородного человека, орхидеяного дома играют ключевую роль при разворачивании темы стихотворения, ибо все помыслы Цао Чжи направлены на то, чтобы 1) достичь родной земли; 2) находиться среди тех, кто близок по духу; 3) оказаться в той среде и в тех условиях, которые соответствуют нравственным устремлениям Цао Чжи и его друзей. Тема стихотворения – совместная жизнь друзей как одно из основных условий дружбы. При этом не стоит забывать и о побочных темах, вырастающих из образов родины и орхидеяного дома.

Второе стихотворение цикла, напротив, характеризуется преобладанием лирического начала.

По традиционной китайской коррелятивной системе, образы холодного ветра, белой росы, ветра, опадающих листьев (стр. 1 и 2) являются осенними соответствиями печальной эмоции. Первый мотив (стр. 1 и 2) – смерть. Тем не менее, он гораздо более глубок, нежели может показаться на первый взгляд. Основное значение иероглифа 辭 – «расставаться», поэтому налицо параллель: как ветви прощаются с листьями, так и человек расстается с

⁶⁴ Гипотипозисом называют «изображение событий как происходящих перед взором автора» [Москвин, 2005, С. 500]. Б. Лами в своей работе «Риторика или искусство речи» уточняет это определение: «гипотипозис есть вид воодушевления, овладевающего человеком, представляющим невидимое» [Там же]. В контексте этого стихотворения на воодушевление указывает использование таких глаголов, как 馳 (мчаться, нестись) и 尋 (стремиться, добиваться). Эти глаголы отражают стремление лирического героя поскорее добраться до родного края. Кроме того, картина, открывающаяся взору автора, в действительности является иллюзорной – она представляет собой воспоминание.

⁶⁵ Диэксод, который мы также наблюдаем в этих строчках, – беглое рассмотрение деталей по порядку.

другом. Этот мотив можно воспринимать и как мотив разлуки друзей. Вместе с тем две грани мотива не существуют изолированно: синтез этих граней формирует общий мотив – разлука друзей как нечто, равносильное смерти.

Осенние цветы (см. стр. 3 и 4) – хризантемы 菊. В отличие от других цветов, они расцветают и осенью, поэтому образ может быть воспринят как символ жизни, одержавшей победу над смертью. Коннотацию этого образа дополняет образ *линчжи*, чудотворного древесного гриба бессмертия, которым питались даосские бессмертные, небожители. На присутствие даосской темы указывает и использование поэтом таких слов, как 渌 (прозрачная вода), 崇 (высокий). Таким образом, второй мотив (стр. 3 и 4) – вечная жизнь; он пребывает с первым в отношениях контраста: бессмертие противопоставлено увяданию, ассоциирующемуся с разлукой Цао Чжи и Сяохоу Вэя. Также в этих строчках проскальзывает образ одинокого странника: лирический герой в одиночестве «поднимается на холм», «рвет травы», «собирает *линчжи*». А образ одинокого странника является одной из ролевых модификаций в жанре элегии. Третий мотив (стр. 5) – стремление навеки воссоединиться с другом – помогает глубже понять второй.

Последний мотив (стр. 6 и 7) – горечь, вызванная отсутствием надежды на встречу. Если рассматривать эти строчки и мотив, заключенный в них, в масштабе всего стихотворения, то очевидно, что это эмоциональное заключение: до этого Цао Чжи не выражал прямо свои эмоции, а эти две строчки, замыкая стихотворение, дают оценку и ему, и всему циклу.

Композиционно второе стихотворение делится на три части. В стр. 1 и 2 вводится тема – разлука двух друзей. В стр. 3–5 тема оттеняется путем противопоставления: разлука-смерть противопоставляется бессмертию. Стр. 6 представляет собой эмоциональное заключение; более того, она детализирует тему, которая является не просто темой разлуки двух друзей, но и темой отсутствия надежды на воссоединение.

Что касается типов связи между мотивами, то это, во-первых, «контрастное оттенение» [Гаспаров, 2011, С. 165], так как первый мотив контрастирует со вторым и третьим, а второй и третий мотивы контрастируют с четвертым, и, во-вторых, логическая связь между мотивами, поскольку третий мотив способствует правильному пониманию второго.

Как упоминалось выше, в стр. 3 и 4 прослеживается образ одинокого странника, характерный для элегий. В этом стихотворении можно выделить и другие черты, роднящие его с элегиями. В первую очередь, ключевыми для определения его эмоции могут быть такие слова, как «уныние», «печаль», «меланхолия», а они обычно используются для описания эмоционального фона элегии [Теория литературных жанров, 2011, С. 109]. Кроме

того, налицо переживание безвозвратно уходящего времени, поскольку разлука Цао Чжи с Сяохуо Вэем произошла навсегда, а «золотое время» осталось в прошлом (см. первое стихотворение: «золотой век» в нем – сцена пира, радости, довольства). Также в стихотворении четко прослеживается индивидуальное и идиллическое время: осеннее увядание, ассоциирующееся с разлукой друзей, символизирует индивидуальное время, а образы, связанные с даосским долголетием, – идиллическое (кроме того, с идиллическим временем связан и образ «возвращения навсегда»). Образ *линчжи*, точнее – того места, где *линчжи* растет, может вызывать ассоциации с «идиллическим уголком» – неизменным атрибутом элегии.⁶⁶

Тема первого стихотворения – совместная жизнь друзей как одно из основных условий дружбы, тема второго – отсутствие надежды на воссоединение. Темы первого и второго стихотворений пребывают в контрастных отношениях; их образы также противопоставлены друг другу. Одним из ключевых является образ возвращения 归, встречающийся в обоих стихотворениях. Однако если первое возвращение состоялось, то второе оказывается невозможным – в основе цикла лежит антитеза.

Предисловие, предваряющее цикл, относится к обоим стихотворениям. Оно является прозаическим пояснением к акту создания стихотворения, а также содержит краткий пересказ содержания обоих стихотворений.

4.2.6. 当来日大难⁶⁷. *Дан лайжи данань*

Взамен грядущего несчастья

(1) Дни мучительно коротки, (2) Радости нет предела, (3) Расставлены яшмовые кубки, готовы угощения на восточной кухне. (4) Сильны чувства старых друзей, (5) Сердца преисполнены взаимности. (6) Запирают ворота, ставят вино, (7) В мире и согласии предаемся веселью. (8) Походные кони поздно вернулись, (9) С оглобель и телег снимают колеса. (10) Сегодня мы вместе в зале, (11) [Но скоро] отправимся на чужбину. (12) Расстаться легко, встретиться вновь трудно, (13) Каждый [из нас] осушает [свой] кубок до дна.

⁶⁶ Об идиллическом хронотопе и пространственном аспекте элегии см. подробнее: [Теория литературных жанров, 2011, С. 105–106, 112–113].

⁶⁷ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С.571–572], [Хуан Цзе, 1973, С. 97–98].

«Взамен грядущего несчастья» – одно из многих стихотворений Цао Чжи, написанных в подражание ханьским народным песням⁶⁸ *юэфу*⁶⁹. Оно написано в подражание *юэфу* “善哉行” «Как прекрасно!», в которой есть строки “来日大难，口燥唇干” «Грядущее сулит несчастья, во рту пересохло, и губы высохли».

«Взамен грядущего несчастья» рисует картины пира, состоявшегося накануне разлуки друзей-воинов. Уже в стр. 1, содержащей мотив быстротечности жизни, прослеживается переключки с поэмой «Посвящаю Цао Бяо, вану удела Бома»⁷⁰, поводом для написания которой послужила разлука Цао Чжи со своим братом и другом⁷¹. В стр. 2 отражен мотив безудержной радости. Тип связи между первым и вторым мотивами может быть определен двояко: как причинно-следственная связь (дружеская встреча обречена на конец, поэтому необходимо отдаться ей сполна), как противоречие (стремлению продлить радостные мгновения противостоит неумолимое течение времени).

Вторая, «анакреонтическая», часть стихотворения представлена стр. 3–7, содержащими описание событийной и эмоциональной составляющих дружеского пира. Третий мотив (стр. 3) – пиршество, четвертый (стр. 4 и 5) – неразрывность дружеских уз и взаимность дружеских чувств, пятый (стр. 6 и 7) – отгороженность от внешнего мира и дружеское единение. Эти мотивы связаны друг с другом по принципу нанизывания.

Третья часть, связывающая два разных по своему настроению описания пира, носит переходный характер. Она представлена стр. 9 и 10, лишенными ярко выраженной эмоциональной составляющей – в них лишь констатируется факт дальности и продолжительности похода, из которого вернулись друзья-воины. Эти строчки не только соединяют две части стихотворения, но также и придают всему стихотворению смысловую завершенность и композиционную целостность: друзья стремятся предаться радостям дружеской встречи именно потому, что она столь мимолетна.

Композиция стихотворения, продиктованная осознанием скорой разлуки, разворачивается в обратной последовательности: друзья, едва успев воссоединиться, вскоре вновь будут вынуждены расстаться; зная о грядущей разлуке, они всецело отдаются мгновениям встречи; время бежит неумолимо, поэтому нужно находить радость в каждом

⁶⁸ «Народные песни, – пишет Юй Гуань-ин, – как живой источник питали поэзию Цао Чжи» [Черкасский, 1963, С. 101]. «Хотя влияние народных песен на него было глубоким, – отмечают Чжэн Мэн-тун и Хуан Чжи-хуэй, – однако он вовсе не был ограничен их рамками. Он заимствовал все лучшее у народных песен и создавал собственную поэзию, свой оригинальный стиль» [Там же, С.102]. Именно в недрах народной поэзии эпохи Хань родился пятисложный стих [Там же, С. 263], техникой которого мастерски владел Цао Чжи. Отмечается, что в годы правления династии Западная Хань пятисложный стих зарождался, в период Восточная Хань утверждался, а в эпоху *Цзяньань* переживал свой расцвет [Там же].

⁶⁹ О *юэфу* см. подробнее, к примеру: [Черкасский, 1969, С. 263].

⁷⁰ Перевод поэмы на русский язык см. в [Цао Чжи. Фея реки Ло. 2000, С. 103–113]. Последующие цитаты из «Посвящаю Цао Бяо, вану удела Бома» приводятся по этому изданию.

⁷¹ О конкретном поводе см. подробнее: [Черкасский, 1963, С. 67].

мгновении бытия. Латинское крылатое выражение «Carpe diem» («Лови день/Лови момент») – призыв ценить каждый прожитый миг – может послужить формулировкой темы стихотворения. Однако у Цао Чжи, в отличие от древних римлян, эта идея окрашивается в отнюдь не оптимистичные тона.

Последняя часть стихотворения представлена стр. 10–13. Ее первый мотив (стр. 10 и 11) – скорая разлука, осознание неизбежности которой подводит автора к философскому выводу (стр. 12), носящему универсальный характер. Второй мотив (стр. 12) – необходимость ценить каждый миг. Маловероятность будущей встречи придает этой строчке трагический характер, окрашивает формулу «Лови момент» в пессимистичные тона⁷². Третий мотив (стр. 13) – желание сполна насладиться мгновениями счастья. Здесь вплетается и побочный мотив, который в масштабах всего стихотворения может быть назван сквозной темой, – мотив дружбы. Именно совместное времяпрепровождение с друзьями мыслится поэтом как наивысшее благо⁷³. Мотивы последней части пребывают друг с другом в причинно-следственных отношениях.

Тема стихотворения – быстротечность жизни, неумолимость времени; к ней примыкают еще две темы – «Carpe diem» и дружба.

4.2.7. 箜篌引⁷⁴. Кунхоу инь

Мелодии кунхоу

(1) Ставлю вино в парадной зале, (2) Друзья и родные со мной предаются веселью. (3) На внутренней кухне готовят всевозможные яства, (4) Жарят баранов, режут тучных коров. (5) Как же взволнованы струны циньской цитры, (6) Мелодия циских гуслей благозвучна, нежна. (7) Яньба⁷⁵ исполняет удивительный танец, (8) Столица Ло славится [своими] певицами. (9) На радостях выпили уже [мы] три кубка, (10) Распускаем пояса, съедаем все

⁷² В связи с этой строчкой можно вновь обратиться к поэме «Посвящая Цао Бяо, вану удела Бома»: «Однажды ушедшему нет возврата», «С ушедшим навеки – простился живой, а скоро ли встретиться смогут живые?», «Я слезы смахнул перед дальним путем» [Цао Чжи. Фея реки Ло, 2000, С. 103–113]. Хотя здесь нет явного побуждения к тому, чтобы ценить каждый миг, налицо предостережение от восприятия времени как чего-то статичного, выражение горьких чувств, вызванных наступившей разлукой.

⁷³ О таком восприятии дружеских встреч, о таком понимании дружбы свидетельствует следующая строчка из «Посвящая Цао Бао, вану удела Бома»: «Не видеть мне счастья с любимым в разлуке» [Там же]. Между «Взамен грядущего несчастья» и песней из *Шицзина* «Братская любовь» (II, I, 4) [Шицзин, 1987, С. 128–130] тоже прослеживается явная параллель. Строчки «Никто друг другу так не мил, как брату мил бывает брат» [Там же, С. 128], помещенные в самое начало песни, призваны подчеркнуть важность дружбы в жизни каждого. Более того, в этой песни подчеркивается колоссальное значение именно братской любви, а 友 ю как эмоция ассоциировалась в древнекитайской литературе, в первую очередь, с братской любовью.

⁷⁴ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 562–565], [Хуан Цзе, 1973, С. 60–62].

⁷⁵ «Когда императрица Сяочэн Чжао повзрослела, она стала личной доверенной служанкой принцессы Яньба, училась пению и танцу...» [Ханьшу, цзюань 97 ся Вайцичжэуань 67 ся] 孝成赵皇后《。》及壮, 属阳阿主家, 学歌舞。。。[汉书, 卷九十七下外戚传第六十七下]。 См. также: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 563].

яства. (11) Хозяин желает долголетия тысячью золотых, (12) Гости же желают ему десять тысяч лет жизни в ответ. (13) Старую дружбу невозможно забыть, (14) [А] равнодушие в [самом] конце противоречит [принципу] справедливости. (15) Скромность – добродетель *цзюньцзы*, (16) К чему стремиться [тому, кто] согнут угольником, подобно гонгу? (17) Днем дует неистовый ветер, (18) [Солнечный] свет стремительно уходит на запад. (19) Цветущие времена не наступают дважды, (20) Так и столетию быстро приходит конец. (21) Сегодня живешь во дворце, (22) Завтра же, дряхлый, будешь лежать в могиле. (23) Кто из древних не умирал; (24) Если постиг волю неба, то зачем печалиться?

«Мелодии *кунхоу*⁷⁶» композиционно делится на три части: первая – описание дружеского пира, вторая – изложение взглядов Цао Чжи на моральные качества человека, третья – его рассуждения о вечных законах бытия и заявление им своего жизненного кредо.

Первая часть представлена стр. 1–12. Первый мотив (стр. 1 и 2) – дружеский пир – становится центром притяжения для всех остальных мотивов этой части, которые, будучи связанными с первым по принципу детализации, а друг с другом – по принципу нанизывания, способствуют созданию целостной картины дружеского пира. Второй мотив (стр. 3 и 4) – мотив бесчисленных пиршественных блюд, третий (стр. 5 и 6) – музыки, четвертый (стр. 7) – танца, пятый (стр. 8) – пения, шестой (стр. 9 и 10) – неумеренность друзей за пиршественным столом⁷⁷, седьмой (стр. 11 и 12) – добрые дружеские пожелания, сопровождающие пиршественное действо⁷⁸.

Вторая часть представлена стр. 13–16. Первый ее мотив (стр. 13) – нельзя забывать старых друзей – несет в себе назидание, цель которого – научить правильному восприятию дружбы. Второй мотив (стр. 14) содержит два плана, взаимно обогащающие друг друга: неблагодарность – порок, заслуживающий презрения у достойных; лишь тот справедлив, кому претят проявления неблагодарности. Стр. 14, равно как и заключенный в ней мотив, не может рассматриваться в отрыве от стр. 13, с которой она пребывает в причинно-следственных отношениях: именно потому, что нельзя забывать своих друзей, неблагодарность видится автору как несомненный порок. Отсюда следует вывод: в дружеских отношениях проверяются и выявляются качества человека. Третий мотив этой

⁷⁶ *Кунхоу* – струнный музыкальный инструмент, напоминающий арфу.

⁷⁷ Стоит отметить, что, в соответствии с *Лицзи*, «Записками о ритуалах», *цзюньцзы* после третьего кубка непременно должен встать из-за стола [Чжао Ювэнь, 2018, С. 564]. Очевидно, радость совместной встречи настолько переполняет сердца друзей, что они готовы пренебречь нормами конфуцианского этикета.

⁷⁸ Прочитруем описание аналогичного эпизода из главы «Жизнеописание Лу Чжун-ляня и Цзоу Яна» «Исторических записок» Сыма Цяня: «Тогда Пиньюань-цзюнь вознамерился дать пожалование Лу Ляню, но тот трижды отказывался, да так и не принял [его]. Тогда Пиньюань-цзюнь устроил пиршество, на котором он встал перед Лу Чжун-лянем и поднес ему тысячу золотых, подняв тост за его долголетие...» [Сыма Цянь, 1996, том VII, глава 83]. Вручение на пиру подобного дара – тысячи золотых монет – было призвано стать материальным воплощением пожеланий всяческих благ.

части (стр. 15) – утверждение скромности как одной из добродетелей, а также почитание *цзюньцзы* за наивысший образец. Четвертый мотив (стр. 16) – *цзюньцзы*, воплотивший в себе и в своем поведении идеалы высшей нравственности, не может не преклоняться перед проявлениями добродетели в других людях, ибо добродетель для него – высшая ценность.

Первые две строчки третьей части стихотворения (стр. 17 и 18) несут в себе противоречие: безудержные радости, которым человек предается в «дневной» период своей жизни, обречены на неизбежный конец, ведь рано или поздно в жизни каждого наступит «вечер», – таков результат синтеза мотивов, заключенных в этих строчках. Второй мотив (стр. 19–22) – быстротечность земной жизни, бренность бытия, преходящий характер всего сущего⁷⁹. Третий мотив (стр. 23 и 24) – утверждение автором своего жизненного кредо («Кто из древних не умирал; // Если постиг волю неба, то зачем печалиться?»): благородному мужу присуще 知命, знание судьбы, понимание своего предназначения, поэтому он стойко переносит все невзгоды, выпадающие на его долю. Отсюда следует тема: все в жизни человека, в том числе и она сама, обречено на неизбежный конец, но постигшие волю неба, свою собственную судьбу, воспринимают это как непреложный закон бытия, поэтому и не печалются, а принимают жизнь такой, какая она есть.

4.2.8. 贈徐幹⁸⁰. Цзэн Сюй Гань

Посылаю Сюй Ганю

(1) Сильный ветер⁸¹ колышет белое солнце, (2) [Белое солнце]⁸² внезапно возвращается к западным горам⁸³. (3) Светит неполная луна, (4) Сияют мириады звезд. (5) Муж высоких помыслов⁸⁴ занят делом, передаваемым из поколения в поколение, (6) Малый человек⁸⁵ тоже не пребывает в праздности. (7) Пока же ночью иду побродить, (8) Прохожу мимо тех башен у ворот дворца. (9) Над [главным дворцом] *Вэньчан* поднимаются облака, (10)

⁷⁹ В связи с этими строчками было бы уместно вспомнить «слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме»: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится под солнцем? Род проходит, и род проходит, а земля пребывает во веки...». [Книга Екклесиаста, глава 1] Безусловно, акценты здесь немного разные (у Цао Чжи – близость собственного конца, у Екклесиаста – круговорот бытия), но идеи схожи.

⁸⁰ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 53–56], [Хуан Цзе, 1973, С. 29–31].

⁸¹ Под образом сильного ветра скрывается фигура Дун Чжо, жестокого военачальника периода заката империи Хань, «который повсюду сеял смерть и разрушения и сжег город Лоян» [Черкасский, 1963, С. 11].

⁸² «Белое солнце», которое то и дело тревожат порывы «сильного ветра», – аллегория приходящей в упадок империи.

⁸³ Образ заходящего солнца символизирует смерть, которая уже ощущалась на просторах некогда великой империи.

⁸⁴ Под мужем высоких помыслов подразумевается, вероятно, не только Сюй Гань, но также и сам Цао Чжи с другими достойными людьми в государстве.

⁸⁵ «Малый человек» *сяожэнь* – многочисленные льстецы среди сторонников воцарения дома Вэй.

[Дозорная вышка] *Инфэн* высится в небесах⁸⁶. (11) Весной горлицы щебечут⁸⁷, кружат над коньковой балкой, (12) Вихрь свободно налетает на решетку окна и перила. (13) Вспоминаю об ученом в убогом жилище, (14) Его, бедного и презренного, поистине жаль. (15) Тонкие гороховые стебли не достаточны для утоления голода, (16) Грубая одежда не защищает тело. (17) Он взволнован, и сердце его в печали, (18) Выводимые им иероглифы складываются в сочинение. (19) Драгоценность отброшена – на кого роптать? (20) Господин Хэ ошибался⁸⁸. (21) Отряхнув шапку, ждет знатока, (22) Кто из знатоков будет не таким? (23) На плодородных полях не запоздает урожай, (24) Благодатные озера сулят сытые годы. (25) В чистой душе самоцветы прекрасны, (26) Пройдет много времени, прежде чем добродетель еще больше проявит себя. (27) Долг родных и близких – в честности и доброте, (28) Написал эти стихи, что в дополнение к ним сказать?⁸⁹

Первая часть, которая аллегорически описывает текущее положение дел в государстве, переживающем не лучшие времена, представлена стр. 1–4. Первый мотив (стр. 1) – начало смуты, второй (стр. 2) – закат Ханьского государства, третий (стр. 3) – пока еще не полное утверждение власти дома Вэй⁹⁰, четвертый (стр. 4) – стремление подданных оказать поддержку царству Вэй. Все эти мотивы нанизываются друг на друга.

Вторая часть представлена стр. 5–13. Первый ее мотив (стр. 5) – благородный муж, сознающий свой долг, не пребывает в бездействии, ибо он занят продолжением дел предков. В стр. 6, с одной стороны, налицо противопоставление «мужа высоких помыслов» *цзюньцзы* «малому человеку» *сяожэнь*; с другой стороны, никакого контраста здесь нет: в поведении *цзюньцзы* и *сяожэнь* прослеживается единая первооснова – никто из них не пребывает в бездействии. Второй мотив (стр. 6) – *сяожэнь* не менее активен, чем *цзюньцзы*, – иллюстрирует эту идею. Однако деятельность малых людей, в отличие от деятельности благородных мужей, носит не созидательный, а разрушительный характер⁹¹. Третий мотив

⁸⁶ Дворец *Вэньчан* был назван по имени звезды и бога, дарующего славу и карьеру, почитаемого учеными мужами; название вышки *Инфэн* может быть переведено как «В ожидании ветра».

⁸⁷ Образ щебечущих горлиц, будучи аллегорией корыстолюбивых льстецов, не может не вызывать ассоциации с соответствующим эпизодом из *Чжуанцзы*, цитируемом нами ранее.

⁸⁸ По преданию, Бянь Хэ, живший в эпоху Чжоу (XIII в. до н. э.), подарил чускому правителю неотшлифованные драгоценные камни; никто не сумел распознать их цену, и Бянь Хэ навлек на себя гнев правителя, его жестоко наказали; впоследствии ошибка была обнаружена [Цао Чжи. Фея реки Ло, 2000, С. 150]. Цао Чжи отсылает нас к этому эпизоду, чтобы сравнить выброшенную драгоценность с непризнанным талантом.

⁸⁹ Л.Е. Черкасский так комментирует последнюю строчку стихотворения: «Поэт всем сердцем тянулся к людям талантливым, умел их распознать, но помочь им в трудную минуту он не мог, ибо лишен был власти» [Цао Чжи. Фея реки Ло, 2000, С. 150].

⁹⁰ «По мнению поэта, для укрепления власти, для охраны границ от непрерывных набегов иноземных племен сюнну, сяньби и других, а также от угроз непокорных царств Шу и У, для расцвета страны необходимо было объединить царства Вэй, Шу и У, разумеется, под эгидой вэйского двора» [Черкасский, 1963, С. 40].

⁹¹ Цао Чжи нередко в своих рассуждениях и поступках гневно обрушивался на «мелких людишек, корыстолюбивых и алчных придворных» [Черкасский, 1963, С. 65], всеми способами пытавшихся добиться славы и богатства.

(стр. 7 и 8) – мотив ночной прогулки. Стр. 9–12 напрямую связаны со стр. 7 и 8 – в них содержатся размышления Цао Чжи, навеянные увиденным в ходе этой прогулки. Четвертый мотив (стр. 9 и 10) – надежда Цао Чжи на претворение в жизнь своих устремлений, которые он связывает с непрестанным служением государству, что, безусловно, приближает его к идеалу *цзюньцзы*. Пятый мотив (стр. 11) – легкомыслие, равнодушие, приземленность малых людей, а шестой (стр. 12), заключительный для второй части стихотворения, – уязвимость, незащищенность. Коннотация стр. 11 и 12 выкристаллизовывается при синтезе мотивов, заключенных в них: государство обречено на гибель, если подданный не готов посвятить себя заботам о нем. Этот мотив коррелирует с мотивами первой части стихотворения; более того, он связывает два тематических комплекса (первый – государство, второй – противопоставление *цзюньцзы* vs. *сяожэнь*), которые формируют первую и вторую части стихотворения соответственно; также этот мотив объединяет первую и вторую части стихотворения вокруг следующей стержневой идеи – благополучие государства неразрывно связано с нравственными устремлениями подданных.

Третья часть стихотворения непосредственно посвящена его адресату – Сюй Ганю. Первый мотив (стр. 13 и 14) может быть сформулирован двояко: бедственное положение, в котором пребывает достойный человек (известно, что Сюй Гань в последние годы жил в крайней нужде); мучительное чувство жалости, испытываемое Цао Чжи к нему. Второй мотив (стр. 15 и 16) – нищета, третий (стр. 17) – взволнованность и печаль, четвертый (стр. 18) – творчество⁹². Все эти мотивы связаны друг с другом причинно-следственной связью. Пятый мотив (стр. 19 и 20) – пренебрежение талантами – контрастен по отношению к предыдущему: творчество оказывается «выброшенным» за ненадобностью. Таким образом, в третьей части стихотворения уточняется нынешнее положение достойных людей, под которыми автор подразумевает не только Сюй Ганя и прочих друзей, но и себя самого.

Четвертая часть, напротив, проникнута оптимистичным настроением. Первый ее мотив (стр. 21 и 22) – ожидание того, кто «будет не таким», то есть того, кто «не отбросит драгоценность», сумеет оценить по достоинству талант. Второй мотив (стр. 23 и 24) – таланты человека не останутся незамеченными, ведь тому, кто наделен ими, непременно представится возможность их проявить. Третий мотив (стр. 25) – душевные качества человека подобны самоцветам. Четвертый мотив (стр. 26) проявляется в четырех аспектах: добродетель не может исчерпать себя, ведь у того, кто в себе ее накапливает, обязательно получится ее проявить; настанут времена, когда окружающая действительность будет способствовать ее проявлению; необходимость терпеливо ждать своего часа; оптимизм.

⁹² Иммануил Кант тоже говорил о страдании как о побуждении к творческой деятельности [Кант, 1994, С. 265].

Пятый мотив (стр. 27 и 28) – и дружба, и поэзия, то есть искусство, являются средствами реализации заложенных в человеке от рождения важнейших добродетелей, честности и доброты; безусловно, мысль о том, что написанием стихотворения поэт исполняет свой долг перед другом – поддерживает его в трудную минуту – здесь тоже присутствует. Мотивы этой части соединяются друг с другом по принципу нанизывания.

Итак, первая часть посвящена описанию текущего положения дел в государстве, вторая – противопоставлению *цзюньцзы* и *сяожэнь* в контексте общественной жизни, третья – рассмотрению отношения к достойнейшим; в четвертой части, проникнутой убежденностью в конечном торжестве справедливости, автор формулирует цель создания произведения, а это выражение своей мировоззренческой позиции.

В стихотворении переплетено несколько тематических планов: катастрофическое положение государства, засилье корыстолюбцев, жалость, испытываемая к другу и к самому себе, оптимистичное выражение своих надежд на будущее; на примере судьбы Сюй Ганя отчетливо показано прозябание достойнейших; Цао Чжи стремится и подбодрить друга, и «от противного» создать образ идеального государства – того, в котором не допустили бы нынешнего положения вещей. Тема стихотворения – лишь то государство, которое по достоинству оценивает таланты своих подданных, будет процветать.

4.2.9. 贈丁翼⁹³. Цзэн Дин И

Посылаю Дин И⁹⁴

(1) Дорогие гости собрались на башне стены, (2) Обильные яства выносят из центральной кухни. (3) Я и несколько мужей – (4) На камерном пиру в уголке городской стены⁹⁵. (5) На *циньской* цитре играют западные мелодии, (6) На *циских* гусях исполняют восточные песни. (7) Подают закуски, но уносят блюда не пустыми, (8) В винных чарах, напротив, ничего не остается. (9) Разве я сближаюсь с чужими людьми? (10) Рядом со мною мои друзья. (11) В большом государстве много прекрасных талантов, (12) Как ярких жемчужин, извлекаемых из моря. (13) В благородном муже накоплено [чувство] справедливости, (14) В малом человеке нет запасов добродетели. (15) У того, кто лелеет (*досл.* – накапливает – *Н.С.*) в себе доброту, будет с избытком счастья⁹⁶, (16) Стоя твердо, можно ждать взлетов и

⁹³ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Чжао Ювэнь, 2018, С. 169–171], [Хуан Цзе, 1973, С. 44–45].

⁹⁴ У Л.Е. Черкасского – «Вновь посвящаю Дин И», что неверно.

⁹⁵ Такие выражения, как «на башне стены», «в уголке городской стены», отсылают нас, например, к песни из *Шицзин* (I, VII, 17) [Шицзин, 1987, С. 80]. Хотя она никак не связана с «Посылаю Дин И», реминисценции из нее являются показателем высокого стиля, с которым уже тогда ассоциировался *Шицзин*.

⁹⁶ Эта строчка представляет собой сокращенную цитату из *Ицзина*, полный вариант которой таков: 积善之家必有余庆 «У семьи, накапливающей доброту (т.е. добрые дела – *Н.С.*), непременно будет с избытком счастья».

падений. (17) Поистине необъятны великие правила, (18) В современных обычаях много ограничений. (19) Благородный муж проходит великий путь, (20) Не желает быть заурядным ученым.

Если «Посылаю Дин И» “贈丁儀” было посвящено старшему из братьев Дин, т.е. 丁儀, «Посылаю Дин И» “贈丁翼” адресовано младшему, т.е. 丁翼.

«Посылаю Дин И» “贈丁翼” композиционно делится на две части: первая отведена описанию дружеского пира, вторая – философским рассуждениям автора.

Первая часть представлена стр. 1–10. Первый мотив (стр. 1–4) – встреча близких людей на пиру. Второй мотив (стр. 5 и 6) – музыка, сопровождающая пиршественное действие. Третий мотив (стр. 7) – пренебрежение пиршественными блюдами. Четвертый мотив (стр. 8) – желание испить чары с вином, то есть чашу радостей, до дна. Налицо антитеза: на фоне отсутствия физического чувства голода друзья голодны до радостей встречи, аллегорией которых является вино. При противопоставлении двух мотивов, третьего и четвертого, отчетливо звучат анакреонтические нотки. Пятый мотив (стр. 9 и 10) не может быть сформулирован однозначно: здесь утверждается дружеский характер пира, прослеживается мысль о том, что человек, находясь рядом с друзьями, может позволить себе быть таким, какой он есть. Такова первая часть стихотворения, состоящая из трех частей – краткого описания пира, перечисления обязательных его составляющих, а также некоего итога, подводимого автором этому пиру.

Вторая часть стихотворения представлена стр. 11–20. Первый мотив (стр. 11 и 12): талант, вернее – человек, наделенный им, подобен жемчужине; государство изобилует одаренными подданными точно так же, как морская пучина – яркими жемчужинами; однако в обоих случаях их – и людей, и перлы – необходимо разглядеть, что требует усилий. В отличие от первой части стихотворения, в которой лишь содержится указание на друзей без какой-либо конкретизации, вторая часть, хотя на первый взгляд и носит характер общих философских рассуждений, напрямую отсылает нас к Дин И – адресату стихотворения. А с учетом жизненных перипетий братьев Дин можно прочесть в этих строчках и подтекст: талантов в государстве много, однако ими зачастую пренебрегают. Стр. 13 и 14 построены на антитезе, образующей мотив: *цзюньцзы* и *сяожэнь* противопоставляются друг другу. Третий мотив (стр. 15) двоякий: с одной стороны, доброта, накопленная человеком в себе, и составляет его счастье; с другой стороны, человеку, вершащему добрые дела, с лихвой за них воздастся. И в этой, и в последующей строчках реализуется цель, с которой Цао Чжи

Ицзин, комментарий *Вэньянь* 文言 ко второй гексаграмме *Кунь* 坤. Цит. по: [Нань Хуайцин, Сюй Циньтин. 1988, С. 39].

приступал к написанию произведения: в комментарии [Чжао Ювэнь, 2018, С. 45] отмечается, что Цао Чжи переживал по поводу того, что его друзья (в данном случае – Дин И) не пользовались благосклонностью со стороны власти, и поэтому старался их приободрить; действительно, здесь Цао Чжи призывает Дин И опереться на свою нравственную основу для преодоления препятствий, возникающих на его жизненном пути. Четвертый мотив (стр. 16) выражает ту же мысль: человек, стоящий на твердой нравственной платформе, в состоянии пережить все радости и горести, ниспосылаемые ему судьбой. Пятый мотив (стр. 17 и 18) не поддается однозначной трактовке: с одной стороны, здесь отражается реальный исторический факт использования правителями конфуцианских установлений в целях укрепления своей власти, в том числе и власти над умами людей; с другой стороны, здесь противопоставляются широта идеала и узость его конкретного понимания и воплощения. Наконец, шестой, последний мотив (стр. 19 и 20): *цзюньцзы* познал свой путь и неотступно следует ему; он не желает отказываться от высших устремлений и подстраиваться под реалии окружающего его мира; он преисполнен осознания своего долга и никогда ему не изменит.

Посланием в собственном смысле слова может быть названа лишь вторая часть стихотворения: в отличие от первой, содержащей описание пира, она заключает в себе мысли, навеянные автору воспоминаниями о друге и обращенные к другу. Однако содержащиеся в рассуждениях автора намеки на Дин И отнюдь не самоцель, ведь за желанием поддержать друга в непростой жизненной ситуации скрывается стремление сформулировать свою мировоззренческую позицию. Создается впечатление, будто формат дружеского послания был избран автором специально для того, чтобы выразить свои взгляды на принципиальные вопросы, носящие непреходящий характер. Во второй части налицо техника нанизывания мотивов: автор, воздавая хвалу достоинствам друга, на наших глазах выражает свои собственные представления о том, как должен жить человек. В стихотворении прослеживается определенная эволюция мысли: от описания пира (совместного времяпрепровождения нескольких друзей, имена которых не указаны) автор переходит к обращению к конкретному другу, и на фоне этого разворачивается целая серия философских рассуждений. Дружеские чувства становятся импульсом, стимулирующим автора на затрагивание важнейших мировоззренческих вопросов. Поэтому тема стихотворения – утверждение идеалов человека, жизни, нравственности.

4.3. Стихотворные послания Лю Чжэня

Год рождения Лю Чжэня 刘桢 (?–217 гг.), по второму имени – Гунганя 公幹, нам достоверно не известен. Тем не менее, мы знаем о том, что своими способностями и эрудицией он выделялся уже в ранние годы. Поначалу его придворная карьера складывалась благополучно – он занимал высокие посты, в том числе состоял в свите принца Цао Чжи. Был дружен с выдающимися художниками слова той эпохи, являлся одним из Семи *цзяньаньских* мужей. Лю Чжэня и его талант высоко ценили отец и братья Цао. Однако в скором времени он оказался в опале, и виной всему стал его неосмотрительный поступок на пиру у Цао Пи. Лю Чжэнь был наказан ссылкой. Отбыв наказание, он стал мелким чиновником. В 217 г., как и многие Мужы, он скончался от свирепствовавшего в то время мора. Лю Чжэнь вошел в историю как человек импульсивный и бесстрашный, прямой и открытый. К слову, его эмоциональность и порывистость, по мнению критиков, придавали своеобразие его творчеству. Как и многие другие Мужы, всем сердцем радел за судьбу Поднебесной.

4.3.1. 贈从弟. 三首⁹⁷. Цзэн цунди. Сань шоу

Посвящаю братьям. Три стихотворения

(1) Плавно течет на восток река, (2) В прозрачной, чистой воде [видны] камни. (3) Водоросли растут по ее берегам, (4) Пестры и изобильны, как же они мягки и вольны. (5) Собираю их, подношу к храму предков, (6) Могу принимать дорогих гостей. (7) Разве в саду нет подсолнечника⁹⁸? (8) Прекрасно то, что они выходят из глубокого озера⁹⁹.

(1) На горе высится сосна, (2) В долине свистит ветер. (3) Как же же сильны порывы ветра, (4) Как же непоколебимы ветки сосны¹⁰⁰. (5) Лед и иней несут печали, (6) [Сосна и кипарис]

⁹⁷ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Хань Гэпин, 1991, С. 471–473], [У Юнь, 2005, С. 569–571].

⁹⁸ Образ подсолнечника глубоко аллегорический. В комментариях указано [Хань Гэпин, 1991, С. 472], что подсолнечник был одной из важнейших сельскохозяйственных культур Древнего Китая, упоминания о нем содержатся в *Шицзине* («Песнь о седьмой луне» I, XV, 1 [Штукин, 1987, С. 118]), в *Циминь яошу* («Руководстве по сельскохозяйственному труду для простого народа», 齐民要术, V в.), *Нунишу* («Книге о земледелии», 农书 / 王桢农书, XIII–XIV вв.). Например, в «Руководстве...» подсолнечнику посвящена первая глава (первый *пянь*), а в «Книге о земледелии...» подсолнечник именуется как «царь над ста [то есть над всеми – Н.С.] видами растений» (“百菜之主”. Цит. по: [Хань Гэпин, 1991, С. 472]). По этим сведениям можно судить о том, насколько важное значение придавалось подсолнечнику в традиционной китайской культуре. Подсолнечник является символом предельной чистоты, в том числе душевной. В этом стихотворении образ подсолнечника отсылает нас, по-видимому, к братьям поэта, людям, исполненным осознания высшего нравственного долга, которым и адресуется цикл.

⁹⁹ Озера/пруда/водоема.

¹⁰⁰ В традиционной китайской литературе образ сосны – символ стойкости и твердости духа. Здесь уместно вспомнить ставшее хрестоматийным высказывание Конфуция: [9.28] “岁寒然后知松柏之后雕也” «Становится известно, как стойки сосна и кипарис, лишь с наступлением холодного сезона» [9.28] [Ранняя конфуцианская проза: «Луной», «Мэнцзы», 2016, С. 113]. Кстати, это высказывание напрямую связано со

круглый год сохраняют [свою] прямоту. (7) Разве [они] не страдают от сильного холода? (8) Сосна и кипарис обладают изначальной природой¹⁰¹.

(1) Фениксы¹⁰² собираются на южной вершине¹⁰³, (2) Гуляют у корня одинокого бамбука¹⁰⁴. (3) В сердце нет усталости, (4) Расправляют крылья¹⁰⁵ и устремляются в фиолетовые небеса¹⁰⁶. (5) Разве они не проявляют неустанно усердия?¹⁰⁷ (6) Стыдятся находиться в одной стае с чижами¹⁰⁸. (7) Когда они должны прилететь? (8) Они ждут премудрого государя¹⁰⁹.

строчкой 6, в которой Лю Чжэнь косвенно цитирует Конфуция («[Сосна и кипарис] круглый год постоянно сохраняют [свою] прямоту»).

¹⁰¹ Поясним понятие изначальной природы, в своей основе являющееся конфуцианским: «Природы ему не прибавляют даже его великие дела, и ее не убавляет даже его бедственное положение, ибо они являются уже определенной ему долей. Природу благородного мужа составляют человечность, справедливость, пристойность и разумность, коренящиеся в сердце...» [Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си, 2016, С. 191]. Между «природными задатками» у Мэнцзы и «изначальной природой» у Лю Чжэня можно провести очевидную параллель. В обоих случаях речь идет о нравственной природе, внутреннем стержне человека, заложенных в нем от рождения.

¹⁰² Точнее – самец и самка феникса. Феникс в китайской литературе традиционно является символом добродетели или же символом человека, наделенного добродетелью. А южная горная вершина, обитель фениксов, представляет собой сакральное место – именно здесь добывается киноварь. Оба образа – и «феникс», и «южная вершина» – являются даосскими. Таким образом, конфуцианский и даосский планы в стихотворении тесно переплетены.

¹⁰³ В *Шанхайцзине* («Каноне гор и морей»), а именно в *Наньшаньцзине* («Каноне южной горы») говорится, что южная «горная вершина – месторождение киновари, [на ней] обитает птица, внешне похожая на петуха, пестрая, с узорами, и имя ей – феникс». “丹穴之山。有鸟焉，其状如鸡，五采而文，名曰凤凰”[山海经，卷一 南山经]。

¹⁰⁴ Сведения об одиноком бамбуке можно почерпнуть, к примеру, из *Чжоули* («Ритуалов Чжоу»): «Одинокий бамбук – тот, который особенно велик». “孤竹，竹特大者”[周礼注疏，卷二十二]。В связи с этим образом также можно вспомнить стихотворение Цзи Кана “游仙诗” «Путешествие к бессмертным», в котором лирический герой мечтает гулять у корня сосны (пятая строчка: “愿想游其 [松] 下” «Желаю гулять у подножья сосны») [Цзи Кан]. И бамбук у Лю Чжэня, и сосна у Цзи Кана являются образчиками высшей нравственности, соприкоснуться с которыми стремятся лирические герои стихотворений [См. п. 45 в Библиографии, в разделе Источники на китайском языке].

¹⁰⁵ Образ расправленных крыльев может быть осмыслен как аллегория обретения свободы.

¹⁰⁶ Указание на цвет небес – намек на даосский план, уже четко прослеживающийся в стихотворении (фиолетовый цвет почитался у даосов; в свете последующих образов и мотивов он может быть трактован как признак появления премудрого государя).

¹⁰⁷ Что касается «проявления усердия», то в комментарии к «Оде царю» (II, VII, 2) из *Шицзина* говорится, что *утун* – масличное дерево, на которое садятся фениксы [Шицзин, 1987, С. 334]; Хань Гэпин, цитируя китайский комментарий к *Шицзину*, сообщает, что «феникс живет исключительно на дереве *утун*, питается исключительно бамбуком» [Хань Гэпин, 1991, С. 472].

¹⁰⁸ Для более глубокого понимания образа чижа и мотива этой строчки необходимо обратиться к цитатам из *Чжуанцзы* [Чжуанцзы, 2013, С. 14–15]. Феникс у Лю Чжэня, равно как Феникс у Чжуанцзы, не отказывается от своих убеждений, не изменяет своим принципам; напротив, он всячески стремится огородить себя от пагубного влияния, не желает иметь дело с теми, кто живет лишь сиюминутным, стремится возвыситься над обыденностью и соприкоснуться с вечностью.

¹⁰⁹ В комментарии к 9.9. *Луньюя* отмечается, что «по древнекитайским преданиям, только во время правления идеальных государей могут прилетать благовещие птицы и из-под вод появляться различные символические знаки и письмена» [Ранняя конфуцианская проза: «Луньюя», «Мэнцзы», 2016, С. 109]. Таким образом, феникс, помимо того, что олицетворяет высшую добродетель, является провозвестником воцарения на троне совершенномудрого государя. Здесь вновь переплетаются конфуцианский и даосский планы.

«Посвящаю братьям. Три стихотворения» – цикл из трех посланий Лю Чжэня своим братьям.¹¹⁰

При общем рассмотрении первого стихотворения цикла оно производит впечатление стихотворения-описания (в данном случае – фитографии¹¹¹). На самом же деле описанием, или дескрипцией в подлинном смысле слова могут быть названы лишь первые 4 строчки. Центральный образ этого четверостишия – водоросли; иными словами, образ растений, который является мотиво- и темообразующим для первого стихотворения цикла. Описательное начало, будучи превалирующим в первом четверостишии, не позволяет мотиву этих строчек явственно проявиться. Он выкристаллизовывается лишь при смысловом взаимодействии строчек 1–4 со строчками 5 и 6. Мотив строчек 5 и 6 (второй мотив): водоросли, растения обладают теми свойствами и качествами, которые позволяют их использовать в самых высоких целях – для поклонения предкам и встречи гостей. Это качество раскрывается перед нами при повторном обращении к первому четверостишию и является не чем иным, как чистота. Собственно, чистота – первый мотив. А отношения между первым и вторым мотивами двояки: с одной стороны, второй поясняет и уточняет первый, с другой стороны, он способствует «раскрытию» первого. Третий мотив (стр. 7) – люди, способные возвыситься силой своего духа, не перевелись, и они есть вокруг нас. Четвертый мотив (стр. 8) утверждает третий – идеалы высшей нравственности отнюдь не утрачены, ибо они, «выходя», несмотря ни на что живы. Здесь прослеживается тесное переплетение этической и эстетической категорий¹¹²: любование прекрасной природой не может не вызвать ассоциации с наслаждением от созерцания внутренней красоты человека.

Тема стихотворения – нравственная чистота, обладающая могучей силой. Первые четыре строчки, на первый взгляд содержащие лишь описание природы, вводят тему, последующие три строчки ее развивают путем детализации, а последняя строчка, будучи эмоциональным заключением, ее утверждает.

Второе стихотворение цикла, как и первое, на макроуровне представляет собой описание, только не фитографию, а дендрографию¹¹³. Стр. 2 и 3 содержат анемографию¹¹⁴. Уже в стр. 1 и 2 прорисовываются контуры темы, вырастающей из двух контрастных мотивов сосны и ветра. Образ ветра является аллегорией трудностей, с которыми сталкивается каждый на своем жизненном пути. Однако сила ветра порой такова, что она

¹¹⁰ Дошедшие до нас сведения о жизни поэта скудны (подробнее о жизненном и творческом пути Лю Чжэня см. в Приложении Г), и нам не известны биографические предпосылки создания произведения. Однако можно с уверенностью утверждать, что цикл был написан до поступления Лю Чжэня на государственную службу.

¹¹¹ Греч. *фито* – «растение». Фитография – описание растений.

¹¹² Момент, важный для понимания китайской литературы в целом.

¹¹³ «Дендрография – описание дерева [греч. *dendrographia* – «описание дерева]» [Москвин, 2005, С. 503].

¹¹⁴ «Анемография – описание ветра [греч. *anemographia* – «описание ветра]» [Там же, С. 501].

способна повалить навзничь любого – это и есть третий мотив (стр. 3). Четвертый мотив (стр. 4) – утверждение непоколебимости человеческого духа. Третий и четвертый мотивы контрастируют друг с другом: несмотря на все трудности, крепкий духом человек не может быть сломлен. Тема стихотворения, тема противостояния, введенная стр. 1 и 2, подчеркивается стр. 3 и 4. Пятый и шестой мотивы (стр. 5 и 6) полностью созвучны предыдущим мотивам, с той лишь разницей, что здесь аллегорией жизненных трудностей является не «ветер», а «лед и иней»: здесь выражается та же тема противостояния, только посредством «контрастного оттенения» [Гаспаров, 2011, С. 165]. Седьмой мотив (стр. 7) – страдание человека от невзгод (образы холода, ветра, льда, инея – аллегии неблагоприятных жизненных обстоятельств); его развитие происходит при взаимодействии с мотивом стр. 8 – мотивом утверждения нравственной основы человека, дарованной ему раз и навсегда. Последний мотив поясняет предыдущий, объясняя, почему сосна и кипарис стоят непоколебимо, несмотря на наличие обстоятельств, способных их сломить. Образы сосны и кипариса – центральные для второго стихотворения цикла: под ними Лю Чжэнь подразумевает братьев, которым и адресован цикл. Тема стихотворения – твердость человеческого духа – вводится в первом и втором мотивах (стр. 1 и 2), получает свое развитие в последующих четырех и утверждается автором в последних двух мотивах.

Первый мотив (стр. 1) третьего стихотворения – люди, преисполненные духовности, стремятся объединиться с себе подобными там, где они будут вдали от суетного мира. Второй мотив, связанный с первым посредством «нанизывания» [Томашевский, 1999, С. 231], – стремление добродетельного человека соприкоснуться с высшей нравственностью. Третий мотив (стр. 3 и 4) – решимость достойного человека оставить мир, обрести свободу и ожидать воплощения своих идеалов. Этот мотив нанизывается на предыдущие. Далее автор прибегает к приему, уже использованному им в первых двух стихотворениях, – к вопросно-ответной форме: он задает себе вопрос, в положительном ответе на который ничуть не сомневается. Здесь заложен аллегорический смысл: человек, исполненный добродетели, не готов ни на какие компромиссы, ведь он никогда не отступает от своих убеждений, а это требует непрестанной работы над собой, то есть «проявления усердия». Таков четвертый мотив, развивающий три предыдущих. Пятый мотив (стр. 6) – нежелание иметь ничего общего с людьми ограниченными и недалекими. Шестой, заключительный, мотив (стр. 7 и 8) – именно появление премудрого государя обеспечит для подданных жизнь по законам высшей нравственности, что и позволит фениксам, достойным людям, вернуться. Стр. 7 и 8 – поворотные: до сих пор синонимичные мотивы лишь нанизывались друг на друга, а здесь им придается новый импульс, благодаря которому и формируется тема (до тех пор, пока на троне восседает порочный правитель, люди, исполненные

добродетели, не найдут себе места в обществе). Шестой мотив неразрывно связан с политическими событиями в царстве Вэй, свидетелем которых был Лю Чжэнь: многие достойные люди тогда отдалялись от общественной жизни, если Цао Пи видел в них угрозу своей власти.

Темы первых двух стихотворений – нравственная чистота и твердость духа – призваны заявить о том, что люди, наделенные этими качествами, отнюдь не перевелись, напротив, даже в самых неблагоприятных условиях им удастся эти качества проявлять. Тема последнего стихотворения окрашивает все выраженные автором до сих пор мысли в политические тона, ведь добродетельный человек почитает восшествие премудрого государя на трон за обязательное условие своего возвращения в общественную жизнь. Таким образом, идея всего цикла может быть сформулирована так: люди, исполненные высших нравственных устремлений, вынуждены непрерывно проявлять стойкость и мужество, чтобы их не утратить, однако при нынешнем положении дел в государстве они чувствуют себя ненужными, даже лишними, и именно поэтому они стремятся бежать от общества, свое место в котором они обретут лишь с появлением добродетельного правителя.

4.3.2. 贈徐干¹¹⁵. Цзэн Сюй Гань

Посылаю Сюй Ганю¹¹⁶

(1) Кто [же] скажет, что расстояние между нами велико, (2) [Ведь нас всего лишь] отделяет [друг от друга] западная стена дворца¹¹⁷. (3) [Мы] разлучены¹¹⁸ строгим приказом, (4) Не могу проявить свои чувства. (5) Думы о Вас лелею в глубине своего сердца, (6) Протяжным вздохом их не выразить. (7) Встаю, сажусь и забываю последовательность [минувших

¹¹⁵ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Хань Гэпин, 1991, С. 477–480], [У Юнь, 2005, С. 566–568].

¹¹⁶ О жизненном и творческом пути Сюй Ганя см. в Приложении Г.

До нас практически не дошли сведения о событиях, послуживших импульсом для создания произведения. Известно, что имелось стихотворное послание (возможно, не одно), написанное Сюй Ганем в ответ на послание Лю Чжэня. Как сообщает комментарий, оба стихотворения были отмечены печальной тональностью – в то время тоска и горечь переполняли сердца поэтов. Кроме того, в том же комментарии сообщается, что, вероятно, стихотворение Лю Чжэня было написано уже после его возвращения на службу. И Лю Чжэнь, и Сюй Гань на момент написания стихотворения находились в городе Ечэн, но были лишены возможности увидеться. [Хань Гэпин, 1991, С. 479]

¹¹⁷ Указание на «западную стену дворца» могло бы ввести в заблуждение относительно места создания стихотворения. Ли Шань в своем комментарии к «Литературному сборнику», цитируя «Надписи, [посвященные] древнему дворцу Лояна», сообщает: «Дворец Лояна имеет восточные боковые ворота, западные боковые ворота» [Чжао Мин Вэньсюань, цзюань 23 шибин] “洛阳故宫铭”曰：“洛阳故宫有东掖门、西掖门” [昭明文选, 卷二十三 诗丙]. Таким образом, может показаться, что стихотворение было написано в Лояне. Однако вместе с тем известно, что город был сожжен Дун Чжо и при жизни Лю Чжэня и Сюй Ганя вряд ли был восстановлен. А после того, как Цао Цао на 8-й месяц 9-го г. Цзяньань захватил город Ечэн, центр общественной жизни переместился туда, поэтому можно с уверенностью утверждать, что «Посылаю Сюй Ганю» было написано в Ечэне и, скорее всего, летом. [Хань Гэпин, 1991, С. 478]

¹¹⁸ Досл. – ограничены.

событий], (8) На день по 3–4 раза меняю [свое] место¹¹⁹. (9) Выхожу из северных ворот присутственного места, (10) Издали смотрю на [ечэнский] западный парк¹²⁰. (11) Стройные ивы растут по обеим сторонам дороги, (12) В большом пруде – чистая родниковая вода. (13) Легкие листья кружатся в вихре ветра, (14) Куда же летит птица?¹²¹ (15) Отверженного человека¹²² легко взволновать, (16) Слезы капают на подол платья. (17) Смотрю наверх и вижу, как сияет белое солнце, (18) Оно блестит высоко в небе. (19) Блеск его достигает восьми пределов земли, (20) Все сущее не клонится [лишь] в одну сторону¹²³. (21) В одиночестве испытываю глубокое сожаление, (22) Что не могу к нему приблизиться.

Первый мотив (стр. 1–3) – преграда, осознание непреодолимости которой становится еще более мучительным от того, что друзей «всего лишь отделяет друг от друга западная стена дворца». Второй (стр. 4) – отсутствие возможности встретиться с другом и поведать ему о том, что на душе. Первый и второй мотивы пребывают в причинно-следственных отношениях. На эти строчки можно посмотреть и иначе, что позволит ощутить глубину личной трагедии поэта: с конфуцианской точки зрения, дружба – инструмент, позволяющий актуализировать заложенную в человеке добродетель, то есть «изначальную природу»; человек, лишенный дружеского общения, не может реализовать то, что в нем заложено от природы, что означает утрату им одного из главных смыслов своего существования. Четвертый мотив (стр. 5 и 6) – тоска – тоже находится с предыдущими в причинно-следственных отношениях. Пятый мотив (стр. 7 и 8) – попытка преодолеть чувство тоски – нанизывается на предыдущий, развивая его. Стр. 1–8 – первая часть стихотворения.

Вторая часть представлена стр. 9–14. Шестой мотив (стр. 9 и 10) – воспоминания о счастливо прожитых мгновениях. Из образов ив, воды, листьев, птицы (стр. 11–14), аллегорий ценностных категорий, вырастают описание и седьмой мотив, а именно мотив утверждения поэтом своих идеалов. Шестой и седьмой мотивы, вступая во взаимодействие, формируют то настроение, которое позволяет выделить эти строчки в отдельную часть.

¹¹⁹ Т.е. не нахожу себе места.

¹²⁰ В связи с образом западного парка уместно вспомнить стихотворение Цао Чжи «公宴诗». Слово 公宴 может быть переведено двояко – как «пир высокопоставленных особ» и «пир, на который приглашают многих». Л.Е. Черкасский в своем переводе избежал возможной двойной коннотации, озаглавив стихотворение как «Пиршество» [Цао Чжи. Фея реки Ло. 2000, С. 137]. В этом стихотворении есть строчка, содержащая указание на этот ечэнский западный парк: “清夜游西园” «Ясной ночью прогуливаюсь по западному парку» (У Л.Е. Черкасского – «На прогулке опять в Сиюане» [Цао Чжи. Фея реки Ло. 2000, С. 137]). Можно сделать вывод о том, что западный парк в Ечэне был местом встречи друзей-поэтов.

¹²¹ Образы тонких ив и чистой родниковой воды отсылают нас к природной сущности человека; образ листьев, кружащихся в вихре ветра, вызывает ассоциации с духовной свободой; образ летящей птицы символизирует физическую свободу.

¹²² Образ отверженного человека может трактоваться двояко: поэт ощущает себя таковым по причине разлуки с Сюй Ганем; поэт намекает на свой проступок, в результате которого он подвергся наказанию.

¹²³ Т.е. у всего сущего нет пристрастности, однобокости.

Третья часть заключена в стр. 15–16, в которых Лю Чжэнь мыслит себя глубоко одиноким человеком. Их мотив таков: поэт, предавшись идиллическим воспоминаниям, вновь возвращается к реальности, которая теперь ему кажется еще более беспощадной.

Стр. 17–22 составляют четвертую часть, трактовка которой весьма противоречива. Девятый мотив (стр. 17 и 18) – сияние яркого, как солнце, правителя – навеян образом белого солнца, аллегорией блестящего правителя, под которым подразумевается Цао Цао. С ним схож десятый мотив (стр. 19): образ восьми пределов земли – символ просторов, залитых лучами славы правителя-солнца. Следующий мотив (стр. 20) выражает надежду на справедливость Цао Цао. В отношении последнего мотива (стр. 21 и 22) важно поставить вопрос: к кому именно не может приблизиться Лю Чжэнь – к Цао Цао или к Сюй Ганю?

Если речь идет о Цао Цао, то «глубокое сожаление», которое испытывает поэт, мотив заключительных строчек, а также само стихотворение в целом окрашиваются в тона светлой грусти: идеал есть, это блистательный правитель, но он настолько недостижим, что приходится довольствоваться любованием его неспешным путешествием по небосводу. Подобная трактовка имеет право на существование – Лю Чжэнь почитает Цао Цао за совершенномудрого правителя, связывает с ним свои надежды и воспевает его в своем творении. В этом случае тема стихотворения такова: лишь восшествие на престол добродетельного государя способно избавить подданных от беспокойств, вызволить их из мрака печали и осветить им путь своим сиянием. Тогда композиция стихотворения представляет собой своего рода качели: четыре части соответствуют смене настроений автора (условно: грусть – радость – грусть – радость). Как качели постепенно набирают высоту, так и состояние каждый раз характеризуется большей эмоциональностью: грусть в третьей части, к примеру, более явная, чем в первой.

Если полагать, что под «ним» автор подразумевает Сюй Ганя, то вырисовывается иная картина: здесь уже не светлая печаль от осознания недостижимости идеала, а жгучая горечь от ощущения своего одиночества, еще более усугубляемая ощущением своей ничтожности на фоне яркого, как солнце, правителя. В таком случае общая тема – печаль разлуки и одиночества. Тема вводится в первой части, развивается в последующих двух и находит свое эмоциональное заключение в последней части стихотворения.

Оба подхода в равной степени правомочны. Одно можно сказать точно: как и в цикле «Посвящаю братьям», автор мыслит свое счастье неразрывно связанным с восшествием на престол идеального правителя – в обоих стихотворениях звучат политические нотки.

4.3.3. 又贈徐干詩¹²⁴. Ю цзэн Сюй Гань ши

Вновь посылаю Сюй Ганю¹²⁵

(1) Удостоился [от Вас] милости получить Ваши прекрасные слова¹²⁶, (2) Ваш дар подобен звукам од и гимнов [*Шицзина*]¹²⁷. (3) Высокие [дружеские] чувства устремляются к голубым облакам¹²⁸, (4) Сияют, подавая пример.

Первый мотив (стр. 1) – благодарность и почтение. Второй мотив (стр. 2) – единство эстетического и этического. Третий мотив (стр. 3) – истинная дружба способствует постижению человеком идеалов нравственности. Третий мотив не просто нанизывается на второй – он уточняет его, ведь автор благодарит друга не только за прекрасные строки, но и за подаренную возможность соприкоснуться со своей «изначальной природой»: эти строки, будучи воплощением единства красоты и добра, призваны передать дружеские чувства, побуждающие на устремление к высшим идеалам. В последнем мотиве дружеские чувства сами становятся образцом: четвертый мотив (стр. 4) – с истинной дружбы необходимо брать пример как с эталона, образца. Под примером, на который автор призывает ориентироваться, подразумевается не просто дружба, но и нравственность, в дружбе реализуемая.

Тема стихотворения – дружба – вводится в стр. 1, получает свое развитие в стр. 2 и 3, насыщаясь дополнительными коннотациями, и окончательно оформляется в стр. 4, заключительной для всего стихотворения.

¹²⁴ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Хань Гэпин, 1991, С. 480], [У Юнь, 2005, С. 568–569].

¹²⁵ «Вновь посылаю Сюй Ганю» – второе послание Лю Чжэня своему другу-поэту. Изначально иероглиф 又 («снова», «вновь») не фигурировал в названии, он был добавлен впоследствии, чтобы отличать два стихотворения друг от друга [Хань Гэпин, 1991, С. 480]. По-видимому, «Вновь посылаю Сюй Ганю» – ответ Лю Чжэня на послание Сюй Ганя “答刘桢” «Отвечаю Лю Чжэню», которое, в свою очередь, представляет собой отклик на послание Лю Чжэня «Посвящаю Сюй Ганю» [Там же].

¹²⁶ Словарное значение слова 唾 (двуслог – 咳唾), переведенного здесь как «Ваши прекрасные слова», – «кашлять», «брызгать слюной»; также оно может употребляться в переносном значении – «разговаривать», «беседовать» (обычно о старших). В связи с этим можно вспомнить строчку и контекст, в который она помещена, из главы «Рыболов» в *Чжуанцзы* – возможно, именно эта строчка положила начало для использования слова 咳唾 в переносном значении.

¹²⁷ Сравнивая дар Сюй Ганя с песнями из *Шицзина*, Лю Чжэнь дает ему наивысшую оценку. К тому времени в традиции уже закрепился образ од и гимнов как образцов непревзойденного стиля и высшей нравственности – эстетическая и этическая категории были тесно переплетены. Приведем цитату из *Лицзи* (“礼记” «Записки о ритуалах»), раздела *Юэцзи* (“乐记” «Записки о музыке»): «... поэтому, когда слышат звуки од и гимнов, стремления обретают широту» [*Лицзи*, *Юэцзи* 19] “礼记.乐记”：“故听其雅颂之声，志意得广焉”。 На основании этих слов можно заключить следующее: прекрасное способно возвысить человека, дать ему возможность продвинуться на пути постижения высшей нравственности. Эстетическое не отделяется от этического, и именно поэтому два начала необходимо воспринимать как единое целое.

¹²⁸ Под голубыми облаками могут подразумеваться человек высокого социального положения, человек, преисполненный добродетели, отшельник и т.п. Ключевое слово для возможных коннотаций образа – «высокий». Образ вновь отсылает нас к высшей нравственности, постигаемой сквозь призму дружбы. Как уже отмечалось, дружба мыслилась китайцами как инструмент, позволяющий актуализировать заложенную в человеке от природы добродетель, ведь человек, испытывая дружеские чувства, тем самым приближается к своей «изначальной природе», высшей нравственности.

4.3.4. 贈五官中郎將¹²⁹. 四首. Цзэн угуань-чжунланцзян. Сы шоу

Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]¹³⁰. Четыре стихотворения

(1) В прошлом я сопровождал императора¹³¹ [в походе], (2) Заложив экипаж, [мы] направились в [поход на] Наньсян¹³². (3) Когда проезжали город Фэнпэй, (4) Мы с Вами бок о бок скакали верхом на конях¹³³. (5) Четыре времени года сменяют друг друга, (6) И с наступлением третьего месяца зимы¹³⁴ дует холодный ветер. (7) Многочисленные гости могут занимать [свои] места, (8) Горят яркие огни, источая жар и излучая свет. (9) В чистом пении рождаются прекрасные звуки, (10) В центре парадной залы танцуют. (11) В золотых кувшинах сладкое молодое вино, (12) Пьют из винных чар, не соблюдая правил. (13) [Пируем] долгими ночами, забыв о том, что пора возвращаться, (14) Так продолжается до тех пор, пока царит великая радость. (15) Колесницы с запряженными в них четверками коней мчатся назад¹³⁵, (16) Веселью и радости поистине нет конца.

(1) Я опутан оковами тяжелой болезни, (2) Скрываюсь [на берегу] чистых [вод реки] Чжаншуй¹³⁶. (3) На смену лету приходит темная зима¹³⁷, (4) Были разлучены на долгие десять декад¹³⁸. (5) Постоянно опасаясь, что [душа] отправится скитаться на [горы]

¹²⁹ В китайском заглавии имя Цао Пи не фигурирует, вместо имени указывается его должность *угуань-чжунланцзяна* 五官中郎将, начальника охраны императорского дворца. Доподлинно известно, что Лю Чжэнь в то время служил при Цао Пи в качестве *угуань-чжунланцзян-вэньсюэ* 五官中郎将文学, ответственного по литературе при начальнике охраны императорского дворца. Вероятно, тогда они и подружились. [Хань Гэпин, 1991, С. 483]

¹³⁰ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Хань Гэпин, 1991, С. 482–487], [У Юнь, 2005, С. 562–566].

¹³¹ Цао Цао.

¹³² Т.е. против Лю Бяо.

¹³³ В комментарии указано, что здесь проводится аналогия между городом Фэнпэй, родиной Лю Бана 刘邦 (256/247–195 гг. до н.э.), основателя династии Хань, и уездом Цяо 譙, родиной Цао Цао (155–200 гг. н.э.), будущего основателя новой династии. В том же комментарии есть ссылка на предисловие к оде Цао Пи «Взволнованный вещами» “感物赋序”: «В южном походе на Цзинчжоу проходили мимо родной деревни» “南征荆州, 还过乡里” [Хань Гэпин, 1991, С. 483]. По-видимому, речь идет о том же походе, который упоминает Лю Чжэнь в строках своего стихотворения.

¹³⁴ Двенадцатого по лунному календарю.

¹³⁵ Китайский оригинал, соответствующий русскому переводу «колесницы с запряженными в них четверками коней» (в древности в колесницу запрягали четверку коней [Хань Гэпин, 1991, С. 484]), – словосочетание 四牡. В комментарии Ли Шаня 李善 к «Литературному изборнику» говорится, что «Четверка коней – это вороные кони» “四牡, 骠驹也” [Чжао мин Вэньсюань, цзюань 23 Шибин], также в нем указывается, что образ 四牡 отсылает нас к древней прощальной песне из *Шицзина*, ныне утраченной, в которой есть следующие строки: «Вороные кони стоят на дороге, кучер закладывает экипаж» “骠驹在路, 仆夫整驾” [Там же]. Поскольку песнь была прощальной, аллюзия на нее мыслилась как аллегория скорой разлуки.

¹³⁶ Под «берегом чистых вод реки Чжаншуй» подразумевается город Ечэн [Хань Гэпин, 1991, С. 484].

¹³⁷ В оригинале значит «темная зима», не просто «зима», что дает основание осмыслять этот образ с точки зрения традиционной китайской коррелятивной системы, согласно которой зима расположена в одном ряду с болезнью, страданиями, смертью. Тем не менее, не стоит пренебрегать тем фактом, что разлука друзей, о которой пойдет речь ниже, имела место быть действительно зимой.

¹³⁸ Десять декад приблизительно соответствуют продолжительности зимы.

Тайшань¹³⁹, (6) И я уже не увижусь вновь со старым другом. (7) Как же искренна Ваша любовь, (8) Навещаете меня, чтобы утешить. (9) Ведем чистую беседу¹⁴⁰, пока солнце на западе не опустится за горизонт, (10) С любовью глядя друг на друга, выражаем свои печальные чувства. (11) Перед разлукой вновь и вновь произносим прощальные речи, (12) [Вам пора] возвращаться в экипаже к западным соседям¹⁴¹. (13) Увядавшие листья кружатся в поднявшемся ветре, (14) На широкой дороге взлетает пыль¹⁴². (15) Минувшее подобно текущим водам¹⁴³, (16) Печаль в этот момент покидает [меня]¹⁴⁴. (17) Спрашиваю, когда же встретимся вновь, (18) Приглашает меня [приехать] теплой весной. (19) Надеюсь [на встречу], думаю [о Вас] с почтением, [ведь наши дружеские] узы нерасторжимы, (20) Посвящаю Вам новое стихотворение. (21) Старательно совершенствуйте Ваши прекрасные добродетели, (22) Тот, чье лицо обращено на север¹⁴⁵, должен заботиться о себе.

(1) Как же унылы осенние дни¹⁴⁶, (2) Предаюсь горестным думам и тяжело вздыхаю. (3) До самого рассвета не могу уснуть¹⁴⁷, (4) Опускаю кисть в тушь, чтобы выразить [свои] мысли. (5) Яркие огни озаряют покои, (6) Свежий ветерок несет прохладу, уже наступают холода. (7) Передний дворик покрыт белой росой, (8) Один за другим опускаются засовы на главных воротах. (9) Четыре сезона сменяют друг друга, (10) Год незаметно подходит к концу. (11) Храбрые воины выступают в дальний поход, (12) Полководец один несет ответственность за исход ратных дел. (13) Слезы [мои] орошают подол платья, (14) Могу ли не тосковать по тому, кто дорог?

(1) Холодный ветер сдувает мелкие камешки¹⁴⁸, (2) Как же безупречно бел иней. (3) Яркая луна освещает красный полог, (4) Разноцветные огни излучают сияние. (5) Слагает

¹³⁹ Ли Шань со ссылкой на другой источник пишет: “太山，天帝孙也，主召人魂”(«Горы Тайшань – внуки Небесного владыки – ведали призыванием душ умерших людей») [Чжао мин Вэньсюань, цзюань 23 Шибин]. Выражение “游岱宗” («отправиться скитаться на горы Тайшань») до сих пор используется как эвфемизм глагола «умереть». Кстати, родина Лю Чжэня находилась недалеко от гор Тайшань.

¹⁴⁰ «Чистые беседы» 清谈 – термин для обозначения философских диспутов, которые через несколько десятилетий получают распространение в правящей элите китайского общества.

¹⁴¹ В Ечэн.

¹⁴² Дорожная пыль – неизменный атрибут военного похода.

¹⁴³ Стр. 15 – реминисценция знаменитого высказывания Конфуция: [9.17.] «Все уходящее подобно этому: // Не останавливается ни днем ни ночью» [Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы». 2016, С. 111].

¹⁴⁴ Стр. 16 соотносит абстрактное высказывание с тем, что чувствует человек в определенный момент времени.

¹⁴⁵ Цао Пи.

¹⁴⁶ Образ осенних дней задает тональность всему стихотворению. При введении его в систему координат традиционной китайской коррелятивной системы он предстает в аллегорическом свете: осень, будучи предшественницей зимы, несет в себе страдания, болезни и, в конце концов, смерть. Безусловно, не стоит пренебрегать и прямыми коннотациями образа, однако строчка 2, живо описывающая настроение поэта, выдвигает на первый план именно переносное значение образа осенних дней.

¹⁴⁷ Указание на невозможность уснуть отсылает нас к *Шицзину* («И в сердце моем безысходная боль, // Ни отдыха нет, ни покоя, ни сна» – см. песнь «Еще одна ода о дальнем походе» (II, VI, 3) [Шицзин, 1987, С. 187]) – эта аллюзия придает строчке и всему стихотворению печальную тональность.

¹⁴⁸ Под холодным ветром подразумевается северный ветер, который является звеном в цепочке смысловых ассоциаций, порожденных коррелятивной системой. Образ мелких камешек – аллегория человека, оказывающегося бессильным в тех или иных жизненных ситуациях.

стихотворения одно за другим, (6) До глубокой ночи не возвращается. (7) Вы преисполнены множеством великих дум, (8) Вам с легкостью дается утонченное и изящное¹⁴⁹. (9) Я, недостойный подданный, глуп и неотесан, (10) Разве могу сравниться [с Вами], даже если буду стараться изо всех сил?

«Посылаю *угуань-чжунланицзяну* [Цао Пи]» – цикл из четырех стихотворных посланий, адресованных Лю Чжэнем Цао Пи.

Первое стихотворение посвящено изложению событий военного похода, предпринятого Цао Цао против Лю Бяо на 13-й г. *Цзяньань* (209 г.). Первый мотив (стр. 1) – верность государю, второй (стр. 2) – военный поход; к ним примыкает третий (стр. 3 и 4) – мотив двух воинов (Лю Чжэня и Цао Пи), общности их устремлений. Эти три мотива формируют первую часть стихотворения – описание зафиксированных в хрониках событий. Стр. 5 и 6 носят переходный характер. С одной стороны, они являются продолжением предшествующих – отраженное в них состояние природы соответствует фактическому времени года¹⁵⁰; с другой стороны, зимний холодный ветер в контексте всего цикла может быть воспринят как аллегория – намек на несчастья, уготованные поэту судьбой. В любом случае стр. 5 и 6 – связующее звено между двумя описаниями (похода и пира, тоже имевшего место во время этого похода). Описанию пира (третья часть) посвящены стр. 7–12, пронизанные множеством анакреонтических мотивов. Их общий мотив – радость встречи. Стр. 13–16 формируют четвертую часть, в которой автор напрямую выражает свои эмоции. Мотив стр. 13 – желание продлить мгновения счастья, стр. 14 – намек на скорое окончание пира. Стр. 15 напрямую указывает на расставание друзей – разлука и составляет мотив, заключенный в ней¹⁵¹. Стр. 16 напоминает, что пока поводов для огорчения нет. Все четыре части первого стихотворения – описание похода, две переходные строчки, описание пира, выражение эмоции – формируют тему радости совместного пребывания с друзьями.

Второе стихотворение цикла тоже делится на части, каждая из которых объединена общностью мотивов. Первая часть представлена стр. 1–6: в них идет речь о тяжком недуге, постигшем поэта, а также о горьких мыслях, посещающих его в этот период. Первый мотив (стр. 1) – болезнь, второй (стр. 2) – вынужденное затворничество, третий (стр. 3) – бренность бытия, четвертый (стр. 4) – разлука, пятый (стр. 5 и 6) – смерть. Болезнь, смерть

¹⁴⁹ В этих строчках вновь проявляется крепкая связь между этическим и эстетическим.

¹⁵⁰ На третий месяц 14-го г. *Цзяньань* (210 г.) войска Цао Цао подошли к Цяо 譙, из Го 渦 прошли к Хуай 淮, перешли реку Фэй 肥, там соединились, а на 12-й месяц (3-й по лунному календарю) вернулись в Цяо [Там же].

¹⁵¹ Поясним: с одной стороны, расставание братьев по оружию является логическим завершением любого военного похода, и, с этой точки зрения, не стоит придавать значение трагической интонации и коннотации строк; с другой стороны, прочитав весь цикл, мы понимаем, что мгновения дружеской встречи являются самыми светлыми в жизни поэта, а разлука и произошедшие после нее события ничего доброго ему не сулят.

и разлука – доминанты первой части второго стихотворения. Его вторая часть, посвященная описанию встречи двух друзей, представлена стр. 7–10. Шестой мотив (стр. 7) – искренность дружеских чувств, седьмой (стр. 8) – встреча, восьмой (стр. 9) – дружеская беседа, которую ведут поэты Лю Чжэнь и Цао Пи во время своих встреч, девятый (стр. 10) – излияние чувств. Каждый мотив этой части связан с последующим как причина со следствием. Мотивы первой части стихотворения соединяются так же – болезнь поэта является причиной его замкнутого образа жизни, а вынужденное затворничество навевает на него философские размышления. Третья часть представляет собой непосредственное описание разлуки двух друзей, мотив которой заключен в стр. 11 и 12. Стр. 13 вызывает ассоциации с аналогичной строчкой¹⁵² из «Посылаю Сюй Ганю» – в обеих выражен мотив духовной свободы. Этот мотив уточняется последующим (стр. 14), т.е. мотивом похода как возможности обретения духовной свободы. Следующий мотив (стр. 15 и 16) – непостоянство всего сущего. Оба мотива вставной части (стр. 13–16) – духовная свобода и быстротечность бытия – переключают внимание читателя с наблюдения за жизненными перипетиями отдельного человека на созерцание и постижение вечности. Под влиянием философских размышлений общее настроение автора меняется: последующие мотивы окрашены, скорее, в оптимистичные тона. Стр. 17 и 18 – мотив надежды на встречу, стр. 19 – мотив прочности дружеских уз (именно из-за этой прочности надежда жива в сердце поэта), стр. 20 – мотив послания как воплощения дружеских чувств. Заключительная часть (стр. 21 и 22) содержит дружеское напутствие, составляющее последний мотив. Тема второго стихотворения – дружба, для которой ни разлука, ни болезнь, ни даже смерть не являются преградами.

Третье стихотворение цикла, как и первые два, делится на части, объединенные общностью мотивов. Первая часть представлена стр. 1–4, посвященными описанию внутреннего состояния поэта. Мотив стр. 1 и 2 – горестные думы, предчувствие смерти. Тоска побуждает поэта на создание новых произведений. Мотив стр. 3 и 4 – понимание литературного творчества как средства выражения своих чувств, переживаний. Стр. 5–8, на первый взгляд, содержат бытовую зарисовку, однако картина повседневной жизни являет собой не что иное, как аллегорическое воплощение философских размышлений автора: стр. 5 – мотив вечера как заката человеческой жизни, стр. 6 – холода как провозвестника будущих несчастий и, возможно, смерти, стр. 7 – разлуки, стр. 8 – отсутствия возможности воссоединиться. Эти мотивы необходимо рассматривать сквозь призму коррелятивной системы. Мотивы первой части объединены причинно-следственной связью (одиночество

¹⁵² «легкие листья кружатся в вихре ветра»

и побудило Лю Чжэня на составление послания). Стр. 9 и 10, носящие переходный характер, вызывают ассоциации с аналогичными по композиционной функции строчками из первого и второго стихотворений цикла¹⁵³, вплетающимися в рассказ о текущих событиях нити размышлений о вечном и всеобщем: и в третьем стихотворении эти строчки объединены мотивом быстротечности жизни. Переходный характер они несут потому, что вклиниваются между двумя описаниями, которые как между собой, так и с ними напрямую не связаны. Тем не менее, не стоит пренебрегать и прямым толкованием образов: эти две строчки могут выполнять функцию уточнения фактического времени, в которое разворачивались события. Последняя часть стихотворения, представленная стр. 11–14, выражает чувства поэта, вызванные разлукой с близким другом. Стр. 11 и 12 – мотив военного похода, стр. 13 и 14 – тоски по другу и страха за него. Между мотивами этой части наблюдается смешанный тип связи: мотивы заката человеческой жизни и будущих невзгод связаны путем нанизывания, а мотивы разлуки и отсутствия контактов – как причина со следствием. Тема третьего стихотворения цикла – тоска, вызванная осознанием неопределенности своего будущего, отсутствием возможности встретиться с близким человеком, а также страхом за его дальнейшую судьбу.

Четвертое стихотворения цикла. Его первая часть – стр. 1 и 2. Первый мотив (стр. 1) – человек не в силах противиться смерти, второй (стр. 2) – нравственная чистота, придающая человеку стойкость. При противопоставлении обоих мотивов выкристаллизовывается общий мотив: несмотря на бессилие человека перед лицом судьбы, он обладает стойкостью духа, не позволяющей ему сломаться. С одной стороны, это мотив восхваления добродетелей Цао Пи, с другой стороны – утверждения идеала, к которому необходимо стремиться. Тем не менее, даже при двоякой трактовке мотив остается цельным – в роли идеала выступает Цао Пи. Вторая часть представлена стр. 3–6, в которых заключен мотив творчества, вводимый опять же в связи с Цао Пи: он призван воспеть одно из его многочисленных достоинств, на сей раз – его поэтический дар. Третья часть стихотворения демонстрирует контраст между скромными способностями автора (по крайней мере, он сам склонен их низко оценивать) и бесчисленными талантами его друга. Мотив стр. 7 и 8 – утверждение достоинств Цао Пи. Он противопоставлен мотиву самоуничужения и возвеличивания достоинств друга, выраженному в стр. 9 и 10. Тема четвертого стихотворения – восхваление, некоторая неумеренность которого позволяет предположить, что это панегирик.

¹⁵³ «Четыре времени года сменяют друг друга, // И с наступлением третьего месяца зимы дует холодный ветер» (первое стихотворение); «Увядшие листья кружатся в поднявшемся ветре, // На широкой дороге взлетает пыль. // Минувшее подобно текущим водам, // Печаль в этот момент покидает [меня]» (второе стихотворение).

Тема всего цикла – безграничная преданность другу и безусловная любовь к нему.

4.4. Стихотворные послания Ван Цаня

Ван Цань 王粲 (177–217 гг.), по второму имени – Чжунсюань 仲宣, был родом из Гаопина Шаньяна 山阳高平 (на территории нынешней провинции Шаньси). Происходил из знатного и уважаемого рода. Одаренность Ван Цаня стала проявляться достаточно рано: в частности, Цай Юн 蔡邕 (133–192 гг.), выдающийся литератор и каллиграф Восточной Хань, сразу разглядел в нем, еще ребенке, большой талант и даже оставил ему в наследство свою библиотеку. Ван Цань, последовав примеру своих предков, избрал чиновничью стезю – сначала служил при Лю Бяо, затем при Цао Цао. Его карьера сложилась весьма благополучно. Как и остальные Мужы, остро переживал общественно-политические потрясения своего времени. Как и его предки, был радетелем за древние обычаи, традиции и установления. Незаурядность его личности проявлялась как на государственной службе, так и в литературном творчестве. По признанию многих, именно он был наиболее выдающимся из Семи *цзяньаньских* мужей. Единственный из Мужей удостоился отдельного жизнеописания в *Саньгочжи*. Скончался в возрасте 41 года от эпидемии.

4.4.1. 贈士孫文始¹⁵⁴. Цзэн Шисунь Вэньши¹⁵⁵

Посылаю Шисунь Вэньши¹⁵⁶

(1) Небеса ниспосылают смерть и хаос, (2) Повсюду царит разруха¹⁵⁷. (3) Я со своим другом (4) Покидаю столицу. (5) Сокровища храмов¹⁵⁸ навсегда утрачены, (6) [Мы] бежим далеко-

¹⁵⁴ Период *Цзяньань* славился, прежде всего, пятисложной поэзией. А «Посылаю Шисунь Вэньши» – образец четырехсложной поэзии, восходящей еще к *Шицзину*. Можно предположить, что выбранная автором форма призвана с первых строк настроить читателя на серьезный и торжественный лад, так как на протяжении столетий *Шицзин* мыслился как источник высокого литературного стиля.

¹⁵⁵ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Хань Гэпин, 1991, С. 241–245], [У Юнь, 2005, С. 255–259].

¹⁵⁶ О личности Шисунь Вэньши 士孫文始 см. подробнее в [Хань Гэпин, 1991, С. 242]:

Шисунь 士孫 – его фамилия; Вэньши 文始 – второе имя; Мэн 萌 – первое. На 3-й г. периода *Чутин* 初平 (190–193 гг.) перебрался из Чаньани 长安 в Цзинчжоу 荆州 к Лю Бяо 刘表. Отец Шисунь Вэньши Шисунь Жуй 士孫瑞 состоял на службе, занимал чиновничьи посты, помогал Ван Юню 王允 расправиться с Дун Чжо 董卓, а впоследствии, сопровождая Сяньди 献帝 в Лоян, был убит Ли Цзюэ 李傕. Его заслуги не остались незамеченными, и Сяньди в память о них пожаловал его сына Мэна титулом *хоу*. Последний с детства проявлял неординарные способности, в 15 лет начал писать. Позже он, как и отец, избрал для себя чиновничью стезю. Послание Ван Цаня, друга Мэна, было написано накануне его отъезда – отправления на службу.

¹⁵⁷ Досл. – нет того царства, которое не было бы разрушено, уничтожено.

¹⁵⁸ «Сокровища храмов» – государственная власть.

далеко. (7) Поселяемся в царстве Чу¹⁵⁹ (8) У вод реки Чжан. (9) На берегу реки Чжан (10) Можем предаться мирной жизни. (11) Чувства [наши] столь гармоничны, как и звуки *чи* и *сюнь*¹⁶⁰, (12) [Единодушие и единомыслие, царящие между нами,] уподобляют нас [по степени близости друг к другу] десне и скуле¹⁶¹. (13) Пусть и [следуем мы] во всем ритуалу и закону, (14) Однако венцом [нашей дружбы] являются смех и беседа¹⁶². (15) И так почти каждый день, (16) Нет ни конца, ни начала. (17) Хотя и говорю, что нет конца, (18) Время не благоволит нам. (19) В помыслах едины, в делах разобщены, (20) Неизбежно настает день разлуки. (21) [Вы] пересекаете бурлящие [воды] Янцзы, (22) Надолго поселяетесь на юге, на берегах реки Сышуй¹⁶³. (23) Помыслы мои не обретают пристанища – (24) Присев на время, вновь встаю. (25) Ведь только на тех южных берегах (26) *Цзюньцзы*¹⁶⁴ остается навеки. (27) Мысль моя улетает далеко-далеко¹⁶⁵, (28) Каждый миг посвящаю думам о Вас. (29) Как говорится, (30) Ни дня без мыслей о том, кто дорог¹⁶⁶. (31) Еще более восхищаюсь Вашими добродетелями, (32) Как не тосковать [по Вам]? (33) Утренний ветер к вечеру стихает, (34) Возвещая о [наступлении] времени встреч. (35) Устремляю [свой] взор, полный надежд и благоговения, на царствующий дом (36) Тяжело и протяжно вздыхаю. (37) Вы вдали от родного края, (38) Кто же придет на помощь императорскому чиновнику? (39) Царства вокруг погрязли в междоусобицах, (40) Вам поручено их примирить. (41) Ныне, когда Вы отправляетесь на их усмирение, (42) [Вам следует] подать [этим] малым царствам пример. (43) Не говорите, что они – варвары, (44) Что не почитают Вашу добродетель. (45) Будьте осторожны, (46) Оставайтесь верны прекрасным образцам¹⁶⁷. (47) Хотя дракон еще

¹⁵⁹ Под царством Чу подразумевается область Цзинчжоу, располагающаяся на территории древнего царства Чу; правителем Цзинчжоу в ту пору был Лю Бяо, на службу к которому впоследствии поступил Шисунь Вэньши [Хань Гэпин, 1991, С. 242].

¹⁶⁰ Сочетание звучаний инструментов *чи* и *сюнь* настолько гармонично, что в литературе этот образ нередко использовался как метафора крепкой дружбы [Хань Гэпин, 1991, С. 242].

¹⁶¹ Содержание метафоры «десна и скула» близко содержанию метафоры «звуки *чи* и *сюнь*». Отличие между ними состоит в том, что «звуковая» восходит к *Шицзину*, а «физиологическая» – к *Цзочжуани* [У Юнь, 2005, С. 257].

¹⁶² Эти строчки тоже отсылают нас к *Шицзину*, а именно к песни «Жертвоприношение предкам» (II, VI, 5): «Ритуал и закон соответствуют норме, а смех и беседа – месту и времени?» (дословный перевод). “礼仪卒度，笑语卒获”。В переводе А. Штукина – «И весь мы исполним обряд, как предпишет закон. // Улыбки и наша беседа пристойны вполне» [Шицзин, 1987, С. 190].

¹⁶³ Воды, которые в виде рукавов выходят из основного русла, а впоследствии вновь в него возвращаются.

¹⁶⁴ Т.е. вы остаетесь навеки.

¹⁶⁵ Слова «Мысль моя улетает далеко-далеко» “悠悠我心” отсылают нас к *Шицзину*. “诗。郑风。子衿”：“青青子衿，悠悠我心”。В переводе А. Штукина – «Ворот одежды блестит бирюзовый на нем. // Сердце скорбит бесконечно о милом моем» [Шицзин, 1987, С. 80].

¹⁶⁶ Слова «Как говорится, // Ни дня без мыслей о том, кто дорог» “人亦有言，靡日不思” тоже отсылают нас к *Шицзину*. “诗经。大雅。抑”：“人亦有言，靡哲不愚”。В переводе А. Штукина – «Люди теперь поговорку сложили вот так: // Всякий мудрец, говорят, непременно дурак» «Поучение правителю» (III, III, 2) [Там же, С. 253]

¹⁶⁷ В соответствии с традиционными китайскими представлениями о дружбе, искренность и взаимная нравственная требовательность – залог образцовых дружеских отношений. Поэтому Ван Цань, наставляя, даже поучая Шисунь Вэньши, исполняет свой дружеских долг.

в полной мере не проявил себя, (48) Ничто не может поколебать его стремлений¹⁶⁸. (49) [Далеко-далеко] текут спокойные [воды] Ли[шуй], (50) Пышно раскинулись леса в [уезде] Тан. (51) Хотя [мы с Вами] в одной области, (52) Нас разделяет безбрежный простор. (53) Белый жеребец [не должен забывать о своих] высоких стремлениях, (54) О чем нас предупреждали древние. (55) Верю, что [Вы –] *цзюньцзы*, (56) Не пренебрегайте порывами души. (57) Где бы [Вы] ни были, (58) Не оставляйте [меня] без весточки от Вас.

Доминанта стихотворения – образ Шисунь Вэньши. Композиционно оно делится на два блока: первый (стр. 1–22) посвящен совместному времяпрепровождению Ван Цаня со своим другом Шисунь Вэньши, второй (стр. 23–58) – их разлуке. Каждый из двух блоков делится на более мелкие части. В целом «Посылаю Шисунь Вэньши» характеризуется довольно дробным членением, что не лишает его структуру целостности.

Первый мотив (стр. 1) может быть сформулирован двояко: это мотив катастрофы, если мы воспринимаем сказанное как прямую экстраполяцию фактического времени на художественное, и мотив высшего возмездия, если мы вспоминаем о существовании прямой зависимости между благосклонностью неба и порядком на земле в традиционном китайском сознании. Стр. 2 примыкает к стр. 1; ее мотив – бедственное положение государства – уточняет предыдущий и одновременно состоит с ним в причинно-следственных отношениях. Оба мотива (стр. 1 и 2) формируют один эпизод¹⁶⁹. Следующий эпизод – уход друзей из столицы – заключен в стр. 3–6. Стр. 3 и 4 несут в себе фабульный мотив ухода двух друзей из погруженной в хаос столицы. В стр. 3 впервые вводится образ друга, центральный для всего стихотворения, а также тема дружбы, отношений, послуживших импульсом для создания стихотворения. Мотив стр. 5 – обреченность власти, носящей сакральный характер (сокровища), на крах (сокровища навсегда утрачены). В стр. 6 повторяется фабульный мотив покидания города, охваченного хаосом. Первый и второй эпизоды связаны логической последовательностью: наблюдение за чудовищным положением дел в столице побуждает двух друзей бежать из нее. Третий эпизод, представленный стр. 7–10, тоже связан с двумя предыдущими причинно-временными отношениями. Стр. 7 и 8 – мотив обретения друзьями пристанища. Стр. 9 и 10 – мотив возможности наслаждаться спокойной жизнью на лоне природы. Типы связи между

¹⁶⁸ Стр. 47 и 48 коррелируют с известным высказыванием из *Ицзина*: «прячущийся дракон (т.е. еще не проявивший себя талант – *Н.С.*) пока бездействует» (潜龙勿用). “易。乾”：“潜龙勿用”【“易经”第一卦 乾】。Цит. по: [Хань Гэпин, 1991, С. 243]. Эта реминисценция призвана поддержать Шисунь Вэньши: хотя он пока не назначен на высокую должность, он не должен отказываться от своих устремлений.

¹⁶⁹ Первая часть первого блока (стр. 1–10), посвященная описанию смуты, отъезду друзей из столицы, прибытию их на новое место, является сюжетной – в ее основе лежит, прежде всего, «развертывание мотивов-компонентов на событийной основе» [Аникин, 2007, С. 287]. А «часть сюжетного события, композиционно объединенного причинно-следственной связью» [Там же], как раз именуется эпизодом. Показателем смены эпизода является временной перерыв.

мотивами стр. 7,8 и 9,10 – это причина-следствие или примыкание. Стр. 1–10 составляют первую часть первого блока стихотворения. Внутри первой части выделяются смысловые скрепы (она посвящена совместному уходу друзей из столицы и обретению ими нового пристанища), композиционные связи (она предстает как единый структурный элемент благодаря наличию эпизодов, связанных друг с другом логически), а также общая природа мотивов (фабульные мотивы).

Вторая часть первого блока стихотворения (стр. 11–16) характеризуется наличием статических¹⁷⁰ мотивов, развертывающихся в эмоциональные ряды, а также наличием смыслового единства, выраженного в описании психологической составляющей совместного времяпрепровождения двух друзей. Вторая часть первого блока связана с первой, будучи не только хронологическим, но и семантическим ее продолжением, – вторая часть детализирует, как и почему два друга «могут предаться мирной жизни». Мотив стр. 11 – дружба, а также гармония в отношениях между Ван Цанем и Шисунь Вэньши. В этой и в последующих строчках этой части звучат идиллические¹⁷¹ нотки. Мотив стр. 12 – духовная близость, объединяющая навеки двух друзей, – уточняет и обогащает предыдущий. Мотивы стр. 13 и 14 – соблюдение норм и правил, предписываемых традиционной конфуцианской моралью, и легкость жизни с отчетливым звучанием анакреонтических, даже пасторальных ноток. Можно предположить, два мотива противопоставлены друг другу, однако для Ван Цаня первое не исключает второе – эти строчки отражают идеальное времяпровождение (так, как его мыслили поэты той эпохи¹⁷²). В стр. 15 и 16 реализуется мотив, уточняющий предыдущие и подводящий им итог, а также придающий непреложность всему вышеописанному. Во второй части эпизоды не выделяются, поскольку они концентрируют фабульные мотивы, но не статические.

В третьей части первого блока (стр. 17–22) наблюдается переплетение фабульных и статических мотивов, на событийном и эмоциональном уровнях передающих неизбежное наступление разлуки двух друзей. Третья часть примыкает ко второй за счет стр. 17, мотив которой повторяет предыдущий. Стр. 18 (мотив неумолимого течения времени) вступает со стр. 17 в отношении контрастного противопоставления. В основе мотива стр. 19 – несоответствия желаемого положения вещей действительному – также лежит антитеза. В строчке 20 это противоречие поясняется – в ней реализуется мотив неминуемого

¹⁷⁰ Терминология Б.В. Томашевского – см. подробнее: [Томашевский, 1999, С. 230].

¹⁷¹ Ее действующие лица, как правило, – «деревенские жители, ведущие простую гармоничную жизнь на лоне природы» [Цит. по: Теория литературных жанров, 2011, С. 104], а ее устойчивые тематические комплексы – «гармоническое сочетание простого домашнего быта и природного ландшафта с любовной или дружеской тематикой» [Там же].

¹⁷² «О занятиях ечэнских поэтов красноречиво говорит сам Цао Пи в послании к поэту У Чжи. <...> Много стихотворений участники “Ечэнской группы” посвятили пирушкам и веселым прогулкам...» [Черкасский, 1963, С. 14].

расставания. Замыкают третью часть первого блока два фабульных мотива: стр. 21 – мотив отъезда дорогого друга, а стр. 22 – мотив жизни вдали от дома и друзей; налицо нанизывание этих мотивов друг на друга. Учитывая то, что здесь под рекой Сышуй подразумеваются воды, которые сначала в виде рукавов выходят из основного русла, а затем вновь в него возвращаются, можно прочесть в стр. 22 еще и мотив изменчивости всего сущего.

Первый блок рисует картины совместного времяпровождения двух друзей (время первого блока – прошедшее; второго – настоящее и будущее). Между тремя частями первого блока прослеживается хронологическая последовательность: необходимость покинуть Чанъань; пребывание с другом вдали от мирской суеты; подготовка к неизбежному расставанию, наступление времени которого знаменует конец первого блока.

Второй блок, отмеченный пребыванием в разлуке с другом, композиционно делится на 2 части. Первая представлена стр. 23–38, вторая – 39–58. Первая ориентирована, главным образом, на настоящее, вторая – на будущее. Вторым блоком, в отличие от первого, характеризуется преобладанием статических мотивов – здесь развертывается чувство.

Первая часть второго блока напоминает элегию: во-первых, налицо преобладание элегической эмоции¹⁷³, во-вторых, монолог постепенно переходит в диалог¹⁷⁴. Мотив, придающий первой части элегическую тональность, – внутренняя тревога, охватившая поэта, – отражен в стр. 23. На него нанизывается мотив невозможности обретения душевного покоя (стр. 24). Мотив длительности разлуки (стр. 25 и 26) поясняет предыдущие, выраженные в стр. 23 и 24. Дальнейшей детализации элегической эмоции способствуют мотивы задумчивости и мысленного устремления к другу (стр. 27 и 28). В стр. 29 и 30 (мотив грусти от невозможности находиться рядом с другом) присутствует типичная для элегии тоска по «утраченному времени» [Теория литературных жанров, 2011, С. 111], «томление» [Там же] об ушедшем. Мотивы стр. 31 и 32 – стремление отдать должное качествам друга и желание оправдать свое меланхоличное состояние тоской по нему – связаны друг с другом и с предыдущими мотивами по принципу нанизывания. Стр. 33 и 34 – аллегорические: автор проецирует свое внутреннее состояние на внешнюю среду. К мотиву надежды (стр. 33 и 34) примыкает мотив веры в возможность положить конец хаосу, в который погрузилась империя (стр. 35). Эти два мотива контрастируют с мотивом обреченности (стр. 36). Первую часть второго блока замыкают два мотива, связанные причинно-следственной связью и обогащающие общий эмоциональный фон, – пребывание

¹⁷³ Ее устойчивые слова-сигналы – «уныние», «меланхолия», «печаль», «тоска», «грусть» (мы указывали ранее).

¹⁷⁴ Поэт сначала выражает тоску по другу, а затем обращается к нему – элегии свойственно движение от медитативного монолога к расширению диалогических возможностей.

Шисунь Вэньши на чужбине и его уязвимость (стр. 37 и 38). Последняя стр., как и 32, несет риторический вопрос; здесь налицо наличие коммуникативной ситуации и адресованной речи лирического субъекта. А поскольку стихотворение еще предваряется заглавием, содержащим именование адресата, очевидно, что это классическое послание.

С самого начала второй части второго блока, ориентированной на будущее, ощущается резкая смена настроения: от минорной тональности не осталось и следа, теперь в строчках чувствуется твердость, решимость – отчасти это обусловлено тем, что автор перемещает нас из сферы абстрактного в сферу конкретного. Конкретика, изображение реальных исторических событий, проявляется уже в стр. 39. Она соотносится со стр. 1, также вводя читателя в сферу конкретного, фактического. Даже мотивы этих строчек тождественны – это мотив бедственного положения государства. К нему примыкает мотив ответственной миссии, возложенной на Шисунь Вэньши (стр. 40 и 41). Стр. 42–46 – дидактический монолог, в котором автор наставляет друга. Мотив стр. 47 и 48, – необходимость быть стойким перед лицом испытаний и верным своим убеждениям. Строчки 49–52 – своеобразная вставка (отчасти пейзажная, с некоторыми элементами энэргии¹⁷⁵ – гидрографией и дендрографией), призванная смягчить дидактическую тональность, напомнить Шисунь Вэньши о расстоянии, разделяющем друзей, а также ввести мотив разлуки, придающий основной теме – дружбе – более отчетливое звучание. На то, что стр. 49–52 представляют собой вставку, указывает и то, что стр. 53 и 54 логически и семантически продолжают стр. 47 и 48, только образ дракона сменяется здесь образом белого жеребца, который мыслился в традиции как аллегория мудрости, символ мудреца [Хань Гэпин, 1991, С. 243]. Стр. 55–58 подводят посланию итог: в них заключены такие мотивы, как утверждение высоких моральных качеств друга, призыв оставаться верным своим убеждениям; просьба не пренебрегать дружбой.

«Посылаю Шисунь Вэньши» отмечено ярко выраженной концовкой, что подчеркивает композиционную целостность произведения. Несмотря на дробное композиционное членение, в тексте четко выделяются пять узлов, вокруг которых группируются мотивы (пять узлов соответствуют пяти частям, объединенным в два блока), – сетование на бедственное положение государства, радость совместного времяпровождения с другом, страх перед расставанием с ним, тоска по нему, исполнение дружеского долга (наставления автора). Хотя пять узлов (как смысловых, содержательных, так и эмоциональных) обеспечили введение разнообразных побочных тем, они также позволили выделить и подчеркнуть главную тему стихотворения – тему дружбы.

¹⁷⁵ Об энэргии см. подробнее: [Москвин, 2005, С. 776].

4.4.2. 贈文叔良¹⁷⁶. Цзэн Вэнь Шулянь

Посылаю Вэнь Шуляню

(1) Гуси¹⁷⁷ летят¹⁷⁸, (2) Следуют тем берегом Янцзы. (3) Цзюньцзы¹⁷⁹ [скоро] отправится в путь, (4) Чтобы навестить западного соседа. (5) Созерцаю островки на Янцзы, (6) Устремляюсь мыслями к горам Лян и Минь¹⁸⁰. (7) Место, куда Вы направитесь, далеко-далеко, (8) Как же не тревожиться за Вас. (9) Для цзюньцзы превыше всего почтение, (10) Отнеситесь серьезно к исполнению служебного долга. (11) Слова Ваши должны быть исполнены мудрости, (12) А красноречие пусть будет направлено на разъяснение [близости между] десной [и скулой]¹⁸¹. (13) В Яньлине¹⁸² действуют, (14) Цяо и Си¹⁸³ этому способствуют. (15) Деяния наших предков (16) Должны быть нами возведены в образец. (17) Вам следует как внимательно относиться к исполнению своих служебных обязанностей, (18) Так и проявлять способность предвидеть [события]. (19) Угадывайте чувства и настроения по их внешним проявлениям, (20) Смотрите [в лицо] и читайте мысли. (21) Пусть глаза всё видят, а уши всё слышат, (22) Ничего не оставляйте без своего внимания. (23) Дун Хэ¹⁸⁴ снискал себе имя на своем поприще, (24) Почему бы не взять с

¹⁷⁶ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Хань Гэпин, 1991, С. 245–249], [У Юнь, 2005, С. 259–262].

¹⁷⁷ Образ гуся вводит читателя в событийный контекст: стихотворение приурочено к отъезду Вэнь Шуляня в соседнее царство с посольской миссией, а гусь является традиционным символом весточки.

¹⁷⁸ Полет гуся ставится в параллель к отправлению цзюньцзы в путь – «параллелизм покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия как признака волевой жизнедеятельности» [Веселовский, 1989, С. 125].

¹⁷⁹ Образ цзюньцзы призван дать оценку морально-этическим качествам друга.

¹⁸⁰ Образы, заключенные в этих строчках, напрямую отсылают нас к путешествию Вэнь Шуляня: островки на Янцзы встречаются ему на пути, т.к. добираться до Шу он будет по воде («... смею [надеяться, что его (*т.е.* стихотворения – Н.С.) мелодия] прозвучит в Вашей лодке»), а гор Лян и Минь ему не миновать, т.к. они являются стратегическими пунктами, через которые можно попасть в Шу [Хань Гэпин, 1991, С. 216].

¹⁸¹ Т.е. между Цзинчжоу и Шу. Наставления, заключенные в стр. 9–10, отсылают нас к цитате из комментариев Цзочжуань, связанной с 25-м г. правления князя Сянгуна 襄公: «Начало с серьезностью, а завершение с почтением» “慎始而敬终”. Посредством этой аллюзии Ван Цань призывает Вэнь Шуляня отнестись к своему делу с серьезностью и уважением. Применительно к стр. 12 стоит сказать, что под десной и скулой здесь подразумеваются Цзинчжоу и Шу. Цзинчжоу – «ворота в Шу», поэтому отсутствие потрясений в Цзинчжоу – залог благоденствия в Шу, что является лишним подтверждением всей важности возложенной на Вэнь Шуляня посольской миссии [Хань Гэпин, 1991, С. 246]. Именно в этой строчке впервые излагается суть задачи, поставленной перед Вэнь Шулянем: это разъяснение близости между десной и скулой, то есть попытка примирения двух царств.

¹⁸² Яньлин 延陵 – это феодальные земли Цзи Чжа 季札, правителя царства У 吴国 (период Чуньцю) [Там же]; здесь налицо метонимический перенос, поскольку под Яньлинем подразумевается сам Цзи Чжа.

¹⁸³ Цяо 侨 – это Цзычань 子产 из царства Чжэн 郑国, а Си 肸 – Шусян 叔向 из царства Цзинь 晋国 (оба – период Чуньцю). Когда Цзи Чжа отправился послом в Чжэн и Цзинь, он при содействии Цзы Чаня и Шу Сяна достиг цели своего визита [Там же]. Таким образом, сославшись на исторический факт, Ван Цань призывает Вэнь Шуляня опираться на достойнейших в царстве Шу.

¹⁸⁴ Неслучайно вводится образ Дун Хэ – сановника дафу 大夫 в царстве Цзинь (период Чуньцю). Во время войны между царствами Цзинь и У Дун Хэ был отправлен послом из Цзинь в У. Прибыв в У, он благодаря проницательности и гибкости добился прекращения военных действий [Там же, С. 247]. Смысл, заложенный в стр. 22 и 23: неужели человек, равный Дун Хэ по способностям, отправившись послом в Шу, не сможет уладить противоречия между Цзинчжоу и Шу? Здесь содержится явный намек на Вэнь Шуляня.

него пример? (25) От его¹⁸⁵ окружения ничего нельзя утаивать, (26) Нельзя себе позволять высокомерных речей. (27) Когда У Гун¹⁸⁶ вступил в спор [с правителем Чу], (28) Между Ци и Чу началась война¹⁸⁷. (29) Основа успеха – (30) Симпатии окружения. (31) Люди от многого уклоняются, (32) Избегают настоящих сложностей. (33) Смотрю [вдаль] на ту реку Хэйшуй, (34) На ее полноводное русло. (35) Реки Янцзы и Ханьшуй¹⁸⁸ мчатся в едином потоке, (36) И они воистину прекрасны. (37) Будущее отношений между двумя областями [Цзин и Шу] (38) Зависит от Вас. (39) Мысленно я – с тем путником [с Вами], (40) Не могу не задержаться [здесь подольше]. (41) Вы же – благородный *цзюньцзы*, (42) Вы не похожи на тех, кто Вас окружает. (43) О Вас беспокоятся все, (44) Но никто – так сильно, как я. (45) [Посылаю Вам] только стихотворение в подарок, (46) Смею [надеяться, что его мелодия] прозвучит в [Вашей] лодке.

«Посылаю Вэнь Шуляну¹⁸⁹», как и «Посылаю Шисунь Вэньши», характеризуется трехчастным композиционным членением, типичным для лирических стихотворений¹⁹⁰. Первая часть заключена в стр. 1–8, вторая – в 9–38, а третья – в 39–46.

Как и в «Посылаю Шисунь Вэньши», первая часть открывается параллельной конструкцией. Выстраивается ассоциативная цепочка: Вэнь Шулян – гусь – *цзюньцзы*. Стр. 1–4 соответствуют общей схеме психологической параллели: «сопоставлены два мотива, один подсказывает другой, они выясняют друг друга, причем перевес на стороне того, который наполнен человеческим содержанием» [Веселовский, 1989, С. 143]. Оба мотива, помещенные в параллельную конструкцию, формируют мотив путешествия, к которому в

¹⁸⁵ Т.е. Лю Чжана.

¹⁸⁶ Т.е. правитель Ци 齐国.

¹⁸⁷ Здесь автор вновь подкрепляет свои абстрактные рассуждения конкретным примером (заметим: примером «от противного»), за которым следует вывод. В связи со стр. 27 и 28, которые призваны посредством наглядного антипримера, «от противного» преподать Вэнь Шуляну урок, уместно обратиться к одной истории из сборника Лю Сяна 刘向 *Шююань* “说苑” («Сад историй») [*Шююань, цзюань 12 Фэньши* 187]: однажды посланник царства Чу был приглашен на пир к правителю царства Ци 齐国; на этом пиру посланник Чу 楚国 с насмешкой вспомнил о том, как Ци потерпело поражение от Янь 燕国; в ответ на это один чиновник из Ци напомнил ему о том инциденте, когда У Цзысюй 伍子胥 высек труп чуского Пин Вана 平王; в результате обе стороны страшно рассердились друг на друга и началась война.

¹⁸⁸ Под рекой Янцзы здесь подразумевается Лю Чжан, правитель царства Шу – земель, которые лежат в истоках Янцзы, а под рекой Ханьшуй – Лю Бяо, правитель Цзинчжоу, земель, лежащих в бассейне Ханьшуй [Хань Гэпин, 1991, С. 247].

¹⁸⁹ Вэнь Шулян 文叔良 (*мин* 名 – Вэнь Ин 文颖) родился в Наньяне 南阳, служил при Лю Бяо в Цзинчжоу – занимал там пост *цунши* 从事 (делопроизводителя); когда Вэнь Шуляну было поручено отправиться в царство Шу, чтобы установить дружественные отношения с его правителем Лю Чжаном 刘璋, Ван Цань находился в Цзинчжоу и на прощание одарил Вэнь Шуляна стихотворением [Хань Гэпин, 1991, С. 246].

¹⁹⁰ «В первой части дается тема, во второй она или развивается путем боковых мотивов, или оттеняется путем противопоставления, третья же часть дает как бы эмоциональное заключение в форме сентенции или сравнения» [Томашевский, 1999, С. 231]. При экстраполяции вывода Б.В. Томашевского на «Посылаю Вэнь Шуляну» необходимо уточнить, что в этом стихотворении вторая часть содержит развитие темы путем боковых мотивов, а третья часть – эмоциональное заключение в форме сентенции.

виде побочного примыкает мотив разлуки. На мотив путешествия нанизывается мотив мысленного единения с другом (стр. 5 и 6). Мотив стр. 7 и 8 – тревога за друга¹⁹¹ – формирует тему. Все мотивы первой части связаны по принципу нанизывания.

Вторая часть представлена стр. 9–38. Ее мотивы тоже нанизываются один на другой, но, в отличие от мотивов первой части, медитативно-созерцательных, мотивы второй – дидактические. Вторая часть напоминает свод правил. Ван Цань, наставляя друга, реализует один из важнейших принципов дружбы¹⁹² – [взаимную] нравственную требовательность. Вторая часть, развивая тему, логически продолжает первую: тревога за судьбу друга побуждает автора обратиться к нему со своими наставлениями, предостережениями – дидактика, будучи мотивационной доминантой всех мотивов второй части, оправдана. Вторая часть предполагает членение, обусловленное сменой коммуникативной установки¹⁹³ и эмоционального фона: стр. 9–32 носят назидательно-побудительный характер, 33–36 – нейтральный, а 37–42 – увещательно-побудительный. Каждый мотив второй части – качество, которое Ван Цань хочет видеть в своем друге, ведь благополучие царства сейчас во многом зависит именно от Вэнь Шуляна. Стр. 9–12 – мотивы почтения, серьезности, мудрости, красноречия. Стр. 13 и 14 – мотив умения подбирать себе соратников. В стр. 15 и 16 содержится составной мотив: во-первых, указывается на успешное посольство Цзи Чжа, во-вторых, утверждается необходимость следовать примерам. В стр. 17 повторяется мотив стр. 10, т.е. мотив серьезности при исполнении долга. Стр. 18–22 – мотивы проницательности, осмотрительности. В древности умению предвосхищать события придавалось большое значение¹⁹⁴. За этими строчками, содержащими теоретический наказ, следует практический комментарий к нему (стр. 23–24) – конкретный пример (этот риторический прием уже встречался ранее, в стр. 13 и 14, только порядок там был обратный: сначала, в 13 и 14, – пример, а затем, в 15 и 16, – вывод на его основе). Здесь повторяется мотив стр. 15 и 16 – умение брать пример с лучших. Стр. 25–30 – мотив необходимости соблюдать принципы открытости, скромности, уважения к окружению князя. Стр. 25–30, содержащие микрокомпозицию теория – практика – вывод, завершают первую, дидактико-императивную, часть второй части стихотворения. За ней следует вторая, нейтрально-императивная, часть (стр. 31–32), которая тоже содержит

¹⁹¹ У Ван Цаня есть веские основания для беспокойства за друга: помимо того, что на пути из Цзинчжоу в Шу ему необходимо преодолеть горные и водные преграды, он еще должен быть готов к опасности, поджидающей его по прибытии, – между правителем Цзинчжоу Лю Бяо, господином Вэнь Шуляна, и правителями Шу Лю Янем 刘焉 и Лю Чжаном 刘璋 (отцом и сыном соответственно), его визави, существовала в ту пору вражда [Хань Гэпин, 1991, С. 216].

¹⁹² Речь идет о том, как дружба мыслилась в классической китайской традиции.

¹⁹³ Коммуникативной, поскольку вторая часть представляет собой прямую речь, адресованную другу.

¹⁹⁴ В *Ицзине*, в комментарии «Приложенные слова» “系辞”, сказано следующее: «Цзюньцзы вначале предвидит, а только затем действует» “君子见几而作” [Ицзин с комментариями].

наставления, только наставления «от противного»; дидактическая тональность здесь смягчается; это уже предостережение. Очевиден «переходный» характер этих строк: план абстракции (первая часть второй части) сменяется планом конкретики (третья часть второй части); все рассуждения (9–30) преломляются здесь (31–32) и затем (33–46) смыкаются в единой точке – личности Вэнь Шуляна и возложенной на него миссии. Третья часть второй части стихотворения – стр. 33–38. Посредством двойных (река–земли–правитель) метонимических переносов Ван Цань выражает следующую мысль: как было бы прекрасно, если бы Лю Чжан и Лю Бяо, уподобившись сливающимся в единый поток Янцзы и Ханьшуй, стали жить в мире и согласии. Мотивы стр. 33–38 – единение, процветание, важность поручения Вэнь Шуляна. Однако применительно к этим строчкам важнее выделить не мотивы, а идею, формирующуюся при соединении мотивов и основывающуюся на параллели, проводимой между реками и царствами. Это идея важной исторической миссии – необходимости устранения противоречий между царствами. Идея еще более отчетливо прорисовывает контуры основной темы – тревоги за судьбу друга. Вторая часть стихотворения, как говорилось ранее, служит цели развития темы. Здесь явно присутствуют и коммуникативная ситуация, и адресованная речь лирического субъекта, обращенная к собеседнику, которые вкупе с заглавием, содержащим именование адресата, подтверждают то, что перед нами – послание.

Третья часть представлена стр. 39–46. Уже в первых строчках проявляется целостность композиционного замысла стихотворения: образы путника и *цзюньцзы* (39 и 41) перекликаются с образами гуся и *цзюньцзы* (1 и 3). Стр. 39–40 – мотив дружеской поддержки. На него нанизываются мотивы несравненных нравственных качеств друга и его одиночества (41–42). В стр. 43 и 44, в основе которых лежит прием контрастного оттенения, повторяется темообразующий мотив тревоги за друга. Эти строчки проникнуты глубоким лиризмом: в них наблюдается индивидуализация чувства – поэт, заверяя друга в своей преданности, подчеркивает исключительность и интенсивность испытываемого им чувства; здесь уже вплетается мысль об одиночестве самого поэта. Стр. 45–46 несут в себе смысловой финал и эмоциональное заключение: чувство тревоги за друга обретает разрешение в воссоединении двух друзей через стихотворение.

4.4.3. 贈蔡子篤¹⁹⁵. *Цзэн Цай Цзыду*

¹⁹⁵ Перевод и текстологический комментарий были выполнены нами, главным образом, с опорой на следующие труды: [Хань Гэпин, 1991, С. 249–251], [У Юнь, 2005, С. 253–255].

Посылаю Цай Цзыду¹⁹⁶

(1) [В небесах] парит *луань*, (2) [Он] летит на восток. (3) Мой друг говорит, что [ему пора] уходить, (4) [Пришло время] возвращаться в родные края. (5) [Ваша] лодка стремительно плывет (6) Вверх по течению реки Янцзы. (7) Дорога заросла густой травой, (8) Теперь по ней невозможно пройти. (9) Тяжко вздыхаю и размышляю над тем, (10) Что же объединяет всех *цзюньцзы*. (11) Жизненный путь длинный и долгий, (12) Сколько же препятствий [он уготовил нам] в беспокойное время. (13) Цзи¹⁹⁷, Дай¹⁹⁸, Цзян¹⁹⁹, Хэн²⁰⁰ (14) Друг от друга далеко-далеко²⁰¹. (15) Порывы ветра рассеивают облака, (16) Разлука подобна каплям дождя²⁰², (17) Человеческая жизнь действительно нелегка, (18) Желая, чтобы Ваша жизнь была не такой. (19) Устремляю свой взор на уходящую вдаль дорогу, (20) Стою, полный искренних чувств. (21) Как же холодна зимняя пора, (22) Как же стремительны порывы яростного ветра. (23) Рыба *линь* скрывается в водной пучине, (24) Спешащие домой дикие гуси парят в вышине. (25) Если не гуси и не орлы, (26) То кто же тогда способен летать? (27) Будучи погруженным в мысли, (28) Я не в силах их выразить. (29) Устремляю свой взор на восточную дорогу, (30) Обуреваемый тоской и печалью, тяжело вздыхаю. (31) [Вы удаляетесь], следуя тем берегом Янцзы, (32) Разлука с дорогим другом²⁰³ не имеет определенного срока. (33) *Цзюньцзы* верен своему слову, (34) Время не рождает [в его сердце] чувство отчуждения. (35) [Нас] с Вами объединяет общее поприще, (36) И в жизни, и в смерти проявим себя на нем стойкими. (37) Как же могу я преподнести [Вам эти] строки? (38) Их посылают [Вам мои] уста. (39) Тоска [еще пуще] щемит [мое] сердце, (40) И слезы текут без конца. (41) Вы же – *цзюньцзы*, (42) Как же могу не тосковать [по Вам я]?

«Посылаю Цай Цзыду» – типичный пример лирического стихотворения, на что указывают композиционная структура, особенности мотивов, типы связей между ними, характер развития основной темы, общая тональность. Наличие фольклорных элементов

¹⁹⁶ Адресат послания – Цай Цзыду 蔡子笃 – близкий друг Ван Цаня. Цай Цзыду (первое имя *мин* 名 – Цай Му 蔡睦), который был, по-видимому, намного старше Ван Цаня, родился в уезде Цзиян 济阳 округа Чэньлю 陈留 (территория нынешней провинции Хэнань); его отец Цай Чжи 蔡质 был *вэйвэем* (卫尉), т.е. начальником охраны ворот императорского дворца, он приходился дядей Цай Юну 蔡邕 – известному литератору, музыканту, каллиграфу эпохи Восточная Хань. По дошедшим до нас сведениям, Цай Цзыду, как и его отец, избрал для себя чиновничью стезю – занимал пост *шаншу* 尚书 (см. ранее) при дворе царства Вэй; известно, что в период обострившейся междоусобной борьбы за власть Цай Цзыду и Ван Цань вместе укрывались в Цзинчжоу; «Посылаю Цай Цзыду» было написано к моменту отъезда Цай Цзыду на родину [Хань Гэпин, 1991, С. 249].

¹⁹⁷ Река Цишуй 济水.

¹⁹⁸ Горы Тайшань 泰山.

¹⁹⁹ Т.е. река. Имеется в виду река Янцзы.

²⁰⁰ Горы Хэншань 衡山.

²⁰¹ Цзи и Дай ассоциируются с родиной Цай Цзыду, а Цзян и Хэн – с родиной Ван Цаня [Хань Гэпин, 1991, С. 250].

²⁰² Каплям дождя, которые, расставаясь с небом, устремляются к земле.

²⁰³ Т. е. с Вами.

(например, параллелизма), метафорических рядов, обилие статических мотивов, развертывающихся в эмоциональные цепочки, отсутствие событийной динамики при акценте на выражение чувства, подача темы в ряде связанных метафор роднят «Посылаю Цай Цыду» с лирической песней²⁰⁴. Использование четырехсложного стиха также указывает на следование классическим образцам. Композиционная структура «Посылаю Цай Цыду» отвечает «трем задачам лирического развития» [Томашевский, 1999, С. 231]: первая часть (стр. 1–10) – введение темы, вторая (стр. 11–36) – развитие темы, а третья (стр. 37–42) – замыкание стихотворения.

Первая часть открывается параллельной конструкцией (стр. 1–4), а именно двучленным²⁰⁵ параллелизмом (*луань* – друг): парящий *луань* ставится в параллель уходящему другу. Детализация – «восток» и «родные края» – сквозь призму традиционной китайской коррелятивной системы обогащает содержание парных образов: место, куда возвращается субъект («восток» и «родные края»), ценно, и сам субъект, сравниваемый с птицей *луань*, т.е. с фениксом, тоже представляет ценность. Мотив стр. 1–4, разлука, – один из четырех доминантных мотивов стихотворения. Факт разлуки не отражает событийной динамики – он служит импульсом для развития чувства. Образы *луаня* и друга – первые звенья метафорического ряда. Мотив стр. 5 и 6 – уход друга – смежен с предыдущим мотивом разлуки; тип связи между ними нельзя определить однозначно: это и логическая последовательность, и временная, и детализация. В стр. 6 подтверждается параллель *луань*–друг²⁰⁶: *луань*, летящий на восток, отождествляется с другом, плывущим на восток. Мотив стр. 7 и 8 – невозможность далее следовать за другом²⁰⁷. Этот и предыдущий мотивы формируют мотив разлуки. Здесь слышатся нотки мотива трудности жизненного пути (второго доминантного), ведь Цай Цыду должен плыть «вверх по течению реки», а для Ван Цаня «дорога заросла густой травой». Следующее звено ассоциативной цепочки, сцепленной центральным образом друга, появляется в стр. 9 и 10, где на первый план выходит образ *цзюньцзы*. Вырисовывается ассоциативный ряд: *луань*–друг–*цзюньцзы* (в дальнейшем он будет дополнен и трансформирован в метафорический ряд). В этих строчках выражен мотив тоски по другу, но к основному мотиву примыкает и побочный – мотив попытки познать друга, себя, то, что объединяет обоих, а также нравственные основы человеческой жизни. Кроме того, эти строчки окрашиваются в элегические тона, что

²⁰⁴ Основные источники, питавшие *цзяньаньскую* литературу, – *Шицзин*, ханьские *юэфу* и народные песни Вэй.

²⁰⁵ «Его общий тип таков: картинка природы, рядом с нею такая же из человеческой жизни; они вторят друг другу при различии объективного содержания, между ними проходят созвучия, выясняющие то, что в них есть общего» [Веселовский, 1989, С. 132].

²⁰⁶ В оригинальном тексте стоит не «Янцзы», а «Ханьшуй» – приток Янцзы; с учетом фактической географии становится очевидно, что Цай Цыду действительно пришлось сначала плыть по Ханьшуй на восток, чтобы достигнуть родных мест [Хань Гэпин, 1991, С. 249–250].

²⁰⁷ Ван Цань стремился проводить Цай Цыду.

обусловлено сосредоточием внимания автора на «переживании невозвратности времени»²⁰⁸ [Теория литературных жанров, 2011, С. 111]. Первая часть стихотворения, подходящая к концу в стр. 10, вводит тему, дружбу, чему способствует выстраивание ассоциативно-метафорического стержня, пронизывающего стихотворение.

Вторая часть изобилует перекликающимися статическими мотивами, которые развертываются в эмоциональные ряды и тем самым способствуют развитию темы. Мотивы стр. 11–12 – осознание тягот человеческого существования, плачевности положения дел в государстве – охватывают два временных плана, вечного и злободневного. Мотив стр. 13 и 14 – отсутствие возможности быть рядом с другом. На него нанизывается мотив разлуки (стр. 15 и 16). «Облака» и «капли дождя» дополняют тот ассоциативно-метафорический ряд, о котором шла речь ранее: *луань–друг–цзюньцзы–облака–капли дождя*. В стр. 17 и 18 повторяется доминантный мотив трудности жизненного пути; при этом наблюдается прямое обращение поэта к другу, собственно коммуникативная ситуация. В стр. 19 и 20 повторяется мотив тоски по другу. Упоминание о чувствах, навеянных уходящей вдаль дорогой, позволяет прочесть этот мотив и иначе, как повторение мотива размышлений о жизненном пути человека. При этом налицо переплетение лирической и философской основ стихотворения. В стр. 21–24, во-первых, наблюдается пополнение ассоциативно-метафорической цепочки, выстраивающейся вокруг центрального образа друга, двумя новыми образами, рыбы *линь* и диких гусей; во-вторых, в них налицо формирование связей перекрестным путем: «рыба *линь* скрывается в водной пучине» именно потому, что «холодна зимняя пора», а «дикие гуси парят в вышине» именно потому, что «стремительны порывы яростного ветра»; в-третьих, здесь повторяются два из четырех доминантных мотивов (разлука с другом и трудность пути), а также вплетаются побочные мотивы (возвращение в родные края, уязвимость друга, страх за его судьбу). В стр. 25 и 26 – заключительные образы стержнеобразующего ассоциативно-метафорического ряда, т.е. образы гуся и орла, связь которых с центральной фигурой друга-*цзюньцзы* становится очевидной за счет риторического вопроса, в котором иносказательно утверждаются добродетели Цай Цыду. Мотив стр. 25 и 26 – восхищение другом, ведь только *цзюньцзы* под силу пройти через все испытания. За ним следует повторяющийся мотив тоски (стр. 27–30), который в качестве побочного примешивается к мотиву разлуки, основному для стр. 31 и 32. Мотив необходимости оставаться верным идеалам *цзюньцзы*, дружбы, мотив утверждения крепких дружеских уз (их единения в нравственных устремлениях), мотив призыва к стойкости перед лицом невзгод отражены в стр. 33–36. В них проявляется

²⁰⁸ Именно на этом переживании и строится весь элегический хронотоп.

нравственная требовательность Ван Цаня к Цай Цзыду, что соответствует традиционным китайским представлениям о дружеском долге. Таким образом, вторая часть стихотворения служит цели развития основной темы путем нанизывания мотивов, развертывающихся в эмоциональные ряды.

Заключительная часть открывается вопросом, задаваемым поэтом другу, т.е. речью, обращенной к собеседнику, которая наряду с заглавием, именующим адресата, и коммуникативной ситуацией является базовым жанровым признаком послания. В «Посылаю Цай Цзыду» налицо все три признака. Обращение к субъекту в этой части стихотворения подтверждает наши предположения относительно элегических ноток, поскольку «от чисто медитативного монолога элегия движется к расширению диалогических возможностей» [Теория литературных жанров, 2011, С. 113]. В третьей части прослеживаются все четыре доминантных мотива: это мотив разлуки (стр. 37–38), тоски (стр. 39–40), ценности нравственных принципов (стр. 41–42); эти три лирических мотива объемлет философский мотив трудности жизненного пути.

«Посылаю Цай Цзыду» – лирическое стихотворение с вплетением философских рассуждений, в котором внимание сосредоточено не на действии (расставании), а на порожденной им психологической ситуации. Все мотивы подчинены цели выражения чувства; событийная динамика отсутствует. Связь между мотивами осуществляется преимущественно по принципу нанизывания – в основе связи лежит эмоциональное развертывание темы, которая, будучи многогранной, имеет одну вершину, и это дружба.

От послания Ван Цаня «Посылаю Ян Дэцзу²⁰⁹» (*Цзэн Ян Дэцзу шу*)²¹⁰, равно как и от послания Сюй Ганя²¹¹ «Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]» (*Цзэн угуань-чжунланцзян*)²¹², сохранилась лишь одна строчка.

²⁰⁹ Ян Дэцзу 杨德祖 (имя *мин* 名 – Сюй 修) служил при дворе Цао Цао в период *Цзяньань*, был большим эрудитом [Хань Гэпин, 1991, С. 273].

²¹⁰ 赠杨德祖诗: 我君钱之, 其乐泄泄 (Когда мой государь устраивает прощальный обед, Чувство радости переполняет его) .

²¹¹ Сюй Гань 徐干 (170–217/218 гг.), по второму имени – Вэйчжан 伟长, известен не только как литератор, один из Семи *цзяньаньских* мужей, но также как философ, теоретик литературы. Современники отзывались о нем как о человеке редкой добродетели. С малых лет проявлял тягу к знаниям. Наблюдая закат некогда мощной империи, а также упадок нравов, удалился от общественной жизни и мирской суеты, с еще большим рвением погрузился в ученье. Отклонял предложения поступить на службу, предпочитал уединение и одиночество. В это время был болен, что, тем не менее, не помешало ему вступить в ряды сторонников Цао Цао – он был воодушевлен возможностью внести свой вклад в умиротворение и объединение Поднебесной. С тех пор занимал разные чиновничьи посты, в то же самое время от многих отказывался. Не гнался ни за богатством, ни за славой. Спустя 5–6 лет службы вновь, одолеваемый болезнью, отошел от дел. Несмотря на то, что вошел в историю, прежде всего, как литератор, оценивал свое литературное творчество ниже, нежели философское. Сведения о его смерти разнятся.

²¹² 赠五官中郎将: 贻尔新诗 (Посылаю Вам новое стихотворение) .

5. Поэтика циклов стихотворных посланий

С формальной точки зрения, все рассмотренные стихотворные послания делятся на два вида – отдельные стихотворения и стихотворные циклы. Несмотря на то, что циклов меньше, они заслуживают отдельного разговора.

Как в отечественном литературоведении, так и в мировом своеобразию поэтики цикла уделяется крайне мало внимания. Среди работ, посвященных циклизации, стоит отдельно отметить статью Р. Вроона «Лирический цикл» [Вроон, 2011, С. 126–159], главу «Циклизация» из книги «Теория литературных жанров» [Циклизация, 2011, С. 157–173], а также диссертацию Е.А. Митькиной [Митькина, 2017]. На ряд мыслей нас навели умозаключения и других исследователей, работы которых приведены в Библиографии. Теоретические выкладки из этих трудов были использованы при анализе циклической формы у Цинь Цзя, Цао Чжи, Лю Чжэня.

Сложность исследований поэтики цикла усугубляется тем, что до сих пор ведутся споры о сущности цикла. Устоявшегося определения этой формы не существует. Р. Вроон пытается решить проблему описательным путем: «Термин “цикл” происходит от греческого *kuklos*, “круг”. <...> тексты их [циклов – *Н.С.*] могут принадлежать к любому жанру или жанровой разновидности; средства и степень связности их бесконечно разнообразны...» [Вроон, 2011, С. 126]. Другие исследователи давали циклам иные определения: «не столько жанр, сколько сверхжанровое единство», «произведение произведений» [Дарвин, 2000, С. 59–67]; «художественное единство», «эстетическое целое» и «герменевтическая структура текстово-контекстной природы» [Ляпина, 1999, С. 17]; «специфическая форма объединения самостоятельных текстов» [Ibler, 2006, S. XIII] и т.д. Как подытоживает Вроон, «единственная черта, свойственная всем определениям этого “жанра”, “сверхжанрового единства” или “эстетического целого”, – “единство”» [Вроон, 2011, С. 126]. Именно этот критерий – критерий единства – мы и берем за основу при анализе особенностей поэтики циклов (стихотворных посланий, написанных в форме циклов) Цинь Цзя, Цао Чжи, Лю Чжэня.

В китайской литературе цикл как форма стихосложения зародился в доханьское время, получил дальнейшее становление в период Шести династий, окончательно

укоренился в поэзии в эпоху Тан, а достиг своего расцвета в период правления династий Сун, Юань, Мин и Цин [Митькина, 2017, С. 100].

Итак, стихотворные послания Цинь Цзя, Цао Чжи и Лю Чжэня. Сравнительный анализ будет проведен по следующим пунктам:

1. Целостность²¹³

В «*Оставаясь в родной области, посылаю супруге*» целостность достигается за счет общего названия, сходства пространственно-временных характеристик, единства эмоции. Налицо тождественность многих мотивов. Идея цикла, любовь, рождается не при взаимодействии тем – она обобщает стихотворения, объединенные общим семантическим ядром. Единство стихотворного размера (пятисложный стих) обеспечивает формальную целостность цикла.

В «*Провожая господ Ин*» целостность также достигается за счет общего названия, одних и тех же пространственно-временных характеристик, единой эмоции. Оба стихотворения объединены общей темой. Мотивы, формирующие основную тему, тоже обнаруживают немало общего. Поскольку тема выкристаллизовывается уже в первых строчках второго стихотворения, можно утверждать, что «*Провожая господ Ин*» соответствует определению лирического цикла как «формы, пересеченной смыслами, возникающими на границах отдельных произведений, пронизанных идеей целого (в данном случае – идеей дружбы – *Н.С.*) и воссоздающих художественный динамический образ этого целого» [Циклизация, 2012, С. 158].

В «*Расстаюсь с другом*» целостность обеспечивается общими предисловием, названием, одной и той же фактической основой, наличием приема, служащего объединяющим фактором, – антитезы (за счет антитезы два произведения вступают во взаимодействие друг с другом).

В «*Посвящаю братьям*» целостность обеспечивается общим заглавием, схожестью художественно-изобразительных средств, идентичностью приемов, общностью формальной организации стихотворного текста. Три стихотворения объединяются общей идеей дружбы. Цикл обнаруживает внутреннюю семантическую автономию стихотворений.

В «*Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]*» целостность тоже обусловлена общими названием, адресатом, стихотворным размером. Налицо единство событийной основы, фабульная завершенность, эмоциональная целостность. Стихотворения имеют общую тему. Композиционную схожесть четырех стихотворений также трудно оспорить.

2. «Извлекаемость»²¹⁴ отдельного стихотворения из контекста цикла

²¹³ Термин предложен в [Циклизация, 2012, С. 157].

²¹⁴ Термин предложен в [Циклизация, 2012, С. 158].

Циклу *«Оставаясь в родной области, посылаю супруге»* присущ обратный признак – «неделимость»²¹⁵. Каждое из трех стихотворений может рассматриваться в отдельности, однако произведение как циклическая конструкция не допускает изъятия структурных элементов, поскольку в таком случае конструкция рассыпается. Неделимость здесь во многом обеспечивается хронологической последовательностью, лежащей в основе соединения частей цикла.

Хотя многие циклы обладают чертами «извлекаемости» и «неделимости»²¹⁶ одновременно, *«Провожая господ Ин»*, будучи наделенным признаком «извлекаемости», лишен «неделимости».

«Посвящаю братьям» соответствует как «извлекаемости» (если рассматривать стихотворения как отдельные иносказательные миниатюры), так и «неделимости» (если общий семантический узор побуждает рассматривать произведение как единую композиционную конструкцию). Оба критерия также применимы к циклу *«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]»*.

В случае с *«Расстаюсь с другом»* «извлекаемость» исключает «неделимость».

3. Порядок циклизации

Вопрос состоит преимущественно в том, насколько жестким является порядок – как хронологический, так и эстетический – включенных в цикл стихотворений.

«Оставаясь в родной области, посылаю супруге» отличается хронологической последовательностью стихотворений. Хотя другие циклы тоже имеют под собой биографическую основу, здесь она проявляется наиболее выпукло – этот цикл объединен не столько лирическим сюжетом, сколько собственно событийным. Стержнем цикла является четко заданная хронология.

«Провожая господ Ин» характеризуется относительно свободным порядком входящих в него элементов. Как отмечалось исследователями, «гораздо более свободный и творческий характер циклизации наблюдается <...> в таких жанровых разделах, которые тяготеют к чисто лирическому способу воссоздания мира» [Циклизация, 2012, С. 161].

«Посвящаю братьям» отмечен более жестким порядком циклизации – идея произведения формируется за счет последовательного нанизывания друг на друга тем стихотворений.

Что касается *«Расстаюсь с другом»*, несмотря на самостоятельность входящих в него частей, порядок циклизации предпочтителен в том виде, в каком он здесь присутствует,

²¹⁵ Термин предложен в [Там же].

²¹⁶ Термин предложен в [Там же].

в противном случае целостность произведения как единой циклической конструкции рассыпается.

В «*Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]*» порядок расположения стихотворений продиктован фабульным началом, что позволяет называть этот порядок жестким.

Р. Вроон в связи с этим утверждает: «В одних циклах стихотворения явно расположены авторами в рассчитанной последовательности, которую нельзя разрушить, не разрушив целого; другие составлены авторами или издателями много спустя после сочинения, и порядок в них кажется более или менее произвольным» [Вроон, 2011, С. 127].

Несмотря на то, что «*Провожая господ Ин*» был явно задуман как цикл, последовательность входящих в него стихотворений представляется свободной. То же самое можно сказать и о цикле «*Посвящаю братьям*».

Порядок расположения стихотворений в «*Расстаюсь с другом*», будучи лишенным ярко выраженной хронологической, логической, эмоциональной последовательности, легче ложится на субъективное читательское восприятие, нежели обратный порядок.

В «*Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]*» наблюдается наиболее жесткая последовательность стихотворений.

4. Наличие центрального (циклообразующего) образа

В «*Оставаясь в родной области, посылаю супруге*» наличие подобного образа представляется наиболее очевидным: образ «повозки», будучи метонимически объединенным с образом жены поэта, выполняет основную связующую функцию.

В «*Провожая господ Ин*» образ Лояна/Хэяна, будучи ключевым, вряд ли является центральным, поскольку это не тот образ, который приводит в движение развитие темы.

В «*Посвящаю братьям*» наблюдается отсутствие центрального образа, поскольку каждое стихотворение характеризуется яркой образной индивидуальностью (для первого стихотворения значим образ водорослей, второго – сосны и кипариса, третьего – фениксов).

«*Расстаюсь с другом*» лишен стержневого образа – его образность покоится на приеме антитезы. «*Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]*» тоже не несет в себе никакого ключевого образа, кроме фигуры Цао Пи.

5. Единство жанровой принадлежности

Стихотворения, составляющие циклы «*Оставаясь в родной области, посылаю супруге*», «*Провожая господ Ин*», – элегические послания. Стихотворения, входящие в «*Посвящаю братьям*», – философско-аллегорические послания. Стихотворения цикла «*Расстаюсь с другом*» характеризуются различной жанровой принадлежностью: в первом звучат анакреонтические нотки, а во втором – элегические. То же можно сказать и о

«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]», в стихотворениях которого присутствуют антонимичные по своей тональности мотивы – и элегические, и анакреонтические.

6. Движение лирической эмоции

«Оставаясь в родной области, посылаю супруге» проникнут «лирической эмоцией», но в нем нет ее движения. В «Посвящаю братьям» движение тоже отсутствует – цикл лишен динамики, в том числе и движения эмоции. В отношении «Провожая господ Ин» можно утверждать то же самое, так как его эмоциональный фон однороден. О движении лирической эмоции в «Расстаюсь с другом» говорить трудно, поскольку собственно лирическим началом проникнуто лишь второе стихотворение (первое представляется фабульным). В стихотворениях цикла «Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]» налицо резкая смена настроения, что свидетельствует о движении лирической эмоции.

7. «Единство поэтической личности, ее душевной биографии»²¹⁷

В «Оставаясь в родной области, посылаю супруге» единство явственно присутствует. В «Провожая господ Ин», «Расстаюсь с другом», «Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]» оно также присутствует; философско-аллегорическая направленность цикла «Посвящаю братьям» несколько затеняет поэтическую личность автора (поскольку речь идет о поэзии рубежа Древности и Средних веков, лирический субъект в ней еще условен и традиционен – он выражает себя в традиционных образах).

8. Единство темы, вокруг которой группируются стихотворения

Как идеи, так и темы «Оставаясь в родной области, посылаю супруге» являют полное единство. Циклы «Посвящаю братьям», «Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]» отмечены, скорее, единством идеи (их темы формируют идею дружбы), а цикл «Провожая господ Ин» – единством темы (темы отдельных стихотворений тождественны – их смысловым ядром является дружба). Стихотворения цикла «Расстаюсь с другом» характеризуются противопоставлением, даже контрастом тем (совместное пребывание друзей vs. отсутствие надежды на их воссоединение).

9. Композиционная схожесть стихотворений, входящих в цикл

Стихотворения цикла «Оставаясь в родной области, посылаю супруге», схожие по содержанию, не характеризуются формальным сходством, поэтому нельзя рассуждать об их абсолютной композиционной схожести.

В стихотворениях циклов «Посвящаю братьям», «Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]» наблюдается одинаковое решение композиционных задач; сами циклы тоже представляются однородными; нельзя не отметить, что стихотворения обладают высокой

²¹⁷ Понятия введены в [Циклизация, 2012, С. 166].

степенью автономии: даже при композиционной схожести каждое из них может рассматриваться как отдельное произведение, не лишенное логико-семантической завершенности и цельности.

Цикл *«Провожая господ Ин»* читается на одном дыхании: «шов» на стыке стихотворений не контрастен, напротив, он плавный и мягкий, что свидетельствует даже не о композиционной схожести, а о композиционном единстве.

Стихотворения цикла *«Расстаюсь с другом»* не обнаруживают композиционной тождественности, первая часть цикла служит цели фабульного развития, а вторая – лирического.

10. Лирический сюжет цикла²¹⁸

В циклах *«Оставаясь в родной области, посылаю супруге»*, *«Расстаюсь с другом»*, *«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]»* наблюдается движение как лирического, так и фабульного сюжетов. Цикл *«Посвящаю братьям»* лишен заметной динамики. Цикл *«Провожая господ Ин»* отмечен единством лирического сюжета; хотя наблюдается психологическое движение, намечаются и контуры движения фабульного.

11. Семантическая значимость циклической формы

В цикле *«Оставаясь в родной области, посылаю супруге»* семантическая значимость циклической формы обусловлена хронологически. В циклах *«Посвящаю братьям»*, *«Провожая господ Ин»*, *«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]»* велика значимость семантики целого – замысел автора реализуется именно в контексте цикла. Смыслы, заложенные в *«Провожая господ Ин»*, раскрываются именно в контексте целого: цикл объединен общей идеей, вырисовывающейся при синтезе тем двух стихотворений. В отношении *«Расстаюсь с другом»* можно сказать, что семантическая значимость циклической формы обусловлена наличием общего предисловия.

12. Общность заглавия; значимость заглавия

Присутствует в *«Оставаясь в родной области, посылаю супруге»* – здесь заглавие указывает на общность пространственно-временных обстоятельств создания произведения, что проецируется и на общность эмоционального содержания строк стихотворений цикла. Присутствует в *«Посвящаю братьям»* – заглавие сводит воедино философские миниатюры, настраивает читателя на определенное контекстуальное восприятие трех произведений. Цикл *«Провожая господ Ин»* тоже характеризуется подобной значимостью; отчасти заглавием обеспечивается необходимое семантическое наполнение строк. В *«Расстаюсь с другом»* прежде всего общее заглавие побуждает воспринимать неоднородное

²¹⁸ Рассуждения о лирическом сюжете цикла на примере «Подражаний Корану» А.С. Пушкина см. в [Циклизация, 2012, С. 168].

произведение как единое целое. Рассуждая о *«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]»*, также трудно отрицать значимость его заглавия.

13. Факторы внутреннего единства цикла

Цикл *«Оставаясь в родной области, посылаю супруге»* наиболее богат факторами внутреннего единства: здесь и «единство поэтического переживания», и «единство характера лирического субъекта (поэта)», и «сознательное отталкивание от какой бы то ни было сюжетно-повествовательной манеры»²¹⁹. В цикле *«Посвящаю братьям»* единство зиждется на «сознательном отталкивании от какой бы то ни было сюжетно-повествовательной (мы бы здесь внесли небольшой корректив – изобразительной – Н.С.) манеры»²²⁰. В цикле *«Провожая господ Ин»* внутреннее единство покоится на «единстве поэтического переживания» и «характере лирического субъекта (поэта)», в *«Расстаюсь с другом»* – на «характере лирического субъекта (поэта)», в *«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]»* – на «сознательном отталкивании от какой бы то ни было сюжетно-повествовательной манеры», «характере лирического субъекта (поэта)».

14. Наиболее значимые признаки единства, реализующиеся в самом цикле

В цикле *«Оставаясь в родной области, посылаю супруге»* очевидно наличие палитры этих признаков – это не только общность жанра, тем, мотивов, ситуации, переживания, но и общность сюжета. В *«Посвящаю братьям»* значимыми оказываются формальные признаки – внешняя однородность стихотворных текстов. В *«Провожая господ Ин»* базовыми признаками единства являются жанровый, тематико-мотивационный и драматико-ситуационный²²¹. В *«Расстаюсь с другом»* первичен тематико-мотивационный признак. Для цикла *«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]»* важны тематико-мотивационный, драматико-ситуационный признаки.

15. Значимость «пробела»²²² в цикле

В циклах *«Оставаясь в родной области, посылаю супруге»*, *«Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]»* пробел выполняет прямую функцию: служит цели временного разграничения, что способствует восприятию произведения как единой фабульной конструкции. В силу определенной автономности стихотворений циклов *«Посвящаю братьям»*, *«Расстаюсь с другом»* пробел здесь несет более существенную формально-содержательную нагрузку, поскольку, во-первых, подчеркивает некоторую независимость произведений, а, во-вторых, создает пространство для осмысления связующих нитей между

²¹⁹ Понятия введены в [Долгополов, 1964, С. 21].

²²⁰ Понятия введены в [Долгополов, 1964, С. 21].

²²¹ Термины предложены в [Sloane, 1988, P. 44].

²²² О «пробеле» подробнее см.: [Iser, 1976, pp. 182–183], [Вроон, 2011, С. 153–154].

ними. В цикле «*Провожая господ Ин*», представляющем единство семантической, психологической и логической конструкций, ценность пробела фактически сведена к нулю.

Цикл, не являясь понятием априорным, не предоставляет заданный набор критериев, позволяющих отличать цикл от не-цикла, давать циклу четкие характеристики, приписывать ему неотъемлемые черты. Однако, определив некий набор признаков, выделяемых применительно к циклам разными учеными, и рассмотрев наши циклы под этим углом, мы можем составить более или менее целостное представление о том, как выглядела китайская циклическая поэзия на рубеже Древности и Средних веков, а именно – в период *Цзяньань*. Цикл как поэтическая форма на этом этапе развития словесного творчества был уже вполне разработан. Хотя циклов пока еще создается немного, однако они уже являются законченными произведениями, характеризующимися целостностью литературного замысла, формальной и содержательной схожестью входящих в них стихотворений, единством концепции. Одним словом, в недрах китайской литературы рубежа Древности и Средних веков уже оформилась поэтика цикла как такового.

6. Выводы по стихотворным посланиям

Все рассмотренные произведения²²³ по формальному принципу делятся на отдельные стихотворения и стихотворные циклы, а по содержательному – на любовные и дружеские послания. На содержательную классификацию накладывается хронологическая: все любовные послания относятся к восточноханьскому периоду, а все дружеские – к *цзяньаньскому*²²⁴. Сопоставительный анализ этих стихотворений позволит не только выявить особенности стихотворных посланий, объединенных общностью основной темы (любовные vs. дружеские), написанных в один исторический период (восточноханьские vs. *цзяньаньские*), но также предварительно сформулировать основные черты поэтики стихотворного послания в Китае на рубеже Древности и Средних веков.

В общей сложности было рассмотрено 25 дружеских посланий (11 стихотворений Цао Чжи, 9 стихотворений Лю Чжэня, 4 стихотворения Ван Цаня, 1 стихотворение Сюй

²²³ За исключением «Оды Шэньскому князю», которая стоит обособленно.

²²⁴ Называть эти послания *цзяньаньскими* можно лишь условно: *Цзяньань* – девиз правления последнего ханьского императора; тем не менее, литература этого периода уже выходит за рамки восточноханьской словесности и охватывает более длительный временной отрезок – первую треть III в., которая уже относится к эпохе Шести династий, или *Лючао* (III-VI).

Ганя) и 5 любовных посланий (4 стихотворения Цинь Цзя, 1 стихотворение неизвестного автора). Этими произведениями представлена большая часть стихотворных посланий, созданных в Китае на рубеже Древности и Средних веков.

Сквозной анализ целесообразно провести по следующим параметрам: 1. стихотворная форма; 2. особенности композиции; 3. тема; 4. мотивы; 5. типы связи между мотивами; 6. приемы; 7. признаки, присущие произведению, написанному в жанре послания; 8. аллегорические и символические образы; 9. аллюзии на другие произведения или реминисценции из них; 10. настроение/настрой/эмоции, пронизывающие произведения; 11. соотношенность с действительностью; 12. признаки других жанров; 13. особенности отдельного стихотворения; 14. цель написания послания, если таковая заявляется.

Любовные послания

1. Стихотворная форма. Четырехсложный и пятисложный стихи.

2. Особенности композиции. Двухчастная, трехчастная, четырехчастная композиционные структуры.

3. Темы: тоска по супруге, разлука; тема бренности жизни, к которой примешиваются темы разлуки, тоски и любви. В каждом из стихотворений можно выделить и идею – печали, тоски, одиночества, пустоты; любви; обреченности человека на страдания.

4. Мотивы: смерть; возлюбленная; разлука; печаль; одиночество; вечность; дорога; подарки и др. Мотивы повторяются при переходе от одного стихотворения к другому. Они могут быть разделены на статические, т.е. философские (экзистенциальные), лирические (любовные), эмоциональные (непосредственно подчиненные выражению чувства), и фабульные (широкий спектр мотивов, имеющих ситуативную привязку).

5. Типы связи между мотивами: нанизывание, примыкание, тождественность, контрастное противопоставление, взаимодополняемость, временная последовательность, причинно-следственная связь, уточнение, повторение, вплетение.

6. Приемы, используемые авторами: редупликации из классических произведений, отрицание, сравнение, прямое обращение, инверсия, лирический монолог.

7. Реализация признаков, присущих произведениям, написанным в жанре послания. В заглавиях всех стихотворений присутствует иероглиф 贈 *цзэн*. При анализе стихотворений также становится очевидно, что они соответствуют трем базовым признакам послания. Таким образом, как формально, так и содержательно эти стихотворения являются посланиями.

8. Аллегорические и символические образы. Все пять стихотворений характеризуются аллегоричностью. Аллегорические образы преимущественно связаны с природой.

9. Аллюзии на другие произведения или реминисценции из них. *Чжуанцзы*, *Шицзин*.

10. Настроение/настрой/эмоции, пронизывающие произведения. Во всех пяти стихотворениях преобладает печальная тональность, звучат элегические нотки.

11. Соотнесенность с действительностью. Каждое из этих произведений имеет под собой основу в виде реальных событий, послуживших импульсом для их создания.

12. Наличие в стихотворениях признаков других жанров. Элементы элегии (3.2.1.²²⁵, первое стихотворение 3.2.2.), оды (второе стихотворение 3.2.2.).

14. Цель написания послания. Напрямую заявляется лишь в третьем стихотворении 3.2.2.

Дружеские послания

1. Стихотворная форма. Четырех-, пяти-, семисложные стихи, а также смешанная стихотворная форма. Наиболее распространенной формой в *Цзяньань* был пятисложный стих.

2. Особенности композиции. Двух-, трех-, четырехчастные композиционные структуры; одно лишь «Выражаю стремления» не обнаруживает композиционного членения²²⁶.

3. Темы. Все рассмотренные стихотворения характеризуются тематическим единством – каждое из них посвящено, прежде всего, дружбе. Связь с тематическим комплексом дружбы является импульсом, позволяющим темам охватить самые разные жизненные явления, – она придает темам универсализм, всеохватность. Это темы разлуки, одиночества, преданности, отсутствия надежды на воссоединение, неумолимости течения времени, обреченности сущего на неизбежный конец, добродетельного государя, идеалов нравственности, твердости духа, собственно дружбы, тревоги за судьбу друга.

4. Мотивы: государь, разлука друзей, нравственность / возвышенные устремления / *цзюньцзы*, смерть, дружеский пир, бедственное положение страны / порочная власть, бренность бытия, совместное времяпровождения друзей / дружеская встреча, свобода, жизненные невзгоды,

печаль и тревога, творчество, бедственное положение достойных людей / пренебрежение талантами, дружеский долг и др. Во всех этих произведениях мотивы затрагивают самые разные сферы человеческой жизни – личную и общественную, бытовую и официальную,

²²⁵ «Посылаю супруге». Здесь и далее мы будем обозначать стихотворения по номерам, предворяющим анализы.

²²⁶ Только потому, что «развитие темы идет не путем смены основных мотивов, а путем нанизывания на эти основные мотивы побочных, путем подбора этих вторичных мотивов к одной и той же основной теме» [Томашевский, 1999, С. 231]

повседневную и торжественную; связь со сферой дружеских чувств придает мотивам всеохватность; все мотивы можно сгруппировать вокруг следующих смысловых блоков: философские размышления о быстротечности жизни, рассуждения о нравственности, переплетающиеся с мыслями о добродетельном правителе и процветающем государстве, тематический комплекс дружбы, который, пронизывая каждое из стихотворений, выступает на первый план лишь в некоторых из них. Все это указывает на такую особенность дружеских посланий, как универсализм.

5. Типы связи между мотивами: причинно-следственная; конкретизация, детализация; нанизывание в порядке перечисления либо варьирования; контрастное оттенение; временная последовательность; примыкание; дополнение; последовательное развертывание; смежность; формирование связей перекрестным путем; логическое продолжение.

6. Приемы: гипербола; вопросно-ответная форма; метонимические и метафорические переносы; дескрипция; риторический вопрос; сравнение; проведение аналогии; дидактический монолог; параллельные конструкции; редупликации.

7. Реализация признаков, присущих произведению, написанному в жанре послания: не все из них помечены как 贈 *цзэн*, не во всех из них в полной мере реализуются базовые признаки послания, однако по общему набору характерных черт они могут быть обозначены как послания.

8. Аллегорические и символические образы. Большинство стихотворений проникнуто иносказательностью, выражающейся в богатой аллегорической и символической образности; иногда эти образы встраиваются в длинные символично-метафорические ряды. Большая часть дружеских посланий изобилует образами, связанными со сферой природы.

9. Аллюзии на другие произведения или же реминисценции из них. *Шицзин*, *Ицзин*, *Цзочжуань*, *Чжуанцзы*, *Луньюй*, *Мэнцзы*, *Шюань* («Сад историй»), элегии Цюй Юаня *Лисао* и «Злой вихрь», оды Сун Юя «Горы высокие Тан» и «Сун Юй отвечает чускому князю на вопрос», стихотворение Цзи Кана «Путешествие к бессмертным», стихотворение Цао Чжи «Пиршество».

10. Настроение/настрой/эмоции, пронизывающие произведения. Для большинства стихотворений это «уныние», «печаль», «меланхолия», «тоска». Однако наблюдается и смена тональности, что позволяет утверждать то, что, хотя очевидно преобладание печали, фактически в них представлен весь спектр возможных типов настроения.

11. Соотнесенность с действительностью. Имеет место в большинстве случаев.

12. Наличие в стихотворениях признаков других жанров. 4.2.1., 4.2.2. не являются посланиями в собственном смысле слова, в них отсутствует конкретный адресат, тем не менее, в них очевидно невысказанное обращение к неназванным друзьям. Цикл 4.2.5. отмечен наличием предисловия. Во многих стихотворениях проявляются элементы элегии, идиллии (даже пасторали), оды, звучат анакреонтические нотки.

14. Цель написания послания. Цель создания большинства стихотворений – возможность выражения мировоззренческой позиции, дружеских чувств или же и того, и другого.

15. Выражение авторами своих взглядов на дружбу: совместное пребывание друзей – одно из основных условий дружбы; расставание равносильно беде; необходимость разборчивости при выборе друзей; дружба – инструмент, позволяющий актуализировать заложенную в человеке добродетель; друзья должны быть равны, причем равны не социально, а духовно; искренность и взаимная нравственная требовательность – залог образцовых дружеских отношений.

16. В заключение хотелось бы отметить, что в качестве отдельного критерия можно бы выделить и **утверждение автором своей мировоззренческой позиции**, поскольку оно повсеместно встречается в рассматриваемых дружеских посланиях.

После рассмотрения по общим критериям восточноханьских (любовных) и *цзяньваньских* (дружеских) посланий можно подвести итоги. Все стихотворения были отобраны по принципу единой жанровой принадлежности – все они, прежде всего, являются посланиями. Несмотря на различия в преобладающей теме (одни являются преимущественно любовными, другие – дружескими), все они являются образцами лирической поэзии рубежа Древности и Средних веков и поэтому обнаруживают немало схожих или общих черт. Как восточноханьские, так и *цзяньваньские* послания характеризуется разнообразием тем и мотивов, затрагивающих все стороны человеческой жизни (в *цзяньваньских* посланиях палитра красочнее и пестрее); композиционные структуры стихотворных посланий обеих эпох представляются чрезвычайно емкими, поскольку способствуют движению мысли авторов в любом направлении; аллюзии на иные произведения доказывают тот факт, что эти послания не мыслятся авторами в отрыве от традиции; описания реальных событий, лирические монологи подтверждают мысль об универсальности жанра; разнообразие в настроениях, пронизывающих произведения, свидетельствует о разнообразии эмоций, с которыми, по-видимому, тогда связывали жанр (точнее, жанровую форму, т.е. стихотворные послания).

Что касается различий между восточноханьскими и *цзяньаньскими* посланиями, то стоит выделить следующие: в дружеских посланиях авторы более склонны излагать свою мировоззренческую позицию (хотя философская составляющая присутствует в обеих разновидностях посланий); для *цзяньаньских* посланий характерно большее разнообразие в настроении (любовной лирике близка эстетика печали); основное различие проявляется в тематическом ядре (восточноханьские послания – любовь, а *цзяньаньские* – дружба).

Нами была рассмотрена бóльшая часть стихотворных посланий, созданных в Китае на рубеже Древности и Средних веков («Ода Шэньскому князю», относящаяся к архаическому периоду развития литературы, была затронута как отдаленный источник жанра послания), – 30 произведений. Даже если бы мы рассмотрели все послания той эпохи, мы бы увидели, что их отнюдь не много, однако это не должно принижать значимость жанра (в данном случае точнее было бы сказать жанровой формы), оформившегося на рубеже Древности и Средних веков, и эволюционирующего на протяжении всего дальнейшего развития китайской литературы. Стихотворное послание, как любовное, так и дружеское, представляется невероятно универсальным, что свидетельствует о колоссальных достижениях китайской литературы и китайского языка к рубежу Древности и Средних веков: это проявляется формально (богатство лексических форм, синтаксических конструкций, стихотворных размеров, иносказательной образности и др.), содержательно (разнообразие тем, мотивов, типов связи между ними, отражаемых тех или иных жизненных ситуаций и др.), количественно (среди рассмотренных произведений есть как отдельные стихотворения, так и стихотворные циклы).

ГЛАВА II. ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ В КИТАЕ НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

1. О генезисе и ранних периодах становления *шу*²²⁷

Хотя написание самого раннего письма приписывают Чжоугуну 周公 (XI в. до н.э.)²²⁸, известный конфуцианский ученый и литератор VI в. Янь Чжитуй 颜之推 отмечал, что первые *шу* появились не ранее Чуньцю (771–476 гг. до н.э.). Чуньцю – хроника царства Лу, которая включает в себя записи всех важных событий, произошедших в одноименный исторический период, отмеченный борьбой за власть между аристократическими кланами на местах. В этот период политической нестабильности составлялись соглашения, произносились речи, направлялись обращения – все это делалось с целью заключения и поддержания союзов, укрепления отдельных царств. Искусные речи гонцов, способные напрямую влиять на судьбы царств, стали заметным явлением в политической жизни того времени. Самым известным посланцем тех лет был чжэнский министр Цзычань 郑子产, сохранивший свое царство во многом благодаря красноречию. Речи посланцев обыкновенно записывались в виде посланий; многие из них сохранились в Цзочжуани 左传 – комментариях к Чуньцю. Шу периода Чуньцю преимущественно делятся на два вида: краткие письма, выполняющие практическую коммуникативную функцию, и тщательно продуманные, исполненные красноречия дипломатические послания. Также в Чуньцю уже бытовали ответные письма – так называемые *фушу* 复书. [См. подробнее: Chung, 1982, pp. 10–14, pp. 56–60]

О возникновении письма высказываются и другие точки зрения. Так, Чжао Шугун не возводит происхождение *шу* к Чуньцю, поскольку письмо в ту эпоху представляло собой зафиксированные в письменной форме переговоры между царствами. По его мнению,

²²⁷ Эпистолярная терминология (речь идет о прозаической эпистолографии) в Китае разнообразна. Наиболее древнее и распространенное слово, использовавшееся для обозначения письма, – *шу* [См. подробнее: Richter, 2013, P. 35].

²²⁸ Это Цзюньшипянь 君奭篇 из Шуцзина, или «Книги записей» 书经 [Шуцзин дацюань, вторая часть, цзюань 5].

письмо в современном смысле этого слова – как средство письменного общения – возникло в *Чжаньго*, широко распространилось после Цинь. [См. подробнее: Чжао, 1999, С. 3]

Если *Чуньцю* был отмечен деятельностью посланцев, то *Чжаньго* (403–256 гг. до н.э.) – выступлениями полемистов софистической направленности (*цзунхэнцзя* 纵横家), которые в то же время были странствующими ораторами²²⁹. Этот период, ознаменованный соперничеством семи царств, каждое из которых стремилось объединить Китай под своей властью, породил множество выдающихся государственных деятелей и искусных риториков, что позволяет его назвать одним из самых ярких в истории Китая по масштабу и степени развитости публичной активности. Эти ораторы в поисках покровительства, а иногда и защиты скитались по царствам, отстаивая свои убеждения, а также заключая и разрушая союзы посредством своего красноречия. Самыми известными из них были два лидера так называемых Союзов по вертикали и горизонтали Су Цинь 苏秦 и Чжан И 张仪. Риторы и полемисты того времени видели в *шу* удобное средство реализации своих замыслов и претворения в жизнь своих планов. От этого периода до нас дошло больше *шу*, чем от предыдущего (целых 34), и они очевидно более тщательно проработаны. Во многих *шу* этого периода обнаруживаются полемические техники. Главным образом, это способность с равным рвением доказывать как преимущества того или иного предприятия, так и его недостатки – все зависело от того, что требовалось в конкретный момент. Нечто подобное, если не тождественное, мы находим и у древнегреческих софистов. В *шу* периодов *Чуньцю* и *Чжаньго* преобладает политическая тематика. Письма на личные темы появляются только к концу *Чжаньго* [См. подробнее: Chung, 1982, pp. 60–65], даже, скорее, в Цинь [Giele, 2015, P. 406].

Период правления династии Цинь (221–207 гг. до н.э.), омраченный подавлением конфуцианской учености и сожжением классических книг, с литературной точки зрения традиционно оценивается довольно низко. В «Полном собрании прозы [династии] Цинь» (*Цюань Цинь вэнь* 全秦文) мы находим только 5 писем. 3 из них написаны вышестоящим нижестоящему (императором министру), 1 – нижестоящим вышестоящему, 1 – равным равному (одним министром другому министру). Эти 5 писем коротки и фактически лишены художественности. Записки, заметки, которых в «Полном собрании прозы [династии]

²²⁹ Подчеркнем: поскольку речи *Чуньцю* и *Чжаньго* служили цели изъяснений на политические темы и поскольку основным критерием при оценке этих речей была (не)возможность убеждения собеседника в своей правоте, красноречивости речи уделялось колоссальное внимание; правильный выбор слова, словосочетания, тональности, т.е. грамотный подбор средств выражения, оказывал прямое влияние на эффективность попытки убедить; способность прочувствовать собеседника, его психологическое состояние, эмоции, уловить его умонастроения, понять его образ мыслей была крайне важна для подбора подходящих риторических средств, которые могли помочь говорящему / пишущему убедить или даже переубедить своего визави; безусловно, *шу* этих двух периодов в достаточной степени отличаются от *шу* в Хань и в последующие эпохи [См. подробнее: Chung, 1982, pp. 36–40].

Цинь» тоже не много, получили в этот период более широкое распространение, нежели письма. Циньский министр Ли Сы 李斯 был не только выдающимся государственным деятелем, верным соратником Цинь Шихуана, но и видным литератором. Именно он способствовал распространению практики подачи прошений, петиций трону, которая продолжила существовать и в последующие эпохи. Сам Ли Сы составил немало подобных записок-прошений. [См. подробнее: Chung, 1982, pp. 74–99]

В эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) проза получила дальнейшее развитие. Всевозможные записки трону особенно поощрялись императором Вэньди (179–157 гг. до н.э.), восприимчивым к советам министров и сановников. Однако широкое распространение получила не только казенная корреспонденция – в то время письмо прочно утвердилось в качестве литературной формы²³⁰, более того, оно стало одной из самых прикладных, утилитарных, емких литературных форм своего времени. [См. подробнее: Ibid., P. 112]

К концу Ханьской эпохи оформляется и воплощается идея собственно «литературного» письма, художественной эпистолы; в ханьских письмах уже наблюдается усиление черт авторской индивидуальности [См. подробнее: Чжао, 1999, С. 89]. Многие письма, написанные в *Цзяньань* (196–220 гг.), знаменуют собой подъем в эпистолярном творчестве раннесредневековых китайских литераторов. Именно в *Цзяньань* получили невиданное распространение письма *шу* (они теперь отделяются, например, от *бяо* – докладов/меморандумов), которые мы охарактеризуем как личные [См. подробнее: Cutter, 2015, P. 308]. Именно в период *Цзяньань*, на рубеже Древности и Средних веков, стали размышлять над природой письма как литературного жанра [См. подробнее: Richter, 2013, pp. 44–45]. В дальнейшем художественные эпистолы бытовали на протяжении всей истории китайской литературы – вплоть до наших дней.

Итак, первые свидетельства о дипломатической переписке в Китае восходят к VII в. до н.э.; обмен личными письмами широко распространяется с III в. до н.э.²³¹; как литературный жанр письмо начинают воспринимать уже в эпоху Хань. Письма, написанные на закате Хань, а именно в период *Цзяньань*, ознаменовавший вступление китайской

²³⁰ У Е. Чжун – жанра, что, на наш взгляд, не совсем точно. Нам ближе позиция А. Рихтер и Б. С. Макдугалл: понятие «письмо» охватывает целый ряд эпистолярных поджанров и жанровых форм, пересекается с другими жанрами, само письмо может встречаться в виде эпистолярных вкраплений в самых различных типах текстов [См. подробнее: Richter, 2015, P. 4]; трудно называть письмо (прозаическое письмо) жанром – оно по своему объему гораздо шире [См. подробнее: McDougall, 2015, P. 549].

²³¹ Одним из факторов, которые дали толчок развитию корреспонденции обиходного, повседневного характера – широкому хождению личных писем, – стало изобретение и распространение бумаги (III–II вв. до н.э.) [См. подробнее: Richter, 2013, P. 23]. Доступность писчих материалов и распространение грамотности, наблюдающиеся в Восточную Хань, способствовали проникновению письма в частные сферы человеческой жизни, а также его «снижению» – переходу из исключительно аристократической среды в народную, даже простонародную [См. подробнее: Чжао, 1999, С. 21].

литературы в полосу Средневековья, предвосхищают расцвет эпистолографии в последующие эпохи [См. подробнее: Ibid., P. 11; Chung, 1982, P. 1].

2. Прозаические послания Цао Чжи и Цзяньаньских мужей²³²

2.1. Прозаические послания²³³ Цао Чжи

2.1.1. 与杨德祖书²³⁴ (*Юй Ян Дэцзу шу*²³⁵)²³⁶

Письмо Ян Дэцзу²³⁷

I²³⁸. (1) Чжи говорит: (2) Много дней не виделись [мы с Вами], [тем временем] [я] думал без устали о Вас, мечтал быть [рядом] с Вами. (3) Слуга Ваш с детства был склонен

²³² Оригинальные китайские тексты прозаических посланий Цао Чжи и других литераторов см. в Приложении Б.

²³³ Письмо, т.е. прозаическое послание, стало выделяться традиционной китайской теорией литературы в отдельный жанр достаточно рано, о чем можно судить по дошедшим до нас литературным трактатам раннего Средневековья, среди которых – «Рассуждения об изящной словесности» Цао Пи (II–III вв.), «Литературный сборник» Сяо Туна (VI в.), «Резной дракон литературной мысли» Лю Се (VI в.) [Померанцева, 1979, С. 50].

²³⁴ При подготовке этого анализа была использована публикация автора, в которой, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Строганова Н.А. «Письмо Ян Дэцзу» – эпистолярное эссе Цао Чжи (192–232) о литературе // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – М.: Издательство Московского университета, № 3, 2019. – С. 135–148.

²³⁵ Иероглиф *шу* имеет множество значений. Одним из первых о его происхождении пишет восточноханьский языковед Сюй Шэнь 许慎 (58?–148? гг.). Согласно Сюй Шэню, изначально этим иероглифом обозначались письма на бамбуке и шелке, а также сам акт записывания. Ранние *шу* передавали сведения о делах государственной важности, а также о дворцовых мероприятиях. По Бань Гу 班固 (32–92 гг.), историки древности привлекались ко двору, чтобы вести летопись важных событий: «Историк, сидящий слева, записывал речи, а сидящий справа – события. Записи событий были собраны в *Чуньцю* 春秋, а записи речей – в *Шаншу* 尚书». Из этого следует, что первоначально термином *шу* обозначались исторические документы, а не литературные сочинения, не письма и не произведения каллиграфии. Позднее спектр значений *шу* расширяется: в самом широком смысле *шу* 书 начинает означать письменную фиксацию действий, поступков, а в более узком смысле уже сводится к значению понятия *шуцзи* 书记, т.е. к записям или запискам эпистолярного характера. По мере становления Ханьской империи, утверждения более строгих придворных правил и этикетных предписаний требовалось четкое разграничение между официальными записями и собственно письмами, в том числе и на личные темы. В связи с многообразием записей и записок термин *шу* постепенно стал применяться именно к письмам, что начало проявляться с династии Хань и продолжило существовать во все последующие эпохи. [См. подробнее: Chung, 1982, pp. 10–14]

²³⁶ Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены нами с опорой на следующие труды: [Вэньсюань, цзюань 42 *Шучжун*]; [Чжао Ювэнь, 2018, С. 184–192]; [Лисевич, 1996, С. 57–60].

²³⁷ «Письмо Ян Дэцзу» прежде переводилось на русский язык И.С. Лисевичем («Послание к Ян Дэ-цзу») [Лисевич, 1996, С. 55–60]. Предметом детального аналитического рассмотрения оно еще не становилось ни разу. Отдав должное переводу И.С. Лисевича, мы приняли решение подготовить и предложить свой собственный, максимально близкий к оригиналу перевод.

²³⁸ И в этом анализе, и в последующих деление текста на части, обозначенные римскими и арабскими цифрами, предлагается как вариант композиционного членения. Доказательство правомочности деления приводится в анализе. И здесь, и далее макрочасти помечены римскими цифрами, микрочасти – арабскими.

к сочинительству – [пристрастию сему я верен] и поныне, как [мне уж] двадцать пятый год минул; и вот сейчас могу [я] порассуждать немного о литераторах теперешней поры.

II. (4) Когда-то Чжунсюань не знал себе равных [в местности] к югу от [реки] Хань, Кунчжан парил, подобно орлу, над землями к северу от [реки] Хэ, Вэйчжан в Цинту снискал известность, Гунгань в Приморье славу приобрел, Дэлян в великом [царстве] Вэй удостоился почета, [а] перед Вами благоговели в *Шанцзине*²³⁹. В то время многие [из них] убеждали, что завладели жемчужиной божественного змея, каждый [из них] уверял, что заполучил яшму с горы Цзиншань.²⁴⁰

Потому-то наш государь и расставил свои небесные сети – опутать их, растянул свои восемь нитей – связать их, и теперь [он] собрал [их всех] в своем царстве. Однако мужи эти так и не сумели вновь подняться ввысь, не смогли вновь оторваться от земли, [и] не пустились [они] [в дальние странствия] за тысячи *ли*.

(5) Возьмем, [к примеру], талант Кунчжана. [Кунчжан] отдыха не ведает, [создавая] *цзы* и *фу*, да еще то и дело уподобляет себя Сыма Чанцину²⁴¹, [а между тем], как он ни пытается нарисовать тигра, все равно получается собака; [в одном из] прошлых писем [я] высмеял его, [а он], напротив, чванливо утверждал, будто [в нем] я выразил [все] восхищение его твореньем. Чжун Ци²⁴² не утрачивал слуха [до конца своих дней], чем он и ныне вызывает к себе уважение; так и мне не пристало наобум расточать похвалы – [я попросту] боюсь стать посмешищем для потомков.

²³⁹ Все эти литераторы названы здесь по своим *цзы*, то есть по своим вторым именам, однако в историю они вошли, скорее, под своими *мин* – первыми именами: Чжунсюань 仲宣 – *цзы* Ван Цаня 王粲, Кунчжан 孔璋 – *цзы* Чэнь Линя 陈琳, Вэйчжан 伟长 – *цзы* Сюй Ганя 徐干, Гунгань 公干 – *цзы* Лю Чжэня 刘桢, Дэлян 德链 – *цзы* Ин Чана 应瑒. Также стоит привести и небольшую географическую справку: Хань 汉 – река Ханьшуй 汉水, Хэ 河 – река Хуанхэ 黄河, Цинту 青土 (дословно – «Синие земли», такой перевод предлагает И.С. Лисевич [Лисевич, 1996, С. 55]) – округ Цинчжоу 青州 (территория нынешней провинции Шаньдун 山东), Шанцзин 上京 – столица, располагавшаяся в то время в Лояне 洛阳.

²⁴⁰ «Жемчужина божественного змея» «灵蛇之珠» – метафора бесценного сокровища, «яшма с горы Цзиншань» «荆山之玉» – метафора редчайшей драгоценности. В данном контексте оба метафорических образа – символы необычайной одаренности. «[Перл Священного Змея и сокровище Терновых Гор –] Два легендарных сокровища древнего Китая. Перл Священного Змея упоминается в философском трактате «Учители из Южного заречья реки Хуай («Хуайнань-цзы», II в. до н.э.). Согласно легенде, суйский князь некогда встретил раненую змею, поразившую его своими размерами. Он вылечил ее, и в благодарность та достала ему со дна р. Янцзы огромную жемчужину. О сокровище (нефрите) Терновых гор рассказывается в другом философском памятнике – «Хань Фэйцзы». Некто Хэ нашел в Терновых горах, в южном царстве Чу, огромный кусок необработанного нефрита, но никто не признал в нем драгоценность, а нашедшему «за дерзость и обман» отрубили обе ноги. Только через много лет справедливость наконец восторжествовала, Хэ был награжден, а необыкновенное сокровище названо в его честь» [Лисевич, 1996, С. 57].

²⁴¹ Сыма Чанцин 司马长卿 (179–117 гг. до н.э.) – Сыма Сянжу 司马相如 – видный государственный деятель и поэт эпохи Хань, вошедший в историю китайской литературы как наиболее выдающийся одописец всех времен; «ода» по-китайски – *фу* 赋, именно над упражнениями в этой поэтической форме и потешается Цао Чжи, говоря о Кунчжане – Чэнь Лине.

²⁴² Чжун Ци 钟期 – Чжун Цзыци 钟子期 – полупоэтический дровосек, который мог по мелодии *гуциня* (*гуцинь* 古琴 – щипковый музыкальный инструмент) прочувствовать настроение Бо Я 伯牙 (387–299 гг. до н.э.) – знаменитого музыканта эпохи Чуньцю 春秋 (722–479 гг. до н.э.).

(6) Произведения литераторов нынешнего века не безупречны; Ваш слуга неизменно с благодарностью внимал замечаниям – [коли] нашлись недостатки, [их] следует немедленно исправить. В свое время Дин Цзинли имел обыкновение сочинять [всякие] безделки, [и как-то раз он] попросил меня придать им [художественный] лоск, [однако] я посчитал, что не превосхожу его талантом, [и потому] отказал ему. Цзинли спросил (меня): «Почему Вы терзаетесь сомнениями? Какие бы достоинства или недостатки [Вы ни нашли в моем] сочинении, я [все равно] буду доволен. Кто же из потомков определит, что текст мой [изначально] был плох?» Я, бывало, восхищался этими речами, отдавая должное остроумию [Цзинли].

(7) Когда-то сочинения почтенного Ни распространялись столь же свободно, [как и сочинения других], [однако] при составлении *Чуньцю* даже [его] ученики Ю и Ся и слова [от себя] не могли добавить. [И посему], окромя *Чуньцю*, не видал я сочинения, которое назвал бы совершенным.

(8) Только с лицом, [как у] Нань Вэй²⁴³, можно спорить о ее красоте, только с клинком, [как у] Драконова Омута²⁴⁴, можно рассуждать о [его] разящей [силе]; Лю Цзисюй²⁴⁵ по [своему] таланту не превосходит [иных] литераторов, а при этом [он] горазд [их] критиковать, [а также] выискивать в [их сочинениях] достоинства и недостатки.

(9) Некогда в Цзыся²⁴⁶ Тянь Ба²⁴⁷ ругал Пятерых императоров²⁴⁸, бранил Трех царей²⁴⁹, хулил Пятерых гегемонов²⁵⁰ [и] в одночасье убедил [в своей правоте] тысячу людей, однако стоило высказаться Лу Ляню²⁵¹, как [Тянь Ба был вынужден] навсегда

²⁴³ Под Нань Вэй 南威 (досл. – «Гроза юга») имеется в виду Нань Чживэй 南之威 – знаменитая красавица эпохи *Чуньцю*, пленившая своей красотой цзиньского князя VII в. до н.э. Вэньгуна 晋文公, о чем содержатся сведения в книге «Планы сражающихся царств» (战国策 *Чжаньго цэ*), составленной Лю Сянем 刘向 в I в. до н.э. Ко времени жизни Цао Чжи и *цзяньваньских* мужей имя Нань Чживэй уже стало нарицательным.

²⁴⁴ «Драконов омут» (龙渊) – название древнего меча, обладавшего необыкновенными свойствами.

²⁴⁵ О Лю Цзисюе 刘季绪 – Лю Сю 刘修, сыне Лю Бяо 刘表, – известно мало. И.С. Лисевич, ссылаясь на «Описание творений изящной словесности», приписываемое Чжи Юю, указывает, что Лю Цзисюй «дослужился до должности губернатора (*тайшоу*) и создал в разных жанрах шесть поэтических произведений» [Лисевич, 1996, С. 58].

²⁴⁶ О Цзыся 稷下 известно следующее: «Бог полей (Хоу Цзи) входил в число главных божеств древнекитайского пантеона. Ему были посвящены одни из ворот столицы царства Ци. Возле них встречались и спорили философы и ораторы, подобно тому, как они делали это в Греции в садах Академии. В этом смысле в нашей китаистике иногда говорят об “академии Цзыся”. Здесь были представлены многочисленные сторонники самых разных школ» [Лисевич, 1996, С. 59].

²⁴⁷ Тянь Ба 田巴 – известный оратор *Чжаньго* 战国 (эпохи Сражающихся царств), живший в царстве Ци 齐.

²⁴⁸ Пять императоров / Уди 五帝 – Желтый император 黄帝 (ок. 2550–2450 гг. до н.э.), Чжуань Сюй 颛顼 (ок. 2450–2372 гг. до н.э.), Ди Ку 帝喾 (ок. 2372–2297 гг. до н.э.), Яо 尧 (ок. 2297–2179 гг. до н.э.), Шунь 舜 (ок. 2179–2140 гг. до н.э.). Пять императоров – мифические правители древности, а также культурные герои – мыслились традицией как образцы мудрости и добродетели.

²⁴⁹ Три царя / Три *вана* / Правители трех первых династий 三王 почитаются как основатели трех первых династий – это Юй 禹 династии Ся 夏, Тан 汤 династии Шан 商, Вэньван 文王 и Уван 武王 династии Чжоу 周.

²⁵⁰ Пять гегемонов 五霸 – пять князей-узурпаторов эпохи *Чуньцю*, одним из которых был упомянутый выше цзиньский Вэньгун.

²⁵¹ Лу Лянь 鲁连 – Лу Чжунлянь 鲁仲连 – ученый муж периода *Чжаньго*, который был родом из царства Ци.

замолчать. В красноречии Лю Шэну²⁵² не тягаться с Тянь Ши²⁵³, да и подобных Чжунлянью²⁵⁴ найти [в наши дни] нетрудно; но как же им проявить себя?

(10) У каждого есть [свои] пристрастия; аромат орхидеи, ангелики, ириса приятен для [большинства] людей, однако на берегу морском найдутся те, кто за смердящим²⁵⁵ по пятам пойдет; мелодии *Сяньчи* и *Люцзина*²⁵⁶ всем доставляют радость, и тем не менее Мо Ди²⁵⁷ [их] не признавал; так можно ли [во всем] быть одинаковыми?

(11) Теперь [я] вспоминаю свои детские и отроческие годы, [когда писал] одни лишь *цы* и *фу*²⁵⁸; [а ведь и среди] росказней на улицах и в переулках²⁵⁹ достойные найдутся непременно, [а ведь и в] звуках, [рождаемых] ударами оглобли, есть то, что их роднит и с *фэн*, и с *я*²⁶⁰, – [так] и мнением простолюдина не стоит пренебрегать. [Однако] *цы* и *фу* наделены [лишь] малым *дао* – [им] не под силу ни прославить великую справедливость, ни вразумить потомков. Как-то Ян Цзыюнь²⁶¹ – чиновник *чжицзи*²⁶² при предшествующей династии – сказал, что зрелый муж [*цы* и *фу*] не сочиняет.

(12) Я же, пусть и обделен добродетелями, [пусть и] ношу [лишь] титул удельного хоу, [но] по-прежнему надеюсь объединить усилия [во славу] государства, оказать милости народу, свершить великие дела, увековечить заслуги в металле и камне²⁶³; смогу ли кистью и тушью снискать славы, [смогу ли своими] *цы* и *фу* прослыть *цзюньцзы*?

²⁵² Лю Шэн 刘生 – Лю Цзисюй 刘季绪 / Лю Сю 刘修.

²⁵³ Тянь Ши 田氏 – Тянь Ба 田巴.

²⁵⁴ Чжунлянью 仲连 – Лу Чжунлянью 鲁仲连.

²⁵⁵ Упоминание о «смердящем» отсылает нас к притче: «Среди людей был [один] сильно смердящий. Его родственники, братья, жены, наложницы и знакомые не имели сил жить с ним вместе. Сам он, горюя, поселился у моря. Там среди людей нашлись такие, кто получал удовольствие от его смрада. Днем и ночью следовали [они за ним] и не уходили» [Лисевич, 1996, С. 59].

²⁵⁶ Мелодии *сяньчи* 咸池 и *люцзина* 六茎, по легенде сочиненные Желтым императором 皇帝 и Чжуань-сюем 颛顼 соответственно, считались непревзойденными шедеврами [Там же].

²⁵⁷ Мо Ди 墨翟 – древнекитайский философ (ок. 470–391 гг. до н.э.), в трактате которого есть глава (*пянь* 篇) «Отрицание музыки» “非乐” [Мо Ди, *цзюань* 8, *Фэйлюэ шан* 32] [墨翟, 卷八, 非乐上第三十二].

²⁵⁸ Если говорить упрощенно, *цы* 辞 и *фу* 赋 – поэмы и оды; иногда сочетание этих двух иероглифов также приобретает метонимическое значение поэзии вообще.

²⁵⁹ Рассуждения Цао Чжи о «росказнях на улицах и в переулках» – реминисценция на «Описания искусств и словесности» “汉书·艺文志” Бань Гу 班固: «[Истоки школы] “малых поучений” берут начало среди низших чиновников – “бигуаней”. Они рождены теми, кто судачил на улицах и разглагольствовал в переулках, кто на дорогах слушал глупые росказни. Конфуций сказал: “И на маленькой тропке есть нечто достойное внимания, но слишком углубляясь [по ней], бойся увязнуть – благородный муж этого избегает”. Тем не менее он не уничтожил [“малые поучения”]. А люди малого познания из сел и двадцатипятидворок сделали их связными и спасли от забвения. Но пусть даже одна из речей и окажется полезной – она всего лишь суждение неразумных собирателей хвороста...» [Лисевич, 1996, С. 30].

²⁶⁰ *Фэн* 风 и *я* 雅 – три из четырех разделов *Шицзина* 诗经 (*Го-фэн* 国风, *Сяо я* 小雅, *Да я* 大雅); под ними нередко метонимически подразумевается либо *Шицзин* целиком, либо вся древняя поэзия.

²⁶¹ Ян Цзыюнь 扬子云 – Ян Сюн 扬雄 – философ, литератор (автор «Образцовых речей» “法言”), государственный муж периода правления династии Западная Хань, годы его жизни – 53 г. до н.э.–18 г.

²⁶² 执戟 *чжицзи* – должность дворцового стражника.

²⁶³ Под «заслугами в металле и камне» Цао Чжи подразумевает те деяния и свершения, которые будут достойны стать выгравированными на каменных стелах и бронзовых треножниках.

(13) Если моим чаяниям не суждено сбыться, если [избранный] мною путь [ни на что] не годится, то [я] соберу правдивые записи служилых мужей, разьясню достоинства и недостатки нравов и обычаев [своего] времени, укреплю человеколюбие и справедливость в их основе, провозглашу это в речах единственной [в своем роде] школы; пусть и не спрятают [мне] [свои сочинения] в [недрах] известной горы, [я] передам их тем, с кем связан устремлениями; если же, [не осуществив все это], доживу до седых волос, [то] к чему [мои] теперешние рассуждения?

III. (14) Не стыжусь своих речей лишь только потому, что верю – Хуэйцзы поймет меня. (15) Свидимся [уж] завтра поутру, в письме не передашь [всего того, что] на душе²⁶⁴. (16) Чжи (пишет).

«Письмо Ян Дэцзу» (далее – «Письмо...») было написано около 22-го г. *Цзяньань*, т.е. около 217 г. [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19*]. Адресант письма – Цао Чжи, адресат – его друг Ян Дэцзу²⁶⁵. «Письмо...» не является средством бытовой коммуникации – оно представляет собой литературное произведение, созданное в эпистолярной форме.

«Письмо...» вряд ли служило заменой устного общения. А связь с устной жанровой первоосновой мыслилась, к примеру, греками как необходимая для послания. Артемон²⁶⁶ определил сущность письма как «половина диалога» и потребовал от него сходства с диалогом [Миллер, 1967 А, С. 6]. В «Письме...» же, если подобное сходство и есть, то оно прослеживается в начале и конце письма – в стандартных²⁶⁷ эпистолярных формулах, сам же текст сходства с диалогом не обнаруживает. В то же время индивидуальное и

²⁶⁴ «Свидимся [уж] завтра <...> не передашь [всего того, что] на душе». Здесь – топос сетования на недостаточность письменного разговора. Подробнее см.: [Richter, 2013, pp. 117–118].

²⁶⁵ Ян Сю 杨脩 (175–219 гг.), обозначенный в заглавии по своему *цзы* Ян Дэцзу 杨德祖, сын *тайвэя* 太尉 Ян Бяо 杨彪, был известным государственным деятелем и литератором своего времени [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19*]. Он был родом из округа Хуннун 弘农 [Там же, *цзюань 21*] нынешней провинции Шэньси 陕西. В период *Цзяньань* занимал посты *сяоляня* 孝廉, *ланчжуна* 郎中, затем по приглашению *чэнсяна* 丞相 занял пост *чжубу* 主簿 при *цанцао* 仓曹 [См. подробнее: там же, *цзюань 19*]. Ян Дэцзу также разбирался в вопросах внутренней и внешней политики. Современники отмечали, что на каждом поприще он проявил себя с лучшей стороны. Был дружен с Цао Чжи, обменивался с ним письмами. [См. подробнее: там же].

²⁶⁶ Античный грамматик IV в. до н.э.

²⁶⁷ Несмотря на свою, казалось бы, конвенциональность, эпистолярные штампы не должны восприниматься лишь как риторические клише. Во-первых, многие авторы демонстрируют невероятную изобретательность в их варьировании (здесь проявляется принцип гипоплеписа, т.е. принцип варьирования традиции, разработанный Яном Ассманом на материале культуры Древнего мира [см. подробнее: Ассман, 2004, С. 303], в применении к китайской литературе этот принцип впервые конкретно рассматривает И.И. Семенов [см. подробнее: Семенов, 2018 В, С. 35]), что становится заметным уже в текстах философской прозы V–III вв. до н.э. (древнекитайская проза развивалась, главным образом, в двух направлениях – философском и историческом, об изобретательности авторов в варьировании приемов можно судить уже на основании древнекитайской философской прозы V–III вв. до н.э. [Там же, С. 29]); во-вторых, многие штампы несут в себе человеческий опыт, который в самом широком смысле и составляет сердцевину литературного произведения [См. подробнее: Richter, 2013, P. 117].

субъективное начало здесь присутствует, что соответствует характеристике, данной письму Артемоном²⁶⁸.

«Письмо...» публицистично. К слову, и в отношении древнейших образцов греческой эпистолографии²⁶⁹ (письма Исократа, Платона, Аристотеля) было замечено, что «первоначальной сферой, в которой письмо из обиходной переписки превращалось в произведение художественной прозы, были публицистика и дидактика» [Миллер, 1967 А, С. 5]²⁷⁰. Эпистолярная публицистика была развита и в Древнем Риме: в качестве примера можно привести письма Саллюстия к Цезарю [Там же, С. 15] – политические декларации, в которых он критикует римскую знать и выдвигает программу реформ. Нечто подобное прослеживается и у Цао Чжи: указывая на недостатки современников, проводя параллели с прошлым, излагая свои литературные взгляды, он манифестирует и свое творческое кредо, и свою общественно-политическую позицию, и свои моральные принципы. Эстетические категории мыслятся Цао Чжи в тесной связи с экзистенциальными (государство, его общественно-политическая жизнь воспринимаются им как микрокосм, как уменьшенная модель миропорядка) и этическими. Цао Чжи размышляет над актуальными проблемами окружающей его действительности в форме письма (подчеркнем: «литературного» письма) – перед нами образец эпистолярной публицистики; другое дело, что для Цао Чжи настоящее не отделимо от прошлого и будущего, поэтому диахронические рассуждения о своей эпохе приобретают у Цао Чжи синхронический характер философских размышлений о принципах, целях и смыслах человеческого существования.

«Письмо...» дидактично. В этом тоже прослеживается параллель с древнеримской традицией: Гораций, к примеру, «облекал в интимную форму посланий морализующие рассуждения о собственной жизни и свою теорию поэзии» [Там же, С. 16] – то же самое мы видим и у Цао Чжи.

²⁶⁸ Он писал: «Письмо должно быть самым полным выражением нравственного облика человека, как и диалог (в «Письме...» есть – *Н.С.*). Ведь каждый, кто пишет письмо, дает почти что изображение своей души (здесь есть – *Н.С.*). Правда, и во всяком сочинении словесного искусства можно разглядеть характер пишущего, но больше всего в письме (здесь есть – *Н.С.*)» [Там же, С. 7].

²⁶⁹ Это письма Исократа, Платона, Аристотеля, восходящие к IV в. до н.э. «Письма Исократа и Платона непосредственно связаны с политической теорией их авторов и общественными событиями времени; письма Аристотеля <...> адресованы Филиппу, Александру и Феофрасту и содержат ряд философских рассуждений на темы нравственности и искусства государственного управления» [Миллер, 1967 А, С. 5].

²⁷⁰ К слову о публицистике и дидактике. Если обратиться к классическим образцам античной эпистолографии, то можно заметить, что «письма Исократа и Платона непосредственно связаны с политической теорией их авторов и общественными событиями времени; письма Аристотеля <...> адресованы Филиппу, Александру и Феофрасту и содержат ряд философских рассуждений на темы нравственности и искусства государственного управления; наиболее законченную форму поучительная эпистолография получила в школе Эпикура: все философское учение о физическом мире и о нравственном состоянии человека представлено в трех больших письмах к Геродоту, Пифоклу и Менекею» [Миллер, 1967 А, С. 5–6].

«Письмо...» пронизано пространными рассуждениями, абстрактными размышлениями, теоретическими обобщениями – оно не соответствует базовым практическим задачам эпистолярной формы. В «Письме...» эпистолярная форма, выбранная по художественным соображениям, а не по утилитарным, предстает как условность и как художественный прием. «Письмо...», будучи реальным по своей сути, – фиктивное по форме (не письмо как средство коммуникации, пусть и литературно обработанное, а произведение изящной словесности).

«Письмо...» – эссе, написанное в форме письма, но не «беседа отсутствующего с отсутствующим» [Там же, С. 23] в письменной форме. В нем перед читателем раскрываются остроумие автора, его характер, личность, образ мыслей, мировоззрение, совокупность взглядов на самые разные явления действительности, в том числе и на литературу.

Тем не менее, это – письмо: во-первых, эпистолярная форма маркирована в названии иероглифом *шу* 𠄎 («письмо»); во-вторых, четко указывается имя адресата; в-третьих, начало и конец письма написаны по шаблону; наконец, оно направлено на убеждение.

В соответствии с античным письмовником²⁷¹ «Типы писем» [Там же, С. 10], «Письмо...» может быть охарактеризовано как «дружеское»²⁷², «упрекающее», «порицательное»²⁷³, «вразумляющее», «объяснительное», в соответствии с классификацией Цицерона²⁷⁴ [Там же, С. 15–16], оно, хотя формально «личное» и «дружеское», представляет собой «серьезное» сочинение, которое могло предполагать «публичное», «официальное»²⁷⁵ прочтение.

²⁷¹ В нашем распоряжении нет ни одного китайского письмовника, который был бы создан на рубеже Древности и Средних веков (II–III вв.) или же ранее.

²⁷² Большая часть эпистолярной литературы, сохранившейся от периода раннего Средневековья, представлена дружескими письмами [См. подробнее: Richter, 2013, P. 118]. Тем не менее, дружба, обеспечив возможность эпистолярного контакта, зачастую отходит в письме на второй план, уступая место иной теме, послужившей непосредственным поводом для написания письма.

²⁷³ Упрекающее и порицающее не адресата, а третьих лиц.

²⁷⁴ К слову, классика древнеримской эпистографии.

²⁷⁵ Грань между «личными письмами» и «официальными письмами» зачастую оказывается зыбкой – отчасти потому, что границы между общественным и личным были в традиционном китайском обществе весьма размыты [См. подробнее: Richter, 2013, pp. 40–41; Knechtges, 2015, P. 226]. Мы не всегда отличим «обиходное» письмо от «литературного» – где проходит граница между ними и что считать собственно критерием «литературности» [Richter, 2013, P. 43]? Более того, в Китае семья и государство «перекрывают» друг друга – например, именно по этой причине Лю Се не проводит границы между «публичными» и «частными» жанрами [См. подробнее: Blitstein, 2015, P. 357]. В эпоху, когда большинство высокообразованных жителей империи состояло на государственной службе или стремилось построить чиновничью карьеру, практически невозможно провести четкую грань между практикой бюрократической корреспонденции и личной переписки [См. подробнее: Lik Hang Tsui, 2015, P. 383]. Словом, грань между частным и публичным была в древнем и раннесредневековом Китае не столь очевидной [См. подробнее: Metelmann, 2001, S. 19].

Композиция «Письма...» на макроуровне трехчастна – в ней вычлняются вступительная, основная и заключительная части (функциональные элементы)²⁷⁶. Композиция на микроуровне состоит из шестнадцати частей – собственно литературных, нефункциональных, неутилитарных элементов.

Вступительная часть (I) «Письма...» состоит из преамбулы, вступления и пролога. Преамбула²⁷⁷ (1) представлена формулой. Развернутая преамбула раннесредневекового китайского письма, как правило, включала обозначение даты, указание первого имени автора (*мин* 名), а также предикат, семантическое поле которого охватывало действия, связанные с говорением или написанием [Richter, 2013, P. 76]. В данном случае преамбула представлена в усеченном виде, поскольку в ней отсутствует обозначение даты.

Вступление²⁷⁸ (2) несет прямое обращение к адресату с соблюдением этикетных правил, характерных для эпистолярных зачинов. Во вступлении адресат, ссылаясь на сложившиеся отношения с адресантом, подтверждает их актуальность, а также стремится заверить адресанта в своем расположении [Ibid., P. 79]. Цао Чжи, обращаясь к Ян Дэцзу, соблюдает этикетные нормы, что видно по выбору местоимений первого (*ну* 仆) и второго (*цзы* 子) лица – адресант принижает себя и возвышает адресата.

Вступительную часть замыкает пролог²⁷⁹ (3). В этих строчках, экспозиции к основной части послания, формулируется предмет²⁸⁰ (речи) всего письма – «сочинительство», а также заявляется тема четвертой (4) части письма – «литераторы теперешней поры».

Речь в письме преимущественно повествовательная (за исключением речи в функциональных элементах и в последующем абзаце, представляющем собой описание). В тексте можно выделить мотивы – мельчайшие единицы смысла. Первые мотивы «Письма...» прослеживаются во вступительной части – это мотивы разлуки, печали и дружбы в собственно вступлении, а также мотив творчества в прологе.

²⁷⁶ Трехчастная композиция (вступительная, основная, заключительная части), которая наблюдается в письмах разных регионов, часто сравнивается со схожим структурным построением частной беседы или публичного ораторского выступления – в них легко вычлнены приветствие и вводные слова, актуальная информация, завершающие строки [См. подробнее: Richter, 2013, P. 75]. Иногда предлагается делить речь (неважно, устную или письменную – послание сродни письменной речи) на пять [См. подробнее: Ibid., pp. 75–116] или даже семь частей. Многие раннесредневековые китайские письма (например, «Письмо Ян Дэцзу») обнаруживают семичленную структуру: вступительная часть делится на преамбулу, собственно вступление и пролог, заключительная – на эпилог, собственно заключение и постамбулу; основная часть едина.

²⁷⁷ У А. Рихтер – *Prescript*. Подробнее о термине см.: [Richter, 2013, pp. 76–78].

²⁷⁸ У А. Рихтер – *Proem*. Подробнее о термине см.: [Richter, 2013, pp. 79–93].

²⁷⁹ В отличие от преамбул, которые легко узнаваемы, прологи не всегда вычлнены из «тела» письма, поскольку тематика пролога и основной части нередко совпадает, особенно в более личных, бытовых письмах [См. подробнее: Richter, 2013, P. 80].

²⁸⁰ И здесь, и далее мы оперируем понятиями предмета, темы, проблемы, тезиса, цели и идеи как терминами риторики. См.: [Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 34–42]. Далее мы называем предмет, тему, проблему, тезис, цель и идею прозаического послания его коммуникативными узлами.

Основная, вторая, часть письма (макроуровень) состоит из десяти частей (микроуровень).

За вступительной макрочастью, или введением²⁸¹ (I), состоящим из преамбулы (1), собственно вступления (2) и пролога (3), следует основная²⁸² макрочасть (II), которая открывается четвертой микрочастью (4), представленной двумя абзацами, описательным и повествовательным. Если письмо объединено общностью предмета и идеи эпистолярной речи, то каждая его часть разворачивается вокруг определенных темы, тезиса, проблемы и иногда идеи²⁸³. Тема (4)²⁸⁴, открывающей (II), заявляется в конце (I), а именно – в заключительных словах экспозиции/пролога (3), и это – «литераторы теперешней поры». За счет логико-семантической связи между частями достигается эффект плавности изложения и цельности мысли: (4) разъясняет и развивает вопрос, поставленный в (3). Внутри (4) прослеживается причинно-следственная связь между двумя абзацами, ее составляющими, – первым, описательным, и вторым, повествовательным, – и эта связь эксплицируется союзом. Тезис (4) представлен финальными строчками ее первого абзаца: «В то время многие [из них] убеждали, что завладели жемчужиной божественного змея, каждый [из них] уверял, что заполучил яшму с горы Цзиншань». Эти слова подытоживают характеристику, данную необыкновенным литературным способностям пяти литераторов из группы *Семи цзяньаньских* мужей (описательно-повествовательный абзац). Мотив, заключенный здесь, в первом абзаце (4), – незаурядный талант. Во втором, чисто повествовательном, абзаце (4) выдвигается проблема: «Однако мужи эти так и не сумели вновь подняться ввысь, не смогли вновь оторваться от земли, [и] не пустились [они] [в дальние странствия] за тысячи *ли*». Она вводится противительным союзом, а также при помощи метафорического ряда. Мотивы второго абзаца (4) – «золотая клетка», творческая свобода, губительность отсутствия свободы для созидательной личности – развивают мотив незаурядного таланта, заключенный в первом. Различные инварианты этого мотива находят отражение и в (5). Здесь раскрывается та же тема, что и в (4) («О литераторах теперешней поры»), однако с большей степенью детализации и конкретизации – на примере творчества Кунчжана (Чэнь Линя). Движению темы, помимо последовательного нанизывания друг на друга

²⁸¹ У А. Рихтер – Letter Opening. Подробнее о термине см.: [Richter, 2013, pp. 76–93].

²⁸² У А. Рихтер – Letter Body. Подробнее о термине см.: [Richter, 2013, pp. 93–101].

²⁸³ «Тема речи – это определенный ее [действительности] аспект, который выбирается оратором» [Хаззагеров, Лобанов, 2004, С. 35]; «тезис – это основная мысль речи, которую автор стремится доказать, <...> основное различие между темой речи и ее тезисом заключается в том, что тезис может быть истинным или ложным, тогда как тема таким свойством не обладает, <...> тезис целесообразно противопоставлять проблеме, <...> фактически тезис – это решение проблемы» [Там же, С. 38–39]; «любая речь, которая имеет тезис, соотносится с проблемой – ситуацией, в которой имеется тот или иной выбор между несколькими решениями» [Там же, С. 39].

²⁸⁴ Тема (4) – тема четвертой микрочасти. Далее – по аналогии.

инвариантных мотивов, способствует также выведение тезиса – тройного в данном случае: «...таланты Кунчжана + [Кунчжан] отдыха не ведает, [создавая] *цы* и *фу*, + да еще то и дело уподобляет себя Сыма Чанцину...». Вслед за тезисом Цао Чжи сразу ставит проблему, цитируя известную ханьскую поговорку: «...а между тем, как он ни пытается нарисовать тигра, все равно получается собака». При этом смысловое наполнение схемы *тема–тезис–проблема* обогащается за счет вполне определенных мотивов, заключенных в этих строчках. Это мотив соотношения работоспособности и одаренности (Цао Чжи отдает приоритет второму) – «[Кунчжан] отдыха не ведает, [создавая] *цы* и *фу*...»; мотив смехотворного подражания образцам – «...то и дело уподобляет себя Сыма Чанцину, [а между тем]...»; мотив графомании; мотив осмеяния – «[в одном из] прошлых писем [я] высмеял его»; мотив высокомерия бездарности – «[а он], напротив, чванливо утверждал, будто [в нем] я выразил [все] восхищение его твореньем». Все мотивы, сгруппированные вокруг личности Чэнь Линя, формируют антипример, иными словами – контраргумент, призванный «от противного» доказать правоту взглядов автора, которые далее подкрепляются примером, собственно аргументом, а за счет контраста антипример vs. пример, контраргумент vs. аргумент вывод напрашивается сам собой – подобный прием будет использоваться Цао Чжи на протяжении всего письма.

Пример, или аргумент²⁸⁵ строится на основе следующих мотивов. Это мотив истинного ценителя, подлинного знатока – «Чжун Ци не утрачивал слуха [до конца своих дней]»; мотив важности беспристрастного, объективного подхода – «...чем он и ныне вызывает к себе уважение»; далее Цао Чжи по аналогии, с опорой на прецедент заключает – «так и мне не пристало наобум расточать похвалы...» (мотив презрительного отношения к лести, пустопорожним разговорам, а также мотив убежденности Цао Чжи в своей правоте); мотив осознания ответственности перед потомками и мотив страха бесчестья – «...[я попросту] боюсь стать посмешищем для потомков».

Контраст создается также за счет персонифицированной антитезы контраргумент vs. аргумент, т.е. посредством противопоставления Сыма Сянжу и Чжун Ци.

Микрочасти (4) и (5) объединены общей идеей. Ключ к пониманию идеи кроется в фигуре Кунчжана (Чэнь Линя), так или иначе – эксплицитно или имплицитно – присутствующей во всех трех рассмотренных абзацах. Кунчжан, общепризнанный виртуоз стиха, становится объектом резкой критики, даже осмеяния, со стороны Цао Чжи. Неужели Цао Чжи не признает авторитетов и презирает общественное мнение? Вряд ли. Тем более, что в первом абзаце (4) он отзывается о Кунчжане более чем одобрительно («Кунчжан

²⁸⁵ В данном случае оправдано синонимичное употребление двух слов.

парил, подобно орлу...»), а во втором абзаце (4) подчеркивает, что поэты «не смогли вновь оторваться от земли» именно после того, как государь «собрал [их всех] в своем царстве». Таким образом, идея (4) и (5), которая выкристаллизовывается в процессе трансформации образа Кунчжана, – идея необходимости свободы для творчества.

Тема шестой (6) микрочасти фактически та же, что и в (4), (5), только со смещенным акцентом – внимание переносится с субъекта художественного творчества на его объект, поскольку речь идет о «произведениях литераторов нынешнего века». Оценочная доминанта, эмоциональный обертон речей Цао Чжи остаются неизменными: как «литераторы теперешней поры», так и «произведения литераторов нынешнего века» «не безупречны». Собственно, эта «небезупречность» и есть тезис (6). А проблема созревает на почве темы и тезиса: «произведения литераторов нынешнего века не безупречны».

Аргументация Цао Чжи, наглядная иллюстрация им своих взглядов, осуществляется по двум направлениям – на собственном примере (Цао Чжи в «Письме...» прибегает к прецедентной аргументации²⁸⁶) и на чужом, на примере своего друга Дин И. Точнее, аргументацию составляют пример – собственно аргумент – в виде выражения Цао Чжи своего авторского кредо («Ваш слуга неизменно с благодарностью внимал замечаниям – [коли] нашлись недостатки, [их] следует немедленно исправить») и антипример – контраргумент – в виде пересказа Цао Чжи эпизода анекдотического характера («В свое время Дин Цзинли имел обыкновение сочинять [всякие] безделки <...> Кто же из потомков определит, что текст мой [изначально] был плох?»).

В строчках, относящихся к примеру, содержится мотив критики, ее благотворного воздействия; мотив необходимости восприимчивого отношения к критике; мотив самокритики, признания за собой ошибок и готовности их исправлять; мотив убежденности в собственной правоте: Цао Чжи за счет анекдота, т.е. антипримера-контраргумента, стремится «от противного» – через демонстрацию несостоятельности чужой позиции – доказать правомочность своей.

В строчках, составляющих антипример, заключен мотив внесения изменений в произведение сторонними лицами, мотив соавторства (и, как следствие, авторства); мотив беспристрастности художника и его принципиальности («[однако] я посчитал, что не превосхожу его талантом, [и потому] отказал ему»). Позиция Дин Цзинли отражена в его прямой речи – Цао Чжи его цитирует; этой позиции подводится итог в авторской реплике, комментарии Цао Чжи («Я, бывало, восхищался этими речами, отдавая должное остроумию [Цзинли]»), где он выражает свое по меньшей мере ироничное отношение к этой позиции,

²⁸⁶ Приводит случаи из жизни.

так как под «остроумием» подразумевает, скорее всего, склонность к казуистике, изворотливости, что следует из контекста.

Седьмая (7) микрочасть вплотную примыкает к (6). Ее тема – «сочинения почтенного Ни»²⁸⁷; тезис – «...при составлении [*Чуньцю*] даже [его] ученики Ю и Ся и слова [от себя] не могли добавить»²⁸⁸; проблема – литературно-художественное совершенство. Здесь есть пример – антипримера нет, поскольку в (7) Цао Чжи развивает положения, выдвинутые в (6). При этом прецедент, освященный именем Конфуция, представляется Цао Чжи более весомым и убедительным, нежели пример, связанный с ним самим, и эта неравнозначность формирует топос противопоставления древности и современности, нынешних людей – людям прошлого. Мотив признания превосходства за прошлым четко вырисовывается при соположении (6) и (7). Главный мотив (7) – мотив литературного образца, эталонного произведения, которые выделяются по таким критериям, как авторитетность и положение в жанровой иерархии (речь идет о *Чуньцю*, т.е. об исторической хронике). Второй критерий подсказывается побочным мотивом, выражающимся в необходимости диверсификации подходов, определяемых разницей в целеполаганиях: *Чуньцю* – летопись, к которой применим только беспристрастный подход, к тому же это освященный традицией текст, в отношении которого стороннее вмешательство недопустимо. Так становится очевидной идея, объединяющая (6) и (7): литературно-художественное совершенство достигается за счет бережного обращения с эталонными произведениями авторитетных авторов.

Восьмая (8) и девятая (9) микрочасти так же, как (6) и (7), допускают совместное рассмотрение, что не лишает каждую из них автономности. Тема (8) ранее затрагивалась в «Письме...» – это талант («...Лю Цзисюй по [своему] таланту не превосходит [иных] литераторов...»). Проблема – литературная критика («...а при этом он [Лю Цзисюй] горазд [их] критиковать...») – тоже ставится не впервые. Тезис выражен имплицитно: правильному пониманию и справедливой оценке поддается лишь то в объекте рассмотрения, чем обладает сам субъект рассмотрения («Только с лицом, [как у] Нань Вэй, можно спорить о ее красоте, только с клинком, [как у] Драконова Омута, можно рассуждать о [его] разящей [силе]...»). В этой части также выделяется двухчастный пример, или двухчастный аргумент («Только с лицом <...> о [его] разящей [силе]...»), а также антипример, или контраргумент («...Лю Цзисюй по [своему] таланту не превосходит [иных] литераторов, а при этом [он] горазд [их] критиковать, [а также] выискивать в [их сочинениях] достоинства и недостатки»). Эта микрочасть выстроена по четко заданному

²⁸⁷ Почтенный Ни 尼 – Конфуций; свое имя [Чжун-]Ни 仲尼 он получил в честь духа горы Нишань 尼山, которому его мать молилась о ниспослании ей ребенка.

²⁸⁸ Ю 游 и Ся 夏 – Цзыю 子游 и Цзыся 子夏 соответственно – ученики Конфуция.

логическому принципу. Что касается двухчастного примера, или аргумента, то здесь налицо энтимемы, т.е. сокращенные силлогизмы, которые восстанавливаются до полных условно-категорических силлогизмов. Например, энтимема «только с лицом, [как у] Нань Вэй, можно спорить о ее красоте» в развернутом виде выглядела бы так: «только с лицом, как у Нань Вэй, можно спорить о ее красоте; некто обладает лицом, как у Нань Вэй; следовательно, некто может спорить о ее красоте». Что касается антипримера, или контраргумента, то заключение выводится по аналогии – по схеме, которая задана в примере: только тот, кто по своему таланту превосходит окружающих, может их критиковать; «Лю Цзисюй по [своему] таланту не превосходит [иных] литераторов»; следовательно, он не вправе «их критиковать», а также «выискивать в их сочинениях достоинства и недостатки». Подобная схема выявляет неправомочность поведения Лю Цзисюя.²⁸⁹ Мотивы (8) – право на критику, а также справедливость критики; способность к выявлению подлинно положительных и подлинно отрицательных сторон в произведении – эта способность прямо пропорциональна собственному таланту. Из средств выразительности можно здесь выделить сравнения («...с лицом, [как у] Нань Вэй...»; «...с клинком, [как у] Драконова Омута...»), символы (образы Нань Вэй и Драконова Омута).

Девятая (9) микрочасть. Тема (9) – красноречие («В красноречии Лю Шэну не тягаться с Тянь Ши, да и подобных Чжунляню найти [в наши дни] нетрудно...»). Проблема (9) – реализация заложенного потенциала – выражается в риторическом вопросе: «...но как же им проявить себя?». Тезис в (9), как и в (8), имплицитный – в первом предложении абзаца содержится мысль о силе красноречия и несокрушимости таланта: «Некогда в Цзися Тянь Ба ругал Пятерых императоров, бранил Трех царей, хулил Пятерых гегемонов [и] в одночасье убедил [в своей правоте] тысячу людей, однако стоило высказаться Лу Ляню, как [Тянь Ба был вынужден] навсегда замолчать». В этих строчках (9) заключены и антипример/контраргумент, и пример/аргумент одновременно. Среди мотивов (9) – мотив ниспровержения основ и непризнания авторитетов тем, кто сам не стоит на пьедестале, а также мотив силы красноречия, его общественной, социально-этической значимости вкупе с мотивом утверждения мощи таланта («Некогда в Цзися <...> навсегда замолчать»); мотив силы красноречия, его общественной, социально-этической значимости вкупе с мотивом утверждения мощи таланта; мотив того, что на любой талант найдется больший талант; мотив отсутствия недостатка в талантах («...да и подобных Чжунляню найти [в наши дни] нетрудно»). Топосы (9) – аллюзии на события прошлого, а также символы, представленные историко-мифологическими образами.

²⁸⁹ Цао Чжи в «Письме...» прибегает к рассуждениям, построенным по логическим моделям, что необходимо учитывать при характеристике как самого произведения, так и автора в нем.

Десятая (10) микрочасть. Ее тема – «пристрастия»²⁹⁰; тезис – «у каждого есть [свои] пристрастия»; проблема отражена в финальном риторическом вопросе: «...так можно ли [во всем] быть одинаковыми?». Как и в большинстве микрочастей, аргументация в (10) строится за счет противопоставления примера/антипримера и тезиса/контртезиса, а на основании противоречия, вскрытого путем контрастного соположения, делается вывод – «невозможно [во всем] быть одинаковыми». В (10) среди топосов можно выделить пояснения, выраженные в развернутой иллюстрации конкретного положения (в данном случае тезиса – «у каждого есть свои пристрастия»), а также отсылки к традиции в виде аллюзий на притчу и философский трактат.

Одиннадцатая (11) микрочасть тоже открывается топосом, только здесь Цао Чжи апеллирует не к авторитетным текстам, а бросает ретроспективный взгляд в свое прошлое: «Теперь [я] вспоминаю свои детские и отроческие годы, [когда писал] одни лишь *цы* и *фу*». Здесь вводится тема (11) – *цы* и *фу*: речь пойдет о жанрах и их иерархии. Тезис (11) – «*цы* и *фу* наделены [лишь] малым *дао*»; проблема (11) – «...зрелый муж [*цы* и *фу*] не сочиняет». Эта микрочасть, как и многие предыдущие, построена на противопоставлениях, порождающих выводы. Здесь Цао Чжи сначала будто бы вводит нас в заблуждение относительно своих взглядов – лишь после трех контраргументов (1: «...[а ведь и среди] рассказней на улицах и в переулках достойные найдутся непременно...»; 2: «...[а ведь и в] звуках, [рождаемых] ударами оглобли, есть то, что их роднит и с *фэн*, и с *я*...»; 3: «...так и мнением простолюдина не стоит пренебрегать») он вводит аргумент, который содержит его понимание главного назначения литературного творчества: «...[им] не под силу ни прославить великую справедливость, ни вразумить потомков». Среди топосов в (11) можно выделить обращение Цао Чжи к своему прошлому, а также апелляции к традиции – реминисценции из *Шицзина*, вплетение даосских мотивов, ссылки на авторитетное лицо. (11), фокус которой – «*цы* и *фу*», т.е. поэзия как таковая, ставит вопрос о ее ценности и предназначении; не только ставит о них вопрос, но и ставит их под вопрос. А сомнение это напрямую выражается в конце двенадцатой (12) микрочасти. Тема (12) – литературное творчество, литературное наследие, литературное произведение – проявляется на фоне образа «кисти и туши» за счет метонимического переноса. Проблема сводится к риторическому вопросу: «...смогу ли кистью и тушью снискать славы, [смогу ли своими] *цы* и *фу* прослыть *цзюньцзы*?». Тезис (12) – «...по-прежнему надеюсь объединить усилия [во славу] государства, оказать милости народу, свершить великие дела, увековечить

²⁹⁰ Здесь имплицитно вводится понятие вкуса.

заслуги в металле и камне»²⁹¹. Цао Чжи с горечью указывает на свой титул *хоу* 侯²⁹², который ему пожаловал взошедший на престол и боявшийся конкуренции Цао Пи. (12) вводит мотив самоуничужения, как нравственного, так и социального («Я же, пусть и обделен добродетелями, [пусть и] ношу [лишь] титул удельного *хоу*...»), а также мотив высоких устремлений, которые мыслятся Цао Чжи в контексте служения государству и народу, что отражает конфуцианский идеал жизни. В отличие от (11), в которой Цао Чжи оперирует даосским понятием *дао* 道, в (12) он формулирует свое жизненное кредо, основываясь на конфуцианских представлениях о должном («объединить усилия [во славу] государства», «оказать милости народу», «свершить великие дела», «увековечить заслуги в металле и камне»). Цао Чжи заявляет о своем желании «прослыть *цзюньцзы*» – соответствовать конфуцианскому идеалу благородного мужа. В (12) Цао Чжи противопоставляет друг другу две стези – государственную и литературную, при этом приоритет он оставляет за первой. А на подобное прочтение (12) не в последнюю очередь наводит (11).

Тринадцатая (13) микрочасть, последняя в основной части письма. Стержнеобразующую роль в (13) играет образ отца китайской историографии Сыма Цяня 司马迁²⁹³. Из этого образа вырастает тема – стремление Цао Чжи вписать свое имя в историю. Тезис представлен в развернутом виде: «Если моим чаяниям не суждено сбыться, если [избранный] мною путь [ни на что] не годится, <...> пусть и не спрятать [мне] [свои сочинения] в [недрах] известной коры, [я] передам их тем, с кем связан устремлениями». Проблема отражена в риторическом вопросе: «...если же, [не осуществив все это], доживу до седых волос, [то] к чему [мои] теперешние рассуждения?». В основе (13) также лежит противопоставление: тезис делится пополам отношением контрадикторности («если не..., если не..., то...»; проще говоря, «или...или...»). Цао Чжи выражает решимость посвятить себя либо государственной деятельности, либо литературной – третье для него невысказано: «если моим чаяниям не суждено сбыться, если [избранный] мною путь [ни на что] не годится, то [я] ...; если же, [не осуществив все это], доживу до седых волос, [то] к чему [мои] теперешние рассуждения?». Цао Чжи еще раз утверждает свою позицию: литературное поприще уступает государственному. Цао Чжи все время «идет на понижение» в своих условных и уступительных высказываниях: если не государственная деятельность, то

²⁹¹ Здесь стоит еще раз напомнить функциональное определение тезиса – «решение проблемы, снятие неопределенности, связанной с выбором» [Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 39].

²⁹² «Окраинного князька» в переводе И.С. Лисевича [Лисевич, 1996, С. 56].

²⁹³ «Пусть и не спрятать [мне] [свои сочинения] в [недрах] известной коры» – аллюзия на полуполюгендарный эпизод из его жизни: он поместил свой многотомный труд *Шицзи* 史记, «Исторические записки», в недра некоей горы, дабы сохранить его для потомков.

литературная; если литературная, то бессмысленно питать иллюзии – идеал Сыма Цяня недостижим; пусть и не наравне с Сыма Цянем, но все же оставить свой след в истории. Среди мотивов (13) – мотив принижения себя; мотив качества литературного произведения, художественного эталона, жанровой иерархии (Цао Чжи сейчас признает первенство за *Шицзи*, ранее – за *Чуньцю*, оба сочинения – исторические хроники; таким образом, он указывает как на конкретные образцы, так и на наивысшую по своему достоинству жанровую форму; приоритет он отдает летописи потому, что именно в этом жанре две сферы – литературная и государственная – тесно соприкасаются друг с другом); и, наконец, мотив дружбы, краеугольным камнем которой является общность устремлений («...[я] передам их тем, с кем связан устремлениями...»). Топосом здесь является все та же отсылка к традиции – аллюзия на предание в данном случае.

За (13) следует заключительная²⁹⁴ (III) часть письма²⁹⁵, которая тоже распадается на три микрочасти – эпилог²⁹⁶ (14) (собственно литературная микрочасть, подводящая итог основной, содержательной, части письма), заключение (15) и постамбулу²⁹⁷ (16) (две функциональные микрочасти, которые являются атрибутами формальной части письма). Таким образом, вступительная и заключительная части, будучи трехчастными, зеркально отражаются друг в друге: во вступительной литературная микрочасть стоит перед функциональными микрочастями, а в заключительной – после.

В (14) микрочасти, эпилоге, заключены мотивы откровенности с другом, доверия к нему, взаимопонимания между друзьями. Адресант напрямую обращается к Ян Дэцзу, адресату. Имя Хуэйцзы 惠子²⁹⁸ окрашивается в символические тона: «Хуэйцзы поймет меня» – метафора взаимопонимания между друзьями.

В (15) микрочасти, собственно заключении, отражен мотив ценности живого общения, которое не заменить перепиской. В эпистолярных эпилогах содержится, как правило, либо выражение адресантом своего доброго отношения к адресату, либо сетование на разлуку и предвкушение возможной встречи [Richter, 2013, P. 101] – нечто подобное наблюдается и здесь («свидимся [уж] завтра поутру»).

²⁹⁴ В «эталонном» письме с полным рамочным обрамлением вступительная и заключительная части зеркально отражаются друг в друге: постамбуле, которая соотносится с преамбулой, предшествует эпилог, соотносящийся с прологом [См. подробнее: Richter, 2013, P. 101]

²⁹⁵ У А. Рихтер – Letter Closing. Подробнее о типологии заключений в раннесредневековой китайской эпистографии см.: [Ibid., pp. 101–110].

²⁹⁶ У А. Рихтер – Epilogue. Подробнее о типологии эпилогов в раннесредневековой китайской эпистографии см.: [Ibid., pp. 101–109].

²⁹⁷ У А. Рихтер – Postscript. Подробнее о типологии постамбул в раннесредневековой китайской эпистографии см.: [Ibid., pp. 109–110].

²⁹⁸ Древнего философа (ок. VI в. до н.э.).

Последняя (16) микрочасть, постамбула²⁹⁹, представлена формулой – «Чжи (пишет)».

После рассмотрения «Письма...» во всем его объеме важно сформулировать идею-цель, связывающую произведение воедино. Она просматривается в трех фразах из (13), (14) и (15) соответственно: «если же, [не осуществив все это]» (13), «не стыжусь своих речей» (14), «свидимся [уж] завтра поутру» (15). Идея-цель направлена на выражение автором своего жизненного кредо³⁰⁰ (13), на изложение литературных взглядов³⁰¹ (14), на заверение Ян Дэцзу в своих дружеских чувствах³⁰² (14) и на обозначение времени встречи, что соответствует утилитарному назначению письма как средства коммуникации, (15).

Идея-цель «Письма Ян Дэцзу», эссеистического послания³⁰³, синтезируя в себе рациональную, эмоциональную и функциональную жанровые составляющие³⁰⁴, предельно всеохватна и универсальна.

2.1.2. 与司马仲达书. Юй Сыма Чжунда шу³⁰⁵

Письмо к Сыма Чжунда³⁰⁶

²⁹⁹ Постамбула во многом напоминает преамбулу, только в ней, в отличие от преамбулы, как правило, отсутствует дата. В постамбуле обычно повторяются глагол или глаголы, значащиеся в преамбуле, иногда с добавлением выражения почтения, что в постамбуле выглядит уместно и оправданно. В преамбуле указывается полное имя автора, т.е. фамилия *син* и собственно имя [См. подробнее: Richter, 2013, P. 109].

³⁰⁰ Неудача на государственном или, на худой конец (именно так), литературном поприще равнозначна краху.

³⁰¹ Цао Чжи в «Письме Ян Дэцзу» рассуждает о многих категориях, вошедших впоследствии в понятийный аппарат теории литературы.

³⁰² Дружеское общение предполагает то, что друзья «не стыдятся своих речей».

³⁰³ Жанровая палитра писем настолько богата, что их сложно подвести под единое определение; при этом письмо с трудом поддается однозначной жанровой атрибуции не только в китайской литературной традиции; границы жанра расплывчаты, поскольку на краях спектра (от кратких бытовых, личных записок до пространных, тщательно продуманных и разработанных, чуть ли не научных трактатов) располагаются пограничные формы, что свидетельствует о «текучести» письма, гибкости его природы – эпистолография не зажата рамками одного-единственного жанра [См. подробнее: Richter, 2013, P. 38].

³⁰⁴ Одна из знаковых особенностей письма, отличающая его от прочих сочинений, – сочетание утилитарности и эстетичности [Чжао, 1999, С. 21].

³⁰⁵ Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены нами главным образом с опорой на следующую работу: [Чжао Ювэнь, С. 501–502].

³⁰⁶ Сыма Чжунда 司马仲达 – второе имя (*цзы*) Сыма И 司马懿 (годы жизни: 179–251 гг.). Выдающийся политический и военный деятель, стратег царства Вэй эпохи Троецарствия, основатель династии Западная Цзинь 西晋. Сначала служил архивариусом (*чжубу* 主簿) при Цао Цао, затем – наставником при наследнике престола (*тайцзы-чжуншицзы* 太子中庶子). Позднее стал главнокомандующим быстрой конницей, ведал военными делами в Юйчжоу 豫州 и Цзинчжоу 荆州. Неоднократно водил войска в бой против Чжугэ Ляна 诸葛亮. В 249 г., убив Цао Фана 曹芳 и Цао Шуана 曹爽, подчинил себе дворцовую гвардию, инициировал военный переворот, завладел властью в царстве. В 251 г. умер. Его внук Сыма Янь 司马炎 провозгласил себя родоначальником новой династии Цзинь 晋朝, а деда, т.е. Сыма Чжунда, посмертно объявил императором Сюаньди 宣帝. [Цзиньшу, цзюань 1 Дицзи]; [Цзиньшу, цзюань 3 Дицзи]. См. подробнее: [Там же].

I. Ныне разбойники³⁰⁷ замышляют удерживать города Заречья³⁰⁸, оборонять крошечное [царство] У³⁰⁹! Не в силах потягаться за Поднебесную³¹⁰, не в состоянии побороться за Равнину³¹¹. Поэтому они по привычке сделали острова и отмели [своим] оплотом, [а воды] Янцзы-цзян и Хуай-хэ – [своим] защитным рвом. II. Если сможем [их оттуда] выманить, [чтобы] сразиться [с ними], то солдат одного моего отряда будет достаточно, чтобы одолеть их. Стрелкам надобно натянуть тетиву, а рыбакам – выпрямить леску. Все это необходимо взвесить и обдумать, сообразно [сложившейся] ситуации принять надлежащие [меры]. III. Теперь у Вас уже нет намерений натянуть тетиву и выпрямить леску, [Вы] лишь желаете дожждаться [того часа], когда они оставят [свои] джонки, улучшить [момент], когда они сойдут на берег, и уж тогда, как [Вы] и задумали, объединить земли У и Гуй³¹², покорить восточных дикарей³¹³. IV. Едва ли государь³¹⁴ думал об этом, когда назначал на должность генерала³¹⁵.

«Письмо к Сыма Чжунда» (далее – «Письмо...») – функциональное послание, на первый план в котором выходит коммуникативная составляющая, т.е. собственно передача информации.

«Письмо...», прежде всего, – документ эпохи. Полный его текст не сохранился: вероятно, перед нами – средняя часть (коммуникативное ядро), подчиненная конкретным, определенным задачам и направленная на достижение практической, утилитарной цели, в то время как вступительная и заключительная части утрачены, поэтому мы можем рассуждать лишь о фрагменте и все выводы обречены на неоднозначность и неокончателность.

«Письмо...» – по крайней мере, эта его часть – представляет скорее исторический, нежели литературный интерес: художественное уступает в нем место фактическому. Выбранный автором эпистолярный формат – не прием и не условность, навеянные художественными соображениями, а необходимость, продиктованная обстоятельствами.

³⁰⁷ Разбойники – царство У 吴国 во главе с Сунь Цюанем 孙权.

³⁰⁸ Заречье – земли к югу от реки Янцзы.

³⁰⁹ Царство У 吴国 (222 по 280 гг.) было одним из трех царств Поднебесной периода Троецарствия. Оно было основано Сунь Цюанем в юго-восточной части современного Китая. Относительно двух других царств – Вэй 魏国 (Цао Вэй 曹魏) и Шу 蜀国 (Шу Хань 蜀汉) – оно располагалось на востоке, поэтому его еще обозначают как Восточное У 东吴. Покорение царством Западное Цзинь 西晋 царства Восточное У в 280 г. знаменовало завершение периода Троецарствия. Сунь Цюань правил царством У с 222 по 252 гг.

³¹⁰ Под Поднебесной подразумевается территория Центральной равнины – Чжунъюань 中原.

³¹¹ Равнина. Возможно, здесь имеется в виду конкретно уезд Пинъюань 平原.

³¹² Земли У и Гуй – области У 吴郡 и Гуйцзи 会稽郡; в то время составляли территорию царства У 孙吴.

³¹³ Восточные дикари – царство Восточное У.

³¹⁴ Судя по годам, государь – Цао Жуй 曹睿. Цао Жуй был старшим сыном Цао Пи, вторым правителем царства Вэй эпохи Троецарствия; годы его жизни – 206–239 гг., годы его правления – 226–239 гг.

³¹⁵ Генерал – Сыма И 司马懿. В то время Сыма И занимал пост главнокомандующего быстрой конницей, или легкой кавалерией; заведовал военными делами в двух округах – Юйчжоу 豫州 и Цзинчжоу 荆州.

Размер письма (этой его части) небольшой. Стиль простой и ясный³¹⁶. Слог характеризуется краткостью и сжатостью – налицо отсутствие стандартизированных элементов, клишированных формул. Манера автора сдержанная: не фамильярная и не дружеская, напротив, довольно сухая, подчеркнута деловая.

Цель Цао Чжи – убедить Сыма Чжунда: этой целью обусловлен риторический запал послания³¹⁷, которое даже с учетом всего вышесказанного может быть охарактеризовано не иначе, как художественное произведение. Вместе с тем оно не лишено публицистического и дидактического начала: за фактологическую основу взяты актуальные события того времени, а за коммуникативную, модально-эмоциональную – установка на убеждение, вразумление, которые подкрепляются упреком, укором. Перед нами – образец совещательно-эпидейктической речи, направленной на убеждение и содержащей упрек.

Из трех звеньев эпистолярной ситуации (адресант–сообщение–адресат) значение первого и третьего сведено к минимуму: ключевым становится именно сообщение.

«Письмо...» не может восприниматься вне историко-биографического³¹⁸ контекста. Как и в случае с другими письмами, рассматривая «Письмо...», мы имеем дело с реальной перепиской, состоявшейся при фактических, зафиксированных в хрониках обстоятельствах. Однако, в отличие от большинства писем, «Письмо...» сложно назвать дружеским – оно скорее деловое.

В соответствии с древнегреческим письмовником «Типы писем» [Миллер, 1967 А, С. 10], «Письмо...» может быть охарактеризовано как «совещательное», «вразумляющее», «объяснительное» и «порицающее» (ключевые характеристики – «совещательное» и «порицающее»). Если соотнести его с классификацией, предложенной Цицероном [Там же, С. 15], то окажется, что по своему тону оно как не «интимное», так и не «предназначенное для публичных чтений», по отношению автора письма к адресату – скорее «официальное», чем «личное», а по содержанию – «строгое», «серьезное» уведомление. А по византийскому риторическому трактату о стилях писем [Там же, С. 23] оно может быть квалифицировано как «убеждающее», «побуждающее», «порицательное»³¹⁹.

³¹⁶ По этому поводу Аристотель, к примеру, писал, что «достоинство стиля заключается в ясности» [Аристотель, 2017, С. 254], «стиль речи письменной – самый точный» [Там же, С. 290], а «наиболее пригоден для письма стиль речи эпидейктической, так как она предназначена для прочтения» [Там же, С. 292], а речь в «Письме к Сыма Чжунда» отчасти является как раз эпидейктической.

³¹⁷ На риторичность китайских писем указывалось, к примеру, в следующих работах: [Chung, 1982, P. 2], [Richter, 2015, P. 240], [Shields, 2015, P. 678], [Ditter, 2015, P. 645]. Чжао Шугун имплицитно подтверждает существование риторики, красноречия и, кстати, логики в Китае, сказав, что повествовательная литература в Китае всегда отставала в своем развитии от лирики, риторики, полемики [См. подробнее: Чжао, 1999, С. 63].

³¹⁸ Многие раннесредневековые китайские письма предстают как средства автобиографического (само)выражения [Wells, 2015, P. 641].

³¹⁹ В дальнейшем ссылки на три эти классификации проставляться не будут.

Поскольку мы имеем дело с фрагментом письма, рассуждать о его композиционной схеме трудно. Однако в рамках того материала, которым мы располагаем, можно выделить четыре структурных элемента³²⁰: I – повествовательный (структурный); II – побудительный; III – изъяснительный элемент, содержащий изложение планов Сыма Чжунда с осуждением таковых; в IV элементе проявляется идея письма, т.е. вразумление, которое предполагает убеждение посредством доказательства собственной правоты (I и II) и переубеждение при помощи упрека, за счет критики (III). И II, и III представляют собой доказательства с той только разницей, что в III заключена демонстрация ошибочности выбранного пути, то есть доказательство «от противного».

Как в II, так и в III задействованы «технические» способы убеждения³²¹. Эффект убеждения определяется не характером говорящего и не настроением слушающего, а достигается самой речью.

I обозначает предмет, о котором пойдет речь, II и III доказывают его. В I разворачивается изложение, в II и III выстраивается убеждение; иными словами, I – задача, а II и III – ее решение. Аристотель, к примеру, предлагал ораторам «сначала изложить свои собственные способы убеждения, а потом выступить против доводов своего противника, уничтожая их или заранее браня их» [Там же, С. 310]. Так и в «Письме к Сыма Чжунда»: сначала – заявление адресантом своей позиции (II), затем – имплицитное осуждение намерений и планов адресата (III).

О предисловии и заключении – вторых по значимости компонентах после изложения и убеждения – невозможно судить в силу отсутствия полного текста письма.

Поскольку перед нами – совещательно³²² -эпидейктическая³²³ речь, адресант склоняет к одному и отклоняет от второго, порицая при этом адресата за приверженность второму³²⁴.

В качестве одного из поводов, по которым произносятся совещательные речи, Аристотель выделял вопросы войны и мира. Также он подчеркивал, что «у человека, дающего совет, цель – польза» [Там же, С. 77]. Так оно есть и в «Письме...», причем заданное измерение – общественное, государственное, отнюдь не личное, не частное. Как

³²⁰ Введем оборот «структурный элемент» во избежание употребления слова «часть» – весь дошедший до нас текст является составной частью утраченного письма.

³²¹ «Основанные на приемах риторики», «те, которые могут быть созданы нами с помощью метода и наших собственных средств, <...> [их] нужно [предварительно] найти» [Аристотель, 2017, С. 67]. Для сравнения – «нетехнические»: «основанные на объективных данных», «те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас], <...> [ими] нужно только пользоваться» [Там же].

³²² «Дело речей совещательных – склонять или отклонять» [Аристотель, 2017, С. 76].

³²³ «Дело эпидейктической речи – хвалить или порицать» [Там же]; «для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное» [Там же].

³²⁴ По Аристотелю, совещательные и эпидейктические речи схожи. См. подробнее: [Там же, С. 208–209].

неотъемлемый атрибут эпидейктической речи, содержащей хулу, Аристотель отмечал «обличение постыдного» [Там же]. Действительно: Цао Чжи намерен отвратить Сыма Чжунда от действий, губительных для общественного блага³²⁵. Размышления о всеобщем благе, судьбе Поднебесной и, как следствие, оптимальной военной стратегии обусловили и сформировали ключевые коммуникативные узлы (элементы инвенции) «Письма...»:

Его предмет – «Ныне разбойники замышляют удерживать города Заречья, оборонять крошечное [царство] У!». Тема – «Не в силах потягаться за Поднебесную, не в состоянии побороться за Равнину». Проблема – «У Вас уже нет намерений натянуть тетиву и выпрямить леску, [Вы] лишь желаете дожидаться [того часа], когда они оставят [свои] джонки, улучшить [момент], когда они сойдут на берег» + «Едва ли государь думал об этом, когда назначал на должность генерала». Тезис – «необходимо <...> сообразно [сложившейся] ситуации принять надлежащие [меры]». Цель – «... как [Вы] и задумали, объединить земли У и Гуй, покорить восточных дикарей». Идея – убеждение через переубеждение; пристыдить и, простимулировав, побудить.

Здесь раскрывается еще одна грань таланта Цао Чжи – он предстает не только как одаренный литератор, но и как мудрый советник, дальновидный стратег. А само письмо, будучи формально нейтральным, по своему содержанию оказывается жестким и резким.

2.1.3.³²⁶ 与吴季重书. Юй У Цзичжун шу³²⁷

Письмо У Цзичжуну³²⁸

³²⁵ Кстати, в поисках определения для понятия «блага», античные теоретики рассуждали о том, на что именно оно может быть направлено. В частности, Аристотель был убежден, что «полезное есть благо для самого [человека], а прекрасное есть безотносительное благо» [Там же, С. 203]. Очевидно, что как древние греки, так и древние китайцы оставляли приоритет именно за вторым – за «безотносительным», т.е. всеобщим, благом.

³²⁶ При подготовке этого анализа была использована публикация автора, в которой отражены основные результаты, положения и выводы этого пункта исследования: Строганова Н.А. «Письмо У Цзичжуну» Цао Чжи – панегирик или памфлет? // Проблемы литератур Дальнего Востока: избранные материалы IX международной научной конференции. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. – С. 244–254.

³²⁷ Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены нами главным образом с опорой на следующие труды: [Вэньсюань, цзюань 42 Шучжун], [Чжао Ювэнь, С. 171–176].

³²⁸ У Чжи 吴质 (177–230 гг.), второе имя (цзы) – Цзичжун, был сановником, литератором эпохи Троецарствия; занимал пост министра (*дачэнь* 大臣 – приблизительный аналог министра) в царстве Вэй 魏国 (Цао Вэй 曹魏); дослужился до должности «полковника, трепет внушающего» (*чжэньвэйцзянцзюнь* 振威将军), получил верительную бирку на ведение всеми военными делами в районе нынешней провинции Хэбэй (был назначен на пост командующего войсками – *дуду* 都督), позднее был пожалован титулом *лехоу* 列侯 (один из вариантов перевода – «князь»; второй по значимости княжеский ранг после *чжухоу* 诸侯). Изначально Цао Пи обратил внимание на У Чжи именно в связи с интересом к словесности у последнего. У Чжи был одним из так называемых «четырех друзей» (*сы'ю* 四友) Цао Пи. В то время также состоял в тесных взаимоотношениях с Семью *цзяньаньскими* мужами. Большая часть его произведений не сохранилась до наших дней; до нас дошли только два его ответных письма к Цао Пи, одно ответное письмо к Цао Чжи – все три произведения содержатся в антологии «Литературный сборник» Сяо Туна (*Чжао мин Вэньсюань* 昭明文选); также до нас дошло одно его стихотворение «Думаю с уважением и любовью» (*Сыму ши* 思慕诗) – оно содержится в хронике «Записи о Трех царствах» (*Саньго чжи* 三国志). Кстати, «Записи о Трех царствах», а именно – «Записи царства Вэй», также являются источником биографических сведений об У Чжи. Там мы и находим недвусмысленное

Чжи говорит:

I. (1) Милостивый государь³²⁹ Цзичжун. Третьего дня, несмотря на чиновничьи экзамены, [по итогам которых Вас направили в далекий уезд], [нам с Вами] удалось посидеть [на пиру] друг рядом с другом; хотя пир [и длился] весь день, [но ведь] разлуки [наши] долгие, а встречи редкие, [поэтому я] так и не поведал [Вам] о всех своих думах [о Вас]. **(2)** Сперва [осушили мы] винные чарки [до дна], а после [вкусили] музыку свирели; духом воспарили Вы, словно орел, а взор [Ваш] [стал подобен] [взору] феникса или тигра; ни Сяо, ни Цао³³⁰ не смогут сравниться с Вами, ни Вэю, ни Хо³³¹ не под силу тягаться [с Вами]³³². Оглядываетесь по сторонам так, будто [не замечаете вокруг себя] никого³³³, – разве не [в этом проявляются] Ваши³³⁴ высокие устремления? **(3)** Проходя мимо мясной лавки, глотаем слюни; пусть и не удастся отведать мяса, все равно испытываем радость. Тем временем, желаем поднять [гору] Тайшань³³⁵, как [кусочек] мяса, и опорожнить [море] Дунхай³³⁶, как [чашу с] вином, [хотели бы] вырубить бамбук Юньмэна³³⁷ и изготовить [себе] флейты³³⁸, повалить (катальповые) деревья³³⁹ Сышуя³⁴⁰ и смастерить [себе] цитры³⁴¹; яства [наши] настолько обильны, что] заполнили бы собою глубокое ущелье, а [вино наше] льется [столь щедро], будто [никак не может наполнить] протекающие кубки [с вином]. Как же велика наша радость! Не это ли радость достойных мужей? **(4)** Время, однако, нам неподвластно, уж близок закат; миг встречи [столь мимолетен], словно отблеск лучей заходящего солнца, а пора разлуки бесконечна, как расстояние между [созвездиями] Шэнь и Шан³⁴². Хотел бы

указание на то, что своей чиновничьей карьерой он обязан своим литературным занятиям – именно благодаря им его выделил, а затем привечал Цао Пи. См. подробнее: [Саньгоцжи, Вэйшу, цзюань 21].

³²⁹ Милостивый государь 足下. 足下 – «Вы; Ваше превосходительство; Милостивый государь».

³³⁰ Сяо 萧 и Цао 草. Здесь упоминаются Сяо Хэ 萧何 (? – 193 г. до н.э.) и Цао Цань 曹参 (? – 190 г. до н.э.), которые стояли у истоков Ханьского государства.

³³¹ Вэй 卫 и Хо 霍 – Вэй Цин 卫青 (?–106 г. до н.э.) и Хо Цюйбин 霍去病 (145–117 г. до н.э.), ханьские генералы, боровшиеся против сюнну.

³³² С Вами – 侑. 侑 – «соратник; товарищ».

³³³ Речь идет о самоуверенности, об осознании собственного превосходства над окружающими.

³³⁴ Ваши 吾子. 吾子 – «Вы; мой господин».

³³⁵ Гора Тайшань 太山 / 泰山. Пять священных гор Китая (У юэ 五岳): Восточная – Тайшань 泰山, Западная – Хуашань 华山, Южная – Хэншань 衡山, Северная – Хэншань 恒山, Центральная – Суншань 嵩山.

³³⁶ Дунхай 东海 – Восточно-Китайское море.

³³⁷ Юньмэн 云梦 – название древней заболоченной местности. В доцинскую эпоху (периоды Чуньцю и Чжаньго – до 220 г. до н.э.) и в эпоху правления обеих династий Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) ее называли топи Юньмэн. Район нынешних провинций Хунань, Хубэй, города Ухань.

³³⁸ Флейты 笛. Ди 笛 – китайская поперечная флейта.

³³⁹ (Катальповые) деревья – цзы 梓. Листопадное дерево, которое в древности повсеместно использовалось для изготовления различных инструментов и утвари; часто его название обозначало древесину в целом, искусство резьбы по дереву и столярное мастерство.

³⁴⁰ Сышуй 泗水. В оригинальном тексте – берега Сы 泗滨. Речь идет о реке Сышуй, протекающей по центральной части нынешней провинции Шаньдун.

³⁴¹ Чжэнь 箏 – длинная цитра, струнный щипковый инструмент, разновидность гуслей в 13 или 16 струн.

³⁴² [Созвездия] Шэнь 参 и Шан 商 – два из двадцати восьми зодиакальных созвездий (понятие традиционной китайской астрологии). Шэнь появляется на закатном небе, а Шан – на рассветном. Созвездия Шэнь и Шан – метафора двух людей, разлученных навеки.

остановить шестерку драконов, [запряженных в солнечную колесницу]³⁴³, удержать поводья [возницы] Сихэ³⁴⁴, сломить [могучее дерево] *жому*³⁴⁵, загородить долину [реки] Мэн³⁴⁶. Небесные пути высоки, далеки; не суждено [нам] скоро увидеться [вновь]; думаю с тоской и любовью [о Вас]; ворочаюсь в постели [и не в силах заснуть]; как же [все это передать]³⁴⁷!

II. (1) Получил Ваше письмо, изысканное и витиеватое. По [своей] пышности [оно] сравнится с весенней растительностью, по свежести – с прохладным ветерком, [я] читал [его] вновь и вновь, ясно видя Вас [перед] собою³⁴⁸. **(2)** Похоже, [Вы собрали] сочинения *совершенномудрых*, обдумывали и изучали [их], по многу раз зачитывали [вслух], возможно, [даже] повелели низшим служащим, не чуждым занятий [словесностью], выучить [их] наизусть и [после этого] по памяти читать. Творить [же] трудно не только в наши дни. В древности *цзюньцзы* [страдали от] тех же болезней [творчества], [что и мы]. [Одни полагают, что у них] дома есть [кони, способные в день пробегать] тысячу *ли*³⁴⁹, но не дорожат лихим скакуном; [другие считают, что у них] пазуха размером с *чи*³⁵⁰, но [при этом] не ценят прекрасную яшму. **(3)** [Если] *цзюньцзы* не сведущ в музыке, [то], как говорили в древности, он [хотя и] обладает знаниями, но пребывает в невежестве. Мо Ди³⁵¹ не жаловал [этот вид] искусства; почему же, проезжая Чжаогэ³⁵², [он] повернул повозку назад? Вы музыку любите. [И ныне Вы] назначены правителем [того самого] уезда, [проезжая который] Мо Ди повернул свою повозку назад. **(4)** Надеюсь, что Милостивый государь поможет мне [широко] раскрыть [мои] глаза³⁵³.

III. (1) Вновь слышал [я], что Вы там³⁵⁴ снискали славу [своей] ревностной службой. **(2)** Бывает, что [мы] не добиваемся того, к чему стремимся, [однако] не бывает, чтобы мы добивались, не стремясь. Если меняют колею на полпути, [то, очевидно, что] повозкой

³⁴³ Шестерка драконов, [запряженных в солнечную колесницу] 六龙 – метафора (метафора-символ) солнца. Согласно древнекитайской мифологии, шесть драконов были запряжены в колесницу, сидя в которой солнце совершало свое каждодневное путешествие по небосводу.

³⁴⁴ [Возница] Сихэ 羲和. В древнекитайской мифологии Сихэ – богиня солнца (и по совместительству – мать десяти солнц). Она управляла упряжкой из шести драконов, которые были запряжены в ее колесницу.

³⁴⁵ *Жому* 若木 – дерево на горе Куньлунь 昆仑山, возвышающейся на «крайнем западе»; по мифологическим представлениям, за этим деревом заходило солнце.

³⁴⁶ [Река] Мэн 蒙汜 – река, за берегами которой, по древним представлениям, заходило солнце.

³⁴⁷ «Небесные пути <...> как же [все это передать]!». Здесь – топос жалобы на разлуку. Подробнее о наиболее распространенных топосах в раннесредневековых китайских письмах см.: [Richter, 2013, pp. 117–118].

³⁴⁸ «По [своей] пышности <...> видя Вас [перед] собою». Здесь – топос отношения к письму как к средству замены живого общения. Подробнее см.: [Там же].

³⁴⁹ *Ли* 里 – китайская мера длины, равная 0,5 км. Тысяча *ли* – метафора огромного расстояния.

³⁵⁰ *Чи* 尺 – китайский фут, равный 1/3 метра.

³⁵¹ Мо Ди 墨翟, или Моцзы 墨子 – древнекитайский философ (ок. 470 – ок. 391 гг. до н.э.).

³⁵² Местность неподалеку от города Иньду 殷都城 (располагался на территории нынешней провинции Аньхой).

³⁵³ [Широко] раскрыть [мои] глаза – распространить мои взгляды; рассказать о моих заслугах.

³⁵⁴ В Чжаогэ.

правят не Лян и не Лэ³⁵⁵; [если] обмениваются [простым] народом с целью установления порядка, [то ясно, что речь идет не о] принципах управления в Чу и Чжэн³⁵⁶. [Смею] надеяться, что [на поприще чиновничьей службы] Вы проявите все Ваше усердие. (3) Теперь пришла пора встречать [мне] дорогих гостей, [а я] продиктовал [писцу] не все, [что хотел сказать]. [Надеюсь на более] частые встречи [с Вами], [а также на] [продолжение] переписки.

Цао Чжи сказал.

В связи с «Письмом У Цзичжуну» (далее – «Письмом...») встает вопрос о взаимоотношениях между автором замысла и автором воплощения этого замысла, т.е. между заказчиком и исполнителем. Как правило, автор замысла и был автором его воплощения, однако так было не всегда³⁵⁷. Цао Чжи в «Письме...» указывает на присутствие в эпистолярной ситуации третьего лица: «... [а я] продиктовал [писцу] не все, [что хотел сказать]». Делится ли Цао Чжи с У Чжи обстоятельствами, сопутствовавшими написанию письма, или играет с ним – сейчас установить сложно.

Предположение об игровом характере «Письма...» было сделано неслучайно. Оно должно рассматриваться только в контексте переписки Цао Чжи и У Чжи – в противном случае мы приходим к ложным выводам. Если рассматривать письмо в отрыве от переписки, оно может произвести впечатление дружеского послания, в котором Цао Чжи вспоминает радостные мгновения, разделенные с У Чжи, отдает должное его выдающимся литературным, административным способностям, а также выражает свои дружеские чувства к нему. Однако в свете ответного письма³⁵⁸ У Чжи к Цао Чжи – «Ответного письма

³⁵⁵ Лян 良 и Лэ 乐 – Ван Лян 王良 из княжества Чжао 赵国 и Бо Лэ 伯乐 из княжества Цинь 秦国 были искусны в управлении лошадьми.

³⁵⁶ Чу 楚 и Чжэн 郑 – царство Чу 楚国 и царство Чжэн 郑国.

³⁵⁷ Как в античности, так и в древнем, раннесредневековом Китае составление письма могло поручаться профессиональным писцам или секретарям-письмоводителям – чаще всего тогда, когда заказчик был недостаточно грамотен или образован (практика эпистолярного общения тогда была в ходу не только в кругу аристократии, но и среди простых людей). Тем не менее, ученые мужи тоже порой не гнушались посторонней помощью, прибегали к услугам скриптора или даже поэта, когда требовался особо деликатный подход. Как правило, скрипторы ведали официальной корреспонденцией правителей или же вели частную переписку двух супругов. Кстати, иногда получатель письма также приглашал стороннее лицо, которое должно было ему ассистировать в разборе или прочтении письма вслух [См. подробнее: Richter, 2013, pp. 26–27]. Отдельные безграмотные литераторы, поэт Шэнь Цинчжи 沈庆之 (386–465 гг.), например, были вынуждены диктовать все свои сочинения, в том числе и бытовые письма, под запись, однако и высоко образованные люди могли надиктовывать свои произведения писцам [Ibid.].

³⁵⁸ Отправка письма, как правило, подразумевает ожидание на него ответа, т.е. предполагает взаимность – обмен письмами напоминает обмен подарками [См. подробнее: Tian, 2015, P. 136]. Здесь уместно провести параллель между письмом и стихотворным посланием *цзэн*, ведь первое значение иероглифа 贈 – «дарить; преподнести в дар»: стихотворения *цзэн*, или *цзэндаши* 赠答诗 могут быть восприняты как разновидность писем, эта категория *ши* является второй по численности в *Вэньсюань*, самой знаковой раннесредневековой китайской антологии [См. подробнее: Raft, 2015, P. 276]. Кстати, в ранние периоды истории Китая речи воспринимались как наиболее ценные дары, превосходящие по своей ценности экипажи, повозки, а также настоящие сокровища – золото и яшму [См. подробнее: Richter, 2013, P. 133].

к царевичу Дуньэ³⁵⁹» (*Да Дуньэ ван шу* 答东阿王书) – подобная трактовка послания Цао Чжи представляется принципиально ошибочной³⁶⁰. Поэтому далее в анализе мы будем неоднократно обращаться к «Ответному письму к царевичу Дуньэ» авторства У Чжи и всякий раз убеждаться в том, что Цао Чжи в своем письме к У Чжи на самом деле выражает презрение к тем, кто предаёт дружбу, насмехается над теми, кого считает бездарями, а также, как и во многих других своих сочинениях, демонстрирует нетерпимое и бескомпромиссное отношение к людским порокам. Неудивительно, что У Чжи был этим письмом глубоко задет; будучи любимцем Цао Пи, он счёл это письмо вдвойне для себя оскорбительным. Так что вполне естественно, что оно разожгло в нём ненависть к Цао Чжи, которая стала одной из причин последующих неудач и несчастий Цао Чжи.

На рубеже Древности и Средних веков письма в Китае именовались либо *шу* 书, либо *цзянь* 笺. Как правило, словом *шу* обозначались письма личного, частного характера к равным или нижестоящим, а словом *цзянь* – официальные письма к вышестоящим [См. подробнее: Richter, 2013, P. 40]. Письма обоих братьев Цао – и Цао Пи, и Цао Чжи – к У Чжи были помечены как *шу*; письма У Чжи к Цао Пи – как *цзянь*, а его письма к Цао Чжи – как *шу*. Даже в такой формальности, как классификационное обозначение письма, проявилось неровное отношение У Чжи к двум братьям. Кстати, в отличие от Цао Чжи, который считал У Чжи бездарем, Цао Пи оценивал его способности, в том числе литературные, весьма высоко. Подобное отношение Цао Пи к У Чжи проявляется во «Вновь [посылаю] письмо У Чжи» (*Ю юй У Чжи шу* 又与吴质书) (218 г.) авторства Цао Пи [см.: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*] – в нём Цао Пи делится с У Чжи своими соображениями о литературных талантах их общих друзей. Письмо это было не единственным посланием Цао Пи к своему другу, товарищу и соратнику У Чжи.

«Письмо...» представляет собой трехчастное послание: фактически оно состоит из трех писем, которые можно рассматривать как порознь, так и сообща. Все три письма, помимо общего названия, связываются воедино преамбулой и постамбулой. Каждое из них (трех макрочастей³⁶¹ «Письма...»), в свою очередь, можно разделить на микрочасти – выделить в каждом из них пролог, основную часть или основные части, эпилог.

³⁵⁹ Уезд Дуньэ 东阿. Ныне – уезд городского округа Ляочэн 聊城 провинции Шаньдун 山东省.

³⁶⁰ На эту мысль, помимо собственно первоисточника, нас также навела следующая статья: [邢培顺 Син Пэйшунь, 2010, С. 152–160].

³⁶¹ Макрочасти мы помечали римскими цифрами, микрочасти – арабскими.

Преамбула «Письма У Цзичжуну» – «Чжи говорит».³⁶² Постамбула письма – «Цао Чжи сказал».³⁶³

«Письмо...» представляет собой обманку, перевертыш. Если соотнести его с «Типами писем» [Миллер, 1967 А, С. 10], то получится, что письмо I – «дружеское», «хвалебное», письмо II – «дружеское», «хвалебное», «объяснительное», «просительное», а письмо III – «дружеское», «вразумляющее», «объяснительное»; однако при соотнесении с тем же трактатом произведение в своей целостности оказывается «хулительным», «обвинительным», «ироническим» и «иносказательным». Кстати, в античности, особенно греческой, многие письма, не дружеские по сути, были исключительно дружескими по своему виду – предполагалось, что «дружественное письмо не встретит возражений» [Там же, С. 10]. В соответствии с классификацией, разработанной Цицероном [Там же, С. 15], письма I, II, III по своему тону производят впечатление «интимных», по отношению автора к адресату – «личных», по содержанию – «дружеских». На самом деле возможно, что Цао Чжи был бы не против, если бы его сочинение прочитали на публике, если бы содержание – а это содержание не частного свойства – предали огласке; письмо нельзя назвать по-дружески шутливым – оно ироническое, скорее сатирическое, даже саркастическое. По византийскому риторическому трактату о стилях писем [Там же, С. 23], письмо I может быть квалифицировано как «дружеское», «похвальное», «жалобное», «горестное» (что звучит неубедительно в отношении «Письма...»), письмо II – как «дружеское», «похвальное», «ободряющее», «заявляющее», «просительное», письмо III – как «дружеское», «побуждающее», «похвальное», «ободряющее», «заявляющее», «просительное». На самом деле «Письмо...» является «обманчивым», «насмешливым», «обличительным», «пренебрежительным», возможно, «оскорбительным». Лейтмотив письма – насмешка. Иными словами, «Письмо...» – издевательское от начала до конца, и самое красноречивое тому подтверждение – «Ответное письмо к царевичу Дуньэ».

Из трех звеньев эпистолярной ситуации ключевыми в «Письме...» становятся второе, т.е. сообщение, и третье, т.е. адресат; немаловажную роль также играет эпистолярная «этопея»³⁶⁴.

³⁶² Напомним: полная преамбула в письмах того времени, как правило, состояла из даты написания, обозначения автором самого себя (чаще всего – в виде указания имени *мин* 名) и предиката (в большинстве случаев он был представлен глаголом речи или письма) [См. подробнее: Richter, 2013, Р. 76]. Как мы видим, преамбула «Письма У Цзичжуну» включает второй и третий из этих трех компонентов.

³⁶³ В постамбулах древних и раннесредневековых китайских писем чаще всего отсутствовала дата, однако присутствовали глагол (иногда он повторял глагол из преамбулы, иногда – нет) и указание полного имени автора [См. подробнее: Richter, 2013, Р. 109]. Из этого следует, что постамбула «Письма У Цзичжуну» по своей форме является классической для того времени.

³⁶⁴ «Риторическое воспроизведение характера: письмо воспринимается как определенная система средств выражения, обусловленная характером лица, от имени которого оно пишется» [Миллер, 1967 А, С. 10, С. 18].

Первая макрочасть «Письма...»³⁶⁵. По внешним признакам это анакреонтическое послание, посвященное У Чжи как другу, или У Чжи-другу. Эта макрочасть, письмо I, открывается прологом (1), являющим собой функционально-художественную часть. Пролог начинается с благожелательного обращения к адресату и служит цели актуализации дружеских взаимоотношений. Казалось бы, здесь содержатся мотивы пира, дружеской привязанности, разлуки с другом, однако в свете жизненных обстоятельств Цао Чжи и У Чжи³⁶⁶, а также ответного письма У Чжи к Цао Чжи мотивы приобретают иное прочтение. На фоне событий, реально имевших место, трактовка мотивов, заключенных здесь, такова: Цао Чжи сетует на скудость, отсутствие или даже невозможность дружеского общения.

У Чжи был с юности в равной степени дружен и с Цао Пи, и с Цао Чжи. Однако после того, как Цао Пи был назначен на пост *угуань-чжунланцзяна* 五官中郎将 (начальника дворцовой стражи), У Чжи всецело отдался его покровительству. В частности, У Чжи стал верным соратником и помощником Цао Пи, в том числе и в борьбе за власть.

Вероятно, пир, на который ссылается Цао Чжи, состоялся на 19-й г. *Цзяньань*, т.е. в 214 г. К тому времени борьба между братьями Цао за власть стала особенно острой. Поэтому немногословность Цао Чжи и У Чжи при встрече представляется естественной.

Речь в прологе (1) идет о том, что, хотя Цао Чжи и У Чжи сидели рядом на пиру, чувство взаимного отчуждения, холодность в отношениях, а также сосредоточенность каждого на своих чаяниях (Цао Чжи мечтал унаследовать трон, а У Чжи, который в то время служил наместником в Чжаогэ, – вернуться в столицу) не способствовали общению.

За прологом (1), т.е. первой частью, следует вторая часть (2), которая является первой из двух микрочастей основной части письма I. Эта часть (2), в отличие от первой (1), является не функционально-художественной, а чисто художественной. Казалось бы, здесь заключены мотивы радости совместного времяпрепровождения с другом, превознесения его достоинств, в действительности же – мотив высмеивания комично спесивого, безосновательно надменного поведения У Чжи. В (2) Цао Чжи насмеяется над кичливым поведением У Чжи, его чванливыми манерами. Сатира, даже сарказм Цао Чжи вызваны тем, что У Чжи, сблизившись с Цао Пи и почувствовав себя сопричастным власти, стал держаться высокомерно, относиться к окружающим свысока, а на пиру бросать на них заносчивые взгляды. Из письма У Чжи к Цао Чжи становится известно, что сам пир и все происходящее на нем – танцы, музыка, декламация стихотворений *ши* 诗 и сочинение од *фу* 赋 – мало интересовали У Чжи, однако, дабы угодить Цао Пи, он был вынужден

³⁶⁵ Или первое из трех писем, объединенных общим названием.

³⁶⁶ См. подробнее о жизни У Чжи: [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21] (уже отмечали ранее), [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19], [邢培顺 Син Пэйшунь, 2010], [Вэньсюань, цзюань 42] (важны в том числе комментарии Ли Шаня).

откликнуться на приглашение. Тем временем, присутствующие на пиру литераторы, включая Цао Чжи, Ван Цаня и других *цзяньаньских* мужей, не удостоились внимания У Чжи.

Среди сохранившихся произведений той эпохи мы не найдем ни одного литературного посвящения – ни стихотворного, ни прозаического – либо от У Чжи к Семи *цзяньаньским* мужам, либо наоборот. У Чжи был убежден, что они ему не равня. В своем послании к Цао Пи – в «Ответном письме Вэйскому *тайцзы*» (*Да Вэй тайцзы шу* 答魏太子笺) – У Чжи сначала вторит Цао Пи, соглашается с его оценкой творчества Мужей, изложенной в трактате Цао Пи «Сочинение о таланте и учености» (*Цай сюэ со чжу* 才学所著), а затем от себя добавляет следующее: «Все эти сыны годятся [на то, чтобы] состоять в [Вашей] свите, и этот человек (Ван Цань; прим. – по расхожему мнению, Ван Цань был самым ярким из Мужей – Н.С.) поистине тоже. Даже если на границах неспокойно, слуги ропщут, военные донесения прибывают отовсюду, со всех сторон бьют боевую тревогу, то при всех их талантах им со [всем] этим не справиться»³⁶⁷. По убеждению У Чжи, Мужеи и Цао Чжи способны лишь вести праздные беседы и беззаботно проводить время, но никак не в состоянии справляться со сложными задачами государственного масштаба.

За второй микрочастью (2) письма I следует третья (3), которая замыкает основную часть письма I. Внешние мотивы (3) – пир, радость, совместное пребывание друзей, а внутренние – высмеивание лизоблюдства, тщеславия, непомерной чванливости У Чжи даже на дружеском пиру. В (3) Цао Чжи вновь позволяет себе колкость в адрес У Чжи – язвит по поводу его положения протеже при Цао Пи, его жажды почестей и должностей; кроме того, в глазах Цао Чжи У Чжи – не более чем высокомерный гордец и зазнавшийся хвостун.

У Чжи в «Ответном письме к царевичу Дуньэ» сетует на свое худородное происхождение, рассуждает о том, что, если бы не благосклонность Цао Пи, он никогда не был бы вхож в семью Цао, никогда не сделал бы карьеру при дворе, не удостоился бы чести быть рядом с лучшими представителями своей эпохи. Также он упоминает об одной своей оплошности, которая едва не стоила ему опалы: «Правила этикета были [мною] попорчены, в речах [моих] тайное сделалось явным»³⁶⁸.

В своем ответном письме к Цао Чжи У Чжи пишет: «Если вспомним прошедшее пиршество, назовем его еще не оконченным; опрокинем море, как [чашу с] вином,

³⁶⁷ “才学所著”：“凡此数子，于雍容侍从，实其人也。若乃边境有虞，群下鼎沸，军书辐至，羽檄交驰，于彼诸贤，非其任也”。Цит. по: [Янь Кэцзюнь. *Цюань Саньго вэнь* Полное собрание прозы Троецарствия, *цзюань* 30].

³⁶⁸ “答东阿王书”：“威仪亏替，言辞漏渫”。[*Вэньсюань, цзюань 42 Шучжун*]. Этот инцидент датируется около 16 г. *Цзяньань*, т.е. 211 г. В *Вэйчжи* сопоставляются два эпизода [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]: Лю Чжэнь был заточен Цао Цао в темницу за то, что посмотрел прямо в глаза Чжэньхой 甄后 – наложнице Цао Пи, а У Чжи за свои необдуманные речи был наказан ссылкой – отправлен наместником в Чжаогэ 朝歌.

нагромоздим горы, [словно они] мясные закуски; повалим бамбук Юньмэна; срубим (катальповые) деревья Сышуя; а после преисполнимся высочайших устремлений, благороднейших помыслов; возрадуемся [мы]; испытываю благоговейный трепет перед великолепием Молодого господина (перед Вами – *Н.С.*), [на равенство с которым] простолюдин (я, У Чжи – *Н.С.*) не [смеет и] надеяться»³⁶⁹. Таким образом, У Чжи делает вид, будто не понимает намеков Цао Чжи, и мягко возвращает ему его же слова, в чем также явственно проявляется пренебрежительное отношение У Чжи к Цао Чжи.

Эпилог³⁷⁰ – четвертая микрочасть (4) письма I. При поверхностном ознакомлении с ним может показаться, что здесь выражены мотивы времени, его быстротечности, разлуки, тоски. При более пристальном рассмотрении становится ясно, что Цао Чжи посмеивается над У Чжи, который, находясь в «ссылке» в Чжаогэ, жаждал возвратиться в столицу³⁷¹. В «Ответном письме к царевичу Дуньэ» У Чжи посвящает его в свои планы: он желает возвратиться в столицу, восстановить свое положение при дворе, продолжить свое служение Цао Пи. Тем не менее, как мы узнаем из письма, его отношение к парадной стороне придворной жизни было отрицательным: по его убеждению, песнями и плясками не только не покоришь враждебное царство, не только не запугаешь врага, но и, напротив, посеешь смуту среди соратников, заронишь сомнения в души подданных. Именно по этой причине в письме к Цао Пи – в «Ответном письме Вэйскому *тайцзы*» – У Чжи подчеркнул, что ни Цао Чжи, ни один из Семи мужей ему, т.е. У Чжи, не чета³⁷². К этому времени У Чжи уже четыре года находился в Чжаогэ, беспрестанно предпринимая усилия для возвращения в столицу. Об этом он писал в «Ответном письме Вэйскому *тайцзы*» и в «Письме к Вэйскому *тайцзы*, [написанному] в главном³⁷³ городе» (*Цзай Юань чэн юй Вэй тайцзы цзянь* 在元城与魏太子笺).³⁷⁴

Таково письмо I. Среди средств художественной выразительности, которые мы здесь находим, – прямое обращение к адресату, антитеза, сравнения и ряды сравнений, риторические вопросы, ряды метафор и экспрессивное восклицание.

³⁶⁹ “答东阿王书”：“若追前宴，谓之未究，倾海为酒，并山为肴，伐竹云梦，折梓泗滨，然后极雅意，尽欢情，信公子之壮观，非鄙人之所庶几也”。[*Вэньсюань, цзюань 42 Шучжун*].

³⁷⁰ Эпилог часто не отделим от основной части письма. Чаще всего эпилог обращен в будущее – в нем подтверждаются намерения поддерживать отношения в дальнейшем. Нередко в эпилоге выражается надежда на получение писем от эпистолярного собеседника или же надежда на воссоединение адресанта и адресата. Также в нем обычно содержатся размышления о написанном, сетования на невозможность заменить перепиской живое общение. Эпилог подводит черту под эпистолярным разговором, и, с риторической точки зрения, он важнее, чем пролог [Richter, 2013, P. 75]. Сказанное применимо к эпилогу письма I.

³⁷¹ Здесь Цао Чжи намекает на то, что У Чжи всеми силами стремился вернуться назад во дворец, однако никак не мог повлиять на отмену решения о своей командировке (назначение У Чжи на должность наместника в Чжаогэ было решением Цао Цао, даже Цао Пи не мог ничего этому противопоставить).

³⁷² “答魏太子笺” – см.: [*Вэньсюань, цзюань 40 Таньши, цзянь, цзоуцзи*].

³⁷³ Т.е. уездном.

³⁷⁴ “在元城与魏太子笺” – см.: [*Вэньсюань, цзюань 40 Таньши, цзянь, цзоуцзи*].

Письмо II. Оно напоминает, по крайней мере в начале, панегирическое послание, посвященное У Чжи-литератору. Как и письмо I, оно состоит из четырех частей (микрочастей), однако в II пролог и эпилог вычлняются из «тела» письма менее отчетливо, чем в I; пролог и эпилог в II скорее художественны, нежели функциональны.

В прологе (1), дабы восстановить прерванную нить коммуникации, Цао Чжи ссылается на полученное от У Чжи письмо. Формально Цао Чжи соблюдает этикетные правила – превознося эпистолярные способности собеседника, принижает свои, что воспринимается в данном случае как «шпилька», как вдвойне острая издевка. Кстати, если говорить об этикете, он предписывал автору посетовать на неполноту, несовершенство собственного письма. Этому неписаному правилу Цао Чжи отдает дань в конце письма III.

За прологом (1) следует вторая микрочасть (2), которая открывает основную часть письма. Письмо II, как и I, при поверхностном рассмотрении вводит читателя в заблуждение. Казалось бы, в (1) и (2) заключены мотивы литературной одаренности У Чжи, его искусности в эпистолярном общении, мотив восхищения мудростью друга, мотив творчества и творческих мук. При более пристальном изучении этих микрочастей оказывается, что их мотив – презрительное отношение к бездарности. В начале письма II может показаться, что Цао Чжи лестно отзывается о сочинениях У Чжи; далее становится ясно, что Цао Чжи издевается над своим эпистолярным собеседником – этот фокус Цао Чжи уже проделывал с оценкой од *фу* Чэнь Линя 陈琳 (по Аристотелю, «остроумие есть отшлифованное высокомерие» [Аристотель, 2017, С. 202]). Задействованный в начале письма II, как и во всем «Письме У Цзичжуну», «топ о величине»³⁷⁵ [Там же, С. 209] (т.е. фактически гипербола) добавляет остроты завуалированным выпадам Цао Чжи.

Далее, в (1) и (2) письма II, Цао Чжи заявляет, что литературное творчество отнюдь не простое занятие, поэтому естественно, что оно подвластно не каждому: У Чжи, например, не силен в изящной словесности, но ему не стоит печалиться по этому поводу. Подобные речи только производят впечатление утешительных, на самом деле они являются даже не ироническими, а самыми что ни на есть саркастическими. Едва ли У Чжи не понял истинного смысла слов Цао Чжи: в «Ответном письме к царевичу Дуньэ» он дает понять, что осознает отсутствие у себя литературного таланта. Однако в этом же письме он излагает свою точку зрения на подлинное назначение творчества: по его убеждению, в древности *цины* 卿 и *дафу* 大夫 слагали *фу* 赋 и *ши* 诗 в военных, политических целях, что придавало этим произведениям значимость и важность; в его же время поэты декламируют оды и расппевают стихи лишь для услаждения слуха, приятного времяпровождения, что делает эти

³⁷⁵ Подробнее см.: [Аристотель, 2017, С. 209–210].

сочинения бесполезными и ненужными. За этими словами У Чжи кроется его пренебрежительное отношение как к Цао Чжи, так и к его друзьям-поэтам.

Далее следует третья микрочасть (3), которая замыкает основную часть письма II. За ней – четвертая микрочасть (4), эпилог, который можно не отделять от «тела» письма. Казалось бы, в (3) и (4) заключены мотивы истинного знания, подлинного искусства, на самом же деле – мотив профана и дилетанта, мнящего из себя знатока и ценителя. Здесь Цао Чжи язвит по поводу того, что У Чжи ничего не смыслит в музыке³⁷⁶.

В «Ответном письме к царевичу Дуньэ» У Чжи писал, что, по его убеждению, преклонение конфуцианцев перед церемониалом, в том числе перед культурой и искусствами, не имеет никакого практического применения и по этой причине бесполезно, – ранее приверженность конфуцианцев к, с его точки зрения, ненужной и даже тлетворной «мишуре» критиковал Моцзы. Моцзы, прибыв в верный конфуцианским традициям уезд Чжаогэ, не пожелал там задержаться³⁷⁷, а У Чжи, как мы узнаем из источников, став правителем области, отказался от соблюдения принципов конфуцианского учения – по крайней мере, внешних и формализованных проявлений этого учения³⁷⁸.

Таково письмо II, среди средств художественной выразительности которого – обращение, сравнение, уподобление, гиперболы, антитезы, риторический вопрос.

Письмо III – наставительное, дидактическое послание У Чжи-чиновнику. Оно открывается прологом, или микрочастью (1). За ней следует основная часть, или микрочасть (2). При беглом прочтении может показаться, что здесь заключены мотивы ревностной чиновничьей службы, грамотной управленческой стратегии, однако при более глубоком погружении в текст становится ясно, что мы имеем дело с мотивом насмешки, которая сводится к ухмылке, поскольку «гора родила мышь». Цао Чжи вновь пускает шпильку в адрес У Чжи: при нескромных притязаниях У Чжи его заслуги и достижения весьма скромны. Если судить формально, очевидно, что должность наместника в небольшом уезде, четырехлетнее пребывание в захолустье вряд ли говорят о недюжинных способностях У Чжи. В «Ответном письме к царевичу Дуньэ» У Чжи, желая объясниться, пишет, что «недостаточно [лишь быть членом] военного отряда, чтобы прославиться; недостаточно полшага, чтобы разбежаться»³⁷⁹, т.е. указывает на стесняющие его

³⁷⁶ По сравнению с большинством ечэнских интеллектуалов того времени У Чжи был не столь родовит и не столь образован. Его участие в светских прогулках и увеселительных мероприятиях, в которых принимала участие знать на досуге, было вызвано желанием угодить Цао Пи и стремлением повысить свой общественно-политический статус; в действительности к танцам, пению, прогулках, пирам У Чжи был равнодушен.

³⁷⁷ Подробнее о «Моцзы поворачивает повозку назад» (“墨子回车”) см.: [Ли Даюань, *цзюань* 9].

³⁷⁸ [Вэньсюань, *цзюань* 42 *Шучжун*], [Син Пэйшунь, 2010, С. 155].

³⁷⁹ “答东阿王书” : “然一旅之众, 不足以扬名; 步武之间, 不足以骋迹”。[Вэньсюань, *цзюань* 42 *Шучжун*].

обстоятельства. Также У Чжи парирует колкие замечания Цао Чжи по поводу опрометчивой смены колеи на полпути, пристрастного отношения к скакуну, способному пробегать тысячи *ли*, при этом трактуя эти замечания на свой лад – обращая свои, в интерпретации Цао Чжи, недостатки в свои, по собственному мнению, преимущества. И в конце письма У Чжи добавляет, что сила мартышки в том, что она чересчур полагается на свои ловкость и проворность, ведь иных способностей у нее нет.

Закрывает письмо III и в целом «Письмо У Цзичжуну» (если не считать постамбулу, о которой уже было сказано выше) эпилог письма III, он же – его третья микрочасть (3). Может показаться, что здесь заключены мотивы нехватки дружеского общения, ожидания встречи с другом или весточки от него; на самом деле Цао Чжи здесь выражает свое чрезвычайно формальное, в высшей степени прохладное отношение к общению с У Чжи.

Речь в «Письме У Цзичжуну», которое содержит и исторический материал, – эпидейктическая, причем в двух ее аспектах: по форме оно хвалебное, а по содержанию – хулительное. Речь в «Письме...» можно назвать и совещательно-эпидейктической, так как похвала и совет в некоторой степени смежны: «похвала и совет сходны по своему виду, потому что то, что при подавании совета может служить поучением, то самое делается похвалой, раз изменен способ выражения» [Аристотель, 2017, С. 115]. В «Письме...» доминирует «топ о величине», поскольку «преувеличение всего более подходит к речам эпидейктическим» [Там же, С. 117]. Преувеличение работает на создание гротескно-сатирического эффекта: например, Цао Чжи пишет, что «ни Вэю, ни Хо не под силу тягаться [с Вами]».

Для полноты описания «Письма У Цзичжуну» в целом и трех писем, входящих в его состав, выделим в них коммуникативные узлы. В письме I предмет эпистолярной речи – У Чжи, тема – У Чжи-друг, проблема – предпочтение карьеры дружбе, тезис – никудышность У Чжи как друга, цель – насмешка. В II предмет речи – У Чжи, тема – У Чжи-литератор, проблема – литературно-художественная одаренность, тезис – никчемность У Чжи как литератора, цель – насмешка. В III предмет речи – У Чжи, тема – У Чжи-чиновник, У Чжи-наместник, проблема – принятие спорных решений при разрешении вопросов управления, тезис – бесполезность У Чжи на посту слуги государева, цель – насмешка.

Итак, «Письмо У Цзичжуну» – письмо-обманка: будучи дружеским, доброжелательным по форме, оно враждебно, насмешливо по содержанию. Цель, вероятно преследуемая Цао Чжи, – в завуалированной, игровой, бесспорно коварной форме вернуть У Чжи все обиды, которые он нанес Цао Чжи.

2.2. Прозаические послания Лю Чжэня

2.2.1. 諫平原侯植书³⁸⁰. Цзянь Пинъюань хоу Чжи шу³⁸¹

Письмо-увещание, адресованное Пинъюань хоу Чжи³⁸²

(1) Цзячэн³⁸³ Син Юн³⁸⁴ – северянин³⁸⁵, преисполненный талантов и добродетелей. С детства остается верным высоким моральным принципам; тихий и скромный³⁸⁶; предпочитает словам дела; воистину [он] благороден. (2) Чжэню и впрямь не сравниться с этим человеком³⁸⁷, не войти в его окружение. Однако с Чжэнем обращаются по-особому, а с Юном, наоборот, не церемонятся. (3) Я опасюсь: вокруг [нас] будут говорить, что Вы³⁸⁸ благоволите недостойным³⁸⁹, привечаете тех, кто этого не заслуживает, собираете весенние цветы³⁹⁰ шуцзы³⁹¹, выбрасываете осенние плоды³⁹² цзячэна³⁹³ – Вы навлекаете [на себя] клевету, немало [тех, кто] Вас осуждает, и это [меня] тревожит³⁹⁴.

«Письмо-увещание, адресованное Пинъюань хоу Чжи» отмечено краткостью, простотой, изяществом. Это короткая дружеская записка, содержание которой, будучи,

³⁸⁰ Изначально заглавия не было, его добавили позднее в соответствии с первыми строчками. Среди других заглавий – «Письмо-увещание к Цао Чжи» (Цзянь Цао Чжи шу 諫曹植书) [У Юнь, 2005, С. 611–612]. Вероятно, письмо было написано между 16-ым и 18-ым гг. Цзяньань, т.е. между 211 и 213 гг.

³⁸¹ Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены главным образом с опорой на [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 12], [Хань Гэпин, 1991, С. 497–498], [У Юнь, 2005, С. 611–612].

³⁸² Пинъюань хоу Чжи 平原侯植. Цао Чжи на 16-й г. Цзяньань, т.е. в 211 г., был назначен Пинъюань хоу 平原侯, т.е. начальником уезда Пинъюань 平原 [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19].

³⁸³ Цзячэн 家丞 – должность управителя; в Хань ее могли учреждать только те князья (лехоу 列侯), во владении которых были города с более чем 1000 дворами; среди цзячэнов были и личные помощники наследников престола (наследники престола – тайцзы 太子); цзячэны также образовывали иерархию.

³⁸⁴ Син Юн 邢顒, цзы – Цзыан 子昂. Был цзячэном 家丞 Цао Чжи, но не снискал его благосклонности. Позднее служил при Цао Пи, который назначал его на разные посты, в том числе и на пост 太常 тайчана – распорядителя в храме предков императора. Син Юн был известен как человек прямой и честный; о нем говорили: «Син Цзыан – человек безупречной добродетели» “德行堂堂邢子昂” [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 12]. Там же, в [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 12], сохранилось его жизнеописание.

³⁸⁵ Северянин – выходец из района нынешней провинции Хэбэй.

³⁸⁶ Тихий и скромный – спокойствие и скромность считались одними из главных добродетелей. Ян Сюнь 扬雄 (53 г. до н.э. – 18 г.; философ, поэт, лексикограф, автор первого словаря диалектов Фаньян 方言) в оде «Высокий тополь» (Чан ян фу 长杨赋) говорит: «Государь почитает за жизненную силу спокойствие и сдержанность, а за добродетель – скромность и непритязательность» “人君以玄默为神，澹泊为德” [Вэньсюань, цзюань 9 Фу у]. Чжугэ Лян 诸葛亮 (181–234 гг., государственный деятель и стратег царства Шу) в своих «Наставлениях» (Цзецзы шу 诫子书) пишет: «Тот, кто не скромнен в своих желаниях (т.е. жаждет богатства и славы – Н.С.), не проявляет своей устремленности [к идеалам], а тот, кто не соблюдает спокойствия, не достигает далекого» “非澹泊无以明志，非宁静无以致远” [Чжугэ Лян, цзюань 1].

³⁸⁷ С Син Юном.

³⁸⁸ Вы 君侯 – (вежл.) Вы, Государь мой; здесь – Цао Чжи.

³⁸⁹ Недостойный – так Лю Чжэнь именует себя.

³⁹⁰ Весенние цветы 春华 – метафора литературного таланта.

³⁹¹ Шуцзы 庶子 в иерархии должностей ниже, чем лехоу 列侯. Шуцзы – член свиты наследника престола. Здесь под шуцзы Лю Чжэнь имеет в виду самого себя – в то время он служил в должности шуцзы при Цао Чжи.

³⁹² Осенние плоды 秋实 – метафора добродетели, высоких моральных принципов.

³⁹³ Цзячэн 家丞 – Син Юн. Собирает весенние цветы шуцзы, выбрасывает осенние плоды цзячэна – предпочитает беззаботность литературного таланта Лю Чжэня зрелости добродетельного поведения Сян Юна.

³⁹⁴ Возможно, здесь содержится намек на недовольство Цао Цао своим сыном Цао Чжи.

казалось бы, частного свойства, тем не менее, неразрывно связано с социально-политической обстановкой того времени. Послание призвано убедить, вразумить, побудить; отправив его, Лю Чжэнь выполнил свой долг друга и подданного.

Аристотель, к примеру, полагал, что «письмо – это выражение дружбы, сжато говорящее о простом деле и простыми словами...» [Миллер, 1967 А, С. 8]. «Письмо-увещание...» вполне соответствует этому определению. Вместе с тем, будучи кратким и сжатым, оно лишено недосказанности.

В «Письме-увещании...» отсутствуют стандартные формулы зачина и концовки. Ключевую роль в нем играет второе звено эпистолярной ситуации – собственно сообщение.

В соответствии с «Типами писем» «Письмо-увещание...» может быть охарактеризовано главным образом как «дружеское», «рекомендательное», «совещательное», по классификации Цицерона – как «дружеское», по византийской – как «дружеское», «рекомендательное». Это дружеское совещательное письмо рекомендательной направленности: на первый план в нем выходят политический совет и рекомендация из уст друга.

«Письмо-увещание...» может быть разделено на три части: 1) характеристика рекомендуемого; 2) противопоставление истинного положения вещей сложившемуся, которое оказывается несправедливым; утверждение опасности контраста между ними; похвала в адрес рекомендуемого, преувеличение его достоинств на фоне преуменьшения собственных, легкий упрек адресату; 3) доводы автора, усиление доводов за счет метафор, разъяснение автором своей позиции, выражение им своего беспокойства за друга.

Речь в письме – совещательная и эпидейктическая. Главное средство убеждения – морально-этическое воздействие (*нафос* и *эмос*), а не рациональные рассуждения³⁹⁵. Задача Лю Чжэня – открыть Цао Чжи глаза на достоинства недооцененного и ныне рекомендуемого третьего лица, поэтому первая (1) часть, в которой автор приступает к выполнению этой задачи, содержит множество хвалебных эпитетов. Облик Син Юна зафиксирован статично, вне развития, даже вне конкретной жизненной ситуации.

Главным средством выразительности в (1) является топ о величине – он проявляется в усилении и преувеличении³⁹⁶. Из всех приемов преувеличение наиболее подходит речам эпидейктическим – именно поэтому начало эпидейктической речи нередко напоминает

³⁹⁵ «Можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом» [Там же, С. 107], а «когда речь должна носить известный [нравственный] характер, не следует в то же время приискивать энтимемы, потому что доказательства не имеют никакого отношения ни к характеру, ни к принципам» [Там же, С. 309].

³⁹⁶ А «преувеличение по справедливости употребляется при похвалах...» [Аристотель, 2017, С. 117]; в первой (1) части автор, по-видимому, руководствовался тем, что «похвала есть способ изъяснить величие добродетели какого-нибудь человека» [Там же, С. 115].

зачин хвалебного сочинения. Фактически похвала, будучи элементом стратегии убеждения, здесь органично встраивается в аргументацию.

(2), в отличие от (1), построена на антитезе, также направленной на убеждение. И здесь автор взывает преимущественно к чувствам, в целях убеждения прибегает к *эмосу* и *пафосу*, «ибо должно испытывать печаль и сострадание при виде людей, незаслуженно бедствующих, и негодовать при виде людей, [незаслуженно] благоденствующих, так как то, что выпадает незаслуженно, несправедливо» [Аристотель, 2017, С. 191].

В (3) Лю Чжэнь выражает тревогу за друга, предостерегает его, проявляя заботу не только о друге, но и о его общественном положении, репутации в глазах окружающих. В (3) основным средством выразительности становятся метафоры, причем подобранные по эстетическому принципу³⁹⁷. Наличие метафор наряду с описанием (описанием достоинств – похвалой) и противопоставлением (антитезой) позволяет соотнести «Письмо-увещание...» с критериями, разработанными Аристотелем для действенной по своей убедительности речи. Аристотель указывал, что «нужно стремиться к трем вещам – метафоре, противоположению, наглядности» [Там же, С. 280].

Две заключительные строчки письма не только подводят ему итог, но также увязывают между собой характер адресанта, его настроение и цель сообщения, предоставляя слово адресату³⁹⁸.

Предмет эпистолярной речи в «Письме-увещании...» – Син Юн. Тема – он как человек, «преисполненный талантов и добродетелей». Проблема – «с Чжэнем обращаются по-особому, а с Юном, наоборот, не церемонятся». Тезис формулируется «от противного»: «[не надо] благоволить недостойным, привечать тех, кто этого не заслуживает, собирать весенние цветы *шуцзы*, выбрасывать осенние плоды *цзячэна*». Цель имплицитно заявляется «от противного»: «[не надо] навлекать [на себя] клевету», [не надо] вызывать «осуждение». Идею же автор эксплицирует: «и это [меня] тревожит». А тревожился Лю Чжэнь не напрасно, что подтверждается дальнейшей историей жизни Цао Чжи:

Цао Цао высоко ценил Син Юна и по этой причине назначил его *цзячэном* при Цао Чжи. Однако Цао Чжи относился к Син Юну с пренебрежением, чем в дальнейшем мог навлечь на себя неприятности, – об этом и беспокоился Лю Чжэнь, посылая Цао Чжи увещательное письмо. Цао Чжи не послушал Лю Чжэня и впоследствии горько об этом пожалел – когда Цао Цао советовался с Син Юном, кого из своих сыновей провозгласить

³⁹⁷ «Метафоры следует заимствовать от слов прекрасных по звуку, или по значению, или [закрывающих в себе нечто приятное] для зрения или для какого-либо другого чувства» [Аристотель, 2017, С. 259].

³⁹⁸ «Рассказ должен отражать характер, а это будет в том случае, если мы будем знать, в чем заключается характер. Во-первых, в обнаружении намерения, ибо каков характер, это [определяется] тем, каково намерение, а каково намерение, это [зависит] от того, какова цель [его]» [Там же, С. 305].

наследным принцем (*тайцзы* 太子), Син Юн указал на Цао Пи. [Подробнее см.: Приложение Г]

Таким образом, письмо имеет политический подтекст и историческое значение.

2.2.2. 与临淄侯曹植书. Юй Линьцзы хоу Цао Чжи³⁹⁹

Письмо Линьцзы хоу Цао Чжи⁴⁰⁰

(1) Мудрый посланник⁴⁰¹ с самого начала проникся сочувствием, и с каждым днем его внимание и забота проявлялись все более. (2) Узнав о [моей] болезни, повелел Яньнуну⁴⁰² подобрать [мне] лекарство, а Цибо⁴⁰³ – ввести [мне] иглу⁴⁰⁴. Хотя болезнь не излечили, [я близок к смерти и мне] не на что роптать⁴⁰⁵. (3) Почему же? Пусть врачеватель и подобен божеству [в своем искусстве], [жизненных] сил и [бодрости] духа во мне уже не осталось. (Тайпин Юйлань, 739).

Сухие листья⁴⁰⁶ осенью опадут.

(Вэньсюань⁴⁰⁷, цзюань 24)

«Письмо Линьцзы хоу Цао Чжи» – прощальное. После назначения на пост Линьцзы хоу 临淄侯 Цао Чжи стал большую часть времени проводить в Ечэне 邳城. В письме Лю Чжэнь, предчувствующий смерть, благодарит Цао Чжи за оказываемое ему на протяжении многих лет уважение и проявленные к нему в период его болезни заботу и внимание.

Интимный тон, краткость и сжатость плана содержания, простота плана выражения обусловили отсутствие в письме стандартных формул, эпистолярных штампов. На первый

³⁹⁹ Подстрочный пер. и текстологический комм. были выполнены главным образом с опорой на [Тайпин Юйлань, цзюань 739 Цзибин бу 2], [Вэньсюань, цзюань 24 Шибин], [Вэньсюань, цзюань 26 Шидин], [Вэньсюань, цзюань 31 Шигэн], [Вэньсюань, цзюань 35], [Хань Гэпин, 1991, С. 497–498], [У Юнь, 2005, С. 610–611].

⁴⁰⁰ Линьцзы хоу. В энциклопедии «Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин» (Тайпин Юйлань, 太平御覽) в заголовке к письму отсутствуют иероглифы 临淄侯 (Линьцзы хоу); эти три иероглифа были добавлены позднее – в комментарии к антологии Вэньсюань 文选 – в соответствии с содержанием письма.

Цао Чжи на 19-й г. Цзяньань, т.е. в 214 г., был назначен хоу 侯 уезда Линьцзы 临淄. Похоже, письмо было написано незадолго до смерти Лю Чжэня. Однако точная дата написания не известна.

«Письмо Линьцзы хоу Цао Чжи». Среди других названий письма, зафиксированных в различных сборниках, – «Письмо к Цао Чжи» (Юй Цао Чжи шу 与曹植书); именно оно фигурирует в [У Юнь, 2005, С. 610–611].

⁴⁰¹ Посланник (шицзюнь 使君) – уважительное обращение к начальнику округа или области, т.е. в данном случае – к Цао Чжи. На момент написания письма Цао Чжи уже был назначен хоу, пожалован землями.

⁴⁰² Яньнун 炎农 – Огненный император Шэньнун 炎帝神农. По легенде, он перепробовал сто трав, чтобы подобрать лекарство от ста болезней. Его имя – метафора врачевателя.

⁴⁰³ Цибо 岐伯 – целитель эпохи правления Желтого императора 黄帝. Его имя – также метафора врачевателя.

⁴⁰⁴ Терапия иглоукалывания – одна из древнейших техник в традиционной китайской медицине.

⁴⁰⁵ Словами 就没无恨 («[Я близок к смерти и мне] не на что роптать») Лю Чжэнь стремится утешить друга.

⁴⁰⁶ Сухие листья. В последней строчке (ее аутентичность оспаривается – в частности, ее нет в тексте письма из Тайпин Юйлань), вводя метафору «сухих листьев», автор намекает на свою скорую смерть от болезни.

⁴⁰⁷ Вэньсюань была не первой антологией, включившей в свой состав письма, но она является самой ранней из таковых, дошедших до нас. Более того, до Вэньсюань создавались антологии (не сохранившиеся до наших дней), посвященные исключительно письмам [См. подробнее: Knechtges, 2015, P. 227].

взгляд, это дружеская записка сугубо личного характера. Тем не менее, в письме просматривается классическая трехчастная композиционная структура.

В первой (1), вводной, части, содержащей похвалу адресату и выполняющей функцию эпистолярного приветствия, актуализируются взаимоотношения двух участников коммуникативной ситуации, т.е. устанавливается контакт между адресантом и адресатом. Посредством похвалы Лю Чжэнь выражает Цао Чжи свою глубокую признательность.

Во второй (2), основной, части Лю Чжэнь коротко рассказывает о помощи, оказанной ему Цао Чжи, благодарит друга и заявляет о своей покорности судьбе. В этой части используются метафоры, тяготеющие к символам, – упоминаются Яньнун и Цибо. Хотя «Письмо...» не поддается однозначной атрибуции определенному типу речи, по одному из признаков его можно назвать эпидейктическим⁴⁰⁸.

В третьей (3), заключительной, части, вводимой риторическим вопросом, заключены имплицитное выражение автором своей благодарности адресату, эксплицитное отражение им своего состояния, а также его имплицитное прощание со своим другом.

Каждая из трех частей «Письма...» важна, в первую очередь, с содержательной точки зрения: ни одну из них без ущерба для смысла изъять нельзя. А смысл письма и есть его идея – идея благодарности и прощания. В силу краткости письма коммуникативные реперные точки могут быть выделены условно: предмет – «сочувствие», тема – «внимание и забота», проблема – «болезнь не излечили», тезис – «не на что роптать», цель – сообщить собеседнику о том, что «[жизненных] сил и [бодрости] духа <...> уже не осталось».

В соответствии с трактатом «Типы писем» «Письмо...» можно назвать «дружеским», «благодарственным» и «объяснительным», по классификации Цицерона – «интимным», «личным», «грустным», а по византийской классификации – «дружеским», «благодарственным», «заявляющим».

Посыл письма, его идея – выразить благодарность другу, объясниться с ним перед смертью, попрощаться с ним. Поэтому и эмоциональный заряд произведения «этический», то есть «затрагивающий нравы».

Кстати, текст «Письма...» перекликается с отдельными строчками из стихотворного послания Лю Чжэня к Цао Пи «Посвящаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]» (*Цзэн угуань-чжунланцзян 贈五官中郎將*): «Я опутан оковами тяжелой болезни // Скрываюсь [на берегу] чистых [вод реки] Чжаншуй»; «Постоянно опасаясь, что [душа] отправится скитаться на [горы] Тайшань // И я уже не увижусь вновь со старым другом»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁸ Сравнения, преувеличения особенно присущи речам эпидейктическим.

⁴⁰⁹ См. раздел, посвященный стихотворным посланиям.

2.2.3. 答曹丕借廓落带书⁴¹⁰. Да Цао Пи цзе коло дай шу⁴¹¹

Письмо, написанное в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать⁴¹² широкий пояс⁴¹³

І Чжэнь слышал, [что] яшма с горы Цзиншань⁴¹⁴ озаряет сокровищницы государя; жемчужина Суй хоу⁴¹⁵ освещает кладовые сановников⁴¹⁶; золото юга⁴¹⁷ сверкает на головках прелестниц; [мех с] хвоста суслика и соболя⁴¹⁸ украшает головные уборы вельмож⁴¹⁹. Эти четыре драгоценности прячутся среди неотесанных камней, скрываются в

⁴¹⁰ При подготовке этого анализа была использована публикация автора, в которой отражены основные результаты, положения и выводы это пункта исследования: Строганова Н.А. Отражение раннесредневекового китайского «Письма, написанного в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс» Лю Чжэня (179–217 гг.) в античной литературно-философской мысли // Новый филологический вестник – М.: Издательство Ипполитова, № 4 (55), 2020. – С. 292–301.

⁴¹¹ Подстр. пер. и текст. комм. были выполнены главным образом с опорой на [Тайпин Юйлань, цзюань 696 Фучжан бу 13], [Саньгожжи, Вэйшу, цзюань 21], [Хань Гэпин, 1991, С. 493–495], [У Юнь, 2005, С. 613–614].

⁴¹² Эвфемизм: в действительности Цао Пи самовольно забрал себе пояс, попросту отобрал его у Лю Чжэня.

⁴¹³ Изначально заголовок не было, было предисловие, которое гласило: «Письмо, написанное в ответ вэйскому тайцзы, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс» “答魏太子借廓落带书”. Письмо было написано до того, как Цао Пи стал наследным принцем (тайцзы), поэтому в заголовке значится его имя, а не титул. [Саньгожжи, Вэйшу, цзюань 21] приводит цитату из Дяньлюэ: «Вэньди [Цао Пи] некогда пожаловал Чжэню широкий пояс, однако после того, как его ши (по-видимому, сокращение от тайши 太师, наставника-воспитателя наследного принца – Н.С.) умер, он пожелал забрать себе пояс обратно, о чем и сообщил Чжэню в насмешливом письме: “Вещи представляют ценность в связи с людьми. Поэтому, попадая в руки недостойных, они ее утрачивают. Сегодня забираю вещь назад, уж не пеняйте, что к Вам она более не вернется”. Чжэнь в ответ написал: “...” Ответ Чжэня искусен и тонок – в нем он выразил почтение и любовь к принцу». “文帝尝赐桢廓落带，其后师死，欲借取以为像，因书嘲桢云：‘夫物因人为贵。故在贱者之手，不御至尊之侧。今虽取之，勿嫌其不反也。’桢答曰：‘。。。’桢辞旨巧妙皆如是，由是特为诸公子所亲爱。” В [Саньгожжи, Ушу, цз. 64 (Ушу 19)], жизнеописании Чжугэ Кэ (诸葛恪传), поясняется, что широкий пояс – это украшенный кожаный пояс (校饰革带).

⁴¹⁴ Имеется в виду прекрасная яшма, которую житель царства Чу периода Чуньцю по имени Бяньхэ 卞和 нашел в горе Цзиншань. Об этой яшме (нефрите) говорится в комментарии Хуайнаньцзы 淮南子: «Согласно легенде о нефрите Хэ, некий чусец по фамилии Хэ нашел в чуских горах драгоценный нефрит и преподнес его Ливану...» [Философы из Хуайнани, 2004, С. 308].

⁴¹⁵ Жемчужина Суй хоу 随侯之珠 – легендарная драгоценная жемчужина. В «Записках о поисках духов» Гань Бао о ней сказано следующее: «Суйский хоу выезжал в поход и увидел большую змею, перебитую посередине. Подозревая, что эта змея волшебная, он велел людям сростить ее с помощью особого снадобья. После этого змея смогла уползти. <...> Змея отплатила хоу, принесла ему в пасти ясную жемчужину. В поперечнике жемчужина была в целый цунь, цвета чисто-белого и по ночам излучала свет, напоминавший сияние луны – она могла озарить помещение, словно свеча. Впоследствии ее называли “Жемчужина Суйского хоу”...». [Гань Бао, 1994, С. 455]. Также об этой жемчужине говорится и в комментарии к Хуайнаньцзы 淮南子: «... однажды суйский хоу (правитель) увидел раненую змею и вылечил ее. Змея в благодарность выловила ему такую жемчужину, которая своим сиянием затмевала свет солнца и луны». [Философы из Хуайнани, 2004, С. 308].

⁴¹⁶ Сановники. Здесь – ши 士; так себя называли сановники чжухоу 诸侯 и дафу 大夫 перед лицом государя.

⁴¹⁷ Золото юга. В древности на юге добывали лучшее золото. В Шицзине, в разделе «Гимны» (Сун 颂), в подразделе «Гимны Лу» (Лу Сун 鲁颂), в песни «Посещение школы» (Пань шуэй 泮水) (IV, IV, 3) говорится: «С золотом юга великие будут дары!» [Шицзин, 1987, С. 299] (“大略南金”). В комментарии к Шицзину Маоши Чжэньи («Подлинные смыслы Шицзина в передаче Мао Хэна» 毛诗正义) говорится: «Юг прославлен горою Цзиншань» “南谓荆扬也” [Маоши Чжэньи, цзюань 20.1]; «Область, которая известна благодаря Цзиншань, богата тремя металлами [золотом, серебром, медью]» “荆扬之州，贡金三品” [Там же].

⁴¹⁸ Мех суслика и соболя высоко ценился.

⁴¹⁹ Вельможи 侍臣. Шичэнь 侍臣 (досл. – «прислуживающий подданный») – придворная должность. Чжунчаниши 中常侍 – тоже придворная должность, того же ранга, что и шичэнь. В «Истории Поздней Хань» (Хоу Ханьшу 后汉书), в разделе «Описание колесниц и одежды» (Юй фу 輿服), говорится: «Шичжун, чжунчаниши ... носили соболий хвост как украшение, называли его Чжао хуэйвэньгуань (головной убор;

грязной глине, однако [они] будут излучать сияние и через тысячу лет, [равно как они] искрились красками и тысячу лет назад⁴²⁰, [хотя] (они) и не были во все времена в распоряжении Высочайшего⁴²¹. II То, что надето на почтенном, сшито презренным⁴²²; то, что используется благородным, сперва [испытывается] худородным. Ведь перед тем, как возвели грандиозные постройки, мастерской сначала заложил [их] основу, а перед тем, как созрели многоколосные хлеба⁴²³, крестьянин сперва попробовал [одно] зернышко. III К сожалению, то, что носит на поясе Чжэнь, лишено украшений. IV Если [же оно] и впрямь [столь] необычайно, Уважаемый⁴²⁴ может [его] забрать.

Учитель сказал: Человек способен сделать путь великим, но великим человека делает не путь. (15.29) [Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 157]

«Письмо, написанное в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс» – ответное письмо Лю Чжэня на письмо Цао Пи, в котором Цао Пи известил Лю Чжэня о своем намерении «позаимствовать», «одолжить» у него широкий пояс.

Письмо Цао Пи к Лю Чжэню – короткая информативная записка, между строк которой читается издевка: «Вещи представляют ценность в связи с людьми. Поэтому, попадая в руки недостойных, они ее утрачивают. Сегодня забираю вещь назад, уж не пеняйте, что к Вам она более не вернется».

Лю Чжэнь в ответном письме не может позволить себе той насмешливой интонации, которую в письме к нему допустил Цао Пи; он лишь с горечью сетует на то, что Цао Пи требует, чтобы ему вернули его же подарок назад; при этом текст письма Лю Чжэня исполнен достоинства – он не льстив и не угодлив.

В отличие от предыдущих писем, «Письмо...» – послание не от равного к равному, а от нижестоящего к вышестоящему; оно не является дружеским в строгом смысле слова, и применительно к нему тезис Деметрия, справедливый в отношении многих писем Мужей, – «письмо – это сжатое выражение дружеского расположения» [Деметрий, 1978, С. 274] (такого же мнения был и Аристотель) – вряд ли будет приложим.

Формально это ответное письмо, «половина диалога»⁴²⁵, содержательно – философское послание, в котором философско-этическая проблематика раскрывается в

назван по имени князя, его создателя – Н.С.)» [Хоу Ханьшу, чжи 30 Юйфу ся]. “侍中、中常侍。。。貂尾为饰，谓之赵惠文冠。” [后汉书，志第三十 舆服下]

⁴²⁰ И тысячу лет назад 畴昔. Дословно – «испокон веков; в стародавние времена».

⁴²¹ Высочайший 至尊. Здесь – именование государя.

⁴²² Почтенный 至尊, презренный 贱者 – Лю Чжэнь подхватывает тему, поднятую Цао Пи в его письме к Лю Чжэню, и развивает ее. При этом тон письма Цао Пи насмешливый, а письма Лю Чжэня – серьезный.

⁴²³ Многоколосные хлеба 嘉禾. Дословно – «чудесный колос»; в древности считался символом удачи.

⁴²⁴ Уважаемый 尚. Обращение к Цао Пи.

⁴²⁵ Именно так письмо называл древнегреческий грамматик Артемон, первый собиратель писем Аристотеля [Миллер, 1967 А, С. 6].

пределах полемического ответа. Моральная философия, излагаемая Лю Чжэнем в «Письме...», приглушает эмоциональный тон, заглушает интимные нотки.

«Письмо...» представляет собой ораторскую речь, философскую проповедь на письме и в письме; в нем даже отсутствуют элементы стандартного эпистолярного оформления. При этом оно соответствует эпистолярному этикету, что проявляется, в частности, в манере именованя собеседника – Лю Чжэнь обращается к Цао Пи не иначе как «Высочайший», «Уважаемый». Юлий Виктор, теоретик древнеримской эпистографии, к примеру, отмечал, что «пусть письмо не будет шутливым, если оно пишется лицу вышестоящему» [Миллер, 1967 А, С. 20]. Действительно, по отношению к Цао Пи Лю Чжэнь находился не в том положении, чтобы отвечать на оскорбление («...попадая в руки недостойных, они [вещи] ее [ценность] утрачивают...») подобающим образом. Как подчеркивал Юлий Виктор, «браниться никогда не следует, менее всего в письме» [Там же, С. 21], «должен быть учтен обычай» [Там же], а обычай не допускал дерзости в отношении вышестоящего, пусть и дерзости ответной. При этом, если письмо Цао Пи насмешливо, то ответ Лю Чжэня сдержан: хлесткому извещению Лю Чжэнь противопоставляет совет, проникнутый как покорностью, так и достоинством (здесь четко высвечивается контраст: издевка Цао Пи vs. морализация Лю Чжэня).

В силу фактографической природы этой переписки – в ней фиксируются реальные обстоятельства из жизни Цао Пи и Лю Чжэня – первостепенную роль в «Письме...» играет второе звено эпистолярной ситуации (собственно сообщение), но отнюдь не первое и не третье (не адресант и не адресат). Коммуникативная составляющая (собственно содержание) облечена в дидактико-риторическую форму; философские размышления экзистенциально-социального толка вставлены в эпистолярную рамку. Конкретный биографический случай служит импульсом для абстрактных, отвлеченных рассуждений, а с учетом дидактического запала этих рассуждений их вполне можно соотносить с философской проповедью.

Философские рассуждения Лю Чжэня дидактичны. Сенека, к примеру, – а их с Лю Чжэнем разделяют около полутора веков – в своих письмах также преследовал преимущественно воспитательные цели, дабы «пробудить у читателей сознание своих заблуждений, а это <...> есть начало нравственного выздоровления» [Кузнецова, 1967 А, С. 89]. На излете античности эпистолярный жанр, письмо уже воспринимались как действенный инструмент преподавания морали. К тому же сама форма допускала сочетание несочетаемого, даже предполагала некую эклектику. Так и в «Письме...» наблюдается смешение повествовательных, описательных логико-риторических, диалогических элементов; перед нами – ораторская речь на письме и в письме, которой для полноты колористической палитры не хватает разве что эмоциональных красок – лирическая

составляющая оказывается в письме заретушированной. В письме, в его плане выражения, мы не найдем ни индивидуализированных мыслей, ни персонифицированных чувств автора; перед нами – плавный рассказ с обращением к адресату в самом конце, где Лю Чжэнь дает положительный ответ на запрос Цао Пи.

При видимом отсутствии метафорики текст письма иносказательный: наглядные картины, рисуемые повествовательными, описательными, логико-риторическими средствами, заслоняют морально-этический фон, философско-дидактическую подоплеку.

В соответствии с трактатом «Типы писем» «Письмо...» может быть охарактеризовано как «ответное», «иносказательное», «объяснительное», имплицитно «упрекающее» и «порицающее». Если его подвести под категории, разработанные Цицероном, то окажется, что по тону оно производит впечатление «интимного», хотя могло бы допустить «публичное чтение»; по отношению автора к адресату выглядит «личным», хотя могло бы допустить и «официальное» прочтение⁴²⁶; по содержанию однозначно является «серьезным», даже «грустным». В продолжение проведения параллелей с римской литературной традицией можно сказать, что в «Письме...» Лю Чжэнь «облекает в интимную форму посланий морализующие рассуждения о собственной жизни» [Миллер, 1967 А, С. 16] – к этому приему не раз прибегал Гораций. По византийской классификации «Письмо...» представляется «ответным», «поучительным», имплицитно «порицающим», отчасти «заявляющим».

Перед нами – ответное письмо философско-дидактической направленности; будучи исполненным уважения к адресату, к патрону, оно лишено угодливости, подобострастия.

Эпистолярная речь в «Письме...» – совещательно-эпидейктическая. В обращении оратора к эмоциям аудитории на первый план выходит *пэфос*, то есть «страсти», с преимущественной апелляцией к чувству справедливости. Аристотель, к примеру, писал: «должно испытывать печаль и сострадание при виде людей, незаслуженно бедствующих, и негодовать при виде людей, [незаслуженно] благоденствующих, так как то, что выпадает незаслуженно, несправедливо» [Аристотель, 2017, С. 191]; при этом он подчеркивал, что «справедливость выше музыки» [Там же, С. 194], а в свете того важного значения, которое придавали справедливости и музыке как древние греки, так и древние китайцы, это замечание представляется необычайно интересным.

⁴²⁶ Как было вскользь упомянуто выше, мысль о глубоком взаимопроникновении «публичной» и «частной» сфер косвенно подтверждает Лю Се (*Вэньсинь дяолун*) – его жанровая классификация не предполагает деления жанров на «официальные» и «неофициальные». В отличие от Лю Се (*Вэньсинь дяолун*), Цао Пи (*Луньвэнь*), Сяо Туна (предисловие к *Вэньсюань*), не обходящих письма стороной в своих трудах, Лу Цзи (*Вэньфу*), к примеру, вовсе о них не пишет – в эпохи Древности и раннего Средневековья самость и самобытность письма признавались не всеми классиками традиционной китайской теории литературы.

Несмотря на то, что «Письмо...» не поддается однозначному композиционному членению, предисловие в нем явно отсутствует – оно и не нужно, «потому что [слушатели] знают, о чем идет речь» [Там же, С. 299]. По Аристотелю, например, речь с необходимостью имеет две части, «ибо необходимо назвать предмет, о котором идет речь, и доказать его» [Там же, С. 293]. В «Письме...» так же: **I**, **II** – доказательство. **III** – предмет. **IV** – заключение-ответ.

Здесь порядок расположения частей отличается от того, какой Аристотель выдвигает в качестве типичного и наиболее распространенного⁴²⁷: здесь сначала – способ убеждения (**I**, **II**), затем – мини-изложение (**III** – всего одно предложение), в самом конце – заключение-ответ (**IV** – тоже одно предложение); **III** и **IV** составляют коммуникативное ядро, содержат основную информацию, заключенную в письме. Иначе можно сформулировать так: **I**, **II** – решение [задачи], **III** – сама задача, **IV** – вывод/итог/резюме.

В **I** автор/говорящий заявляет свою позицию; в **II** вступает в имплицитную полемику с читателем/слушателем⁴²⁸. И подобная стратегия была прокомментирована Аристотелем: «оратор, начиная речь, <...> должен сначала изложить свои собственные способы убеждения, а потом выступить против доводов своего противника» [Аристотель, 2017, С. 310].

Однако «способы убеждения» в **I** и **II** различны: в **I** – «технические»; в **II** – «нетехнические». **I** строится на «топе о величине» («...[они] будут излучать сияние и через тысячу лет, [равно как они] искрились красками и тысячу лет назад, [хотя] они и не были во все времена в распоряжении Высочайшего»), **II** – на топе, который «проистекает из причины»⁴²⁹ («то, что надето на почтенном, сшито презренным» и т.п.). К слову, Аристотель выделял три вида «способов убеждения, доставляемых речью»: «одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или иного настроения слушателя, третьи – от самой речи» [Там же, С. 67]. В «Письме...» акцент сделан на третий вид: «самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличности для каждого данного вопроса» [Там же].

I и **II**, покоящиеся на абстрактных рассуждениях, формируют философско-дидактический план абстракции. **III** и **IV**, построенные на конкретных утверждениях и заявлениях, оформляют информативно-коммуникативный план конкретики. В **I** Лю Чжэнь

⁴²⁷ «...необходимые части речи – изложение и способ убеждения; они составляют ее неотъемлемую принадлежность, но по большей части бывают: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение...» [Аристотель, 2017, С. 293].

⁴²⁸ Лю Чжэнь парирует доводы Цао Пи. На «попадая в руки недостойных, они [вещи] ее [ценность] утрачивают» он отвечает: «то, что используется благородным, сперва [испытывается] худородным».

⁴²⁹ Подробнее см.: [Там же, С. 238].

в описательно-повествовательной манере рассказывает об убогом происхождении редчайших драгоценностей, великолепие которых не зависит от благосклонности Цао Пи; в II он рассуждает о том, что блага для «почтенных» создаются трудом «презренных». В III, «изложении» в миниатюре, подготовленном рядами «способов убеждения», Лю Чжэнь предлагает Цао Пи извлечь выводы из того, что он, Лю Чжэнь, только что сказал: в III Лю Чжэнь то ли скромно намекает на свое более низкое происхождение и подчиненное положение, то ли покорно признает отсутствие за собой прав обладать драгоценностью, поскольку это привилегия и прерогатива «почтенных», то ли тонко насмехается над Цао Пи, желающим во что бы то ни стало завладеть тем, что не представляет ценности. А IV – собственно ответ на письмо Цао Чжи – несет в себе коммуникативное ядро.

Предмет «Письма...» – широкий пояс/драгоценность⁴³⁰. Тема – желание Цао Пи «позаимствовать широкий пояс». Проблема – «эти четыре драгоценности прячутся среди неотесанных камней, скрываются в грязной глине, однако [они] будут излучать сияние и через тысячу лет, [равно как они] искрились красками и тысячу лет назад, [хотя] (они) и не были во все времена в распоряжении Высочайшего». Тезис – «то, что используется благородным, сперва [испытывается] худородным». Цель – сообщить, что «Уважаемый может [его] забрать». А идея письма такова: не Цао Пи решать, что поистине «почтенно», а что «презренно»; самое бесценное сокровище – как вещь, так и человек – может «скрываться в грязной глине», а неотъемлемые атрибуты «почтенной» жизни могут создаваться «презренными», при «презренных» обстоятельствах и в «презренных» условиях.

2.3. Прозаические послания Ван Цаня

2.3.1. 为刘表谏袁谭书⁴³¹. Вэй Лю Бяо цзянь Юань Тань шу⁴³²

⁴³⁰ В действительности широкий пояс если и имел какую-либо ценность, то только символическую, однако в тексте он ставится в параллель драгоценностям, точнее – они ему.

⁴³¹ Канонический текст, на который мы опираемся при проведении анализа, дошел до нас в «Истории Поздней Хань», а именно – в «Жизнеописании Юань Шао». Существует и второй вариант текста – сокращенный и чуть видоизмененный. В хронике «Вёсны и осени рода Вэй» (*Вэйши чуньцю* 魏氏春秋) содержится редакция текста письма Ван Цаня «От имени Лю посылаю в Цзинчжоу увещательное письмо Юань Таню» (*Вэй Лю Цзинчжоу цзянь Юань Тань шу* 为刘荆州谏袁谭书) [Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань б*].

⁴³² Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены нами главным образом с опорой на следующие труды: [Хоу Ханьшу, цзюань 74 ся], [Хань Гэпин, 1991, С. 297–303], [У Юнь, 2005, С. 332–339].

От имени Лю Бяо пишу Юань Таню⁴³³ письмо с наставлениями⁴³⁴

(1) Небеса ниспосылают несчастья, бедствиям нет конца⁴³⁵. [Дун Чжо] сперва начал сношения с инородцами⁴³⁶, [а] затем заключил с ними союз; [это] потрясло царствующий дом, попало основы морали. (2) Посему мудрецы все как один в глубокой печали – сожалеют [они], что никто никому не готов идти на уступки⁴³⁷. (3) Однако мы⁴³⁸ с Вашим отцом⁴³⁹ были едины в своих стремлениях и чаяниях; хотя Чу и Вэй⁴⁴⁰ отдалены друг от друга горами и реками, [они могут] сплотить свои усилия и помыслы, сообща оказать поддержку царствующему дому, не позволить иноземцам⁴⁴¹ вмешаться в наш союз, а чужакам⁴⁴² – разрушить нашу дружбу; в этом мы с Вашим отцом непременно были бы единодушны. (4) Великие дела так и не доведены до конца, [а] Ваш отец скончался⁴⁴³; талантливые сыны⁴⁴⁴ унаследовали трон, чтобы продолжить [его] начинания. Восславьте добродетель в веках, вступите на ослепительный престол, сокрушите врагов из Ечэна⁴⁴⁵, возвестите [о своих] деяниях в северных землях, окиньте [своим] умиротворенным взором [эти] районы, обратите [свой] грозный взгляд на территории к северу от Хуанхэ; [я и] каждый из моих союзников последуем за Вами. (5) Как же постичь [то], почему синие

⁴³³ Юань Тань 袁谭 (*цзы* – Сянь Сы 显思) – старший сын Юань Шао 袁绍. У Юань Шао было три сына – Тань 谭, Си 熙 и Шан 尚. Согласно хронике *Хоу Ханьшу* 后汉书 и содержащемуся в ней «Жизнеописанию Юань Шао» (*Юань Шао чжуань* 袁绍传) [*Хоу Ханьшу цзюань* 74 шан, *Хоу Ханьшу цзюань* 74 ся], Юань Шао при жизни не назначил наследника. Среди подданных Шао были те, кто симпатизировал Таню, и те, кто поддерживал Шана. Солдаты Юань Шао Фэн Цзи 逢纪 и Шэнь Пэй 审配 под предлогом исполнения его предсмертной воли провозгласили наследником Шана, что усугубило конфликт между Танем и Шаном. Шан повел свою армию против Таня, но Тань, заручившись военной помощью Цао Цао, дал ему отпор. В это время Лю Бяо (Ван Цань от имени Лю Бяо) написал Юань Таню письмо с увещаниями и упреками; чуть позднее он написал письмо с наставлениями и Юань Шану. В письмах Лю Бяо призывает братьев к миру. Однако ни Тань, ни Шан не вняли уговорам. Цао Цао сначала пошел карательным походом на Шана и нанес ему поражение, а затем повел войска против Таня, который также был им разбит и погиб под копытами лошадей.

⁴³⁴ «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями» было написано ок. 8-го г. *Цзяньань* (203 г.) – в ту пору Ван Цань служил при Лю Бяо в Цзинчжоу 荆州. Сам Лю Бяо (*цзы* – Цзин Шэн 景升), уроженец уезда Гаопин 高平 округа Шаньян 山阳, тогда находился в Цзинчжоу в должности *цзыши* 刺史 – ревизора.

⁴³⁵ Подразумевается мятеж, поднятый Дун Чжо 董卓, одним из влиятельных полководцев эпохи Троецарствия, в 189 г.; восстание стало настоящей катастрофой как для страны, так и для народа.

⁴³⁶ Северное племя *цянцзу* 羌族; Дун Чжо в юности бывал у *цянов* и установил контакт с их вождями; позднее Дун Чжо заключил с племенными вождями союз, и они помогли ему поднять мятеж [*Хоу Ханьшу, цзюань* 72].

⁴³⁷ В ту пору Центральная равнина (*Чжуньюань*) была раздираема кровопролитными войнами.

⁴³⁸ Здесь используется уничижительное *гу* 孤 (дословно – «сирота; одинокий»); так Лю Бяо именует себя.

⁴³⁹ Имеется в виду отец Юань Таня Юань Шао.

⁴⁴⁰ Речь идет о Цзинчжоу 荆州, которое располагалось на территории древнего царства Чу, и о Цзичжоу 冀州, канцелярия которого находилась в районе Вэй.

⁴⁴¹ Варварским племенам.

⁴⁴² Полководцам из других группировок или же, по другой версии, также варварским племенам.

⁴⁴³ Юань Шао скончался от болезни на 7-й г. *Цзяньань* (в 202 г.).

⁴⁴⁴ Юань Тань и Юань Шан.

⁴⁴⁵ Войска Цао Цао; во втором месяце 203 г. Юань Тань и Юань Шан совместными усилиями нанесли поражение армии Цао Цао близ Ечэна; однако впоследствии оба по очереди были им сокрушены.

мухи⁴⁴⁶ слетаются на флажки на шестах⁴⁴⁷, [а] [подлец] У Цзи⁴⁴⁸ мечется между двумя лагерями⁴⁴⁹, [да притом так шустро, будто его] ноги и руки заимствованы у двух инородных тел, [а его] грудь и хребет взяты от разных туловищ⁴⁵⁰? (6) Впервые услышав об этом, я считал это противоестественным. (7) Позднее [до меня дошли] вести [о том], что разрыв между Э Бо и Ши Чэнем⁴⁵¹ уже состоялся, что намерение друг от друга отречься и взаимная ненависть уже [в них] утвердились, что их знамена уже перемешались [друг с другом] на [просторах] Великой равнины, что непогребенные трупы громоздятся под [стенами] городов⁴⁵². (8) Услышав об этом, [я едва ли не] захлебнулся от слез, [я] словно очутился где-то между бытием и небытием. (9) С древних времен, [когда правили] три царя и пять гегемонов⁴⁵³, и до периода Сражающихся царств государи и вельможи убивали друг друга, отцы и сыновья истребляли друг друга, братья калечили друг друга, родственники уничтожали друг друга – и так было всегда. [Одни] желали стать правителями⁴⁵⁴, [другие] стремились к гегемонии⁴⁵⁵; все они, можно сказать, незаконно захватывали [власть], [но] по закону применяли [ее]⁴⁵⁶, [каждый из них] жаждал богатств и власти над всей Поднебесной. Не было среди них того, кто не разорвал бы родственные узы, не подорвал бы устои, но при этом смог бы единолично владеть всей Поднебесной⁴⁵⁷. (10) Когда-то Ци Сянзун⁴⁵⁸ мстил

⁴⁴⁶ Сине-зеленые падальные мухи – метафора, отсылающая нас к песни «Синяя муха» 青蝇 (II, VII, 5) из *Шицзина*: «Синяя муха жужжит и жужжит, села она на плетень. Знай, о любезнейший наш государь, – лжёт клеветник что ни день» [Шицзин, 1987, С. 202] “营营青蝇，止于樊。岂弟君子，无信谗言”. Таким образом, в письме под синими мухами подразумеваются клеветники и льстецы.

⁴⁴⁷ Флажки на шестах, которые изготавливались из перьев птиц и затем крепились к наконечникам шестов, всегда привлекали внимание толпы. Здесь «флажки на шестах» – метафора хозяина, под которым подразумеваются Тянь и Шан.

⁴⁴⁸ Фэй Уцзи 费无忌, дафу (сановник) царства Чу периода *Чуньцю*, изощренный клеветник. См.: [Шицзи, цзюань 40 Чу шицзя 10] [史记, 卷 40, 楚世家第十].

⁴⁴⁹ Речь идет о двух противоборствующих лагерях – лагерях Тяня и Шана.

⁴⁵⁰ Под ногами и руками, грудью и хребтом, принадлежащими двум разным телам, могут подразумеваться два брата Юань Тянь и Юань Шан, которых клеветники пытаются посорить и разлучить.

⁴⁵¹ Э Бо 阚伯, Ши Чэнь 实沈 – два сына одного из пяти мифических императоров Гао Синьши 高辛氏; они постоянно враждовали, и в конце концов Яо 尧 изолировал их друг от друга, сведения о чем содержатся в хронике *Цзочжюань* [Цзочжюань к Чуньцю. Чжаогун (1-й г. – 10-й г.)] [春秋左传. 昭公 (元年~十年)].

⁴⁵² Ечэн 郟城 и Наньпи 南皮, под стенами которых сражались друг с другом армии Тяня и Шана.

⁴⁵³ Три основателя первых трех династий (династий Ся, Шан, Чжоу) и пять *чжухоу* (владельцев князей) пяти княжеств периода *Чуньцю* – княжеств Ци, Цзинь, Цинь, Сун и Чу.

⁴⁵⁴ Аллюзия на Трех царей.

⁴⁵⁵ Аллюзия на Пятерых гегемонов.

⁴⁵⁶ Их целью было свершение великих дел, установление порядка в Поднебесной, а также ее процветание.

⁴⁵⁷ Мысль о том, что подобное поведение исключает любую возможность для свершения великих дел.

⁴⁵⁸ Ци Сянзун 齐襄公 – правитель царства Ци периода *Чуньцю*.

за обиду девятивековой давности⁴⁵⁹, Ши Гай⁴⁶⁰ завершал дело, начатое Сюнь Янем⁴⁶¹, – именно поэтому *Чуньцю* воспеваает их деяния, а *цзюньцзы* превозносят их заслуги. Ненависть Бо Ю⁴⁶² к Ци не сравнится с [той] злобой, [какую Ваш отец питал к] Цао; те начинания, которые за Сюаньцзы⁴⁶³ продолжали его сановники, не сравнятся с тем, что унаследовали Вы⁴⁶⁴. (11) *Цзюньцзы*, оказавшись в опасности, не будет скрываться во вражеском царстве⁴⁶⁵, разорвав с кем-то дружбу, не начнет говорить [об этом человеке] ничего дурного⁴⁶⁶, и уж тем более не станет [он] якшаться с врагами своих предков⁴⁶⁷, не отвергнет любовь своих родных, но предостережет все последующие поколения и заставит своих союзников испытать чувство стыда! (12) [Даже от] варваров [мы] скоро услышим упреки, как нам тут не горевать! Если [мы] хотим оставить о себе память в [исторических] сочинениях, [то надобно] чем-то поступиться⁴⁶⁸; зачем же родным клеветать друг на друга, вести счет победам и поражениям [в борьбе друг с другом]? (13) Если в Цзичжоу⁴⁶⁹ найдутся гордецы, [которые] непочтительны к старшим, [если там] не будут чтить стыдливость и покорность, [то] Вам придется презреть свои устремления, покрыть себя позором, дабы посвятить себя исправлению положения вещей. (14) После того, как будет наведен порядок⁴⁷⁰, позвольте Поднебесной рассудить, [кто] прав и [кто] виноват, разве это не станет проявлением высшей добродетели? (15) Та ненависть, которую ныне к Вам питает

⁴⁵⁹ Речь идет о том, как Сянгун мстил за своего предка в девятом колене Ци Айгуна 齐哀公: когда-то хоу княжества Ци 纪侯 оклеветал Айгуна перед чжоуским И-ваном 夷王, после чего И-ван повелел сварить Айгуна заживо. Сянгун разрушил до основания княжество Ци и тем самым отомстил за своего предка. См.: [Чуньцю Гунъянчжуань, Чжуангун (1 г. – 32 г.)] [春秋公羊传, 庄公 (元年~三十二年)]; [Шицзи, цзюань 32 Ци Тайгун шицзя 2] [史记, 卷三十二 齐太公世家第二].

⁴⁶⁰ Ши Гай 士匄 – дафу 大夫 (сановник) царства Цзинь 晋 периода Чуньцю.

⁴⁶¹ Сюнь Янь 荀偃 – дафу 大夫 царства Цзинь периода Чуньцю. Когда Сюнь Янь командовал армией царства Цзинь, Ши Гай находился при нем в качестве помощника; они были соратниками в походе против царства Ци 齐. После того, как Сюй Янь скончался, Ши Гай продолжил борьбу против Ци – он счел своим долгом закончить дело, начатое Сюй Янем. Сведения об этом – см. Цзочжуань [Чуньцю Цзочжуань, Сянгун 1-й – 20-й гг.] [春秋左传, 襄公 (元年~二十年)]. Здесь содержится следующий намек: если даже Ши Гай, будучи сановником, вознамерился продолжить дело Сюнь Яня, то Юань Тань тем более должен быть достойным преемником своего отца.

⁴⁶² Бо Ю 伯游 – цзы (второе имя) Сюнь Яня.

⁴⁶³ Сюаньцзы 宣子 – цзы (второе имя) Ши Гая.

⁴⁶⁴ Вы (в китайском тексте 仁君, дословно – «человеколюбивый и благородный муж») – Юань Тань.

⁴⁶⁵ В Цзочжуань сказано: «Цзюньцзы в поисках убежища не придет к супостату» “君子违，不适仇国” [Чуньцю Цзочжуань, Айгун 1-й г. – 27-й г.] [春秋左传, 哀公 (元年~二十七年)].

⁴⁶⁶ В Шицзи, «Исторических записках», сказано: «Вашему покорному слуге доводилось слышать, что цзюньцзы, прекратив отношения с кем-то, не начинает его хулить» “臣闻古之君子，交绝不出恶声” [Шицзи, цзюань 80 Юэ И лехжуань 20] [史记, 卷八十 乐毅列传第二十].

⁴⁶⁷ Когда Юань Шан атаковал Юань Тая, Тань быстро оценил критичность своего положения и послал Синь Пи 辛毗 к Цао Цао за помощью.

⁴⁶⁸ Досл. – принести жертвы своей эпохе.

⁴⁶⁹ Цзичжоу 冀州 – область, в которой Юань Шан служил на посту *цыши*; здесь имеет место метонимический перенос – под областью Цзичжоу подразумевается сам Юань Шан.

⁴⁷⁰ После того, как Цао Цао будет дан отпор.

госпожа⁴⁷¹, еще не может сравниться с той, которую Чжэн Чжуан⁴⁷² и Цзян Ши⁴⁷³ питали друг к другу; злоба, которую затаили друг на друга братья, еще не может сравниться с той, которую испытывали друг к другу Чун Хуа⁴⁷⁴ и Сяньбао⁴⁷⁵. Однако Чжуангун в итоге испытал радость, прорыв большой туннель⁴⁷⁶, а Сяньбао в конце концов был пожалован землями в Юби⁴⁷⁷. (16) Хочу, [чтобы Вы] забыли обиды, вспомнили о долге, вновь обрели те чувства, которые прежде связывали матерей и сыновей, младших и старших братьев. Теперь же постройте солдат, остановите лошадей, устремите свои взоры в даль и преисполнитесь надеждой.

«От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями» (далее – «...пишу Юань Таню...») допускает двойную авторскую атрибуцию: в заглавии могут быть указаны имена как Ван Цаня, так и Лю Бяо.

«...пишу Юань Таню...» – фрагмент подлинной переписки частных лиц. Тем не менее, послание не носит ни бытового, ни фамильярного характера: это дидактическое сочинение, образец поучительной эпистографии.

Письмо Ван Цаня, написанное им за Лю Бяо, связано с общественно-политической обстановкой того времени. Как содержательная, так и формальная составляющие указывают на то, что автор руководствовался преимущественно этическими соображениями; поучительное письмо окрашивается в риторические тона, в нем звучат ораторские нотки. «...пишу Юань Таню...», как и многие другие дидактические сочинения, соответствует лаконичному определению, данному Деметрием эпистолярному жанру⁴⁷⁸.

⁴⁷¹ Речь идет о ненависти Лю Ши 刘氏, (второй) жены Юань Шао, к Таню – к Шану Лю Ши действительно была более благосклонна, нежели к Таню [Ху Ханьшу, цзюань 74 шан Юань Шао Лю Бяо лечжжуань 64 шан] [后汉书, 卷七十四上 袁绍刘表列传第六十四上].

⁴⁷² Чжэн Чжуан 郑庄 – Чжэн Чжуангун 郑庄公, правитель царства Чжэн периода Чуньцю.

⁴⁷³ Цзян Ши 姜氏 – мать Чжуангуна. Цзян Ши любила своего второго сына Дуаня 段 и ненавидела своего старшего сына Чжуангуна 庄公; она помогла Дуаню поднять мятеж, за что Дуань был изгнан, а она заточена в темницу. Сведения об этом содержатся в комментарии Цзочжуань [Чуньцю Цзочжуань, Иньгун (1-й г. – 11-й г.)] [春秋左传, 隐公 (元年~十一年)]. Здесь содержится намек: пусть в отношениях Юань Таня с матерью не все гладко, он ни в коем случае не должен допустить повторения истории Чжуангуна и Цзян Ши.

⁴⁷⁴ Чун Хуа 重华 – Шунь Сянь.

⁴⁷⁵ Сяньбао 象敖 – единокровный младший брат Шуня, которого прозвали Сяньбао (дословно – «Сян горделивый») за его надменность. По легенде, Сян со своими родителями (главным образом, с матерью, отец лишь хотел угодить своей второй жене – мачехе Шуня, матери Сяньбао) вынашивал планы по умерщвлению Шуня, за что тот не только не затаил на них злобы, но еще и пожаловал Сяньбао титулом чжухоу. Подробнее о конфликте Шуня и Сяньбао см.: [Шицзи, цзюань 1 Уди бэнцзи 1] [史记, 卷 1 五帝本纪第一].

⁴⁷⁶ Чжуангун раскаялся, что заточил свою мать в темницу, и велел прорыть туннель, чтобы попасть к ней; в конце концов мать с сыном помирились [Чуньцю Цзочжуань, Иньгун (1-й г. – 11-й г.)] [春秋左传, 隐公 (元年~十一年)]. Как Чжуангуну и Цзян Ши, так Шуню и Сяньбао в итоге удалось разрешить конфликт.

⁴⁷⁷ Юби 有鼻 – древнее царство на территории округа Даосянь 道县 провинции Хунань 湖南. После того как Шунь стал императором, он не только не отомстил брату Сяну, но, напротив, одарил его землями в Юби.

⁴⁷⁸ Напомним: «Письмо – это сжатое выражение дружеского расположения» [Деметрий, 1978, С. 274].

Налицо отсутствие как типичной композиционной структуры, стандартных частей, так и устойчивых формул, шаблонных фраз. Возможно, причина этого кроется в богатой палитре эмоциональных красок и семантических оттенков, расцвечивающих письмо. Если применить к нему классификацию, предложенную в «Типах писем», то оно окажется «дружеским», «рекомендательным», «упрекающим», «решительным», «порицательным», «вразумляющим», «хулительным», «хвалебным», «совещательным», «просительным», «объяснительным». Очевидно, что «...пишу Юань Таню...», неся в себе психологический заряд⁴⁷⁹, апеллируя к чувствам адресата, призвано за счет столь широкого диапазона осудить, пристыдить, предостеречь, убедить (вернее – переубедить) и, быть может, пригрозить. В соответствии с классификацией Цицерона, по тону письмо является «интимным», по отношению автора к адресату – «личным», по содержанию – «дружеским», «серьезным».

«...пишу Юань Таню...» сочетает в себе черты как дружеского, так и делового письма⁴⁸⁰. С деловым письмом его роднят «вескость мысли», «словесная ясность», «блеск фигур» [Миллер, 1967 А, С. 20], с дружеским его объединяют искренность, открытость; здесь отсутствует обезличенность, присущая письмам формальным, официальным. Перед нами – «письменная беседа отсутствующего с отсутствующим» [Там же, С. 23]. Все три звена эпистолярной ситуации (автор – сообщение – адресат) здесь одинаково важны.

«...пишу Юань Таню...» выразительное и живое: в нем запечатлены личность, характер, образ мыслей автора, отражена окружающая его жизнь, прописаны наставления, замечания, предостережения, проявлено настроение. Эпистолярный формат обладает силой воздействия – он является эффективным инструментом убеждения, внушения.

«...пишу Юань Таню...» – пламенная речь, пусть и изложенная в письменной форме, вызывающая к чувствам слушателя. Текст представляет собой цельное повествование, в котором по принципу общности мотивов выделяются небольшие семантические блоки. Письмо лишено эпистолярного оформления – возможно, поэтому оно и воспринимается как записанная речь, предназначенная для устного произнесения.

В «...пишу Юань Таню...» лишь наблюдается возможность членения его на отдельные блоки, взаимодействующие друг с другом; по сути автор выдвигает положения и затем обосновывает их; здесь отсутствует часто встречающееся деление композиции на вступление, (предложение, разделение), изложение, (подтверждение, опровержение), заключение; текст представляется сцепленным воедино, гладким на стыках; даже деление

⁴⁷⁹ Риторическое искусство и ораторское мастерство стучались в потаенные двери человеческого сознания задолго до рождения психологической прозы.

⁴⁸⁰ Определение «деловое» мы употребляем не в широком, обиходном, а в узком, терминологическом значении этого слова – письмо посвящено общему делу государственной важности.

его на блоки по принципу общности мотивов является условным и допускающим вариативность. К слову, в классической речи Аристотель усматривал лишь две части, и то выделяемые не по формальному, а по содержательному принципу: «Речь имеет две части, ибо необходимо назвать предмет, о котором идет речь, и доказать его...» [Аристотель, 2017, С. 292]. Двухкомпонентная структура присуща преимущественно речам эпидейктическим, к которым относится и это письмо⁴⁸¹. С точки зрения стратегии убеждения, оно не является исключением: все средства доказательства в нем – логико-риторические.⁴⁸²

«...пишу Юань Таню...» открывается наведением (1). Здесь, в первом блоке, отражен мотив катастрофы, навлекаемой на царство вероломством его сынов. В наведении автор обозначает свою позицию, настраивает слушателя на определенный лад, ставит его на свою морально-этическую платформу. Здесь, в (1), внимание фокусируется на вопросах войны и мира⁴⁸³, составляющих центр проблематики послания. Уже в (1) сочетаются черты эпидейктических и совещательных речей. Первая строчка, гиперболическая, погружает читателя-слушателя в атмосферу, способствующую размышлениям на экзистенциальные темы; последующие строчки вводят наглядный пример, опору для аргументации.⁴⁸⁴

В (2)⁴⁸⁵, вытекающем из (1), отражен мотив бессмысленности происходящего, мотив призыва к осознанию необходимости услышать друг друга, мотив печали достойнейших мужей. Здесь автор дает происходящему стороннюю оценку; к этому приему он будет неоднократно прибегать и далее – сопровождать пример-наведение своим комментарием.

В (3), вводящем речь от первого лица (до сих пор повествование шло в третьем лице), заключен мотив самооправдания (Лю Бяо/Ван Цань объясняет, почему считает себя вправе поучать Юань Тяня), осознания собственного долга, основанного на отеческой заботе (Лю Бяо/Ван Цань, соратник и единомышленник погибшего Юань Шао, считает своим долгом попытаться отвратить беду от его сына), а также мотив воззвания к объединению, консолидации власти, сопротивлению врагу. В этих строчках Лю Бяо/Ван Цань проявляет себя как друг Юань Шао, его сыновей и всего клана. (3) также важен с точки зрения доказательства, однако здесь мы имеем дело с аргументацией не логической, рассудочно-

⁴⁸¹ Речь в нем также является совещательной – см. далее.

⁴⁸² «Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом <...>, я называю энтимемой риторический силлогизм, а примером – риторическое наведение: ведь и все ораторы излагают свои доводы или приводя примеры, или строя энтимемы, и, помимо этого, не пользуются никакими способами доказательства» [Аристотель, 2017, С. 69]; силлогизм становится энтимемой, а наведение – примером.

⁴⁸³ Они, как выявили античные теоретики, наряду с вопросами финансов, охраны, продовольствия, законодательства формировали пять пунктов, по которым произносились совещательные речи [Там же, С. 80].

⁴⁸⁴ Аристотель подметил: «усиливающие обстоятельства, сравнения и преувеличения пригодны для эпидейктической речи; для совещательной пригодны примеры» [Там же, С. 108]. Примеры бывают двоякого рода – фактические (обычно это событие, вошедшее в историю), вымышленные (как правило, в виде басни или притчи); здесь мы имеем дело с примером фактическим, выполняющим функцию показательного и избличительного топа. Энтимем в письме немного – они, в первую очередь, характерны для речей судебных.

⁴⁸⁵ Т.е. во втором блоке. Далее – по аналогии.

выверенной, а ораторской, эмоционально-проникновенной; действительно, «можно убеждать не только посредством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом; <...> нравственные качества обнаруживаются в связи с намерениями, а намерение имеет отношение к цели» [Аристотель, 2017, С. 107].

То же самое можно утверждать и применительно к (4): автор проявляет себя как человек государственного мышления, для которого личное спокойствие и удовлетворение неразрывно связаны с благополучием страны, – «полезно то, что поддерживает государственное устройство» [Там же, С. 106], как говорили греки. Здесь заключены мотив долженствования (дело чести – наследовать престол), побуждения-наставления (Лю Бяо/Ван Цань призывает Юань Тянь стать достойным преемником отца, покарать его врагов, способствовать воцарению мира), внушения-заверения (Лю Бяо/Ван Цань полон решимости засвидетельствовать свою верность клану Юань). Что касается мотива долженствования, то он реализуется в эпидейктическом ключе – это и похвала, и хула одновременно; мотив побуждения-наставления развивается в совещательном русле – «отклоняя от чего-нибудь или склоняя к чему-нибудь, [автор] дает советы относительно будущего» [Там же, С. 76]; а мотив внушения-заверения раскрывается в персонифицированном дискурсе – «[доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, ее произносящему» [Там же, С. 67].

В (5), выдвигающем пример-прецедент и построенном на риторическом вопросе, заключен мотив клеветников, настраивающих братьев друг против друга.

В (6), содержащем комментарий автора относительно прецедента, выражен мотив абсурдности вражды братьев. Демонстрация этой абсурдности отражена в (7).

В (8) наблюдается преувеличение – оно вкупе с примерами создает эффект синтеза эпидейктического и совещательного стилей. Здесь заключен мотив горечи от осознания губительности происходящего; речь, пусть и складна, эмоционально выплеснута, а не логически обработана и сухо подана⁴⁸⁶.

(9) по объему наиболее большой. В нем заключены следующие мотивы: никакие страсть к победам, алчность до богатств, жажда власти не будут удовлетворены без соблюдения базовых принципов. Здесь в целях убеждения автор стремится проявить себя с положительной стороны – «необходимо не только заботиться о том, чтобы речь было доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада» [Аристотель, 2017, С. 156].

⁴⁸⁶ Аристотель, к примеру, утверждал, что «более подходит нравственно хорошему человеку выказать свою честность, чем ясность речи» [Там же, С. 310].

В (10) автор подтверждает сказанное в (9). Здесь проводятся параллели, создается контраст и прослеживается мотив утверждения (утверждения «от противного») достойного поведения, прославляемого в веках.

В (11) разворачивается, пусть и завуалированная, но ожесточенная критика; прием отрицания здесь направлен на то, чтобы подтолкнуть читателя-слушателя к совершению противоположных действий. Это и формирует мотив: пример *цзюньцзы* призван продемонстрировать Юань Таню пагубность его шагов; Лю Бяо/Ван Цань перечисляет поступки Юань Таня и однозначно характеризует их как несовместимые с природой благородного мужа, тем самым указывая Юань Таню на глубину его нравственного падения. Здесь автор показывает себя как человек здравомыслящий, преданный своему другу-адресату и желающий ему добра, что также работает на оказание воздействия⁴⁸⁷.

В (12) автор приводит подтверждение истинности только что сказанного им. Здесь проявляются мотив позора (даже варвары не способны на такое), осознания ответственности перед лицом истории, необходимости одуматься.

В (13), как и в (11), содержится скрытый намек на самого Юань Таня – Лю Бяо/Ван Цань подводит его к тому, чтобы он взглянул на себя со стороны и ужаснулся; здесь звучит резкое осуждение и опять-таки «от противного» – призыв одуматься. Мотив таков: пока еще не поздно, Юань Тань должен осознать свою вину, признать ее и искупить.

В (14), где Лю Бяо/Ван Цань апеллирует к Юань Таню, за счет риторического вопроса эксплицируется посыл автора, сводимый к мотиву мира, невмешательства в ход истории, отказа от притязаний на единоличное господство.

(15), призванный подготовить читателя-слушателя к заключительным строкам, разворачивает перед ним пример-демонстрацию. Здесь заключен мотив прощения, великодушия, а точнее – попытка наглядно показать благо, исходящее от них.

(16), доносящий до читателя-слушателя финальный призыв, включает не только прямое обращение, эмоциональное воззвание, но и категорический императив; модальность заключения строится на волеизъявлении и побуждении.

Предмет «...пишу Юань Таню...» – междоусобные и братоубийственные войны, раздирающие царства; проблема – преступления против морали; тема – наставление на *путь*; тезис – необходимость примирения, сплочения во имя Поднебесной; цель – убедить, переубедить, побудить. А идея такова: лишь у того государства и у тех его сынов, которые живут по высшим, освященным моралью законам, есть надежда на будущее.

⁴⁸⁷ «Есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, – это разум, добродетель и благорасположение» [Аристотель, 2017, С. 157].

2.3.2. 为刘表与袁尚书. Вэй Лю Бяо юй Юань Шан шу⁴⁸⁸

От имени Лю Бяо пишу письмо Юань Шану

I (1) С низким поклоном⁴⁸⁹ Вам, полководцу⁴⁹⁰: **(2)** [Вы] без устали муштруете войска⁴⁹¹; уничтожаете, истребляете, мучаете, терзаете; оружие, кони, слуги⁴⁹² [у Вас] все как на подбор, один лучше другого! Горы и реки служат [нам] препятствием, волки и тигры⁴⁹³ преграждают [нам] путь; хотя [прежде] посылались гонцы, кому-то из них удалось достичь цели, а кому-то – нет; [я часто с надеждой] смотрел вдаль, [хотел многое] сказать, но не мог этого сделать⁴⁹⁴. **II (3)** Впервые услышав о том, что Го Гунцзэ⁴⁹⁵, Синь Чжунчжи⁴⁹⁶ разгласили намерения⁴⁹⁷, ставшие причиной вспыхнувшей [между братьями] вражды, [возникших] между чиновниками и народом разногласий, разгоревшейся ожесточенной борьбы, [я] замер от изумления и страшно вознегодовал. Воеводы Лю Цзянь, Хуан Хэ, Тянь Май⁴⁹⁸ один за другим прибыли в Цзин, получили [Ваше] письмо от шестого числа второго месяца⁴⁹⁹, также получили письма от Ваших братьев Сянь Юна⁵⁰⁰ и Шэня, помощника ревизора⁵⁰¹; [в этих письмах] последовательно излагались причины и следствия [произошедших] событий; тогда [я и] узнал, [что] всему виной Синь и Го⁵⁰², [что] беда постигла единокровных [братьев], [что они] пошли по стопам Э Бо и Ши Чэня⁵⁰³, презрели

⁴⁸⁸ Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены нами главным образом с опорой на следующие труды: [Хоу Ханьшу, цзюань 74 ся Юань Шао Лю Бяо лечжунчань 64 шан], [Вэйши Чуньцю 魏氏春秋; цит. по: Саньгочжэ, Вэйшу, цзюань 6], [Хань Гэпин, 1991, С. 303–310], [У Юнь, 2005, С. 339–345].

⁴⁸⁹ С низким поклоном 顿首 досл. – «бью челом, склоняю голову»; стандартная формула эпистолярного зачина или заключения; выражает глубокое уважение адресату.

⁴⁹⁰ Юань Шану.

⁴⁹¹ Люй ши 六师 досл. – «шесть (императорских) войск». В трактате «Чжоуские ритуалы», в разделе «Летние чиновники. Сыма», сказано, что «под командованием каждого генерала находится армия из (по меньшей мере) 2500 солдат; в распоряжении большого царства три армии, среднего – две, малого – одна» “凡制军万有二千五百人为军。大国三军，次国二军，小国一军” [Чжоули, Сягуань Сыма 4] [周礼，夏官司马第四]. Впоследствии выражение «шесть (императорских) войск» (六军，六师) стало обозначать армию в целом.

⁴⁹² Речь идет о конюхах и поварах.

⁴⁹³ Коалиция во главе с Цао Цао; иная трактовка – все те, кто не входил в один союз с Лю Бяо.

⁴⁹⁴ Эти слова обобщают вышесказанное: Лю Бяо и Юань Шан находятся на большом расстоянии друг от друга, путь полон преград, корреспонденция затруднена.

⁴⁹⁵ Го Гунцзэ 郭公则 – Го Ту 郭图 (?–205 гг.).

⁴⁹⁶ Синь Чжунчжи 辛仲治 – Синь Пин 辛评 (?–204 гг.). В ту пору Го и Синь были соратниками Юань Тяня.

⁴⁹⁷ Го и Синь поведали Юань Тяню о том, что Шэнь Пэй 审配 убеждал Юань Шао назначить Юань Шана ревизором округа Цинчжоу 青州; по другой версии, Го и Синь распространяли заведомо ложные слухи с целью поссорить двух братьев.

⁴⁹⁸ Лю Цзянь 刘坚, Хуан Хэ 皇河, Тянь Май 田买 – гонцы, которые прибыли в Цзинчжоу 荆州; больше о них ничего не известно; по-видимому, они были на службе у Юань Шаня.

⁴⁹⁹ Речь идет о 9-м г. Цзяньань (204–205 гг.).

⁵⁰⁰ Сянь Юн 显雍 – цзы Юань Си 袁熙, старшего брата Юань Шана, младшего брата Юань Тяня.

⁵⁰¹ Помощник ревизора округа (бецзя 别驾) Шэнь – Шэнь Пэй 审配; в то время помогал Юань Шану.

⁵⁰² Синь и Го – Синь Чжунчжи и Го Гунцзэ.

⁵⁰³ Э Бо 阚伯, Ши Чэнь 实沈 – два сына одного из пяти мифических императоров Гао Синьши 高辛氏, пребывали в постоянной вражде, в конце концов Яо 尧 изолировал их друг от друга – сведения содержатся в комментарии Цзочжуань 左传. См.: «От имени Лю Бяо пишу Юань Тяню письмо с наставлениями».

долг оказания посмертных почестей умершему, [воспеваемый в песни] «Слива»⁵⁰⁴, – родные взяли за оружие, [повсюду] трупы и кровь; услышав об этом, [я едва ли не] захлебнулся от слез, [я] словно очутился где-то между бытием и небытием⁵⁰⁵. (4) Тогда [я] обратился к историческим преданиям, задумав сопоставить [события настоящего] с деяниями прошлого. Когда-то Сюаньюань воевал в Чжолу⁵⁰⁶, Чжоугун ходил карательным походом на Шан, на Янь⁵⁰⁷ – все это свершалось с целью избавления от бедствий, во имя укрепления государства⁵⁰⁸, это не было [ни] борьбой между сильным и слабым, [ни] [сиюминутным] порывом радости или гнева. Вот почему, пусть [Чжоугун] и погубил родных, это не может считаться преступлением, пусть [он] и уничтожил старшего брата⁵⁰⁹, это не нарушает принципа высшей справедливости. Теперь оба владыки⁵¹⁰ – продолжатели великого дела, преемники предначертанного предками пути⁵¹¹; ранее было беспокойство о государстве, которому грозили опасности, отныне будет скорбь покойного отца, который глубоко сожалеет⁵¹². Необходимо всецело отдаться противостоянию клану Цао⁵¹³, а не бороться [друг с другом] за право называться победителем; [необходимо объединить усилия для] умиротворения государства, а не выяснять [друг с другом], за кем правда, а за кем ложь. Хотя [Вы] и покрыли [себя] грязью и пылью позора⁵¹⁴, хотя [Вы] и опустились [до положения] слуги⁵¹⁵, погрузились в тину и глину⁵¹⁶, [Вам] по-прежнему должно поступиться своими стремлениями и поумерить свои притязания⁵¹⁷, дабы посвятить себя осуществлению [великих] замыслов⁵¹⁸. (5) Почему же? Металл, дерево, вода, огонь

⁵⁰⁴ В песни из *Шицзина* «Слива» (в переводе А. Штукина – «Братская любовь», II, I, 4) есть следующие строки: «Пред смертным ужасом одна // Лишь братская любовь сильна. // И в грудях тел среди долин // Труп брата ищет брат один» [*Шицзин*, 1987, С. 128]. “死亡之威，兄弟孔怀。原隰哀矣，兄弟求矣”. Здесь содержится указание на то, что погребение брата и забота о его могиле – священный долг.

⁵⁰⁵ См.: «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями».

⁵⁰⁶ Сюаньюань 轩辕 – Желтый император (Хуанди 黄帝); в районе горы Чжолу 涿鹿 он казнил Чи Ю 蚩尤, главу племени *цзюли* 九黎, принес мир на Центральную равнину, раздираемую межплеменными войнами.

⁵⁰⁷ Шан 商, Янь 奄 – поход Чжоугуна, или Чжоу Увана, основателя династии Чжоу, против царств Шан, Янь. Когда Чжоугун 周公 был наместником, Гуаньшу 管叔, Цайшу 蔡叔, находившиеся в Шан, угрожали Угану 武庚 поднять мятеж; Янь 奄 и Хуай 淮 тотчас откликнулись на призывы о помощи, Чжоугун также выступил со своим войском в поход и навел порядок в только что основанном царстве. Подробнее см.: [*Хоу Ханьшу*, *цзюань* 29], [*Хоу Ханьшу*, *цзюань* 74 ся], [*Саньгочжи*, *Вэйшу*, *цзюань* 6].

⁵⁰⁸ Досл. – государственной власти.

⁵⁰⁹ Речь идет о походе, предпринятом Чжоугуном; Гуаньшу был его старшим братом, а Цайшу – младшим.

⁵¹⁰ Юань Тань и Юань Шан.

⁵¹¹ Предначертанный предками путь – главенство закона.

⁵¹² Юань Шао не успел завершить начатое им дело.

⁵¹³ Подразумевается сам Цао Цао, противостояние которому должно стать главной задачей братьев.

⁵¹⁴ Метафора того, что правитель, утратив власть, вынужден скитаться, терпеть унижения.

⁵¹⁵ Речь идет о преступнике, который вынужден выполнять черную работу в наказание за содеянное.

⁵¹⁶ Тина и глина – метафора бедственного положения.

⁵¹⁷ См.: «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями».

⁵¹⁸ Дабы посвятить себя осуществлению [великих] замыслов – посвятить себя борьбе с Цао Цао.

твердостью и мягкостью дополняют друг друга⁵¹⁹, тем самым составляя гармонию⁵²⁰ и принося пользу людям. Если два куска металла ударить друг о друга, [если] пламя двух костров соединить друг с другом, то [мы увидим лишь] вспышку [вторых] и трещины [на первых], [и те, и другие] утратят свои первоначальные свойства. Нынешний [правитель] Цинчжоу⁵²¹ от природы горяч, [он] блуждает в потемках [собственных] заблуждений, [в то время как] кривду и правду, истинное и ложное легко распознать. Милостивый государь⁵²² преисполнен мудрости, наделен ею щедро; [Вам] следует великодушно простить [Юань Таню] [его] трусость, снисходительно отнестись к [его] слабости. Только так может быть достигнута гармония истинного *пути*, воплощен идеал человека высоких принципов. Даже если [сейчас это] неосуществимо, [ибо] царит непримиримая вражда, то надобно прежде всего устранить Цао Цао, тем самым утолить злобу и горечь Вашего отца. [Только] после того, как дело будет сделано⁵²³, [станет возможным] рассудить братьев, [а также] позволить придворным летописцам [самим] определить, где истина и где ложь, – не это ли лучшее решение? (6) Ведь когда-то вся Поднебесная взялась за оружие⁵²⁴, объединившись вокруг Вашего рода; откликнулись все⁵²⁵, никто не оспорил превосходство рода Юань. Пусть [в союзе и произошел] раскол⁵²⁶, кто-то еще жив, кто-то уже мертв, но по-прежнему [есть те, кто готов] последовать [за Вами], кто не изменил намерений. Если, о Милостивый государь, братья смогут раскаяться в ошибках прошлого, {крепко задумаются о будущем}⁵²⁷, сумеют обуздать себя, подчиниться ритуалу⁵²⁸, дабы достичь всеобщего блага, то тогда слабые почувствуют в себе силу, те, кому угрожает опасность, обретут спокойствие, [все они] загорятся желанием объединить свои усилия и выступить в поход, [чтобы] совместно поддержать правящий дом; пусть даже [им придется] встретить смерть, они все равно не утратят решимости; [и тогда даже] третий [помощник] [для] И, Чжоу⁵²⁹ окажется

⁵¹⁹ Две силы, соединенные вместе, представляют собой двойную мощь; намек на братьев.

⁵²⁰ Составляя гармонию: металл, дерево, вода, огонь, пусть и отличаются друг от друга, тем не менее сосуществуют; здесь содержится имплицитный упрек: хотя между братьями и есть разногласия, также есть и то, что их должно объединить, – продолжение дела своего отца, противостояние Цао Цао и его клану.

⁵²¹ Под Цинчжоу подразумевается Юань Тань, который служил там в качестве ревизора (*цзыши* 刺史).

⁵²² Юань Шан.

⁵²³ Дело будет сделано – Цао Цао будет разгромлен.

⁵²⁴ Речь идет о совместном походе Юань Шао с союзниками против Дун Чжоу 董卓.

⁵²⁵ Все – речь идет о крупных и малых группировках, возглавляемых тем или иным военачальником.

⁵²⁶ Речь идет о союзе, под эгидой которого был предпринят карательный поход против Дун Чжоу.

⁵²⁷ Изначально этой фразы не было, ее добавили позднее со ссылкой на [*Саньгочжи*, *Вэйшу*, *цзюань б*] и [*Хоу Ханьшу*, *цзюань 74 ся*].

⁵²⁸ Аллюзия на фразу из *Луньюя*: “克己复礼为仁” «Быть человечным – значит победить себя и обратиться к ритуалу» (12, 1) [Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 127].

⁵²⁹ И, Чжоу 伊周 – министры царства Инь 殷 *Иинь* 伊尹 и Чжоугун 周公, которые отличились на посту наместников и в должности регентов. *Иинь* – мудрый министр основателя династии Шан-Инь 商殷 Чэн Тана 成汤. Чжоугун – сын Вэньвана 文王 и младший брат Увана 武王 (династия Чжоу); помогал Увану свергнуть последнего государя иньской династии, был регентом при своем малолетнем племяннике Чэнване 成王.

недостаточным, [тогда] [одного лишь шестого соратника] Пяти гегемонам [уже] не хватит⁵³⁰. (7) Если [Вы] [будете по-прежнему] заблуждаться и не одумаетесь, [будете] упорствовать [в своих ошибках] и не исправите [их], то [даже] варвары [Вас] осудят, не говоря уже о наших союзниках; разве [после этого] они [союзники] смогут вновь объединить свои усилия и последовать за Вами? Тогда могила Вашего отца окажется под угрозой осквернения⁵³¹; жены и дети – весь род – подвергнутся риску истребления. Разве можно приравнять друг другу два этих [возможных] исхода? Более того, [если] пойти наперекор *высшему принципу* и продолжить бороться за выживание, что доселе было невозможно, [то тогда] попрание [высшего] долга и собственная гибель [станут еще более неотвратимы], как тут не попасть в плен к врагу? [Это сродни тому, как] Хань Лу и Дун Го⁵³², изнуренные, очутились на пороге дома крестьянина и оказались им схвачены. Когда не стало *циского* Гун Суньцао⁵³³, Яньцзы⁵³⁴ предвидел, что [сыну Гун Суньцао] Цзыци⁵³⁵ не избежать [того же], и тогда он сказал: «Оба Хуэя⁵³⁶ соперничают друг с другом – это еще полбеде, но вот умер один, и теперь роду Цзян⁵³⁷ [по-настоящему] угрожает опасность!» Бяо⁵³⁸ и генерал Лю⁵³⁹ с [правителем области] Бэйхай Сунь Гунью⁵⁴⁰ – все говорили об этом, [все вместе они] сокрушались и горевали. (8) Теперь же постройте солдат, остановите коней⁵⁴¹, воспряньте духом, устремите свои взоры вдаль, приготовьтесь услышать звуки гармонии и согласия, условьтесь приступить к свершению великого дела⁵⁴², посему вновь обменяйтесь письмами, отправьте послание в Цзинчжоу. Если все устроится благополучно,

⁵³⁰ Намек на то, что братья из рода Юань своими заслугами превзошли *Ииня* и *Чжоугуна*.

⁵³¹ Речь идет о выкапывании могил, расхищении сокровищ, осквернении тел, после чего склеп напоминал небольшой водоем, наполненный грязной водой; здесь содержится скрытый намек на угрозу истребления всего клана Юань. В качестве примера см.: [*Ханьшу, цзюань 99 шан*].

⁵³² Хань Лу 韩卢 и Дун Го 东郭 – Хань Цзылу 韩子卢 и Дун Гоцюнь 东郭逵, пес из царства Хань и заяц из царства Ци. В «Планах Сражающихся царств» сообщается: Чуньюй Кунь 淳于髡 рассказывал вану царства Ци о том, как шустрый пес Хань Цзылу гнался за хитрым зайцем Дун Гоцюнем, в процессе чего оба страшно утомились – этим и воспользовался крестьянин, схватив их. Чуньюй пытался этим рассказом убедить *циского вана* не выступать в поход против царства Вэй. Эта аллюзия призвана вразумить братьев прекратить вражду, которая выгодна лишь Цао Цао. Подробнее см.: [*Чжаньгоцэ, цзюань 10 Ци 3*] [战国策, 卷十 齐三].

⁵³³ Гун Суньцао 公孙灶 – внук *циского Хуэйгуна* 齐惠公, его второе имя (*цзы*) – Цзыя 子雅.

⁵³⁴ Яньцзы 晏子 – Янь Ин 晏婴, сановник-*дафу* царства Ци.

⁵³⁵ Цзыци 子期 / 子旗 – сын Гун Суньцао.

⁵³⁶ Оба Хуэя – два внука *циского Хуэйгуна* Гун Суньцао 公孙灶 и Гун Цзаочай 公灶蚤 (период *Чуньюю*).

⁵³⁷ Под родом Цзян 姜氏 подразумевается царство Ци, первым правителем которого был Цзянтайгун 姜太公 (подробнее см.: [*Чуньюю Цзочжунань, Чжаогун (1-й г. – 10-й г.)*]; точнее – 3-й г.) [春秋左传. 昭公 (元年~十年)]. Яньцзы знал, что Цзыци не сумеет отстоять господство рода Цзян, что над ним нависла угроза гибели от рук представителей рода Чэнь 陈. Здесь также содержится намек: братья должны оба жить, в этом их сила; если один из них падет, скоро смерть (от рук Цао Цао и его сторонников) настигнет и второго.

⁵³⁸ Бяо 表 – в первоначальном тексте этого иероглифа не было.

⁵³⁹ Генерал (*цзоцзянцзюнь*) Лю 刘左将军 – Лю Бэй 刘备. *Цзоцзянцзюнь* (досл. – «левый генерал» 左将军) – название воинской должности, второй после высшей *шанцзянцзюнь* (досл. – «верховный генерал» 上将军).

⁵⁴⁰ Сунь Гунью 孙共佑 – правитель области (*тайшоу* 太守) Бэйхай 北海.

⁵⁴¹ См.: «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями».

⁵⁴² Приготовьтесь к борьбе с Цао Цао.

[то можно ли будет сказать, что] род Юань пережил пору расцвета и упадка подобно дому Хань?⁵⁴³ Если же предприятие не увенчается успехом, то [наши] союзники навсегда утратят надежду! **III (9)** Склонившись над письмом, скорблю; не знаю, чего еще сказать более. **(10)** Засим Лю Бяо кланяется.

По сохранившимся сведениям, «От имени Лю Бяо пишу письмо Юань Шану»⁵⁴⁴ (далее – «...письмо Юань Шану») было написано вскоре после отправления «...пишу Юань Таню...», а именно – на 8-й г. *Цзяньань*, т.е. в 203 г. В обоих случаях заказчиком выступил Лю Бяо, а секретарем-письмоводителем – Ван Цань; адресаты писем – братья Юань, старший Тань и младший Шан. Пафос и того, и другого послания сводится, главным образом, к попытке примирения двух братьев, враждовавших друг с другом.

«...письмо Юань Шану» – образец подлинной переписки частных лиц; возможно, ее фрагмент. Это сочинение этического, дидактического характера; также оно является публицистическим⁵⁴⁵.

«...письмо Юань Шану» может быть прочитано (или заслушано?) как письмо литератора, полководца, государственного деятеля, мыслителя, оратора, даже тонкого психолога. Поскольку в этом письме Лю Бяо/Ван Цань высказывается по острым политическим вопросам своего времени, оно может быть обращено к широкому кругу читателей (слушателей?); тем не менее, оно не только связано с выражением политических воззрений его автора (авторов?), изложением общественных событий той эпохи, что его сближает, к примеру, с письмами Исократы и Платона⁵⁴⁶, но и содержит ряд философских рассуждений на темы нравственности, государственного управления, что его роднит, например, с письмами Аристотеля, адресованными Филиппу⁵⁴⁷.

Это поучительное письмо; в античности послания на этические темы «подчинялись влиянию риторики и как бы брали на себя функции ораторского искусства» [Миллер, 1967 А, С. 6]. Здесь тоже присутствуют сентенции, цитаты, реминисценции, которые могли бы расцветить речь оратора – послужить установлению контакта между ним и слушателями. К слову, в европейской традиции письмо, выходя за рамки реальной переписки, превращалось

⁵⁴³ Здесь имеется в виду, что, если братья помирятся, их самих, их коалицию должна миновать судьба некогда царствовавшего дома Хань и когда-то процветавшего союза с Юань Шао во главе.

⁵⁴⁴ Юань Шан 袁尚 – третий сын Юань Шао 袁绍. В ту пору враждовал со своим старшим братом Юань Танем 袁谭. См.: «От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями».

⁵⁴⁵ В силу ярко выраженной эмоциональной составляющей публицистические штрихи оказываются несколько заретушированными.

⁵⁴⁶ Использование письма как формы дидактики было излюбленным приемом Платона, недаром традиция платоновских открытых писем оказалась востребованной у философских школ [Миллер, 1967 Б, С. 58].

⁵⁴⁷ О письмах Аристотеля, адресованных Филиппу, а также письмах Исократы, Платона см. подробнее: [Миллер, 1967 А, С. 5]

в условную форму проповеди [Там же, С. 6], т.е. приобретало черты риторического послания, помещенного в контекст ораторского выступления.

«...письмо Юань Шану» было составлено Ван Цанем по просьбе, по приказу Лю Бяо. Примечательно, что на Западе «для ведения деловой переписки существовала особая должность чиновника <...>, и ее нередко занимали риторы» [Там же, С. 9]. Поэтому систематизация, классификация писем были впервые проведены риторами [Там же].

По «Типам писем» «...письмо Юань Шану» может быть охарактеризовано как «вразумляющее», «просительное», «совещательное»⁵⁴⁸; по классификации Цицерона – «интимное» и «предназначенное для публичных чтений», «личное» и «официальное»⁵⁴⁹, «дружеское» и «строгое», «серьезное»; по византийскому риторическому трактату о стилях писем – «убеждающее», «дружеское», «порицательное».

Это дидактическое, риторическое, частное, деловое письмо одновременно. Несмотря на явственное присутствие художественной составляющей, оно имеет четкую ситуативную привязку, а призывы, манифестируемые в письме, носят универсальный, вневременной характер. Из трех звеньев эпистолярной ситуации выделяется второе, так как акцентируются посыл письма, его содержание, пафос и эмоциональный фон⁵⁵⁰.

В обоих письмах Лю Бяо/Ван Цань задействует схожие приемы (психологического) воздействия, схожие логико-риторические схемы. Два письма близки по топике и по композиции; их соположение рисует наглядную общую картину корреспонденции, что, возможно, дает основание сложить два письма в небольшой эпистолярный цикл⁵⁵¹.

⁵⁴⁸ В отличие от письма Юань Таню, здесь «порицающие» нотки заглушаются «просительными»; «вразумляющие» и «совещательные» интонации звучат в обоих письмах.

⁵⁴⁹ Хотя оно, казалось бы, частное, оно в то же время дидактическое и риторическое, а, значит, вполне предполагает наличие целого круга потенциальных читателей и слушателей.

⁵⁵⁰ Вопрос эмоционального фона заслуживает особого внимания – здесь перед автором (авторами?) стоит непростая задача: письмо написано не самим Лю Бяо, а от имени Лю Бяо, при этом оно должно соответствовать характеру Лю Бяо и отражать его мысли, чувства, настроения. И, судя по всему, автор (авторы?) с ней справился (-лись?): составив речь (эпистолярную речь), автор написал свой портрет; более того, описав поступки, черты, умонастроения адресата, создал и его портретное изображение. Преобладание эмоционального воздействия над рациональной аргументацией (хотя она тоже имеет место) становится основным риторическим приемом выразительности в этом письме, ведь «необходимо не только заботиться о том, чтобы речь была доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада, <...> потому что для убедительности речи весьма важно, <...> чтобы оратор показал себя человеком известного склада и чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также чтобы и они были к нему расположены известным образом» [Аристотель, 2017, С. 156]. По этой причине, несмотря на звучание взаимоисключающих интонаций (например, хулы и похвалы), впечатления дисгармонии ни на уровне плана содержания, ни на уровне плана выражения не создается; напротив, адресант пытается достучаться до адресата всеми доступными ему способами, в чем еще раз проявляется психологическая сторона стратегии убеждения, а также сила психологической составляющей в стратегии убеждения.

⁵⁵¹ «Объединение писем в циклы делает эпистолярную форму способной воспроизводить более сложные ситуации, чем те, которые могут быть охвачены рамками одного письма; эпистолярные циклы приобретают специфическую тематику и строятся как в повествовательном, так и в диалогическом плане; в них изображается либо последовательность событий, <...> либо обмен письмами нескольких лиц между собой» [Миллер, 1967 В, С. 198].

Ван Цань/Лю Бяо, отдавая должное достоинствам и заслугам братьев, удручен их военными авантюрами, политической недалёковидностью, враждой; он упрекает их в упрямстве, безрассудстве, самоуверенности; апеллирует к ним и как к частным лицам, и как к государственным деятелям; при этом он не требует от них пойти наперекор своей природе, а лишь призывает осознать груз ответственности и с честью нести его.⁵⁵²

Композиционно «...письмо Юань Шану» делится на три части (точнее – макрочасти): вступительную, основную и заключительную. Его начало и конец написаны по трафарету, что не лишает их своеобразия: в устойчивых формулах – как античных, так и древнекитайских – всегда допускались варианты.

Его средняя часть поддается членению на более мелкие части (микрочасти), которые складываются главным образом из эпических (повествовательных, описательных) и лирических (побудительных волеизъявлений автора) составляющих; первые, помимо прямого назначения, также выполняют функцию исходной точки для разворачивания рассуждений и обоснования своей позиции; вторые, проливая свет на личность автора, также играют роль дополнительных аргументов. В средней части, теле письма, эксплицируются его тема, предмет, проблема, тезис, цели, идея.

Соответствие плана выражения плану содержания, легкое вычленение смысловых узлов позволяют разобраться в структуре текста без подробного перечисления мотивов. Применительно к этому посланию, инструктивно-поучительному, назидательно-побудительному, именно «цель» становится коммуникативным ядром.

(1) Вступительная часть (макрочасть) состоит из двух компонентов – (1) преамбулы и (2) пролога. Преамбула открывает послание. Она представлена в усеченном виде – содержит предикат⁵⁵³ и обозначение занимаемой адресатом должности.

За (1) преамбулой следует (2) пролог, а он, задавая тон всему письму, открывая его, плавно перетекает в основную часть, предваряя ее и взаимодействуя с ней.

⁵⁵² В этом отношении «...пишу Юань Таню...», «...письмо Юань Шану» – особенно второе – обнаруживают сходство с письмами Цицерона, адресованными Квинту. Приведем фрагмент одного из них: «Все приезжающие, – пишет Цицерон, – говорят о твоей [Квинта] высокой доблести, неподкупности и доброте, но <...> все-таки отмечают свою гневливость <...>. Ничто не может быть столь безобразным, как сочетание высшей власти со свирепостью! <...> Я ведь не требую, чтобы ты изменил свой душевный склад – это, пожалуй, трудно каждому человеку... Но я советую тебе, если ты не можешь полностью избежать этого, заранее подготовляй себя и ежедневно внушай себе, что тебе следует подавлять в себе гнев; <...> в течение третьего года ты должен исправиться настолько, чтобы никто не мог упрекнуть тебя даже в какой-нибудь ничтожной мелочи... Я бесконечно люблю тебя и поэтому хочу для тебя великой славы... Я молю тебя и советую следующее: <...> прояви свое особое старание, чтобы этот третий год пребывания у власти оказался самым совершенным и прекрасным. Легче всего этого ты достигнешь, если будешь верить, что я <...> всегда с тобой и участвую во всем, что ты скажешь и совершишь» [Грабарь-Пассек, 1967, С. 68–69].

⁵⁵³ Предикат, призванный выразить почтение, обозначает физический акт приветствия: 頓首 дословно – «с низким поклоном». Изначально этот речевой оборот воспринимался буквально, затем превратился в клишированный оборот, вошедший в официальный обиход с эпохи правления династий Цинь и Хань; в период правления Восточной Хань эта формула укоренилась в частной переписке [Richter, 2013, P. 77].

Речь в «...письмо Юань Шану» – совещательная и эпидейктическая. Главная цель – убеждение и побуждение. Письмо посвящено вопросам войны и мира⁵⁵⁴.

Во вступительной части, а именно – в прологе, уже проявляются три элемента, из которых складывается речь: это сам оратор, предмет, о котором он говорит, и лицо, к которому он обращается. Здесь просматриваются элементы, приписываемые Аристотелем вводным частям эпидейктических речей: «вот из чего слагаются предисловия к речам эпидейктическим – из похвалы, хулы, из убеждения, из разубеждения, из обращений к слушателям» [Аристотель, 2017, С. 295].

(2) пролог и (9) эпилог соотносятся друг с другом: «[я часто с надеждой] смотрел вдаль, [хотел многое] сказать, но не мог (этого сделать)» и «склонившись над письмом, скорблю, не знаю чего еще сказать более»; здесь на практике реализуются теоретические положения Аристотеля, о том, что «в [предисловии] нужно изложить обстоятельства, чтобы было ясно, что обсуждается, а <...> [в заключении] нужно подвести итог тому, на основании чего дело доказано» [Там же, С. 315].

Основная часть письма, в которую перетекает пролог и в которой сложно выделить микрочасти, представляет собой изложение и способ убеждения. Такая структура рассматривается Аристотелем как типичная: «необходимые части речи – изложение и способ убеждения; они составляют ее неотъемлемую принадлежность, но по большей части бывают предисловие, изложение, способ убеждения, заключение...» [Там же, С. 293].

Если (I) вступительная часть (макрочасть) состоит из (1) преамбулы и (2) пролога, то (II) основная макрочасть открывается (3) третьей микрочастью. В (3) заявляются предмет и тема эпистолярной речи: предмет – «разгласили намерения», тема – «вспыхнувшая [между братьями] вражда», «[возникшие] между чиновниками и народом разногласия», «разгоревшаяся ожесточенная борьба». Эпические (повествовательно-описательные) вставки чередуются с лирическими. Повествуя о случившемся, автор не скупится на проявление эмоций: «[я] замер от изумления и страшно вознегодовал». В конце (3) автор прибегает к таким средствам риторической выразительности, как пример и преувеличение⁵⁵⁵: «[что] беда постигла единокровных [братьев], <...> [повсюду] трупы и кровь»; «услышав об этом, <...> где-то между бытием и небытием». Здесь проявляется и такой топ⁵⁵⁶, как обвинение на основании ошибок, ведь «можно убеждать не только

⁵⁵⁴ Компетенция Лю Бяо/Ван Цаня в полной мере соответствует требованиям, которые Аристотель предъявлял к авторам, рассуждающим на тему войны и мира: «Что касается войны и мира, [то здесь необходимо знать] силу государства – насколько она велика в настоящее время и насколько велика была прежде, в чем она теперь заключается и в каком отношении может быть увеличена. Кроме того, [необходимо знать], какие войны вело государство... Следует также знать, с кем <...> можно с вероятностью ожидать войны...» [Там же, С. 82].

⁵⁵⁵ Как отмечал Аристотель, «преувеличение всего более подходит к речам эпидейктическим <...>; что же касается примеров, то они наиболее подходят к речам совещательным...» [Там же, С. 117].

⁵⁵⁶ Топ/Топос – общее место.

посредством речи, наполненной доказательствами, но еще и этическим способом» [Там же, С. 107].

(4) Четвертая микрочасть начинается с утверждения важности опоры на историю⁵⁵⁷. Лю Бяо/Ван Цань вновь иллюстрирует свои мысли примерами: «Когда-то Сюань-юань воевал в Чжолу, Чжоугун ходил карательным походом на Шан, на Янь...». Точнее – это пример-наведение, причем такой, который живописует реальные исторические факты⁵⁵⁸. В (4) формулируются проблемы (государственного плана, в (5) будут введены проблемы личного плана) – «избавление от бедствий», «укрепление государства (государственной власти)». Они соотносятся с тезисами: «оба владыки – продолжатели великого дела», «[оба владыки] – преемники предначертанного предками пути»⁵⁵⁹. Также в (4) посредством модальных глаголов постулируются цели: «необходимо всецело отдаться противостоянию клану Цао, а не бороться [друг с другом] за право называться победителем»; «[необходимо объединить усилия для] умиротворения государства, а не выяснять [друг с другом], за кем правда, а за кем ложь»; «[Вам] по-прежнему должно поступиться своими стремлениями и поумерить свои притязания». В конце (4) Лю Бяо/Ван Цань подытоживает проблему: «...дабы посвятить себя осуществлению (великих) замыслов».

Пятая (5) микрочасть тоже открывается примером-наведением. Здесь выражаются проблемы, касающиеся личного плана, – «достижение гармонии истинного *пути*» и «воплощение идеала человека высоких принципов». Также продолжают эксплицироваться и цели: «[Вам] следует великодушно простить [Юань Таню] [его] трусость»; «[следует] снисходительно отнестись к [его] слабости»; «надобно прежде всего устранить Цао Цао»; «[надобно] тем самым утолить злобу и горечь Вашего отца».

(6) Шестая микрочасть строится на топе аналогии (по аналогии). Здесь вводятся цели: «[должно] братьям раскаяться в ошибках прошлого»; «[должно] крепко задуматься о будущем»; «[должно] суметь обуздать себя»; «[должно] подчиниться ритуалу»; «[важно, чтобы] слабые почувствовали в себе силу»; «[важно, чтобы] те, кому угрожает опасность, обрели спокойствие»; «[важно] совместно поддержать правящий дом». Здесь же ставится цель, которая объединяет два плана – государственный и личный, – «достичь всеобщего блага». В конце (6) Лю Бяо/Ван Цань отмечает потенциальное превосходство Юань Шана над выдающимися деятелями прошлого⁵⁶⁰.

⁵⁵⁷ И по Аристотелю, «для совещания о делах государственных полезны творения историков» [Там же, С. 84].

⁵⁵⁸ По Аристотелю, примеры бывают двоякого рода: «один вид примера заключается в том, что приводятся факты, прежде случившиеся, другой – в том, что [оратор] сам сочиняет таковые» [Аристотель, 2017, С. 172].

⁵⁵⁹ А тезис как раз – «решение проблемы, снятие неопределенности, связанной с выбором» [Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 39].

⁵⁶⁰ Как подметил Аристотель, «следует сравнивать человека с людьми знаменитыми, потому что, если он окажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют» [Аристотель, 2017, С. 117].

(7) Седьмая микрочасть строится на топе демонстрации последствий: Лю Бяо/Ван Цань лелеет надежды, что хотя бы близость опасности сможет пронять Юань Шана⁵⁶¹. Здесь автор вновь в целях убеждения опирается на прецеденты⁵⁶²: «[Это сродни тому, как] Хань Лу и Дун Го <...> оказались им схвачены»; «Когда не стало *циского* Гун Суньцао, <...> теперь роду Цзян [по-настоящему] угрожает опасность!»).

(8) Восьмая микрочасть, закрывая (II) основную часть письма, подводит ему итог и отражает его идею.

(III) Заключительная часть письма, как и (I) вступительная, состоит из двух микрочастей – (9) эпилога и (10) постамбулы. Как и во всем письме, в эпилоге Лю Бяо/Ван Цань предстает, прежде всего, как друг Юань Шаня – вновь проявляет свое отношение к нему, при этом несколько гипертрофирует масштабы происходящего, пытаясь его вразумить⁵⁶³. В постамбуле повторяется глагол, использованный в преамбуле, и указывается полное имя автора – его *мин* и *син*.

Таково «...письмо Юань Шану». Его посыл такой же, как и в «...пишу Юань Таню...»: Лю Бяо/Ван Цань призывает братьев к прекращению вражды, к примирению, к созиданию. Разница состоит в том, что в письме Юань Таню Лю Бяо/Ван Цань стремится направить в благое русло чувства адресата, а в письме Юань Шану побуждает его к следованию высшему морально-нравственному принципу.

2.4. Прозаические послания Чэнь Линя

Чэнь Линь 陈琳 (?–217 гг.), по второму имени – Кунчжан 孔璋, был родом из Гуанлина 广陵 (на территории нынешней провинции Цзянсу). Спасаясь от смуты, бежал из Лояна в Цзичжоу, где поступил на службу Юань Шао. Юань Шао привлекал Чэнь Линя к ведению переписки, а также к проведению переговоров. Повинуясь приказам Юань Шао,

⁵⁶¹ «В такое <...> состояние [оратор] должен приводить своих слушателей, когда для него выгодно, чтобы они испытывали страх; [он должен представить их] такими людьми, которые могут подвергнуться страданию, [для этого он должен обратить их внимание на то], что пострадали другие люди, более могущественные, чем они, что люди, им подобные, страдают или страдали, и от таких людей, от которых не думали [пострадать], и в таких вещах и в таких случаях, когда не ожидали» [Там же, 2017, С. 171].

⁵⁶² А делает он это следующим образом: «берет факты действительные или кажущиеся таковыми для того, чтобы на основании их говорить в смысле хвалы или порицания, если есть что-нибудь прекрасное или постыдное, в смысле обвинения или оправдания, если есть что-нибудь справедливое или несправедливое, и в смысле совета, если есть что-нибудь полезное или вредное» [Там же, С. 224].

⁵⁶³ Подобная тактика завершения посланий тоже была прокомментирована Аристотелем: «при составлении эпилога оратору нужно, во-первых, постараться хорошо расположить слушателей к себе <...>, во-вторых, применить преувеличение и умаление, в-третьих, разжечь страсти слушателей, в-четвертых, напомнить, [для чего произнесена речь]» [Там же, С. 314].

не брезговал тратить свой талант и на обман, из-за чего нередко представал в невыгодном свете. Когда Юань Шао было нанесено поражение, Чэнь Линь примкнул к Цао Цао. Последний, оценив талант Чэнь Линя, не покарал его. При Цао Цао Чэнь Линь продолжил заниматься письмоводительством, поражая своим талантом самого Цао Цао, – официальная корреспонденция велась преимущественно Чэнь Линем и Жуань Юем, еще одним из Семи Мужей. Оба были близки с семьей Цао. По мнению Цао Чжи, Чэнь Линь, поступив на службу к Цао Цао, утратил свой талант (см. «Письмо Ян Дэцзу»). Скончался Чэнь Линь, как и многие в ту пору, от бушевавшего мора.

2.4.1. 更公孙瓒与子书⁵⁶⁴. *Гэн Гунсунь Цзань юй цзы шу*⁵⁶⁵

Подменное письмо [от] Гунсунь Цзаня сыну

I. Мне как-то доводилось слышать, что в прошлом, в эпоху, когда [дом] Чжоу находился в упадке, [повсюду были] трупы, [которые] истекали кровью; я полагал, что все это неправда, [я] [и] помыслить не мог, что сегодня все это затронет и меня! **II.** [Внезапное] нападение клана Юань подобно [нападению] демонов и духов: грохот барабанов раздается повсюду, штурмовые лестницы и повозки не позволяют мне укрыться даже на вершине башни. День следует за днем, один месяц сменяет другой; нигде не найти убежища. **III.** Тебе надобно поторопить Чжан Яня поскорее прислать легкую конницу. Как наступит время, разожги на севере [сигнальный] огонь, и я тотчас выступлю. **IV.** Если не сделаешь этого, то после моей гибели, как ни широка Поднебесная, нигде тебе не укрыться.

Текст письма из хроники Дяньлюэ [Цит. по: Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 8]

«Подменное письмо [от] Гунсунь Цзаня сыну» (далее – «Подменное письмо...») было написано около 4-го г. *Цзяньань*, в промежутке между 200 и 201 гг. Адресант письма – Гунсунь Цзань 公孙瓒⁵⁶⁶. Адресат – сын Гунсунь Цзаня Гунсунь Сюй 公孙续⁵⁶⁷.

⁵⁶⁴ Текст сохранился в двух вариантах – в «Истории династии Поздняя Хань» (*Хоу Хань шу* 后汉书) и в «Записях о Трех царствах» (*Сань го чжи* 三国志). Ныне неизвестно, является ли текст из *Саньгочжи* первичным (до исправления по приказу Юань Шао) или вторичным (после исправления по приказу Юань Шао). Хань Гэпин 韩格 полагает, что этот текст уже несет изменения, внесенные Чэнь Линем [Хань Гэпин, 1991, С. 133]. Этой точки зрения будем придерживаться и мы. В Приложении см. перевод обоих вариантов.

⁵⁶⁵ Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены нами главным образом с опорой на следующие труды: [*Хоу Ханьшу, цзюань 73*], [*Дяньлюэ; цит. по: Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 6*], [Хань Гэпин, 1991, С. 133–134], [У Юнь, 2005, С. 173–174].

⁵⁶⁶ Гунсунь Цзань 公孙瓒 (подробнее см.: *Гунсунь Цзань чжуань* 公孙瓒传 – [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 8*]) был полководцем периода заката Восточной Хань 东汉. Его *цзы* – Бо Гуй 伯珪. Он занимал должность *чжанши* 长史 (условно – помощника министра) вассального государства Ляодун 辽东, а также был удостоен почетного звания *сяолян* 孝廉 – «преданного родителям и честного [мужа]».

⁵⁶⁷ Гунсунь Сюй 公孙续 (подробнее см.: *Гунсунь Цзань чжуань* 公孙瓒传 – [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 8*]) на момент получения послания находился в ставке армии Хэйшань 黑山, возглавляемой полководцем Чжан Янем 张燕. [Уточним: Хэйшань – армия из крестьян-повстанцев, поднявших восстание на закате Восточной Хань]. Когда Юань Шао 袁绍, видный военачальник, повел свои войска в наступление, Гунсунь Цзань находился в столице. Он немедленно написал Гунсунь Сюю письмо с просьбой о помощи и с планом действий:

«Подмененное письмо...» имеет ситуативную привязку – оно составлено в рамках реальной переписки и направлено на достижение утилитарных целей. Оно окрашено в дидактические тона. Установка на убеждение, к которой сводится цель, реализуется риторическими (и отчасти логическими) средствами, что позволяет классифицировать его как произведение ораторского искусства, созданное в эпистолярной форме. «Подмененное письмо...», напрямую связанное с социально-политическими потрясениями своего времени, может быть классифицировано не только как поучительное письмо, но и как письмо на этические темы. Наличие развернутого описания сближает его с поучительными письмами, которые отличаются «фактографическим характером сухого описания» [Миллер, 1967 А, С. 6], а установка на убеждение – с письмами на этические темы, которые «подчинялись влиянию риторики и как бы брали на себя функцию ораторского искусства» [Там же].

В соответствии с «Типами писем», «Подмененное письмо...» может быть охарактеризовано как «дружеское», «рекомендательное», «решительное», «вразумляющее», «угрожающее», «просительное» и «объяснительное», по Цицерону, – как «интимное», «личное», «строгое», «серьезное» и «грустное».

Поскольку письмо – та же речь, только изложенная в письменной форме, к нему можно подходить с мерками устной речи. Процесс составления речи делится на три этапа – инвенцию/изобретение, диспозицию/расположение и элокуцию/украшение. На первом этапе определяется содержание речи, на втором составляется план речи, а на третьем она украшается.

Обратимся к инвенции, а именно – плану содержания, важнейшими компонентами которого являются предмет, тема, тезис, проблема, цель речи, а также выбор основной стратегии убеждения. Предмет – «тот фрагмент действительности, с которым соотносится речь» [Хаззагеров, Лобанов, 2004, С. 34]. Здесь это текущая ситуация, эмоциональное описание сложившейся военно-политической⁵⁶⁸ обстановки с призывом к действиям. Как

отец и сын условились, что огонь будет сигнальным знаком для совместной атаки – изнутри и снаружи города – на войска Юань Шао. Однако Юань Шао перехватил это письмо, повелел Чэнь Линю 陈琳 переписать его – внести изменения в первоначальный текст – и в назначенное время разжечь костер. Так, Гунсунь Цзань, увидев огонь, ошибочно решил, что войска уже прибыли на подмогу, поспешно повел свою армию в атаку и вскоре был разбит Юань Шао, укрывавшимся в засаде. Тем временем Чжан Янь, под командованием которого было стотысячное войско, совместно с Гунсунь Сюем повел своих солдат в атаку тремя путями с целью спасти Гунсунь Цзаня, однако и они были разбиты Юань Шао. Впоследствии все они сдались Цао Цао.

⁵⁶⁸ Традиции политического красноречия в Китае уходят своими корнями в глубокую древность. Как пишет Л.Д. Позднеева, ссылаясь на *Мэнцзы*, «в школах готовили к политической и дипломатической карьере, в них воспитывались ораторы, умеющие применять весь арсенал мудрости для советов правителю или непосредственного управления страной, городом, учреждением, для выполнения дипломатических поручений, что во времена непрерывных войн между царствами, из которых состоял Китай до его объединения к концу III в. до н.э., представлялось делом исключительно ответственным». Более того, ораторское искусство получило свое развитие не только в конфуцианской традиции, но и в даосской: «...известные имена последователей и учеников Лаоцзы доказывают, что в его школе, как и в конфуцианской,

правило, предмет речи охватывает множество тем; собственно, тема – один из аспектов предмета, своеобразное «увеличительное стекло, через которое рассматривается предмет речи» [Там же, С. 36]. Тема – военно-политическая (в ней отчетливо звучат и родственно-дружеские нотки). В отличие от темы, которой посвящена вся речь (все письмо), ее тезис, то есть основная мысль, как правило, четко формулируется в виде отдельной фразы/отдельных фраз – так и здесь: «Тебе надобно поторопить Чжан Яня поскорее прислать легкую конницу. Как наступит время, разожги на севере [сигнальный] огонь...». Тезис можно противопоставить проблеме, то есть нападению неприятеля, поскольку тезис представляет собой решение проблемы. Цель – тот результат, к которому стремится автор, выдвинув тезис в ответ на проблему. У речи, как правило, две цели – общая и частная. Общая цель «определяет сам тип речи» [Там же, С. 42], а перед нами – совещательная речь. По Аристотелю, «совещательные речи ориентированы на будущее, поскольку произносятся в ситуациях, когда имеется необходимость принять наиболее правильное решение»⁵⁶⁹ [Там же, С. 43]. Частная цель служит «убеждению в определенной необходимости» [Там же, С. 42], а именно – в необходимости «поторопить Чжан Яня поскорее прислать легкую конницу» и «разжечь на севере [сигнальный] огонь». Итак, цель «Подменного письма...» – это убеждение, побуждение, предостережение. Убеждение является конечной целью любой риторической коммуникации. А если цель составления речи состоит в убеждении, значит, необходимо разработать стратегию убеждения, выстраивающую определенную структуру аргументации, ведь специально подобранные аргументы служат доказательством основной мысли речи (тезиса), способствуют убеждению в ее правоте.

Любая аргументация характеризуется наличием двух компонентов – тезиса (положения, которое необходимо доказать и обосновать) и доводов/аргументов («суждений, которые приводятся для обоснования тезиса» или же «суждений, которые приводятся в подтверждение тезиса» [Там же, С. 53]). Тезис и доводы/аргументы тесно связаны друг с другом. Тезис письма сводится к необходимости совершать действия и эксплицитно выражается в следующих строчках: «Тебе надобно поторопить Чжан Яня поскорее прислать легкую конницу. Как наступит время, разожги на севере [сигнальный] огонь, и я

кроме философии, занимались и красноречием – учили рассуждать, спорить и доказывать свои положения. Словом, эти школы являлись одновременно и школами ораторского искусства» [Позднева, 1959, С. 12].

⁵⁶⁹ Альтернативное определение для аристотелевской «совещательной речи» было дано Хазагеровым и Шириной в учебнике «Общая риторика» – они предложили называть ее «речью с установкой на действие», речью, несущей в себе заряд «надо сделать – не надо делать» [Цит. по: Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 45]. Как отмечают авторы, «в таких речах говорится о том, имеет ли смысл поступать каким-то образом, или так делать не стоит, поскольку это влечет за собой неблагоприятные последствия» [Там же]. Подобное обозначение этого типа речи может быть более универсальным, чем у Аристотеля, поскольку не связывает ее с конкретной общественно-политической ситуацией, в то время как, по Аристотелю, совещательные речи более всего подходят для выступлений на народном собрании.

тотчас выступлю». Эти строчки составляют третью часть письма (подробнее о композиционном членении – см. далее). А доводы, т.е. аргументы в пользу тезиса или основания для выдвижения тезиса, представлены в следующих строчках, образующих вторую часть письма: «[Внезапное] нападение клана Юань подобно [нападению] демонов и духов: грохот барабанов раздается повсюду, штурмовые лестницы и повозки не позволяют мне укрыться даже на вершине башни. День следует за днем, один месяц сменяет другой; нигде не найти убежища». Здесь заключены три аргумента, первый из которых подается через сравнение и разворачивается в описание-гипотипозис:

1. [Внезапное] нападение клана Юань подобно [нападению] демонов и духов:
 - а). грохот барабанов раздается повсюду,
 - б). штурмовые лестницы и повозки не позволяют мне укрыться даже на вершине башни.
2. День следует за днем, один месяц сменяет другой;
3. Нигде не найти убежища.

Аргументы подтверждают тезис: «оратор» – адресант – их выдвигает, чтобы подготовить «аудиторию» – адресата – к восприятию тезиса. Основная мысль речи – тезис – логически вытекает из доводов. Здесь налицо «прямое подтверждение» [Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 64] – тезис напрямую подтверждается доводами, или аргументами. Аргументация в развернутом виде, как правило, состоит из трех звеньев: тезиса – аргументов – демонстрации. В данном случае третье звено оказывается лишним.

Второй частью письма аргументы не исчерпываются – они подаются «от противного» и в четвертой, которая представлена следующими строчками: «Если не сделаешь этого, то после моей гибели, как ни широка Поднебесная, нигде тебе не укрыться». Здесь можно вычленить контртезис, который подается в «свернутом» виде, – «если не сделаешь этого...» («развернутый» вариант выглядел бы так: «нет надобности поторопить Чжан Яня поскорее прислать легкую конницу; нет необходимости, дождавшись условленного времени, разжигать на севере [сигнальный] огонь»). Контртезис, возможная точка зрения «оппонента», противостоит тезису, сформулированной и эксплицитно выраженной позиции «пропонента». Пропонент – автор послания, оппонент – тот, кого автор ставит своей целью убедить. Коммуникативные отношения адресант vs. адресат могут быть здесь синонимичны отношениям пропонент vs. оппонент.

У контртезиса, как и у тезиса, могут быть аргументы – аргументы в пользу контртезиса. Здесь они опущены. Вместо них вводится аргумент против контртезиса: «... то после моей гибели, как ни широка Поднебесная, нигде тебе не укрыться». Налицо транзитивные отношения («если, то...»): если не поступишь так, то ждет тебя гибель.

Промежуточное звено – доказательство – тоже пропущено, что позволяет охарактеризовать эту стратегию аргументации как «прямое опровержение контртезиса» [Там же].

Таким образом, аргументы к тезису, заключенному в третьей части, обрамляют его, будучи помещенными во вторую и четвертую. При этом задействованы две стратегии – прямое подтверждение тезиса и прямое опровержение контртезиса.

Доказательство от противного (здесь – посредством введения контртезиса и аргумента против контртезиса, которые служат прямому опровержению контртезиса) было одним из излюбленных приемов Мэнцзы⁵⁷⁰. Так и в «Подменном письме...»: ложность противоположной точки зрения проявляется в несовместимости антитезиса [контртезиса] со своим следствием [в данном случае аргумент против контртезиса по совместительству является и следствием в транзитивном умозаключении], а вывод о необоснованности (т.е. ложности) контртезиса подводит нас к выводу об обоснованности (т.е. истинности) тезиса.

Налицо комплексная стратегия убеждения – через подачу тезиса автор подтверждает истинность своей позиции, а через подачу контртезиса он стремится показать ложность позиции соперника. В соответствии со многими теориями риторики, искусный оратор должен синтезировать в своей речи разные стратегии убеждения.

Контртезис и аргумент против контртезиса играют важную композиционную роль – подкрепляя тезис, они подводят итог всему сказанному.

Если поставить вопрос о подходах к анализу этого письма, то можно заметить, что риторических элементов в нем больше, чем логических (чисто логических)⁵⁷¹: делается акцент не на рациональное, не на логическую аргументацию, а на эмоциональное – разворачивается риторическая аргументация, призванная воздействовать на эмоции. Вторая и четвертая части письма, содержащие аргументы к тезису, заключают в себе описание, а именно гипотипозис, и аргументы к человеку, т.е. пафос.

Аргумент в пользу тезиса и тезис образуют гипотипозис, а контртезис и аргумент против контртезиса – пафос⁵⁷². Гипотипозис и пафос, составляя аргументацию⁵⁷³, эмоционально воздействуют на адресата. Таким образом, две части с аргументами (вторая и четвертая) обрамляют третью – с тезисом – и тем самым формируют аргументацию.

⁵⁷⁰ У Мэнцзы «... сначала формулируется тезис, затем в порядке допущения выдвигается противоречащий ему антитезис, далее раскрывается несовместимость антитезиса со своим следствием, которое получает определение, и в итоге выявляется противоречие антитезиса тезису, подводящее к выводу об истинности тезиса» [Семененко, 2014, С. 680].

⁵⁷¹ Как отмечает Аристотель, «риторика оперирует не истинными, а лишь вероятными утверждениями; по этой причине любые рассуждения оратора не являются логическими в собственном смысле слова, они остаются квазилогическими» [Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 101].

⁵⁷² «Доказательства, исходящие от настроения слушателей» [Там же, С. 105]; здесь – угроза как аргумент.

⁵⁷³ В широком смысле слова аргументация состоит из тезиса и аргументов.

Однако элементы логики здесь тоже присутствуют. Между тезисом и контртезисом устанавливаются контрадикторные отношения («или...или»); заключительная часть – пафос – построена на транзитивных отношениях («если...то»); описание-гипотипозис можно рассматривать и как иллюстрацию (по Аристотелю, – «наведение»).

Риторические и логические элементы могут дополнять друг друга – здесь аргументы стоят и до, и после тезиса, а «в логике вывод следует за его посылками, которые являются его основанием, тогда как в риторике вывод предшествует обоснованию» [Там же, С. 103].

Кстати, вторая и четвертая части, содержащие аргументы, скрепляются возникающей параллелью «нигде не найти убежища» vs. «нигде тебе не укрыться».

Проанализировав вторую, третью, четвертую части, т.е. аргументацию, обратимся к рассмотрению всей композиции речи.

Первая часть – вступление; оно разворачивается как повествование, в узком смысле слова – как рассуждение, заявляет проблему и тему. Здесь – своего рода экспозиция, заявление проблемы и исходной ситуации, и завязка, проявление конфликта или проблемы. Вторая часть – изложение; оно получает выражение в описании и заключает аргументы⁵⁷⁴. Третья часть – предложение⁵⁷⁵; это тезис, и он несет в себе побуждение. Четвертая часть – заключение, содержащее аргументы, направленные на подтверждение через опровержение.

Разобравшись с инвенцией и диспозицией, т.е. с содержанием и планом речи, обратимся к элокуции, т.е. «наведению необходимого блеска»⁵⁷⁶ [Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 208]. Перечислим средства усиления образности, к которым прибегает автор «Подмененного письма...». Первое – амплификация, выраженная сравнением: «[Внезапное] нападение клана Юань подобно...». Это сравнение можно назвать гиперболическим – оно как раз следует за гиперболой («...трупы истекали кровью...»). Во второй части письма разворачивается фигура аккумуляции, или сгущения⁵⁷⁷. Концовки второй и четвертой частей объединены условной эпифорой⁵⁷⁸ – речь идет о невозможности обретения убежища.

⁵⁷⁴ Назначение изложения «состоит в представлении фактического материала» [Волков, 2001, С. 275], а поскольку «самыми сильными доводами являются факты, поэтому изложение занимает особое место в композиции произведения» [Там же, С. 257].

⁵⁷⁵ Предложение «представляет собой тщательно сформулированное применительно к обстановке, строению, конкретной композиции произведения главную мысль» [Там же, С. 253].

⁵⁷⁶ Риторике интересуют «не красота текста самого по себе, а воздействие на слушателя, изменение его убеждений по какому-то кругу вопросов» [Там же, С. 212]. В риторике «средства усиления образности рассматриваются с точки зрения убеждающего воздействия, в одном ряду с аргументами, выдвигаемыми в пользу отстаиваемой точки зрения» [Там же]. Здесь мы вновь видим тесное соприкосновение риторики и логики, поскольку аргументы, будучи утверждениями, сформулированными в поддержку тезиса, обладают и образностью, т.е. «способностью вызывать конкретные представления» [Там же] (см. первый набор аргументов – вторую часть письма), и выразительностью, т.е. «способностью передавать чувства» [Там же] (см. второй набор аргументов – третью часть письма).

⁵⁷⁷ Она «состоит в перечислении слов, обозначающих предметы, действия, признаки, свойства и т.п. таким образом, что образуется единое представление множественности или быстрой смены событий» [Там же, С. 313].

⁵⁷⁸ То есть «повтором конечного слова или оборота» [Там же, С. 317].

В связи со средствами художественной выразительности затронем вопрос топики. Из тех топов, которые выделяются теориями риторики, в «Подменном письме...» наблюдаются ссылка на прецедент (начало первой части), сопоставление (первая часть), описание (вторая часть), причинно-следственная связь (четвертая часть), противительная связь (стык третьей и четвертой частей).

После рассмотрения трех этапов создания речи, соответствующих трем важнейшим составляющим готовой речи, можно подвести итоги. Но прежде необходимо напомнить, что «Подменное письмо...» дошло до нас в двух вариантах. Все три составляющие речи, рассмотренные применительно к первому варианту, действительны и для второго. Различия просматриваются в несущественных деталях – в менее резких переходах от одной части к другой и в одной метафоре-сравнении («опасности надвигаются, воды вздымаются»).

Итак, «Подменное письмо...» – образец политической ораторики. Форма речи – неофициальное письмо к лицу, более низкому по положению⁵⁷⁹; цель – убеждение наряду с побуждением; письмо характеризуется коммуникативной целесообразностью, содержательным единством, смысловой завершенностью; функциональное вступает во взаимодействие с эстетическим – логическая и риторическая аргументация встраивается в художественную структуру.

2.4.2. 答张紘书. Да Чжан Хун шу⁵⁸⁰

Отвечаю на письмо Чжан Хуна

С тех пор, как я⁵⁸¹ нахожусь в Хэбэе⁵⁸², [я] разлучен с [достойными мужами] Поднебесной; здесь ведь немного [тех, кто знает толк в] словесности, [вот и] легко прослыть выдающимся талантом; посему я вынужден выслушивать сию преувеличенную похвалу, которую не

⁵⁷⁹ Письма к нижестоящим и содержат преимущественно распоряжения и наставления – например, письма Траяна к Плинию [Миллер, 1967 Б, С. 42].

⁵⁸⁰ Подстрочный перевод и текстологический комментарий были выполнены главным образом с опорой на [Саньгочжи, Ушу 8, цзюань 53], [Хань Гэпин, 1991, С. 148–149], [У Юнь, 2005, С. 175–176].

⁵⁸¹ Выбор местоимений – как первого лица («я» 予 仆; *досл.* – «слуга; Ваш слуга»), так и второго («Вы» 尔 尔 足下; *досл.* – «Ваше превосходительство») – соответствует правилам эпистолярного этикета.

⁵⁸² Хэбэй 河北 – область к северу от Хуанхэ; вероятно, письмо было составлено тогда, когда Чэнь Линь последовал за Юань Шао 袁绍 в его завоевательном походе на Цзичжоу 冀州.

заслужил⁵⁸³. Сегодня Цзин Син⁵⁸⁴ – здесь, а Вы с Цзы Бу⁵⁸⁵ – там; как говорится, младший шаман увидел старшего шамана и утратил силу духа⁵⁸⁶.

«Отвечаю на письмо Чжан Хуна⁵⁸⁷» (далее – «...Чжан Хуна») было создано в рамках обиходной переписки; в нем присутствуют тон интимной переписки, интонация эмоционального обращения и монологическое начало⁵⁸⁸. Короткое лирическое⁵⁸⁹ письмо намечает контуры душевного портрета автора – здесь вырисовываются такие грани его природы, как стремление быть рядом с достойнейшими, тоска по друзьям, думы о них («С тех пор, как я нахожусь в Хэбэе, [я] разлучен с [достойными мужами] Поднебесной»); желание услышать объективную критику, узнать мнение истинного ценителя («...здесь ведь немного [тех, кто знает толк в] словесности, [вот и] легко прослыть выдающимся талантом...»); скромность, разборчивость, вкус, способность отмечать чужие достоинства и отдавать себе отчет в своих недостатках, неприятие лести и пустой похвалы, расточаемой

⁵⁸³ Досл. – которая не отражает истинного положения вещей.

⁵⁸⁴ Цзинсин 景兴 – цзы Ван Лана 王朗, который был правителем (тайшоу 太守) области Гуйцзи 会稽 при императоре Сяньди 献帝 (181–234 гг., последний император династии Восточная Хань, в 220 г. был вынужден отречься от престола в пользу Цао Пи 曹丕). Подробнее о Цзин Сине – [Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 13].

⁵⁸⁵ Цзыбу 子布 – цзы Чжан Чжао 张昭. Это известный ученый из Восточного У 东吴, соратник Сунь Цэ 孙策 и Сунь Цюаня 孙权 (военачальника периода заката Хань и правителя У периода Троецарствия соответственно), повсеместно пользовался большим уважением. Подробнее о Цзыбу – [Саньгочжи, Ушу, цзюань 52].

⁵⁸⁶ Фраза «Младший шаман увидел старшего шамана...» «小巫见大巫...» подразумевает то, что младший шаман никогда не сможет сравниться со старшим в умении вызывать духов. Эти слова отсылают нас к *Чжуанцзы*. В энциклопедии более позднего времени «Высочайше одобренное обозрение эпохи Тайпин» (Тайпин Юйлань 太平御览) со ссылкой на *Чжуанцзы* было записано следующее: «Младший шаман, как увидел старшего шамана, так тотчас отодвинул камыш (в древности камыш использовался в ритуальных жертвоприношениях – Н.С.) и затем отбросил его в сторону – младшему не под силу тягаться со старшим» [Тайпин Юйлань, цзюань 735, Фаньшу бу 16]. «小巫见大巫, 拔茅而弃, 此其所以终身弗如也» [太平御览, 卷七百三十五方术部十六]. Впоследствии эта фраза стала метафорой некорректного сопоставления: Чэнь Линь убежден, что ему не выдержать сравнения с Ван Ланом, Чжан Хуном, Чжан Чжао. Здесь это еще и тоpos принижения себя и возвышения эпистолярного визави. Об этом топосе см. подробнее: [Richter, 2013, P. 128].

⁵⁸⁷ Чжан Хун, цзы которого – Цзыган 子纲, был родом из Гуанлина 广陵 (ныне это район Гуанлин городского округа Янчжоу 扬州 провинции Цзянсу 江苏), как и сам Чэнь Линь 陈琳. В хронике *Ушу* 吴书 говорится: «[Как-то раз] Хун увидел подушку из камфорного дерева [и] был настолько впечатлен красотой [древесных] прожилок, [составивших причудливых узоров], что, вдохновленный увиденным, [даже] написал оду. [Позднее] Чэнь Линь, оказавшись на севере, прочитал ее и с гордостью сказал: “Это сочинил мой земляк Чжан Цзыган (Чжан Хун – Н.С.)”. Впоследствии Хуну довелось читать творения Чэнь Линя – “Оду оружейному складу”, “Отвечаю на упреки”, – и в переписке с Чэнь Линем он восторгался его мастерством. Линь же в ответ направил ему послание “Отвечаю на письмо Чжан Хуна”» [Саньгочжи, Ушу, цзюань 53]. “纆见楠榴枕, 爱其文, 为作赋. 陈琳在北见之, 以示人曰: ‘此吾乡里张子纲所作也.’ 后纆见陈琳作 “武库赋”、“应讯论”, 与琳书深叹美之. 琳答曰: ‘自仆在河北...’ ” [三国志, 卷五十三, 吴书八]. Подробнее о Чжан Хуне см.: [Саньгочжи, Ушу, цзюань 53] [三国志, 卷五十三, 吴书八].

⁵⁸⁸ В трактате «О слоге», приписываемом Деметрию Фалерскому, отмечается, что «письмо должно быть самым полным выражением нравственного облика человека <...>; во всяком сочинении словесного искусства можно разглядеть характер пишущего, но больше всего в письме» [Миллер, 1967 А, С. 7–8]. Аналогичным образом характеризует сущность письма Лю Се 刘勰, на что обращает внимание Л.Е. Померанцева: «“Письмо – это звук сердца” и в нем “можно выразить блеск своего таланта”, то есть оно представляет собой лирическое излияние, которому придана литературная форма» [Померанцева, 1979, С. 50–51]. Лирическую природу письма стали отмечать вслед за Лю Се многие китайские теоретики литературы более позднего времени. А восходит эта мысль в китайской традиции едва ли не к Мэнцзы 孟子, который понимал речь как речевую активность-ци, означающую словесную актуализацию человеческой сущности [Семененко, 2010, С. 487–495].

⁵⁸⁹ Лирическое в широком смысле слова.

невеждами («...посему я вынужден выслушивать (эту) преувеличенную похвалу, которую не заслужил»); готовность отдавать другим должное в их достижениях и признавать превосходство их достижений над своими («Сегодня Цзин Син – здесь, а Вы с Цзы Бу – там; как говорится, младший шаман увидел старшего шамана и утратил силу духа»). «...Чжан Хуна» есть ни что иное, как выражение дружбы.

В соответствии с «Типами писем» оно может быть определено как «ответное» и «дружеское» «хвалебной» направленности, по Цицерону – как «интимное», «личное», «дружеское», а по классической византийской классификации – как «дружеское».

Даже при беглом ознакомлении с «...Чжан Хуна» бросается в глаза, что начало и конец письма написаны не по трафарету. Хотя очевидна связь письма с биографическими фактами, оно лишается конкретной ситуативной привязки и обретает свое самостоятельное, полноценное существование в качестве художественного произведения. Из трех звеньев эпистолярной ситуации (автор – сообщение – адресат) значение второго сводится к минимуму. Письмо лирично – на первый план в нем выходят эмоция, настроение, характер, а не передача информации. Здесь три адресата – Чэнь Линь обращается одновременно к трем своим друзьям (это Цзин Син, Чжан Хун, Цзы Бу), хотя в заглавии значится имя одного Чжан Хуна. Послание предстает как краткая дружеская записка.

В письме нет ни эпистолярных формул, ни риторических штампов, ни стилистических фигур, ни ораторских приемов (за исключением обращения к адресату), нет здесь и фабульности; налицо – выражение дружеского чувства без намека на фамильярность, проявление уважительного отношения с оттенком покорности, признание превосходства друзей над собой, заверение их в привязанности и преданности. Здесь едва ли проявляются такие черты, как «диалогичность», как «сюжетность», – все внутреннее пространство письма заполнено «лиричностью».

В отличие от писем, рассмотренных ранее, «...Чжан Хуна» практически не являет читателю никаких логических рассуждений. Отчетливо вырисовывается лишь цель – заверение в дружеских чувствах, смыкающихся в общей точке увлечения изящной словесностью; предмет, тему, проблему и тезис речи сформулировать уже сложнее.

Речь в письме складна, легка, ясна, а изящества его простому очарованию придает краткая сентенция, замыкающая письмо, – «как говорится, младший шаман увидел старшего шамана и утратил силу духа». В большинстве античных письмовников отдельно оговаривается, что автор, вплетая в ткань письма сентенции, пословицы, изречения, делает ее более приятной, если же, конечно, не злоупотребляет ими. Собственно, аллюзия, трансформировавшаяся в развернутую метафору, является единственной фигурой и единственным полноценным средством речевой выразительности в тексте этого письма.

Перед нами – краткая дружеская записка. Участники переписки – земляки, единомышленники, политические фигуры и поэты одновременно. Пользуясь терминологией Аристотеля, разделяющего речи на совещательный, судебный и эпидейктический типы, можно условно назвать это письмо (речь в нем) эпидейктическим, поскольку в какой-то мере оно содержит похвалу адресату, однако, если назвать, то с оговоркой – похвала здесь является средством заверения адресата(-тов) в актуальности дружбы. Действительно, основная цель, заложенная в письме, – утверждение достоинств друга(-зей) («[я] разлучен с [достойными мужами] Поднебесной...»), признание превосходства друга(-зей) над собой («младший шаман увидел старшего шамана и утратил силу духа») и заверение его(их) в дружеских чувствах, которые к нему(ним) питает автор. Причем дружба и друг рассматриваются здесь под любопытным углом зрения: они важны как художественно-интеллектуальный, литературно-культурный обертон, необходимый для поддержания высоты собственного тона – высоты как в прямом, так и переносном смысле слова, – ибо для Чэнь Линя все три упомянутых друга (Цзин Син, Чжан Хун и Цзы Бу) представляются образцом, на который он стремится равняться, пусть даже в этом он и обречен на поражение – «младший шаман увидел старшего шамана и утратил силу духа».

Предмет речи в «...Чжан Хуна» – нехватка объективной оценки творчества, отсутствие явленного осязаемого образца, дезориентация в кругу профанов. Тема речи – разлука с друзьями-литераторами, подлинными ценителями истинного творчества, настоящими художниками слова. Тезис – все тот же «младший шаман увидел старшего шамана и утратил силу духа» (пусть в своем нынешнем окружении Чэнь Линь и лучший, но он сам знает цену своему творчеству, и она, по его мнению, не столь высока). Проблема – физическое и духовное одиночество, порождающее одиночество в творчестве. Цель звучит весьма отчетливо (заверить друга в своих дружеских чувствах), при этом эхом отзывается идея – как для жизни, так и для творчества необходим идеал. И таким причудливым образом Чэнь Линь переплетает здесь два лейтмотива, дружбы и творчества, которые оказываются для него неразрывно связанными друг с другом.

2.4.3. 为曹洪与魏文帝书. Вэй Цао Хун юй Вэй Вэньди шу⁵⁹⁰

Письмо к Вэй Вэньди, [написанное] за Цао Хуна

I. Вступительная часть.

Пятого дня одиннадцатого месяца Хун пишет:

⁵⁹⁰ Подстр. перевод и текст. комментарий были выполнены главным образом с опорой на [Вэньсюань, цзюань 41], [Хань Гэпин, 1991, С. 152–159], [У Юнь, 2005, С. 176–184]. У У Юня – “为曹洪与魏太子书”.

Давеча, в первом [бою], нанесли поражение злодею⁵⁹¹, чувствами охвачены, мыслями полны, [и в] речах несколько преувеличены деяния. Получил [Ваше] письмо двадцатого дня девятого месяца⁵⁹²; читая его, радовался, смеялся, никак не мог налюбоваться. [И] тогда пожелал [я] повелеть Чэнь Линю написать ответ. Линь в ту пору был занят, не мог исполнить [просьбу]. [Чем] дальше устремляюсь [я] в помыслах и чаяниях [своих], [тем] радостнее [мне], [тем] более [они] овладевают думами моими. [Хотел бы Вам] сказать [столь] много, [что] всего и не перечить; [лишь] главное [я выбрал] кое-как⁵⁹³, [и Вас прошу я] отнестись к сему как к шутке.

II. Основная часть.

1.

(1) Местность Ханьчжун⁵⁹⁴ воистину труднопроходима: [ни] четыре вершины⁵⁹⁵, [ни] три пика⁵⁹⁶ не могут [по опасности] с нею сравниться. (2) Противник вооружен до зубов и многочислен, [его] укрепления неприступны, один [его] воин с алебардой [способен] путь преградить десяткам тысяч солдат. (3) Однако войско наше одолело их: подобно хищной рыбе прорвало [их] искусно сплетенные сети, подобно свирепому буйволу разорвало [их] [тонкие] луские шелка – даже таким сравнением не передать, как оказалось все просто. (4)

⁵⁹¹ Под «злодеем» 贼 подразумевается Чжан Лу 张鲁, который занял область Ханьчжун. Согласно *Саньгочжи* (а именно – «Записям об императоре Уди» *Уди цзи* 武帝纪), Цао Цао в четвертом месяце выступил с походом на Чжан Лу, в седьмом месяце атаковал заставу Янпин 阳平, казнил генерала Ян Жэня 杨任, вошел в уезд Наньчжэн 南郑 области Ханьчжун (ныне – восточная часть округа Ханьчжун провинции Шэньси), в одиннадцатом месяце Чжан Лу сдался [*Саньгочжи*, *Вэйшу*, *цзюань 1*].

⁵⁹² Ваше письмо. Цао Пи двадцатого дня девятого месяца прислал письмо; несколько строчек из него: «Теперь Лу преисполнен злыми намерениями, самовластно осуществляет свое пагубное правление...» [*Вэньсюань*, *цзюань 41*]; «Теперь Лу жесток, подобно мяо и Цзе, свиреп, подобно Ливану и Ван Ману, он применил все хитрости сунского Ди, все уловки Тянь Даня (со шкурами буйволов – *H.C.*), все маневры с восемью боевыми порядками Сунь и У, но и это ему не помогло» [*Вэньсюань*, *цзюань 41*]. “今鲁包凶邪之心，肆蛊惑之政。。。” [昭明文选，卷四十一 书上]；“今鲁罪兼苗、桀，恶稔厉、莽，纵使宋翟妙机械之巧，田单聘奔牛之诞，孙吴勒八阵之变，犹无益也” [昭明文选，卷四十一 书上]. Мяо – племя. Цзе – деспот, правитель-злодей (по имени Цзе, последнего правителя династии Ся). Ливан – один из правителей Чжоу. Ван Ман – один из китайских императоров Восточной Хань. Ди – древнекитайский философ, изложивший теорию военной стратегии в своем трактате *Моцзы*. Тянь Дань – сановник царства Ци периода Сражающихся царств. Сунь и У – *Суньцзы* и *Уцзы*, военные трактаты периода Сражающихся царств.

⁵⁹³ «[Хотел бы Вам] сказать [столь] много, <...> [лишь] главное [я выбрал] кое-как ...». Здесь – топос неполноценности эпистолярного общения. Подробнее см.: [Richter, 2013, P. 136]. Мысль об обреченности слов на неадекватное выражение смысла, спроецированная на художественную словесность (подробнее см.: [Семененко, 1999, С. 53]) самим даосским мировосприятием (подробнее см.: [Малявин, 2002, С. 20]), стала предметом философских и литературных диспутов в раннесредневековом Китае, особенно с распространением культуры *сюаньсюэ* в III и IV вв. [См. подробнее: Egan, 1998, pp. 297–303; Liu, 1986, pp. 49–70; Lynn, 2001, pp. 83–98].

⁵⁹⁴ Ханьчжун 汉中 – область в южной части нынешней провинции Шэньси; канцелярия правителя области располагалась в Наньчжэне 南郑.

⁵⁹⁵ Четыре вершины 西岳 – восточная вершина Тайшань 泰山, западная Хуашань 华山, южная Хэншань 衡山, северная Хэншань 恒山.

⁵⁹⁶ Три пика 三涂 – Тайхан 太行, Хуаньюань 轘辕, Сяошэн 崤澠. В комментарии *Цзочжуань* сказано: «Четыре вершины и три пика – [самые] труднопроходимые места из девяти областей Поднебесной» [*Цзочжуань*, Чжаогун (1-й г. – 10-й г.)]. “四岳三涂。。。九州之险也” [春秋左传，昭公（元年～十年）].

Хотя и говорят, «войско государево [лишь] в карательные походы ходит, но не ведет [настоящей] войны»⁵⁹⁷, однако в древности частенько так случалось, что неправый был силен. (5) Вот почему при танском и юйском правителях⁵⁹⁸ дикие варвары⁵⁹⁹ тревожили *Хуася*⁶⁰⁰, а [в период] процветания [при] чжоуском Сюаньване⁶⁰¹ враждовали с Великим царством⁶⁰². (6) *Ши* и *Шу*⁶⁰³ воспевают [ту] пору, повествуют о [тех] тяготах, и причиной тому опасность и дальность [походов] – вот так. (7) Поэтому, глядя на эту местность, [если и] назовем ее обитателей людьми с заурядными способностями, [то] все равно не так уж и легко [их] быстро одолеть. (8) В Вашем указе⁶⁰⁴ перечисляются их страшные злодеяния, описываются наши обширные благодеяния, разве не так? (9) Именно [потому, что так], Ся [и] Инь⁶⁰⁵ погибли, [а] мяо и Ху⁶⁰⁶ были уничтожены; именно поэтому мы победили, [и] именно поэтому они проиграли. (10) А как иначе чжоусцы шанцев⁶⁰⁷ одолели бы? (11) Тогда демоны⁶⁰⁸ были глухи и слепы⁶⁰⁹; Чун Ху⁶¹⁰ был интриганом и злодеем; Инь⁶¹¹ был беспощадным тираном; все они были гнусны. (12) Однако в период *Гаоцзун*⁶¹² карательный поход три года длился, [а] у *Вэньвана*⁶¹³ в войске всяк воин выучку имел, [и то] [*Уван*] [аж]

⁵⁹⁷ «Войско государево [лишь] в карательные походы ходит, но не ведет [настоящей] войны» – видоизмененная цитата из «Истории [династии] Хань» (*Ханьшу* 汉书). В *Ханьшу*, в разделе «Жизнеописание Янь Чжу» (*Янь Чжу чжуань* 严助传), сказано: «Министру доложили, что армия наследного принца лишь в карательные походы ходит, но не воюет; [он] в ответ сказал, что принца поучать он не осмелится» [*Ханьшу, цзюань 64 шан*]. “臣闻天子之兵有征而无战，言莫敢校也”[汉书，卷六十四上].

⁵⁹⁸ При *танском* и *юйском* правителях – во времена Яо и Шуня.

⁵⁹⁹ Дикие варвары – те, кто жили за пределами *Чжуньюань* (Центральной равнины), *Хуася*.

⁶⁰⁰ *Хуася* – собственно китайские, неварварские земли.

⁶⁰¹ Чжоуский Сюаньван – правитель династии Западная Чжоу; его называли премудрым сановником (*сяньчэнь* 贤臣); он воевал против варваров: на севере – против *сяньюнь* (*сюнну*), на юге – против *цзинманей* (чуских инородцев), *хуай’и* (инородцев племени *хуай*), *сюйжунув*. Его называли *чжун син чжи цзюнь* 中兴之君 – государем эры процветания.

⁶⁰² Под Великим царством подразумевается Западное Чжоу. В *Шицзине*, в одной из песен, есть строки: “蠢尔荆蛮，大邦为仇” «Как вы, варвары цзинской земли, бестолковы – // Стать врагами посмели великой стране» («О походе воеводы Фан Шу на южных варваров II, III, 4») [Шицзин, 1987, С. 146].

⁶⁰³ *Ши* и *Шу* – *Шицзин* и *Шуцзин*.

⁶⁰⁴ Ваш указ – вежливая форма ссылки на письмо собеседника, т.е. предыдущего(-ее) письма(-о) от Цао Пи.

⁶⁰⁵ Ся 夏 и Инь 殷 – первые династии Китая. Скорее всего, под Ся имеется в виду Ся Цзе 夏桀 (государь позднего периода правления династии Ся, тиран и распутник), а под Инь – Инь Чжоуван 殷纣王 (последний государь династии Инь, жестокий деспот).

⁶⁰⁶ Мяо 苗 – название древнего племени (также – саньмяо). Ху 扈 – название древнего царства, располагалось в районе нынешней провинции Шэньси.

⁶⁰⁷ Шан и Чжоу 商周 – династии Шан (1766–1122 гг. до н.э.) и Чжоу (1122–247 гг. до н.э.).

⁶⁰⁸ Демоны 鬼方 (*гуйфан*, досл. – страна, край *гуев*) – варвары. Под демонами здесь подразумеваются северо-западные варварские племена, тревожившие царства Инь и Чжоу.

⁶⁰⁹ Глухи и слепы – невежественны.

⁶¹⁰ Чун Ху 崇侯虎 – Чун Хоуху, правитель древнего царства Чун.

⁶¹¹ Инь 殷 – Инь Чжоуван.

⁶¹² *Гаоцзун* 高宗 – девиз правления У Дина 武丁, основателя династии Шан; позднее его самого стали называть Гаоцзун, а период его правления – эрой процветания Шан-Инь. В *Ицзине* 易经, в разделе *Цзи цзи* 既济 (дословно – «Уже конец»), посвященном 63-ей гексаграмме, сказано: «Гаоцзун пошел карательным походом на демонов [досл. – в край *гуев*, т.е. на варваров] и три года их усмирлял. “高宗伐鬼方，三年克之”[易经，第六十三卦 既济 水火既济 坎上离下].

⁶¹³ *Вэньван* 文王 – Чжоу *Вэньван* 周文王, отец *Увана* 武王, первого правителя китайской династии Чжоу.

дважды Мэнцзинь⁶¹⁴ атаковал, [и лишь] [на второй раз] [он] вражескую армию разбил и Инь одолел – таковы были военные заслуги. (13) Как могли бы [действовать они так, как действует наш враг сегодня:] подобно звездам стекаться, подобно лучам собираться, подобно урагану обороняться, подобно молнии атаковать, стремительно мчаться по горам и рекам, от рассвета до заката одерживать победы, [как делает это наш враг сегодня]? (14) Поэтому [наш] враг отнюдь не глуп, а [его] посредственный гарнизон, был бы он посредственным, не мог бы быть столь бдителен. (15) [Если бы он был] посредственным, то не мог бы быть таков, [каков он был].

2.

(1) Однако [Вы] в своем извещении⁶¹⁵ указываете, будто враг свиреп и жесток и [что] пусть бы даже [у Вас были] Сунь⁶¹⁶, Тянь⁶¹⁷, Мо⁶¹⁸, быки⁶¹⁹, [никак] не возможно спастись; [но я] в душе [все же] сомневаюсь [в истинности этих слов]. (2) Почему же? (3) В древности, когда воевали, [то знали]: хотя вражеские царства и погружены в хаос, [в них все же] есть мудрецы; поэтому [против этих царств] не выступали в походы. (4) Так три человеческих⁶²⁰ [древности] не покидали [Инь], и (чжоуский) Уван отозвал [свои] войска; [так] Гун Ци⁶²¹

⁶¹⁴ Мэнцзинь 孟津 – название древней местности, которая располагалась на территории уезда Мэнцзинь нынешней провинции Хэнань. В «Исторических записках» (*Шицзи* 史记), в разделе «Основные записки династии Чжоу» (*Чжоу бэнь цзи* 周本纪), сказано: «Уван на девятый год поднял свою армию и повел ее на Мэнцзинь, чтобы [таким образом] испытать войска; на стороне Увана было 800 чжухоу (местных вассальных князей – Н.С.), однако он посчитал, что время еще не подошло, и отступил; на одиннадцатый год, в двенадцатом месяце, Уван узнал, что Чжоу (Чжоу – посмертное имя Ди Синя, последнего царя династии Инь, его имя стало нарицательным для обозначения правителя крайней жестокости – Н.С.) бесчинствует и свирепствует, вновь выступил в поход, дошел до Мэнцзина, заручился поддержкой всех чжухоу, взял в осаду Муе (древний город, располагавшийся на территории нынешней провинции Хэнань; вероятная столица царства Шан – Н.С.) и сокрушил царство Инь [Шан-Инь]» [*Шицзи, цзюань* 33]. “武王九年，兴师至孟津以观兵，有八百诸侯相助，武王认为时机不成熟而归。十一年十二月，武王闻纣昏乱暴虐，再次兴师渡孟津，诸侯皆助，遂有牧野之役而灭殷”[史记，卷三十三，鲁周公世家第三].

⁶¹⁵ «Ваше извещение» – вежливое именование письма собеседника, т.е. предыдущего письма от Цао Пи.

⁶¹⁶ Ссылка на Сунь У 孙武, которого Цао Пи упоминает в своем письме. Сунь 孙 – известный стратег царства Ци 齐 时期 *Чуньцю*.

⁶¹⁷ Тянь 田 – ссылка на Тянь Даня 田单, уроженца царства Ци периода *Чжаньго*, который придумал при обороне крепостных стен использовать огненных быков для внезапной атаки на вражеские войска.

⁶¹⁸ Мо 墨 – ссылка на основателя школы моистов Мо Ди 墨翟 (Цао Пи в своем письме называет его Сунский Ди, поскольку он служил *дафу* 大夫 в царстве Сун; кстати, из-за этого рожденного в Лу и умершего в Чу Моцзы нередко называли сунцем), который призывал к всеобъемлющей любви 兼爱, отрицанию кровавых нападений 非攻, искусному использованию (военной) техники.

⁶¹⁹ Быки 犛 – быки, которых Тянь Дань использовал для атаки на вражеские войска.

⁶²⁰ Три человеческих (*Сань жэнь* 三仁): Вэйцзы 微子, Цзицзы 箕子, Би Гань 比干 – три мудреца из Шан времени правления Инь Чжоувана. По «Историческим запискам» 史记, разделу «Основные записки династии Чжоу» 周本纪, когда Чжоу Уван в первый раз собрал армию для похода на Мэнцзинь, три человеческих были еще в Инь [Шан-Инь], [и поэтому] Уван развернул ее назад, однако в скором времени, как он узнал, что три человеческих уже покинули [Инь], он вновь повел на него свои войска [*Шицзи, цзюань* 4, *Чжоубэньцзи*]. “周武王首次会师孟津，其时三仁尚在殷朝，武王还师。不久，三仁皆去，武王便二次兴师”[史记，卷四周本纪].

⁶²¹ Гун Ци 宫奇 – сановник-*дафу* Гун Чжици 宫之奇 царства Юй 虞 时期 *Чуньцю*. По комментарию *Цзочжуань*, разделу «Пятый год правления Сигуна» (*Си гун у нянь* 僖公五年), цзиньский Сяньгун 晋 献公 убеждал правителя Юй выступить в поход против Го 虢, Гун Чжици призывал этого не делать, правитель Юй его не послушал, что обернулось для Юй катастрофой [*Чуньцю Цзочжуань, Сигун, 1-й г.–33-й г.*].

оставался в [царстве] Юй, и [царство] Цзинь не выступило [против Юй] в поход; [так] Ци Лян⁶²² находился в [царстве Суй], и мощное [царство] Чу перестало плести свои интриги. (5) [Когда же] доходит до того, что мудрецы все прочь бегут, то [все] три царства⁶²³, [разрушаясь], превращаются в руины. (6) Очевидно, что, [хоть эти царства и] беспутны⁶²⁴, в них [все же] есть те люди, [которые] могли бы прийти на помощь. (7) Притом [они владеют] искусством обороны Моцзы⁶²⁵, [их] пояса – городская стена, [которая] высока и неприступна, [а их] разломленные палочки для еды – орудие для обороны, [которое] надежно и несокруσιμο. (8) Если [они] отступят от Янпина, обоснуются в Шимэне⁶²⁶, выстроят войска [по принципу] восьми порядков⁶²⁷, задействуют мчащихся быков⁶²⁸, [то неужели] смирятся они с тем, чтобы обвалиться, подобно земле, и сгнить, подобно рыбе⁶²⁹? (9) Если бы [их] оборона не [была] искусна, а все [атакующие] смогли бы перебраться [через их укрепления], то Гуншу⁶³⁰ уже взобрался [бы] на стены царства Сун, [а] Юэ И⁶³¹ уже захватил [бы] Цзимо. (10) Как приобрело славу искусство [обороны городов] Мо Ди? (11) Как стала цениться мудрость Тянь Дая? (12) Я⁶³² невежественен, прежде [мне об этом] не доводилось слышать.

3.

(1) Как-то раз услышал [я] о человеке из Гаотана⁶³³, [который] подражал народным песням [в исполнении] Ван Бао⁶³⁴. (2) [Он] объездил [тех, кто жил в районе рек] Суй и

⁶²² Ци Лян 季梁 – сановник царства Суй 隨 периода Чуньцю. По Цзочжуань, разделу «Шестой год правления Хуаньгуна» (Хуаньгун лю нянь 桓公六年), чуский Уван 楚武王 напал на Суй, а благодаря советам, которые Ци Лян давал правителю Суй, чуские войска вскоре отступили [Чуньцю Цзочжуань, Хуаньгун, 1-й г.–18-й г.].

⁶²³ Три царства – Инь 殷, Юй 虞, Суй 隨.

⁶²⁴ Беспутны (у дао 无道), т.е. «лишены пути»; здесь возможны даосские коннотации.

⁶²⁵ В трактате Моцзы “墨子”, в разделе, отведенном Гун Шу, говорится, что Гун Шупань 公输盘 / Гун Шубань 公输班 изготовил чускому вану (вану царства Чу) штурмовые лестницы для нападения на Сун, Моцзы же отправился вести переговоры, снял свой пояс и на его примере рассуждал о городской стене, взял маленькие деревянные палочки и на их примере рассуждал о механизмах, технике для обороны городской стены; тем самым Гун Шу и Моцзы померились друг с другом знанием военного дела; в итоге Гун Шу был разгромлен, и чуский ван отказался от планов нападения на Сун [Моцзы, цзюань 13].

⁶²⁶ Янпин 阳平 и Шимэнь 石门 – названия застав.

⁶²⁷ Восемь порядков (ба чжэнь 八阵) – Восемь боевых порядков (Восемь построений войск).

⁶²⁸ Мчащиеся быки. Аллюзия на Тянь Дая, уроженца царства Ци периода Чжаньго, который придумал при обороне крепостных стен использовать огненных быков для внезапной атаки на вражеские войска.

⁶²⁹ Потерпеть полный крах; метафора смуты в царстве, ведущей к его гибели.

⁶³⁰ Гуншу 公输 – Гуншу Пань.

⁶³¹ Юэ И 乐毅 – известный полководец царства Янь 燕 燕国 периода Чжаньго; водил свои войска на царство Ци 齐国, взял штурмом более семидесяти городов, лишь Цзимо 即墨 и Ин 莒 ему не подчинились.

⁶³² Я (Лао фу 老夫); досл. – «старый муж»; как правило, так себя называет старик.

⁶³³ Гаотан 高唐 – название городка в царстве Ци периода Чуньцю; был расположен на территории нынешней провинции Шаньдун; там некогда жил певец Мяннь Цзюй 绵驹.

⁶³⁴ Ван Бао 王豹 – искусный исполнитель народных песен царства Вэй 卫国 периода Чуньцю, жил на берегу р. Цишуй 淇水. В трактате Мэнцзы, в части, посвященной Гаоцзы (“孟子。告子”), говорится: «В прошлом Ван Бао жил у реки Ци, и к западу от Желтой реки искусно напевали. А Мяннь Цзюй жил в Гаотане, и на правой стороне княжества Ци искусно пели» [Ранняя конфуцианская проза: «Луньью». «Мэнцзы», 2016, С. 341]. “昔者王豹处于淇，而河西善讴；绵驹处于高唐，而齐右善歌” [孟子，卷十二 告子章句下].

Хуань⁶³⁵, обучился [у них] изящному мастерству⁶³⁶. (3) Когда [же] [он] пришел в область И⁶³⁷, [то] проникся почтением к литературному наследию Сыма, Яна, Вана⁶³⁸, преисполнился намерением превзойти [их], поэтому [он] приложил немало усилий к сочинительству и стал не похож на себя прежнего. (4) [А клеймить меня] странным, пренебрегать [мною], как [некогда] дворовым Цюем⁶³⁹, [осуждать], что я попросил кого-то [написать за меня письмо]⁶⁴⁰, – как можете говорить такое? (5) Лу и Цзи⁶⁴¹, понурив головы⁶⁴², устремляются в лесные дали, гуси и воробьи прячут крылья в прудах и озерах, презренный люд наверняка думает, [что это] обычные птицы из парков, неблагоприятные [кони] из конюшен. (6) Если [они] напрягают мышцы, расправляют крылья, взмывают ввысь, окидывают взором тысячи *ли*, разве можно сказать, что [они] одолжили крылья у птицы Чэньфэн⁶⁴³, а копыта – у зверя Любо⁶⁴⁴? (7) Боюсь, [что Вы] так и не поверили словам Цюя⁶⁴⁵, наверняка [только] рассмеялись⁶⁴⁶.

⁶³⁵ Суй 睢 и Хуань 涣 – названия древних рек, бассейны которых располагались в районе нынешней провинции Хэнань. В комментарии говорится: «[В районе] между [реками] Суй и Хуань создавали творения, узоры на них были расшиты разноцветными шелками, днями и месяцами [там] украшали парадные одежды, чтобы с почтением вручить государю его царское платье» [Цит. по: *Вэньсюань, цзюань 41*]. “传”云: “睢涣之间出文章, 故其黼黻絺绣, 日月华虫, 以奉宗庙御服焉” [昭明文选, 卷四十一 书上].

⁶³⁶ Искусству изготовления парадных одеяний с тонкой вышивкой.

⁶³⁷ Область И 益州 – в Ханьжуне. Область И располагалась на территории нынешней провинции Сычуань.

⁶³⁸ Сыма – Сыма Сянжу 司马相如, Ян – Ян Сюн 杨雄, Ван – Ван Бао 王褒; все трое – известные литераторы эпохи Хань, все они происходили из области И.

⁶³⁹ Дворовый Цю (Цзя цю 家丘) – Цюй с восточного двора (Дун цзя цю 东家丘), т.е. Кун Цю 孔丘 – Конфуций. Западные соседи Конфуция ничего не знали о его способностях и эрудиции, пренебрежительно называли его Цюем с восточного двора. Впоследствии эта история стала притчей о поведении невежественных людей.

⁶⁴⁰ Цао Пи в своем предыдущем письме указывает, что, по его мнению, за Хуна писал письмо кто-то другой.

⁶⁴¹ Лу и Цзи 绿骥 – Луэр 绿耳 (конь с зеленоватыми ушами) и Чици 赤骥 (бурый рысак); легендарные быстроногие скакуны; двое из восьми знаменитых скакунов чжоуского Мувана 周穆王, которые преодолевали за день расстояние в тысячу *ли*.

⁶⁴² Досл. – свесив уши; устоявшаяся метафора для передачи удрученного состояния (духа) коня.

⁶⁴³ Чэньфэн 晨风 – хищная птица, напоминающая ястреба. Упоминается в *Шицзине* в песни “晨风”: «То сокол, как ветер, летит в небесах, // Он в северных рыщет дремучих лесах» («Тоска по мужу» I, XI, 7) [*Шицзин*, 1987, С. 106]. А. Штукин перевел Чэньфэна как сокол.

⁶⁴⁴ Любо 六驳. В словаре *Эръя* 尔雅 (древнейший китайский толковый словарь, составленный ок. 3 в. до н.э.) указано: «Бо похож на лошадь, у него острые клыки, которыми он пожирал тигров и леопардов» [*Эръя*, *Шишоу* 18]. “驳如马, 偃牙, 食虎豹” [尔雅, 释兽第十八].

⁶⁴⁵ Цю 丘 – Цю с восточного двора (Дун цзя цю 东家丘); это обозначение относилось к Конфуцию, западные соседи которого не подозревали о его выдающихся талантах; здесь самоирония Цао Хуна.

⁶⁴⁶ Сравнение письма со встречей (пример из «Письма У Цзичжуну»: «[я] читал [Ваше письмо] вновь и вновь, ясно видя Вас [перед] собою»), а переписки – с разговором (пример из «Письма к Вэй Вэньди, [написанного] за Цао Хуна» Чэнь Линя: «Боюсь, [что Вы] так и не поверили словам Цюя, наверняка [только] рассмеялись») становится распространенным явлением в раннесредневековой китайской эпистографии. Лю Се в *Вэньсинь дяолун* одобрительно высказывается о тех письмах, в которых текст составлен так, будто это речь, произносимая перед собеседником» [*Вэньсинь дяолун*, 25 *Шуцзи*]: “详观四书, 辞若对面” (第二十五篇 – “书记”) – «обстоятельно изучаю Сышу, текст [составлен так], будто [это речь, произносимая] перед собеседником» (пянь №25 – *Шуцзи* «Письма и записки»). Янь Чжитуй в *Яньши цзясюнь* («Домашние поучения рода Янь») ссылается на одно из южных изречений, гласящих, что «письма [в мгновение] переносят лица своих авторов за тысячи миль» [Янь Чжитуй, 19]: “尺牍书疏千里目也” (第十九篇 – “杂艺”) – «письма [в мгновение] переносят лица своих авторов за тысячи миль» (пянь №19 – *Цзай* «О всевозможных искусствах»). Можно предположить, что письмо производило наибольший эффект, если оно оборачивало пишущего в говорящего, а чтение – в разговор лицом к лицу. Западная эпистография, начиная с античности,

III. Заключительная часть.

Хун пишет.

«Письмо к Вэй Вэньди, [написанное] за Цао Хуна» / «Письмо к Вэйскому тайцзы, [написанное] за Цао Хуна» (далее – «Письмо к Вэй Вэньди...»)⁶⁴⁷ – послание от Цао Хуна 曹洪⁶⁴⁸ к Цао Пи 曹丕, составленное Чэнь Линем 陈琳. В связи с этим встает вопрос двойного авторства: Чэнь Линь выполнял лишь техническую функцию, или же он работал и над замыслом? Кем считать Чэнь Линя – автором, соавтором, писцом/скриптором, редактором?

«Письмо к Вэй Вэньди...», хотя и встроено в переписку частных лиц, несет в себе заряд риторического «открытого» послания, рассчитанного на широкую аудиторию, публичный эффект, глубокое воздействие, цель которого – убедить читателя/слушателя⁶⁴⁹. Оно выходит за рамки обиходной переписки и входит в сферу изящной словесности.

В «Письме к Вэй Вэньди...» налицо присутствие публицистического и дидактического начала. В нем даже просматриваются черты письма-проповеди⁶⁵⁰ (в самом широком смысле слова) – здесь присутствует устно-риторическое, эмоционально-ораторское начало, и оно ощутимо. На практике письмо-проповедь канализируется в два русла – поучительных писем и писем на этические темы. Так и здесь проявляются как фактографический описательно-повествовательный характер изложения событий, что присуще поучительным письмам, так и влияние риторики, что свойственно письмам на этические темы. Также здесь вырисовывается эпистолярная «этопея».

К письму применим тезис о том, что «письмо – это сжатое выражение дружеского расположения» [Деметрий, 1978, С. 274], хотя акцент с утверждения личных, частных отношений смещается в сторону изъявления общественных, социальных воззрений.

выделяла способность письма имитировать живое общение (*parousia*) как одну из его важнейших задач [См. подробнее: Koskeniemi, 1956, ss. 38–42, 172–180; Клауск, 2006, pp. 191–193]. В китайской традиции первым автором, сформулировавшим идею письма как попытку заменить собой фактический разговор тет-а-тет, был Цай Юн, который провозгласил в своей работе *Шу* («Письмо»), что «если нет надежды свидеться, то лишь разводы кисти заменят встречу» [Янь Кэцзюнь. *Цюань Хоу Хань вэнь, цзюань 73*: “相见无期。惟是笔迹。可以当面” (卷 73) – «если нет надежды свидеться, то лишь разводы кисти заменят встречу» (*цзюань 73*).

⁶⁴⁷ Письмо было написано на 20-й г. *Цзяньань* – в 215 г.; оно относится к тому периоду, когда Цао Хун (*цзы* – Цзылянь 子廉), младший двоюродный брат Цао Цао 曹操, занимавший пост полководца при *духу* 都护 (наместнике), вернулся из западного похода на Ханьчжун 汉中, в который он последовал за Цао Цао как раз на 20-й г. *Цзяньань*. Послание адресовано Цао Пи. Несмотря на то, что в заглавии он именуется как Вэй Вэньди / Вэйский тайцзы, тогда Цао Пи занимал пост *угуань-чжунланцзяна* 五官中郎将 (начальника дворцовой стражи) – к тому времени он еще не стал наследным принцем.

⁶⁴⁸ Подробнее о Цао Хуне см.: [*Саньгоцжи, Вэйшу, цзюань 9*], [*Вэньсюань, цзюань 41*].

⁶⁴⁹ В античности, к примеру, почти все письма были «открытыми» – «это не значит, что они предназначались для немедленного широкого опубликования, но это значит, что человек, который писал письмо другу, твердо знал, что его письмо прочтет не только адресат, но и другие его друзья, а многие из них перепишут письмо для себя и покажут собственным друзьям, и так далее, и поэтому он заботился о легкости изложения и о красоте слога не менее, чем если бы писал речь или трактат» [Миллер, 1967 А, С. 3].

⁶⁵⁰ На Западе из публицистических и дидактических писем вырастали письма-проповеди и письма-трактаты.

В соответствии с трактатом «Типы писем», «Письмо к Вэй Вэньди...» может быть охарактеризовано как «ответное» «дружеское», «решительное», «вразумляющее» и «объяснительное», «хулительное» и «хвалебное» письмо; в соответствии с классификацией Цицерона, оно оказывается перевертышем: будучи формально «интимным», «личным» и «дружеским», оно по сути является «предназначенным для публичных чтений» (потенциально предназначенным), «официальным», «строгим» и «серьезным».

В «Письме к Вэй Вэньди...» рассуждения о военном походе на Ханьчжун – стержень, вокруг которого сгруппированы и автобиографические детали, и морально-этические постулаты, и обращения к адресату. Письмо характеризуется четкой целенаправленностью и тесной связью со своим временем, а все затрагиваемые в нем вопросы, пусть и злободневные, преломляются в свете непреходящих ценностей, что, если проводить аналогии, сближает «Письмо к Вэй Вэньди...» с посланиями Сенеки. Цао Хун/ЧэньЛинь убежден, что победа – будь то в битве, войне или на исторической арене – всегда остается за тем, кто несет знамя правды, мудрости, справедливости и всеобщего блага⁶⁵¹.

Композиционно послание делится на три макрочасти – вступительную, основную и заключительную. Вступительная и заключительная состоят из преамбулы, пролога и эпилога, постамбулы соответственно – это функциональные элементы письма. В основной макрочасти выделяются три микрочасти – это художественные компоненты письма.

«Письмо к Вэй Вэньди...» начинается с преамбулы, которая представлена в полном виде. За ней следует пролог⁶⁵². Из традиционных элементов пролога в «Письме к Вэй Вэньди...» отсутствует упоминание погоды и сезона; вместо этого присутствует именование автора. Все прочие составляющие классического эпистолярного пролога здесь задействованы: общая характеристика положения дел, краткий отчет о получении письма от визави с обозначением даты, эмоциональное описание душевного подъема, охватившего автора, выражение доверительного отношения к адресату, потребности в общении с ним,

⁶⁵¹ Так и письма Сенеки – все они направлены на пропаганду его морального учения (учения о самодовлеющей добродетели, достижение которой воспринимается как высший смысл человеческого существования). Их цель – не передача сообщения, а морализация на определенную тему [Кузнецова, 1967 Б, С. 88–89], что опять-таки его роднит с Цао Хуном/Чэнь Линем. Как отмечали античные теоретики, эпистолографический жанр удобен как прием преподавания морали и воздействия на читателя [Там же, С. 90].

⁶⁵² В частной переписке, носящей дружеский характер, он призван напомнить о дружбе, подтвердить ее актуальность, а также заверить эпистолярного визави в добром отношении (это аналог *captatio benevolentiae* в латинской риторике). В прологе автор послания, дабы возобновить эпистолярный контакт, вкратце пересказывает события, произошедшие с момента обмена последними письмами; может дать беглую зарисовку погоды или времени года; упоминает адресата и, возможно, ссылается на информацию, переданную им; докладывает о состоянии своего здоровья, о текущем положении дел и спрашивает о таковых у адресата; выражает свои теплые пожелания и сетует на продолжительную разлуку. [Richter, 2013, P. 79–93]. При этом упоминание в прологе предыдущего письма обеспечивает диалог между переписывающимися, а также диалогичность всей эпистолярной ситуации [Guillén, 1986, P. 80].

предварение письма более чем скромной его оценкой – как того требовали правила хорошего тона. Такова вступительная часть, состоящая из преамбулы и пролога.

За ней следует основная, нефункциональная, чисто художественная макрочасть, состоящая из трех микрочастей, помещенных в три абзаца. В основной автор выражает свои мысли как чисто литературными средствами, так и с опорой на приемы логики и риторики. В каждом абзаце можно выделить как мотивы, так и предмет, тему, проблему, тезис и цель. Абзац объединяется – и с содержательной, и с формальной точки зрения – общей идеей, расщепляющейся на целый спектр смыслов.

Первый абзац основной части «Письма к Вэй Вэньди...». В предложении 1, построенном на отрицании как средстве усиления, отражен мотив дальности, опасности похода, а также мотив риска; в 2, в основе которого лежит гипербола, – мотив столкновения с серьезнейшим врагом; в 3, центром которого является сравнение (гиперболическое сравнение), – мотив безоговорочной победы. Предложения 1–3 формируют описательно-повествовательную часть, последующие – преимущественно логико-риторическую: первый абзац начинается с описания с вкраплением элементов повествования, затем следуют, в основном, рассуждения, т.е. собственно литературные, чисто художественные (в узком смысле слова) средства сочетаются с логическими и риторическими.

В предложениях 4–6 выражен мотив долга учинить расправу над злодеями, наказать их за бесчинства, а также мотив опасности положения дел, при котором изверг ощущает свою безнаказанность. Фраза «войско государево [лишь] в карательные походы ходит, но не ведет [настоящей] войны» – контртезис, а фраза «в древности частенько так случалось, что неправый был силен» – тезис. Автор прибегает к такой стратегии убеждения, как «прямое подтверждение» [Хазагеров, Лобанов, 2004, С. 64], – за тезисом следуют два аргумента (предл. 5 и 6), вдребезги разбивающие контртезис. Аргументы подаются как примеры-пояснения, примеры-объяснения. И Цао Хун/Чэнь Линь в целях убеждения апеллирует к историческим фактам, призывает на суд прецеденты – этот топос будет преобладать на протяжении всего письма. К примеру, в предл. 6 автор, упоминая *Шицзин* и *Шицзин*, ссылается на авторитетные тексты, освященные традицией, – вновь топос отсылки к прошлому. Для полноты раскрытия стратегии убеждения здесь не хватает демонстрации; обычно ее задействует оратор, дабы доказать, что основная мысль логически вытекает из аргументов; в данном случае демонстрация была бы излишней.

В предл. 7 заключены мотив опасности недооценивать противника, мотив признания за ним силы, мотив предостережения против уверенности в легкой победе. Это предложение несет в себе тезис, в то же время имплицитно, за счет условно-уступительной конструкции («если и назовем <...> то...»), выражает и контртезис. Аргументы в

подкрепление тезиса – целых три – размещены в предл. 12. Здесь также используется стратегия прямого подтверждения тезиса.

Вернемся к предл. 8 и 9. Здесь содержатся мотивы, охватывающие также предл. 10 и 11; их можно сформулировать так: победа всегда остается за тем, кто стоит за правое дело; благодеяния принесут победу, а злодеяния приведут к поражению; невежество – такой же порок, как и изуверство. Предл. 8 выражает тезис, но также, за счет постановки вопроса, как бы предлагает читателю/слушателю возразить, т.е. выдвинуть контртезис. А предл. 9, содержащее параллельные конструкции, усиливающие эффект контраста, несет в себе аргументы, подтверждающие тезис и опровергающие контртезис. Вопросно-ответная форма, сцепляющая два предложения, доказывает диалогическую основу этого послания; пусть в действительности это и монолог, но он явно обращен к собеседнику-оппоненту.

В предл. 10 и 11 заключены те же мотивы, что и в предл. 8 и 9. Предл. 10, сформулированное как риторический вопрос, содержит в себе тезис и контртезис одновременно. Аргументы, выраженные в предл. 11, подводят читающего/слушающего к истинности тезиса и ложности контртезиса.

В предл. 13–15 отражены следующие мотивы: противник силен как никогда; ЦаоХун/Чэнь Линь причисляет свою армию к собирательному воинству всех предыдущих эпох, вступившему в схватку со злом, и именно свое поколение мыслится им как сражающееся на передовой. В предл. 13 двойной вопрос (тезис-контртезис) – «Как могли бы [действовать они так], <...> как делает это наш враг сегодня» – в сочетании с рядом метафорических сравнений (т.е. вкуче с гиперболическими аргументами) создает эффект косвенного подтверждения тезиса и опровержения контртезиса. Предл. 14 и 15 формируют итоговый вывод, который вытекает из всех аргументационных групп в целом и последнего аргументационного ряда в частности.

В первом абзаце можно выделить следующие структурно-смысловые узлы: предмет речи – карательный поход на Ханьчжун, война против Чжан Лу, сражение с ним; тема – победа, одержанная в этой битве; проблема – трудность военной кампании несмотря на ее кажущуюся легкость; тезис – добро побеждает зло⁶⁵³; цель – убеждение; перед нами – эпидейктическая речь с установкой на убеждение в правоте автора. Идея первого абзаца – победа всегда остается за правым. А его эмоциональный заряд, смысловое ядро могут быть сведены к следующим призывам: восстановить справедливость, пресечь беззаконие, покарать злодеяния, следовать добродетели, руководствоваться человеколюбием.

⁶⁵³ «В Вашем указе перечисляются их страшные злодеяния, описываются наши обширные благодеяния <...> именно поэтому мы победили, и [именно] поэтому они проиграли».

Если в первом абзаце основной части послания автор в основном рассуждает и разъясняет, то во втором абзаце уже оппонирует и полемизирует. Рассмотрим его:

Уже в предл. 1 адресант вызывает на диалог адресата: Цао Хун/Чэнь Линь напрямую апеллирует к Цао Пи. В этом предл. автор, начиная с передачи косвенной речи собеседника, заканчивает выражением своего скепсиса, а затем, поставив вопрос (в предл. 2), переходит к дальнейшему изложению своей позиции. В предл. 1 и 2 заключен мотив отрицания непобедимости противника: Цао Хун/Чэнь Линь словно осуждает Цао Пи за пессимистичный настрой, за состояние покорной обреченности.

В предл. 3 и 4, в которых Цао Хун/Чэнь Линь напрямую парирует доводы Цао Пи, отражен мотив благоговения и трепета перед умом, уважения и страха перед мудрецом. Здесь заключена следующая мысль: пусть царства и были в военном отношении слабы, пусть они и погрязли в разрухе, однако в час опасности все трудности удалось преодолеть, стоило призвать на помощь мудрость. Предл. 3 выражает тезис, противостоящий контртезису, заявленному в предл. 1, а аргументы, помещенные в предл. 4, подтверждают истинность тезиса и ложность контртезиса. Образ трех человеческих является центральным не только для этого абзаца – он играет ключевую роль и для всего послания, поскольку все три мужа сочетали в себе как мудрость, так и добродетель.

Предл. 5 семантически и логически примыкает к рассмотренным предложениям. В нем заключен мотив, уточняющий предыдущие: царству под силу многое пережить, доколе с ним и в нем пребудут мудрые – уход их неизбежно влечет за собой гибель.

Следующий блок, выделяемый по художественному и, главное, семантическому, логическому, риторическому принципам, представлен предл. 6–8. Мотив таков: даже «отсутствие пути» не столь чревато катастрофой, как бегство мудрых, даже пороки могут быть смягчены мудростью, что лишний раз доказывает ее величайшую силу. Предл. 6, представляющее собой перифраз 3, выражает тезис. Оно перекликается и с финальными строчками предл. 8 («... [то неужели] смиряются они с тем, чтобы обвалиться, подобно земле, и сгнить, подобно рыбе?»), заключающими контртезис. Между тезисом и контртезисом, в предл. 7 и 8, помещаются аргументы, которые опровергают контртезис. Кроме того, контртезис, выдвинутый в форме скептического вопроса, сам себя опровергает. В этом блоке (предл. 6–8) мы имеем дело с рамочным рассуждением (умозаключением), в которое вставлены примеры-иллюстрации (аргументы).

В предл. 9 мотив представлен следующей мыслью: если грамотно выстроена оборона, то прорвать ее невозможно, и в подтверждение этого приводится наглядный фактографический пример. Здесь мы обнаруживаем контртезисы («если бы [их] оборона не [была] искусна», «если бы все [атакующие] смогли бы перебраться [через их укрепления]»)

и контраргументы («Гуншу уже взобрался [бы] на стены царства Сун», «Юэ И уже захватил [бы] Цзимо»), которые, будучи сформулированными в условном отрицательном предложении, «от противного», «через отрицание» доказывают обратное. Здесь используется стратегия косвенного опровержения контртезиса – впервые в данном тексте.

В предл. 10–12 автор за счет постановки риторических вопросов подталкивает читателя к итоговому выводу. Это и есть мотив: Цао Хун/Чэнь Линь предлагает Цао Пи самому извлечь вывод из сказанного, а вывод уже очевиден. В предл. 12 звучит финальный аккорд – говорящий отходит в сторону, ему более нечего добавить.

Предмет речи во втором абзаце – война, однако не одна лишь война против Чжан Лу, а многочисленные войны, имевшие место в прошлом; тема – роль мудреца в ходе и, главное, исходе войны, а, значит, и судьбе царства; проблема – «хотя вражеские царства и погружены в хаос, [в них все же] есть мудрецы; поэтому [против этих царств] не выступали в походы» (с мудрецами в рядах защитников царству ничего не страшно); тезис – «[хоть эти царства и] беспутны, в них [все же] есть те люди, [которые] могли бы прийти на помощь» (для царства ум его сынов – спасение в условиях порочного правления); цель – убедить. Идея второго абзаца: ратные подвиги совершаются, как правило, благодаря силе ума, а не оружия. Реперные точки, пунктиром проходящие через второй абзац, – мудрость как оружие; ум и умения как сила; исход (как сражения, так и войны) определяется по итогам интеллектуального поединка, а не на поле брани. Добродетель как лейтмотив первого абзаца и мудрость как лейтмотив второго соединяются в образе трех человеческих.

Если в первом абзаце автор рассуждает и разъясняет, во втором оппонирует и полемизирует, то в третьем уже атакует и порицает, осуждает. Здесь так же, как и в первом абзаце, повествование плавно перетекает в рассуждение.

В предл. 1–3 третьего абзаца, посвященных искусству пения, ткацкому мастерству, литературному творчеству, мотив таков: факт подражания идеалу, следования образцу, копирования эталона, пусть и имел место, однако он ничуть не умаляет собственный успех, достигнутый благодаря труду и упорству. Здесь заключены три аргумента.

В предл. 4, содержащем обращение к Цао Пи, полемику с ним, выкристаллизовывается мотив обвинения Цао Пи в несправедливости к нему, Цао Хуну. Предл. 4 (его начало) выдвигает тезис; по сути здесь контртезис – завуалированный тезис к аргументам, сформулированным выше; через вопрос («как можете говорить такое?») достигается косвенное опровержение контртезиса, т.е. подтверждение обратного (имплицитного тезиса).

Предл. 5 и 6, построенные на мифологических, символических и мифолого-фантастических образах, вводят мотив отчужденности: автор ощущает себя

недооцененным; он чувствует, что им пренебрегают; он удручен тем, что ему отказывают в его заслугах, поскольку их приписывают лишь умению подражать. Риторический вопрос, замыкающий предл. б, создает условия для косвенного опровержения контртезиса, для выдвижения имплицитного тезиса уже в утвердительной, даже категоричной форме – «нельзя сказать, что [они] одолжили крылья у птицы *Чэньфэн*, а копыта – у зверя *Любо*». Это и есть итоговый вывод третьего абзаца основной части. Его последнее предложение имеет двоякую природу: закрывая основную часть, открывает заключительную. Если его рассматривать с художественной точки зрения, то оно включает мотив горькой усмешки – Цао Хуну едва ли верится, что его слова способны пронять Цао Пи. Если же к нему подходить мерками функционального элемента, то это очевидно эпилог.

Если охарактеризовать третий абзац в категориях риторики, то получится: цель – упрек, критика, т.к. этот фрагмент речи носит хулительный характер; предмет – творчество; тема – аутентичность творчества; проблема сводится к вопросу – заслуживает ли Цао Хун осуждения за то, что попросил Чэнь Линя составить за него письмо? (или, может быть, придать его замыслу законченный вид?); тезис – предполагаемый ответ «нет» («нельзя сказать, что [они] одолжили крылья у птицы *Чэньфэн*, а копыта – у зверя *Любо*»), причем ответ без комментариев, ведь пускаться в объяснения бессмысленно – профану не понять. Идея третьего абзаца: Цао Хун с опорой на прецедент стремится пристыдить Цао Пи, продемонстрировать ему неуместность его замечания, неверность хода его мыслей, заблуждение в трактовке действий Цао Хуна.

Заключительная часть послания представлена двумя функциональными элементами, эпилогом и постамбулой, причем первый применительно к этому произведению было бы корректнее назвать художественно-функциональным элементом. Как правило, вступительная и заключительная части зеркально отражаются друг в друге: преамбула переключается с постамбулой, пролог – с эпилогом; однако, в отличие от преамбулы, предшествующей прологу, постамбула следует за эпилогом [Richter, 2013, P. 101]. Эпилог зачастую оказывается помещенным в основной корпус текста. Так и в «Письме к Вэй Вэньди...»: последнее предложение третьего абзаца («Боюсь, [что Вы] так и не поверили словам Цюя, наверняка [только] рассмеялись») может быть квалифицировано как эпилог.

В то время как пролог отсылает нас преимущественно к прошлому, эпилог, напротив, ориентирует на будущее [Ibid.]. Тем не менее, оба композиционных элемента сцеплены друг с другом – Цао Хун в конце пролога просит Цао Пи не воспринимать чересчур всерьез то, что будет сказано («... [и Вас прошу я] отнестись к сему как к шутке»), а в эпилоге выражает опасения, что Цао Пи сочтет послание чепухой («Боюсь, [что Вы] так и не

поверили словам Цюя, наверняка [только] рассмеялись»), причем смысловые связи между прологом и эпилогом устанавливаются на лексическом уровне («шутка» и «рассмеяться»).

В постамбуле, как правило, автор приводит свое полное имя (*син* и *мин*), повторяет глагол речи или письма, употребленный в преамбуле, и фиксирует одну из этикетных эпистолярных формул [Ibid., P. 109]. Чэнь Линь ограничился повторным употреблением имени *мин* и предиката («Хун пишет») – постамбула оформлена достаточно скупо.

Подводя итоги, обобщим все сказанное. Цель Цао Хуна – доложить Цао Пи о недавней войне между Цао Цао и Чжан Лу; устранить предубеждения Цао Пи, связанные с войной в целом и триумфально завершившейся военной кампанией в частности; изложить свое видение ключевых факторов, определяющих исход войны и влияющих на победу; убедить Цао Пи в своей правоте; вернуть Цао Пи обиду, нанесенную им Цао Хуну в прошлом письме. Идея «Письма к Вэй Вэньди...» проста и проникновенна: даже в таком деле, как война, нельзя отказывать моральной составляющей в ее колоссальном значении – победа всегда за тем, кто несет в себе нравственную и интеллектуальную силу, причем ум должен прийти на помощь и тогда, когда поправа всякая мораль.

2.5. Прозаическое послание Ин Чана

Ин Чан 应场 (?–217 гг.), по второму имени – Дэлянь 德琏, был родом из Жунаня (на территории нынешней провинции Хэнань, фактически на границе провинций Хэнань и Аньхой). По-видимому, был самым младшим из Семи мужей. Происходил из семьи чиновников. Был прекрасно образован. Проявил себя как на литературном поприще (а он был не только литератором, но и теоретиком литературы), так и на чиновничьей службе. Обладал неказистой наружностью – современники подтрунивали над изъянами в его внешности. Как и многие Мужеи, пал жертвой эпидемии в 217 г. Оставил заметный след в истории китайской литературы, о чем говорит упоминание его имени в классическом романе «Сон в красном тереме» в одном ряду с именами Лю Чжэня, Тао Юаньмина и виднейших поэтов эпохи Тан.

报庞惠恭书. Бао Пан Хуэйгун шу⁶⁵⁴

Ответное письмо Пан Хуэйгуну

⁶⁵⁴ Подстр. пер. и текст. комм. были проделаны главным образом с опорой на [Ивэнь лэйцзюй, цзюань 21 Жэньбу 5], [Цюань Хоу Хань вэнь, цзюань 42], [Хань Гэпин, 1991, С. 430–432], [У Юнь, 2005, С. 529–532].

I. [Печальная] песнь [Цюй Юаня] о сорных травах⁶⁵⁵ навеяна превращениями [душистых растений]⁶⁵⁶ в сорные травы]⁶⁵⁷, происходящими [лишь] за две ночи; [скорбные] думы, [отраженные] в [песни] *Цзыцзинь*⁶⁵⁸, вызваны [переживаниями из-за] отсутствия весточки⁶⁵⁹. Пусть [уже и] минуло три года, [но как же] могу не тревожиться? II. Хотя *сюаньцао* (травы забвенья – Н.С.)⁶⁶⁰ и цветут в женских покоях, [хотя] *гаосу* (древо умиротворения – Н.С.)⁶⁶¹ и растет неподалеку, тоска [моя] [не только] не проходит, [но, напротив,] усиливается⁶⁶². Вельможа-отшельник⁶⁶³ не принимает гостей. Под высоким деревом⁶⁶⁴ не обретаю покоя, продолжаю упорно трудиться, и только. III. Милостивый государь⁶⁶⁵ на юге⁶⁶⁶ получил разделенный пополам верительный знак⁶⁶⁷, прославил свое имя на тысячи ли [вокруг], гонцы, [подобно] Цзыюю⁶⁶⁸, от рассвета до заката прибывают

⁶⁵⁵ Если быть точнее – чернобыльник и полынь; в древности их считали худшими травами. Впоследствии «сорные травы» стали метафорой, обозначающей подлых людей и их гнусные поступки.

⁶⁵⁶ Душистые растения (*фанцао* 芳草) – метафора благородства, добродетели, высоких душевных качеств.

⁶⁵⁷ «Превращения <...> [лишь] за две ночи» – метафора отношений, в одночасье сошедших на нет.

⁶⁵⁸ Аллюзия на песнь «Ворот одежды блестит бирюзовый на нем» (*Цзыцзинь* 子衿) (I, VII, 17) из *Шицзина*, раздела «Нравы царств» (*Гофэн* 国风). “青青子衿，悠悠我心” – «Ворот одежды блестит бирюзовый на нем. // Сердце скорбит бесконечно о милом моем» [Шицзин, 1987, С. 80].

⁶⁵⁹ Отсутствие весточки 嗣音 (досл. – «сообщать о себе, напоминать о себе») – аллюзия на песнь «Ворот одежды блестит бирюзовый на нем» (*Цзыцзинь* 子衿) (I, VII, 17). “纵我不往，子宁不嗣音” – «Хоть никогда не хожу я его повидать – Сам почему не зайдет он проведать наш дом?» [Шицзин, 1987, С. 80].

⁶⁶⁰ *Сюаньцао* 萱草 – красоднев рыжий, сарана; так называемая трава забвенья. *Шубэй* 树背 – растущие в *бэйтан* 北堂, т.е. в покоях госпожи, хозяйки дома. *Шубэй* – аллюзия на песнь «Тоска о муже, посланном в поход» (*Бо Си* 伯兮) (I, V, 8) из *Шицзина*, из раздела «Нравы царств» (*Гофэн* 国风). “焉得谖草，言树之背” – «Где бы добыть мне забвенья траву? // Я посажу ее к северу, в тень». [Шицзин, 1987, С. 64]. Впоследствии «посадить *сюаньцао*» стало метафорически означать «развеять тоску».

⁶⁶¹ *Гаосу* 皋苏 – название дерева; по легенде, сладкий сок из коры этого дерева способен утолить голод и развеять печаль. Вэйский Ван Лан 王朗 в «Письме Вэйскому *тайцзы*» (*Юй Вэй тайцзы шу* 与魏太子书) писал: «Хотя *сюаньцао* способна развеять печаль, хотя *гаосу* способна избавить от забот, однако негде их раздобыть» “虽复萱草忘忧，皋苏释劳，无以加也”.

⁶⁶² Эти строки призваны выразить тоску по Хуэйгуну, досаду на него; хотя Ин Чан и предпринимает попытки забыть о своих горестях, он не в силах прогнать тревожные думы, которые, напротив, только нагнетаются.

⁶⁶³ Вельможа-отшельник/Сановник-затворник 朝隐之官. Речь идет о придворном чиновнике, который, занимая высокий пост при дворе, ведет скромную и тихую жизнь. Здесь автор имеет в виду самого себя.

⁶⁶⁴ Высокое дерево 乔木 *цяому* – дерево с могучими ветвями и стволом – аллюзия на песнь «Река Хань широка» (*Хань гуан* 汉广) (I, I, 9) из *Шицзина*, из раздела «Нравы царств» (*Гофэн* 国风). “南有乔木，不可休息” – «Там, под деревом юга с прямым стволом, не укрыться в тени никогда» [Шицзин, 1987, С. 28].

⁶⁶⁵ Милостивый государь 足下 – Вы, Ваше превосходительство; Пан Хуэйгун.

⁶⁶⁶ Под югом/южной стороной 南面 подразумевается императорский двор; возможно, также имеется в виду императорский трон, обращенный лицевой стороной к югу.

⁶⁶⁷ Получил мандат/верительную грамоту из рук императора. В древности верительные грамоты из бамбука, которые император вручал *чжухоу* (удельным князьям) или *гунчэням* 功臣 (министрам), делились пополам на две части – одна оставалась у императора, вторую забирал подданный. Вероятно, Пан Хуэйгун был императорским министром – *гунчэнем*.

⁶⁶⁸ Цзыюй 子羽 – *цзы дафу* (придворного сановника) царства Чжэн 郑国 эпохи Чуньцю, которого звали Гунсунь Хуэй 公孙挥; в царстве Чжэн Гунсунь Хуэй ведал дипломатией. Здесь имя Цзыюя является метафорой посланца/гонца. *Луньюй*. *Сянь спросил* “论语·宪文”: «Учитель сказал: При подготовке предписаний Би Чэнь сначала создавал их черновик, Ши и Шу вникал в него и делал замечания, ответственный за внешние сношения Цзыюй вносил поправки (行人子羽修饰之), Цзычань же из Восточного селения оттачивал» (14, 8) [Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 143]. В этих строчках содержится упрек: хотя Пан Хуэйгун непрерывно контактировал с другими, он не удосуживался проведать своего старого друга.

один за другим. [Однако] [он] не соблаговолил отправиться в [отнюдь] не дальний путь, [чтобы] проведать старого [друга] в [его] убогом жилище. Утрудил себя удостоить [друга] письмом, строки [которого] не заняли и половины [листа] бумаги. [Ваши] утешения легче шелка, [мой] упреки тяжелее гор; вот [Вам] песнь *Цзяогун*⁶⁶⁹ как насмешка. [Вы] держите высоко опахало с перьями цапли [и пляшете] в Ваньцю⁶⁷⁰, [Вы] мчитесь на скакуне в Чжулинь⁶⁷¹. [Вы], [словно] ясная луна, излучаете сияние⁶⁷², освещаете прелести чародеек^{673, 674}. IV. Это видят слепые и слышат глухие⁶⁷⁵; звуку смерти суждено [отозваться в сердце] близкого друга⁶⁷⁶.

«Ответное письмо Пан Хуэйгуну» (далее – «...Пан Хуэйгуну») ставит целый ряд неразрешенных вопросов. О том, кто такой Пан Хуэйгун, когда было написано послание, нам достоверно не известно⁶⁷⁷. Очевидно одно: это письмо – и «выражение дружбы» [Миллер, 1967 А, С. 8] и манифестация ее завершения одновременно, ибо «достигшие власти забывают друзей» [Там же, С. 22].

В соответствии с «Типами писем» оно может быть охарактеризовано как «дружеское», «упрекающее», «порицательное», «хулительное», «ответное», «обвинительное», по классификации Цицерона – как «интимное», «личное», «строгое», «серьезное», «грустное», по византийской теории – как «горестное» и «насмешливое».

«...Пан Хуэйгуну» – дружеское письмо личного, лирического толка, проникнутое ощущением тоски, печали и тем не менее содержащее резкую критику в адрес друга, а также направленное на разрыв взаимоотношений с ним. Несмотря на присутствие лирического начала, воплощенного в *пафосе* (передаче настроения), эпическая

⁶⁶⁹ *Цзяогун* 角弓 – оригинальное название оды «Поучение царю» (II, VII, 9) из *Шицзина*, раздела «Малые оды» (*Сяоя* 小雅) [Шицзин, 1987, С. 206]. Упомянув оду *Цзяогун* 角弓, автор выражает адресату свое недовольство.

⁶⁷⁰ Ваньцю 宛丘 – географическое название (нынешняя провинция Хэнань, округ Хуайян 淮阳县; в период *Чуньцю* – столица царства Чэнь 陈国). Ваньцю 宛丘 – оригинальное название оды «Ты стал безрассуден» (I, XII, 1) из *Шицзина*, из раздела «Нравы царств» (*Гофэн* 国风) [Шицзин, 1987, С. 108]. Эта аллюзия являет собой скрытый упрек: автор осуждает Пана Хуэйгуна за его праздный и распутный образ жизни.

⁶⁷¹ Чжулинь 株林 – географическое название (нынешняя провинция Хэнань, уезд Сихуа 西华县; в эпоху *Чуньцю* – удел в царстве Чэнь 陈国). Чжулинь 株林 – оригинальное название оды «Чем я буду так занят» (I, XII, 9) из *Шицзина*, из раздела «Нравы царств» (*Гофэн* 国风) [Шицзин, 1987, С. 111]. Здесь содержится намек на то, что Пан Хуэйгун получал удовольствие от верховой езды, а также был склонен к разврату.

⁶⁷² [Словно] ясная луна, излучаете сияние – метафорическое упоминание письма от Пан Хуэйгуна.

⁶⁷³ Чародейка/колдунья 妖人 – красивая женщина.

⁶⁷⁴ [Вы], [словно] ясная луна, излучаете сияние, освещаете прелести чародеек – указание на непомерное распутство Пан Хуэйгуна.

⁶⁷⁵ Это очевидно даже тем, кто не восприимчив к песням, пляскам и увеселениям.

⁶⁷⁶ Звуку смерти суждено [отозваться в сердце] близкого друга – намек на разрыв дружеских отношений.

⁶⁷⁷ В *Саньгочжи*, Жизнеописании Ян Фу (三国志. 杨阜传), упоминается некий Пан Гун 庞恭 из уезда Наньань 南安, который на 9-й месяц 17-го г. *Цзяньань*, т.е. в 212 г., сопровождал Ян Фу в атаке на Ма Чао 马超 (полководца царства Шу 蜀国), за что Цао Цао пожаловал его титулом *хоу* 侯 – удельного князя [Саньгочжи, *Вэйшу*, *цзяоань* 25]. Но до сих пор неясно, был ли этот Пан Гун тем, с кем состоял в переписке Ин Чан.

составляющая, отраженная в *эпосе* (изображении характера), отнюдь не второстепенна. Здесь эпистолярная форма не выступает как чисто художественный прием, а выполняет, главным образом, свою прямую практическую функцию – в «...Пан Хуэйгуну» воспроизводятся не только характеры и настроение, но и определенная ситуация, обусловившая написание письма, а также конкретные события, побудившие автора к отправлению послания.

В «...Пан Хуэйгуну» нет места социально-политическим темам, вопросам общественной значимости, а если в какой-то мере и есть, то они освещаются сквозь призму частной жизни, личных взаимоотношений. Бытовые зарисовки, пусть и условные, характеристика образов, пусть и обобщенная, фиксирование деталей, пусть и беглое, придают письму особую выразительность. В нем сосредоточилась живость ума автора, запечатлелись его характер и образ мыслей, в той или иной мере отразилась окружающая его жизнь. Мы в нем находим и фрагменты описания, и повествовательные вставки, и элементы лирической исповеди, и критические замечания, и колкие упреки, и риторический вопрос, вызывающий читателя на раздумья. На первый план выходит личное; в дружбе раскрывается внутренний облик как адресанта, так и его адресата; при этом достаточно четко прописаны эмоции, настроения, чувства – преимущественно автора, конечно.

Композиционно «...Пан Хуэйгуну» делится на четыре части: вводную, две основные, в которых друг другу противопоставляются два участника эпистолярной ситуации, и заключительную; если к самораскрытию Ин Чана подойти как к изложению, а к критике Пан Хуэйгуна – как к способу убеждения «от противного», то тогда можно рассмотреть четыре части как предисловие, изложение, способ убеждения, заключение – в соответствии со схемой Аристотеля. Начало и конец письма написаны не по трафарету, а из трех звеньев эпистолярной ситуации ключевым оказывается второе – собственно сообщение.

Речь в послании – эпидейктическая. Во вводной части (I) за счет двух аллюзий-реминисценций вырисовывается предмет речи⁶⁷⁸. В I отражен мотив дружбы, преданной забвению; части I и II связывает риторический вопрос, заявляющий тему: «Пусть [уже и] минуло три года, [но как же] могу не тревожиться?».

Во второй части (II), открывающей основную часть письма, проливается свет на личность автора, его жизнь, мысли, чувства и занятия. Здесь налицо усиливающие обстоятельства, сравнения, преувеличения⁶⁷⁹, которые более всего присущи речам

⁶⁷⁸ «В [предисловии] нужно изложить обстоятельства, чтобы было ясно, что обсуждается» [Аристотель, 2017, С. 315], а «рассказ [в эпидейктических речах] должен быть изложен не весь сразу, а по частям, так как следует изложить те деяния <здесь – и переживания>, вследствие которых сложилась речь» [Там же, С. 303]

⁶⁷⁹ Аристотель полагал, что не только сравнения, но и любого рода гиперболы являются метафорами, а метафора – «одна из причин, от которых может происходить холодность стиля» [Аристотель, 2017, С. 262]. В данном случае с этим утверждением трудно не согласиться, поскольку обе метафоры – и *сюаньцао*, и *гаосу* –

эпидейктическим. В этой части автор прибегает именно к пафосу (передаче настроения), а эллинами было отмечено, что «возбуждает сострадание <...> насильственная разлука с друзьями и близкими» [Аристотель, 2017, С. 189]. В этой части, посвященной автору-адресату, отражены следующие мотивы: мотив печали, тоски, горечи; мотив одиночества; мотив обеспокоенности, встревоженности; мотив скромного труда, прилежной работы.

В третьей части (III), закрывающей основную часть письма, говорится уже об адресате. Подобный резкий переход окончательно оформляет позицию автора, заявленную им в (II), и «от противного» усиливает ее наглядными картинками, выведенными в (III)⁶⁸⁰. Здесь заключены мотивы власти, славы, суеты, пренебрежения (Пан Хуэйгун пренебрегает Ин Чаном), насмешки (Пан Хуэйгун лишь удосужился направить другу письмо-отписку), досады на Пан Хуэйгуна, укора в его адрес, мотив веселого, беспечного времяпровождения того, кто был некогда другом, мотив его праздного и распутного образа жизни. В этой части выдвигаются проблема («[Однако [он] не соблаговолил отправиться в [отнюдь] не дальний путь, [чтобы] проведать старого [друга] в [его] убогом жилище») и тезис («Утрудил себя удостоить [друга] письмом, строки [которого] не заняли и половины [листа] бумаги»). Автор апеллирует не столько к разуму, сколько к чувствам, поэтому он отказывается от сухих логических построений в пользу проникновенного эмоционального обращения⁶⁸¹.

В заключительной части (IV), в которой отражены мотивы очевидности происходящего и разрыва дружеских уз, автор вновь прибегает к приемам преувеличения, нагнетания страстей. Подводя итоги сказанному, автор подчеркивает цель, преследуемую им в письме: как минимум – пристыдить друга, а как максимум – известить его о прекращении всяких с ним сношений. А идея «...Пан Хуэйгуну» сводится к горечи Ин Чана от осознания того, что «достигшие власти забывают друзей» [Миллер, 1967 А, С. 22].

3. Выводы по прозаическим посланиям

вводят читателей в торжественное, трагическое внутреннее пространство произведения, которое, будучи окрашенным в патетические тона, держит нас на определенном от него расстоянии.

⁶⁸⁰ Аристотель подметил, что в речах эпидейктических, «наиболее пригодных для письма» [Аристотель, 2017, С. 292], «нужно стремиться к трем вещам: метафоре, противопоставлению, наглядности» [Там же, С. 280].

⁶⁸¹ Античная теория эпистографии постулировала: «И когда хочешь возбудить страсть, не употребляй энтимему, потому что она погасит страсть, или будет приведена совершенно напрасно, ибо [два] одновременных движения задерживают друг друга, или совсем уничтожаются, или ослабляются. И когда речь должна носить известный [нравственный] характер, не следует в то же время приискивать энтимемы, потому что доказательства не имеют никакого отношения ни к характеру, ни к принципам» [Там же, С. 308–309]. Еще лаконичнее оно звучит так: «Если же у него [оратора] в руках нет энтимем, [он должен говорить] этически; более подходит нравственно хорошему человеку выказать свою честность, чем ясность речи» [Там же, С. 310].

Все двенадцать произведений представляют собой прозаические послания, написанные в Китае на рубеже Древности и Средних веков. Все эти произведения обнаруживают немало сходств и различий, в чем можно убедиться при их сопоставлении:

1. Датировка произведений. Несмотря на то, что точная дата создания произведения нам известна далеко не в каждом случае, мы можем с уверенностью утверждать, что каждое из рассмотренных писем было составлено в первой четверти III в.

2. Общественное положение, социальный статус двух участников эпистолярной ситуации. Среди проанализированных сочинений встречаются как письма от вышестоящего к нижестоящему (2.4.1.⁶⁸²), письма от нижестоящего к вышестоящему (2.2.3.), так и письма от равного к равному (2.1.1., 2.4.2., 2.4.3., 2.2.1., 2.2.2., 2.1.2.). 2.3.1. и 2.3.2., хотя формально и написаны нижестоящим вышестоящему (реvisorом области сыну правителя царства), в действительности по содержанию могут восприниматься как послания, направленные старшим младшему, что уравнивает двух участников эпистолярной ситуации. Подобное уравнивание допускает и эпистолярная ситуация, сложившаяся вокруг 2.1.3.: хотя адресант мыслит себя по отношению к адресату вышестоящим, адресат оставляет старшинство за собой, что, возможно, уравнивает их взаимоотношения. В случае с 2.5. мы не располагаем никакими сведениями об адресате.

3. Способ именовании адресата и адресанта в заглавии. В 2.4.1., 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2. адресант, т.е. отправитель послания или заказчик, обозначен в заглавии по мин – первому имени. В 2.1.1., 2.4.2., 2.5., 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3., 2.1.2., 2.1.3. адресант в заглавии никак не обозначен. В 2.1.1. адресат назван в заглавии по цзы – второму имени. В 2.4.2., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.3., 2.1.2., 2.1.3. адресат назван в заглавии по мин. В 2.2.1., 2.2.2. адресат назван в заглавии по титулу, в 2.4.3. – по будущему титулу, а в 2.4.1. – по своему положению в семейной иерархии. В случае с 2.5. мы не располагаем никакими сведениями об адресате, который, тем не менее, в заглавии именован.

4. Термин для обозначения эпистолярной формы в заглавии. Все рассмотренные послания помечены в заглавиях как *шу* 書. Этот термин, как правило, был применим либо к письмам от равного к равному, либо к письмам от вышестоящего к нижестоящему. Однако это правило соблюдалось не всегда: в частности, 2.2.3., будучи письмом от нижестоящего к вышестоящему, также обозначено как *шу*.

5. Письмо, написанное непосредственно автором замысла vs. Письмо, составленное по заказу/приказу/просьбе автора замысла. *Вопрос двойной авторской атрибуции.* 2.1.1., 2.4.2., 2.5., 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3., 2.1.2. были написаны непосредственно

⁶⁸² «Подмененное письмо [от] Гунсунь Цзяня сыну». Здесь и далее мы будем обозначать письма по их номерам, предваряющим анализы.

авторами замысла. Другие письма были составлены по заказу/приказу/просьбе автора замысла: первичный текст 2.4.1. был составлен Гунсунь Цзанем без привлечения посредников, а вторичный текст – Чэнь Линем по приказу Юань Шао; 2.4.3. – послание от Цао Хуна к Цао Пи, составленное Чэнь Линем; в 2.3.1., 2.3.2. заказчиком выступил Лю Бяо, а секретарем-письмоводителем – Ван Цань.

6. Письмо, написанное от имени третьего лица. Строго говоря, под эту категорию подпадают только 2.3.1. и 2.3.2.

7. Наличие нескольких вариантов текста письма. До наших дней сохранилось два варианта текстов 2.3.1. и 2.4.1. Полный текст 2.1.2. не сохранился. Остальные письма дошли до нас в единственном варианте и сохранились в полном и первоизданном виде.

8. Предпосылки для выбора эпистолярной формы: практические, утилитарные потребности vs. соображения художественного характера. *Письмо как средство бытовой коммуникации vs. письмо как литературное произведение, написанное в эпистолярной форме.* В качестве средств бытовой коммуникации выступают 2.4.1., 2.4.2., 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3., 2.1.2. Литературными произведениями, созданными в эпистолярной форме, представляются 2.1.1., 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2., 2.5., 2.1.3.

9. Генеральная установка⁶⁸³: убеждение (2.4.1., 2.1.1., 2.4.2., 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.1., 2.1.2.); извещение (2.5., 2.2.3.); выражение благодарности (2.2.2.); выражение презрения, манифестация собственных морально-этических воззрений (2.1.3.).

10. Письмо как средство изъяснения дружеских чувств⁶⁸⁴. *Дружеское письмо vs. Деловое письмо.* В отношении 2.1.1., 2.4.2., 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.1., 2.2.2. можно утверждать, что «письмо – это сжатое выражение дружеского расположения». Применительно к 2.4.1., 2.5., 2.2.3., 2.1.2., 2.1.3. этот тезис не приложим.

11. Определение типа эпистолярной речи, доминирующего в письме. Эпистолярная речь в 2.4.1. – совещательная, в 2.1.1., 2.4.2., 2.5., 2.1.3. – эпидейктическая, в 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.1., 2.2.3., 2.1.2. – совещательно-эпидейктическая. Эпистолярная речь в 2.2.2. не поддается однозначной атрибуции определенному типу речи.

12. Письмо как исторический источник. 2.4.1., 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.1., 2.2.3., 2.1.2., 2.1.3. предоставляют ценный исторический материал. 2.4.2., 2.2.2. не воспринимаются как носители информации исторического значения. 2.1.1. имеет историко-литературное значение – как памятник, посвященный поэтике. 2.5. в этом отношении требует дальнейшего изучения.

⁶⁸³ Чаще всего – убеждение: оно является конечной целью любой риторической коммуникации.

⁶⁸⁴ «Письмо – это сжатое выражение дружеского расположения» [Деметрий, 1978, С. 274].

13. Инвенция⁶⁸⁵. В каждом из рассмотренных писем можно выделить предмет, тему, проблему, тезис, цель, идею; в каждом из писем авторы разворачивают перед читателями/слушателями стратегию убеждения, что лишний раз доказывает нашу мысль о риторической природе, ораторской потенции художественно оформленного, литературно обработанного (пусть и обиходного, бытового, функционального) послания. Среди топосов⁶⁸⁶, проявляющихся в рассмотренных посланиях, наиболее распространенными оказываются ссылка на прецедент, апелляция к традиции и к прошлому, преувеличение.

14. Частно-личный дискурс vs. Общественно-политический дискурс. *Личное vs. Общественное. Частное vs. Общее.* В 2.1.1., 2.4.2., 2.5., 2.2.2. превалирует частно-личный дискурс. Общественно-политический дискурс преобладает в 2.4.3., 2.2.1., 2.1.2. Первый и второй одинаково важны в 2.4.1., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.3., 2.1.3.

15. Выбранная автором стратегия убеждения. В 2.4.1. налицо комплексная стратегия убеждения: через подачу тезиса автор доказывает свою правоту и подтверждает истинность своей позиции, а через подачу контртезиса он стремится опровергнуть точку зрения соперника и показать ложность его позиции. В 2.1.1. выводы напрашиваются за счет создаваемого контраста антипример vs. пример, контраргумент vs. аргумент. 2.4.2. не являет читателю никаких логически выверенных рассуждений и последовательно выстроенной аргументации. В 2.4.3. автор как рассуждает и разъясняет, оппонирует и полемизирует, так и атакует, осуждает. В 2.3.1. стратегия убеждения проста: автор выдвигает положения и обосновывает их. В 2.3.2. значимую роль играет психологическая сторона стратегии убеждения. В 2.5. автор отказывается от логических построений в пользу эмоционального обращения. В 2.2.1. главным средством убеждения становится морально-этическое воздействие, а отнюдь не рациональное «логизирование». В 2.2.2. – то же самое (письмо проникнуто эмоциональным этическим, «затрагивающим нравы», зарядом). В 2.2.3. сначала разворачивается способ убеждения, затем следует мини-изложение, в конце выводится заключение-ответ. В 2.1.2. – убеждение посредством доказательства собственной правоты и переубеждение за счет критики. В 2.1.3. главным средством убеждения становится хула, закамуфлированная под похвалу.

16. Риторико-эмоциональная аргументация vs. Логико-рациональная аргументация. Риторико-эмоциональная аргументация преобладает в 2.4.1., 2.4.2., 2.3.1.,

⁶⁸⁵ Термин риторики, обозначающий проработку плана содержания; к сфере инвенции относятся коммуникативные узлы, т.е. атрибуты ораторской речи, выстроенной по правилам логики и риторики: предмет, тема, проблема, тезис, цель; идея; также к сфере инвенции относятся стратегия убеждения, топы.

⁶⁸⁶ Одними из основных топосов в раннесредневековых китайских письмах называют жалобы на разлуку, отношение к письму как к средству замены живого общения, сетование на недостаточность письменного разговора [См. подробнее: Richter, 2013, pp. 117–118]. В рассмотренных нами письмах эти топосы также встречаются: например, первый и второй – в «Письме У Цзичжуну», третий – в «Письме Ян Дэцзу».

2.3.2., 2.5., 2.2.1., 2.2.2. Логико-рациональная аргументация преобладает в 2.1.1. Два типа аргументации наблюдаются в 2.4.3., 2.2.3., в 2.1.2., 2.1.3.

17. Диспозиция⁶⁸⁷. Трехчастная композиционная структура просматривается в 2.1.1., 2.4.3., 2.3.2., 2.2.1., 2.2.2., 2.1.3. Четырехчастная структура наблюдается в 2.4.1., 2.5., 2.2.3., 2.1.2. 2.4.2. не обнаруживает четкой композиционной схемы. Текст 2.3.1. представляется гладким на стыках; даже деление его на блоки по принципу общности мотивов является условным и допускающим свободную вариативность.

18. Элокуция⁶⁸⁸. *Тропы*. В большинстве рассмотренных посланий наблюдаются такие тропы, как метафора, символ, аллегория, сравнение, гипербола, аллюзия, антитеза и т.п. Во многих посланиях также присутствуют такие [риторические] средства речевой выразительности, как вопросно-ответная форма, риторический вопрос, эмоциональное воззвание, категорический императив; сентенции, цитаты, реминисценции; прямое обращение к собеседнику, передача его косвенной речи, ссылка на его слова и т.п.

19. Диалогическое vs. монологическое начало в письме. «Половиной диалога», «письменной беседой отсутствующего с отсутствующим»⁶⁸⁹ могут быть названы 2.1.1., 2.4.2., 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3., 2.1.2., 2.1.3. – они имеют под собой диалогическую основу. Монологическое начало проявляется в 2.4.1., 2.5.; присутствие читателя/слушателя здесь предполагается, однако адресант едва ли вызывает адресата на диалог. Можно заключить, что большая часть рассмотренных писем, эпистолярных речей, предполагает наличие читателя, слушателя, некоей аудитории.

20. Наличие стандартного эпистолярного оформления. [Стандартное] эпистолярное оформление присутствует в 2.1.1., 2.4.3., 2.3.2., 2.1.3. Оно отсутствует в 2.4.1., 2.4.2., 2.3.1., 2.5., 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3., 2.1.2. В большинстве рассмотренных писем отсутствуют стандартные формулы зачина и концовки, клишированные обороты, трафаретные выражения и даже эпистолярные штампы, что способствует восприятию этих писем как записанных речей. Это подкрепляет нашу мысль о таких типологических особенностях жанра литературного послания (даже созданного в рамках обиходной, бытовой переписки), как риторичность, ораторская потенция (возможность произнести эпистолярную речь как ораторскую), эффект живой речи.

21. Историко-типологическое сходство проанализированных писем с античной эпистолографией. Каждое из рассмотренных писем может быть охарактеризовано в соответствии с классическими древнегреческой, древнеримской и средневековой

⁶⁸⁷ Термин риторики, использующийся для обозначения плана речи; здесь – композиционная структура.

⁶⁸⁸ Термин риторики, обозначающий все задействованные средства художественной выразительности.

⁶⁸⁹ См. ранее.

византийской эпистолярными классификациями, отдельные из рассмотренных писем могут быть соотнесены с эпистолярными сочинениями Платона, Исократы, Аристотеля, Горация, Сенеки, Юлиана, Цицерона и т.п., что лишний раз подтверждает нашу мысль о типологической общности прозаических литературных посланий, созданных в Китае и на Западе на излете Древности.

22. Ключевое звено эпистолярной ситуации. В большинстве рассмотренных посланий ключевым звеном эпистолярной ситуации оказывается собственно сообщение или посыл – в 2.4.1., 2.1.1., 2.4.3., 2.3.2., 2.5., 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3., 2.1.2., 2.1.3. В 2.4.2. значение второго звена сводится к минимуму. А в 2.3.1. все три звена эпистолярной ситуации (автор – сообщение – адресат) оказываются одинаково важными.

23. Характер обстоятельств, послуживших импульсом к созданию письма. *Связь письма с биографическими фактами, историческими событиями.* 2.4.1., 2.4.3., 2.3.1., 2.3.2., 2.2.1., 2.1.2. напрямую связаны с общественно-политическими или военными событиями своего времени. 2.5., 2.2.2., 2.2.3., 2.1.3. носят более личный характер. 2.4.2., хотя и связано с биографическими фактами и жизненными обстоятельствами, лишается конкретной ситуативной привязки. А 2.1.1. тесно связано с событиями и явлениями литературно-творческой жизни той эпохи.

24. Соблюдение правил (эпистолярного) этикета, проявляющееся, например, в выборе местоимений первого и второго лица, в этикетном принижении адресантом себя и в возвышении адресата и т.п. Все двенадцать посланий были составлены в соответствии с положенными этикетными нормами.

25. Тематика⁶⁹⁰: в 2.4.1., 2.3.1., 2.3.2. – военно-политическая, 2.1.2. – военная, 2.4.3. – общественно-политическая; 2.1.1. – художественно-литературная, 2.4.2. – дружеско-творческая, 2.1.3. – дружеско-литературная и административно-политическая; в 2.5. и 2.2.2. – личная, а в 2.2.1. – личная с прицелом на государственный масштаб; в 2.2.3. – тематика экзистенциально-социального толка.

26. Цель. Центральной целью является убеждение, однако периферийные цели меняются. Итак, периферийные, вторичные цели: побуждение, предостережение, угроза (2.4.1.), вразумление (2.4.3.), заверение (2.4.2.), насмешка (2.1.3.), поучение (2.3.1. и 2.3.2.), выражение благодарности (2.2.2.), сообщение (2.2.3.); пристыдить друга и известить его о разрыве дружбы (2.5.), открыть Цао Чжи глаза на достоинства третьего лица (2.2.1.); выражение автором жизненного кредо, изложение им своих литературных взглядов,

⁶⁹⁰ Подчеркнем: именно «тематика», тематический фон, с конкретизацией и акцентуацией, не обобщенная «тема». Темы в большинстве посланий схожи – это дружба, а именно убеждение и побуждение к каким-то действиям того, с кем автор состоял в дружеских или просто близких отношениях.

заверение эпистолярного собеседника в дружеских чувствах, обозначение времени встречи (2.1.1.). Цель 2.1.2. сводится исключительно к убеждению.

27. Этопея – риторическое воспроизведение характера автора. Этопея прослеживается в 2.4.2., 2.4.3., 2.5., 2.2.3., 2.1.3.

28. Преобладающая в послании речевая форма – повествование, описание, побуждение, рассуждение и т.п. В 2.4.1. – повествование, описание, побуждение, рассуждение. В 2.1.1. речь преимущественно повествовательная (за исключением речи в функциональных элементах и небольшой описательной вставки). 2.4.2. представляет собой лаконичное выражение дружбы. В 2.4.3. проявляются как фактографическое описательно-повествовательное изложение событий, так и влияние риторики. Текст 2.3.1. представляет собой цельное повествование, связный рассказ. В 2.3.2. эпические (повествовательно-описательные) элементы чередуются с лирическими. В 2.5. содержатся и фрагменты описания, и повествовательные вставки, и элементы лирической исповеди, и критические замечания, и риторический вопрос. В 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3. налицо повествование, описание, рассуждение. В 2.1.2., 2.1.3. раскрывается вся речевая палитра.

29. Эпистолярный цикл vs. Письмо как фрагмент переписки vs. Отдельное послание. 2.4.1., 2.1.1., 2.5., 2.1.2., насколько сейчас можно судить, являются отдельными посланиями. 2.1.3., 2.4.2., 2.4.3., 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3. встраиваются в контекст переписки. Соположение 2.3.1. и 2.3.2. рисует картину корреспонденции, что, возможно, дает основание сложить два письма в эпистолярный цикл.

30. Идея письма. Идея каждого из проанализированных посланий в своем роде уникальна; она определяет и содержание письма. Идеи: поучение, рассуждение на этические темы (2.4.1.); выражение автором своего жизненного кредо, изложение им своих литературных взглядов, заверение эпистолярного собеседника в дружеских чувствах (2.1.1.); как для жизни, так и для творчества необходим идеал – переплетаются два лейтмотива, дружбы и творчества (2.4.2.); даже на войне нельзя отказывать моральной составляющей в ее колоссальном значении (2.4.3.); лишь у того государства и тех его сынов, которые живут по освященным моралью законам, есть надежда на будущее (2.3.1.); примирение братьев и мир (2.3.2.); горечь от того, что «достигшие власти забывают друзей» (2.5.); тревога (2.2.1.); выразить благодарность другу, объясниться с ним перед смертью, попроситься с ним (2.2.2.); не адресату, т.е. не Цао Пи, решать, что поистине «почтенно», а что «презренно» (2.2.3.); пристыдить и, простимулировав, побудить (2.1.2.); высмеять, пристыдить, вернуть обиды (2.1.3.).

31. Информативная составляющая. Почти все послания⁶⁹¹ характеризуются коммуникативной целесообразностью и информативной функциональностью.

32. Размер письма. Размер писем колеблется в широком диапазоне – от самых маленьких (например, 1.2.2.) до самых больших (например, 2.4.3.).

33. Специфика, своеобразие каждого отдельного письма. 2.4.1. характеризуется коммуникативной целесообразностью, содержательным единством, смысловой завершенностью; функциональное вступает во взаимодействие с эстетическим. 2.1.1. «начинает жить самостоятельно, независимо от реального повода написания его автором и получения адресатом» [Миллер, 1967 А, С. 16]. 2.4.2. обращено к трем адресатам – автор (Чэнь Линь) обращается одновременно к трем своим друзьям (это Цзин Син, Чжан Хун, Цзы Бу), хотя в заглавии значится имя одного Чжан Хуна. Все вопросы, затрагиваемые в 2.4.3., пусть и злободневные, преломляются в свете непреходящих ценностных категорий. 2.3.1. сочетает в себе черты как дружеского, так и делового письма; оно многофункционально: в нем выделяются как дидактическая, лично-личная направленность, так и риторическая, официально-деловая. 2.3.2., несмотря на присутствие художественной составляющей, имеет четкую ситуативную привязку, а призывы, манифестируемые в письме, носят универсальный характер и могут быть спроецированы на любое подобное положение дел. В 2.5. мы находим нетипичный мотив дружбы, преданной забвению. 2.2.1. может быть рассмотрено как художественная эпистола конъюнктурного характера – как письмо-рекомендация. В 2.2.2. мы находим краткость и сжатость плана содержания, простоту плана выражения при сложной идее – идее благодарности и прощания. 2.2.3. формально – ответное письмо, «половина диалога», содержательно – философское послание, в котором философско-этическая проблематика раскрывается в пределах полемики ответа; по сути Лю Чжэнь излагает свою моральную философию. В 2.1.2. раскрывается еще одна грань таланта его автора – Цао Чжи предстает не только как одаренный литератор, но и как советник, стратег; письмо, будучи формально достаточно нейтральным, оказывается жестким и резким. 2.1.3. – письмо-перевертыш.

Все двенадцать сочинений формируют многоликий облик прозаического послания, созданного в Китае на рубеже Древности и Средних веков. Некоторые письма воспринимаются, прежде всего, как носители информации, какие-то – как фиктивные литературные письма, в которых эпистолярная форма выступает как чисто художественный прием, а отдельные – как записанная речь, предназначенная для устного произнесения. Вне

⁶⁹¹ В этом смысле несколько особняком стоят 2.1.1. и 2.4.2. – см. анализы.

зависимости от того, с какой разновидностью эпистолярного произведения мы имеем дело, каждое из них сочетает в себе и литературно-художественную, и ораторско-риторическую природу (при возможном отсутствии утилитарно-информативной природы в узком понимании таковой), квинтэссенцией которых становится реализация установки на убеждение как на письме, так и в письме.

ГЛАВА III. ПОЭТИКА ЖАНРА ПОСЛАНИЯ В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

Рассмотрев стихотворные и прозаические послания, созданные в Китае на рубеже Древности и Средних веков, мы должны ответить на главные вопросы, поставленные нами в самом начале исследования:

- 1) Что такое послание?
- 2) Что объединяет и разъединяет стихотворные и прозаические послания?
- 3) Что есть общего между китайскими раннесредневековыми посланиями и схожими сочинениями – такими же стихотворными и прозаическими посланиями, – написанными в иные эпохи в других уголках земного шара?

Иными словами, теперь нам предстоит:

1) Теоретически обосновать правомочность заявленной темы, а именно последовательно разъяснить, почему, зачем и на основании чего стихотворные и прозаические послания рассматриваются нами в рамках одного исследования как явления по меньшей мере смежные;

2) Опираясь на понятийный аппарат, выработанный теорией литературы, обобщить проанализированный материал, выдвинув его жанровое определение;

3) Проводя параллели с посланиями, относящимися к другим литературным традициям, выявить типологические характеристики послания, подчеркнув в то же время самобытность и своеобразие китайского литературного письма;

4) Дополнить и пополнить существующие исследования, посвященные посланию либо затрагивающие его, теоретическими изысканиями, проведенными на китайском материале;

5) Углубить понимание жанра послания как такового – выводы, извлеченные и представленные нами, могут проявить свою актуальность, доказательность и жизнеспособность применительно не только к китайскому и не только к раннесредневековому посланию.

В отличие от русских и европейских посланий⁶⁹², которые в той или иной степени теоретически осмыслились, китайские послания – как стихотворные, так и прозаические,

⁶⁹² Скажем шире – западных.

как в самом Китае, так и за его пределами – едва ли становились предметом специального теоретического изучения. Поэтому мы, опираясь на теоретический инструментарий, разработанный русской и европейской наукой, воспользуемся им в применении к китайскому материалу, благо типология мировой литературы, ничуть не оспаривающая уникальность литератур национальных, это позволяет. Кстати, идея соположения стихотворных и прозаических посланий, хотя и высказывалась ранее отдельными учеными, так и не была в должной мере воплощена и развернута, поэтому те теоретические выкладки, которые будут представлены нами по итогам анализа китайских посланий, могут быть использованы и при рассмотрении эпистолярных сочинений, обстоятельства создания которых удалены от раннесредневекового Китая в пространстве и времени. Нас же, в свою очередь, на многие мысли навели, даже натолкнули предшественники, занимавшиеся иными регионами, другими эпохами.

Теоретическим подспорьем в написании этой главы служили отечественные и западные исследования, нацеленные, в основном, на изучение русского и европейского послания (как стихотворного, так и прозаического; комплексных исследований по посланию среди них не нашлось). Обращение к последнему было продиктовано необходимостью рассмотрения литературного явления на другом его полюсе, а Европа вполне представляет собой таковой по отношению к Китаю; отсылки к первому важны потому, что по-настоящему прочувствовать явление можно лишь в рамках национальной традиции, которая и позволит его экстраполировать на прочие. Перечень работ, на которые мы опирались и на которые будем ссылаться, никоим образом не претендует на полноту и всеохватность, однако в полной мере являет срез проблемы, освящаемой по-разному в трудах, так или иначе упоминающих послание.

Обратимся сначала к посланиям стихотворным, затем – прозаическим.

Очертив круг используемых терминов, отметив наиболее предпочтительные из них, отдавая себе отчет в терминологической разноголосице, даже какофонии, предложим ввести в синологический научный оборот именно те, которые, на наш взгляд, будут наиболее четко и метко, наименее двусмысленно именовать те явления, в которых мы и пытаемся разобраться.

В лирической поэзии традиционно принято выделять жанр послания. В частности, именно этот жанр был одним из самых продуктивных в дириже М.Ю. Лермонтова [Нилова, 2009, С. 9]. Стихотворения, написанные в этом жанре, называли в том числе поэтическими письмами [Там же, С. 14], становящимися звеньями поэтической переписки [Там же]. Уже здесь видны пересечения между письмами стихотворными и прозаическими – и те, и другие, являясь письмами, выполняют их базовые функции, т.е. служат цели коммуникации.

Забегая вперед, оговорим, что, по нашему мнению, мы имеем дело с эпистолярным жанром, явленным в двух формах – стихотворной и прозаической. А поскольку «предметом послания являлась жизнь во всех ее проявлениях» [Там же], то охват тем, затрагиваемых в послании, был априори широк, что и обеспечило его характерную политематичность. Кстати, многообразие тем (где-то актуальное, где-то лишь потенциальное, подразумеваемое или выводимое в подтекст) отнюдь не исключало наличия одной-единственной доминирующей темы, определяющей жанровую разновидность.

Наряду с политематичностью «послание в стихах», будучи применительно к русской литературе XIX в., например, признанным в качестве заметного явления эпистолярной и риторической культуры [Геронимус, 1996, С. 20] (вновь пересечение с прозаическим посланием), обнаруживает и явную синкретичность: как будут отмечать многие исследователи, послание способно инкорпорировать элементы других жанров – если мы говорим о послании стихотворном, то это, в первую очередь, элементы элегии и идиллии. Причем элегия будет представлять «отрицательный» полюс послания, а идиллия – «положительный» [Там же, С. 21].

Наибольшей жанровой определенностью, по мнению Е.В. Богданович, характеризуются дружеские послания, поскольку именно они «тяготеют к устойчивому набору мотивно-тематических комплексов и топосов» [Богданович, 2011, С. 5]. Исследователь отмечает наличие очевидных переключек между стихотворными дружескими посланиями и анакреонтической, элегической поэзией [Там же, С. 12,13]. Хотя с последним утверждением мы не можем не согласиться применительно к раннесредневековым китайским стихотворным посланиям – действительно, анакреонтический и элегический эмоциональные комплексы наложили отпечаток на большинство этих посланий, – однако первое утверждение мы можем принять лишь с оговорками и поясним почему. Несомненно, дружеские послания в узком смысле слова (как стихотворные, так и прозаические) в самом деле обнаруживают устойчивый набор формальных и содержательных признаков, роднящих эти послания друг с другом. Однако мы бы предложили употреблять термин дружеского послания и в более широком смысле – как формат общения, обусловленный доверительными отношениями двух эпистолярных визави и в силу этого допускающий разговор фактически на любую тему, поскольку искренность, свобода в выражении мыслей и изъятии чувств и являются следствием близких взаимоотношений. В таком случае «дружеским» в широком смысле слова может быть названо и стихотворное послание к возлюбленной, и прозаическое к сыну. Кстати, дружеское послание, воспринимаемое, как правило, в качестве наиболее репрезентативного жанрового инварианта, иногда называют жанром, с чем мы и согласны, и не согласны

одновременно. В случае использования термина «дружеское послание» в узком смысле слова мы подразумеваем под ним жанровую разновидность, т.е. дружескую разновидность стихотворной (стихотворной в данном случае) формы послания. Если мы апеллируем к термину как носителю полноты смыслов, заключенных в нем, то, на наш взгляд, мы вправе назвать его жанром – жанром дружеского послания в двух его формах, стихотворной и прозаической, поскольку определение «дружеский», заключая в себе прямое указание на доверительность взаимоотношений двух участников эпистолярной ситуации, заявляет свои притязания на максимально широкий охват тем, не ограничивающийся изъявлениями дружеских чувств, сетованиями на разлуку, предвкушением встречи.

Наряду с термином «эпистолярный жанр» в ходу и термин «эпистолярный стиль», причем применительно как к стихотворным посланиям, так и к прозаическим. О прозаических посланиях мы выскажемся позже; что касается посланий стихотворных, то, на наш взгляд, если принимать во внимание рассматриваемую эпоху, жанр – более универсальный классификатор, нежели стиль, поскольку жанр ориентирован, прежде всего, на смыслы, не на формы. И в России, и на Западе до XIX в. в лирике главенствовала поэтика жанров, а не поэтика устойчивых стилей [Гинзбург, 1974, С. 20].

На полноту смыслов, заложенных в послании (или дружеском послании – без доверительных отношений формат оказывается немислимым), указывает еще один термин, вошедший в научный обиход, – «статья в стихах», т.е. послание может быть своего рода «философской, нравоучительной или эстетической статьей в стихах» [«Поэты XVIII века [Текст]», 1936, С. 13–14]. На примере раннесредневековых китайских посланий мы убедились, что такой же философской, нравоучительной или эстетической статьей может быть и прозаическое послание, или же прозаическая эпистола. Кстати сказать, эпистолами принято именовать как послания стихотворные, так и прозаические, что в очередной раз подтверждает нашу мысль о единой жанровой основе этих двух жанровых форм.

В ряду жанровых форм адресованной лирики, помимо послания и письма, стоит еще и посвящение [Боровская, 2009, С. 4,6], которое, с нашей точки зрения и в применении к нашему материалу, является подвидом стихотворного послания, – далее мы будем его именовать либо посвящением, либо посланием-посвящением.

Среди стихотворных посланий, рассмотренных нами, тоже есть те, которые тяготеют к посвящениям, на чем мы подробнее остановимся ниже. Здесь еще важно отметить, что, по нашему мнению, термин «адресованная лирика» применим не только к поэзии хотя бы потому, что как лиричность обнаруживается в некоторых прозаических письмах, так и риторичность – в некоторых стихотворных, а адресны и те, и другие, ибо адресованность – базовая характеристика любого послания, другое дело, что адресат может

быть не назван, может быть лишь подразумеваем, а может быть воплощен в собирательном образе.

О взаимопроникновении лиричности и риторичности в посланиях имплицитно говорит тот же автор: хотя послание называется жанровой формой адресованной лирики, автор не обходит стороной и его риторические особенности [Там же, С. 20].

Отсутствие адресата, а оно у нас встречается в стихотворных посланиях, не должно восприниматься как признак, указывающий на несоответствие произведения жанровым характеристикам. Адресат может быть не просто зашифрован, он может быть не назван принципиально – в таком случае послание адресовано не конкретному человеку, с которым у адресанта близкие отношения, а «идеальному единомышленнику, способному понять и оценить автора» [Нилова, 2009, С. 15]. Хрестоматийный пример – «Выражаю стремления» Цао Чжи, являющееся посвящением или посланием-посвящением, а не собственно посланием.

Потребность быть понятым также становится одной из отличительных черт послания, как стихотворного, так и прозаического. Причем конкретика жанра дает проекцию на его абстрактность: конкретный случай из жизни служит импульсом для абстрактных рассуждений на самые разнообразные, подчас абсолютно отвлеченные, напрочь оторванные от того или иного биографического эпизода, темы. Послание дает возможность высказаться, выговориться (скорее, стихотворное) или сообщить информацию, убедить в чем-то, побудить на что-то (скорее, прозаическое) в условиях пространственной удаленности автора и адресата друг от друга. Поэтому собственно дружеские, дружеские в узком смысле слова, послания (равно как и дружеские послания-посвящения), облеченные, как правило, в стихотворную форму, наделены предельной лиричностью, посвящены расставанию, разлуке друзей, что касается, несомненно, не только китайской литературы, – здесь мы вновь вступаем на поле жанровой типологии. Дружеское послание в узком смысле слова, будучи наиболее «чистой», рафинированной, очищенной от примесей жанровой формой, объективное обстоятельство – удаленность в пространстве – возводит в абсолют, становящийся основой для излиятий лирического субъекта.

Сейчас нами было вскользь затронуто одно из важнейших отличий стихотворных посланий от прозаических – главенствующая роль «воображения и чувств автора» [Кузнецов, 2001, С. 2], на что обратил внимание И. Рижский в своей «Науке стихотворства» 1811 г. Однако, как мы уже отмечали, доминанта чувства в стихотворном письме, а разума – в прозаическом отнюдь не исключает наличия разума в первом, а чувства – во втором. На близость послания стихотворного к прозаическому указывает и тот факт, что до середины

1830-х гг. в отечественной эстетике было принято относить стихотворное послание, несмотря на его лиричность, к четвертому литературному роду – дидактической поэзии [Там же, С. 3], а дидактика, т.е. поучение и наставление, – одна из основных установок послания прозаического. Кстати, по мнению Рижского, литературное прозаическое письмо не уступало стихотворному в своей художественности («в рассуждении содержания, расположения и степени слов и украшений» [Там же, С. 2]), что лишний раз подтверждает наше право на соположение стихотворных и прозаических эпистол на страницах одного исследования.

В прозаическом послании более широко раскрывается такой жанроотличительный, отчасти жанрообразующий признак послания, как универсальность (послание является посланием во многом благодаря тому, что в нем могут затрагиваться фактически любые темы): в прозаическом послании еще более очевидным становится то, что его «содержанием может быть все» [Там же, С. 15], как метко выразился Н.Ф. Остолопов в своем «Словаре древней и новой поэзии» 1821 г., – эта мысль находит подтверждение и у современных исследователей.

Как и многие исследователи, изучавшие послание, Н.Ф. Остолопов предлагал свои термины для его обозначения. Например, стихотворное послание он называл жанровой формой жанра послания [Там же]; можно предположить, что, по его мнению, прозаическое было другой формой этого жанра. Соответственно, то понимание жанра послания, которое выдвигаем и обосновываем мы, по своей сути не является новым, оно так или иначе предлагалось и ранее, однако не подавалось в структурированном и систематизированном виде. Любопытно, что дружеское послание Остолопов называл поджанром [Там же]; отчасти подобная постановка вопроса, точнее подобное решение этого вопроса, нам импонирует, однако в таком случае мы должны за дружеским посланием признать его особый статус, возвышающий его над другими жанровыми разновидностями, что по сути справедливо. Однако, допуская правомочность применения термина «поджанр» в отношении дружеского послания в широком смысле слова (в широком смысле большинство посланий – дружеские, ведь они, даже не являясь буквально дружескими, предполагают наличие близких взаимоотношений между адресантом и адресатом, что делает этот тип посланий не просто одной из разновидностей жанра послания, а поджанром этого жанра, способным объять и сам жанр), мы позволим себе называть его жанровой разновидностью применительно к собственно дружеским посланиям (если смотреть на вопрос более узко, то одна из разновидностей – любовные послания, вторая – собственно дружеские послания и т.п.; в данной работе нами рассматриваются только любовная/семейная и дружеская разновидности). Среди рассмотренных нами сочинений

(как стихотворных, так и прозаических) есть те, в которых формат дружеского послания выступает лишь в роли фактора, раскрепощающего мысли и чувства (при этом сами послания по своему содержанию необязательно являются собственно дружескими), а есть те, которые содержат стандартный набор признаков (применительно к стихотворному посланию это, прежде всего, признаки сочинений анакреонтических, элегических, идиллических), характеризующих собственно дружеское послание. В первом случае мы имеем дело с дружеским посланием как поджанром жанра послания, во втором – с жанровой разновидностью жанра послания. Мысль о том, что дружеское послание – одна из разновидностей жанра послания, причем наиболее частотная, высказывалась и ранее, применительно к отечественной литературе, – см., к примеру: [Кузнецов, 2001, С. 43]⁶⁹³.

Терминологическая неразбериха, сложившаяся вокруг послания, свидетельствует о сложности, синтетичности жанра, ведь расплывчатыми, текучими оказываются границы не только между его жанровыми разновидностями, но и его границы с другими жанрами. Даже В.Г. Белинский высказывался на тему послания весьма скудно, по-видимому, чувствуя, что схватить, зажать его в рамках крайне трудно. В.С. Краснокутский прямо сформулировал проблемы, возникающие у исследователей при рассмотрении послания, не поставив при этом под сомнение его жанровый статус: «Послание – жанр принципиально неустойчивый, вариативность заложена в его природе» [Краснокутский, 1974, С. 29]. По этой причине стихотворное и прозаическое послания иногда оказываются функционально взаимозаменяемы [Kusiak, 1982, S. 22], что становится еще одним доказательством правомочности их соположения. На наш взгляд, своеобразие жанра послания состоит, главным образом, в его универсальности, на что мы постоянно указывали в наших анализах и что подтверждает тезис Е.П. Мстиславской – «послание – жанр универсальный» [Мстиславская, 1970, С. 256].

На сходство между стихотворным и прозаическим посланиями обращали внимание многие русские теоретики литературы начала XIX в., говоря о том, что стихотворное послание – «“всего лишь” письмо в стихах» [Там же, С. 61]. Формулировка «всего лишь» весьма спорная, но сам тезис вполне жизнеспособен, если его не абсолютизировать. Таким образом, в качестве альтернативной может использоваться следующая терминологическая пара: «стихотворное письмо» и «прозаическое письмо». Тем не менее, по нашему мнению, она менее удачная, чем аналогичные – «стихотворное и прозаическое послание», «стихотворная и прозаическая эпистола», – поскольку в современном русском языке за

⁶⁹³ Мы с этой мыслью согласны, если, повторимся, речь идет о собственно дружеском послании.

словом «письмо» уже закрепились устойчивая коннотация средства письменного общения, причем, очевидно, прозаического.

В самом деле, в России начала XIX в. «дружеское письмо» как термин, обозначающий жанр, был широко в ходу. На допустимость рассмотрения дружеского письма как самостоятельного жанра указывает У.М. Тодд III [Тодд, 1994, С. 7]. К слову сказать, в рамках компаративистского исследования можно провести некоторые параллели между Пушкинской эпохой и периодом могущества семейства Цао, между «Арзамасом» и Семейю *цзяньаньскими* мужами. Как арзамасцы, так и Семеро мужей были литераторами-любителями, основной сферой деятельности которых была государственная служба. Как для одних, так и для других дружеское письмо (в широком смысле), и стихотворное, и прозаическое, воплотило в себе «идеал литературной жизни в условиях империи: “личное общение высокообразованных индивидуумов, принадлежащих к одному социальному слою”» [Там же, С. 21]. Мы полностью согласны с У.М. Тоддом в том, что письмо, будучи преимущественно явлением социокультурным, становится фактом литературы в те эпохи, в которые «доминируют аристократы-любители, в эпохи внимательного отношения к деталям повседневной жизни и в такой культурной ситуации, когда образованное общество само по себе становится произведением искусства» [Там же, С. 8]. Мы ничуть не намерены подтягивать реалии Ханьской империи конца II – начала III вв. под реалии Российской империи первой трети XIX в. или наоборот, но параллель очевидна. Более того, нам не представляется возможным говорить о существовании жанра дружеского письма в китайской литературе рубежа Древности и Средних веков – мы выделяем эпистолярный жанр, бытующий в стихотворной и прозаической формах, каждая из которых была представлена разновидностями, наиболее репрезентативной из которых была дружеская (дружеское послание как наиболее общее именование для посланий, которыми обменивались люди, состоящие в близких отношениях, может быть названо поджанром, о чем мы сказали ранее). Однако вместе с тем показателен подход самих арзамасцев к жанровой атрибуции послания, письма. Хотя жанр как таковой они определяли по доминирующему чувству, письма они рассматривали с точки зрения стиля, личностного начала и содержания [Там же, С. 9]. Подобный подход с определенными оговорками применим и к раннесредневековым китайским посланиям. Для стихотворных посланий, в которых превалирует лирическое начало, именно чувство выступает в роли фактора, относящего послание к той или иной разновидности, поскольку именно чувство задает набор мотивов, тему, тональность. Поэтому, говоря о стихотворных посланиях, мы почти автоматически делим их на дружеские и любовные. Для посланий прозаических действительно первичны содержание и авторская (ораторская!) установка, модальность

посыла, с опорой на которые мы и выделяем их жанровые разновидности. Однако чувство в поэзии и есть ее содержание, поэтому разновидности посланий – как стихотворных, так и прозаических – мы выделяем по тематическому принципу. Охват тем был самым широким, что обеспечивалось близкими, не всегда дружескими отношениями между участниками эпистолярной ситуации, поэтому жанр послания максимально вписан в жизненный контекст, биографическую реальность: внелитературный факт влияет на литературный, определяя правила функционирования жанра. Политематичность обусловила аморфность жанра, преодолевающего жанровые границы, сочетающего в себе элементы других жанров. Обыденность письма (послания), оттеняемая его эстетичностью, способность письма жить на грани вымысла и действительности, литературы и реальности, возможно, стала одной из причин, по которой письмо еще в Античности мыслилось как подарок. Действительно, подарком послание называли не только древние китайцы, но и, к примеру, Деметрий [Деметрий, 1978, С. 268].

Мысль о том, что послание как жанр расположено на границе двух реальностей, фактической и литературной, витала в воздухе ранее, еще много веков назад: в частности, ни Гораций в эпистоле «К Пизонам», ни Буало в «Поэтическом искусстве» не посвятили посланию ни строчки, хотя и тот, и другой написали немало посланий; видимо, они подспудно осознавали, что обитает послание где-то между литературой и бытом [Тамарченко, 2004, С. 118–119]. Более того, высказывалась мысль и о бытовании послания на границе поэзии и прозы [Там же, С. 120], что вновь подтверждает выносимое на защиту положение: эпистолярный жанр, будучи представленным в двух формах, стихотворной и прозаической, допускает существование бесчисленных нитей, связывающих две эти формы. Даже три основных термина, используемых в отношении этого жанра, – эпистола, письмо, послание – приложимы как к стихотворному, так и прозаическому тексту. Три базовыми жанроопределяющими и жанрообразующими признаками с необходимостью наделены как стихотворные, так и прозаические послания. Это наличие адресата, коммуникативной ситуации и речи, обращенной к адресату. Безусловно, есть и другие черты, характеризующие стихотворное и прозаическое послания одновременно (интегральные жанровые признаки) или же каждое из них в отдельности (дифференциальные признаки), однако вышеперечисленные три определяют облик жанра. При этом своеобразие жанра во многом заключается в том, что его невозможно свести «к единому тематическому полю или к общности жанровой эмоции» [Там же, С. 119].

Предельные проявления жанра послания, среди которых, в первую очередь, – эссе, существуют на периферии родовой классификации: они не вписываются в традиционную триаду эпос–лирика–драма [Теория литературы, 2013, С. 311]. А послания-эссе – не явления

Нового или Новейшего времени, как можно было бы подумать; в раннесредневековой китайской литературе они уже встречаются, и ярчайший тому пример – «Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи. Собственно, отчасти здесь проявляется слабость многих, даже большинства классификаций: упорядочивая явления, они одновременно загоняют их в узкие рамки, поэтому мы солидарны с теми исследователями (см., в частности: [Теория литературных жанров, 2011]), которые видят в жанре не классификационную функцию, а семантическую – выделение категории жанра необходимо не для сортировки литературных явлений, а для более ясного и глубокого понимания их смыслов [Теория литературных жанров, 2011, С. 4]. Поэтому в нашей работе мы мыслим жанр не как классификационную единицу, а как единицу (структурно-)семантическую, обладающую набором определенных признаков. Нами не выдвигается новое понимание жанра, мы лишь оговариваем, под каким углом зрения, не выпадающим из ряда общепринятых подходов и представлений, мы на жанр смотрим. В работе мы опираемся на наиболее обобщенное определение жанра – такое, которое впоследствии могло бы допустить поправки и уточнения, а именно: жанр представляет собой группу (или класс) произведений, объединенных общностью основополагающих признаков, сформировавшихся под воздействием культурно-исторических и литературных реалий и отличающих произведения, входящие в эту группу, от произведений, образующих иные группы (за основу взяты мысли из [Теория литературы, 2013, С. 313]). Отдавая себе отчет в неполноте этого определения, мы, тем не менее, опираемся на него как на наиболее гибкое и емкое в применении к словесности традиционной, коей и была китайская литература рубежа Древности и Средних веков.

Перейдем к более детальному типологическому рассмотрению прозаического послания. В ходе этого рассмотрения мы будем обращаться и к посланию стихотворному.

С обобщением исследовательского материала, посвященного прозаическому посланию, дело обстоит чуть сложнее, поскольку мы сразу наталкиваемся на целый ряд вопросов, сводимых к трем: в чем проявляется художественность анализируемых нами писем; чем отличается бытовое письмо от «литературного»; что позволяет причислять рассматриваемые письма к «литературным»? По-прежнему остается открытым вопрос правомочности соположения стихотворных и прозаических посланий на страницах одного исследования, обоснованности возведения таковых к общему жанровому корню, справедливости именованья их двумя жанровыми формами одного жанра – на этот вопрос мы продолжим давать ответы, только уже с позиций рассмотрения прозаических посланий.

Все рассматриваемые прозаические письма тоже в широком смысле слова являются дружескими – это послания частного характера, адресованные людям, с которыми автор состоял в достаточно близких отношениях, причем необязательно буквально дружеских.

Это могли быть письма не только от друга другу или от друга друзьям, т.е. от равного к равному, но и от отца к сыну, от вышестоящего в общественно-политической иерархии к нижестоящему и наоборот. Все эти письма характеризовались тремя основополагающими жанровыми признаками (базовыми и интегральными), которыми были отмечены послания стихотворные, т.е. наличием адресата, коммуникативной ситуации и речи, обращенной к адресату. Только если речь в стихотворных посланиях была, в основном, лирическая, то в прозаических она была, главным образом, риторическая, что не исключало присутствия в первых риторических элементов, а во вторых – лирических. Взаимное проникновение двух жанровых форм, в который раз подтверждающее их единую жанровую первооснову, и здесь имеет конкретные проявления: например, к прозаическим частным посланиям применяют и термин «лирическая проза» [“Лирическая проза” в зарубежных литературах, 1993, С. 1], тем более что в них иногда встречаются стихотворные вставки, перемежающиеся с прозаическим текстом [Там же]; однако наличие явных лирических элементов не исключало присутствия риторических, равно как и традиционных прозаических эпистолярных приемов [Там же].

Тем не менее, употребление термина «риторическая проза» в отношении прозаических посланий представляется нам более корректным, и у этой точки зрения также есть свои сторонники (см., например: [Антонова, 2011, С. 15]). А более корректным потому, что прозаическое послание, будь то краткая записка информативного характера или пространное, развернутое эссе философского содержания, нацелено на убеждение, которое может быть воплощено как собственно в убеждении, так и в осуждении, вразумлении, предостережении, поощрении, порицании и т.п. Стихотворное же послание при возможном наличии повествовательных, описательных, риторических, даже логических элементов направлено, прежде всего, на излияние чувств, выражение мыслей, передачу настроения.

Именно поэтому наиболее показательным с точки зрения полноты набора жанровых признаков является дружеское послание (как стихотворное, так и прозаическое), дружеское в широком смысле слова, по той причине, что вряд ли кому-то придет в голову раскрыться (либо в лирическом ключе, либо риторическом) на письме перед тем, с кем он не близок и к кому он равнодушен. Доверительный, близкий характер взаимоотношений между людьми, которых что-то объединяет или объединяло, становится базисом для послания – внелитературное обстоятельство определило литературные. На то, что дружеские или, вернее, просто близкие отношения, являющиеся фундаментом доверительного общения, способны охватить самый широкий круг тем, прямо или косвенно указывали исследователи русской, европейской литератур, в частности – Н.И. Белунова [Белунова, 2000], Е.Р. Келлер [Келлер, 2000].

Кстати сказать, древний и раннесредневековый Китай, равно как и средневековая Русь, практически не знал литературного письма в чистом виде – подавляющее большинство прозаических писем в той или иной степени функционально, в отличие от писем стихотворных, которые, как правило, не служат цели выполнения конкретных утилитарных задач. Однако вместе с тем прозаические сочинения, рассматриваемые нами, не будучи ни бытовыми письмами, ни деловыми документами, ни чиновничьими указами, ни официальными прокламациями, а будучи средствами письменного общения виднейших представителей своего времени, причем представителей, не чуждых изящной словесности, ничуть не менее эстетичны, чем послания стихотворные, просто эстетика их несколько другая.

Прозаические послания в той же мере, в какой и стихотворные, обнаруживают синтез разнородных, казалось бы, элементов – риторических, логических, лирических, повествовательных, описательных; они так же характеризуются свободой самовыражения, обеспеченной доверительностью отношений и проявляющейся в произвольном объеме, политематичности, относительно вольной композиции; в них тоже найдется место метафорам, аллюзиям, реминисценциям. И в них авторы, обращаясь к адресату по определенному поводу, легко преодолевают границы конкретики, разворачивая рассуждения на самые разные, зачастую вечные, темы. А способность выразить в материальном объекте, т.е. в письме, в его телесной оболочке, идеи, претендующие на вневременную актуальность, проецирующие себя в вечность, и есть, собственно, одна из важнейших характерных черт произведения искусства, составляющая его особую ценность. Уже хотя бы в этом смысле рассматриваемые нами сочинения наделены качеством «литературности» – они являют собой образцы словесного искусства.

Мысли о том, что «литературное» прозаическое послание (по сути – речь оратора на письме) разительно отличается от обиходного частного (в основе – разговорная речь на письме), а письмо (разумеется, прозаическое) как произведение искусства резко контрастирует с письмом как явлением бытовой жизни, актуальны и с типологической точки зрения – они высказывались и специалистами по другим литературам, в частности, древнерусской [Антонова, 2011, С. 3].

Нами неоднократно подмечалось, что в прозаических посланиях глаголы семантического поля писания зачастую заменяются глаголами семантического поля говорения: вместо «написал» – «сказал», вместо «прочитал» – «прослушал». Это явление, также будучи типологическим (к примеру, в Англии эпохи Просвещения умение вести беседу было равноценным навыку ведения переписки [Келлер, 2000, С. 77]), объясняется риторической природой прозаической формы эпистолярного жанра (или стиля, как у

отдельных исследователей). Кстати, еще в Античности эпистолярием, его систематизацией и классификацией занималась именно риторика, причем она квалифицировала типы писем именно по тематическому принципу – в зависимости от главенствующей темы выделяем жанровые разновидности прозаической формы эпистолярного жанра и мы. Стихотворные послания, лирические по своей природе, мы делим на разновидности, ориентируясь на доминирующее в них чувство (главным образом, дружеское), раскрывающееся в ряде мотивов и тем, которые и составляют лирическое содержание.

Риторика в своей основе диалогична (письмо – «половина диалога»⁶⁹⁴), лирика, как правило, монологична, что, тем не менее, не влияет на общую типологическую структуру речи в литературной эпистоле, как стихотворной (введение темы, ее развитие, эмоциональное заключение), так и прозаической (введение, основная часть, заключение), – она трехчастна. В отдельных эпистолярных сочинениях мы находим и больше частей, но все они сводятся к базовым трем. Осознанно ли составляли из трех частей свои эпистолы раннесредневековые китайские авторы, или типология жанра негласно диктовала эти правила? Трудно сказать. Однако несомненно то, что авторы отдавали себе отчет в выбранной форме, поскольку в большинстве рассмотренных нами произведений жанровая маркировка значится в заглавии – это либо *цзэн*, либо *шу*; в отдельных случаях обозначение полностью отсутствует (это относится, скорее, к стихотворным посланиям-посвящениям). Но нам важен факт того, что стихотворные послания помечались *Цзяньаньскими* мужами не иначе, как *цзэн*, а прозаические – как *шу*. Мы не случайно сделали уточнение, еще раз подчеркнув художественный характер прозаических писем: их «литературность» необходимо отдельно оговаривать, в то время как «литературность» стихотворного текста даже на интуитивном, подсознательном уровне не ставится под сомнение, поскольку стихотворная организация речи, очевидно отличаясь от манеры повседневного общения, априори мыслится как эстетизированная – художественно обработанная.

В письме, как стихотворном, так и прозаическом, личность автора проявляется явственнее, чем в каком-либо другом жанре, только проекция этого я-сообщения в первом случае, скорее, частная, во втором – чаще публичная, что опять-таки легко объяснимо – лирика по своей природе камерна, а риторике тесно в рамках личного, пусть и ориентированного на общественное, она «идет в люди». Отчасти в силу этого обстоятельства прозаические письма часто подчинены цели решения прагматичных задач, выполнения утилитарных функций, порой самых широких по своему охвату; у лирики, как правило, иной масштаб, ей не нужна широкая аудитория.

⁶⁹⁴ Подробнее см. ранее.

Однако и в этом две формы эпистолярного жанра перекликаются между собой: древний и раннесредневековый Китай, да и вообще традиционный, не проводил четкой границы между личным и публичным – вероятно, именно по этой причине частное, просматриваемое сквозь общественное, и общественное, проглядывающее через частное, смотрятся столь органично. В английских письмах эпохи Просвещения, например, у Байрона, Шелли и Китса, личное и общественное сочетаются «в едином лирическом порыве» [Келлер, 2000, С. 169].

Индивидуально значимое и общественно значимое идут бок о бок в эпистолярных традициях других эпох и регионов – в частности, в России XIX века дружеская, т.е. личная, переписка становилась «формой ознакомления с общественной жизнью, формой общественно-политических и литературно-публицистических бесед» [Белунова, 2000, С. 5; Прохоров, 1964, С. 6–7].

И стихотворное, и прозаическое послания автобиографичны – за точку отсчета даже при «общественной» проекции речи берется личность автора, обстоятельства его жизни, однако в первом случае (в случае стихотворных посланий) автор испытывает потребность в общении, скорее, эмоциональном, что достигается лирическими средствами, а во втором – интеллектуальном, достигаемом средствами риторическими. Тем не менее, мы спешим спросить сами себя: а разве это (риторическое воспроизведение характера), этос, пафос не имеют прямого отношения к эмоциональной сфере нашей жизни, разве они не апеллируют к чувствам? Имеют. Апеллируют. Поэтому, наметив тенденцию (лирика – эмоция, риторика – рация), мы не возводим ее в абсолют, а, напротив, подчеркиваем ее огрубленный, условный характер.

Также мы не склонны разделять коммуникативное и эстетическое начало в эпистоле: к примеру, даже эпистолярные формулы, этикетные клише, которые присущи, главным образом, прозаическим посланиям, определенно художественны. В том и состоит своеобразие эпistolы: вряд ли какой-либо другой жанр смог бы уравновесить между собой коммуникативную, утилитарную, и художественную, собственно «литературную», составляющие, а эпистола, балансируя на грани литературы и самой жизни, с этим легко справляется. Но мы не должны сбрасывать со счетов саму эпоху, образованное общество которой, по меткому определению Тодда применительно к России первой трети XIX в., само по себе было произведением искусства; именно представители этого общества, литераторы-любители, эстетизировали свою жизнь настолько, что грань между литературой и жизнью становилась размытой до такой степени, что под их кистью даже информативное письмо (прозаическое) приобретало художественные черты, становилось «литературным». Вряд ли Семеро *цзяньаньских* мужей втайне лелеяли надежду, что их

письма когда-нибудь обнародуют, и поэтому намеренно облакали в литературную форму свою повседневную переписку, как это нередко делали европейские литераторы Нового и Новейшего времени. Маловероятно, чтобы Семеро мужей специально литературно обрабатывали свои письма, – эти письма в силу особенности людей и эпохи эстетичны по своей природе, живя на грани реальности фактической и художественной. Однако при этом нельзя забывать, что письма (как стихотворные, так и прозаические – вторые чуть в большей мере, поскольку применительно к ним даже уместно употребление термина «эпистолярный формуляр»⁶⁹⁵) были богаты на топоры, освященные традицией стандартизированные формулы, клишированные средства выражения мыслей и чувств (традиция предписывала соблюдать соответствие между чувствами, мыслями и теми словесными оборотами, с помощью которых их было принято выражать). Однако и здесь опасна абсолютизация – наличие стандартизированных формул отнюдь не пресекало на корню авторскую инициативу; напротив, отчасти по тому, как автор обращался со словесными штампами, можно было судить о том, насколько он искусен в своем мастерстве. И действительно, по мнению Лу Цзи (261–303 гг.), литератора и теоретика литературы, почти современника *Цзяньаньских* мужей, «трудность не в знании поэтической техники <...>, а в мастерстве ее использования» [Семененко, 2018 Б, С. 222]. В умелом использовании техники и проявлялся талант автора – это было «мастерство, идущее от “искусного сердца”» [Там же]. При этом немаловажным было и вдохновение, которое происходило от «небесного импульса» [Там же].

Подарком могли называться не только стихотворные послания; прозаические, а особенно те, словесная красота которых была бесспорной, тоже могли восприниматься как подарок, причем далеко не только в раннесредневековой китайской литературе, но и в средневековой русской, что подкрепляется примером писем царя Алексея Михайловича [Шунков, 2006, С. 37]. Отправление писем на Руси XVII в. могло сопровождаться подарком, чаще всего – рыбой [Подтергера, 2000, С. 21]. Знаем мы это в связи с эпистолярным наследием Симеона Полоцкого.

В эпистолярном творчестве царя Алексея Михайловича пересечение между стихотворным и прозаическим письмом также очевидно – свои письма царь часто писал ритмизованной прозой [Шунков, 2006, С. 42]. Его письма, делящиеся композиционно на четыре части (инскрипт, прескрипт, семантема, клаузула) [Там же, С. 29], по сути состоят из тех же трех частей – начальной (инскрипт, прескрипт), срединной (семантема) и конечной (клаузула). Прозаические письма Алексея Михайловича психологичны [Там же,

⁶⁹⁵ О формулярах прозаических писем пишет, к примеру, А.В. Шунков [Шунков, 2006, С. 69].

С. 37], равно как и письма Семи мужей, что неудивительно, – риторика, направленная на воздействие, сочетает спонтанное, казалось бы, чувство с упорядоченными мыслями, хотя и отдает предпочтение последним. Будет любопытно заметить, что весь арсенал средств убеждения – от логических до эмоциональных – задействовал в своих письмах Иван Грозный [Бачинский, 2013, С. 12].

В завершение сказанного не можем не добавить, что при анализе эпистолярия может использоваться лингвистический подход, при котором объектом изучения является эпистолярный стиль, представляющий собой один из функциональных стилей языка; в частности, этот вопрос применительно к японскому языку разрабатывала Е.Ю. Бессонова [Бессонова, 2002].

Мы же, продолжая наше литературоведческое исследование, вновь обратимся к рассмотренным ранее посланиям и попробуем дать резюме на анализ каждого из них, тем самым синтезировав наши практические и теоретические изыскания в области послания.

Начнем с истоков. Стихотворное послание, которое в китайской традиции уходит своими корнями в придворную поэзию, бытовавшую в рамках песенного фольклорного творчества, отличалось риторичностью; сама придворная поэзия того времени, представленная, в основном, хвалебными и обличительными песнями, была преимущественно дидактической. Отсюда следует, что стихотворному посланию уже на ранних стадиях его становления была присуща риторичность, которая, хотя и была впоследствии оттенена, даже оттеснена лиричностью, свидетельствует об общности корневой системы стихотворного и прозаического послания.

На то, что послание (в первую очередь, стихотворное) является одним из древнейших жанров в китайской литературе, указывает его присутствие (присутствие его прототипа) в *Шицзине* – жанровом фонде китайской литературы. «Ода Шэньскому князю», прообраз послания, содержит в себе и элементы панегирика, т.е. хвалебной оды (см. первое четверостишие), а наличие элементов других жанров в послании стало одной из его характерных черт, причем не только в китайской литературе. Хотя в заглавии «Оды Шэньскому князю» еще не значится иероглиф *цзэн*, которым будет помечено большинство ханьских стихотворных посланий, однако в сам текст послания вплетен мотив дарения («Полное звуков согласье творю, Шэньскому князю ту песню дарю») – уже тогда песня воспринималась как подарок. Кстати, мотив дарения встречается и во многих прозаических посланиях, что также составляет очередное пересечение между посланиями стихотворными и прозаическими.

В «Оде Шэньскому князю» мы уже находим полный набор интегральных признаков литературного послания – тех признаков, которыми с необходимостью отмечено любое

послание, как стихотворное, так и прозаическое: это наличие адресата, обращенной к нему речи и коммуникативной ситуации. И, наконец, послание, ведущее свое происхождение от самих истоков словесного искусства, даже будучи преисполненным художественности, не утрачивает связи со своим исходным прямым назначением, то есть выполнением конкретных утилитарных задач, что позднее проявляется особенно ярко в посланиях прозаических.

«Дочь *шаофу* Цюя одаривает стихотворением Лу Чуна» – следующее по счету стихотворное послание, которое сохранилось до наших дней, – уже помечено как *цзэн*. В самом послании присутствует мотив дарения, служащего средством выражения любви. Несмотря на то, что послание любовное, оно охватывает темы, с любовью напрямую не связанные, – такие, как разлука, преходящий характер всего сущего, обреченность человека на страдания. Само стихотворение содержит в себе как собственно лирическую, так и философскую составляющие. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что близкий характер взаимоотношений между участниками коммуникативной ситуации (здесь они – возлюбленные, далее они будут друзьями, родственниками, соратниками и т.п.) позволяет затронуть те вопросы, которые в беседе с чужим человеком не раскрыть. Само стихотворение мы причисляем к любовной разновидности стихотворной формы эпистолярного жанра по преобладающему в нем чувству, поскольку ключевой классификатор для лирических (лирических главным образом) посланий – чувство, а для риторических (преимущественно риторических) – тема речи, установка (тем не менее, и эта речь адресована человеку близкому).

«Посылаю супруге», в заглавии которого также значится иероглиф *цзэн*, представляет собой стихотворный подарок от Цинь Цзя к Сюй Шу. Нам известно, что супруги – оба литераторы – состояли в переписке, одаривали друг друга посланиями. Таким образом, их стихотворные письма, будучи сочинениями художественными, выполняли отчасти практическую, утилитарную функцию. И здесь мы видим явное пересечение стихотворных и прозаических посланий: и те, и другие могли становиться звеньями цепи одной переписки (прозаические в большей степени), могли преподноситься в качестве подарка (лирические в большей степени), были средством коммуникации (если в прозаических посланиях скорее передавалась информация, то в лирических изливалось чувство; если первые были направлены на рациональное убеждение, то вторые – на эмоциональное общение). И в «Посылаю супруге» мы находим разные мотивы (к примеру, разлуки, печали, одиночества), сгруппированные вокруг темы (темы тоски), поддерживаемой элегической тональностью; здесь есть и конкретные маркеры элегии – прежде всего, стремление обрести уютный уголок, который стал бы прибежищем от всех

жизненных невзгод. А любовная тематика (не тема, а тематика – тем много, а тематика одна), равно как и дружеская, задает формат доверительного общения, позволяющего осветить самый широкий круг вопросов, волнующих или интересующих автора либо его адресата; в стихотворных дружеских посланиях охват шире, чем в любовных, а содержание прозаических посланий может быть и вовсе всеобъемлющим, поскольку мы двигаемся от максимальной лиричности (стихотворные любовные послания) в сторону риторичности (одно из крайних проявлений – послания, представляющие собой дидактико-публицистические эссе).

То же самое мы видим и на примере цикла «Оставаясь в родной области, посылаю супруге», которое встраивается в контекст стихотворной переписки. Поскольку посланиями обменивались супруги, поэтому стихотворный, т.е. лирический, формат больше соответствовал характеру взаимоотношений, при котором раскрытие чувства подчас важнее донесения мысли. И в лирических, и в прозаических посланиях есть место и фабульности, и эмоциональности, и рациональным суждениям, однако в первых лирическое начало (выражение чувства) оттеснило риторическое (убеждение), во вторых – наоборот, но коммуникация первична в обоих, просто в одних она лирическая, вызывающая к чувству, во вторых – риторическая, апеллирующая к разуму.

По этой причине лирика, будучи в большей степени интровертной, сосредоточенной на собственном чувстве, обращенной внутрь себя, скорее монологична, а риторика, экстравертная по своей природе, устремленная вовне, направленная на убеждение слушающего/читающего, преимущественно диалогична. Лирическому субъекту важно не столько то, как отзовется его посыл в сердце визави, сколько излияние собственного чувства; оратор же соотносит каждое свое слово с той реакцией, какое оно вызовет у адресата его речи. В этом состоит одно из различий стихотворных и прозаических посланий, которые служат общей цели коммуникации, но при этом реализуют эту коммуникацию по-разному.

В «Оставаясь в родной области...» любовная тематика опять-таки создает интимный фон, благоприятствующий доверительному общению.

И здесь присутствуют элементы других жанров (элегии, оды), мотив дарения (дарение имплицитно определяется самим жанром послания, но еще и эксплицитно вербально; как одаривание подарками, так и отправление послания устанавливают между двумя людьми контакт, зачастую подтверждающий их взаимную привязанность), трехчастная структура, которая, как правило, составляет основу композиционного построения как стихотворных, так и прозаических посланий.

Дружба и любовь, будучи универсалиями, открывают возможности для самого разного тематического наполнения; внелитературный фактор – близость людей – обеспечивает возможность эпистолярного общения, которое, будучи подкрепленным свободой жанра, охватывает целое множество тем или, по крайней мере, способно охватить.

Стихотворения цикла «Оставаясь в родной области...» аллегоричны, как и большинство стихотворных посланий, – чувству часто тесно в словесной оболочке, оно страдает от застывшей формы, так и просится в подтекст, по самой своей сути бесформенный; прозаические послания, хотя и содержат аллегории, тем не менее, стремятся к ясности выражения, к четкости формулировок, к тому, чтобы в слове крепко схватить мысль.

Что касается стихотворения «Дикий гусь» Цао Чжи (посвящение/послание-посвящение), относящегося наряду со всеми последующими к дружеским, то его адресат как не именован в заглавии, так и не упомянут в тексте. Имя адресата, как и во многих подобных посланиях, не опущено – оно принципиально отсутствует, что указывает на обращение либо к другу как к собирательному образу, либо к вымышленному идеальному другу, либо, что реже, к зашифрованному другу.

Стихотворение «Дикий гусь» не помечено как *цзэн*, что компенсируется иероглифом «гусь» (雁 *янь*), помещенным в заглавие, ведь гусь – традиционный образ письма, вести. Все другие признаки послания, в том числе и трехчастная композиция лирического стихотворения, здесь налицо.

«Выражаю стремления», также не помеченное как *цзэн*, представляет собой невысказанное обращение к неназванным друзьям, что делает его, скорее, посвящением или посланием-посвящением.

А «Посылаю Дин И» («В начале осени появляется прохлада...») – уже *цзэн*, причем с именем адресата, обозначенным в заглавии. Один из основных мотивов этого стихотворения – разлука – также продиктован фактическими обстоятельствами: именно пребыванием друзей вдали друг от друга объясняется потребность в общении, причем в контакте эмоционально насыщенном; вновь внелитературные факторы напрямую повлияли на литературные.

Автобиографичностью, которая характерна как для стихотворных, так и прозаических посланий, отмечен цикл посланий «Провожая господ Ин» (к слову, стихотворная форма гораздо больше тяготеет к циклизации, нежели прозаическая; письма, даже будучи звеньями одной переписки, реже образуют циклы). И в отношении этого сочинения мы убеждаемся, что дружеские отношения – залог для возможности высказаться. И здесь мы видим элементы другого жанра, анакреонтической лирики, что вновь

доказывает синтетичность жанра послания. И в данном послании, как во многих последующих, события частной жизни мыслятся неразрывно связанными с историческими – Цао Чжи, тоскуя по друзьям, скорбит и по Лояну.

В «Провожая господ Ин» (собственно послание), маркированном как *цзэн*, адресаты заявлены в заглавии, однако в самом послании к ним нет прямого обращения.

В стихотворных посланиях адресат может быть либо вовсе не указан, либо обозначен только в заглавии, либо и помечен в заглавии, и упомянут в тексте.

«Расстаюсь с другом» (собственно послание) отличается от всех предыдущих и последующих стихотворных посланий наличием прозаического предисловия, которое, тем не менее, опять-таки является маркером межжанровых пересечений, поскольку предисловия были характерны, в основном, для од. Сама же лирическая эмоция разворачивается на элегическом эмоциональном фоне, есть в тексте и элементы идиллии.

Кстати, если письмо прозаическое почти всегда отправлялось адресату, то письмо стихотворное – не всегда: первое не могло не выполнить свою практическую задачу, второе было ценно, прежде всего, не своей функцией, а самим собой.

В заглавиях стихотворений «Взамен грядущего несчастья», «Мелодии *кунхоу*» Цао Чжи (оба – послания-посвящения) также отсутствуют как конкретный адресат, так и иероглиф *цзэн*. В обоих из них значима философская составляющая; во втором же дар упомянут в тексте («тысячи золотых монет»). Однако адресность⁶⁹⁶ не должна вводить в заблуждение – она может быть формальной: что касается «Посылаю Сюй Ганю» Цао Чжи⁶⁹⁷, хотя друг и обозначен в заглавии, стихотворение лишается ситуативной привязки, а изначальное обращение к другу – лишь повод, послуживший толчком для создания художественного произведения, живущего своей самостоятельной жизнью, не направленной ни на что более, кроме как на самовыражение эстетически значимое. Прозаическое письмо, будучи художественным, априори более конкретно, ситуативно, контекстуально. В связи с этим важно отметить одну существенную деталь: хотя и стихотворные, и прозаические послания коммуникативны, стихотворные, в отличие от прозаических, информативны не всегда. И в тех, и в других чрезвычайно важны три звена эпистолярной ситуации (вновь напомним: адресант – сообщение – адресат), но если в прозаических значимо, прежде всего, второе звено (собственно речь), то в стихотворных – первое (адресат) и третье (адресант), причем значимость первого выше. Как отмечалось ранее, в прозаическом послании, как правило, ценно то, что говорится (пусть и не всегда

⁶⁹⁶ Вернее, адресованность.

⁶⁹⁷ Собственно послания мы старались переводить как «Посылаю...», а послания-посвящения – «Посвящаю...».

напрямую), в стихотворном зачастую – то, что подразумевается. В прозаическом послании важна информация, собственно посыл, который необходимо донести, причем донести путем убеждения, – отсюда и его риторичность. В стихотворном послании первично выражение чувства и мысли лирического субъекта – оно лирично. Безусловно, абсолютизация здесь ни к чему, ведь и в прозаических есть место эмоциям, и в стихотворных – сюжетным элементам, философским рассуждениям, описательным вставкам и т.п. Более того, избегать абсолютизации стоит еще и потому, что между словом с одной стороны и чувством или мыслью с другой пролегла традиция стереотипов – все тех же стандартизированных, клишированных средств выражения мыслей и чувств. Поэтому даже лирический субъект не был полностью свободен в излиянии своего чувства – он делал это всегда с оглядкой на традицию.

К слову о философских рассуждениях: в обоих «Посылаю Дин И» Цао Чжи («В начале осени появляется прохлада...»; «Дорогие гости собрались на башне стены...») за желанием поддержать друга кроется стремление поэта изложить свою мировоззренческую позицию, то есть опять же дружба позволяет эмоционально раскрепоститься, дружеские чувства – импульс, стимулирующий постановку волнующих поэта вопросов.

Некоторые стихотворения Лю Чжэня, например, «Посвящаю братьям. Три стихотворения» (посвящение или послание-посвящение), помеченное как *цзэн* (все стихотворные послания всех далее рассматриваемых поэтов будут помечены как *цзэн*; эта маркировка могла отсутствовать только у Цао Чжи), представляет собой, скорее, посвящение или же послание-посвящение. Что мы хотим этим сказать? То, что стихотворное дружеское послание могло затрагивать целый ряд вопросов, подчас самых разнообразных, уже не вызывает сомнений. Однако в тех случаях (и «Посвящаю братьям. Три стихотворения» уже не первый подобный случай), когда текст скорее посвящен кому-то, вдохновлен кем-то, а не адресован кому-то или, может быть, адресован, но абстрактному другу, собирательному образу друга, мы имеем дело, скорее, с посвящением. Сама идея посвящения другу способна навеять чувства, наводить на мысли, с другом порой не связанные или же связанные косвенно, опосредованно. Дружба и любовь, две универсалии, позволяющие выразить то, что в других жанрах было не принято или, возможно, предосудительно выражать, получили литературное воплощение в виде послания (как дружеские, так и любовные) и посвящения (только дружеские). Вышеизложенная детализация не применима к прозаическим письмам, что тоже их отличает от стихотворных. Кстати, вероятно, посвящение не предполагалось быть прочитанным другом, а, может быть, и вообще кем-либо. И еще: *цзэн*, помимо значения «дарить», еще имеет значение

«посвящать», поэтому применительно к китайской традиции термин «посвящение», употребляемый в отношении некоторых стихотворных посланий, вполне органичен.

А вот «Посылаю Сюй Ганю» Лю Чжэня – собственно послание, заключающее речь, обращенную к Сюй Ганю. Однако и в этом сочинении, имеющем конкретную ситуативную привязку, дружба, доверие другу, позволяет поэту предаться размышлениям экзистенциального толка. Кстати, это стихотворное послание являлось частью переписки (вновь пересечение с прозаическим посланием), еще одной частью которой стало «Вновь посылаю Сюй Ганю» (тоже собственно послание). В нем проявилась еще одна черта, которая роднит стихотворные послания с прозаическими, – самоуничижение автора и возвеличивание им своего адресата.

Собственно посланием является и «Посылаю Цао Пи» Лю Чжэня – именно поэтому мы, стремясь к наиболее четкому переводу заглавия, отражающему жанровое своеобразие произведения, переводим его «Посылаю...», а не «Посвящаю...». «Посылаю Цао Пи» вобрало в себя и повествовательные, и описательные, и лирические, и риторические элементы.

Столь же богаты на разнообразные элементы и стихотворные послания Ван Цаня. «Посылаю Шисунь Вэньши», собственно дружеское послание в прямом смысле слова⁶⁹⁸, сочетает в себе событийный и эмоциональный уровни, фабульные и статические мотивы, повествовательные, описательные, лирические, риторические элементы логические рассуждения. Основная тема в нем – непосредственно дружба: поэт стремится не потерять нити дружеских уз. Однако и здесь затрагиваются вопросы общегосударственного значения. Разнообразием элементов отмечены и «Посылаю Вэнь Шуляну», в котором и о красноречии говорится, и о самом послании как о подарке другу, и «Посылаю Цай Цзыду» Ван Цаня. Поэтому, с «технической» точки зрения, стихотворные послания Ван Цаня могут производить впечатление самых «развитых», «зрелых» – в отличие от посланий всех предыдущих авторов, здесь мы находим сочетание повествовательных, описательных, риторических, логических, лирических элементов. С другой стороны, послания Ван Цаня монотематичны, что опять-таки их отличает от сочинений остальных Мужей, включая Цао Чжи.

В случае с «Посылаю Ян Дэцзу» Ван Цаня и «Посылаю Цао Пи» Сюй Ганя, помеченными как *цзэн*, мы имеем дело лишь с обрывками.

Теперь приступим к обобщению наших выводов уже со стороны прозаических посланий.

⁶⁹⁸ А таковыми были далеко не все раннесредневековые китайские стихотворные послания, хотя в широком смысле почти все они дружеские.

Как многократно отмечалось выше, базовые признаки произведений стихотворной и прозаической форм эпистолярного жанра – одни и те же: это наличие коммуникативной ситуации, адресата и речи адресанта, обращенной к нему (с той разницей, что в стихотворных посланиях автор – лирический субъект, а в прозаических он – оратор). В отличие от лирических посланий, в которых жанровые разновидности определяются по доминирующему чувству (любовному или дружескому), в прозаических они детерминируются главенствующей темой, следовательно, разновидностей посланий прозаических больше, чем посланий стихотворных. Тем не менее, нельзя не отметить, что все прозаические письма в широком смысле являются дружескими (частные неофициальные письма, как правило, направляют тем, кого неплохо знают), а все стихотворные, хотя и обнаруживают в себе лишь две тематики, посвящены самым разным темам.

Если стихотворные послания делятся на два типа (собственно послания, воспринимаемые авторами как таковые, и послания-посвящения, как правило лишенные жанровой маркировки, т.е. иероглифа *цзэн*), то все прозаические послания – *шу*. Применительно к анализируемым в работе *шу* можно утверждать, что все они – частные послания, представляющие собой художественные произведения разной степени художественности; мы имеем дело не с официальной документацией, не с государственной корреспонденцией и не с бытовыми записками.

Во всех прозаических письмах, рассмотренных нами, адресат именован в заглавии, и само письмо являет собой речь, обращенную к нему. На то, что письмо воспринималось как речь самими авторами, указывает то обстоятельство, что глаголы «говорить» – «писать», равно как и «слушать» – «читать», легко заменяют друг друга (к примеру, в «Письме Ян Дэцзу» Цао Чжи зачин – «Чжи говорит», а концовка – «Чжи пишет»).

Несмотря на то, что связь прозаических посланий с фактическими обстоятельствами жизни их авторов, казалось бы, крепче, однако и прозаические, и стихотворные послания являются литературными произведениями, покоящимися на биографической, вернее – автобиографической, основе. Тем не менее, прозаические послания неоднородны: среди них есть те, которые тяготеют к художественному полюсу (представляют собой сочинения художественной словесности, облеченные в эпистолярную форму), и те, которые ближе к пределу функциональному (служат цели замены устного общения, что, однако, не мешает им, написанным литераторами, быть художественно обработанными – здесь вновь уместно привести слова У.М. Тогда о том, что были эпохи, в которые само образованное общество, включая все то, к чему прикасались его представители, становилось произведением искусства). Здесь, скорее, важно то, что уже в раннесредневековых китайских посланиях,

как и в античных, эпистолярная форма могла быть чистой условностью, лишь формой литературного самовыражения.

Но связью с утилитарным назначением не стоит пренебрегать: прозаическое письмо, даже в высшей степени художественное, нацелено на конкретику – оно имеет ситуативную привязку, даже если эта привязка для автора малозначима по сравнению с самим содержанием (к примеру, даже эссеистическое послание «Письмо Ян Дэцзу» завершается как письмо, выполняющее функцию передачи информации и напрямую соотносящееся с фактической реальностью: «Свидимся [уж] завтра поутру, в письме не передашь [всего того, что] на душе»). Все потому, что ядро прозаического письма – информация, пусть и касающаяся отвлеченных вопросов, а стихотворного – эмоция; но опять-таки и то, и другое – коммуникация, просто в одном случае – информативная, в другом – эмоциональная. Тем не менее, нельзя упрощать, поскольку и риторическая аргументация без воздействия на чувства не достигает желаемого эффекта.

На связь прозаического письма с его изначальной функциональной направленностью указывают стандартные эпистолярные формулы, которые мы едва ли найдем в стихотворных посланиях: прозаическое послание еще амбивалентно – его форма функциональна, а содержание, даже если местами и функционально, уже оформлено, преподнесено, подано эстетически.

Эпистолярный жанр в двух своих формах субъективен – личность автора в письме проявляется явственнее, чем в каком-либо другом жанре. А субъективность, несомненно, смежна с автобиографичностью.

Тезис о том, что «письмо – это сжатое выражение дружеского расположения» [Деметрий, 1978, С. 274], применим к обеим формам эпистолярного жанра: дружба подразумевает доверительность, откровенность, поэтому многие дружеские послания необязательно посвящены дружбе как таковой, ведь дружеские отношения (или просто близкие) – условие, без которого искреннее (со)общение состояться не может.

Обе жанровые формы подвижны, текучи, гибки. «Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи представляет собой эссе, содержащее пространные рассуждения, абстрактные размышления, теоретические обобщения. Теоретические обобщения мы вряд ли найдем в лирическом стихотворном послании (там могут быть элементы логических рассуждений, но лишь в виде вкраплений), а здесь уже логически выверенный текст.

Пунктирно намечается и шкала лиричности–риторичности: в цепочке любовные стихотворные послания – дружеские стихотворные послания – родственные/дружеские/доверительные прозаические послания максимально лиричны первые, а максимально риторичны последние.

Жанр послания держится на двух полюсах – чисто художественном, эмоциональном (ближе всего к нему стихотворные любовные послания и дружеские посвящения) и максимально функциональном, информативном при сохранении художественности (прозаические послания, которые представляют собой не фиктивные письма, т.е. не сочинения изящной словесности в эпистолярной оболочке, а реальные информативные послания, зачастую сопровождаемые датой написания или отправления).

Перемещаясь между двумя полюсами, послание политематично, многофункционально, оно способно интегрировать элементы других жанров, даже «маскироваться» под них (стихотворное послание может быть элегическим; прозаическое может предстать в виде эссе).

Поскольку любое прозаическое письмо ближе ко второму полюсу, оно имеет больше формальных маркеров (непрененно указан адресат, в заглавии значится иероглиф *шу*, начало и конец написаны по шаблону), тяготеет к более формализованным средствам выражения, более стандартизированной форме (собственно письму – средству обиходной, бытовой коммуникации).

Одно письмо, а тем более столь свободной формы, как эссеистическое «Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи, будучи в самом общем смысле дружеским, сочетает в себе несколько разновидностей прозаической формы эпистолярного жанра: оно одновременно и упрекающее, и порицающее, и вразумляющее, и объяснительное. Опять-таки дружеские отношения становятся своего рода индульгенцией на коммуникативную свободу: в «Письме Ян Дэцзу» Цао Чжи выражает свое творческое кредо, свою общественно-политическую позицию, свои моральные принципы. Здесь эпистолярная форма – условность (к слову, и Гораций, почти современник Цао Чжи, облакал в интимную форму посланий морализующие рассуждения о собственной жизни, а также свою теорию поэзии – см.: [Миллер, 1967 А, С. 16]).

Вообще эссе – сложная форма, ее даже называют внеродовой [Теория литературы, 2013, С. 310–311]. Эссе само по себе балансирует между эмоцией и информацией, т.е. амбивалентность эпистолярного жанра проявилась даже в такой его реализации, как эссеистическое письмо. Амбивалентность проявляется и в сочетании планов конкретики (признак прозаического утилитарного письма) и абстракции-обобщения (черта стихотворного художественного письма) – Цао Чжи, рассуждая о современниках, преодолевает пространственно-временные границы, поскольку его рассуждения на наших глазах приобретают непреходящее значение.

Многоликость прозаических посланий (вовсе необязательно эссеистических) нащупал и Цицерон, поделив их по тону «на интимные и предназначенные для публичных

чтений», по отношению адресанта к адресату – «на официальные и личные», по содержанию – «на простые уведомления, дружеские, шутливые и на строгие, серьезные и грустные» [Миллер, 1967 А, С. 15–16]. Стихотворное послание столь же разнопланово, только разнопланово эмоционально, однако эмоция и есть содержание лирического стихотворения.

Пожалуй, два предельных воплощения прозаической формы эпистолярного жанра – это информативная записка и эссе. Но и здесь все сходится в одной точке: информативная записка может быть посвящена чему угодно, может быть написана по любому поводу; эссе, особенно в таком его типе, как поток сознания (среди анализируемых нами сочинений отсутствует), также может освещать любые темы.

Выше мы уже затронули вневременную актуальность большинства стихотворных и прозаических посланий, сейчас хотелось бы пояснить этот момент. Даже отталкиваясь от вполне конкретных обстоятельств (связь с утилитарным назначением), автор в обеих эпистолярных формах так или иначе касается «вечных» тем, переходит в плоскость вневременную, тем самым, осознавая это или нет, утверждает статус своего сочинения как произведения искусства. Подлинное произведение искусства, даже написанное по самому конкретному поводу, быть может и на злобу дня, проецирует себя в вечность, высвобождается от временных пут, претендует на вневременную актуальность поднятых тем и проблем. Письма, как прозаические, так и стихотворные, написанные на политические, общественные, личные темы, воспринимаются сегодня не менее остро, чем тогда, много веков тому назад. Цао Чжи в «Письме Ян Дэцзу», апеллируя к прошлому, устремляет взор в будущее.

Эти сочинения создавались элитой своего времени, своей эпохи, и эти люди, живя сегодня, не выхватывали себя из временного потока, очевидно сохраняя связь и со вчера, и с завтра. Отчасти и поэтому их сочинения, даже, казалось бы, утилитарной направленности, – произведения искусства.

Безусловно, две формы эпистолярного жанра требуют разных аналитических подходов, обусловленных своеобразием жанровых форм: основа анализа для лирического текста – мотив и тема, а для риторического – элементы инвенции, т.е. коммуникативные узлы. Однако как в стихотворном послании могут присутствовать элементы риторики, даже логики, повествовательные, описательные вставки, так и в прозаическом могут выделяться темы, мотивы, изливаться чувства, что опять-таки составляет пересечение двух жанровых форм. Кстати, основа мотивов зачастую одна и та же; даже в «Письме Ян Дэцзу», эссеистическом послании, эта основа – мотивы разлуки (т.е. потребность в контакте, отсюда

коммуникативность), печали⁶⁹⁹, дружбы (адресат – друг), вкпе дающие импульс к речи, будь то лирической или риторической, тяготеющей к монологу или вызывающей на диалог. Эта речь, как исходящая от лирического субъекта, так и от оратора, идет от первого лица.

Вернемся к ранее обозначенной шкале художественности–утилитарности. Для стихотворных посланий: посвящение⁷⁰⁰ – любовное послание – дружеское послание. Для прозаических: эссе («Письмо Ян Дэцзу») – «литературное» письмо (например, «Письмо У Цзичжуну») – информативная записка, оформленная художественно («Письмо к Сыма Чжунда»).

Целиком градация выглядит так: Посвящение – Любовное послание – Дружеское послание – Эссеистическое послание – «Литературное» письмо – Информативная записка, оформленная художественно.

В чем еще проявляется бóльшая функциональность прозаического письма? Оно направлено на решение внешней задачи – адресанту важно разрешить проблему, то есть убедить адресата. От адресата ожидается активность – хотя бы в том, чтобы внять адресанту. Послание стихотворное устремлено на решение внутренней задачи – на то, чтобы выплеснуть эмоцию, поделиться ею. От адресата, быть может, адресант ничего и не ждет. Существенной деталью является то, что и лирический субъект, и оратор – сам автор. Здесь нет литературной игры; а в тех случаях, когда прозаическое письмо составлялось третьим лицом, это напрямую указывалось. То, что письмо могли поручить написать литератору, указывает на художественный характер изначального замысла. Письмо осознавалось как сочинение, которое должно порадовать глаз, усладить слух – отсюда установка на эстетичность. Если убеждать можно и при помощи кого-то другого, то делиться чувствами – вряд ли, поэтому прозаические послания могли создаваться и по заказу автора замысла, так как сама концепция допускала стороннее вмешательство, а стихотворные – нет, так как сама форма более личная.

Важнейшие составляющие большинства прозаических писем (из рассмотренных нами) – рациональная, эмоциональная, функциональная; стихотворных – эмоциональная, рациональная, едва уловимая функциональная (именно в таком порядке).

«Письмо к Сыма Чжунда» Цао Чжи, например, являет собой образец крайнего правого полюса прозаического послания – это информативная записка функционального толка (хотя не будем забывать, что до нас дошел лишь обрывок – собственно

⁶⁹⁹ В «Письме Ян Дэцзу» – в меньшей степени, а так почти во всех посланиях; это меланхолический эмоциональный фон, а «страдание [–] как стимул к деятельности» [Кант, 1994, С. 265], т.е. к потребности высказаться или выговориться.

⁷⁰⁰ Оно наиболее художественно, предельно иносказательно, абстрактно, обладает наименьшей ситуативной привязкой.

коммуникативное звено-сообщение). Здесь эпистолярная форма – не условность, а необходимость; стиль простой и ясный, метафорика отсутствует; манера сухая, деловая. Но при этом чувствуется, что писал человек, не чуждый изящной словесности, писал тому, кого хорошо знал, с целью его убедить. Ключевую роль здесь играет логика как рациональный полюс риторической аргументации – перед автором письма стоят конкретные задачи. Убеждение достигается, в основном, средствами логики, продиктованными прагматичной, предельно рациональной установкой. И опять-таки, хотя заданное измерение – общественно-политическое, именно близкие, доверительные отношения – та основа, которая обеспечила возможность для откровенного разговора, обусловила правомочность желания убедить.

Кстати, если в лирических посланиях, как правило, равный пишет равному (сокровенным готовы делиться, как правило, с ровней), то в прозаических – необязательно (информацию либо по желанию, либо по необходимости можно сообщать и сыну, и старшему по положению).

А вот «Письмо У Цзичжуну» – «литературное» письмо – литературное произведение, облеченное в эпистолярную форму. В нем утилитарность уступает место эстетичности; и, кстати, оно написано именно другу: вряд ли человеку, с которым мы не равны, пусть по тем или иным причинам и близки, мы будем посвящать, посылать литературное произведение, а узко информативное письмо можно отправить как вышестоящему, так и нижестоящему. Но опять-таки под кистью литератора и информативная записка приобретает художественные черты. «Письмо У Цзичжуну», будучи дружеским письмом «наоборот», письмом-обманкой, являя собой пример литературной игры, приобретает подлинный смысл лишь в контексте переписки, то есть, как мы отмечали, важен, в том числе и семантически, диалог. Это послание, как и многие прозаические, вполне могло бы быть прочитано и на публике, и для публики.

В отношении вопроса приватности и публичности необходимо сделать существенное уточнение: несмотря на то, что лирика в большей степени камерна, а риторика, скорее, нуждается в аудитории, важно помнить, что в традиционных культурах, и раннесредневековый Китай не исключение, стихотворения также было принято читать громко вслух – в то время только начинали учиться читать про себя. Поэтому, рассуждая о склонности лирики к приватности, а риторики – к публичности, мы признаем определенную долю условности в наших рассуждениях. Например, в «Отвечаю на письмо Чжан Хуна» Чэнь Линя, художественной информативной краткой записке, в которой отчетливо слышны лирические нотки, выступает на первый план монологическое начало. По сути это письмо обращено к трем адресатам, являя собой, скорее, воззвание.

«Письмо к Вэй Вэньди, [написанное] за Цао Хуна» Чэнь Линя – «открытое» риторическое послание, допускающее публичность; оно, как и многие прозаические послания, в отличие от стихотворных, представляет собой документ эпохи, содержащий ценный исторический материал.

Другой важнейшей чертой послания является психологизм, который все же в большей степени присущ посланиям прозаическим – логико-риторические средства убеждения в сочетании с определенной модальностью, оттененной эмоцией, направлены на воздействие.

Письмо может не просто воспользоваться дружескими взаимоотношениями как обрамлением для любого содержания, оно может быть посвящено собственно дружбе, точнее, быть манифестацией ее завершения, как, например, «Ответное письмо Пан Хуэйгуну» Ин Чана. И здесь наряду с риторическим началом явно присутствует лирическое: автор апеллирует не столько к разуму, сколько к чувствам, сухие логические построения уступают место проникновенному эмоциональному обращению («Достигшие власти забывают друзей»).

Формулировку «дружеское письмо», по крайней мере в отношении раннесредневековых китайских посланий, не стоит воспринимать буквально – она предполагает самые разные взаимоотношения участников эпистолярного общения, т.е. отношения разной степени близости, разные темы, освещаемые в письме, разные обстоятельства, сопровождающие написание письма.

Теперь же, в заключение наших выводов, дабы упорядочить массив материала, перечислим интегральные признаки послания, собственно жанровые, присущие обоим жанровым формам, и дифференциальные, которые свойственны только одной из форм. Три базовых интегральных признака послания мы многократно отмечали выше – это наличие коммуникативной ситуации, адресата и речи, обращенной к нему.

1. Терминология. Стихотворные послания – *цзэн* (некоторые послания, главным образом послания-посвящения, не содержат в заглавии жанровую маркировку), прозаические – *шу*. Общего термина для послания в китайской традиции не было.
2. Подарок. Собственно подарок в прямом и переносном смысле – стихотворное послание *цзэн*. Однако подарком могло быть и прозаическое послание. Поэтому с оговорками это интегральный признак.
3. Риторичность. Несмотря на нередкий симбиоз риторичности и лиричности в посланиях, это дифференциальный признак прозаического послания.
4. Лиричность. Дифференциальный признак стихотворного послания.
5. Политематичность. Интегральный признак.

6. Разнообразие мотивов. Интегральный признак.
7. Базовая трехчастная композиция. Интегральный признак.
8. Доверительный характер взаимоотношений участников эпистолярной коммуникации. Интегральный признак.
9. Автобиографичность. Интегральный признак.
10. Контекстуальность. Интегральный признак, хотя, безусловно, в прозаических письмах ситуативная привязка более значима.
11. Циклизация. Дифференциальный признак стихотворных посланий (проистекает от монологичности).
12. Потенциальная возможность инициировать переписку, встраиваться в нее, становиться звеном эпистолярного общения. Дифференциальный признак прозаических посланий (восходит к диалогичности) – они приглашают к диалогу. Тем не менее, переписка может осуществляться не только путем обмена прозаическими посланиями, но и стихотворными. Поэтому отчасти этот признак можно назвать и интегральным. А вот примеров циклов, состоящих из прозаических посланий, у нас нет. Следовательно, применительно к *цзяньаньским* посланиям циклизация – дифференциальный признак стихотворных посланий.
13. Ключевое звено эпистолярной коммуникации. Дифференциальный признак: как правило, в прозаических посланиях – преимущественно второе (собственно сообщение), в стихотворных – главным образом, первое и третье (адресат и адресант). Важны все три, но в зависимости от формы акцент несколько смещается.
14. Сочетание различных элементов (повествовательных, описательных, лирических, риторических, логических). Интегральный признак.
15. Говорение и слушание приравниваются написанию и чтению. Дифференциальный признак прозаических посланий, подчеркивающий их речевую природу, в то время как лирический текст и так льется, подобно речевому потоку.
16. Информативность. Дифференциальный признак прозаического послания. Коммуникативны все послания, но информативны прозаические.
17. Утилитарность vs. Эстетичность. Первая черта проявляется ярче в прозаических посланиях, вторая – ярче в стихотворных. Но здесь невозможно абсолютизировать.
18. Монологическое начало (скорее, дифференциальный признак лирического послания) vs. диалогическое начало (скорее, признак риторического).
19. Наличие клише, функциональных элементов. Признак интегральный, однако речь идет о стереотипных формулах разного плана. В случае стихотворных посланий мы говорим о стандартных, вернее – стандартизированных, средствах выражения эмоции, почин которым

был дан, к примеру, в *Шицзине*. В случае посланий прозаических, в которых такие средства также встречаются, мы имеем дело еще и с функциональными элементами, которые обусловлены форматом прозаического письма, направленного отчасти на выполнение функции.

20. Субъективность. Интегральный признак.

21. Присутствие типологических черт, роднящих жанр (точнее – жанровые формы) с этим же жанром в других литературных традициях. Интегральный признак.

22. Вневременная актуальность. Хотя и свойственна в большей степени стихотворным посланиям, это интегральный признак произведений искусства.

23. Требуемый аналитический подход. Они разные, следовательно, дифференциальный признак.

24. Переплетение личного с общественным. Интегральный признак.

25. Прозаическое письмо, в отличие от стихотворного, допускает присутствие третьего лица, реализующего замысел. Дифференциальный признак прозаического послания.

26. Установка. Выразить чувство vs. Донести мысль, убедить. Дифференциальный признак.

27. Степень близости двух участников эпистолярной ситуации. Необходимо смотреть каждое отдельно взятое послание. Но в целом стихотворное послание, а особенно такая его разновидность, как любовная/семейная, предполагает большую близость, нежели прозаическое. Дифференциальный признак.

28. Степень приватности содержания послания. Необходимо смотреть каждое отдельно взятое послание. В целом степень приватности в стихотворном, в особенности любовном/семейном, выше, чем в прозаическом. Дифференциальный признак.

29. Пересечение с другими жанрами. Интегральный признак.

30. Психологизм. Интегральный признак.

31. Подвижность, гибкость, амбивалентность. Интегральный признак.

Итак, кратко подытожив изложенное ранее и в заключение по пунктам разобрав своеобразие эпистолярного жанра в раннесредневековой китайской литературе, мы крупными мазками написали его портрет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подводя итог, отметим, что в общей сложности нами было рассмотрено 42 произведения: 30 стихотворных посланий (25 дружеских, 5 любовных посланий) и 12 прозаических посланий.

Среди проанализированных стихотворных посланий – прототип стихотворного послания из «Книги песен», восточноханьские любовные послания, *цзяньаньские* дружеские послания; среди проанализированных прозаических посланий – *цзяньаньские* послания, преимущественно дружеские.

Подавляющее большинство стихотворных посланий обозначено авторами в заглавии как *цзэн* 贈, т.е. как «дар; подарок; послание; посвящение», а все прозаические послания – письма – маркированы как *шу* 書, т.е. как «письмо» (в контексте коммуникации *шу* также приобретало значение весточки, известия). Стихотворение *цзэн* представляет собой, главным образом, послание и посвящение, а письмо *шу* – извещение.

Коммуникативное начало является сущностной категорией, ведущим жанровым признаком как посланий и посвящений, так и извещений, сообщений, первые из которых апеллируют преимущественно к чувству, к эмоции, а вторые – в основном к разуму, рассудку.

Наличие в произведении коммуникативной ситуации, как минимум двух участников этой ситуации, а также речи (или стихотворной, или прозаической), обращенной к собеседнику(-ам), являются базовыми, жанрообразующими, признаками литературного послания, явленного в двух формах – стихотворной и прозаической. Эти три признака с необходимостью присутствуют во всех рассмотренных нами произведениях.

Помимо трех основополагающих, собственно литературных, факторов, определяющих облик послания, есть и нелитературные, важнейшими из которых становятся доверительный характер взаимоотношений двух эпистолярных визави, а также разлука, в которой они пребывают, – без этих двух факторов эпистолярный контакт состояться не может.

Именно близкими отношениями обусловлена универсальность, как формальная, так и содержательная, эпистолярного жанра – внелитературные обстоятельства напрямую влияют на литературные, – отсюда тесная связь произведений этого жанра с

действительностью. Фактически послания пребывают на границе двух реальностей – фактической и художественной. Жанр не отделим от жизни, он в нее вписан, поэтому неслучайно, что как стихотворные послания образуют циклы, так и прозаические встраиваются в переписку.

Близкие взаимоотношения обеспечивают возможность для литературного общения, будь то монологического (скорее, стихотворное послание) или диалогического (скорее, прозаическое послание), – в бытовой или официальной корреспонденции авторам вряд ли представлялась возможность раскрыть себя и свой талант, а, поскольку это были образованнейшие представители своего времени, элита общества, чиновники-литераторы, очевидно, что в общении друг с другом они реализовывали заложенный в них литературный потенциал, который они в общении обиходном или служебном проявить не могли. Возможно, этим и объясняется художественная природа прозаических посланий: если художественность стихотворных посланий не вызывает сомнений, то в случае с письмами мы вынуждены оговаривать, что это были именно «литературные» письма.

Нельзя не отметить различия в целеполаганиях двух жанровых форм. Основным посылом, пронизывающим стихотворное послание, выступает раскрытие эмоции, передача настроения, проявление чувства – квинтэссенцией стихотворного послания как жанровой формы становится лиричность. А генеральной установкой, проходящей красной нитью по всем прозаическим посланиям, является убеждение, переубеждение, побуждение наряду с сообщением (или же за счет сообщения) конкретной информации; ключевой характеристикой этой жанровой формы оказывается модальная информативность.

Вышеизложенные выводы применимы ко всем произведениям, проанализированным в рамках данного исследования.

Следует также подчеркнуть, что именно на основе рассмотренных нами стихотворений и писем можно составить целостное представление о литературном послании в Китае на рубеже Древности и Средних веков. Для этого мы предлагаем выделить девять пунктов, наиболее наглядно демонстрирующих особенности поэтики *цзяньаньского* послания:

1. Тематическое своеобразие

Все рассмотренные стихотворные послания периода *Цзяньань* являются в первую очередь посланиями дружескими, в то время как далеко не все, а лишь половина из разобранных прозаических посланий имеют основу в виде потребности автора выразить свои дружеские чувства, намерения укрепить дружеские взаимоотношения. Безусловно, дружеская направленность и в том, и в другом случае оказывается стержнем, вокруг которого группируются самые разные тематические блоки, за счет чего общая тематическая

палитра как стихотворений, так и писем представляется необычайно пестрой и разнообразной.

Здесь необходимо сделать оговорку: при бесспорной художественной природе двух жанровых форм литературного послания его прозаическая форма оказывается на порядок более утилитарной, фактографической и информативной, чем его стихотворная форма, которая преимущественно лирична и философична, – отталкиваясь от конкретного (и то не всегда), она устремляется к абстрактному, порывая с сиюминутным, она устремляется к вечному. Одним из красноречивых доказательств этого утверждения может служить отсутствие темы любви в тематическом поле рассмотренных прозаических посланий.

2. Композиционные особенности

Как в случае стихотворных дружеских посланий, так и в случае прозаических посланий преобладает принцип деления их композиции на части. Как стихотворные послания, так и прозаические характеризуются базовой трехчастной композицией. В первом случае это введение темы, развитие темы и замыкание стихотворения, чаще в виде эмоционального заключения; во втором случае это введение, основная часть и заключение. Безусловно, возможны вариации, но в целом их композиции оказываются схожими, если не тождественными, потому, что в обоих случаях мы имеем дело с речью, обращенной к собеседнику, призванной оказать на него воздействие, отозваться в его сердце, с той только разницей, что в стихотворных посланиях эта речь в большей степени тяготеет к монологу, а в прозаических – скорее приглашает к диалогу.

3. Речевые формы

И в стихотворных посланиях, и в письмах эпохи *Цзяньань* мы в той или иной степени, в том или ином виде находим элементы описания, повествования, побуждения, эмоционального высказывания, рационального рассуждения, философского размышления и т.п., что указывает на необычайное богатство задействованных речевых форм и, следовательно, на развитость, даже зрелость жанра.

Несомненно, преобладание тех или иных типов речи в стихотворных и прозаических посланиях определяет и специфику этих жанровых форм. Например, в стихотворных посланиях повсеместно встречаются описания природы – эти описания зачастую завязаны на приеме параллелизма, при котором зарисовки природы ставятся в параллель картинкам человеческой жизни; такого рода описаний, проникнутых лиризмом, мы не увидим в прозаических посланиях. Напротив, многочисленных рассуждений, заряженных императивом, нацеленных на психологическое воздействие, которые встречаются в прозаических посланиях, мы в стихотворениях в таком количестве не найдем.

4. Опорные структурно-семантические единицы

Несмотря на то, что мотив принято называть мельчайшей единицей прозаического текста, он является семантическим атомом именно в рассмотренных стихотворных посланиях, в то время как в прозаических основообразующая и первостепенная роль отведена коммуникативным узлам, которые, как собственно и мотивы, затрагивают самые разнообразные сферы человеческой жизни – личную и общественную, бытовую и официальную, повседневную и торжественную, – что вновь подчеркивает всеохватность жанра и, следовательно, его разновидностей.

5. Средства художественной выразительности.

Как стихотворения, так и письма, рассмотренные нами в ходе данного исследования, насыщены приемами, призванными усилить художественный эффект и, быть может, подчеркнуть художественную природу произведений. Безусловно, одни из задействованных фигур более тяготеют к стихотворным текстам, другие – к прозаическим; однако безусловным топом как для стихотворений, так и для писем становятся реминисценции, аллюзии, цитаты в первом случае и ссылки на прецедент во втором, что говорит об органичном вpletении текстов, написанных в жанре послания, в литературную традицию – послания не мыслились их авторами вне традиции, в отрыве от нее, напротив, авторы мыслили свои сочинения как неотъемлемую часть этой традиции.

6. Универсальность жанра

Автобиографичность жанра обусловила его универсальность: послание – универсальный жанр. Как в стихотворных, так и в прозаических посланиях мы обнаруживаем чрезвычайное разнообразие мотивов, тем, идей, которые затрагивают самые разные стороны человеческой жизни – межличностные взаимоотношения, в том числе любовь, дружбу, привязанность, неприязнь, вражду и проч.; общественно-политическую обстановку того времени, включая вопросы войны и мира, разрухи и процветания, хаоса и порядка и т.д.; культурно-литературный фон той эпохи, а именно проблемы творчества, таланта, признания, вкуса, соперничества и т.п.

Личное и публичное, частное и общее в послании тесно переплетены: одно просматривается сквозь другое и наоборот.

В связи с этим важно отметить, что, какие бы вопросы ни затрагивались в послании, они носят, как правило, вневременной, непреходящий характер: даже имея узкую ситуативную привязку, они проецируют себя в вечность, что вновь подтверждает тот факт, что перед нами – произведения искусства.

7. Историко-типологический и компаративистский подход

Сопоставив рассмотренные произведения с посланиями других эпох и регионов, мы неизбежно приходим к выводам о типологических особенностях жанра литературного

послания, что не раз нами отмечалось в ходе анализа. Подчеркнем еще раз, что послания встраиваются не только в историю развития китайской литературы, но и мировой: те параллели, которые прослеживаются между раннесредневековыми китайскими стихотворными, прозаическими посланиями и античными, византийскими, древнерусскими посланиями, даже русскими и европейскими посланиями XIX века, указывают на типологические особенности жанра, проявляющиеся как в синхроническом, так и диахроническом разрезе.

8. Подвижность жанровых границ

Послание, будучи жанром универсальным, представляется чрезвычайно подвижным, гибким, амбивалентным – стремясь охватить жизнь во всей ее полноте, оно стремится освободиться от тесных, в том числе и жанровых, пут: послания сочетают в себе различные элементы (как в стихотворных, так и в прозаических эпистолах мы находим лирические, риторические, логические, повествовательные, описательные и др. элементы), послания способны инкорпорировать характерные черты и отличительные признаки других жанров, среди которых такие, как, например, элегия, идиллия, ода, панегирик, памфлет и проч.

9. Историческая ценность произведений, написанных в жанре послания

Едва ли не каждое из рассмотренных нами посланий имеет историческую ценность – оно важно для нас не только как произведение изящной словесности, но и как документ эпохи: на основании этих посланий мы можем делать выводы об общественно-политических, военно-стратегических, культурно-литературных, обиходно-бытовых коллизиях, а также о глубоко личных, потаенных сторонах жизни людей того времени. Действительно, из посланий и, прежде всего, посланий прозаических, мы можем почерпнуть такие сведения об эпохе, какие мы в хрониках не найдем.

Таким образом, мы получили ответы на те ключевые вопросы, которые мы задали себе в начале проведения диссертационного исследования, – все поставленные задачи были выполнены, а все намеченные цели были достигнуты. По итогам проведения исследования было установлено следующее:

Стихотворные и прозаические послания – две формы эпистолярного жанра, каждая из которых допускает разновидности, наиболее распространенной из которых является дружеское послание. Обе эпистолярные формы восходят к общему жанровому корню.

Все стихотворные послания с необходимостью наделены тремя базовыми жанрообразующими признаками. Помимо этих базовых признаков, стихотворные и прозаические послания также характеризуются другими интегральными признаками,

свойственными и тем, и другим, а также признаками дифференциальными, присущими каждой из двух форм.

Мы можем с уверенностью утверждать, что и стихотворные, и прозаические послания в Китае на рубеже Древности и Средних веков – сочинения художественные. В обоих случаях мы имеем дело с литературными произведениями. Безусловно, эстетика стихотворных и прозаических посланий разная, но и те, и другие – произведения изящной словесности.

К сожалению, рамки данного исследования не позволили нам углубиться в истоки жанра литературного послания во всей его полноте – это касается, прежде всего, процесса зарождения и постепенного становления художественной прозаической эпистолы. Также нами были проанализированы не все стихотворные и прозаические послания, созданные в Китае на рубеже Древности и Средних веков, – мы рассмотрели их бóльшую часть. Это обстоятельство не повлияло на точность, достоверность и доказательность наших выводов, однако до сих пор остаются отмеченные выше лакуны, которые впоследствии должны быть заполнены. Таким образом, рассмотрение эволюции художественной прозаической эпистолы, а также анализ неизученной части *цзяньаньских* посланий представляют собой поле для дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

На китайском языке:

1. 干宝。神搜记全译 / (东晋) 干宝 著; 黄涤明 注。- 贵州: 贵州人民出版社, 2008。- 436 页。Гань Бао. *Шэньсоуцзи* с переводом / Гань Бао (Вост. Цзинь); комм. Хуан Димин. - Гуйчжоу: Издательство Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 2008. - 436 с.
2. 南怀瑾、徐芹庭。白话易经 / 南怀瑾、徐芹庭 译注。- 长沙: 岳麓书社, 1988。- 429 页。Нань Хуайцин, Сюй Циньтин. Ицзин в переводе на байхуа / Пер. и комм. Нань Хуайцин, Сюй Циньтин. - Чанша: Издательство Юэлу шушэ, 1988. - 429 с.
3. 建安七子集 / 俞绍初辑校。- 北京: 中华书局, 2017。- 374 页。Собрание [сочинений] Семи цзяньаньских мужей / Подборка и корректура Юй Шаочу. - Пекин: Издательство Чжунхуа шуцзюй, 2017. - 374 с.
4. 曹植集校注 / 曹植著; 赵幼文校注。- 北京: 中华书局, 2018。- 707 页。Собрание [сочинений] Цао Чжи с комментариями / Авт. Цао Чжи; комм. Чжао Ювэня. - Пекин: Издательство Чжунхуа шуцзюй, 2018. - 707 с.
5. 建安七子诗笺注 / 郁贤皓、张采民 笺注。- 成都: 巴蜀书社, 1988。- 349 页。Стихотворения Семи цзяньаньских мужей с комментариями / Комм. Юй Сяньхао, Чжан Цайминь. - Чэнду: Издательство Башу шушэ, 1988. - 349 с.
6. 曹子建诗注 / 曹植著、黄节注、叶菊生校订。- 北京: 人民文学出版社, 1957。- 126 页。Стихотворения Цао Цзыцзяня с комментариями / Авт. Цао Чжи, комм. Хуан Цзе, корр. Е Цзюйшэн. - Пекин: Издательство Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1957. - 126 с.
7. 曹子建詩註 / 曹植著; 黃節註; 葉菊生校訂。- 香港: 中華書局香港分局, 1973。- 134 页。Стихотворения Цао Цзыцзяня с комментариями / Авт. Цао Чжи; комм. Хуан Цзе; корр. Е Цзюйшэн. - Сянган: Издательство Чжунхуа шуцзюй Сянган фэнцзюй, 1973. - 134 с.
8. 吴云。建安七子集校注 (修订版) / 吴云校注。- 天津: 天津古籍出版社, 2005。- 636 页。У Юнь. Собрание сочинений Семи цзяньаньских мужей со сверкой и

- комментариями (издание исправленное) / Св., комм. У Юнь. – Тяньцзинь: Издательство Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 2005. – 636 с.
9. 韩格平. 建安七子诗文集校注译析. - 吉林: 吉林文史出版社, 1991. - 596 页。
Хань Гэпин. Собрание поэзии и прозы Семи *цзяньаньских* мужей со сверкой, комментариями, переводами, примечаниями / Св., комм., пер., примеч. Хань Гэпин. – Цзилинь: Издательство Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1991. – 596 с.
 10. 胡应麟. 诗薮 / (明) 胡应麟撰. -上海: 上海古籍出版社. 1979.- 364 页。Ху Инлинь. Стихотворные роци / Ху Инлинь (эпоха Мин). Шанхай: Издательство Шанхай Гуцзи Чубаньшэ, 1979. – 364 с.
 11. 曹操. 曹操集 / 曹操著. - 北京: 中华书局, 2020. - 112 页。Цао Цао. Собрание [сочинений] Цао Цао / Цао Цао. – Пекин: Издательство Чжунхуа шуцзюй, 2020. – 112 с.
 12. 周秉高. 全先秦两汉诗: 两汉卷 (卷二) / 周秉高 著. - 呼和浩特市: 内蒙古大学出版社, 2011. - 691 页。Чжоу Бингао. Полное собрание стихотворений доциньской эпохи, Западной и Восточной Хань: Западная и Восточная Хань (том второй) / Сост. Чжоу Бингао. – Хух-Хото: Издательство Нэй Мэнгу дасюэ чубаньшэ, 2011. – 691 с.
 13. 楚辞全译 / 黄寿祺、梅桐生 译注. - 贵州: 贵州人民出版社, 1984. - 310 页。
Чуские строфы в полном переводе / Пер. и комм. Хуан Шоуци, Мэй Туншэн. – Гуйчжоу: Издательство Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1984. – 310 с.

Интернет-ресурсы:

14. 班固。汉书 / 班固。Бань Гу. *Ханьшу* (История Хань) / Бань Гу.
<http://www.guoxuedashi.net/a/2tbfg/> (дата обращения: 04.06.2021)
15. 干宝。搜神记 / (晋) 干宝 著。Гань Бао. *Шэньсоуцзи* (Записки о поисках духов) / Сост. Гань Бао. <http://www.guoxuedashi.net/a/1179gvuh/> (дата обращения: 17.05.2021)
16. 公羊高。春秋公羊传 / (战国齐) 公羊高。Гунъян Гао. *Чуньцю Гунъянчжуань* (Комментарий Гунъяна к *Чуньцю*) / Гунъян Гао (царство Ци периода *Чжаньго*).
<http://www.guoxuedashi.net/a/1454bxai/> (дата обращения: 04.06.2021)
17. 葛洪。抱朴子内篇 / (晋) 葛洪。Гэ Хун. Внутренний *пянь Баопуцзы* / Гэ Хун (эпоха Цзинь). <http://www.guoxuedashi.net/a/433hiti/> (дата обращения: 17.05.2021)

18. 戴德。礼记 / 戴德 (汉)。Дай Дэ. *Лицзи* (Записки о ритуалах) / Дай Дэ (эпоха Хань). <http://www.guoxuedashi.net/a/1446ajpw/> (дата обращения: 28.05.2021)
19. 杜佑。通典 / (唐) 杜佑撰。Ду Ю. *Тундянь* (Энциклопедия установлений) / Сост. Ду Ю (Тан). <http://www.guoxuedashi.net/a/281ujjd/> (дата обращения: 05.05.2021)
20. 易经。 *Ицзин* (Канон перемен). <http://www.guoxuedashi.net/a/22508хурк/> (дата обращения: 28.05.2021)
21. 易经通注。 *Ицзин* с комментариями. <http://www.guoxuedashi.net/a/20162jtdn/> (дата обращения: 28.05.2021)
22. 酈道元。水经注 / (北魏) 酈道元。Ли Даюань. *Шуйцзинчжу* (Комментарий к канону вод) / Ли Даюань (Северная Вэй). <http://www.guoxuedashi.net/a/238pssc/> (дата обращения: 04.06.2021)
23. 李昉。太平御览 / (宋) 李昉等。Ли Фан. *Тайпин юйлань* (Высочайше одобренное обозрение [эпохи] Тайпин) / Сост. Ли Фан и др. (эпоха Сун). <http://www.guoxuedashi.net/a/2973t/> (дата обращения: 26.04.2021)
24. 陆机。文赋 / (西晋) 陆机。Лу Цзи. *Вэньфу* (Ода о литературе) / Лу Цзи (Западная Цзинь). so.gushiwen.org/shiwenv_c28fb5c6970d.aspx (дата обращения: 02.05.2021)
25. 逯钦立。先秦汉魏晋南北朝诗 / 逯钦立辑。Лу Циньли. *Сянь Цинь Хань Вэй Цинь Наньбэйчао ши* ([Собрание] стихотворений доциньского периода, Хань, Вэй, Цинь, Северных и Южных династий) / Под ред. Лу Циньли. <http://www.guoxuedashi.net/a/783cjoss/> (дата обращения: 26.04.2021)
26. (南朝宋) 刘义庆。世说新语 / 余嘉锡笺疏。Лю Ицин (период правления династии Сун в эпоху Южных династий). *Шишо синьюй* (Новые рассказы, в свете ходящие) / Комм. Юй Цзяси. <http://www.guoxuedashi.net/a/2875s/> (дата обращения: 26.04.2021)
27. (南朝梁) 刘勰。文心雕龙 / 陆侃如、牟世金 译注。Лю Се (период правления династии Лян в эпоху Южных династий). *Вэньсинь дяолун* (Резной дракон литературной мысли) / Пер., комм. Лу Каньжу, Моу Шицзинь. <http://www.guoxuedashi.net/a/904trfv/> (дата обращения: 26.04.2021)
28. 刘向。战国策 / (西汉) 刘向。Лю Сян. *Чжаньгоцэ* (Планы Сражающихся царств) / Лю Сян (Западная Хань). <http://www.guoxuedashi.net/a/1752touy/> (дата обращения: 04.06.2021)

29. 刘向。说苑 / 刘向 (西汉) 。 Лю Сян. *Шоюань* (Лес историй) / Лю Сян (Западная Хань). <http://www.guoxuedashi.net/a/367nukb/> (дата обращения: 28.05.2021)
30. 刘知几。史通 / (唐) 刘知几撰。 Лю Чжицзи. *Шитун* (Всё об истории) / Сост. Лю Чжицзи (Тан). <http://www.guoxuedashi.net/a/213suzp/> (дата обращения: 05.05.2021)
31. 毛亨。毛诗正义 / 毛亨。 Мао Хэн. *Маоши Чжэньи* (Подлинные смыслы *Шицзина* в передаче Мао Хэна) / Мао Хэн. <http://www.guoxuedashi.net/a/1669lflm/> (дата обращения: 04.06.2021)
32. 墨翟。墨子 / (战国) 墨翟。 Мо Ди. *Моцзы* / Мо Ди (*Чжаньго*). <http://www.guoxuedashi.net/a/525zaqd/> (дата обращения: 04.06.2021)
33. 孟轲。孟子 / (战国鲁) 孟轲。 Мэн Кэ. *Мэнцзы* / Мэн Кэ (царство Лу эпохи *Чжаньго*). <http://www.guoxuedashi.net/a/1443avcq/> (дата обращения: 04.06.2021)
34. 欧阳询 / 艺文类聚 / (唐) 欧阳询等撰。 Оуян Сюнь / *Ивэнь лэйцзюй* (Собрание произведений изящной словесности) / Сост. Оуян Сюнь и др. (эпоха Тан). <http://www.guoxuedashi.net/a/3189jma/> (дата обращения: 26.04.2021)
35. 谢灵运诗全集。 Полное собрание стихотворений Се Линьюня. <http://www.guoxuedashi.net/a/801xlei/19720i.html> (дата обращения: 26.04.2021)
36. 司马迁。史记 / (汉) 司马迁。 Сыма Цянь. *Шицзи* (Исторические записки) / Сыма Цянь (эпоха Хань). <http://www.guoxuedashi.net/a/11dix/> (дата обращения: 04.06.2021)
37. 徐干。治学 (第一) // 中论。 Сюй Гань. *Чжисюэ* (Управление учением, 1-й *пянь*) // *Чжунлунь* (Умеренные суждения). http://blog.sina.com.cn/s/blog_572afe400101c3pv.html (дата обращения: 02.05.2021)
38. 徐陵。玉台新咏 / (南朝陈) 徐陵编。 Сюй Лин. *Юйтай синъюн* (Новые напевы нефритовой башни) / Под ред. Сюй Лина (династия Чэнь периода Южных династий). <http://www.guoxuedashi.net/a/880qvkw/> (дата обращения: 05.05.2021)
39. (南朝梁) 萧统。昭明文选 / (唐) 李善注。 Сяо Тун (период правления династии Лян в эпоху Южных династий). *Чжаомиин Вэньсюань* (Литературный сборник) / Комм. Ли Шань (эпоха Тан). <http://www.guoxuedashi.net/a/1702qxua/> (дата обращения: 26.04.2021)
40. 房玄龄。晋书 / (唐) 房玄龄等。 Фан Сюаньлин. *Цзиньшу* (История династии Цзинь) / Фан Сюаньлин и др. (эпоха Тан). <http://www.guoxuedashi.net/a/6уqwd/> (дата обращения: 04.06.2021)
41. 范晔。后汉书 / (南朝宋) 范晔撰, (唐) 李贤等注。 Фань Е. *Хоуханьшу* (История Поздней Хань) / Сост. Фань Е (период правления династии Сун в эпоху

- Южных династий), комм. Ли Сянь и др. (эпоха Тан).
<http://www.guoxuedashi.net/a/3d/> (дата обращения: 26.04.2021)
42. 汉无名氏徐干《中论》序。Ханьское анонимное предисловие к *Чжунлунь* Сюй Ганя. <http://www.gushicilu.com/zhonglun/2467.html> (дата обращения: 02.05.2021)
43. 曹丕。典论 论文 / (三国) 曹丕。Цао Пи. *Дяньлунь луньвэнь* (Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности) / Цао Пи (Троецарствие). <https://www.pinshiwen.com/wenfu/guwen/201901292295.html> (дата обращения: 02.05.2021)
44. (清) 曹雪芹。红楼梦 / (清) 高鹗续注。Цао Сюэцинь (Цин). *Хунлоумэн* (Сон в красном тереме) / Комм. Гао Э (Цин). <http://www.guoxuedashi.net/a/1852fazs/> (дата обращения: 04.05.2021)
45. 嵇康。游仙诗 / (魏晋) 嵇康。Цзи Кан. Путешествие к небожителям / Цзи Кан (Вэй Цзинь). https://so.gushiwen.cn/shiwenv_20d6b8b0bcb9.aspx (дата обращения: 10.06.2021)
46. 左丘明。春秋左传。Цзо Цюмин. *Чуньцю Цзочжуань* ([Комментарий] *Цзочжуань* к *Чуньцю*) / Цзо Цюмин. <http://www.guoxuedashi.net/a/1453dlpx/> (дата обращения: 28.05.2021)
47. 周公旦。周礼 / (西周) 周公旦。Чжоу Гундань. *Чжоули* (Чжоуские ритуалы) / Чжоу Гундань (Западное Чжоу). <http://www.guoxuedashi.net/a/1445cjfx/> (дата обращения: 04.06.2021)
48. 周礼注疏。 *Чжоули* (Ритуалы Чжоу) с комментариями. <http://www.guoxuedashi.net/a/1676somx/> (дата обращения: 28.05.2021)
49. 庄周。庄子 / (战国) 庄周。Чжуан Чжоу. *Чжуанцзы* / Чжуан Чжоу (*Чжаньго*). <http://www.guoxuedashi.net/a/450p/> (дата обращения: 19.05.2021)
50. 诸葛亮。诸葛亮集 / (三国蜀) 诸葛亮。Чжугэ Лян. Собрание [сочинений] Чжугэ Ляна / Чжугэ Лян (царство Шу периода Троецарствия). <http://www.guoxuedashi.net/a/4626zbyt/> (дата обращения: 04.06.2021)
51. 钟嵘。诗品 / (梁) 钟嵘。Чжун Жун. *Шипинь* (Категории стихотворений) / Чжун Жун (период правления династии Лян в эпоху Южных династий). <http://www.guoxuedashi.net/a/1017t/1705s.html> (дата обращения: 26.04.2021)
52. 楚辞。 *Чуцы* (Чуские строфы). <http://www.guoxuedashi.net/a/902r/> (дата обращения: 19.05.2021)

53. 陈寿。三国志 / (晋) 陈寿编, (南朝宋) 裴松之注。Чэнь Шоу. *Саньгочжи* (Записи о Трех царствах) / Ред. Чэнь Шоу (эпоха Цзинь), комм. Пэй Сунчжи (период правления династии Сун в эпоху Южных династий). <http://www.guoxuedashi.net/a/5tzzu/> (дата обращения: 26.04.2021)
54. 山海经。 *Шаньхайцзин* (Канон гор и морей). <http://www.guoxuedashi.net/a/1132qahp/> (дата обращения: 28.05.2021)
55. 诗经。 *Шицзин* (Книга песен). <http://www.guoxuedashi.net/a/1448ueyt/> (дата обращения: 19.05.2021)
56. 书经大全。 *Шуцзин дацюань* (Полный свод «Книги истории»). [guoxuedashi.net/a/19181kvck/](http://www.guoxuedashi.net/a/19181kvck/) (дата обращения: 04.06.2021)
57. 郭璞。尔雅注疏 / (晋) 郭璞。Го Пу. *Эрья* с комментариями и пояснениями. <http://www.guoxuedashi.net/a/1461fczn/> (дата обращения: 04.06.2021)
58. 严可均。全三国文 / 严可均辑。Янь Кэцзюнь. *Цюань Саньго вэнь* (Полное собрание прозы Троецарствия) / Ред. Янь Кэцзюнь. <http://www.guoxuedashi.net/a/758gvqf/> (дата обращения: 04.06.2021)
59. 严可均。全后汉文 / (清) 严可均辑。Янь Кэцзюнь. *Цюань Хоу Хань вэнь* (Полное [собрание] прозы Восточной Хань) / Под ред. Янь Кэцзюня (Цин). <http://www.guoxuedashi.net/a/761rtex/> (дата обращения: 26.04.2021)
60. 严可均。全秦文 / 严可均辑。Янь Кэцзюнь. *Цюань Цинь вэнь* (Полное собрание прозы [династии] Цинь) / Янь Кэцзюнь. [guoxuedashi.net/a/767mzem/](http://www.guoxuedashi.net/a/767mzem/) (дата обращения: 04.06.2021)
61. 严可均。全上古三代秦汉三国六朝文 / (清) 严可均辑。Янь Кэцзюнь. *Цюань Шангу Саньдай Цинь Хань Саньго Лючао вэнь* (Полное [собрание] прозы трех первых династий глубокой древности, Цинь, Хань, Троецарствия, Шести династий) / Под ред. Янь Кэцзюня (Цин). <http://www.guoxuedashi.net/a/8001cgzz/> (дата обращения: 05.05.2021)
62. 颜之推。颜氏家训 / (南北朝) 颜之推著。Янь Чжитуй. Домашние поучения рода Янь / Янь Чжитуй (Наньбэйчао). [guoxuedashi.net/a/529grzi/](http://www.guoxuedashi.net/a/529grzi/) (дата обращения: 04.06.2021)

На русском языке:

63. Антология китайской поэзии. [В 4-х кн.] / Пер. с кит. Под общ. ред. Го Мо-жо и Н.Т. Федоренко. Предисл. Го Мо-жо. Вступит. ст. Н.Т. Федоренко. – М.: Гослитиздат, 1957. – Кн. 1. – 423 с.
64. Аристотель. Никомахова этика. Книга девятая / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 54–293.
65. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель; пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2017. – 320 с.
66. Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). – Пер. с древнекит., предисл., прим. и словарь-указ. Л.Н. Меньшикова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 576 с.
67. Деметрий. О стиле // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 236–296.
68. И Цзин («Канон перемен»): Перевод и исследования / Сост. А.Е. Лукьянов; пер. с кит. Ю.К. Щуцкий, А.Е. Лукьянов. – М.: Вост. лит. РАН, 2005. – 246 с.
69. Китайская классическая проза в переводах академика В.М. Алексеева / Предисл. и комм. Л.З. Эйдлина; примеч. В.М. Алексеева. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 386 с.
70. Китайская литература [Текст]: Хрестоматия / Сост. Р. М. Мамаева, ред. Н. И. Конрад. – М.: Учпедгиз, 1959. – Т. 1: Древность. Средневековье. Новое время. – 728 с.
71. Китайская пейзажная лирика. [В 2-х т.] / Сост., ред. И.С. Лисевич. – М.: Муравей-Гайд, 1999. – Т.1. – 319 с.
72. Китайская поэзия: [Сборник] / Пер. Л.Е. Черкасского. – М.: Наука, 1982. – 239 с.
73. Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 768 с.
74. Лирика китайских классиков [Текст]: В новых переводах А.И. Гитовича / [Сост., общая ред. и вступит. ст. О. Л. Фишман]. – Ленинград: Лениздат, 1962. – 183 с.
75. Лисевич И.С. Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности. Пер. и комм. / Китай. Вступ. ст., пер., комм. И.С. Лисевича // Восточная поэтика. Сост. П.А. Гринцер. М., 1996. С. 40–47.
76. Лисевич И.С. Послание к У-чжи. Пер. и комм. / Китай. Вступ. ст., пер., комм. И.С. Лисевича // Восточная поэтика. Сост. П.А. Гринцер. М., 1996. С. 48–54.
77. Лисевич И.С. Послание к Ян Дэ-цзу. Пер. и комм. / Китай. Вступ. ст., пер., комм. И.С. Лисевича // Восточная поэтика. Сост. П.А. Гринцер. М., 1996. С. 55–60.
78. Литература Востока в средние века: Тексты / Под ред. Н.М. Сазоновой. – М.: Изд-во МГУ; Изд-во «Сиринь», 1996. – 480 с.

79. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек, С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1975. – 245 с.
80. Мэнцзы / Предисл. Л.Н. Меньшикова. Пер. с кит., указ. В.С. Колоколова. –СПб: Петерб. Востоковедение, 1999. – 262 с.
81. Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / Исслед., пер. с кит., примеч. и прил. И.И. Семеновко. – М.: Вост. Лит., 2016. – 901 с.
82. Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы» / Пер. с кит. и предисл. И.И. Семеновко. – М.: ИВЛ, 2016. – 375 с.
83. Резной дракон: Поэзия эпохи Шести династий (III–VI вв.) / В переводах М. Кравцовой. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 320 с.
84. Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы. Пер. Л.Е. Померанцевой; сост. И.В. Ушаков. – М.: Мысль, 2004. – 430 с.
85. Цао Чжи. Фея реки Ло / Пер. с кит. Л.Е. Черкасского и др. – СПб.: Кристалл, 2000. – 255 с.
86. Черкасский Л.Е. Поэзия Цао Чжи [Текст]. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. –148 с.
87. Чжуанцзы / Пер. Л.Д. Позднеевой. – СПб.: Амфора, 2013. – 367 с.
88. Чжун Жун. Категории стихотворений. Из «высшей категории» / Пер. и комм. И.И. Семеновко // Литература Востока в средние века. – М.: Изд-во МГУ; Изд-во «Сиринь», 1996. – С. 347
89. Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; Подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; Коммент. А. Штукина. – М.: Худож. лит., 1987. – 351 с.

Интернет-ресурсы:

90. Книга Екклесиаста. <http://www.patriarchia.ru/bible/eccl/> (дата обращения: 28.05.2021)
91. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VII. Пер. с кит. Р.В. Вяткина, комм. Р.В. Вяткина и А.Р. Вяткина, предисл. Р.В. Вяткина. – М.: Вост. Лит., 1996. – 464 с. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Syma_Tsjan/ (дата обращения: 02.05.2021)
92. Цюй Юань. Лисао / Цюй Юань / Пер. А. И. Гитович и др. – СПб.: Кристалл, 2000. – 334 с. В том числе – по http://lib.ru/POECHIN/UAN/uan1_2.txt (дата обращения: 28.05.2021)

Исследования

На русском языке:

1. Алексеев, В.М. Китайская литература: избранные труды / В.М. Алексеев; [Сост. М.В. Баньковская; отв. ред. Н.Т. Федоренко; вступ. ст. Л.З. Эйдлин]. – М.: Наука, 1978. – 595 с.
2. Алимов И.А., Кравцова М.Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – 1408 с.
3. Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций / В.П. Аникин. – М.: Книжный дом Университет, 2007. – 428 с.
4. Антонова М.В. Древнерусское послание XI–XIII веков: поэтика жанра. Монография. – Брянск: «Курсив», 2011. – 358 с.
5. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
6. Бачинский А.А. Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 18 с.
7. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. I–XIII. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1953–1959.
8. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем). – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 140 с.
9. Бессонова Е.Ю. Клише в эпистолярном стиле японского языка: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 190 с.
10. Богданович Е.В. Стихотворное послание 1810-х – начала 1820-х гг. в контексте русской и французской поэтических традиций: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2011. – 23 с.
11. Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: автореферат дисс. ... д-ра филол. наук. – Астрахань, 2009. – 49 с.
12. Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 101–153.
13. Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Издательство Храма Св. Мц. Татианы, 2001. – 480 с.

14. Вроон Р. Лирический цикл // Теория литературы: в 4 т. Т. 2: Произведение. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 126–159.
15. Гаспаров М.Л. Композиция лирических стихотворений // Теория литературы: в 4 т. Т. 2: Произведение. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 160–182.
16. Геронимус В.А. Поэтика жанров лирики Пушкина 10-ых – начала 20-ых годов: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 224 с.
17. Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд. второе, дополненное. – Ленинград: Советский писатель, 1974. – 409 с.
18. Грабарь-Пассек М.Е. Письма Цицерона // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1967. С. 59–80.
19. Дарвин М.Н. Онтологический статус произведения лирики в аспекте его художественной циклизации / *Zyklusdichtung in den Slavischen Literaturen. Beiträge zur Internationalen Konferenz, Magdeburg, 18–20. März 1997.* – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000. – S. 59–67.
20. Дилите Д. Античная литература / Пер. с лит. Н.К. Малинаускене. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2003. – 487 с.
21. Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX – начала XX веков. – Ленинград: Наука [Ленинградское отд-ние], 1964. – 187 с.
22. Духовная культура Китая. [В 5-ти т.]. Том 3. Литература. Язык и письменность / Гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – 855 с.
23. История всемирной литературы. [В 9-ти т.] Том 2 / Отв. ред. Х.Г. Короглы, А.Д. Михайлов. – М.: Наука, 1984. – 672 с.
24. История Китая: Учебник для студентов вузов, обучающихся по историческим специальностям / [Л.С. Васильев, З.Г. Лапина, А.В. Меликсетов, А.А. Писарев]; под ред. А.В. Меликsetова. – М.: Издательство Московского университета: Высшая школа, 2002. – 736 с.
25. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Т. 7 // Собр. соч.: В 8 т. / Под общей редакцией А.В. Гулыги. – М.: ЧОРО, 1994. – 495 с.
26. Келлер Е.Р. Жанровые особенности писем Шелли: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 191 с.
27. Конрад, Н.И. Избранные труды [Текст]: Синология / Н.И. Конрад; [Сост. Н.И. Фельдман-Конрад; Отв. ред. И.М. Ошанин и О.Л. Фишман]. – М.: Наука, 1977. – 621 с.

28. Кравцова, М.Е. Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 544 с.
29. Краснокутский В.С. Дружеское послание арзамасского круга // Филология. Сборник студенческих и аспирантских работ МГУ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – Вып. 3. – С. 28–39.
30. Кузнецов П.В. Жанр послания в русской лирике 1800-х–1810-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 180 с.
31. Кузнецова Т.И. «Письма к Луцилию» Сенеки-философа // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1967 А. С. 81–112.
32. Кузнецова Т.И. Письма Плиния Младшего к друзьям // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1967 Б. С. 113–138.
33. Л.Д. Позднеева. История китайской литературы: собрание трудов / Л.Д. Позднеева. Сост. Л.Е. Померанцева. – М.: Вост. лит., 2011. – 304 с.
34. Лекции И.И. Семеновича по китайской литературе.
35. Лисевич, И.С. Древняя китайская поэзия и народная песня [Текст]: Юэфу конца III в. до н.э. – начала III в. н.э. – М.: Наука, 1969. – 287 с.
36. Лисевич, И.С. Мозаика древнекитайской культуры: избранное / И.С. Лисевич; [Сост. Н.И. Фомина]. – М.: Вост. лит., 2010. – 446 с.
37. Литература Востока в средние века [Текст]: Учебник для студентов ун-тов / Под ред. акад. Н.И. Конрада, проф. И.С. Брагинского, проф. Л.Д. Позднеевой. Часть I. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 472 с.
38. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. – 280 с.
39. Малявин В.В. Путь, или символическая реальность // Лао-цзы. Дао Дэ Цзин / Сост., авт. предисл., пер. с кит., коммент. В.В. Малявин. – М.: АСТ, 2002. С. 19–29.
40. Меньшиков Л.Н. О Гань Бао, его времени и его разысканиях о духах // Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). – Пер. с древнекит., предисл., прим. И словарь-указ. Л.Н. Меньшикова. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – С. 5–25.
41. Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. – М., 1967 А. С. 5–26.
42. Миллер Т.А. Письма Платона и Исократа // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1967 Б. С. 26–58.
43. Миллер Т.А. Псевдоисторическая эпистолография // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1967 В. С. 192–225

44. Митькина Е.И. Стихотворные циклы в китайской литературе // Образные и стилистические особенности лирических циклов Хуан Цзинжэня (1748-1783): дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2017. – С. 98–115.
45. Москвин В.П. Стилистика русского языка: теоретический курс / В. П. Москвин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Волгоград: Перемена, 2005. – 640 с.
46. Мстиславская Е.П. Жанр посланий в творческой практике В.А. Жуковского (1800–1810) // Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. – М.: Издательство МГПИ, 1970. – № 389. – С. 148–166.
47. Нилова А.Ю. Жанрово-стилистические традиции в лирике М.Ю. Лермонтова (послание, элегия): учеб. пособие. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 172 с.
48. Остолопов Н.Ф. (1782–1833). Словарь древней и новой поэзии / Составленный Николаем Остолоповым, действительным и почетным членом разных ученых обществ. – В Санктпетербурге: В типографии Императорской Российской Академии, 1821.
49. Подтергера И.А. Письма и послания Симеона Полоцкого: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2000. – 22 с.
50. Позднеева Л.Д. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // Вестник древней истории, № 3. – М., 1958. – С. 22–43.
51. Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Вестник древней истории, № 3. – М., 1959. – С. 3–17.
52. Померанцева Л. Е. Апология Сыма Цяня (письмо Сыма Цяню к Жэнь Аню) // Проблемы восточной филологии. – М., 1979. С. 50–56.
53. Попова Т.В. Письма императора Юлиана // Античная эпистолография / Отв. редактор М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: Наука, 1967. С. 226–259.
54. Пороховщиков П.С. Искусство речи на суде. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – 392 с.
55. Поэты XVIII века [Текст]. / М. Херасков, В. Майков, И. Богданович, М. Попов, В. Петров, И. Хемницер, В. Капнист, А. Радищев; Общ. ред. и вступ. статья Г. Гуковского; Ред. текстов и прим. Я. Барскова, П. Беркова, Г. Гуковского... [и др.]. – М., Л.: Сов. писатель, 1936. – 429 с.
56. Проблемы истории зарубежных литератур [Текст]: межвуз. сб. / Под ред. В.Е. Балахонова. – СПб.: Издательство СПб. ун-та. Вып. 4: “Лирическая проза” в зарубежных литературах: (Мемуарная и эпистолярная проза), 1993. – 179 с.
57. Рижский И.С. (1759–1811). Наука стихотворства / Сочиненная Императорской Российской академии членом, коллежским советником и кавалером Иваном

- Рижским, и оною Академиею изданная. – В Санктпетербурге: В типографии В. Плавильщикова, 1811. – 352 с.
58. Семененко И. И. Возникновение риторики и поэтики в Китае // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 16 апреля 2018 г.). – М.: ТЕЗАУРУС, Языки народов мира, 2018 А. – С. 208–211.
59. Семененко И.И. Композиция «Оды о литературе» Лу Цзи // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литература. Материалы V Международной научной конференции. – М.: ИМЛИ РАН, 2018 Б. – С. 218–223.
60. Семененко И.И. Конфуций и Мэнцзы о дружбе // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 ноября 2011 г.). Т. 1. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 118–120.
61. Семененко И.И. О красноречии Мэнцзы / Семененко И.И. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов (Москва, 16 апреля 2009 г.). – М.: Ключ-С, 2009. – С. 283–286.
62. Семененко И.И. О топике Мэнцзы / Семененко И.И. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов (Москва, апрель 2008 г.). – М.: Ключ-С, 2008. – С. 141–144.
63. Семененко И.И. Первая поэтика Китая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Издательство Грамота, том 13, № 9, 2020. – С. 106–115.
64. Семененко И.И. Периодичность в ритмическом строении древнекитайской философской прозы / Семененко И.И. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов (Москва, 16 апреля 2012 г.). – М.: Ключ-С, 2012. – С. 93–95.
65. Семененко И.И. Понятия и логические приемы в образной стилистике Мэнцзы / Семененко И.И. // Общество и государство в Китае. XLIV научная конференция. Ин-т востоковедения РАН. Выпуск 15, часть 2. Том 44. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2014. – С. 676–683.
66. Семененко И.И. Пять тысяч слов молчания: Между строк // Лаоцзы. Обрести себя в Дао / Сост., авт. предисл., пер. с кит., коммент. И.И. Семененко. М.: Республика, 1999. С. 41–60.
67. Семененко И.И. Ритм как число у Мэнцзы / Семененко И.И. // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ученые записки отдела Китая. Том 43. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – С. 393–399.
68. Семененко И.И. Теория красноречия в «Мэнцзы» / Семененко И.И. // Материалы IV Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока»

- (29 июня–2 июля 2010 г.). Т. 1. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. – С. 486–495.
69. Семененко И.И. Ян Сюн как создатель китайской риторики // Вестник МГУ. 2018 В, № 3. – С. 26–41.
70. Строганова Н.А. Особенности китайской эпистолографии на раннем этапе её формирования // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – Ижевск: Издательство Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Удмуртский государственный университет, том 29, № 6, 2019. – С. 997–1004.
71. Строганова Н.А. Особенности поэтики первых любовных посланий в китайской литературе // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – М.: Издательство Московского университета, № 1, 2018. – С. 31–39.
72. Строганова Н.А. Отражение раннесредневекового китайского «Письма, написанного в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс» Лю Чжэня (179–217 гг.) в античной литературно-философской мысли // Новый филологический вестник. – М.: Издательство Ипполитова, № 4 (55), 2020. – С. 292–301.
73. Строганова Н.А. «Письмо У Цзичжуну» Цао Чжи – панегирик или памфлет? // Проблемы литератур Дальнего Востока: избранные материалы IX международной научной конференции. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – С. 244–254.
74. Строганова Н.А. «Письмо Ян Дэцзу» – эпистолярное эссе Цао Чжи (192–232) о литературе // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – М.: Издательство Московского университета, № 3, 2019. – С. 135–148.
75. Строганова Н.А. Поэтика цикла «Расстаюсь с другом» Цао Чжи // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – М.: Издательство РУДН, том 25, № 2, 2020. – С. 295–304.
76. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: Хрестоматия-практикум: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 400 с.
77. Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тамарченко, В. И. Тюпа; под ред. Н. Д. Тамарченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 256 с.
78. Теория литературы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В.Е. Хализев. – 6-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 432 с.

79. Годд III, У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху: [Пер. с англ.] / У.М. Годд III. – СПб.: Гуманит. агентство “Акад. Проект”, 1994. – 205 с.
80. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учебное пособие / Вступ. статья Н.Д. Тмарчченко; комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тмарчченко. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
81. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1 / В.М. Алексеев; [Сост. М.В. Баньковская; Отв. ред. Б.Л. Рифтин]. – М.: Вост. лит., 2002. – 574 с.
82. Федоренко Н.Т. Древнейший памятник поэтической культуры Китая // Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 3–22.
83. Хазагеров Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 381 с.
84. Циклизация // Теория литературных жанров / под ред. Н.Д. Тмарчченко. – М.: Академия, 2012. – С. 157–173.
85. Черкасский Л.Е. Поэзия Цао Чжи. – М.: Вост. лит., 1963. – 148 с.
86. Черкасский Л.Е. Цзяньнаньская литература // Литература древнего Китая [Текст]: Сборник статей / Сост. И.С. Лисевич. – М.: Наука, 1969. – С. 260–267.
87. Черкасский, Л.Е. Поэзия Цао Чжи / 192–232 /: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1962. – 371 с.
88. Шунков А.В. Жанр послания в русской литературе XVII века (На материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича) [Текст] / А.В. Шунков. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 97 с.

На китайском языке:

89. 王运熙。汉魏六朝唐代文学论丛 / 王运熙。 - 上海: 上海古籍出版社, 1981。 - 282 页。 Ван Юньси. Сборник статей по литературе Хань, Вэй, Шести династий, Тан / Ван Юньси. – Шанхай: Издательство Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1981. – 282 с.
90. 万光治。秦汉魏晋南北朝【卷 2】 / 万光治 主编 // 中国古代文学史长编。 - 北京: 北京师范学院出版社, 2000。 - 364 页。 Вань Гуанчжи. Цинь, Хань, Вэй, Цзинь, Южные и Северные династии [Т. 2] / Гл. ред. Вань Гуанчжи // Расширенное издание истории древней китайской литературы. – Пекин: Издательство Бэйцзин шифань сюэюань чубаньшэ, 2000. – 364 с.

91. 郭丹。先秦至魏晋南北朝文学（上册） / 郭丹 编著 // 中国古代文学史专题。 - 上海：学林出版社，2005。 - 330 页。 Го Дань. [История китайской] литературы от доциньской эпохи до [эпох] Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (Т. 1) / Сост. Го Дань // Монография по истории древней китайской литературы. – Шанхай: Издательство Сюэлинь чубаньшэ, 2005. – 330 с.
92. 丁晏。曹植铨评 / 曹植 著，丁晏 纂，叶菊生校订。 - 北京：文学古籍刊行社，1957。 - 234 页。 Дин Янь. Оценки и критика [творчества] Цао Чжи / Авт. Цао Чжи, сост. Дин Янь, корр. Е Цзюйшэн. – Пекин: Издательство Вэньсюэ гуцзи каньсиншэ, 1957. – 234 с.
93. 中国文学史（三） / 游国恩、王起、萧涤非、季镇淮、费振刚 主编。 - 北京：人民文学出版社，1982。 - 335 页。 История китайской литературы / Глав. ред. Ю Гоэнь, Ван Ци, Сяо Дифэй, Ци Чжэньхуай, Фэй Чжэньган. – Пекин, 1982. – 335 с.
94. 中國文學史。卷 1 【从中国原始社会的文学到唐代】。 - 北京：人民文学出版社，1962。 - 317 页。 История китайской литературы. Т. 1 [Литература от первобытного общества в Китае до Танской эпохи]. – Пекин: Издательство Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1962. – 317 с.
95. 李宗为。建安风骨 / 李宗为 著。 - 北京：中华书局，2004。 - 236 页。 Ли Цзунвэй. Ветер и кости [периода] Цзяньань. – Пекин: Издательство Чжунхуа шуцзюй, 2004. – 236 с.
96. 罗锡诗，夏晴。魏晋南北朝隋唐文学史 / 罗锡诗，夏晴。 - 广州：中山大学出版社，1999。 - 349 页。 Ло Сиши, Ся Цин. История литературы Вэй, Цзинь Южных и Северных династий, Суй, Тан / Ло Сиши, Ся Цин. – Гуанчжоу: Чжуншань дасюэ чубаньшэ, 1999. – 349 с.
97. 劉繼華。漢魏之際文學的形式與內容 / 劉繼華。 - 台北: 世纪书局，1978。 - 142 页。 Лю Цзихуа. Форма и содержание литературы рубежа Хань и Вэй / Лю Цзихуа. – Тайбэй: Шицзи шуцзюй, 1978. – 142 с.
98. 吕薇芬、张燕瑾。魏晋南北朝文学研究 / 吕薇芬、张燕瑾 主编。 - 北京：北京出版社，2003。 - 732 页。 Люй Вэйфэнь, Чжан Яньцинь. Исследования по литературе [эпох] Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий / Глав. ред. Люй Вэйфэнь, Чжан Яньцинь. – Пекин, 2003. – 732 с.
99. 牛鸿恩。古代辩术精粹（上下册） / 牛鸿恩 选译。 - 长春：延边大学出版社，1995。 - 304 页。 Ню Хунэнь. Образцы риторического искусства в древности / Сост., пер.

- на совр. яз. Ню Хунъэнь. – Чанчунь: Издательство Яньбянь дасюэ чубаньшэ, 1995. – 304 с.
100. 先秦到六朝（上册） // 古代散文选。 - 北京：人民教育出版社，1980。 - 401 页。 От доциньской эпохи до эпохи Шести династий (Т. 1) // Хрестоматия по древнекитайской прозе. – Пекин: Издательство Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1980 (перепеч. изд. 1962). – 401 с.
101. 中国古典散文研究论文集。第二集 / 中国语文学社 编 // 中国古典文学研究论文集汇编篇二辑。 - 1969。 - 105 页。 Сборник научных статей о китайской классической прозе *саньвэнь*. Второй сборник / Под ред. Китайского филологического общества // Сборник научных статей о классической китайской литературе. Выпуск 2. – 1969. – 105 с.
102. 魏晋六朝诗研究论文集 / 中国语文学社 编 // 中国古典文学研究论文集汇编篇二辑。 - 1969。 - 172 页。 Сборник научных статей о поэзии Вэй, Цзинь, Шести династий / Под ред. Китайского филологического общества // Сборник научных статей о классической китайской литературе. Выпуск 2. – 1969. – 172 с.
103. 邢培顺。曹植与吴质交恶考辩——以对曹植“与吴季重书”的解读为中心 // 山东大学学报：哲学社会科学版）。济南：2010 年，第 4 期。 – 页 152–156。 Син Пэйшунь. Изыскания на тему того, как Цао Чжи и У Чжи стали врагами, – с опорой на реинтерпретацию «Письма У Цзичжуну» / Син Пэйшунь // Вестник Шаньдунского университета: Серия философии и общественных наук. – Цзинань, 2010, 4. – С. 152–160.
104. 魏晋南北朝文学史参考资料 册上 / 北京大学中国文学史研究室 选注。 - 北京：中华书局，1962。 - 358 页。 Справочные материалы по истории литературы Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий. Т.1 / Отобрано и прокомментировано коллективом Кафедры истории китайской литературы Пекинского университета. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962. – 358 с.
105. 两汉文学史参考资料 / 北京大学中国文学史研究室 选注。 - 北京：中华书局，1962。 - 636 页。 Справочные материалы по истории литературы Ханьской эпохи / Отобрано и прокомментировано коллективом Кафедры истории китайской литературы Пекинского университета. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962. – 636 с.
106. 两汉文学史参考资料 / 北京大学中国文学史研究室 选注。 - 北京：中华书局，1978。 - 612 页。 Справочные материалы по истории литературы Ханьской эпохи /

- Отобрано и прокомментировано коллективом Кафедры истории китайской литературы Пекинского университета. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1978. – 612 с.
107. 徐公持。魏晋文学史 / 徐公持。 - 北京: 人民文学出版社, 1999。 - 606 页。
Сюй Гунчи. История литературы Вэй Цзинь / Сюй Гунчи. – Пекин: Издательство Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1999. – 606 с.
108. 中国古代文学理论辞典 / 赵则诚、张连第、毕万忱 主编。 - 吉林: 吉林文史出版社, 1985。 - 664 页。 Теоретический словарь по классической китайской литературе / Глав. ред. Чжао Цзэчэн, Чжан Ляньди, Би Ваньчэнь. – Цзилинь, 1985. – 664 с.
109. 韩兆琦、吕伯涛。汉代散文史稿 / 韩兆琦、吕伯涛。 - 太原: 山西人民出版社, 1986。 - 362 页。 Хань Чжаоци, Люй Ботао. Очерк истории прозы (*саньвэнь*) эпохи Хань / Хань Чжаоци, Люй Ботао. – Тайюань: Издательство Шанси жэньминь чубаньшэ, 1986. – 362 с.
110. 中国历代文选。上。 - 北京: 人民文学出版社, 1980。 - 440 页。
Хрестоматия китайской [литературы] минувших эпох. Т.1 [III в. до н.э.–IV в. н.э.]. – Пекин: Издательство Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1980. – 440 с.
111. 胡国瑞。魏晋南北朝文学史 / 胡国瑞 著。 - 武汉: 武汉大学出版社, 2013。 - 246 页。 Ху Гожуй. История литературы Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий / Ху Гожуй. – Ухань: Издательство Ухань дасюэ чубаньшэ, 2013. – 246 с.
112. 贾植芳、李东。历代名家尺牍新钞 / 贾植芳、李东 编著。 - 上海: 文汇出版社, 1992。 - 304 页。 Цзя Чжифан, Ли Дун. Новое собрание писем выдающихся людей Китая с древности до начала XX века / Ред., сост. Цзя Чжифан, Ли Дун. – Шанхай: Издательство Вэньхуэй чубаньшэ, 1992. – 304 с.
113. 常振国、绛云。先秦汉魏晋南北朝诗作者篇目索引 / 常振国、绛云。 - 北京: 中华书局, 1988。 - 261 页。 Чан Чжэньго, Цзян Юнь. Указатель имен авторов и названий произведений к антологии «Китайская поэзия доциньской эпохи, Хань, Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий» / Чан Чжэньго, Цзян Юнь. – Пекин: Издательство Чжунхуа шуцзюй, 1988. – 261 с.
114. 赵树功。中国尺度文学史 / 赵树功 著。 - 石家庄: 河北人民出版社, 1999。 - 659 页。 Чжао Шугун. История китайской эпистолярной литературы / Чжао Шугун. – Шицзячжуан: Издательство Хэбэйжэньминь чубаньшэ, 1999. – 659 с.

115. 周紹賢。魏晉清談述論 / 周紹賢著。 - 台北: 台湾商務印書館, 1966。 - 186 頁。 Чжоу Шаосянь. Рассуждения о [литературе] “чистых бесед” Вэй, Цзинь / Чжоу Шаосянь. – Тайбэй: Тайвань шаньфу иньшугуань, 1966. – 186 с.
116. 郑振铎。中国文学研究（上册） / 郑振铎。 - 北京: 作家出版社, 1957。 - 479 頁。 Чжэн Чжэньдо. Исследование по китайской литературе (Т. 1) / Чжэн Чжэньдо. – Пекин: Издательство Цзоцзя чубаньшэ, 1957. – 479 с.
117. 陳子展。中國文學史講話。卷 1 / 陳子展。 - 上海: 北新書局印行, 1933。 - 365 頁。 Чэнь Цзычжань. Лекции по истории китайской литературы. Т. 1 [С древнейших времен до эпохи Тан] / Чэнь Цзычжань. – Шанхай: Издательство Бэйсинь шуцзюй, 1933. – 365 с.
118. 陈柱。中国散文史。第二辑 / 主編者 王云五、传纬平。 - 上海: 商务印书馆发行, 1937。 - 315 頁。 Чэнь Чжу. История китайской прозы *саньвэнь*. Второй выпуск / Глав. ред. Ван Юньбу, Чуань Вэйпин. – Шанхай: Издательство Шаньфу иньшугуань, 1937. – 315 с.
119. 陈中凡。汉魏六朝散文选 / 陈中凡 选注。 - 上海: 上海古典文学出版社, 1956。 - 309 頁。 Чэнь Чжунфань. Хрестоматия по прозе периодов Хань, Вэй и Лючао / Отобрано и прокомментировано Чэнь Чжунфанем. – Шанхай: Шанхай гудянь вэньсюэ чубаньшэ, 1956. – 309 с.
120. 陈玉刚。中国文学通史简编。上册 / 陈玉刚。 - 北京: 大众文艺出版社, 1992。 - 609 頁。 Чэнь Юйган. Краткий курс общей истории китайской литературы. Т. 1 / Чэнь Юйган. – Пекин: Дачжун вэньи чубаньшэ, 1992. – 609 с.
121. 余冠英。汉魏六朝诗论丛 / 余冠英。 - 上海: 棠棣出版社, 1952。 - 173 頁。 Юй Гуаньин. Сборник статей о поэзии периодов Хань, Вэй и Лючао / Юй Гуаньин. – Шанхай: Танди чубаньшэ, 1952. – 173 с.
122. 杨霞。汉末魏初士人的孤独体认与文学诉说——以代言诗、赠答诗、书信文为中心 / 杨霞 // 重庆交通大学学报: 社会科学版。 - 重庆: 2014 年, 三期。 - 63-66 頁。 Ян Ся. Постигание одиночества и беседы о литературных сочинениях ученых мужей конца Хань начала Вэй – на примере *дайяньши* (стихотворений, написанных от третьего лица), *цзэндаши* (серий стихотворений-посланий, предполагающих отправку послания и получения ответа на него), *шусиньвэнь* (эпистолярных текстов) / Ян Ся // Вестник Чунцинского транспортного университета: Серия общественных наук. – Чунцин: 2014, 3. – С. 63–66.

На западных языках:

123. A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. By Antje Richter (Handbook of Oriental Studies = Handbuch der Orientalistik. Section Four, China; 31). Leiden–Boston: Brill, 2015. – 998 p.
124. Bertuccioli, G. Storia della letteratura cinese. Milano: Accademia, 1959. – 302 p.
125. Blitstein, Pablo Ariel. Liu Xie's Institutional Mind: Letters, Administrative Documents, Political Imagination in Fifth- and Sixth- Century China // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 331–362.
126. Chung, Eva Yuen-wah. A Study of the 'Shu' (Letters) of the Han Dynasty (206 B.C.–A.D. 220): Ph. D. Diss. Seattle: University of Washington, 1982. – 799 p.
127. Cutter, Robert Joe. Letters and Memorials in the Early Third Century: The Case of Cao Zhi // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 307–330.
128. Diény, J-P. Aux origines de la poésie classique en Chine: étude sur la poésie lyrique à l'époque des Han. Leiden : E.J. Brill, 1968. – 176 p.
129. Ditter, Alexei. Civil Examinations and Cover Letters in the Mid-Tang: Dugu Yu (776–815) "Letter Submitted to Attendant Gentleman Quan of the Ministry of Rites" / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 643–674.
130. Egan, Ronald C. Limited Views: Essays on Ideas and Letters by Qian Zhongshu. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. – 469 p.
131. Geschichte der chinesischen Litteratur / Von Dr. Wilh. Grube. Leipzig: C. F. Amelangs Verlag, 1902. – 467 s.
132. Giele, Enno. Imperial Decision-Making and Communication in Early China: A Study of Cai Yong's Duduan. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. – 367 p.
133. Giele, Enno. Private Letter Manuscripts from Early Imperial China // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 403–474.

134. Guillén, Claudio. Notes towards the Study of the Renaissance Letter // Renaissance Genres: Essays on Theory, History, and Interpretation / Ed. by Barbara Kiefer Lewalski. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986, pp. 70–101.
135. Hucker, Charles O. A Dictionary of Official Titles in Imperial China / Charles O. Hucker. Stanford, California: Stanford University Press, 1985. – 676 p.
136. Ibler, R. Die Erforschung des russischen Gedichtzyklus: Gelistetes und Perspektiven. / Der russische Gedichtzyklus: ein Handbuch. Hrsg. R. Ibler. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. – S. XIII–XVII.
137. Iser, W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. – Baltimore: The Hopkins University Press, 1976. – 252 p.
138. Klauck, Hans J. Ancient Letters and the New Testament: A Guide to Context and Exegesis. Waco, TX: Baylor University Press, 2006. – 539 p.
139. Knechtges, David R. Letters in the *Wen xuan* // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 189–238.
140. Koskenniemi, Heikki. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 n. Chr // Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Ser. B, 102.2. Helsinki: Finnish Academy, 1956. – 214 p.
141. Kusiak, Ł. List poetycki: z problemów genealogicznych liryki Aleksandra Puszkina. – Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1982. – 153 s.
142. Lien, Y. Edmund. Reconstructing the Postal Relay System of the Han Period // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 17–52.
143. Lik Hang Tsui. Bureaucratic Influences on Letters in Middle Period China: Observations from Manuscript Letters and Literati Discourse // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 363–397.
144. Liu, James J. Y. The Paradox of Poetics and the Poetics of Paradox // The Vitality of the Lyric Voice: Shih Poetry from the Late Han to the T'ang / Ed. by Lin Shuen-fu and Stephen Owen. Princeton: Princeton University Press, 1986. – pp. 49–70.
145. Lynn, Richard John. Wang Bi and Liu Xie's Wenxin diaolong // A Chinese Literary Mind: Culture, Creativity, and Rhetoric in Wenxin diaolong / Ed. by Cai Zong-qi. Stanford: Stanford University Press, 2001. – pp. 83–98.

146. Margouliès, G. Histoire de la littérature chinoise. Poésie. Paris: Payot, 1951. – 470 p.
147. Margouliès, G. Histoire de la littérature chinoise. Prose. Paris : Payot, 1949. – 332 p.
148. McDougall, Bonnie S. Infinite Variations of Writing and Desire: Love Letters in China and Europe // *A History of Chinese Letters and Epistolary Culture* / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 546–581.
149. Meisterernst, B. Imperial Decision-Making and Communication in Early China: A Study of Cai Yong's Duduan // *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 18, no. 2., 2008. – P. 244–246.
150. Metelmann, Carsten. Schriftverkehr der Hanzeit: Dissertation Zur Erlangung der Würde des Doktors der Philosophie der Universität *Hamburg*. Hamburg: Universität Hamburg, 2001. – 291 s.
151. Raft, Zeb. The Space of Separation: The Early Medieval Tradition of Four-Syllable “Presentation and Response” Poetry // *A History of Chinese Letters and Epistolary Culture* / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 276–306.
152. Richter, Antje. Between Letter and Testament: Letters of Familial Admonition in Han and Six Dynasties China // *A History of Chinese Letters and Epistolary Culture* / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 239–275.
153. Richter, Antje. *Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China*. Seattle: University of Washington Press, 2013. – 235 p.
154. Shields, Anna M. The Inscription of Emotion in Mid-Tang Collegial Letters // *A History of Chinese Letters and Epistolary Culture* / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 675–721.
155. Sloane, D. Aleksandr Blok and the Dynamics of the Lyric Cycle. – Columbus: Slavica, 1988. – 384 p.
156. *Studies in Chinese literary genres* / Edited with an Introduction by Cyril Burch. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1974. – 398 p.
157. *The Cambridge History of Chinese Literature*. V. I / Ed. by Stephen Owen. New York: Cambridge University Press, 2011. – 1375 p.

158. The Columbia History of Chinese literature / Ed. by Victor H. Mair. New York: Columbia University Press, 2001. – 1342 p.
159. Tian, Xiaofei. Material and Symbolic Economies: Letters and Gifts in Early Medieval China // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. – 135–186.
160. Watson, B. Early Chinese literature. New York and London: Columbia university press, 1962. – 304 p.
161. Wells, Matthew. Captured in Words: Functions and Limits of Autobiographical Expression in Early Chinese Epistolary Literature // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture / Ed. by Antje Richter (Handbook of Oriental studies = Handbuch der Orientalistik. Section four, China; 31). Leiden – Boston: Brill, 2015. – pp. 621–642.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ И ПОДСТРОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРНЫХ ПОСЛАНИЙ

Стихотворное послание неизвестного автора

3.1.⁷⁰¹

崔少府女赠卢充诗. *Цуй шаофу нюй цзэн Лу Чун ши*

煌煌灵芝质，光丽何猗猗。花艳当时显，嘉异表神奇。含英未及秀，中夏罹霜萎。荣曜长幽灭，世路永无施。不悟阴阳运，哲人忽来仪。会浅离别速，皆由灵与祗。何以赠余亲，金碗可养儿。爱恩从此别，断绝伤肝脾。

Дочь шаофу Цуя одаривает стихотворением Лу Чуна

(1) Гриб *линчжи* по своей природе ярко блестит, (2) Как же он великолепен и роскошен. (3) [Он] переливается красками, (4) Завораживает [своей] непостижимостью. (5) Все лучшее, что в нем есть, еще в полной мере не проявило себя, (6) [А] в середине лета [он уже] засыхает под инеем. (7) Его блеск навсегда угасает во мраке, (8) В этом мире [более] никогда не появится. (9) Чередование двух начал – *инь* и *ян* – невозможно постичь, (10) [А без постижения оно] мудрец неверно совершает ритуал. (11) Свидание [наше] коротко, и время разлуки наступает быстро, (12) Мы проникнуты друг к другу почтением. (13) Чем же мне одарить своих родных? (14) Золотой чашей можно воспитать сына. (15) Питаю любовь, но отныне мы не вместе, (16) Разрыв отношений ранит печень и селезенку.

Стихотворные послания Цинь Цзя

3.2.1.

赠妇诗. *Цзэн фу ши*

暖暖白日，引曜西倾。啾啾鸡雀，群飞赴楹。皎皎明月，煌煌列星。严霜凄怆，飞雪覆庭。寂寂独居，寥寥空室。飘飘帷帐，荧荧华烛。尔不是居，帷帐何施。尔不是照，华烛何为？

⁷⁰¹ Здесь сохраняется та нумерация произведений, которая значится в основной части Диссертации.

Посылаю супруге

(1) Тускло светит белое солнце, (2) Лучи его озаряют запад. (3) Куры кудахчут, воробьи щебечут, (4) Стаями летят к беседке. (5) Ярко сияет полная луна, (6) Сверкают созвездия. (7) Морозный иней исполнен печали, (8) Снежинки кружатся, устилают двор. (9) Живу одиноко, (10) Пустынно и тихо в моем жилище. (11) Колышется полог постели, (12) Слабо мерцают свадебные свечи. (13) Тебя уже здесь нет, (14) К чему теперь полог? (15) И не зажжешь ты свечи, (16) К чему теперь они?

3.2.2.

留郡赠妇诗. 三首. Лю цзюнь цзэн фу ши. Сань шоу

(一)

人生譬朝露，居世多屯蹇。忧艰常早至，欢会常苦晚。念当奉时役，去尔日遥远。遣车迎子还，空往复空返。省书情悽怆，临食不能饭。独坐空房中，谁与相劝勉。长夜不能眠，伏枕独展转。忧来如循环，匪席不可卷。

(二)

皇灵无私亲，为善荷天禄。伤我与尔身，少小罹彘独。既得结大义，欢乐苦不足。念当远离别，思念叙款曲。河广无舟梁，道近隔丘陆。临路怀惆怅，中驾正踟躅。浮云起高山，悲风激深谷。良马不回鞍，轻车不转毂。针药可屡进，愁思难为数。贞士笃终始，恩义可不属。

(三)

肃肃仆夫征，锵锵扬和铃。清晨当引迈，束带待鸡鸣。顾看空室中，仿佛想姿形。一别怀万恨，起坐为不宁。何用叙我心，遗思致款诚。宝钗好耀首，明镜可鉴形。芳香去垢秽，素琴有清声。诗人感木瓜，乃欲答瑶琼。愧彼赠我厚，惭此往物轻。虽知未足报，贵用叙我情。

Оставаясь в родной области, посылаю супруге. Три стихотворения

— *[Стихотворение] первое*

(1) Жизнь человека подобна утренней росе, (2) Сколько невзгод выпадает тому, кто пришел в этот мир. (3) Горя обычно приходится хлебнуть [слишком] рано, (4) Радостных встреч обычно приходится ждать [слишком] долго. (5) Несу свою службу и предаюсь воспоминаниям о тебе, (6) Уже прошло немало времени с тех пор, как покинул тебя. (7) Посылаю за тобой экипаж, (8) Он отправляется пустым, таким же пустым и возвращается. (9) Читаю [наши] письма, чувство печали овладевает мною, (10) Вносят яства, но я не могу их есть. (11) Сижу один в пустой зале, (12) Где же та, с которой мы были бы друг другу

опорой? (13) Долгой ночью не могу уснуть, (14) Один лежу на подушках, ворочаюсь с боку на бок. (15) Печаль не отпускает меня, (16) [А сердце мое] не циновка, его невозможно [так просто] скатать.

二. [Стихотворение] второе

(1) Император не имеет пристрастия к своим родным, (2) За добро награждает небесным жалованьем. (3) То, от чего мы оба страдали, – (4) Это одиночество в юные годы. (5) [Теперь] мы соединились в браке, (6) [Однако] радость наша горька. (7) [Ныне] ты далеко-далеко, мы пребываем в разлуке, (8) В тоске изливаю то, что у меня на душе. (9) Река широка, [но] не видно ни мостов, ни лодок, (10) Дорога близка, [но] трудна – она пролегает через холмы. (11) Перед отправлением сердце мое пронзает печаль, (12) Повозка посреди дороги останавливается. (13) Плывающие облака устремляются к высоким горам, (14) Завывающий ветер поднимается из глубокого ущелья. (15) Добрые кони не возвращаются, (16) Легкая повозка не едет (остается на месте). (17) Уколы с лекарством можно вводить вновь и вновь, (18) Горестным думам [также] нет счету. (19) Честный муж предан навеки, (20) Можно ли забыть совет да любовь?

三. [Стихотворение] третье

(1) Мчится возница, (2) Звонят колокольчики. (3) На рассвете пускаюсь в путь, (4) Облачился в парадные одежды, дожидаясь крика петухов. (5) Окидываю взором пустынные покои, (6) Мне будто видится [твой] силуэт. (7) Глубоко ненавистна мне наша разлука, (8) То стою, то сижу, охваченный смятением. (9) Зачем говорить, что на душе, (10) Если письмо мое столь искренно? (11) Как же [ярко] сверкают украшения на твоей голове, (12) Как же [ясно] отражается их сияние в чистом зеркале! (13) Аромат лишен всяких примесей, (14) Звуки неукрашенной цитры чисты и звонки. (15) Поэт, получив в дар папайю, (16) Желает отблагодарить драгоценностями. (17) Мне неловко, что твои дары столь щедры, (18) Мне стыдно, что мой ответный дар столь скромн. (19) Хотя мне очевидна их неравноценность, (20) Мне важно выразить Вам свои чувства.

Стихотворные послания Цао Чжи

4.2.1.

杂诗六首. 其一. Цзаши люшоу. Ци и

高台多悲风，朝日照北林。之子在万里，江湖回且深。方舟安可极，离思故难任。
孤雁飞南游，过庭长哀吟。翘思慕远人，愿欲托遗音。形影忽不见，翩翩伤我心。

Шесть стихотворений о разном. Стихотворение первое

(1) На высокой башне много печального ветра, (2) Утреннее солнце освещает Бэйлинь, (3) Этот человек на расстоянии десяти тысяч *ли*, (4) Реки и озера далеки и глубоки. (5) Как может добраться даже большая лодка? (6) Поэтому мысли о разлуке тяжело выносить. (7) Одиноким дикий гусь летит на юг, (8) Пролетает над домом с долгим, печальным вздохом. (9) Неотступно думаю с восхищением о далеком человеке, (10) Желая послать оставленную мелодию (т.е. восточку – *Н.С.*). (11) Тень от птицы не стала видна, (12) Ее полет ранит мое сердце.

4.2.2.

言志. Янь чжи

庆云未时兴，云龙潜作鱼。神鸾失其俦，还从燕雀居。

Выражаю стремления

(1) Благовещие облака в [наше] время еще не поднялись, (2) Дракон в облаках, ныряя, становится рыбой. (3) Чудесный феникс *луань* утрачивает своих спутников, (4) Возвращается в жилище ласточек и воробьев.

4.2.3.

赠丁仪. Цзэн Дин И

初秋凉气发，庭树微消落。凝霜依玉除，清风飘飞阁。朝云不归山，霖雨成川泽。黍稷委畴隲，农夫安所获。在贵多忘贱，为恩谁能博。狐白足御冬，焉念无衣客。思慕延陵子，宝剑非所惜。子其宁尔心，亲交叉不薄。

Посылаю Дин И

(1) В начале осени появляется прохлада, (2) Деревья во дворе постепенно увядают и роняют листья. (3) Замерзший иней лежит на нефритовых ступенях, (4) Чистый ветер дует между крылатыми переходами дворца. (5) Утренние облака не возвращаются к горам, (6) Затяжные дожди образуют реки и озера. (7) Просо брошено в полях, (8) Как убрать урожай крестьянам? (9) Среди знатных многие забыли о хунородных, (10) Кто способен на щедрость в благодеянии? (11) Лисьей белой [шубы] достаточно, чтобы встретить зиму, (12) Как вспомнить не имеющих одежду путников? (13) Думаю с уважением о Янь Линцзы, (14) Ему не было жалко драгоценного меча. (15) Ты же успокой свое сердце, (16) Долгом перед родными и друзьями я не пренебрегаю.

4.2.4.

送应氏. 二首. Сун Ин ши. Ар шоу

(一)

步登北邙阪，遥望洛阳山。洛阳何寂寞，宫室尽烧焚。垣墙皆顿擗，荆棘上参天。不见旧耆老，但睹新少年。侧足无行径，荒畴不复田。游子久不归，不识陌与阡。中野何萧条，千里无人烟。念我平生居，气结不能言。

(二)

清时难屡得，嘉会不可常。天地无终极，人命若朝霜。愿得展嬿婉，我友之朔方。亲昵并集送，置酒此河阳。中馈岂独薄，宾饮不尽觞。爱至望苦深，岂不愧中肠。山川阻且远，别促会日长。愿为比翼鸟，施翮起高翔。

Провожая господ Ин. Два стихотворения

— [Стихотворение] первое

(1) Пешком поднимаюсь по склону горы Бэйман, (2) Издали смотрю на Лоян в горах. (3) Почему в Лояне безмолвно? (4) Дворцы полностью сожжены. (5) Все стены разрушены, (6) Колючие кустарники поднимаются до небес. (7) Не видно прежних стариков, (8) Лишь вижу недавно появившуюся молодежь. (9) Ступаю по [земле] и не [нахожу] дороги, (10) Зброшенные поля не становятся снова пашнями. (11) Странник долго не возвращался, (12) Не узнает тропинки и межи. (13) Почему пустынно среди диких полей? (14) На тысячи ли нет дымка от человеческих жилищ. (15) Вспомнил дом, где всю жизнь прожил, (16) Дух перехватило, и не могу говорить.

— [Стихотворение] второе

(1) Чистое (спокойное – Н.С.) время трудно обретать часто, (2) Счастливые встречи не могут происходить постоянно. (3) У неба и земли нет конца, предела, (4) А жизнь человека, как утренний иней. (5) Желая, чтобы можно было продлить прекрасное [мгновение], (6) Мои друзья отправляются на север. (7) Самые близкие собираются вместе, чтобы их проводить, (8) Ставят вино здесь, в Хэяне. (9) Разве среди угощений одни только неприятзательные? (10) Гости пьют, но не осушают чары до дна. (11) При сильной любви надежды особенно глубоки, (12) Разве в сердце не испытываю стыда? (13) Горы, реки встают препятствием, и далеко расстояние, (14) Разлука скоро, а дня встречи не будет долго. (15) Желая стать птицей *биш*, (16) Расправить крылья, подняться и парить в вышине.

4.2.5.

离友（并序）. 二首. Ли ю (бин сюй). Ар шоу

乡人有夏侯威者，少有成人之风。余尚其为人，与之昵好。王师振旅，送予于魏邦。心有眷然，为之陨涕。乃作离友之诗。其辞曰：

(一)

王旅游兮背故乡，彼君子兮笃人纲。滕予行兮归朔方，驰原隰兮寻旧疆。载车奔兮马繁骧，涉浮济兮泛轻航。迄魏都兮息兰房，展宴好兮惟乐康。

(二)

凉风肃兮白露滋，木感气兮条叶辞。临渌水兮登崇基，折秋华兮采灵芝。寻永归兮赠所思。

感离隔兮会无期，伊郁悒兮情不怡。

Расстаюсь с другом (вместе с предисловием). Два стихотворения

Среди жителей деревни был Сяохоу Вэй; будучи юным, вел себя как взрослый человек. Я уважал его [как человека], сблизился с ним и подружился. Когда войско царя вернулось из похода, [он] проводил меня в столицу княжества Вэй. [Мое] сердце переполняли думы о нем, и по этой причине [у меня] проступили слезы. Тогда написал стихотворение о расставании с другом. В нем говорится:

— *[Стихотворение] первое*

(1) Царское войско возвращается, идет обратно на родину, (2) Этот благородный человек – опора для меня. (3) Провожает меня, когда я ухожу, возвращаюсь домой на север, (4) Несусь по равнинам и низинам, стремлюсь к старым (прежним – *Н.С.*) границам. (5) Моя повозка мчится, лошади часто закидывают головы, (6) Перехожу вброд [речки], плыву в легкой лодке. (7) Добираюсь до столицы Вэй (Ечэна – *Н.С.*), останавливаюсь в орхидеевом доме, (8) Устраиваем пир, предаемся радости и довольству.

— *[Стихотворение] второе*

(1) Холодный ветер становится все более студеным, белая роса выпадает изобильнее, (2) Деревья ощущают дыхание [ветра], и ветви прощаются с листьями. (3) Иду к прозрачной воде, поднимаюсь на холм, (4) Рву осенние цветы, собираю *линчжи*. (5) Стремлюсь к тому, чтобы возвращение состоялось навсегда, посылаю [весточку] тому, о ком думаю. (6) Огорчен нашей разлукой, встречи более не будет, (7) Испытываю только печаль, в чувствах нет радости.

4.2.6.

当来日大难. Дан лайжи данань

日苦短，乐有余，乃置玉樽办东厨。广情故，心相於。阖门置酒，和乐欣欣。游马后来，辕车解轮。今日同堂，出门异乡。别易会难，各尽杯觞。

Взамен грядущего несчастья

(1) Дни мучительно коротки, (2) Радости нет предела, (3) Расставлены яшмовые кубки, готовы угощения на восточной кухне. (4) Сильны чувства старых друзей, (5) Сердца преисполнены взаимности. (6) Запирают врата, ставят вино, (7) В мире и согласии предаемся веселью. (8) Походные кони поздно вернулись, (9) С оглобель и телег снимают колеса. (10) Сегодня мы вместе в зале, (11) [Но скоро] отправимся на чужбину. (12) Расстаться легко, встретиться вновь трудно, (13) Каждый [из нас] осушает [свой] кубок до дна.

4.2.7.

筵篋引. Кунхоу инь

置酒高殿上，亲友从我游。中厨办丰膳，烹羊宰肥牛。秦箏何慷慨，齐瑟和且柔。阳阿奏奇舞，京洛出名讴。乐饮过三爵，缓带倾庶羞。主称千金寿，宾奉万年酬。久要不可忘，薄终义所尤。谦谦君子德，磬折何所求。惊风飘白日，光景驰西流。盛时不再来，百年忽我遒。生存华屋处，零落归山丘。先民谁不死。知命复何忧？

Мелодии кунхоу

(1) Ставлю вино в парадной зале, (2) Друзья и родные со мной предаются веселью. (3) На внутренней кухне готовят всевозможные яства, (4) Жарят баранов, режут тучных коров. (5) Как же взволнованы струны циньской цитры, (6) Мелодия циских гуслей благозвучна, нежна. (7) Яньба исполняет удивительный танец, (8) Столица Ло славится [своими] певицами. (9) На радостях выпили уже [мы] три кубка, (10) Распускаем пояса, съедаем все яства. (11) Хозяин желает долголетия тысячью золотых, (12) Гости же желают ему десять тысяч лет жизни в ответ. (13) Старую дружбу невозможно забыть, (14) [А] равнодушие в [самом] конце противоречит [принципу] справедливости. (15) Скромность – добродетель *цзюньцзы*, (16) К чему стремиться [тому, кто] согнут угольником, подобно гонгу? (17) Днем дует неистовый ветер, (18) [Солнечный] свет стремительно уходит на запад. (19) Цветущие времена не наступают дважды, (20) Так и столетию быстро приходит конец. (21) Сегодня живешь во дворце, (22) Завтра же, дряхлый, будешь лежать в могиле. (23) Кто из древних не умирал; (24) Если постиг волю неба, то зачем печалиться?

4.2.8.

贈徐幹. Цзэн Сюй Гань

惊风飘白日，忽然归西山。圆景光未满，众星灿以繁。志士营世业，小人亦不闲。聊且夜行游，游彼双阙间。文昌郁云兴，迎风高中天。春鸠鸣飞栋，流焱激椽轩。顾念蓬室士，贫贱诚足怜。薇藿弗充虚，皮褐犹不全。慷慨有悲心，兴文自成篇。宝弃怨何人，

和氏有其愆。弹冠俟知己，知己谁不然。良田无晚岁，膏泽多丰年。亮怀璵璠美，积久德愈宣。亲交叉在敦，申章复何言。

Посылаю Сюй Ганю

(1) Сильный ветер колышет белое солнце, (2) [Белое солнце] внезапно возвращается к западным горам. (3) Светит неполная луна, (4) Сияют мириады звезд. (5) Муж высоких помыслов занят делом, передаваемым из поколения в поколение, (6) Малый человек тоже не пребывает в праздности. (7) Пока же ночью иду побродить, (8) Прохожу мимо тех башен у ворот дворца. (9) Над [главным дворцом] *Вэньчан* поднимаются облака, (10) [Дозорная вышка] *Инфэн* высится в небесах. (11) Весной горлицы щебечут, кружат над коньковой балкой, (12) Вихрь свободно налетает на решетку окна и перила. (13) Вспоминаю об ученом в убогом жилище, (14) Его, бедного и презренного, поистине жаль. (15) Тонкие гороховые стебли не достаточны для утоления голода, (16) Грубая одежда не защищает тело. (17) Он взволнован, и сердце его в печали, (18) Выводимые им иероглифы складываются в сочинение. (19) Драгоценность отброшена – на кого роптать? (20) Господин Хэ ошибался. (21) Отряхнув шапку, ждет знатока, (22) Кто из знатоков будет не таким? (23) На плодородных полях не запоздает урожай, (24) Благодатные озера сулят сытые годы. (25) В чистой душе самоцветы прекрасны, (26) Пройдет много времени, прежде чем добродетель еще больше проявит себя. (27) Долг родных и близких – в честности и доброте, (28) Написал эти стихи, что в дополнение к ним сказать?

4.2.9.

贈丁翼. Цзэн Дин И

嘉宾填城阙，丰膳出中厨。吾与二三子，曲宴此城隅。秦筝发西气，齐琴扬东讴。看来不虛归，觞至反无余。我岂狎异人，朋友与我俱。大国多良材，譬海出明珠。君子义休待，小人德无储。积善有余庆，荣枯立可须。滔荡固大节，时俗多所拘。君子通大道，无愿为世儒。

Посылаю Дин И

(1) Дорогие гости собрались на башне стены, (2) Обильные яства выносят из центральной кухни. (3) Я и несколько мужей – (4) На камерном пиру в уголке городской стены. (5) На *циньской* цитре играют западные мелодии, (6) На *циских* гусях исполняют восточные песни. (7) Подают закуски, но уносят блюда не пустыми, (8) В винных чарах, напротив, ничего не остается. (9) Разве я сближаюсь с чужими людьми? (10) Рядом со мною мои друзья. (11) В большом государстве много прекрасных талантов, (12) Как ярких жемчужин, извлекаемых из моря. (13) В благородном муже накоплено [чувство] справедливости, (14)

В малом человеке нет запасов добродетели. (15) У того, кто лелеет (*досл.* – накапливает – *Н.С.*) в себе доброту, будет с избытком счастья, (16) Стоя твердо, можно ждать взлетов и падений. (17) Поистине необъятны великие правила, (18) В современных обычаях много ограничений. (19) Благородный муж проходит великий путь, (20) Не желает быть заурядным ученым.

Стихотворные послания Лю Чжэня

4.3.1.

贈从弟. 三首. Цзэн цунди. Сань шоу

(一)

泛泛东流水，磷磷水中石。蘋藻生其涯，华纷何扰弱。采之荐宗庙，可以羞嘉客。岂无园中葵，懿此出深泽。

(二)

亭亭山上松，瑟瑟谷中风。风声一何盛，松枝一何劲。冰霜正惨凄，终岁常端正。岂不罹凝寒，松柏有本性。

(三)

凤凰集南岳，徘徊孤竹根。于心有不厌，奋翅凌紫氛。岂不常勤苦，羞与黄雀群。何时当来仪，将须圣明君。

Посвящаю братьям. Три стихотворения

一. [Стихотворение] первое

(1) Плавно течет на восток река, (2) В прозрачной, чистой воде [видны] камни. (3) Водоросли растут по ее берегам, (4) Пестры и изобильны, как же они мягки и вольны. (5) Собираю их, подношу к храму предков, (6) Могу принимать дорогих гостей. (7) Разве в саду нет подсолнечника? (8) Прекрасно то, что они выходят из глубокого озера.

二. [Стихотворение] второе

(1) На горе высится сосна, (2) В долине свистит ветер. (3) Как же же сильны порывы ветра, (4) Как же непоколебимы ветки сосны. (5) Лед и иней несут печали, (6) [Сосна и кипарис] круглый год сохраняют [свою] прямоту. (7) Разве [они] не страдают от сильного холода? (8) Сосна и кипарис обладают изначальной природой.

三. [Стихотворение] третье

(1) Фениксы собираются на южной вершине, (2) Гуляют у корня одинокого бамбука. (3) В сердце нет усталости, (4) Расправляют крылья и устремляются в фиолетовые небеса. (5)

Разве они не проявляют неустанно усердия? (6) Стыдятся находиться в одной стае с чижами.
(7) Когда они должны прилететь? (8) Они ждут премудрого государя.

4.3.2.

贈徐干. Цзэн Сюй Гань

谁谓相去远，隔此西掖垣。拘限清切禁，中情无由宣。思子沉心曲，长叹不能言。起坐失次第，一日三四迁。步出北寺门，遥望西苑园。细柳失道生，方塘含清源。轻叶随风转，飞鸟何翩翩。乖人易感动，涕下与衿连。仰视白日光，皦皦高且悬。兼烛八紘内，物类无颇偏。我独拘深感，不得与此焉。

Посылаю Сюй Ганю

(1) Кто [же] скажет, что расстояние между нами велико, (2) [Ведь нас всего лишь] отделяет [друг от друга] западная стена дворца. (3) [Мы] разлучены строгим приказом, (4) Не могу проявить свои чувства. (5) Думы о Вас лелею в глубине своего сердца, (6) Протяжным вздохом их не выразить. (7) Встаю, сажусь и забываю последовательность [минувших событий], (8) На день по 3–4 раза меняю [свое] место. (9) Выхожу из северных ворот присутственного места, (10) Издали смотрю на [ечэнский] западный парк. (11) Стройные ивы растут по обеим сторонам дороги, (12) В большом пруде – чистая родниковая вода. (13) Легкие листья кружатся в вихре ветра, (14) Куда же летит птица? (15) Отверженного человека легко взволновать, (16) Слезы капаят на подол платья. (17) Смотрю наверх и вижу, как сияет белое солнце, (18) Оно блестит высоко в небе. (19) Блеск его достигает восьми пределов земли, (20) Все сущее не клонится [лишь] в одну сторону. (21) В одиночестве испытываю глубокое сожаление, (22) Что не могу к нему приблизиться.

4.3.3.

又贈徐干詩. Ю цзэн Сюй Гань ши

猥蒙惠唾，颺以雅颂声。高义厉青云，灼灼有表经。

Вновь посылаю Сюй Ганю

(1) Удостоился [от Вас] милости получить Ваши прекрасные слова, (2) Ваш дар подобен звукам од и гимнов [*Шицзина*]. (3) Высокие [дружеские] чувства устремляются к голубым облакам, (4) Сияют, подавая пример.

4.3.4.

贈五官中郎將. 四首. Цзэн угуань-чжунланцзян. Сы шоу

(一)

昔我从元后，整驾至南乡。过彼丰沛都，与君共翱翔。四节相推斥，季冬风且凉。众宾会广坐，明镫熿炎光。清歌制妙声，万舞在中堂。金罍含甘醴，羽觞行无方。长夜忘归来，聊且为大康。四牡向路驰，欢悦诚未央。

(二)

余婴沉痼疾，窜身清漳滨。自夏涉玄冬，弥旷十余旬。常恐游岱宗，不夏见故人。所亲一何笃，步趾慰我身。清谈同日夕，情眇叙忧勤。便夏为别辞，游车归西邻。素叶随风起，广路扬埃尘。逝者如流水，哀此逐离分。追问何时会，要我以阳春。望慕结不解，贻尔新诗文。勉哉修令德，北面自宠珍。

(三)

秋日多悲怀，感慨以长叹。终夜不遑寐，叙意于濡翰。明镫曜闺中，清风凄已寒。白露涂前庭，应门重其关。四节相推斥，岁月忽欲殫。壮士远出征，戎事将独难。涕泣洒衣裳，能不怀所欢？

(四)

凉风吹涉砾，霜气何皑皑。明月照缙幕，华灯散炎辉。赋诗连篇章，极夜不知归。君侯多壮思，文雅纵横飞。小臣信顽卤，僂俛安能追？

Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]. Четыре стихотворения

一. [Стихотворение] первое

(1) В прошлом я сопровождал императора [в походе], (2) Заложив экипаж, [мы] направились в [поход на] Наньсян. (3) Когда проезжали город Фэнпэй, (4) Мы с Вами бок о бок скакали верхом на конях. (5) Четыре времени года сменяют друг друга, (6) И с наступлением третьего месяца зимы дует холодный ветер. (7) Многочисленные гости могут занимать [свои] места, (8) Горят яркие огни, источая жар и излучая свет. (9) В чистом пении рождаются прекрасные звуки, (10) В центре парадной залы танцуют. (11) В золотых кувшинах сладкое молодое вино, (12) Пьют из винных чар, не соблюдая правил. (13) [Пируем] долгими ночами, забыв о том, что пора возвращаться, (14) Так продолжается до тех пор, пока царит великая радость. (15) Колесницы с запряженными в них четверками коней мчатся назад, (16) Веселью и радости поистине нет конца.

二. [Стихотворение] второе

(1) Я опутан оковами тяжелой болезни, (2) Скрываюсь [на берегу] чистых [вод реки] Чжаншуй. (3) На смену лету приходит темная зима, (4) Были разлучены на долгие десять декад. (5) Постоянно опасаясь, что [душа] отправится скитаться на [горы] Тайшань, (6) И я уже не увижусь вновь со старым другом. (7) Как же искренна Ваша любовь, (8) Навещаете меня, чтобы утешить. (9) Ведем чистую беседу, пока солнце на западе не опустится за

горизонт, (10) С любовью глядя друг на друга, выражаем свои печальные чувства. (11) Перед разлукой вновь и вновь произносим прощальные речи, (12) [Вам пора] возвращаться в экипаже к западным соседям. (13) Увявшие листья кружатся в поднявшемся ветре, (14) На широкой дороге взлетает пыль. (15) Минувшее подобно текущим водам, (16) Печаль в этот момент покидает [меня]. (17) Спрашиваю, когда же встретимся вновь, (18) Приглашает меня [приехать] теплой весной. (19) Надеюсь [на встречу], думаю [о Вас] с почтением, [ведь наши дружеские] узы нерасторжимы, (20) Посвящаю Вам новое стихотворение. (21) Старательно совершенствуйте Ваши прекрасные добродетели, (22) Тот, чье лицо обращено на север, должен заботиться о себе.

三. [Стихотворение] третье

(1) Как же унылы осенние дни, (2) Предаюсь горестным думам и тяжело вздыхаю. (3) До самого рассвета не могу уснуть, (4) Опускаю кисть в тушь, чтобы выразить [свои] мысли. (5) Яркие огни озаряют покои, (6) Свежий ветерок несет прохладу, уже наступают холода. (7) Передний дворик покрыт белой росой, (8) Один за другим опускаются засовы на главных воротах. (9) Четыре сезона сменяют друг друга, (10) Год незаметно подходит к концу. (11) Храбрые воины выступают в дальний поход, (12) Полководец один несет ответственность за исход ратных дел. (13) Слезы [мои] орошают подол платья, (14) Могу ли не тосковать по тому, кто дорог?

四. [Стихотворение] четвертое

(1) Холодный ветер сдувает мелкие камешки, (2) Как же безупречно бел иней. (3) Яркая луна освещает красный полог, (4) Разноцветные огни излучают сияние. (5) Слагает стихотворения одно за другим, (6) До глубокой ночи не возвращается. (7) Вы преисполнены множеством великих дум, (8) Вам с легкостью дается утонченное и изящное. (9) Я, недостойный подданный, глуп и неотесан, (10) Разве могу сравниться [с Вами], даже если буду стараться изо всех сил?

Стихотворные послания Ван Цаня

4.4.1.

贈士孫文始. Цзэн Шисунь Вэньши

天降丧乱，靡国不夷。我暨我友，自彼京师。宗守荡失，越用遁违。迁于荆楚，在漳之湄。在漳之湄，亦剋晏处。和通簏坝，比德车辅。既度礼义，卒获笑语。庶兹永日，无讐厥绪。虽曰无讐，时不我已。同心离事，乃有逝止。横此大江，淹彼南汜。我思弗及，载坐载起。惟彼南汜，君子居之。悠悠我心，薄言慕之。人亦有言，靡日不思。矧伊孌

婉，胡不凄而！晨风夕逝，托与之期。瞻仰王室，慨而永叹。良人在外，谁佐天官？四国方阻，俾尔归蕃。尔之归蕃，作式下国。无曰蛮裔，不虔汝德。慎尔所主，率由嘉则。龙虽勿用，志亦靡忒。悠悠澹澹，郁彼唐林。虽则同域，邈其迥深。白驹远志，古人所箴。允矣君子，不遐厥心。既往既来，无密尔音。

Посылаю Шисунь Вэньши

(1) Небеса ниспосылают смерть и хаос, (2) Повсюду царит разруха. (3) Я со своим другом (4) Покидаю столицу. (5) Сокровища храмов навсегда утрачены, (6) [Мы] бежим далеко-далеко. (7) Поселяемся в царстве Чу (8) У вод реки Чжан. (9) На берегу реки Чжан (10) Можем предаться мирной жизни. (11) Чувства [наши] столь гармоничны, как и звуки *чи* и *сюнь*, (12) [Единодушие и единомыслие, царящие между нами,] уподобляют нас [по степени близости друг к другу] десне и скуле. (13) Пусть и [следуем мы] во всем ритуалу и закону, (14) Однако венцом [нашей дружбы] являются смех и беседа. (15) И так почти каждый день, (16) Нет ни конца, ни начала. (17) Хотя и говорю, что нет конца, (18) Время не благоволит нам. (19) В помыслах едины, в делах разобщены, (20) Неизбежно настает день разлуки. (21) [Вы] пересекаете бурлящие [воды] Янцзы, (22) Надолго поселяетесь на юге, на берегах реки Сышуй. (23) Помыслы мои не обретают пристанища – (24) Присев на время, вновь встаю. (25) Ведь только на тех южных берегах (26) *Цзюньцзы* остается навеки. (27) Мысль моя улетает далеко-далеко, (28) Каждый миг посвящаю думам о Вас. (29) Как говорится, (30) Ни дня без мыслей о том, кто дорог. (31) Еще более восхищаюсь Вашими добродетелями, (32) Как не тосковать [по Вам]? (33) Утренний ветер к вечеру стихает, (34) Возвещая о [наступлении] времени встреч. (35) Устремляю [свой] взор, полный надежд и благоговения, на царствующий дом (36) Тяжело и протяжно вздыхаю. (37) Вы вдали от родного края, (38) Кто же придет на помощь императорскому чиновнику? (39) Царства вокруг погрязли в междоусобицах, (40) Вам поручено их примирить. (41) Ныне, когда Вы отправляетесь на их усмирение, (42) [Вам следует] подать [этим] малым царствам пример. (43) Не говорите, что они – варвары, (44) Что не почитают Вашу добродетель. (45) Будьте осторожны, (46) Оставайтесь верны прекрасным образцам. (47) Хотя дракон еще в полной мере не проявил себя, (48) Ничто не может поколебать его стремлений. (49) [Далеко-далеко] текут спокойные [воды] Ли[шуй], (50) Пышно раскинулись леса в [уезде] Тан. (51) Хотя [мы с Вами] в одной области, (52) Нас разделяет безбрежный простор. (53) Белый жеребец [не должен забывать о своих] высоких стремлениях, (54) О чем нас предупреждали древние. (55) Верю, что [Вы –] *цзюньцзы*, (56) Не пренебрегайте порывами души. (57) Где бы [Вы] ни были, (58) Не оставляйте [меня] без весточки от Вас.

4.4.2.

贈文叔良. Цзэн Вэнь Шулян

翩翩者鴻，率彼江濱。君子于征，爰聘西鄰。臨此洪渚，伊思梁岷。爾往孔邈，如何勿勤。君子敬始，慎爾所主。謀言必賢，錯說申輔。延陵有作，僑、肸是與。先民遺迹，來世之矩。既慎爾主，亦迪知几。探情以華，睹著知微。視明聽聰，靡事不惟。董褐荷名，胡寧不師？眾不可蓋，無尚我言。梧宮致辯，齊楚構患。成功有要，在眾思歡。人之多忌，掩之實難。瞻彼黑水，滔滔其流。江漢有卷，允來厥休。二邦若否，職汝之由。緬彼行人，鮮克弗留。尚哉君子，于異他仇。人誰不勤，無厚我憂。誰詩作贈，敢咏在舟。

Посылаю Вэнь Шуляну

(1) Гуси летят, (2) Следуют тем берегом Янцзы. (3) *Цзюньцзы* [скоро] отправится в путь, (4) Чтобы навестить западного соседа. (5) Созерцаю островки на Янцзы, (6) Устремляюсь мыслями к горам Лян и Минь. (7) Место, куда Вы направитесь, далеко-далеко, (8) Как же не тревожиться за Вас. (9) Для *цзюньцзы* превыше всего почтение, (10) Отнеситесь серьезно к исполнению служебного долга. (11) Слова Ваши должны быть исполнены мудрости, (12) А красноречие пусть будет направлено на разъяснение [близости между] десной [и скулой]. (13) В Яньлине действуют, (14) Цяо и Си этому способствуют. (15) Деяния наших предков (16) Должны быть нами возведены в образец. (17) Вам следует как внимательно относиться к исполнению своих служебных обязанностей, (18) Так и проявлять способность предвидеть [события]. (19) Угадывайте чувства и настроения по их внешним проявлениям, (20) Смотрите [в лицо] и читайте мысли. (21) Пусть глаза всё видят, а уши всё слышат, (22) Ничего не оставляйте без своего внимания. (23) Дун Хэ снискал себе имя на своем поприще, (24) Почему бы не взять с него пример? (25) От его окружения ничего нельзя утаивать, (26) Нельзя себе позволять высокомерных речей. (27) Когда У Гун вступил в спор [с правителем Чу], (28) Между Ци и Чу началась война. (29) Основа успеха – (30) Симпатии окружения. (31) Люди от многого уклоняются, (32) Избегают настоящих сложностей. (33) Смотрю [вдаль] на ту реку Хэйшуй, (34) На ее полноводное русло. (35) Реки Янцзы и Ханьшуй мчатся в едином потоке, (36) И они воистину прекрасны. (37) Будущее отношений между двумя областями [Цзин и Шу] (38) Зависит от Вас. (39) Мысленно я – с тем путником [с Вами], (40) Не могу не задержаться [здесь подольше]. (41) Вы же – благородный *цзюньцзы*, (42) Вы не похожи на тех, кто Вас окружает. (43) О Вас беспокоятся все, (44) Но никто – так сильно, как я. (45) [Посылаю Вам] только стихотворение в подарок, (46) Смею [надеяться, что его мелодия] прозвучит в [Вашей] лодке.

4.4.3.

贈蔡子篤. Цзэн Цай Цзыду

翼翼飞鸾，载飞载东。我友云徂，言戾旧邦。舫舟翩翩，以泝大江。蔚矣荒涂，时行靡通。慨我怀慕，君子所同。悠悠世路，乱离多阻。济岱江衡，邈焉异处。风流云散，一别如雨。人生实难，愿其弗与。瞻望遐路，允企伊佇。烈烈冬日，肃肃凄风。潜鳞在渊，归雁载轩。苟非鸿雕，孰能飞翻？虽则进慕，予思罔宣。瞻望东路，惨怆增叹。率彼江流，爱逝靡期。君子信誓，不迁于时。及子同寮，生死固之。何以赠行，言授斯诗。小心孔悼，涕泪漣漣。嗟尔君子，如何勿思？

Посылаю Цай Цзыду

(1) [В небесах] парит *луань*, (2) [Он] летит на восток. (3) Мой друг говорит, что [ему пора] уходить, (4) [Пришло время] возвращаться в родные края. (5) [Ваша] лодка стремительно плывет (6) Вверх по течению реки Янцзы. (7) Дорога заросла густой травой, (8) Теперь по ней невозможно пройти. (9) Тяжко вздыхаю и размышляю над тем, (10) Что же объединяет всех *цзюньцзы*. (11) Жизненный путь длинный и долгий, (12) Сколько же препятствий [он уготовил нам] в беспокойное время. (13) Цзи, Дай, Цзян, Хэн (14) Друг от друга далеко-далеко. (15) Порывы ветра рассеивают облака, (16) Разлука подобна каплям дождя, (17) Человеческая жизнь действительно нелегка, (18) Желая, чтобы Ваша жизнь была не такой. (19) Устремляю свой взор на уходящую вдаль дорогу, (20) Стою, полный искренних чувств. (21) Как же холодна зимняя пора, (22) Как же стремительны порывы яростного ветра. (23) Рыба *линь* скрывается в водной пучине, (24) Спешащие домой дикие гуси парят в вышине. (25) Если не гуси и не орлы, (26) То кто же тогда способен летать? (27) Будучи погруженным в мысли, (28) Я не в силах их выразить. (29) Устремляю свой взор на восточную дорогу, (30) Обуреваемый тоской и печалью, тяжело вздыхаю. (31) [Вы удаляетесь], следуя тем берегом Янцзы, (32) Разлука с дорогим другом не имеет определенного срока. (33) *Цзюньцзы* верен своему слову, (34) Время не рождает [в его сердце] чувство отчуждения. (35) [Нас] с Вами объединяет общее поприще, (36) И в жизни, и в смерти проявим себя на нем стойкими. (37) Как же могу я преподнести [Вам эти] строки? (38) Их посылают [Вам мои] уста. (39) Тоска [еще пуще] щемит [мое] сердце, (40) И слезы текут без конца. (41) Вы же – *цзюньцзы*, (42) Как же могу не тосковать [по Вам я]?

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ОРИГИНАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ И ПОДСТРОЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПОСЛАНИЙ

Прозаические послания Цао Чжи

2.1.1.

与杨德祖书 (*Юй Ян Дэцзю шу*)

植曰：数日不见，思子为劳，想同之也。

仆少好为文章，迄至于今，二十有五年矣，然今世作者，可略而言也。昔仲宣独步于汉南，孔璋鹰扬于河朔，伟长擅名于青土，公干振藻于海隅，德琏发迹于大魏，足下高视于上京。当此之时，人人自谓握灵蛇之珠，家家自谓包荆山之玉，吾王于是设天网以该之，顿八紘以掩之，今尽集兹国矣。然此数子犹复不能飞鸞绝迹，一举千里。以孔璋之才，不闲于辞赋，而多自谓能与司马长卿同风，譬画虎不成反为狗也，前书嘲之，反作论盛道仆赞其文。夫钟期不失听，于今称之，吾亦不能妄叹者，畏后世之嗤余也。

世人之著述，不能无病，仆常好人讥弹其文，有不善者，应时改定。昔丁敬礼常作小文，使仆润饰之，仆自以才不过若人，辞不为也。敬礼谓仆，卿何疑难，文之佳恶，吾自得知之，后世谁相知定吾文者邪？吾常叹此达言，以为美谈。昔尼父之文辞，与人流通，至于制《春秋》，游夏之徒乃不能措一辞。过此而言不病者，吾未之见也。

盖有南威之容，乃可以论于淑媛，有龙渊之利，乃可以议于断割，刘季绪才不能逮于作者，而好诋诃文章，诘摭利病。昔田巴毁五帝，罪三王，譬五霸于稷下，一旦而服千人，鲁连一说，使终身杜口。刘生之辩，未若田氏，今之仲连，求之不难，可无息乎？人各有好尚，兰茝蕙之芳，众人所好，而海畔有逐臭之夫；咸池六茎之发，众人所同乐，而墨翟有非之论，岂可同哉！

今往仆少小所著辞赋一通相与，夫街谈巷说，必有可采，击辕之歌有应风雅，匹夫之思，未易轻弃也。辞赋小道，固未足以揄扬大义，彰示来世也。昔扬子云先朝执戟之臣耳，犹称壮夫不为也。吾虽德薄，位为藩侯，犹庶几戮力上国，流惠下民，建永世之业，流金石之功，岂徒以翰墨为勋绩，辞赋为君子哉！若吾志未果，吾道不行，则将采庶官之

实录，辩时俗之得失，定仁义之衷，而一家之言，虽未能藏之于名山，将以传之同好，非要之皓首，岂今日之论乎？其言之不惭，恃惠子之知我也。

明早相迎，书不尽怀，植白。

Письмо Ян Дэцзу

I. (1) Чжи говорит: (2) Много дней не виделись [мы с Вами], [тем временем] [я] думал без устали о Вас, мечтал быть [рядом] с Вами. (3) Слуга Ваш с детства был склонен к сочинительству – [пристрастию сему я верен] и поныне, как [мне уж] двадцать пятый год минул; и вот сейчас могу [я] порассуждать немного о литераторах теперешней поры.

II. (4) Когда-то Чжунсюань не знал себе равных [в местности] к югу от [реки] Хань, Кунчжан парил, подобно орлу, над землями к северу от [реки] Хэ, Вэйчжан в *Цинту* снискал известность, Гунгань в Приморье славу приобрел, Дэлянь в великом [царстве] Вэй удостоился почета, [а] перед Вами благоговели в *Шанцзине*. В то время многие [из них] убеждали, что завладели жемчужиной божественного змея, каждый [из них] уверял, что заполучил яшму с горы Цзиншань.

Потому-то наш государь и расставил свои небесные сети – опутать их, растянул свои восемь нитей – связать их, и теперь [он] собрал [их всех] в своем царстве. Однако мужи эти так и не сумели вновь подняться ввысь, не смогли вновь оторваться от земли, [и] не пустились [они] [в дальние странствия] за тысячи *ли*.

(5) Возьмем, [к примеру], талант Кунчжана. [Кунчжан] отдыха не ведает, [создавая] *цы* и *фу*, да еще то и дело уподобляет себя Сыма Чанцину, [а между тем], как он ни пытается нарисовать тигра, все равно получается собака; [в одном из] прошлых писем [я] высмеял его, [а он], напротив, чванливо утверждал, будто [в нем] я выразил [все] восхищение его твореньем. Чжун Ци не утрачивал слуха [до конца своих дней], чем он и ныне вызывает к себе уважение; так и мне не пристало наобум расточать похвалы – [я попросту] боюсь стать посмешищем для потомков.

(6) Произведения литераторов нынешнего века не безупречны; Ваш слуга неизменно с благодарностью внимал замечаниям – [коли] нашлись недостатки, [их] следует немедленно исправить. В свое время Дин Цзинли имел обыкновение сочинять [всякие] безделки, [и как-то раз он] попросил меня придать им [художественный] лоск, [однако] я посчитал, что не превосхожу его талантом, [и потому] отказал ему. Цзинли спросил (меня): «Почему Вы терзаетесь сомнениями? Какие бы достоинства или недостатки [Вы ни нашли в моем] сочинении, я [все равно] буду доволен. Кто же из потомков определит, что текст мой [изначально] был плох?» Я, бывало, восхищался этими речами, отдавая должное остроумию [Цзинли].

(7) Когда-то сочинения почтенного Ни распространялись столь же свободно, [как и сочинения других], [однако] при составлении *Чуньцю* даже [его] ученики Ю и Ся и слова [от себя] не могли добавить. [И посему], окромя *Чуньцю*, не видал я сочинения, которое назвал бы совершенным.

(8) Только с лицом, [как у] Нань Вэй, можно спорить о ее красоте, только с клинком, [как у] Драконова Омута, можно рассуждать о [его] разящей [силе]; Лю Цзисюй по [своему] таланту не превосходит [иных] литераторов, а при этом [он] горазд [их] критиковать, [а также] выискивать в [их сочинениях] достоинства и недостатки.

(9) Некогда в Цзыся Тянь Ба ругал Пятерых императоров, бранил Трех царей, хулил Пятерых гегемонов [и] в одночасье убедил [в своей правоте] тысячу людей, однако стоило высказаться Лу Лянью, как [Тянь Ба был вынужден] навсегда замолчать. В красноречии Лю Шэну не тягаться с Тянь Ши, да и подобных Чжунляню найти [в наши дни] нетрудно; но как же им проявить себя?

(10) У каждого есть [свои] пристрастия; аромат орхидеи, ангелики, ириса приятен для [большинства] людей, однако на берегу морском найдутся те, кто за смердящим по пятам пойдет; мелодии *Сяньчи* и *Люцзина* всем доставляют радость, и тем не менее Мо Ди [их] не признавал; так можно ли [во всем] быть одинаковыми?

(11) Теперь [я] вспоминаю свои детские и отроческие годы, [когда писал] одни лишь *цы* и *фу*; [а ведь и среди] рассказней на улицах и в переулках достойные найдутся непременно, [а ведь и в] звуках, [рождаемых] ударами оглобли, есть то, что их роднит и с *фэн*, и с *я*, – [так] и мнением простолюдина не стоит пренебрегать. [Однако] *цы* и *фу* наделены [лишь] малым *дао* – [им] не под силу ни прославить великую справедливость, ни вразумить потомков. Как-то Ян Цзыюнь – чиновник *чжицзи* при предшествующей династии – сказал, что зрелый муж [*цы* и *фу*] не сочиняет.

(12) Я же, пусть и обделен добродетелями, [пусть и] ношу [лишь] титул удельного *хоу*, [но] по-прежнему надеюсь объединить усилия [во славу] государства, оказать милости народу, свершить великие дела, увековечить заслуги в металле и камне; смогу ли кистью и тушью снискать славы, [смогу ли своими] *цы* и *фу* прослыть *цзюньцзы*?

(13) Если моим чаяниям не суждено сбыться, если [избранный] мною путь [ни на что] не годится, то [я] соберу правдивые записи служилых мужей, разьясню достоинства и недостатки нравов и обычаев [своего] времени, укреплю человеколюбие и справедливость в их основе, провозглашу это в речах единственной [в своем роде] школы; пусть и не спрятать [мне] [свои сочинения] в [недрах] известной горы, [я] передам их тем, с кем связан устремлениями; если же, [не осуществив все это], доживу до седых волос, [то] к чему [мои] теперешние рассуждения?

III. (14) Не стыжусь своих речей лишь только потому, что верю – Хуэйцзы поймет меня. (15) Свидимся [уж] завтра поутру, в письме не передашь [всего того, что] на душе. (16) Чжи (пишет).

2.1.2.

与司马仲达书. Юй Сыма Чжунда шу

今贼徒欲保江表之城，守区区之吴尔！无有争雄于宇内，角胜于平原之志也。故其俗盖以洲渚为营壁，江淮为城堑而已。若可得挑致，则吾一旅之卒足以敌之矣。盖弋鸟者矫其矢，钓鱼者理其纶。此皆度彼为虑，因象设宜者也。今足下曾无矫矢理纶之谋，徒欲候其离舟，伺其登陆，乃图并吴会之地，牧东野之民，恐非主上授节将军之心也。

Письмо к Сыма Чжунда

I. Ныне разбойники замышляют удерживать города Заречья, оборонять крошечное [царство] У! Не в силах потягаться за Поднебесную, не в состоянии побороться за Равнину. Поэтому они по привычке сделали острова и отмели [своим] оплотом, [а воды] Янцзы-цзян и Хуайхэ – [своим] защитным рвом. II. Если сможем [их оттуда] выманить, [чтобы] сразиться [с ними], то солдат одного моего отряда будет достаточно, чтобы одолеть их. Стрелкам надобно натянуть тетиву, а рыбакам – выпрямить леску. Все это необходимо взвесить и обдумать, сообразно [сложившейся] ситуации принять надлежащие [меры]. III. Теперь у Вас уже нет намерений натянуть тетиву и выпрямить леску, [Вы] лишь желаете дожидаться [того часа], когда они оставят [свои] джонки, улучшить [момент], когда они сойдут на берег, и уж тогда, как [Вы] и задумали, объединить земли У и Гуй, покорить восточных дикарей. IV. Едва ли государь думал об этом, когда назначал на должность генерала.

2.1.3.

与吴季重书. Юй У Цзичжун шу

植白：季重足下。前日虽因常调，得为密坐。虽燕饮弥日，其于别远会稀，犹不尽其劳绩也。若夫觞酌凌波于前，箫笳发音于后，足下鹰扬其体，凤叹虎视，谓萧曹不足俦，卫霍不足侔也。左顾右盼，谓若无人，岂非吾子壮志哉！过屠门而大嚼，虽不得肉，贵且快意。当斯之时，愿举泰山以为肉，倾东海以为酒，伐云梦之竹以为笛，斩泗滨之梓以为箏，食若填巨壑，饮若灌漏卮，其乐固难量，岂非大丈夫之乐哉！然日不我与，曜灵急节。面有逸景之速，别有参商之阔。思欲抑六龙之首，顿羲和之辔，折若木之华，闭蒙汜之谷。天路高邈，良久无缘，怀恋反侧，如何如何？得所来讯，文采委曲，晬若春荣，浏若清风，申咏反覆，旷若复面。其诸贤所著文章，想还所治，复申咏之也。可

令熹事小吏，讽而诵之。夫文章之难，非独今也，古之君子，犹亦病诸！家有千里，骥而不珍焉；人怀盈尺，和氏而无贵矣！夫君子而知音乐，古之达论，谓之通而蔽。墨翟不好伎，何为过朝歌而回车乎？足下好伎，值墨翟回车之县，想足下助我张目也。又闻足下在彼，自有佳政，夫求而不得者有之矣，未有不求而得者也。且改辙易行，非良乐之御；易民而治，非楚郑之政，愿足下勉之而已矣。适对嘉宾，口授不悉，往来数相闻。曹植白。

Письмо У Цзичжуну

Чжи говорит:

I. (1) Милостивый государь Цзичжун. Третьего дня, несмотря на чиновничьи экзамены, [по итогам которых Вас направили в далекий уезд], [нам с Вами] удалось посидеть [на пиру] друг рядом с другом; хотя пир [и длился] весь день, [но ведь] разлуки [наши] долгие, а встречи редкие, [поэтому я] так и не поведал [Вам] о всех своих думах [о Вас]. **(2)** Сперва [осушили мы] винные чарки [до дна], а после [вкусили] музыку свирели; духом воспарили Вы, словно орел, а взор [Ваш] [стал подобен] [взору] феникса или тигра; ни Сяо, ни Цао не смогут сравниться с Вами, ни Вэю, ни Хо не под силу тягаться [с Вами]. Оглядывааетесь по сторонам так, будто [не замечаете вокруг себя] никого, – разве не [в этом проявляются] Ваши высокие устремления? **(3)** Проходя мимо мясной лавки, глотаем слюни; пусть и не удастся отведать мяса, все равно испытываем радость. Тем временем, желаем поднять [гору] Тайшань, как [кусочек] мяса, и опорожнить [море] Дунхай, как [чашу с] вином, [хотели бы] вырубить бамбук Юньмэна и изготовить [себе] флейты, повалить (катальповые) деревья Сышуя и смастерить [себе] цитры; яства [наши настолько обильны, что] заполнили бы собою глубокое ущелье, а [вино наше] льется [столь щедро], будто [никак не может наполнить] протекающие кубки [с вином]. Как же велика наша радость! Не это ли радость достойных мужей? **(4)** Время, однако, нам неподвластно, уж близок закат; миг встречи [столь мимолетен], словно отблеск лучей заходящего солнца, а пора разлуки бесконечна, как расстояние между [созвездиями] Шэнь и Шан. Хотел бы остановить шестерку драконов, [запряженных в солнечную колесницу], удержать поводья [возницы] Сихэ, сломить [могучее дерево] *жому*, загородить долину [реки] Мэн. Небесные пути высоки, далеки; не суждено [нам] скоро увидеться [вновь]; думаю с тоской и любовью [о Вас]; ворочаюсь в постели [и не в силах заснуть]; как же [все это передать]!

II. (1) Получил Ваше письмо, изысканное и витиеватое. По [своей] пышности [оно] сравнится с весенней растительностью, по свежести – с прохладным ветерком, [я] читал [его] вновь и вновь, ясно видя Вас [перед] собою. **(2)** Похоже, [Вы собрали] сочинения *совершенномудрых*, обдумывали и изучали [их], по многу раз зачитывали [вслух], возможно,

[даже] повелели низшим служащим, не чуждым занятий [словесностью], выучить [их] наизусть и [после этого] по памяти читать. Творить [же] трудно не только в наши дни. В древности *цзюньцзы* [страдали от] тех же болезней [творчества], [что и мы]. [Одни полагают, что у них] дома есть [кони, способные в день пробегать] тысячу *ли*, но не дорожат лихим скакуном; [другие считают, что у них] пазуха размером с *чи*, но [при этом] не ценят прекрасную яшму. (3) [Если] *цзюньцзы* не сведущ в музыке, [то], как говорили в древности, он [хотя и] обладает знаниями, но пребывает в невежестве. Мо Ди не жаловал [этот вид] искусства; почему же, проезжая Чжаогэ, [он] повернул повозку назад? Вы музыку любите. [И ныне Вы] назначены правителем [того самого] уезда, [проезжая который] Мо Ди повернул свою повозку назад. (4) Надеюсь, что Милостивый государь поможет мне [широко] раскрыть [мои] глаза.

III. (1) Вновь слышал [я], что Вы там снискали славу [своей] ревностной службой. (2) Бывает, что [мы] не добиваемся того, к чему стремимся, [однако] не бывает, чтобы мы добивались, не стремясь. Если меняют колею на полпути, [то, очевидно, что] повозкой правят не Лян и не Лэ; [если] обмениваются [простым] народом с целью установления порядка, [то ясно, что речь идет не о] принципах управления в Чу и Чжэн. [Смею] надеяться, что [на поприще чиновничьей службы] Вы проявите все Ваше усердие. (3) Теперь пришла пора встречать [мне] дорогих гостей, [а я] продиктовал [писцу] не все, [что хотел сказать]. [Надеюсь на более] частые встречи [с Вами], [а также на] [продолжение] переписки. Цао Чжи сказал.

Прозаические послания Лю Чжэня

2.2.1.

諫平原侯值书. Цзянь Пинъюань хоу Чжи шу

家丞邢颺，北土之彦，少秉高节，玄静澹泊，言少理多，真雅士也。桢诚不足同贯斯人，并列左右。而桢礼遇殊特，颺反疏简，私惧观者将谓君侯习近不肖，礼贤不足，采庶子之春华，忘家丞之秋实。为上招谤，其罪不小，以此反侧。

Письмо-увещевание, адресованное Пинъюань хоу Чжи

(1) Цзячэн Син Юн – северянин, преисполненный талантов и добродетелей. С детства остается верным высоким моральным принципам; тихий и скромный; предпочитает словам дела; воистину [он] благороден. (2) Чжэню и впрямь не сравниться с этим человеком, не войти в его окружение. Однако с Чжэнем обращаются по-особому, а с Юном, наоборот, не церемонятся. (3) Я опасаюсь: вокруг [нас] будут говорить, что Вы благоволите недостойным, привечаете тех, кто этого не заслуживает, собираете весенние цветы *шуцзы*,

выбрасываете осенние плоды *цзячэна* – Вы навлекаете [на себя] клевету, немало [тех, кто] Вас осуждает, и это [меня] тревожит.

2.2.2.

与临淄侯曹植书. Юй Линьцзы хоу Цао Чжи

明使君始垂哀怜，意着日崇。譬之疾病，乃使炎农分药，岐伯下车咸，疾虽未除，就无恨。何者？以其天医至神，而荣魄自尽也。

（《御览》七百三十九）

肃以素秋则落。

（《文选》二十四潘正叔《赠陆机诗》注）

Письмо Линьцзы хоу Цао Чжи

(1) Мудрый посланник с самого начала проникся сочувствием, и с каждым днем его внимание и забота проявлялись все более. (2) Узнав о [моей] болезни, повелел Яньнуну подобрать [мне] лекарство, а Цибо – ввести [мне] иглу. Хотя болезнь не излечили, [я близок к смерти и мне] не на что роптать. (3) Почему же? Пусть врачеватель и подобен божеству [в своем искусстве], [жизненных] сил и [бодрости] духа во мне уже не осталось.

(*Тайпин Юйлань*, 739).

Сухие листья осенью опадут.

(*Вэньсюань, цзюань* 24)

2.2.3.

答曹丕借廓落带书. Да Цао Пи цзе коло дай шу

楨聞荆山之璞，曜元后之宝；隨侯之珠，燭眾士之好；南垠之金，登窈窕之首；罽貂之尾，綴侍臣之幘。此四宝者，伏朽石之下，潜污泥之中，而扬光千载之上，发彩畴昔之外，亦皆水未能初自接于至尊也。夫尊者所服，卑者所修也；贵者所御，贱者所先也。故夏屋初成而大匠先立其下，嘉禾始熟而农夫先尝其粒。恨楨所带，无他妙饰，若实殊异，尚可纳也。

Письмо, написанное в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс

І Чжэнь слышал, [что] яшма с горы Цзиншань озаряет сокровищницы государя; жемчужина Суй хоу освещает кладовые сановников; золото юга сверкает на головках прелестниц; [мех с] хвоста суслика и соболя украшает головные уборы вельмож. Эти четыре драгоценности прячутся среди неотесанных камней, скрываются в грязной глине, однако [они] будут излучать сияние и через тысячу лет, [равно как они] искрились красками и тысячу лет назад,

[хотя] (они) и не были во все времена в распоряжении Высочайшего. II То, что надето на почтенном, сшито презренным; то, что используется благородным, сперва [испытывается] худородным. Ведь перед тем, как возвели грандиозные постройки, мастеровой сначала заложил [их] основу, а перед тем, как созрели многоколосные хлеба, крестьянин сперва попробовал [одно] зернышко. III К сожалению, то, что носит на поясе Чжэнь, лишено украшений. IV Если [же оно] и впрямь [столь] необычайно, Уважаемый может [его] забрать.

Прозанческие послания Ван Цаня

2.3.1.

为刘表谏袁谭书. Вэй Лю Бяо цзянь Юань Тань шу

天降灾害，祸难殷流。初交殊族，卒成同盟，使王室震荡，彝伦攸斁。是以智达之士，莫不痛心入骨，伤时人不能相忍也。然孤与太公志同愿等，虽楚魏绝邈，山河迥远，戮力乃心，共奖王室，使非族不干吾盟，异类不绝吾好，此孤与太公无贰之所致也。功绩未卒，太公殒陨，四海悼心。贤胤承统，以继洪业，遐迹属望。宣奕世之德，履丕显之祚，摧严敌于邺都，扬休烈于朔土，顾定疆宇，虎视河外，凡我同盟，莫不景附，咸欲展布旅力，以投盟主，虽亡之日，犹存之愿也。何悟青蝇飞于竿旌，无忌游于二垒，使股肱分成二体，匈膺绝为异身！初闻此问，尚谓不然，定闻信来，乃知阏伯、实沈之忿已成，弃亲即仇之计已决，旃旆交于中原，暴尸累于城下。闻之哽咽，若存若亡。

昔三王五伯，下及战国，君臣相弑，父子相杀，兄弟相残，亲戚相灭，盖时有之。然或欲以成王业，或欲以定霸功，或欲以显宗主，或欲以固冢嗣，皆所谓逆取顺守，而徼富强于一世也，未有弃亲即异，兀其根本，而能崇业济功，全于长世者也。昔齐襄公报九世之仇，士丐卒荀偃之事，是故《春秋》美其义，君子称其信。夫伯游之恨于齐，未若太公之忿于曹也；宣子之臣承业，未若仁君之继统也。且君子违难不适仇国，交绝不出恶声，况忘先人之仇，弃亲戚之好，而为万世之戒，遗同盟之耻哉！蛮夷戎狄将有诮让之言，况我族类，而不痛心邪！

夫欲立竹帛于当时，全宗祀于一世，岂宜同生分谤，争校得失乎？若冀州有不弟之傲，无惭顺之节，既已然矣，仁君当降志辱身，以济事为务。事定之后，使天下平其曲直，不亦为高义邪？今仁君见憎于夫人，未若郑庄之于姜氏；昆弟之嫌，未若重华之于象敖。然庄公卒崇大隧之乐，象敖终受有鼻之封。愿捐弃百痼，追摄旧义，复为母子昆弟如初。今整勒士马，瞻望鹄立。

От имени Лю Бяо пишу Юань Таню письмо с наставлениями

(1) Небеса ниспосылают несчастья, бедствиям нет конца. [Дун Чжо] сперва начал сношения с инородцами, [а] затем заключил с ними союз; [это] потрясло царствующий дом, пограло основы морали. (2) Посему мудрецы все как один в глубокой печали – сожалеют [они], что никто никому не готов идти на уступки. (3) Однако мы с Вашим отцом были едины в своих стремлениях и чаяниях; хотя Чу и Вэй отдалены друг от друга горами и реками, [они могут] сплотить свои усилия и помыслы, сообща оказать поддержку царствующему дому, не позволить иноземцам вмешаться в наш союз, а чужакам – разрушить нашу дружбу; в этом мы с Вашим отцом непременно были бы единомышленны. (4) Великие дела так и не доведены до конца, [а] Ваш отец скончался; талантливые сыны унаследовали трон, чтобы продолжить [его] начинания. Восславьте добродетель в веках, вступите на ослепительный престол, сокрушите врагов из Ечэна, возвестите [о своих] деяниях в северных землях, окиньте [своим] умиротворенным взором [эти] районы, обратите [свой] грозный взгляд на территории к северу от Хуанхэ; [я и] каждый из моих союзников последуем за Вами. (5) Как же постичь [то], почему синие мухи слетаются на флажки на шестах, [а] [подлец] У Цзи мечется между двумя лагерями, [да притом так шустро, будто его] ноги и руки заимствованы у двух инородных тел, [а его] грудь и хребет взяты от разных туловищ? (6) Впервые услышав об этом, я счел это противоестественным. (7) Позднее [до меня дошли] вести [о том], что разрыв между Э Бо и Ши Чэнем уже состоялся, что намерение друг от друга отречься и взаимная ненависть уже [в них] утвердилось, что их знамена уже перемешались [друг с другом] на [просторах] Великой равнины, что непогребенные трупы громоздятся под [стенами] городов. (8) Услышав об этом, [я едва ли не] захлебнулся от слез, [я] словно очутился где-то между бытием и небытием. (9) С древних времен, [когда правили] три царя и пять гегемонов, и до периода Сражающихся царств государи и вельможи убивали друг друга, отцы и сыновья истребляли друг друга, братья калечили друг друга, родственники уничтожали друг друга – и так было всегда. [Одни] желали стать правителями, [другие] стремились к гегемонии; все они, можно сказать, незаконно захватывали [власть], [но] по закону применяли [ее], [каждый из них] жаждал богатств и власти над всей Поднебесной. Не было среди них того, кто не разорвал бы родственные узы, не подорвал бы устои, но при этом смог бы единолично владеть всей Поднебесной. (10) Когда-то Ци Сянгун мстил за обиду девятивековой давности, Ши Гай завершал дело, начатое Сюнь Янем, – именно поэтому *Чуньцю* воспевают их деяния, а *цзюньцзы* превозносят их заслуги. Ненависть Бо Ю к Ци не сравнится с [той] злобой, [какую Ваш отец питал к] Цао; те начинания, которые за Сюаньцзы продолжали его сановники, не сравнятся с тем, что унаследовали Вы. (11) *Цзюньцзы*, оказавшись в опасности, не будет скрываться во вражеском царстве, разорвав с кем-то дружбу, не начнет говорить [об этом человеке]

ничего дурного, и уж тем более не станет [он] якшаться с врагами своих предков, не отвергнет любовь своих родных, но предостережет все последующие поколения и заставит своих союзников испытать чувство стыда! (12) [Даже от] варваров [мы] скоро услышим упреки, как нам тут не горевать! Если [мы] хотим оставить о себе память в [исторических] сочинениях, [то надобно] чем-то поступиться; зачем же родным клеветать друг на друга, вести счет победам и поражениям [в борьбе друг с другом]? (13) Если в Цзичжоу найдутся гордецы, [которые] непочтительны к старшим, [если там] не будут чтить стыдливость и покорность, [то] Вам придется презреть свои устремления, покрыть себя позором, дабы посвятить себя исправлению положения вещей. (14) После того, как будет наведен порядок, позвольте Поднебесной рассудить, [кто] прав и [кто] виноват, разве это не станет проявлением высшей добродетели? (15) Та ненависть, которую ныне к Вам питает госпожа, еще не может сравниться с той, которую Чжэн Чжуан и Цзян Ши питали друг к другу; злоба, которую затаили друг на друга братья, еще не может сравниться с той, которую испытывали друг к другу Чун Хуа и Сяньао. Однако Чжуангун в итоге испытал радость, прорыв большой туннель, а Сяньао в конце концов был пожалован землями в Юби. (16) Хочу, [чтобы Вы] забыли обиды, вспомнили о долге, вновь обрели те чувства, которые прежде связывали матерей и сыновей, младших и старших братьев. Теперь же постройте солдат, остановите лошадей, устремите свои взоры в даль и преисполнитесь надеждой.

2.3.2.

为刘表与袁尚书. Вэй Лю Бяо юй Юань Шан шу

表顿首顿首将军麾下，勤整六师，芟讨暴虐，戎马斯养，罄无不宜，甚善甚善。河山阻限，狼虎当路，虽遣驿使，或至或否，口使引领，告而异。初闻郭公则辛仲治通内外之言，造交遘之隙，使士民不协，奸衅并作，闻之愕然，为增忿怒。校尉刘坚、皇河、田买等前后到荆，得二月六日所起书，又得贤兄贵弟显雍及审别驾书，陈叙事变本末之理，知变起辛、郭，祸结同生，追阍伯、实沈之纵，忘《棠棣》死丧之义，亲寻干戈，僵死流血，闻之哽咽，若存若亡。乃追案书传，思与古比。昔轩辕有涿鹿之战，周公有商、奄之军，皆所以翦除灾害而定王业者也，非强弱之争，喜怒之忿也。是故灭亲不为尤，诛兄不伤义也。今二君初承洪业，纂继前轨，进有国家倾危之虑，退有先公遗恨之责，当惟曹氏是务，不争雄雌之势，惟国是康，不计曲直之利，虽蒙尘垢罪，下为隶圉，析入污泥，犹当降志辱身，方以定事为计。何者？夫金木水火，以刚柔相济，然后克得其和，能为民用。若使金与金相连， \langle 与火 \rangle 火相烂，则焦然摧折，俱不得其所也。今青州天性峭急，迷于目前，曲直是非，昭然可见。仁君智数弘大，绰有馀裕，当以大包小，

以优容劣，归是于此，乃道教之和，义士之行也。纵不能尔，有难忍之忿，且当先除曹操，以卒先公之恨，事定之后，乃议兄弟之怨，使记注之士，定曲直之评，不亦上策邪？且初天下起兵，以尊门为主。是以众寡喁喁，基不乐袁氏之大也。今虽分裂，有存有亡，向然景附，未有革心。若仁君兄弟能悔前之谬，克己复礼，以从所欢，则弱者自以为强，危者自以为宁，诚欲戮力长驱，共奖王室，虽亡之日，犹存之愿，则伊周不足参，五伯不足六也。若使迷而不返，遂而不改，则戎狄蛮夷，将有诘让之言，况我同盟，复能戮力为君之役哉！则是太公坟垅，将有污池之祸。夫人弱小，将有灭族之变。彼之与此，岂可同日而论之哉！且行违道以自存，犹尚不可，况失义以自亡，而遗敌之禽哉。此韩卢、东郭自困于前，而遗田父之获也。昔齐公孙灶卒，晏子知子期之不免也。故曰二惠竟爽犹可，又弱一个，姜氏危哉！表与刘左将军及北海孙公佑共说此事，未尝不痛心入骨，相为悲伤也。今整勒士马，愤踊鹤立，冀闻和同之声，约一举之期，故复遣信，并与青州书。若其泰也。则袁族其与汉升降乎！若其否也，则同盟永无望矣。临书怆恨，不知所言，刘表顿首。

От имени Лю Бяо пишу письмо Юань Шану

I (1) С низким поклоном Вам, полководцу: **(2)** [Вы] без устали муштруете войска; уничтожаете, истребляете, мучаете, терзаете; оружие, кони, слуги [у Вас] все как на подбор, один лучше другого! Горы и реки служат [нам] препятствием, волки и тигры преграждают [нам] путь; хотя [прежде] посылались гонцы, кому-то из них удалось достичь цели, а кому-то – нет; [я часто с надеждой] смотрел вдаль, [хотел многое] сказать, но не мог этого сделать.

II (3) Впервые услышав о том, что Го Гунцзэ, Синь Чжунчжи разгласили намерения, ставшие причиной вспыхнувшей [между братьями] вражды, [возникших] между чиновниками и народом разногласий, разгоревшейся ожесточенной борьбы, [я] замер от изумления и страшно вознегодовал. Воеводы Лю Цзянь, Хуан Хэ, Тянь Май один за другим прибыли в Цзин, получили [Ваше] письмо от шестого числа второго месяца, также получили письма от Ваших братьев Сянь Юна и Шэня, помощника ревизора; [в этих письмах] последовательно излагались причины и следствия [произошедших] событий; тогда [я и] узнал, [что] всему виной Синь и Го, [что] беда постигла единокровных [братьев], [что они] пошли по стопам Э Бо и Ши Чэня, презрели долг оказания посмертных почестей умершему, [воспеваемый в песни] «Слива», – родные взяли за оружие, [повсюду] трупы и кровь; услышав об этом, [я едва ли не] захлебнулся от слез, [я] словно очутился где-то между бытием и небытием. **(4)** Тогда [я] обратился к историческим преданиям, задумав сопоставить [события настоящего] с деяниями прошлого. Когда-то Сюаньюань воевал в Чжолу, Чжоугун ходил карательным походом на Шан, на Янь – все это свершалось с целью

избавления от бедствий, во имя укрепления государства, это не было [ни] борьбой между сильным и слабым, [ни] [сиюминутным] порывом радости или гнева. Вот почему, пусть [Чжоугун] и погубил родных, это не может считаться преступлением, пусть [он] и уничтожил старшего брата, это не нарушает принципа высшей справедливости. Теперь оба владыки – продолжатели великого дела, преемники предначертанного предками пути; ранее было беспокойство о государстве, которому грозили опасности, отныне будет скорбь покойного отца, который глубоко сожалеет. Необходимо всецело отдаться противостоянию клану Цао, а не бороться [друг с другом] за право называться победителем; [необходимо объединить усилия для] умиротворения государства, а не выяснять [друг с другом], за кем правда, а за кем ложь. Хотя [Вы] и покрыли [себя] грязью и пылью позора, хотя [Вы] и опустились [до положения] слуги, погрузились в тину и глину, [Вам] по-прежнему должно поступиться своими стремлениями и поумерить свои притязания, дабы посвятить себя осуществлению [великих] замыслов. (5) Почему же? Металл, дерево, вода, огонь твердостью и мягкостью дополняют друг друга, тем самым составляя гармонию и принося пользу людям. Если два куска металла ударить друг о друга, [если] пламя двух костров соединить друг с другом, то [мы увидим лишь] вспышку [вторых] и трещины [на первых], [и те, и другие] утратят свои первоначальные свойства. Нынешний [правитель] Цинчжоу от природы горяч, [он] блуждает в потемках [собственных] заблуждений, [в то время как] кривду и правду, истинное и ложное легко распознать. Милостивый государь преисполнен мудрости, наделен ею щедро; [Вам] следует великодушно простить [Юань Таню] [его] трусость, снисходительно отнестись к [его] слабости. Только так может быть достигнута гармония истинного *пути*, воплощен идеал человека высоких принципов. Даже если [сейчас это] неосуществимо, [ибо] царит непримиримая вражда, то надобно прежде всего устранить Цао Цао, тем самым утолить злобу и горечь Вашего отца. [Только] после того, как дело будет сделано, [станет возможным] рассудить братьев, [а также] позволить придворным летописцам [самим] определить, где истина и где ложь, – не это ли лучшее решение? (6) Ведь когда-то вся Поднебесная взялась за оружие, объединившись вокруг Вашего рода; откликнулись все, никто не оспорил превосходство рода Юань. Пусть [в союзе и произошел] раскол, кто-то еще жив, кто-то уже мертв, но по-прежнему [есть те, кто готов] последовать [за Вами], кто не изменил намерений. Если, о Милостивый государь, братья смогут раскаяться в ошибках прошлого, {крепко задумаются о будущем}, сумеют обуздать себя, подчиниться ритуалу, дабы достичь всеобщего блага, то тогда слабые почувствуют в себе силу, те, кому угрожает опасность, обретут спокойствие, [все они] загорятся желанием объединить свои усилия и выступить в поход, [чтобы] совместно поддержать правящий дом; пусть даже [им придется] встретить смерть, они все равно не

утратят решимости; [и тогда даже] третий [помощник] [для] И, Чжоу окажется недостаточным, [тогда] [одного лишь шестого соратника] Пяти гегемонам [уже] не хватит. (7) Если [Вы] [будете по-прежнему] заблуждаться и не одумаетесь, [будете] упорствовать [в своих ошибках] и не исправите [их], то [даже] варвары [Вас] осудят, не говоря уже о наших союзниках; разве [после этого] они [союзники] смогут вновь объединить свои усилия и последовать за Вами? Тогда могила Вашего отца окажется под угрозой осквернения; жены и дети – весь род – подвергнутся риску истребления. Разве можно приравнять друг другу два этих [возможных] исхода? Более того, [если] пойти наперекор *высшему принципу* и продолжить бороться за выживание, что доселе было невозможно, [то тогда] попрание [высшего] долга и собственная гибель [станут еще более неотвратимы], как тут не попасть в плен к врагу? [Это сродни тому, как] Хань Лу и Дун Го, изнуренные, очутились на пороге дома крестьянина и оказались им схвачены. Когда не стало *циского* Гун Суньцао, Яньцзы предвидел, что [сыну Гун Суньцао] Цзыци не избежать [того же], и тогда он сказал: «Оба Хуэя соперничают друг с другом – это еще полбеды, но вот умер один, и теперь роду Цзян [по-настоящему] угрожает опасность!» Бяо и генерал Лю с [правителем области] Бэйхай Сунь Гунью – все говорили об этом, [все вместе они] сокрушались и горевали. (8) Теперь же постройте солдат, остановите коней, воспряньте духом, устремите свои взоры вдаль, приготовьтесь услышать звуки гармонии и согласия, условьтесь приступить к свершению великого дела, посему вновь обменяйтесь письмами, отправьте послание в Цзинчжоу. Если все устроится благополучно, [то можно ли будет сказать, что] род Юань пережил пору расцвета и упадка подобно дому Хань? Если же предприятие не увенчается успехом, то [наши] союзники навсегда утратят надежду! III (9) Склонившись над письмом, скорблю; не знаю, чего еще сказать более. (10) Засим Лю Бяо кланяется.

Прозаические послания Чэнь Линя

2.4.1.

更公孙瓒与子书. Гэн Гунсунь Цзань юй цзы шу

盖闻在昔衰周之世，僵尸流血，以为不然，岂意今日身当其冲！袁氏之攻，似若神鬼，鼓角鸣于地中，梯冲舞吾楼上。日穷月蹙，无所聊赖。汝当碎首于张燕，速致轻骑，到者当起烽火于北，吾当从内出。不然，吾亡之后，天下虽广，汝欲求安足之地，其可得乎！

[典略：三国志，魏书，卷八]

Подмененное письмо [от] Гунсунь Цзаня сыну

I. Мне как-то доводилось слышать, что в прошлом, в эпоху, когда [дом] Чжоу находился в упадке, [повсюду были] трупы, [которые] истекали кровью; я полагал, что все это неправда, [я] [и] помыслить не мог, что сегодня все это затронет и меня! II. [Внезапное] нападение клана Юань подобно [нападению] демонов и духов: грохот барабанов раздается повсюду, штурмовые лестницы и повозки не позволяют мне укрыться даже на вершине башни. День следует за днем, один месяц сменяет другой; нигде не найти убежища. III. Тебе надобно поторопить Чжан Яня поскорее прислать легкую конницу. Как наступит время, разожги на севере [сигнальный] огонь, и я тотчас выступлю. IV. Если не сделаешь этого, то после моей гибели, как ни широка Поднебесная, нигде тебе не укрыться.

Текст письма из хроники Дяньлюэ [Цит. по: Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 8]

2.4.2.

答张紘书. Да Чжан Хун шу

自仆在河北，与天下隔，此间率少於文章，易为雄伯，故使仆受此过差之譚，非其实也。今景兴在此，足下与子布在彼，所谓小巫见大巫，神气尽矣。

Отвечаю на письмо Чжан Хуна

С тех пор, как я нахожусь в Хэбэе, [я] разлучен с [достойными мужами] Поднебесной; здесь ведь немного [тех, кто знает толк в] словесности, [вот и] легко прослыть выдающимся талантом; посему я вынужден выслушивать сию преувеличенную похвалу, которую не заслужил. Сегодня Цзин Син – здесь, а Вы с Цзы Бу – там; как говорится, младший шаман увидел старшего шамана и утратил силу духа.

2.4.3.

为曹洪与魏文帝书. Вэй Цао Хун юй Вэй Вэньди шу

十一月五日，洪白：前初破贼，情多意奢，说事颇过其实。得九月二十日书，读之喜笑，把玩无馀，亦欲令陈琳作报。琳顷多事，不能得为。念欲远以为欢，故自竭老夫之思。辞多不可一二，粗举大纲，以当谈笑。汉中地形，实有险固，四岳三涂，皆不及也。彼有精甲数万，临高守要，一人挥戟，万夫不得进。而我军过之，若骇鲸之决细网，奔兕之触鲁縞，未足以喻其易。虽云王者之师。有征无战，不义而强，古人常有。故唐虞之世，蛮夷猾夏；周宣之盛，亦仇大邦。诗书叹载，言其难也。斯皆凭阻恃远，故使其然。是以察兹地势，谓为中才处之，殆难仓卒。来命陈彼妖惑之罪，叙王师旷荡之德，岂不信然！是夏殷所以丧，苗扈所以毙；我之所以克，彼之所以败也。不然，商周何以不敌哉！昔鬼方聳昧，崇虎谗凶，殷辛暴虐，三者皆下科也。然高宗有三年之征，文王有退

脩之军，盟津有再驾之役，然后殪戎胜殷，有此武功。焉有星流景集，飙夺霆击，长驱山河，朝至暮捷，若今者也！由此观之，彼固不逮下愚，则中才之守，不然明矣。在中才则谓不然，而来示乃以为彼之恶稔，虽有孙田墨牝犹无所救，窃又疑焉。何者？古之用兵，敌国虽乱，尚有贤人，则不伐也。是故三仁未去，武王还师；宫奇在虞，晋不加戎；季梁犹在，强楚挫谋。暨至众贤奔绌，三国为墟。明其无道有人，犹可救也。且夫墨子之守，萦带为垣，高不可登；折箸为械，坚不可入。若乃距阳平，据石门，攄八阵之列，骋奔牛之权，焉肯土崩鱼烂哉！设令守无巧拙，皆可攀附，则公输已陵宋城，乐毅已拔即墨矣。墨翟之术何称？田单之智何贵？老夫不敏，未之前闻。盖闻过高唐者，效王豹之讴；游睢涣者，学藻绩之彩。间自入益部，仰司马杨王遗风，有子胜斐然之志，故颇奋文辞，异于他日。怪乃轻其家丘，谓为倩人，是何言欤？夫绿骥垂耳于林垆。鸿雀戢翼于污池，褻之者固以为园囿之凡鸟，外厩之下乘也。及整兰筋，挥劲翮，陵厉清浮，顾盼千里，岂可谓其借翰于晨风，假足于六驳哉！恐犹未信丘言，必大噱也。洪白。

Письмо к Вэй Вэньди, [написанное] за Цао Хуна

I.

Пятого дня одиннадцатого месяца Хун пишет:

Давеча, в первом [бою], нанесли поражение злодею, чувствами охвачены, мыслями полны, [и в] речах несколько преувеличены деяния. Получил [Ваше] письмо двадцатого дня девятого месяца; читая его, радовался, смеялся, никак не мог налюбоваться. [И] тогда пожелал [я] повелеть Чэнь Линю написать ответ. Линь в ту пору был занят, не мог исполнить [просьбу]. [Чем] дальше устремляюсь [я] в помыслах и чаяниях [своих], [тем] радостнее [мне], [тем] более [они] овладевают думами моими. [Хотел бы Вам] сказать [столь] много, [что] всего и не перечесать; [лишь] главное [я выбрал] кое-как, [и Вас прошу я] отнестись к сему как к шутке.

II

1.

(1) Местность Ханьчжун воистину труднопроходима: [ни] четыре вершины, [ни] три пика не могут [по опасности] с нею сравниться. (2) Противник вооружен до зубов и многочислен, [его] укрепления неприступны, один [его] воин с алебардой [способен] путь преградить десяткам тысяч солдат. (3) Однако войско наше одолело их: подобно хищной рыбе прорвало [их] искусно сплетенные сети, подобно свирепому буйволу разорвало [их] [тонкие] луские шелка – даже таким сравнением не передать, как оказалось все просто. (4) Хотя и говорят, «войско государево [лишь] в карательные походы ходит, но не ведет [настоящей] войны», однако в древности частенько так случалось, что неправый был силен.

(5) Вот почему при танском и юйском правителях дикие варвары тревожили *Хуася*, а [в период] процветания [при] чжоуском *Сюаньване* враждовали с Великим царством. (6) *Ши* и *Шу* воспевают [ту] пору, повествуют о [тех] тяготах, и причиной тому опасность и дальность [походов] – вот так. (7) Поэтому, глядя на эту местность, [если и] назовем ее обитателей людьми с заурядными способностями, [то] все равно не так уж и легко [их] быстро одолеть. (8) В Вашем указе перечисляются их страшные злодеяния, описываются наши обширные благодеяния, разве не так? (9) Именно [потому, что так], Ся [и] Инь погибли, [а] мяо и Ху были уничтожены; именно поэтому мы победили, [и] именно поэтому они проиграли. (10) А как иначе чжоусцы шанцев одолели бы? (11) Тогда демоны были глухи и слепы; Чун Ху был интриганом и злодеем; Инь был беспощадным тираном; все они были гнусны. (12) Однако в период *Гаоцзун* карательный поход три года длился, [а] у *Вэньвана* в войске всяк воин выучку имел, [и то] [*Уван*] [аж] дважды Мэнцзинь атаковал, [и лишь] [на второй раз] [он] вражескую армию разбил и Инь одолел – таковы были военные заслуги. (13) Как могли бы [действовать они так, как действует наш враг сегодня:] подобно звездам стекаться, подобно лучам собираться, подобно урагану обороняться, подобно молнии атаковать, стремительно мчаться по горам и рекам, от рассвета до заката одерживать победы, [как делает это наш враг сегодня]? (14) Поэтому [наш] враг отнюдь не глуп, а [его] посредственный гарнизон, был бы он посредственным, не мог бы быть столь бдителен. (15) [Если бы он был] посредственным, то не мог бы быть таков, [каков он был].

2.

(1) Однако [Вы] в своем извещении указываете, будто враг свиреп и жесток и [что] пусть бы даже [у Вас были] Сунь, Тянь, Мо, быки, [никак] не возможно спастись; [но я] в душе [все же] сомневаюсь [в истинности этих слов]. (2) Почему же? (3) В древности, когда воевали, [то знали]: хотя вражеские царства и погружены в хаос, [в них все же] есть мудрецы; поэтому [против этих царств] не выступали в походы. (4) Так три человеческих [древности] не покидали [Инь], и (чжоуский) *Уван* отозвал [свои] войска; [так] Гун Ци оставался в [царстве] Юй, и [царство] Цзинь не выступило [против Юй] в поход; [так] Цзи Лян находился в [царстве Суй], и мощное [царство] Чу перестало плести свои интриги. (5) [Когда же] доходит до того, что мудрецы все прочь бегут, то [все] три царства, [разрушаясь], превращаются в руины. (6) Очевидно, что, [хоть эти царства и] беспутны, в них [все же] есть те люди, [которые] могли бы прийти на помощь. (7) Притом [они владеют] искусством обороны Моцзы, [их] пояса – городская стена, [которая] высока и неприступна, [а их] разломленные палочки для еды – орудие для обороны, [которое] надежно и несокруσιμο. (8) Если [они] отступят от Янпина, обоснуются в Шимэне, выстроят войска [по принципу] восьми порядков, задействуют мчащихся быков, [то неужели] смирятся они с тем, чтобы

обвалиться, подобно земле, и сгнить, подобно рыбе? (9) Если бы [их] оборона не [была] искусна, а все [атакующие] смогли бы перебраться [через их укрепления], то Гуншу уже взобрался [бы] на стены царства Сун, [а] Юэ И уже захватил [бы] Цзимо. (10) Как приобрело славу искусство [обороны городов] Мо Ди? (11) Как стала цениться мудрость Тянь Даня? (12) Я невежественен, прежде [мне об этом] не доводилось слышать.

3.

(1) Как-то раз услышал [я] о человеке из Гаотана, [который] подражал народным песням [в исполнении] Ван Бао. (2) [Он] объездил [тех, кто жил в районе рек] Суй и Хуань, обучился [у них] изящному мастерству. (3) Когда [же] [он] пришел в область И, [то] проникся почтением к литературному наследию Сыма, Яна, Вана, преисполнился намерением превзойти [их], поэтому [он] приложил немало усилий к сочинительству и стал не похож на себя прежнего. (4) [А клеймить меня] странным, пренебрегать [мною], как [некогда] дворовым Цюем, [осуждать], что я попросил кого-то [написать за меня письмо], – как можете говорить такое? (5) Лу и Цзи, понутив головы, устремляются в лесные дали, гуси и воробьи прячут крылья в прудах и озерах, презренный люд наверняка думает, [что это] обычные птицы из парков, неблагородные [кони] из конюшен. (6) Если [они] напрягают мышцы, расправляют крылья, взмывают ввысь, окидывают взором тысячи *ли*, разве можно сказать, что [они] одолжили крылья у птицы *Чэньфэн*, а копыта – у зверя *Любо*? (7) Боюсь, [что Вы] так и не поверили словам Цюя, наверняка [только] рассмеялись.

III.

Хун пишет.

Прозаическое послание Ин Чана

2.5.1.

报庞惠恭书. Бао Пан Хуэйгун шу

报庞惠恭书，夫《萧艾》之歌，发于信宿，《子衿》之思，起于嗣音，况实三载，能不有怀。虽萱草树背，皋苏在侧，悒愤不逞，祇以增毒。朝隐之官，宾不往来，乔木之下，旷无休息，抱劳而已。足下剖符南面，振威千里，行人子羽，朝夕相继。曾不枉咫尺之路，问蓬室之旧，过意赐书，辞不半纸，慰藉轻于缁缟，讥望重于丘山，是《角弓》之诗所以为刺也。值鹭羽于苑丘，骋骏足于株林，发明月之辉光，照妖人之窈窕。斯亦所以眩耳目之观听，亡身命于知友者也。

Ответное письмо Пан Хуэйгуну

I. [Печальная] песнь [Цюй Юаня] о сорных травах навеяна превращениями [душистых растений в сорные травы], происходящими [лишь] за две ночи; [скорбные] думы, [отраженные] в [песни] *Цзыцзинь*, вызваны [переживаниями из-за] отсутствия весточки. Пусть [уже и] минуло три года, [но как же] могу не тревожиться? **II.** Хотя *сюаньцао* (травы забвенья – *Н.С.*) и цветут в женских покоях, [хотя] *гаосу* (древо умиротворения – *Н.С.*) и растет неподалеку, тоска [моя] [не только] не проходит, [но, напротив,] усиливается. Вельможа-отшельник не принимает гостей. Под высоким деревом не обретаю покоя, продолжаю упорно трудиться, и только. **III.** Милостивый государь на юге получил разделенный пополам верительный знак, прославил свое имя на тысячи ли [вокруг], гонцы, [подобно] Цзыюю, от рассвета до заката прибывают один за другим. [Однако] [он] не соблаговолил отправиться в [отнюдь] не дальний путь, [чтобы] проведать старого [друга] в [его] убогом жилище. Утрудил себя удостоить [друга] письмом, строки [которого] не заняли и половины [листа] бумаги. [Ваши] утешения легче шелка, [мои] упреки тяжелее гор; вот [Вам] песнь *Цзяогун* как насмешка. [Вы] держите высоко опахало с перьями цапли [и пляшете] в Ваньцю, [Вы] мчитесь на скакуне в Чжулинь. [Вы], [словно] ясная луна, излучаете сияние, освещаете прелести чародеек. **IV.** Это видят слепые и слышат глухие; звуку смерти суждено [отозваться в сердце] близкого друга.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУБЕЖА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИНОЛОГИИ

Период *Цзяньань*, *цзяньаньская* литература, сочинения Семи *цзяньаньских* мужей, хотя и обращали на себя внимание отечественных китаеведов, однако до сих пор являются крайне мало изученной областью синологии, и справедливости ради нужно отметить, что не только отечественной, но и мировой.

По сути, более или менее предметные и системные исследования по литературе *Цзяньань*, опубликованные в нашей стране, исчерпываются одной диссертацией, несколькими монографиями, парой статей и тематическими параграфами в энциклопедических изданиях (см. далее). Безусловно, и эти работы представляют собой кладезь сведений об эпохе для русскоязычного читателя – как для специалиста, так и просто для интересующегося историей китайской литературы. Однако подходы к рассмотрению *цзяньаньской* литературы до сих пор были, скорее, описательными, нежели чем аналитическими; тем не менее, и это ценно, поскольку без опоры даже на схематичный чертеж, набросанный предшественниками, было бы невозможно построить конструкцию анализа.

Несмотря на то, что большинство рассматриваемых в Диссертации произведений ранее не переводилось на русский язык и не становилось предметом специального изучения в отечественном китаеведении, некоторые стихотворные и прозаические сочинения Семи *цзяньаньских* мужей были переведены, а отдельные и прокомментированы советскими и российскими синологами.

Немногочисленные переводы стихотворений Цао Цао, Ван Цаня, Чэнь Линя, Цао Пэя⁷⁰², Цао Чжи, вошедшие в первый том *«Антологии китайской поэзии»* (1957), были одними из первых опубликованных переводов произведений трех членов семьи Цао и двух

⁷⁰² В этой книге употребляется альтернативное прочтение имени Цао Пи – Цао Пэй.

представителей группы Семи *цзяньаньских* мужей на русский язык. Стихотворения Цао Цао, среди которых – «Гляжу на лазурное море» (С. 281), «Песня о тяготах похода» (С. 282), «Не знаем пути» (С. 283–284), были переведены В. Журавлевым; «Взошел на башню» (С. 293–296) Ван Цаня и его «Семь печалей» (С. 297–298) перевели Г. Ярославцев и А. Старостин соответственно; «Напоил коня во рву за Великой стеной» (С. 299–300) Чэнь Линя представлено переводом В. Адуевского, а «Яньский напев» (С. 301–302) Цао Пэя – переводом В. Журавлева; по два стихотворения Цао Чжи в переводах А. Адалис («Фея реки Ло», С. 303–311, и «Посвящаю Бяо, князю удела Бома», С. 312–315) и В. Журавлева («Песня о полевой иволге», С. 316–317, и «Вздохи», С. 318–319) также вошли в сборник. Среди этих сочинений лишь одно послание – «Посвящаю Бяо, князю удела Бома».

К периоду раннего Средневековья в истории китайской литературы еще в середине прошлого столетия обращалась Р.М. Мамаева в первом томе составленной ею хрестоматии *«Китайская литература»* (1959). По ее мнению, литература III в. уже по праву может быть названа средневековой: «...в Китае с III в. началось Средневековье. Его первый период охватывает почти пять столетий – с III по VIII век» [Мамаева, 1959, С.19]. Р.М. Мамаева не обходит стороной и Семерых *цзяньаньских* мужей, которых она обозначает как «Семеро из Вэйской столицы» и к которым она причисляет Трех Цао: «Ранняя средневековая поэзия представлена в стихах “Семерых из Вэйской столицы”, как назвала историческая традиция семерых поэтов времен Вэйского царства – одного из трех царств, на которые в начале III в. распалась Ханьская империя. Наиболее крупными из этих поэтов были три представителя правящего дома: Цао Цао – первый правитель Вэйского царства, его сын и преемник Цао Пэй и младший брат последнего – Цао Чжи. Время их жизни падает на первую половину и середину III в.» [Там же, С.21]. Необходимо отметить, что, с точки зрения более поздних исследователей, отнесение Трех Цао и даже одного Цао Чжи к поэтической плеяде Семи *цзяньаньских* мужей некорректно – творчество Цао Цао, Цао Пи и Цао Чжи принято рассматривать отдельно и по отдельности.

Первой и фактически последней работой, целиком и полностью посвященной творчеству одного из ведущих поэтов царства Вэй, стала диссертация Л.Е. Черкасского *«Поэзия Цао Чжи / 192–232 /»* (1962), в трех главах которой последовательно освещаются литературно-культурная среда, взрастившая и воспитавшая Цао Чжи (Глава первая: «Цзяньаньская литература», С. 25–66), его поэзия (Глава вторая: «Поэзия Цао Чжи», С. 67–211), а также истоки его поэтического творчества (Глава третья: «Народная поэзия и Цао

Чжи», С. 212–289); в приложение вошли переводы произведений Цао Чжи в жанрах *ши* и *юэфу* с комментариями (С. 290–365).

Немного позднее диссертация Л.Е. Черкасского была опубликована в формате монографии, озаглавленной как «*Поэзия Цао Чжи*» (1963), а его изыскания в области *Цзяньаньской* литературы нашли свое лаконичное отражение в одноименной статье «*Цзяньаньская литература*», напечатанной в сборнике статей «*Литература древнего Китая*» (1969).

В сборнике стихотворений «*Семь печалей*» (1973) были опубликованы выполненные Л.Е. Черкасским переводы стихотворений Цао Чжи с примечаниями; из стихотворений, также переведенных и проанализированных нами в рамках данного исследования, – следующие:

С. 53–55 «Дикий гусь» (предлагаемый нами перевод – «Шесть стихотворений о разном. Стихотворение первое»);

С. 78–79 «Облаков, несущих радость...» (наш перевод первой строчки – «Благовещие облака в наше время еще не поднялись...»; заголовок в нашем переводе – «Выражаю стремления»);

С. 98–100 «Посвящаю Дин И» (у нас – «Посылаю Дин И» («В начале осени появляется прохлада...»));

С. 49–53 «Провожая братьев Ин (I, II)» (у нас – «Провожая господ Ин»);

С. 64–66 «Расстаюсь с другом» (у нас – «Расстаюсь с другом» (вместе с предисловием));

С. 127–129 «День угасает...» (у нас – «Взамен грядущего несчастья»);

С. 122–125 «Мелодии кунхоу» (у нас переведено так же, только название музыкального инструмента – *кунхоу* – мы предпочли выделить курсивом);

С. 95–98 «Посвящаю Сюй Ганю» (у нас – «Посылаю Сюй Ганю»);

С. 111–113 «Вновь посвящаю Дин И» (у нас – «Посылаю Дин И» («Дорогие гости собрались на башне стены...»)).

Почти десятью годами позднее увидел свет еще один сборник переводов средневековой китайской поэзии, подготовленный Л.Е. Черкасским, – «*Китайская поэзия*» (1982). Сборник чрезвычайно обширен по временному охвату – он открывается народными песнями *юэфу*, рожденными на рубеже эр, а закрывается стихотворениями 20–40х гг. прошлого века; вошли в него в том числе и стихотворения Цао Чжи – единственного автора III в., представленного в книге. Однако среди этих стихотворений нет таковых, которые бы прежде не были опубликованы в сборнике «*Семь печалей*».

Наиболее полным собранием переводов стихотворений Цао Чжи на русский язык стала книга «*Цао Чжи. Фея реки Ло*» (2000), в которую, наряду с переводами Л.Е.

Черкасского, также вошли переводы, подготовленные В.А. Журавлевым, А.Е. Адалис, А.И. Гитовичем, И.С. Лисевичем; также в ней впервые был опубликован перевод поэмы Цао Чжи «Фея реки Ло», выполненный акад. В.М. Алексеевым. Все переводы авторства Л.Е. Черкасского, включенные в книгу, знакомы нам по сборнику «*Семь печалей*»; среди стихотворений, переведенных В.А. Журавлевым, А.Е. Адалис, нет ни одного, которое бы рассматривалось в данной работе. Из тех стихотворений, о которых здесь пойдет речь далее, в «*Цао Чжи. Фея реки Ло*» мы находим «Братьям Ин» (С. 196–197, А.И. Гитович; у нас – «Провожая господ Ин»), «Послание к Ян Дэ-цзу» (С. 202–206, И.С. Лисевич; у нас – «Письмо Ян Дэцзу»). Также стоит отметить вступительную статью к сборнику, написанную Л.Е. Черкасским и озаглавленную как «*Человек в поэзии Цао Чжи*». В ней содержатся сведения о жизни Цао Чжи, характеристика его творчества, историко-культурная зарисовка той эпохи, абрис облика *цзяньаньской* литературы.

Отдав должное вкладу Л.Е. Черкасского в изучение литературы *Цзяньань* в целом и творчества Цао Чжи в частности, вернемся вновь к хронологическому изложению истории рассмотрения *цзяньаньской* литературы в отечественном китаеведении.

В 1962 г. А.И. Гитовичем, уже упомянутом нами ранее, была опубликована книга «*Лирика китайских классиков*» (1962) – сборник переводов стихотворений «семи выдающихся китайских поэтов различных эпох и разных направлений» [Гитович, 1962, С.5], и одним из этих поэтов был Цао Чжи. Книга включает в себя не только переводы, но и вступительную статью, II часть которой [Там же, С. 8–10] представляет собой небольшой очерк, посвященный жизни Цао Чжи. Называя Цао Чжи крупнейшим поэтом эпохи Троецарствия, А.И. Гитович рисует его, прежде всего, как фигуру трагическую, как певца свободы и заложника обстоятельств. Рассматривая творчество Цао Чжи в контексте его биографии, А.И. Гитович не обходит стороной послание, столь важное в свете жизненных перипетий поэта, однако не дает в связи с этим никакого развернутого комментария; более того, А.И. Гитович акцентирует внимание именно на праздничности, легкости послания Цао Чжи («При дворе отца Цао Чжи участвовал в веселых пирах и забавах, писал стихи, обменивался посланиями с друзьями» [Там же, С. 8–9]), что нам представляется несколько однобоким. Стихотворения Цао Чжи, написанные в этот период, на наш взгляд, недооцениваются исследователем: по мнению А.И. Гитовича, «стихи этого периода мало говорят нам о внутреннем мире самого Цао Чжи» [Там же], в то время как его поэзия общепризнанно славится своей лиричностью. Тем не менее, с нашей точки зрения, А.И. Гитович точно подметил одну из ключевых особенностей поэзии Цао Чжи – открытость и естественность: «Стихи Цао Чжи поразительно искренни и безыскусны. Недаром

современники говорили: “В мире таланта всего десять доу, из них восемь владеет Цао Чжи”» [Там же, С. 10].

Из стихотворений, также переведенных нами, в книгу вошло «Братьям Ин» [Там же, С. 87–88] (у нас переведено как «Провожая господ Ин»).

И.С. Лисевич в своей монографии *«Древняя китайская поэзия и народная песня. Юэфу конца III в. до н.э. – начала III в. н.э.»* (1969) рассматривает творчество Трех Цао и *цзяньаньских* поэтов сквозь призму эволюции и трансформации народной поэзии, песенного фольклора, отмечая при этом заслуги Л.Е. Черкасского в освоении данного проблемного поля: «Наиболее интересной с точки зрения проблемы взаимосвязей древней литературной и народной поэзии является книга Л.Е. Черкасского “Поэзия Цао Чжи”. Этому вопросу здесь целиком отведена четвертая глава» [Лисевич, 1969, С. 24].

Подход И.С. Лисевича – рассмотрение *цзяньаньской* поэзии исключительно в русле развития поэзии народной – позволяет ему синтезировать материал и производить обобщающие наблюдения относительно обеих: «В конце II – начале III в. лирические юэфу достигают особенного расцвета. Этот период в истории китайской поэзии носит название “цзяньаньского”...» [Там же, С. 137]; «Общей чертой творчества этих трех авторов [Цао Цао, Цао Пи, Цао Чжи – *Н.С.*], так не похожих друг на друга и по-своему значительных, был живой интерес к ханьскому песенному фольклору, признание его высоких художественных достоинств, стремление использовать его приемы в собственных стихах» [Там же, С. 138]; «... народная баллада превратилась у Цао Чжи [*«Красавица» – Н.С.*] уже в лирическое стихотворение, правда, и сам образ претерпел изменения...» [Там же, С. 140]; «... начало отделению стихотворного текста от мелодии было положено <...> именно в начале III в. <...> первым, кто начал создавать “новые юэфу” (*синь юэфу*), не связанные с музыкальным исполнением, <...> Цао Чжи...» [Там же, С. 152]; «Л.Е. Черкасский связывает факт окончательного отделения произведений юэфу от музыки с <...> Цао Цао» [Там же, С. 153]; «Литературная поэзия в современном смысле этого слова окончательно сложилась в Китае в III в. н.э. Та поэзия, которая ей предшествовала, была в значительной степени явлением синкретическим» [Там же, С. 233]; «... если учесть, какую роль в истории китайской литературы сыграло творчество хотя бы цзяньаньских поэтов – Цао Чжи, Цао Цао, Ван Цаня и других, в произведениях которых столь ясно видна их близость к народной песне, станет ясно, что роль ханьских юэфу трудно переоценить» [Там же, С. 234].

Однако сравнительно-исторический подход был близок И.С. Лисевичу не только в рамках китайской литературы и культуры; в книге *«Мозаика древнекитайской культуры»* (2010) он одобрительно высказался о попытках Н.И. Конрада провести параллели между

китайской и западноевропейской литературами аналогичных периодов: «В свое время академик Н.И. Конрад сравнивал эпоху Хань в Китае с эпохой эллинизма на Западе, и этому были основания» [Лисевич, 2010, С. 352]. Кстати, еще в «*Кратком очерке истории китайской литературы*» (1977) Н.И. Конрад уже выделял *цзяньаньскую* поэзию и стихотворения Трех Цао как сочинения, коими была представлена «раннесредневековая китайская поэзия» [Конрад, 1977, С. 520].

К древнегреческому наследию обращался и академик В.М. Алексеев в книге «*Китайская литература: Избранные труды*» (1978) – стоит лишь вспомнить его «Сравнительные этюды»: «Греческий логос и китайское дао» [Алексеев, 1978, С.136–137], например. Библиографический список, которым сопровождается эта книга, весьма богат – в частности, в отдельный раздел помещены работы по *цзяньаньской* литературе.

Поскольку компаративистский метод будет широко применяться нами в данной работе, мы сочли нужным отметить, что он не был чужд и мэтрам отечественного китаеведения.

Раннесредневековой называет *цзяньаньскую* литературу и Л.Д. Позднеева (см. подробнее главу «Поэты раннего средневековья»: [Литература Востока в средние века, 1970, С. 38–60]; именно о *Цзяньань* см. подробнее: [Там же, С. 38–42]).

По этому поводу высказывается и М.Е. Кравцова в своей книге «*Поэзия Древнего Китая: Опыт культурологического анализа. Антология художественных переводов*» (1994): «Гибелью империи Хань завершается китайская древность. Далее следует очередная историческая фаза, известная в современном китаеведении как “эпоха раннего средневековья”» [Кравцова, 1994, С. 25]. Тем не менее, исследователь отдельно оговаривает то, что собственно исторический период Средних веков начинается в Китае не ранее VI–VII вв.: «После объединения страны под эгидой династии Суй (581-618) начинаются уже средние века» [Там же]. Таким образом, общая историческая периодизация несколько запаздывает за культурной. Стоит отметить, что к исторической справке М.Е. Кравцова относится весьма внимательно и щепетильно.

В книгу также вошли переводы, в том числе переводы стихотворных сочинений некоторых из рассматриваемых нами литераторов – переводы стихотворений Ван Цаня (С. 419–421; среди переведенных стихотворений Ван Цаня нет тех, которые были переведены и нами в рамках данного исследования), Ин Чана⁷⁰³ (С. 430; переведенное М.Е. Кравцовой стихотворение не представлено в нашем исследовании), Лю Чжэнь (С. 430 – перевод

⁷⁰³ В «Поэзии Древнего Китая...» М.Е. Кравцовой Ин Чан назван Ин Яном, что нам представляется не совсем корректным – см. наш очерк о жизни и творчестве Ин Чана.

второго стихотворения из цикла «Послания к младшему брату»; у нас цикл озаглавлен как «Посвящаю братьям. Три стихотворения»).

В «Хрестоматии по литературе Китая» (2004) М.Е. Кравцова посвящает *цзяньаньской* поэзии целый одноименный раздел (С. 137–161), вошедший в III главу «Поэзия эпохи Шести династий» (С. 137–229). В частности, здесь она подчеркивает переломную роль, которую сыграла *цзяньаньская* литература в истории китайской словесности, а также акцентирует внимание на переходном характере этой литературы: «“Цзяньаньская поэзия” (*Цзяньань фэн гу*) – название поэтического течения (существовало на рубеже II–III вв.), с которым в традиционной китайской гуманитарии и в современной науке связан момент утверждения авторской лирики как ведущего вида китайской поэзии. <...> с формальной хронологической точки зрения данное течение является принадлежностью еще ханьской эпохи. Тем не менее все без исключения критики и исследователи признают его продуктом новых культурно-исторических процессов, наметившихся в конце Хань и определивших существо духовной жизни китайского общества в эпоху Шести династий».

В «Хрестоматию...» также включены переводы; из литераторов, рассматриваемых нами, в нее вошли Цао Чжи (С. 147–151), Ван Цань (С. 151–154), Лю Чжэнь (С. 154–155). Из стихотворений, переведенных также нами, – только цикл «Послания к брату» (Стр. 155), озаглавленный у нас как «Посвящаю братьям. Три стихотворения». Однако в Примечаниях к переводам произведений (С. 688) М.Е. Кравцова отсылает нас также к «Китайской пейзажной лирике» (1999), в которой представлен перевод второго стихотворения цикла, выполненный Л.Е. Бежиным [Китайская пейзажная лирика, 1999, С.23].

Также из «Хрестоматии...» можно почерпнуть сведения о жизни поэтов – в книгу вошли библиографические очерки, посвященные, в частности, Цао Чжи (С. 147–148), Ван Цаню (С. 151), Лю Чжэню (С. 154), Ин Чану⁷⁰⁴ (С. 157), Чэнь Линю (С. 157–159), Сюй Ганю (С. 159–161), Кун Жуну (С. 162–163).

Другая книга авторства М.Е. Кравцовой – «Резной дракон: Поэзия эпохи Шести династий (III–VI вв.)» (2004) – главным образом содержит переводы с комментариями. В частности, в нее вошли следующие стихотворения, также переведенные и нами:

С. 80–81 «Стихи о разном» (у нас переведено как «Шесть стихотворений о разном. Стихотворение первое»),

С. 90–91 «Преподношу в дар Дин И» (у нас – «Посылаю Дин И» («В начале осени появляется прохлада...»)).

⁷⁰⁴ В «Хрестоматии...» М.Е. Кравцовой Ин Чан тоже назван Ин Яном.

В книгу также помещен небольшой очерк о жизни и творчестве Цао Чжи [Кравцова, 2004, С. 79–80]. Характеристика, данная Цао Чжи М.Е. Кравцовой, пусть и не является исчерпывающей, однако представляет собой набросок основных штрихов его личности, столь выпукло проявляющихся почти во всех его стихотворениях, в чем мы неоднократно убедимся далее; если не вдаваться в детали, М.Е. Кравцовой были подмечены следующие грани натуры Цао Чжи, важные для понимания и оценки его творчества: «Это поэт, который единодушно признается <...> ведущей литературной фигурой не только “Цзяньаньской поэзии”, но и всей художественной словесности эпохи Шести династий. <...> в творчестве Цао Чжи впервые для китайской авторской лирики нашел яркое воплощение образ поэта-изгоя, то есть человека, обладающего высочайшими душевными качествами и моральными достоинствами, но не понимаемого и не принимаемого окружающими его людьми и гонимого даже близкими родственниками. <...> Соответственно, центральными темами лирики Цао Чжи являются переживания несправедливостей человеческого общества и трагичности бытия истинно благородной личности. Принципиально важно, что указанный образ лирического героя Цао Чжи полностью совпадает с его биографическими реалиями» [Там же, С. 79].

И, самое главное, коротко комментируя стихотворение «Преподношу в дар Ван Цаню» (пока не переводилось и не анализировалось нами), М.Е. Кравцова однозначно квалифицирует его как «поэтическое послание к друзьям», относит его к «популярнейшему тематическому направлению в поэзии эпохи Шести династий – лирике на тему мужской дружбы» [Там же, С. 89].

Наиболее полное отражение период *Цзяньань* получил, пожалуй, в двухтомном энциклопедическом издании по истории китайской литературы, составленном И.А. Алимовым и М.Е. Кравцовой, – в «*Истории китайской классической литературы с древности и до XIII в.*» (2014): авторы сообщают нам о Цзянь-ань фэнгу (досл. – ветер и кости *Цзяньань*, т.е. стиль *цзяньаньской* литературы), Цзянь-ань вэньсюэ (т.е. собственно *цзяньаньская* литература) отмеченных индивидуализацией литературного творчества, перечисляют основные этапы формирования поэзии «эры Цзянь-ань», выделяя при этом отдельно Ечэнский период; описывают жизненные перипетии Семи мужей, довольно подробно рисуя картины соперничества Цао Пи и Цао Чжи; отмечая, что от Семи мужей сохранилось много писем и поэтических эпистол друг к другу, авторы действительно нередко оперируют такими терминами, как «стихотворная эпистола», «поэтическая эпистола», а порой называют таковые обобщенно эпистолой; признают бытование уже в этот период стихотворных циклов; упоминают самые разные *цзэн* 贈 и *шу* 书; заводя разговор о поэтессе Цай Янь, ставят вопрос о женской поэтической эпистоле.

Кстати, об «ответных стихах в дар» (по-видимому, речь идет о 贈答诗) (С. 97) и «прославлении дружбы» (С. 99), столь популярных в творчестве Семи мужей и, соответственно, Ечэнской группы, писали и во втором томе «Истории всемирной литературы» [1984, С. 97–100]. «Ответные стихи в дар» упоминал и Л.Е. Черкасский [Черкасский, 1963, С. 14].

Безусловно, *цзяньаньская* поэзия упоминается и в энциклопедии «*Духовная культура Китая*» (2008), упоминается именно в контексте *Цзяньань фэнгу*, однако ни о предпосылках, обеспечивших новаторский характер творчества Семи мужей, ни о послании (ни о *цзэн*, ни о *шу*), ни о риторической природе прозаического послания в ней практически ничего не говорится.

В связи с последним упущением – непризнанием или замалчиванием самого факта существования риторики в древнем и раннесредневековом Китае (а без признания такового правильное осмысление многих произведений периода *Цзяньань*, Семи мужей и, безусловно, Цао Чжи, представляется почти непосильной задачей) – необходимо вспомнить две статьи Л.Д. Позднеевой, вошедшие в книгу «*История китайской литературы: собрание трудов*» (2011). Эти статьи, революционные по своему содержанию, были написаны еще в середине прошлого века; это – «*К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских памятников*» (1958; С. 13–28) и «*Ораторское искусство древнего Китая*» (1959; 29–52). Во вступительной статье, подготовленной Л.Е. Померанцевой, в сжатой форме даются ответы на ключевые вопросы, поставленные в обеих статьях: «Почему древняя литература обретает такой высокий уровень за столь короткий срок, всего за несколько столетий до конца периода? Л.Д. Позднеева предлагает такой ответ: этот переход происходил через этап господства ораторского искусства» [Позднеева, 2011, С. 6]; «В статье [“*К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских памятников*” – Н.С.] выдвигается гипотеза, которая разрешает многие вопросы, – о распространении в древнем Китае в течение длительного времени ораторского искусства» [Там же, С. 7]; «В статье “Ораторское искусство и памятники древнего Китая”, написанной вслед за первой, она [Л.Д. Позднеева – Н.С.] специально останавливается на процессе создания стиля публичного красноречия, выработке логических приемов, направленных к убеждению, а также способов эмоционального и психологического воздействия на аудиторию» [Там же].

Очевидно, попытки подступиться к рассмотрению *цзяньаньской* литературы предпринимались отечественными исследователями неоднократно, однако собственно

аналитические работы по произведениям, теоретические выкладки по особенностям этих произведений, обобщающие наблюдения в свете общемирового контекста, не говоря уже о рассмотрении послания, его жанровой природы, риторичности и многих других особенностей, пока не увидели свет.

В ЗАПАДНОЙ СИНОЛОГИИ

Как уже было отмечено нами ранее, период *Цзяньань*, *цзяньаньская* литература, своеобразие творчества *цзяньаньских* литераторов, хотя и становились предметом рассмотрения исследователей (как отечественных, так и зарубежных), однако до сих пор едва ли были комплексно изучены. Как в отечественной синологии, так и в мировой достаточно ознакомительных работ по литературе данного периода, носящих преимущественно описательно-повествовательный характер; специализированных научных трудов, посвященных только и исключительно периоду *Цзяньань*, было написано крайне мало. Рассуждая о вкладе советских и российских синологов в изучение *цзяньаньской* литературы, мы сосредоточились, за исключением нескольких монографий, на работах, носящих общий характер, а также на переводах произведений на русский язык (главным образом, стихотворений, поскольку письма того времени, за вычетом лишь нескольких, не переводились).

Заводя разговор о той лепте, которую внесли в изучение литературы *Цзяньань* западные китаеведы, оговорим, что мы сфокусируемся на работах обобщающего свойства (в основном, энциклопедиях), содержащих справочные сведения о *цзяньаньской* литературе в целом, а также на специализированных работах, так или иначе затрагивающих вопрос становления, развития эпистолографии (прозаической эпистолографии) в Древнем Китае. Здесь мы сосредоточимся, главным образом, на прозе, и сделаем это по нескольким причинам: во-первых, для того, чтобы не повторяться, – о *цзяньаньской* поэзии, пусть и в обобщающем ключе, писали и отечественные исследователи, в то время как *цзяньаньскую* прозу многие из них даже не упоминали в своих работах; во-вторых, чтобы осветить вопрос становления прозаического послания в древнекитайской литературе – труды на эту тему, фактически отсутствующие у нас, стали появляться на Западе один за другим в последние десятилетия; в-третьих, для того, чтобы коснуться, пусть и вскользь, вопроса китайского письма как такового, до сих пор обделенного вниманием отечественных исследователей.

Так же, как и в случае рассмотрения соответствующих отечественных работ, мы попытаемся взглянуть на исследования западных китаеведов под самыми разными углами зрения – попробуем проследить (там, где такая возможность представится) их изыскания в

области риторики, логики, собственно послания и т.п. Это для нас важно потому, что в том числе на этих аспектах сосредоточимся в диссертации и мы.

Перечисляя работы, как имеющие основополагающее значение для исследований в области древней и раннесредневековой китайской литературы, так и носящие узко специализированный характер, мы будем в основном придерживаться хронологического принципа.

Приводимый перечень работ западных исследователей (как, впрочем, и отечественных, и китайских) не претендует на полноту и всеохватность – мы ставили своей целью отметить важнейшие достижения предшественников и определить существующие на данный момент тенденции.

В. Грубе (W. Grube), видный немецкий синолог рубежа XIX–XX вв., еще в начале прошлого века обратил внимание на смежные отношения между литературой философской и эпистолярной: в своем труде «История китайской литературы» [Geschichte der chinesischen Litteratur, 1902], а именно во втором параграфе шестой главы, озаглавленном как «Философская и эпистолярная литература» (Philosophische und Brieflitteratur) [Grube, 1902, ss. 207–220], он фактически сопоставляет философскую и эпистолярную литературы. Безусловно, делается это пока в описательной манере, широкими мазками, но для нас важно то, что попытки подступиться к пониманию ранней китайской эпистолярной литературы стали предпринимать еще более века назад. Впрочем, рассуждения об эпистолографии никак не коснулись периода *Цзяньань* – о нем мы не находим ни одного упоминания в третьем параграфе шестой главы, названном «Поэзия в эпоху Хань» (Die Dichtung im Zeitalter der Han) [Ibid., ss. 220–226].

В двухтомном издании «История китайской литературы. Проза. Поэзия» [Histoire de la littérature chinoise. Prose, 1949; Histoire de la littérature chinoise. Poésie, 1951], подготовленном известным французским синологом Г. Маргульесом (G. Margouliès), рассмотрению литературы – как прозы⁷⁰⁵, так и поэзии⁷⁰⁶ – периодов Хань, Троецарствия, уделяется гораздо больше внимания. Однако подход к оценке периода *Цзяньань* весьма своеобразен: творчество Семи мужей преломляется в свете личности Ван Цяня и группы, которую он «представлял» – именно так. Остальным представителям творческой группы едва ли нашлось место в рассуждениях Г. Маргульеса, пусть отдельные из представителей,

⁷⁰⁵ В томе о прозе эпохе Хань посвящены 4 главы: IV (49–65), V (65–76), VI (76–93), VII (93–110).

⁷⁰⁶ В томе о поэзии эпохе Хань отведено больше глав: III (40–56), IV (56–85), V (85–95), VI (95–107, собственно период заката Хань), VII (107–120, конец Хань и Троецарствие), VIII (120–141, Вэй), IX (141–150, принципы поэтической эволюции), X (150–160, конец III века).

например Цао Чжи, и упоминаются. Также, говоря последовательно о прозе и поэзии периода, автор обходит стороной вопрос жанра.

Попытка специального изучения жанров в китайской литературе была предпринята позднее американским синологом С. Бёрчем (С. Burch) в его работе «Исследования китайских литературных жанров» [Studies in Chinese literary genres, 1974], однако даже в ней мы ничего не находим ни по *Цзяньань* в целом, ни по Семи мужам в частности, ни по стихотворным, ни по прозаическим посланиям.

Среди прочих заметных работ, написанных на Западе в середине прошлого века и сыгравших немалую роль в развитии национальных синологий, а также в той или иной степени затрагивающих, пусть и по касательной, рассматриваемую нами тему, стоит отметить такие, как «История китайской литературы» [Storia della letteratura cinese, 1959] на итальянском языке Г. Бертуцчоли (G. Bertuccioli), «Ранняя китайская литература» [Early Chinese literature, 1962] на английском языке Б. Уотсона (B. Watson) и «К истокам классической поэзии в Китае: изучение лирической поэзии эпохи Хань» [Aux origines de la poésie classique en Chine: étude sur la poésie lyrique à l'époque des Han, 1968] на французском языке Ж.-П. Дьени (J.-P. Diény). Тем не менее, отдавая должное этим работам и их авторам, мы должны заключить, что ни *Цзяньань*, ни творчество Семи мужей, ни жанровые особенности их произведений либо вовсе, либо сколько-нибудь широко в данных работах рассмотрены не были.

Переходя к блоку работ, освещающих различные стороны эпистолографии, остановимся в первую очередь на диссертации Евы Чжун (Chung, Eva Yuen-wah) «Изучение *шу* (писем) династии Хань (206 г. до н.э. –220 г. н.э.)» (A Study of the 'Shu' (Letters) of the Han Dynasty (206 B.C. – A.D. 220)), защищенной в США в 1982 г., – она предвосхищает остальные работы и хронологически, и идейно, поскольку все последующие авторы так или иначе на нее ссылаются. Именно данная работа стала едва ли не первой в мире монографией, посвященной изучению письма и его аспектов в китайской литературе: в ней анализируется иероглиф *шу* 书 в совокупности его значений (Глава 1), также предлагается классификация *шу*, т.е. писем (Глава 2); дается небольшая историческая ретроспектива – прослеживается путь *шу* от *Чуньцю* 春秋 и *Чжаньго* 战国 (Глава 3) через Цинь 秦 (Глава 4) к Хань 汉 (Глава 5); также в историческом разрезе рассматриваются эпистолярная техника и терминология (Главы 6 и 7 соответственно); разбирается ряд произведений – одиннадцать *шу*, написанных в эпоху Хань (Глава 8); в одном из приложений (Приложение А) представлены переводы с

комментариями; содержание остальных приложений – их всего семь – находится на периферии нашего исследования.

Е. Чжун однозначно определяет шу как жанр еще во введении к своей работе: сразу оговаривает, что «диссертация посвящена изучению одного из литературных жанров эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) – письму» [Chung, 1982, P. 1]; при этом отмечает, что весь корпус сохранившихся ханьских писем не ограничивается одними шу – наряду с ними бытовали и официальные письма во многих своих разновидностях; Е. Чжун выделяет шу именно как письмо личного характера.

Автор не оставляет без внимания и вопрос риторичности ханьского письма: отдельно рассматривая четыре памятника ханьской эпистографии (напомним: речь идет о прозаической эпистографии) авторства Цзо Яна 鄒陽 (206–129 гг. н.э.) и Мэй Чэна 枚乘 (?–141 гг. до н.э.), Е. Чжун называет эти письма «типичными образцами ханьской риторики, <...> [которые] оказали глубокое влияние на витиеватый стиль более поздней китайской прозы» [Ibid., P. 2]. Более того, Е. Чжун говорит и о риторической природе письма как такового: называя *Чуньцю* колыбелью китайской эпистографии, она отмечает, что пламенные речи посланцев, направленные на убеждение, в то время уже записывались в виде эпистол. Для полемистов периода *Чжаньго шу* были связаны с реализацией их политических идей – речи полемистов фиксировались в виде шу, т.е. посланий; Е. Чжун добавляет, что в шу этого периода уже просматриваются полемические техники.

Остальные семь писем, рассматриваемые в работе, принадлежат кисти Лю Синя 劉歆 (?–23 г. до н.э.), Кун Жуна 孔融 (153–208 гг. н.э.), Чжэн Сюаня 鄭玄 (127–200 гг. н.э.), Фэн Яня 馮衍 (?–76 гг. н.э.), Ли Лина 李陵 (?–74 г. до н.э.) и Су У 蘇武 (?–60 г. до н.э.). Ни об одном письме, анализируемом в нашей диссертации, у Е. Чжун подробный разговор не заходит.

Помимо одиннадцати ханьских писем, в диссертации также рассматриваются три циньских письма, что позволяет составить более ясное представление о шу доханьского периода.

Кроме этих четырнадцати сочинений, в диссертации Е. Чжун упоминаются и другие, но лишь вскользь. Нельзя не отметить, что даже рассмотрение конкретных произведений в ней фактически ограничивается исторической справкой, биографическими сведениями, а также пересказом сюжета; филологический анализ в полном смысле слова здесь едва ли присутствует. Например, сопоставляя письма Цзо Яна и Мэй Чэна (сравниваются письма одного литератора между собой и письма обоих литераторов друг с другом), Е. Чжун

прибегает, скорее, к текстологическому и контекстуально-историческому сравнению – элементы чисто филологического, литературоведческого анализа лишь проскальзывают.

По мнению Е. Чжун, именно с эпохой Хань связано утверждение письма как литературного жанра. Она полагает, что ханьские письма четко делятся на две разновидности – официальные письма и личные письма; эта мысль представляется нам спорной.

В заключительной части диссертации Е. Чжун подмечает одну из ключевых особенностей письма в китайской литературе: оформившись в Хань, оно не прекратило своего существования и во все последующие эпохи – о том, что письмо было одной из важнейших литературных форм (а, главное, почти неизменной формой) на протяжении всей истории китайской литературы, свидетельствуют многочисленные антологии.

«Колумбийская история китайской литературы» [The Columbia History of Chinese literature, 2001], охватывающая обширный материал, содержит сведения и по интересующим нас темам – эпистолографии, посланию, риторике и т.п.

Еще во введении, в самом его начале, ставится вопрос о трудности жанровой атрибуции (отнесения произведения к тому или иному жанру) в китайской литературе, и в качестве примера приводится именно послание.

Несмотря на то, что многие послания не создавались как произведения изящной словесности (и, разумеется, их авторы не задумывались над тем, в каком жанре они творят), тем не менее, им не отказывают в художественной ценности – «многие бессмертные послания изначально предназначались для чтения лишь одним лицом, а ныне за ними признают статус эпистолярных образцов, эталонных эпистолярных сочинений» [The Columbia History of Chinese literature, 2001, P. 7].

Уже на ранних стадиях своего становления письмо являло собой форму, не налагающую на содержание почти никаких ограничений: к примеру, в эпоху Хань письмо (*шу* 书) наряду с суждением (*лунь* 论) могло охватывать крайне широкий диапазон тем – в письме выражали свои философские, политические убеждения, излагали свои моральные принципы, изъявляли свои дружеские чувства [Ibid., P. 238]. При этом и *шу*, и *лунь* стали чуть ли не центральными жанрами параллельной прозы в эпоху Шести династий, а параллельная проза, к слову сказать, несла в себе риторический заряд [Ibid.].

Приступая к рассмотрению периода *Цзяньань*, авторы подчеркивают, главным образом, выразительность произведений *цзяньаньской* литературы, которой отмечены, прежде всего, стихотворения (*ши*) и письма [Ibid., P. 234].

В отношении *Цзяньань* – названия периода – авторы делают важную оговорку: исторический *Цзяньань* и литературный – не одно и то же; безусловно, они накладываются друг на друга, однако если первый ограничен рамками девиза правления (196–220 гг.), то второй простирается на все время творческой активности Семи *цзяньаньских* мужей [Ibid., P. 253], которые были, кстати, первой группой литераторов-единомышленников в истории китайской литературы [Ibid., P. 251].

Далее авторы выделяют основные темы литературы *Цзяньань*, которые прослеживаются и в большинстве рассматриваемых нами произведений, – это разлука с близкими людьми, чаяния и разочарования, общественно-политические потрясения, следствием которых становятся личные невзгоды, и т.п. [Ibid., P. 254]. Более того, некоторые из этих тем, укоренившиеся впоследствии в китайской литературе, были впервые в нее введены именно *цзяньаньскими* литераторами.

Рассматривая отдельные стихотворения, авторы их классифицируют, в основном, по тематическому принципу, характеризуют их описательно, что нам представляется весьма поверхностным.

Главным поэтом периода признается Цао Чжи, хотя он и не входил в группу Семи мужей; на второе место ставится Ван Цань [Ibid., pp. 256–257]; впрочем, такая оценка их творчества весьма распространена.

В «Колумбийской истории китайской литературы» также проводятся аналогии между китайской и другими литературами: например, указывается, что китайская и западная традиции риторики обнаруживают немало общего [Ibid., P. 905].

В главе «Традиционные китайские взгляды на риторику» (Traditional Chinese Views on Rhetoric) [Ibid., pp. 882–886] проводятся параллели с римской риторической традицией (в частности, с Цицероном). Хотя отмечаются, в основном, различия, однако факт сопоставления древнегреческой, древнеримской и древнекитайской традиций свидетельствует о том, что авторы считают не только возможным, но и нужным их сравнивать – такой подход, с нашей точки зрения, и оправдан, и правомочен. Также авторами заявляется, что европейская средневековая теория риторики вполне может быть спроецирована и на китайский материал [Ibid., P. 898]. А вопрос о существовании риторики в Древнем Китае ими даже не ставится – Чжугэ Ляна они называют одним из выдающихся риториков древности [Ibid., P. 624].

В связи с риторикой упоминается и логика – авторы утверждают, что практическая ориентация мысли обеспечила развитие и риторики, и логики в Древнем Китае [Ibid., P. 72].

В завершение можно сказать, что на разных страницах «Колумбийской истории китайской литературы», равно как и «Кембриджской истории китайской литературы» (The Cambridge History of Chinese Literature, V. I), упоминаются и выделяются *цзэн* (в «Колумбийской истории...» они помечены как *tseng*) – поэтические «дары», т.е. послания. Из стихотворных посланий, рассматриваемых и нами, в «Колумбийской...» упоминается «Посылаю супруге» Цинь Цзя [Ibid., P. 251].

В 2001 году увидела свет немецкоязычная диссертация К. Метельманна (С. Metelmann) «Корреспонденция в эпоху Хань» [Schriftverkehr der Hanzeit, 2001], в которой автор ставит задачу ответить на два главных для себя вопроса:

1. Какие выводы можно сделать на основании того, в каком виде письма были представлены в исторических хрониках?

2. Каким образом способ передачи информации официального характера в рамках ханьской бюрократической системы повлиял на баланс сил между центральной властью (троном) и административным аппаратом?

Предмет исследования в данной диссертации – официальная корреспонденция в эпоху Хань – имеет к нашей работе лишь опосредованное отношение. Тем не менее, нельзя не отметить следующее: К. Метельманн отдельно оговаривает, что степень «официальности» того или иного письма порой установить весьма трудно, и это происходит отчасти потому, что до сих пор нам точно не известно, где именно проходила граница между «официальным» и «неофициальным», а, не зная, каковым было отношение между «общественным» и «личным» и в ту эпоху, мы не можем выработать критерий «(не)официальности». Собственно, поэтому нам и неясно, каким образом личные, казалось бы, письма попадали в исторические хроники.

К. Метельманн, как и предшественники, говорит о сложности, которую представляют для исследователя распределение ханьских писем по жанрам, классам, категориям, а также реконструкция ханьских жанров.

Также он указывает на трудности в проведении границ между устным и письменным словом: поскольку в ханьских династийных историях содержится множество цитат как устного, так и письменного происхождения, закономерно встают следующие вопросы: 1) какие фразы позаимствованы именно из корреспонденции, т.е. собственно писем, 2) как можно понять, где мы имеем дело с изначально письменными высказываниями, а где – устными? Далее автор дает комментарий, который может быть интересен в связи с риторичностью эпистолографии: многие доступные нам документы, которые обсуждались при дворе, сначала преподносились императору в устной форме; по

аналогии можно допустить, что дворцовые диспуты, которые в исторических сочинениях предстают как устные, велись по четким письменным заготовкам, которые имели при себе участники споров, – тексты представляются слишком складно скроенными и тщательно проработанными для того, чтобы быть устной импровизацией; тем не менее, в отдельных случаях невозможно установить, воспроизводил ли составитель (или компилятор) исторической хроники устную дискуссию или же переписку [Metelmann, 2001, S. 24].

В диссертации К. Метельманна риторические приемы тоже упоминаются, правда весьма бегло [Ibid., S. 265].

В вопросе жанровой атрибуции К. Метельманн придерживается функционального принципа, который, будучи распространенным, даже типичным, здесь оказывается вдвойне оправдан, поскольку в центре внимания работы – служебная переписка [Ibid., S. 251].

При этом автор добавляет, что зачастую жанровая идентификация осложняется отсутствием в исторических трудах оригиналов текстов; по сокращенным, пусть и оригинальным, вариантам однозначные выводы делать невозможно. Также К. Метельманн рассматривает различия в письмах, которые дошли до нас в разных источниках [Ibid., S. 263].

В большинстве случаев мы не находим в диссертации ответы на вопросы, поставленные ее автором, о чем он сам и говорит [Ibid., S. 264].

Хотя бы вскользь, но стоит упомянуть еще одну немецкоязычную диссертацию, защищенную в том же году. «Императорское волеизъявление и коммуникация в раннем Китае: Изучение *Дудуань* Цай Юна» (2001) была изначально написана Энно Жилем (Enno Giele) на немецком языке, однако пятью годами позднее была опубликована ее исправленная версия уже на английском языке [Imperial Decision-Making and Communication in Early China: A Study of Cai Yong's Duduan, 2006]. Еще два года спустя в Журнале Королевского азиатского общества вышла статья на английском языке Барбары Майстерэрнст (Barbara Meisterernst) [Imperial Decision-Making and Communication in Early China: A Study of Cai Yong's Duduan, 2008], фактически представляющая собой краткую рецензию на англоязычную версию диссертации.

Диссертация посвящена рассмотрению способов коммуникации между императором и его подданными в раннем (т.е. Древнем) Китае. Базовым источником для исследования послужил *Дудуань* 独断 (дословный перевод – «Отдельные решения»; небольшой справочник по государственным учреждениям и постановлениям) Цай Юна (蔡邕, 133–192 гг.), который был проанализирован и сопоставлен с другими источниками, дошедшими до нас в исторических сочинениях. Взяв за основу *Дудуань*, автор

сосредоточился на изложении целей коммуникации, каналов коммуникации, описании бюрократической системы, административного аппарата, перечислении способов именовании адресата и адресанта. Однако к нашему исследованию данная диссертация имеет лишь опосредованное отношение.

Двухтомная «Кембриджская история китайской литературы» (для нас важен первый том – [The Cambridge History of Chinese Literature, V. I, 2011]), будучи масштабным энциклопедическим трудом, тем не менее, содержит и детализированную информацию по интересующим нас вопросам, которая может отсутствовать даже в узко специализированных работах.

В «Кембриджской истории...» мы находим подтверждение той мысли, которая, среди прочих, легла в основу наших изысканий в области поэтики жанра послания (см. заключительную часть диссертации), – в китайской литературе понятие «эпистола» применимо как к поэзии, так и к прозе (в качестве примера приводится литература периода Восточная Цзинь): «Эпистолярная литература Восточной Цзинь состоит и из прозы, и из поэзии» [The Cambridge History of Chinese Literature, 2011, P. 464]. Не менее важный тезис, также применимый к периоду *Цзяньань*, выдвигается в отношении литературы эпохи Тан: «Прозаические письма зачастую посвящались интеллектуальным, политическим вопросам, а поэтические выражали то, что чувствовал, испытывал или переживал автор в определенный момент времени, или же содержали вопрос к адресату» [Ibid., P. 291].

В «Кембриджской истории...» говорится и о широком хождении писем, причем именно художественных, в период *Цзяньань* – и члены семьи Цао, и Семеро мужей составляли письма, которыми они в том числе обменивались друг с другом [Ibid., P. 172]. К сожалению, до нас дошла лишь малая часть того, что ими было написано. Примечательно, что больше всего писем (34) оставил после себя Ин Цюй 应璩 (190–252 гг.), младший брат Ин Яна (или Ин Чана, что правильнее), не входивший в творческую группу, которой покровительствовала семья Цао [Ibid.].

Авторы «Кембриджской истории...», как и их предшественники, испытывают затруднения с классификацией писем: хотя ими и предлагается классификация писем, в соответствии с которой они делятся на формальные/официальные (государственная корреспонденция), художественные/литературные, неформальные/неофициальные (короткие записки утилитарного характера), однако в ней наблюдается размытость границ и путаница в терминологии [Ibid., P. 463].

Авторы «Кембриджской истории...», равно как и авторы «Колумбийской истории...», не отождествляют исторический и литературный периоды *Цзяньань*: если

хронологические рамки исторического периода *Цзяньань* – 196–219 гг., то литературный *Цзяньань*, по мнению авторов «Кембриджской истории...», начинается примерно в 190 г., т.е. чуть раньше, чем исторический, и заканчивается в 232 г., в год смерти Цао Чжи, т.е. гораздо позже исторического [Ibid., P. 166]. В связи с этим вводится уточнение: хотя семья Цао и благоволила литераторам, однако нельзя утверждать, что *цзяньаньская* литература родилась в литературном «салоне» Цао – строго говоря, самые ранние *цзяньаньские* произведения были написаны еще при дворе Лю Бяо (умер в 208 г.) в Цзинчжоу (современная провинция Хубэй) [Ibid.].

В отличие от «Колумбийской истории...», в «Кембриджской истории...» уже содержится отдельная глава, посвященная древнекитайской риторике, – «Повествовательная литература и риторика периода Сражающихся царств» (Warring States Narrative Literature and Rhetoric) [Ibid., pp. 43–56]. В начале главы выдвигается положение, уже знакомое нам по диссертации Евы Чжун, – в ту эпоху риторика была востребована, прежде всего, в среде стратегов, которые, переходя из царства в царство, предлагали свои консультации по политическим вопросам и военному делу [Ibid., P. 43].

Далее, проводя параллели с Древней Грецией и Древним Римом, авторы делают те наблюдения, которые мы не находим у их предшественников: хотя на ранней стадии развития китайской литературы и не было написано трактатов по риторике, риторических словарей, специализированных руководств по риторике, как это было сделано в Древней Греции и Древнем Риме, тем не менее, рассуждения на тему риторических техник сохранились в таких источниках, как *Чуньцю* (а именно *Шуньшуй*), *Хань Фэйцзы* (а именно *Шуйнань*), *Шицзи*, *Чжаньгоцэ* [Ibid., P. 54]. При этом уточняется, что в этих текстах не рассматриваются риторические фигуры; внимание в них заостряется на стратегиях убеждения – таких, как раскрытие хода мыслей собеседника или же использование исторической аналогии и прецедента [Ibid.].

Заводя разговор о риторике, авторы «Кембриджской истории...» не обошли стороной и логику – риторика и логика рассматриваются ими как явления одного порядка; например, говоря о древности, они подчеркивают, что номиналисты, или казуисты Хуэй Ши 惠施 и Гунсунь Лун 公孫龍, равно как и моисты, внесли свой вклад одновременно в развитие и риторики, и логики.

Из всех упомянутых ранее работ наиболее близкой теме нашего исследования является англоязычная монография Антье Рихтер (Antje Richter) «Письма и эпистолярная культура в раннесредневековом Китае» [Letters & Epistolary Culture in Early Medieval China, 2013].

Во введении А. Рихтер подчеркивает, что как исследований по китайской эпистолографии, так и переводов писем с китайского языка до сих пор в западной синологии было ничтожно мало [Richter, 2013, P. 6]. Свою работу она обозначает как источник ознакомительных сведений по эпистолярной литературе и культуре раннесредневекового Китая [Ibid., P. 10]. При этом в фокусе внимания – эпоха Хань: по словам А. Рихтер, именно в Хань письмо начинает оцениваться как литературный жанр [Ibid.].

Первая часть, озаглавленная как «Материалы и концепции, задействованные при написании писем» (Materials and Concepts of Letter Writing), посвящена базовым характеристикам раннесредневековой китайской эпистолярной культуры.

В главе 1 «Материальная культура и терминология» (Materiality and Terminology) рассматриваются те атрибуты материальной культуры, благодаря которым стало возможным составление и оформление писем, а также эпистолярная терминология. Здесь важна мысль о том, что материальная природа письма имеет для него принципиальное значение: все материальные составляющие эпистолярной культуры выполняют определенную функцию как в процессе составления, так и восприятия послания – по этой причине они не могут не быть учтены при попытке правильного понимания того или иного текста. То же касается и сложной эпистолярной терминологии. Размышления о роли материальной культуры в развитии эпистолографии, а также об эпистолярной терминологии важны и с той точки зрения, что они необходимы для выдвижения предварительных жанровых определений, а также для выделения корпуса личных посланий среди всех остальных раннесредневековых китайских писем [Ibid., P. 17].

Для А. Рихтер письмо – это жанр; при этом она подчеркивает, что в Китае эпистолярная терминология настолько разнообразна, как и сам жанр, а наиболее древнее и распространенное слово для обозначения жанра письма (письма художественного и, скажем условно, личного – *Н.С.*) – *шу* [Ibid., P. 30]. Тем не менее, А. Рихтер признает, что письмо с трудом поддается жанровой атрибуции, причем далеко не только в китайской литературе [Ibid., P. 38], и соглашается с расхожей мыслью о том, что попытка разграничения личных и официальных писем в китайской литературе всегда сопряжена с определенными трудностями [Ibid., P. 40].

В главе 2 «Письма и литературная мысль» (Letters and Literary Thought) обсуждаются критический и теоретический подходы к изучению писем – эти подходы находят свое отражение уже в раннесредневековых поэтиках. Здесь А. Рихтер высказывает весьма любопытную мысль: по ее мнению, утверждению личного письма как литературного жанра в эпоху Хань способствовали, как это ни парадоксально, распространение и

интенсификация официальной переписки [Ibid., P. 44]. И именно в период *Цзяньань*, в который уже были написаны труды по литературной критике и теории жанров, впервые стали размышлять над природой письма как литературного жанра [Ibid., P. 45].

Отметим, что большинство рассматриваемых А. Рихтер писем относится уже к V–VI вв., т.е. к более позднему периоду.

Во второй части «Эпистолярные условности и литературная индивидуальность» (Epistolary Conventions and Literary Individuality) речь идет о текстовых особенностях писем, а именно о характерных для них лексических и композиционных шаблонах; при этом ставится вопрос отношения между заданными, продиктованными традицией клише и изобретательностью, творческой инициативой отдельного автора.

Одно из важнейших положений, сформулированных здесь, касается риторики: А. Рихтер замечает, что трехчастная композиция, которая наблюдается в письмах разных регионов, подлежит сравнению со схожим структурным построением частной беседы или публичного ораторского выступления – оба типа этих речей (и письменная, т.е. письмо, и устная, т.е. собственно речь) открываются приветствием и вводной частью, в середине содержат актуальную информацию, а закрываются заключительными словами [Ibid., P. 75]. А. Рихтер также считает возможным задействовать европейский теоретический материал при рассмотрении китайских произведений эпистолографии [Ibid.].

Рассуждая о терминах эпистолярного обращения и самоименования, А. Рихтер тоже не упускает случая подчеркнуть их риторическую значимость: будучи верными показателями характера взаимоотношений между адресантом и адресатом, эти термины отражают не фактическое иерархическое положение участников эпистолярной ситуации и не дистанцию, лежащую между ними, а скорее коммуникативный замысел автора письма, у которого в распоряжении имеется целая палитра риторических средств выразительности [Ibid., P. 110].

Глава 3 «Структуры и фразы» (Structures and Phrases) знакомит читателя с самыми распространенными эпистолярными формулами, а также с особыми формами обращения адресанта к адресату и именованию адресантом самого себя.

Глава 4 «Топосы» (Торoi), повествующая об основных эпистолярных «общих местах», углубляет наше понимание языка и коммуникативных установок личных писем. И в этой главе не обходится без упоминания риторики: А. Рихтер отмечает, что, несмотря на свою, казалось бы, конвенциональность, эпистолярные топосы не должны восприниматься просто как риторические клише [Ibid., P. 117].

И далее в этой главе она выражает еще несколько чрезвычайно важных для нас мыслей: большая часть эпистолярной литературы, сохранившейся от периода раннего

Средневековья, представлена именно дружескими письмами [Ibid., P. 118]; на смежные отношения между письмом и речью обратили внимание еще античные теоретики – они уже выделили способность письма имитировать живое общение (*parousia*) как один из важнейших топосов [Ibid., P. 127]; письма, будучи, прежде всего, материальными объектами, обнаруживают схожесть с подарками, которые также вручаются одним человеком другому и воплощают в себе связь между дарителем и одариваемым [Ibid., P. 133], в связи с чем мы добавим от себя, что стихотворные эпистолы, рассматриваемые нами наряду с прозаическими, нередко обозначались иероглифом *цзэн 贈*, одно из значений которого – «дарить».

В главе 5 «Нормативность и аутентичность» (Normativity and Authenticity) речь идет об отношении между эпистолярной нормативностью, клише и аутентичностью, литературной оригинальностью – эти рассуждения подводят черту под всеми прочими изысканиями, изложенными на страницах книги.

Большинство переводов, представленных в книге, выполнено самой А. Рихтер.

Двумя годами позднее под редакцией А. Рихтер был опубликован сборник из 25 англоязычных статей, посвященных разным периодам в истории китайской эпистолографии, а также самым разным аспектам изучения китайского письма, – «История китайских писем и эпистолярной культуры» [A History of Chinese Letters and Epistolary Culture, 2015].

Временной охват материала статей из сборника обширен: 3 в. до н.э.–20 в.

Все статьи-эссе распределены по трем частям сборника: часть 1 – «Материальные аспекты китайской эпистолярной культуры» (Material Aspects of Chinese Letter Writing Culture), часть 2 – «Созерцание жанра» (Contemplating the Genre), часть 3 – «Разнообразие в содержании и стиле» (Diversity of Content and Style). Статьи, так или иначе относящиеся к теме нашего исследования:

Эссе 1. И. Эдмунд Лянь (Y. Edmund Lien) «Реконструкция почтово-релейной системы эпохи Хань» (Reconstructing the Postal Relay System of the Han Period) [Lien, 2015, pp. 17–52]. Ключевая мысль: первая почтовая система появилась в Китае гораздо раньше, чем предполагают, – уже в III в. до н.э.;

Эссе 4. Сяофэй Тянь (Xiaofei Tian) «Материальная и символическая экономия: письма и подарки в раннесредневековом Китае» (Material and Symbolic Economies: Letters and Gifts in Early Medieval China), [Tian, 2015, pp. 135–189]. Примечательно: обмен письмами может восприниматься и оцениваться как обмен подарками;

Эссе 5. Дэвид Р. Кнехтгес (David R. Knechtges) «Письма в Вэньсюань» (*Letters in the Wen xuan*) [Knechtges, 2015, pp. 189–238]. Важно: произведения, содержащиеся в *Вэньсюань*, могут быть поделены на 37 жанров, среди которых есть и *шу*; всего в *Вэньсюань* вошло 22 *шу*, однако в антологии мы находим письма, отнесенные и к другим жанрам, по крайней мере к пяти, что свидетельствует о «текучести» письма как формы, о гибкости природы письма; более того, грань между так называемыми «личными письмами» и «официальными письмами» зачастую оказывается крайне зыбкой; еще до *Вэньсюань* создавались антологии, не сохранившиеся до наших дней, посвященные исключительно письмам;

Эссе 6. Антье Рихтер (Antje Richter) «Между письмом и заветом: письма семейных наставлений в Китае эпох Хань и Шести династий» (*Between Letter and Testament: Letters of Familial Admonition in Han and Six Dynasties China*) [Richter, 2015, pp. 239–275]. Актуально в свете нашего исследования: увещательные письма, адресованные близким, составляют значительную часть сохранившегося ханьского эпистолярного наследия; кроме насыщенного содержания, эти письма интересны и своим риторическим запалом;

Эссе 7. Зеб Рафт (Zeb Raft) «Пространство разлуки: раннесредневековая традиция четырехсложной поэзии “преподнесения стихотворных даров и вручения ответных подарков” (赠答诗 *цзэндаши* – Н.С.)» (*The Space of Separation: The Early Medieval Tradition of Four-Syllable “Presentation and Response” Poetry*) [Raft, 2015, pp. 276–306]. Важно с точки зрения обоснования правомочности совместного рассмотрения стихотворных и прозаических посланий: на китайскую поэзию можно посмотреть и как на часть эпистолярия, эпистолярного наследия, поскольку великое множество стихотворений так или иначе кому-то посвящено или адресовано, и это межсубъектное свойство остается преобладающим в китайской поэзии даже при отсутствии названного адресата; несколько стихотворений, приведенных в статье, действительно могут быть восприняты как письма, равно как и многие другие произведения, относящиеся к так называемой поэзии «преподнесения стихотворных даров и вручения ответных подарков»; эти стихотворения охватывают большой пласт раннесредневековой китайской поэзии: будучи представленной 72 произведениями, эта категория *ши* является второй по численности в *Вэньсюань*, самой знаковой раннесредневековой китайской антологии;

Эссе 8. Роберт Джо Каттер (Robert Joe Cutter) «Письма и записки в начале третьего века: Цао Чжи» (*Letters and Memorials in the Early Third Century: The Case of Cao Zhi*) [Cutter, 2015, pp. 307–330]. Существенно для нас: именно в период *Цзяньань* (196–220 гг.) личные письма – *шу* – получили невиданное доселе распространение;

Эссе 14. Бонни С. Макдугалл (Bonnie S. McDougall) «Бесконечные вариации письма и желания: любовные письма в Китае и Европе» (*Infinite Variations of Writing and Desire:*

Love Letters in China and Europe) [McDougall, 2015, pp. 546–581]. Нельзя не отметить ее мысль о том, что назвать письмо жанром (в строгом смысле этого слова) можно только с оговорками – оно по своему охвату гораздо шире;

Эссе 16. Мэттью Уэллс (Matthew Wells) «Схвачены словом: функции и границы автобиографического самовыражения в ранней китайской эпистолярной литературе» (Captured in Words: Functions and Limits of Autobiographical Expression in Early Chinese Epistolary Literature) [Wells, 2015, pp. 621–642]. Немаловажно: в ранний период развития китайской литературы эпистолография – средство автобиографического самовыражения.

Итак, западными исследователями неоднократно предпринимались попытки подобраться к детальному рассмотрению творчества Семи мужей и Цао Чжи, подробному изучению раннесредневековых китайских писем (прозаических посланий), их особенностей, своеобразия, реализации в них риторических техник, логических приемов; также они подступались и к исследованию стихотворных посланий.

Все эти труды, равно как и труды отечественных и китайских исследователей, послужили основой и вдохновением для наших исследований.

В КИТАЙСКОЙ СИНОЛОГИИ

Как мы уже отмечали в отношении трудов советских, российских и западных китаеведов, работ, так или иначе упоминающих, описывающих период *Цзяньань*, творчество представителей семьи Цао и Семи *цзяньаньских* мужей, вполне достаточно, однако работ, содержащих аналитический материал по данной теме, крайне мало.

Все исследователи, о которых далее пойдет речь, не обходили стороной феномен *цзяньаньской* литературы, однако в подавляющем большинстве случаев они ограничивались лишь передачей фактической информации справочного характера, не прошедшей аналитическую обработку. Из работ китайских специалистов мы можем почерпнуть сведения о жизни того или иного литератора, о его творчестве, о его произведениях, однако эти сведения, как правило, будут преподноситься в форме пересказа, описания, перечисления – они не будут представлены как результаты собственно литературоведческих изысканий, т.е. как плоды размышлений в области жанровой природы произведений, их особенностей в плане формы и содержания (если содержание еще может комментироваться, то форма, т.е. композиция, стилистика, тропика и т.п., едва ли), как итоги сопоставления сочинений, их последовательного соотнесения друг с другом.

К сожалению, в работах на китайском языке, доступных нам, о риторических и логических приемах в посланиях говорят редко и, нельзя не признать, довольно поверхностно. Не найдем мы в этих работах и теоретического осмысления жанрового своеобразия произведений (стихотворных и прозаических посланий) – безусловно, в некоторых работах и *шу*, и *цзэн* упоминаются, *цзэндаши* 贈答詩⁷⁰⁷ отдельно выделяются, однако они совместно не рассматриваются, а попытки разобраться, что же они – *шу* и *цзэн* – из себя представляют, не предпринимаются.

Тем не менее, чрезвычайно важно отметить и заслуги китайских ученых – прежде всего, в компилятивной, комментаторской (иногда в целом текстологической) работе, без опоры на результаты которой порой невозможно не только перевести то или иное произведение, но даже его прочитать.

Порядок, в котором приводятся работы китайских исследователей, обусловлен тематически: среди этих работ есть истории китайской литературы (как правило, сводные, но также и охватывающие какой-то определенный исторический отрезок), сборники стихотворений с комментариями (иногда с переводами на современный китайский язык), справочники по периоду либо исследования по нему, изыскания в области того или иного литературного явления и наблюдения за ним на протяжении всей истории развития китайской литературы, а также несколько работ, которые стоят обособленно и будут нами выведены за рамки классификационных групп, – две монографии по истории китайской эпистолографии, работа по древнекитайской риторике, статья, посвященная *цзэн*, *шу* и стихотворениям, написанным от третьего лица (代言詩 *дайяньши*), исследование по *Цзяньань*.

Порядок внутри групп, по которым мы распределим научные работы, будет основываться, прежде всего, на хронологическом принципе – таким же образом мы представляли ранее и работы отечественных, западных синологов.

Вновь подчеркнем, что перечень работ, не претендуя на полноту и всеохватность, тем не менее, отражает тенденции и показывает направления в изучении рассматриваемого нами периода, а также демонстрирует основные достижения китайских специалистов на этом поле.

Начнем с работ, посвященных истории китайской литературы.

⁷⁰⁷ 贈答詩 *цзэндаши* – стихотворные послания (дословно – стихотворения-дары и ответные подарки, т.е. ответы на них).

Самая ранняя из китайских работ, оказавшихся нам доступными и так или иначе затрагивающих тему нашего исследования, – это «Лекции по истории китайской литературы (Т.1)» Чэнь Цзычжэня 【陳子展。中國文學史講話，卷 1，1933】. В главе «Поэты и юэфу [периода] Вэй Цзинь» 【魏晉詩人與樂府，С. 131–156】 упоминаются период *Цзяньань*, Семеро мужей, рассказывается о жизни Мужей. Хотя о *шу* речь заходит, о *цзэн* нет ни слова; никакого теоретического обобщения на тему послания ни в данной работе, ни в последующих мы не находим.

Цзяньаньской прозе были посвящены два параграфа третьей главы «Истории китайской прозы *саньвэнь*» 【陈柱。中国散文史，1937】 – второй параграф «Проза Трех Цао» 【三曹之散文，С. 147–152】 и третий параграф «Проза Семи *цзяньаньских* мужей» 【建安七子之散文，С. 152–158】 третьей главы «Проза эпохи “литературы ради литературы”» 【为文学而文学时代之散文】. Кратко описываются жизнь и творчество Семи мужей, вскользь упоминаются письма, в частности – «Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи [Там же, С. 153], однако теоретических обобщений мы здесь не находим.

Период *Цзяньань* называют золотым веком в истории китайской словесности и в первом томе «Истории китайской литературы» 【中國文學史，卷 1，1962，С. 188】. Авторы заявляют, что, хотя Цао Чжи славится, прежде всего, своими стихотворениями, его прозаические сочинения заслуживают не меньшего внимания [Там же, С. 198]. Тем не менее, отметив одно, авторы упустили другое: в отличие от *шу* Цао Чжи, его *цзэн* не упоминаются вовсе; о *цзэн* заходит речь в связи с творчеством Лю Чжэня – они не выделяются отдельно, рассматриваются в рамках поэзии (*шигэ* 詩歌). Никакого соотнесения *цзэн* и *шу* мы в данной работе не находим; также здесь, как и почти везде, отсутствует анализ – могут подробно излагаться биографические сведения, в то время как о самих произведениях будет сказано весьма поверхностно.

Чуть больше внимания прозе (*саньвэнь* 散文) уделяется в «Хрестоматии китайской [литературы] минувших эпох» 【中国历代文选，1980】. Еще в предисловии говорится о том, что период Вэй Цзинь Наньбэйчао оказался переломным в развитии древнекитайской прозы *саньвэнь* [«Хрестоматия китайской [литературы] минувших эпох», 1980, С. 5]. Стоит сказать, что и здесь упоминается «Письмо Ян Дэцзу» Цао Чжи; помимо собственно текста, приводятся также и комментарии.

Более справочный характер носит «История китайской литературы (Т.3)», написанная годом позднее 【中国文学史（三），1981】. В ее третьем томе, отведенном под литературу Вэй Цзинь Наньбэйчао 魏晉南北朝, говорится и о *цзяньаньской* литературе,

причем в повествовании заметен исторический уклон – акцент делается на историческую справку. Безусловно, упоминаются и отдельные литераторы, и их произведения, могут упоминаться и *шу*, и *цзэн*, но ни теоретизации, ни каких-либо обобщений мы здесь не находим. Собственно литературная информация находится в подчиненном положении по отношению к исторической. Любопытно, что письма, упоминаемые в книге (среди них – «Письмо Ян Дэцзу», «Письмо У Цзичжуну» [游国恩 Юй Гоэнь, 1981, С. 221]), в ней именуются *шучжа* 书札, а не *шусинь* 书信 и не *шу* 书.

Отдельные интересные наблюдения мы находим в справочном издании «Теоретический словарь по классической китайской литературе» 【中国古代文学理论辞典, 1985】. Авторы отмечают, что важнейшая черта *建安风力 Цзяньань фэнли*⁷⁰⁸ – мастерски выполненное художественное оформление мысли в произведениях *цзяньаньской* литературы [赵则诚等 Чжао Цзэчэн и др., 1985, С. 463]. Также выдвигается термин *汉魏风骨 Хань Вэй фэнгу* (досл. – ветер и кости [литературы эпох] Хань и Вэй), обозначающий тот стиль литературы эпох Хань и Вэй, который воплощают в своем творчестве представители семьи Цао и Семеро *цзяньаньских* мужей [Там же, С. 471]. Семеро *цзяньаньских* мужей здесь также именуется как “邺中七子” «Семеро мужей из Е» [Там же, С. 304]. Авторы указывают на то, что литературный период *Цзяньань* был длиннее одноименного исторического (196–220 гг.) – он охватывал годы правления Цао Цао, Цао Пи, Цао Жуя и длился в общей сложности 45 лет [Там же, С. 304–306]. Важно отметить, что здесь *цзэндаши* (послания и ответы на них) выделяются в отдельную категорию стихотворений [Там же, С. 305].

«Краткий курс общей истории китайской литературы» 【中国文学通史简编, 1992】 тоже составлен в форме справочника – в нем содержатся сведения о жизни литераторов, краткие характеристики их произведений; хотя мы и видим на его страницах отдельные *цзэн*, *шу*, но никаких теоретических обобщений не находим. От многих подобных работ данную отличает наличие параграфа, посвященного сравнениям, – «Сравнение литературы Цинь и Хань с зарубежными литературами аналогичного периода» 【秦汉文学与同期外国文学的比较】 [陈玉刚 Чэнь Юйган, 1992, С. 236–240]. Кстати, в отличие от многих китайских исследований, здесь упоминается поэт Цинь Цзя и его стихотворное послание «Посылаю супруге» [Там же, С. 197].

⁷⁰⁸ *建安风力 Цзяньань фэнли* досл. – сила ветра *Цзяньань*; термин, близкий по значению термину *建安风骨 Цзяньань фэнгу*, досл. – ветер и кости *Цзяньань*; под этими терминами имеется в виду сильный, энергичный стиль литературы периода *Цзяньань*, причем стиль в широком смысле слова, включая мысли и чувства.

Последней работой (из категории исторических), которую мы рассмотрели, была «История литературы Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий, Суй, Тан» 【魏晋南北朝隋唐文学史, 1999】. Принципиально новую информацию мы здесь не нашли.

Теперь обратимся к тем работам, которые могут быть квалифицированы как справочники по рассматриваемому историческому периоду либо как исследования по нему.

В специализированном издании по поэзии «Сборник статей о поэзии периодов Хань, Вэй и Лючао» Юй Гуаньина 【汉魏六朝诗论丛, 1952】 хотя и есть отдельная глава, посвященная Цао Чжи⁷⁰⁹ [余冠英 Юй Гуаньин, 1952, С. 91–108], однако в ней содержатся, в основном, справочные сведения исторического характера или литературные факты, не подкрепленные собственно литературоведческой аналитикой, – подобный исследовательский подход мы нередко замечали в работах китайских синологов. То же самое мы наблюдали в работах по прозе – в качестве примера можно привести «Хрестоматию по прозе периодов Хань, Вэй и Лючао» Чэнь Чжунфаня 【汉魏六朝散文选, 1956】.

Титанический текстологический труд вложен в «Полное [собрание] текстов эпох *Саньдай*⁷¹⁰, Цинь, Хань, *Саньго*, *Лючао*» 【全上古三代秦汉三国六朝文】 под редакцией Янь Кэцзюня. Здесь есть отдельные собрания сочинений и Цао Чжи, и Семи *цзяньаньских* мужей.

В один и тот же год были опубликованы «Справочные материалы по истории литературы Ханьской эпохи» 【两汉文学史参考资料, 1962】, «Справочные материалы по истории литературы эпох Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий» 【魏晋南北朝文学史参考资料 册上, 1962】; «Сборник научных статей о поэзии Вэй, Цзинь, Шести династий» 【研究论文集, 1962】. В первом справочнике, организованном по жанровому принципу, ни *цэнь*, ни *шу* никак не выделяются; по существу о *Цзяньань* ничего не говорится. Во втором выборочно представлены произведения, в том числе и авторства Семи мужей, но вот жанровая классификация этих произведений не проводится. В третьей работе нам могут быть интересны следующие статьи: «Рассуждения о поэзии (*ши*) отца и сыновей семейства Цао [периода] *Цзяньань*» Юй Гуаньина 【余冠英。论建安曹氏父子的诗: «Сборник научных статей о поэзии эпох Вэй, Цзинь, Шести династий», 1962, С. 1–21】, «Рассуждения о стихотворениях (*ши*) Цао Чжи» Чжан Чжиюэ 【张志岳。论曹植的诗: Там же, С. 21–

⁷⁰⁹ «Цао Чжи – один из поэтов *Цзяньань*» («建安诗人代表曹植»).

⁷¹⁰ Иначе – трех первых династий глубокой древности.

34】 , «О Цао Чжи и его поэзии (*шизэ*)» Чжэн Юйтуна, Хуан Чжихуэя 【郑孟彤、黄志辉。试论曹植和他的诗歌： Там же, С. 34–49】 .

В сборнике «Рассуждения о [культурном феномене] “чистых бесед” [в эпохи] Вэй, Цзинь» 【魏 晋 清 谈 术 论 , 1966】 *цзяньваньская* литература не фигурирует. В специализированном «Сборнике статей по китайской классической прозе» 【中国古典散文研究论文集, 1969】 разговор о *цзяньваньской* прозе даже не заходит.

В один год были опубликованы «Форма и содержание литературы рубежа Хань и Вэй» 【漢 魏 之 際 文 學 的 形 式 與 內 容 , 1978】 и «Справочные материалы по истории литературы Ханьской эпохи» 【两汉文学史参考资料, 1978, переработанное издание одноименной работы 1962 г., ранее упомянутой нами】 . В первой работе мы не находим ни анализа произведений, ни жанровых обобщений, ни аналитического рассмотрения *ши* и *цзэн*, хотя *Цзяньвань* как период в развитии литературы, конечно же, упоминается. Во второй, хотя в ней и содержится целый раздел (3-й), посвященный ханьским письмам 【две части этого раздела: 汉书 «Ханьские письма» С. 434–501; 汉书附录 «Ханьские письма. Приложение» С. 501–504】 , мы также не найдем аналитической информации по существу вопроса.

Несколькими годами позднее увидели свет «Хрестоматия по классической прозе» 【先秦到六朝, 1980–1981; в наших руках оказалось более позднее издание – первое было выпущено в 60-е гг.】 и «Сборник статей о литературе эпох Хань, Вэй, Шести династий, Тан» 【汉魏六朝唐代文学论丛, 1981】 . В «Хрестоматии...» из эпистолярных сочинений нашего периода рассматриваются лишь одно письмо *шу* Кун Жуна и один указ *лин* 令 Цао Цао. «Сборник...» для нас более информативен. В статье «Рассуждения о новом облике *Цзяньваньской* литературы»⁷¹¹ [王运熙 范 允 彦, 1981, С. 18–37] упоминаются некоторые послания *цзэн* (они выделяются в уже знакомую нам категорию *цзэндаши*) Цао Чжи, Лю Чжэня, некоторые *шу* Цао Чжи, Цао Пи, Ин Яна. Однако здесь мы найдем никаких теоретических выкладок: в частности, ни *цзэны*, ни *шу* никак не характеризуются с точки зрения их жанровой принадлежности. Тем не менее, из всех рассмотренных нами работ в данной приводится больше всего писем, подпадающих под хронологические рамки нашего исследования.

Весьма скудно *шу* освещены в «Очерке истории *саньвэнь* эпохи Хань» 【汉代散文史稿, 1986】 . Несмотря на то, что в книге есть специализированная глава по поздней

⁷¹¹ “论建安文学的新面貌”

ханьской прозе – «*Саньвэнь* второй половины Восточной Хань»⁷¹² [韩兆琦、吕伯涛 Хань Чжаоци, Люй Ботао, 1986, С. 280–352], даже здесь *шу* едва ли упоминаются: перечисляются отдельные прозаические произведения (например, помеченные как *лунь* 论, *лин* 令), но никакого теоретического обобщения мы здесь не находим; из литераторов, рассматриваемых нами, фигурирует лишь Чэнь Линь, а из его писем – только одно, и то не помеченное как *шу*.

Хотелось бы отметить и такой вид работы как составление авторских указателей к антологиям – ранее мы писали о склонности китайских ученых к текстологической систематизации материала. В качестве примера приведем «Указатель имен авторов и названий произведений к антологии “Поэзия доциньского периода, эпох Хань, Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий”» 【先秦汉魏晋南北朝诗作者篇目索引, 1988】; издание самой антологии датируется 1984 годом.

«История литературы Вэй и Цзинь» 【魏晋文学史, 1999】, в отличие от многих других справочников схожего формата, составлена весьма скрупулезно; назовем те главы и параграфы, которые имеют прямое отношение к теме нашего исследования: первая глава «Обзор литературы Троецарствия»⁷¹³ [徐公持 Сюй Гунчи, 1999, С. 3–26], второй параграф первой главы «Ветер и кости [эры] *Цзяньань*»⁷¹⁴ [Там же, С. 13–18]; вторая глава «Цао Цао»⁷¹⁵ [Там же, С. 26–48]; третья глава «Цао Пи»⁷¹⁶ [Там же, С. 48–68]; четвертая глава «Цао Чжи»⁷¹⁷ [Там же, С. 68–101], первый ее параграф «Жизнь и характер Цао Чжи»⁷¹⁸ [Там же, С. 68–73], второй параграф «Раннее творчество Цао Чжи»⁷¹⁹ [Там же, С. 73–80], третий «Позднее творчество Цао Чжи»⁷²⁰ [Там же, С. 80–88], четвертый «Заслуги Цао Чжи и его место в истории литературы»⁷²¹ [Там же, С. 88–101]; пятая глава «Все эрудиты раннего периода Цао Вэй»⁷²² [Там же, С. 101–134], первый ее параграф «Семь *цзяньаньских* мужей и *цзяньаньская* литература»⁷²³ [Там же, С. 101–106], второй параграф «Ван Цань»⁷²⁴ [Там

⁷¹² “东汉后期的散文”

⁷¹³ 第一章 “三国文学概说”

⁷¹⁴ 第二节 “建安风骨”

⁷¹⁵ 第二章 “曹操”

⁷¹⁶ 第三章 “曹丕”

⁷¹⁷ 第四章 “曹植”

⁷¹⁸ 第一节 “曹植的生平与性格”

⁷¹⁹ 第二节 “曹植的前期创作”

⁷²⁰ 第三节 “曹植的后期创作”

⁷²¹ 第四节 “曹植的成就及文学史地位”

⁷²² 第五章 “曹魏前期诸文士（上）”

⁷²³ 第一节 ““建安七子”和建安文学”

⁷²⁴ 第二节 “王粲”

же, С. 106–113], третий параграф «Лю Чжэнь»⁷²⁵ [Там же, С. 113–120], четвертый параграф «Чэнь Линь, Жуань Юй, Сюй Гань, Ин Чан»⁷²⁶ [Там же, С. 120–134].

В «Расширенном издании истории древней китайской литературы» 【中国古代文学史长编, 2000】 мы также находим более детальную разработку материала. Третья глава второго *цзюаня*⁷²⁷ озаглавлена как «Литература Вэй Цзинь Наньбэйчао»⁷²⁸ [Вань Гуанчжи, 2000, С. 124–176], а ее второй параграф – как «Литература *Цзяньань*»⁷²⁹ [Там же, С. 131–141]. Второй параграф поделен на три части – «Особенности периода заката эпохи Хань»⁷³⁰ [Там же, 131–132], «“Переходные” литераторы Цао Цао и Кун Жун»⁷³¹ [Там же, 132–137], «Литераторы *Цзяньань* и братья семьи Цао»⁷³² [Там же, 137–141].

Аналогичными работами могут быть названы «Исследования по литературе Вэй, Цзинь, *Наньбэйчао*» 【魏晋南北朝文学研究, 2003】 и первый том «[История китайской литературы от доциньской эпохи до [эпох] Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий»⁷³³ «Монографии по истории китайской классической литературы» 【中国古代文学史专题, 2005】. Во второй работе говорится и о литературе Вэй, Цзинь, *Наньбэйчао* в целом [郭丹 戈 丹, 2005, С. 197–292], и о *цзяньаньской* литературе в частности [Там же, С. 200–225]; в ней содержатся биографические очерки, приводятся примеры произведений, но по-прежнему главенствует описательный подход, не аналитический; упоминаются и *цзэн*, и *шу* (последние, главным образом, применительно к *пяньвэнь* 骈文 – параллельной прозе), но без обобщающих наблюдений.

В связи с *пяньвэнь шу* фигурируют и в «Истории литературы Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий» 【魏晋南北朝文学史, 2013】. Во втором параграфе «*Пяньвэнь* периодов *Цзяньань* и конца Вэй»⁷³⁴ [胡国瑞 徐 郭, 2013, С. 185–192] девятой главы «Развитие *пяньвэнь*»⁷³⁵ в рамках рассуждений о параллельной прозе говорится о *шу* 书, *бяо* 表, *цзи* 记, *лунь* 论 и т.п.

⁷²⁵ 第三节 “刘桢”

⁷²⁶ 第四节 “陈琳、阮瑀、徐干、应瑒”

⁷²⁷ “秦汉魏晋南北朝【卷2】” «Цинь, Хань, Вэй, Цзинь, Южные и Северные династии [Т. 2]»

⁷²⁸ 第三章 “魏晋南北朝文学”

⁷²⁹ 第二节 “建安文学”

⁷³⁰ “汉末的时代特点”

⁷³¹ “过渡的作家曹操和孔融”

⁷³² “建安作家和曹氏兄弟”

⁷³³ “先秦至魏晋南北朝文学（上册）”

⁷³⁴ 第二节 “建安及魏末时期的骈文”

⁷³⁵ 第九章 “骈体文的发展”

Как мы отмечали ранее, китайские исследователи особенно сильны в работах комментаторского толка – возьмем, к примеру, «Стихотворения Цао Цзыцзяня с комментариями» Хуан Цзе 【曹子建诗注, 1957】, «Оценки и критика [творчества] Цао Чжи» Дин Яня 【曹植铨评, 1957】 и другие подобные работы, написанные позднее, – «Стихотворения Семи цзяньаньских мужей с комментариями» Юй Сяньхао 【建安七子诗笺注, 1988】, «Сборник стихотворений Семи *цзяньаньских* мужей с комментариями и переводами» Хань Гэпина 【建安七子诗文集校注译析, 1991】, «Собрание сочинений Семи *цзяньаньских* мужей со сверкой и комментариями» У Юня 【建安七子集校注, 2005】.

Среди этих работ одна из самых информативных – «Стихотворения Семи цзяньаньских мужей с комментариями» Юй Сяньхао 【建安七子诗笺注, 1988】. Структура работы (по крайней мере, в тех ее частях, которые имеют отношение к нашему исследованию) выстроена, на наш взгляд, очень грамотно: в разделе, посвященном Цао Чжи, приводятся биографический очерк [郁贤皓 Юй Сяньхао, 1988, С. 223–229], рассматриваются стихотворения, однако описательно, в форме некоего пересказа, не аналитически [Там же, С. 224–226], упоминаются стихотворения 赠答诗篇 *цзэнда шипянь* (послания-*цзэн*, предполагающие ответ, или же серия посланий с ответами на них) Цао Чжи [Там же, С. 225]. Предметно (насколько это возможно в рамках рассмотрения-описания, рассмотрения-пересказа) рассматривается стихотворение 赠白马王彪 *Цзэн Бома ван Бяо* «Посвящаю Бяо, вану удела Бома», при этом также излагаются обстоятельства жизни поэта, предшествовавшие написанию стихотворения, и описываются эмоции, настроения, интонации, пронизывающие произведение, [Там же, С. 225–226]. Далее речь заходит о цикле 杂诗 *Цзаши* «Шесть стихотворений о разном» (нами было переведено и проанализировано первое стихотворение цикла) [Там же, С. 226–227]; исследователь рассуждает, главным образом, об эмоциях, но говорит и о приеме, доминирующем, по его мнению, в цикле – 比兴 *бисин* (наиболее приближенно суть *би* и *син* отражают термины «сравнение», «метафора» и «аллюзия» соответственно; кроме того, *син* в китайской традиции – наводящий зачин). Юй Сяньхао рассматривает не только поэзию, но и о прозу *саньвэнь* Цао Чжи, и в качестве первого примера приводит «Письмо Ян Дэцзу» [Там же, С. 227]. Помимо «Письма Ян Дэцзу», из рассматриваемых нами произведений упоминаются также «Посылаю Сюй Ганю», «Мелодии *кунхоу*», «Посылаю Дин И». Затем следуют глава, посвященная Семи *цзяньаньским* мужам [Там же, С. 227], краткие очерки о жизни Ван Цаня [Там же, С. 230–231], Чэнь Линя [Там же, С. 231], Лю Чжэня [Там же, С. 232], Кун Жуна

[Там же, С. 232–233], а также буквально несколько строк, посвященных Жуань Юю, Сюй Ганю, Ин Чану [Там же, С. 233–234]. Кроме того, на других страницах отдельные стихотворения могут рассматриваться и более подробно; среди них находим также те, которые будут анализироваться и нами.

Стоит сказать пару слов и о сборнике «Оценки и критика [творчества] Цао Чжи» Дин Яня (1957). *Цзэн*, то есть послания, здесь отнесены к *ши* [丁晏 Дин Янь, 1957, С. 35–52], а вот *шу*, то есть письма, помещены отдельно (другие эпистолярные разновидности – *лунь*, *лин*, *бяо*, например, – тоже стоят отдельно).

В «Исследованиях по китайской литературе» 【中国文学研究（上册），1957】 – единственном труде, которым у нас представлена рубрика изысканий в области китайской литературы в целом, а не по отдельным периодам, – мы не найдем ничего ни по *Цзяньань*, ни по *цзэн*, ни по *шу*.

Теперь же обратимся к тем работам, которые по своему содержанию стоят обособленно. Приведем их также в соответствии с хронологическим принципом.

В «Новом собрании писем выдающихся людей Китая с древности до начала XX века» 【历代名家尺牍新钞，1992】 рассматриваются избранные *чиду* 尺牍, начиная от Цинь, Хань и заканчивая концом Цин. Авторы оговаривают, что теперь *чиду* часто именуют *шусинь* 书信 (оба китайских термина – разные варианты обозначения письма; большинство исследователей сходятся в том, что применительно к рассматриваемому нами периоду эти термины синонимичны); *чиду/шусинь* они называют *вэньти* 文体 (термином *вэньти* может обозначаться как жанр, так и стиль; здесь, скорее всего, имеется в виду жанр) [贾植芳、李东 Цзя Чжифан, Ли Дун, 1992, С. 1]. Ссылаясь на *Вэньсинь дяолун. Шуцзи*, авторы утверждают, что первые *шусинь* появились в период *Чуньцю*, однако развитие получили только с наступлением *Чжаньго*, когда они стали средством распространения информации и обмена ею; в период *Чжаньго* расширился и тематический диапазон *шусинь*: теперь он охватывал вопросы не только государственного значения, но и личного характера. Наиболее известные авторы писем того времени – Лэ И 乐毅, Лу Чжунлянь 鲁仲连, Фань Ли 范蠡, Синь Цин 荀卿. В эпоху Западная Хань, когда бумага стала широко использоваться как писчий материал, *шусинь*, т.е. письма, начали писать и отправлять все чаще и чаще. Известные авторы *шусинь* этого периода – Цзоу Ян 邹阳, Му Чэн 牧乘, Сыма Сянжу 司马

相如, Сыма Цянь 司马迁, Ян Хуэй 杨悔. Авторы подчеркивают, что периоды Вэй, Цзинь, *Наньбэйчао* (Южных и Северных династий) стали переломными в становлении китайского [художественного] письма: *шусинь* и в плане выражения, и в плане содержания, и по стилю вступили в новый этап развития – в письмах стали обсуждаться военные дела, личная жизнь, вопросы повседневного общения, назначения на посты, дружеские пирушки, бытовые мелочи и т.п. – все эти темы вошли в письма, в *шусинь*. Постепенно письма превратились в отдельную, самостоятельную «литературную форму» (文字样式) и со временем за ними стали признавать не только их утилитарно-практическое значение, но и художественную ценность – отдельные письма стали считаться «произведениями искусства» [Там же, С. 1–3].

В книге по одному приводятся письма *шу* Чэнь Линя [Там же, С. 56–59], Цао Пи [Там же, С. 60–62], Цао Чжи [Там же, С. 67–70] с комментариями (мы сейчас назвали только тех литераторов, творчество которых исследуем и мы на страницах нашей диссертации).

Вкратце рассказывается о самих литераторах, об обстоятельствах, предшествовавших написанию писем, также письмам дается общая описательная характеристика – по такой схеме здесь представлены все письма (текст, комментарии, оценка).

В конце предисловия автор подчеркивает, что подборка писем, предложенная им, субъективна и основывается на его собственных, также субъективных, оценках [Там же, С. 4].

Коротко заметим: о признании китайцами существования риторики в Древнем Китае свидетельствует сам факт опубликования книги «Образцы риторического искусства в Древности» 【古代辩术精粹, 1995】 в двух томах.

Едва ли не единственной в своем роде является монография Чжао Шугуна «История китайской эпистолярной литературы» 【中国尺度文学史, 1999】. Стоит сразу отметить, что, хотя в названии значится термин *чиду*, *чиду* 尺度, *шу* 书, *шусинь* 书信, *шучжа* 书札 синонимичны [赵树功 Чжао Шугун, 1999, С. 1]. В первой части работы дается краткий обзор письма [Там же, С. 1–84]: говорится об изменчивости, текучести письма как формы, о трансформации письма [Там же, С. 2–13], об особенностях эпистолярной литературы [Там же, С. 14–40] (среди них – прикладной характер письма, а также легкое преодоление границы между утилитарностью и эстетичностью), об изъяснах китайской эпистолярной литературы [Там же, С. 41–64] (по мнению автора, любовные письма, вернее их

фактическое отсутствие, являют собой очевидный пробел), об издании писем [Там же, С. 65–84] (например, рассматриваются ранние эпистолярные сборники, которые появляются не раньше Северной Сун). Вторая часть – «От оформления переписки частного характера до ее первого периода расцвета»⁷³⁶ [Там же, С. 85–169], где рассказывается о «величественном ханьском стиле» (泱泱汉风 *янъян ханьфэн*; 泱泱 дословно – «безбрежный; бескрайний») и об усилении черт авторской индивидуальности в письмах ханьской эпохи [Там же, С. 86–107], о переходе в конце Хань от простого и скромного стиля к пестрому и цветастому, о становлении «самосознания» (自觉) стиля [Там же, С. 108–127] и т. д., – мы отметили то, что подпадает под временные рамки нашего исследования.

Рассуждая об эволюции письма, автор рассматривает возможные варианты его происхождения. Чжао Шугун отмечает: многие на основании записей Лю Се делают вывод о том, что письмо возникло именно в период *Чуньцю*, хотя этому нет подтверждений. Письма периода *Чуньцю* представляют собой зафиксированные в письменной форме переговоры между царствами; фактически письмо периода *Чуньцю* – это разговор. Изменения произошли уже в период *Чжаньго*, когда авторы стали выражать в письмах свои мысли и чувства, когда письмо из официального документа 公文 постепенно стало превращаться в сообщение личного характера 私文, а его художественность, «литературность» стали усиливаться. Хотя происхождение письма сегодня проследить весьма трудно, мы можем утверждать, что письмо в современном смысле этого слова – как средство письменного общения между частными лицами – возникло в период *Чжаньго*, а широко распространилось уже после Цинь. Письмо, спустившись с публичного уровня до частного, затем претерпело еще одну трансформацию – перешло из исключительно аристократической среды в народную, даже простонародную; этот переход был достаточно длительным, для него требовалось 2 условия – грамотность и доступность писчих материалов. И начался этот переход уже в эпоху Восточная Хань [Там же, С. 3].

В письме утилитарность и эстетичность соединяются воедино – это ключевая особенность письма. Причем со временем намечается больший крен именно в сторону эстетичности, собственно художественности. Письмо постепенно стало превращаться в произведение литературы, чему способствовало и расстояние, разделявшее двух эпистолярных визави [Там же, С. 21–22].

⁷³⁶ 第二章 “从尺牍私人化的完成到第一个高峰”

Впервые на письмо как на жанр указал Цао Пи в *Вэньсинь Дяолунь*. Затем письмо выделил Лю Се, посвятив ему отдельную (25-ую) главу в *Вэньсинь Дяолун – Шуцзи* 书记 («Письмо») [Там же, С. 36].⁷³⁷

Говоря о письме, Чжао Шугун имплицитно признает существование риторики в Древнем Китае: повествовательная литература (叙事文学 *сюйши вэньсюэ*), повествовательное искусство (叙述艺术 *сюйшу шу*) в Китае всегда отставали в своем развитии от лирики (抒情 *шуцин*), критики (критической, полемической прозы) (议论 *илунь*) [Там же, С. 63]. По его мнению, письмо тяготеет, скорее, к лирической прозе, нежели чем к повествовательной [Там же].

Действительно, в Китае художественная повествовательная проза несколько запаздывала в своем развитии относительно поэзии, исторической, философской, риторической прозы (впрочем, последняя не отделялась от исторической и философской, придавая им риторический характер)⁷³⁸.

Применительно к «самосознанию» литератора и литературного стиля (文人与文体的“自觉”); обобщенно можно квалифицировать это явление как осознание литераторами самости литературы) автор упоминает и *Цзяньань фэнгу* – явственнее всего этот стиль, по его словам, проявился в поэзии *ши* 诗, также он заметен в письмах *чиду* 尺牍 [Там же, С. 108]. Однако он даже не назвал всех Мужей поименно; привел отдельные письма, но анализа как такового не представил.

На тему *Цзяньань фэнгу* была написана отдельная работа – «Ветер и кости [периода] *Цзяньань*» 【建安风骨, 2004】. Однако единственное в данной работе, что может быть для нас актуально, – рассмотрение стихотворного послания «Посылаю братьям» Лю Чжэня [李宗为 Ли Цзунвэй, 2004, С. 222–226]. Ни о *шу*, ни о *цзэн* речь не заходит; аналитики здесь тоже нет.

Однако о них – и о *шу*, и о *цзэн* – говорится в статье 杨霞 Ян Ся «Постижение одиночества и беседы о литературных сочинениях ученых мужей конца Хань начала Вэй – на примере *дайяньши* (стихотворений, написанных от третьего лица), *цзэндаши* (серий стихотворений-посланий, предполагающих отправку послания и получения ответа на него), *шусиньвэнь* (эпистолярных текстов)» 【汉末魏初士人的孤独体认与文学诉说——以代言诗、

⁷³⁷ В том числе – лекции И.И. Семененко по китайской литературе.

⁷³⁸ Лекции И.И. Семененко по китайской литературе.

赠答诗、书信文为中心，2014】.

Итак, мы рассмотрели доступные нам работы китайских исследователей, сгруппировав их по рубрикам и выстроив их хронологически. Подход китайских литературоведов несколько отличается от исследовательских установок российских и западных синологов. Однако подчеркнем, что подходы эти стоит не сравнивать, а сочетать – на наш взгляд, их синтез непременно поспособствует созреванию плодов исследовательской мысли.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛИТЕРАТОРОВ

Жизненный и творческий путь Цинь Цзя

«Цинь Цзя, второе имя [*цзы*] которого – Шихуэй, был выходцем из [округа] Лунси (находился на территории нынешней провинции Ганьсу – *Н.С.*). Во времена [правления] Хуаньди (Хуаньди – посмертное имя одиннадцатого восточноханьского императора Лю Чжи 刘志; годы правления: 146–168 гг. – *Н.С.*) служил в [своем] округе; в качестве *шанцзюаня*⁷³⁹ (*шанцзюань* в эпоху Хань – чиновник, который представлял расчеты ко двору; досл. *шанцзюань* – помощник, подающий расчеты, – *Н.С.*) прибыл в Ло (т.е. в столицу, в Лоян 洛阳 – *Н.С.*), был назначен [на пост] *хуанмэньлана* (в эпоху Хань *хуанмэньлан* – дополнительный почетный титул, присуждаемый чиновникам, которых считали достойными быть приближенными к императору; досл. – господа, стражники желтых врат – *Н.С.*), заболел и умер в *тине* (самый общий перевод – месте для ночлега – *Н.С.*) волости Цзинь (на территории сегодняшнего уезда Цзянлин 江陵 провинции Хубэй – *Н.С.*). [Примечание: *Шучао* (т.е. «Собрание книг»; это сокращенное название самого раннего из сохранившихся литературного справочника; полное название – *Бэйтан Шучао*, т.е. «Собрание книг из северного зала»; был составлен в эпоху Тан; составитель – Юй Шипань – *Н.С.*) 136 дает ссылку на *Цинь Шихуэй юй фу шу* «Письмо от Цинь Шихуэя к жене», *цзы* Цинь Цзя – Шихуэй, только это и содержится (досл. – видно – *Н.С.*)».

[*Цюань Хоу Хань вэнь* Полное [собрание] прозы Восточной Хань, *цюань* 66]

嘉, 秦字士会, 陇西人。桓帝时, 仕郡, 举上许掾入洛, 除黄门郎。病卒于津乡亭。案“书钞”一百三十六引秦士会与妇书, 秦嘉字士会, 止此一见。

[全后汉文, 卷六十六]

Женой Цинь Цзя была Сюй Шу, о жизни которой нам также известно крайне мало:

«Шу, родом из Лунси, жена *хуанмэньлана* Цинь Цзя. Сохранился один *цзюань* [ее сочинений].

[Там же, *цзюань* 96]

⁷³⁹ Здесь и далее, а также в самой Диссертации, переводя наименования должностей, мы опирались на следующее издание: [Hucker, 1985].

淑，陇西人，黄门郎秦嘉妻。有集一卷。

[全后汉文，卷九十六]

Как можно заключить на основе этой краткой характеристики, Сюй Шу была литератором.

В *Юминлу* (*Юминлу*, «Записи о тьме и свете», – прозаический сборник, прозаическая антология из 30 *цзюаней*, составленная Лю Ицином 刘义庆, годы жизни: 403–444 гг., – *Н.С.*) содержится следующая запись:

«Цзы Цинь Цзя из Лунси – Шихуэй, [он был] даровитым мужем. [Его] супруга Сюй Шу тоже снискала славу талантом и красотой. Цзя, состоявший на службе, отправился в Ло[ян], Шу [же] вернулась в родной (т.е. отчий – *Н.С.*) дом. Отдыхала днем, по лицу [ее] текли слезы...»

[Цит. по: *Тайтин Юйлань, цзюань 400, Жэньши бу 41*]

《幽明录》曰：

《。 。 。 》

又曰：陇西秦嘉字士会，俊秀之士。妇曰徐淑，亦以才美流誉。桓帝时，嘉为曹掾赴洛，淑归宁於家。昼卧，流涕覆面。 。 。

[太平御览，卷四百，人事部四十一]

Действительно, в историю китайской литературы Цинь Цзя и Сюй Шу вошли как горячо любившие друг друга супруги, вынужденные жить в разлуке:

«Участь (*досл.* – дела – *Н.С.*) супругов – ханьского *шанци* Цинь Цзя [и] жены Цзя Сюй Шу – была печальной, их сочинения (*досл.* – тексты – *Н.С.*) тоже [были написаны] с горечью. Писали пятисловные стихотворения (в том числе – *Н.С.*), [в то время те, кто писали пятисловные стихи] не превышали [числом] нескольких человек, а жена (т.е. Сюй Шу – *Н.С.*) [и муж] [уже] были двумя [людьми из числа тех, кто их сочинял]. Произведения Сюй Шу, посвященные разлуке, хуже, чем *Туаньшань* («Круглый веер» – *Н.С.*; авторства Бань Цзюй 班婕妤 (48 г. до н.э.–2 г. н.э.), поэтессы эпохи Западная Хань – *Н.С.*)».

[*Шипинь, цзюань чжун*]

汉上计秦嘉，嘉妻徐淑诗，夫妻事既可伤，文亦凄怨。为五言者，不过数家，而妇人居二。徐淑叙别之作，亚於《团扇》矣。

[诗品，卷中]

Некоторые обстоятельства жизни супругов мы знаем как раз из их переписки –

1. из писем Цинь Цзя к Сюй Шу: 与妻徐淑书 *Юй ци Сюй Шу шу* «Письмо к супруге Сюй Шу» и 重报妻书 *Чун бао ци шу* «Вновь извещаю супругу в письме» – например, в

«Полном [собрании] прозы трех династий глубокой древности, Цинь, Хань, Трех царств, Шести династий» Янь Кэцзюня (часть 11, *цзюань* 66), из *Ивэнь лэйцзюй* («Собрания произведений изящной словесности») Оуян Сюня (*цзюань* 32, *жэнь бу* 16);

2. из писем Сюй Шу к Цинь Цзя: 答夫秦嘉书 *Да фу Цинь Цзя шу* «Отвечаю супругу Цинь Цзя в письме», 又报嘉书 *Ю бао Цзя шу* «Опять извещаю Цзя в письме» – например, в «Полном [собрании] прозы...» Янь Кэцзюня (часть 13, *цзюань* 96), из *Ивэнь лэйцзюй* (*цзюань* 32, *жэнь бу* 16);

3. из стихотворений Цинь Цзя к Сюй Шу: 赠妇诗 *Цзэн фу ши* «Посылаю супруге» (1 стихотворение), 赠妇诗 *Цзэн фу ши* «Посылаю супруге» (3 стихотворения) – например, в «[Собрании] стихотворений доциньского периода, Хань, Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий» Лу Циньли (*Хань ши, цзюань* 6), из *Юйтай синьюн*, т.е. поэтической антологии периода Южных династий «Новые напевы нефритовой Башни» (*цзюань* 9, 1 соответственно); 答妇诗 *Да фу ши* «Отвечаю супруге» – в «[Собрании] стихотворений...» Лу Циньли (*Хань ши, цзюань* 6), из *Чжао мин Вэньсюань* (*цзюань* 23);

4. и из стихотворения Сюй Шу к Цинь Цзя: 答秦嘉诗 *Да Цинь Цзя ши* «Отвечаю Цинь Цзя в стихотворении» – в «[Собрании] ши...» Лу Циньли (*Хань ши, цзюань* 6), из *Юйтай синьюн*, (*цзюань* 1).

В этих письмах и стихотворениях нашли свое отражение события и эмоции, связанные с разлукой двух супругов: когда для Цинь Цзя наступила пора отправляться по долгу службы в Лоян, Сюй Шу была не с ним – по причине болезни она в то время находилась в другом месте, в родительском доме, и не могла с ним проститься, что крайне опечалило их обоих. Цинь Цзя и Сюй Шу не суждено было свидеться вновь, что они, вероятно, предчувствовали – вся их переписка проникнута тоской и горечью.

Известно, что, получив известие о смерти Цинь Цзя, братья Сюй Шу уговаривали ее повторно выйти замуж, на что она им дала категорический отказ в 为誓书与兄弟 *Вэй ши шу юй сунди* «Давая клятву, пишу братьям» – в «Полном [собрании] прозы...» Янь Кэцзюня (часть 13, *цзюань* 96), из *Ивэнь лэйцзюй* (*цзюань* 32, *жэнь бу* 16).

Также известно, что Сюй Шу после смерти Цинь Цзя «изуродовала [свою] внешность, [чтобы больше] не выходить замуж, скорбела [по нему], нанося вред [своему] здоровью».

[*Шитун, нэй пянь, цзюань* 8]

毀形不嫁哀慟傷生

[史通, 内编, 卷八]

Ей и детям приходилось нелегко:

«Ханьский Цинь Цзя рано умер, его Сюй Шу [была вынуждена] просить милостыню, чтобы прокормить себя. После смерти Шу еще были живы [ее] сыновья. Дворцовые интеллектуалы переселили их [в другую] деревню, записали [их как] детей, которых воспитывала Сюй и [поручили им] продолжать приносить жертвы роду Цинь».

[Тундянь, Лидянь 69].

漢代秦嘉早亡，其妻徐淑乞子而養之。淑亡後，子還所生。朝廷通儒移其鄉邑，錄淑所養子，還繼秦氏之祀。

[通典，礼典 第六十九]

Творчество Цинь Цзя и Сюй Шу, в котором нашли отражение их любовь и преданность друг другу, впоследствии стало примером для подражания:

«Примечание Цзяси: ...“[Если] сегодня посмотрим на переписку супругов, [которые] жили давным-давно, [то мы] обратим внимание (досл. – покром – *Н.С.*) на подражания Цинь Цзя, Сюй Шу; [их] литературный талант очевиден, жаль, что [в наши дни] сохранились лишь искаженные *пяни* (т.е. единицы произведений – *Н.С.*) и оборванные фразы, нет возможности подсмотреть их тонкие и изящные, горькие и скорбные идеи”».

[Шишосиньюй, Цинди 26, комментарий 3]

嘉錫案：。。。今觀世遠夫婦往復書，蓋上擬秦嘉、徐淑，文采必有可觀，惜乎僅存殘篇斷句，無以窺其清婉辛切之旨矣。

[世說新語箋疏，輕詆第二十六，箋疏（三）]

До наших дней дошло 6 стихотворных произведений (помимо пяти упомянутых, сохранилось еще *Шухуньши* 述婚诗), 2 прозаических (в данном случае – письма) Цинь Цзя, 1 стихотворное произведение, 3 прозаических Сюй Шу. Все эти произведения, даже письмо Сюй Шу братьям, так или иначе посвящены супругами друг другу.

О Семи цзяньаньских мужах

О положении литературы на закате Хань, о литературных способностях Цао Цао, Цао Пи и Цао Чжи, а также о том, как вокруг них стали собираться Семеро мужей, известно следующее:

«С тех пор, как Сяньди [был вынужден] скитаться (имеется в виду то, что сначала Дун Чжо 董卓 вынудил Сяньди перебраться из Лояна 洛阳 в Чанъань 长安, а затем Цао Цао принудил его переселиться в Сюйчан; иными словами – в период смуты, которая пришлась на годы правления ханьского Сяньди, – *Н.С.*), литераторы (досл. – литература – *Н.С.*) [тоже] кружились [на ветру], [подобно] мелколепестнику (т.е. литература не могла обрести себе

пристанища – *Н.С.*); только к концу [периода] *Цзяньань* [на просторах] Поднебесной [воцарился] мир. Вэй У[ди] (Цао Цао – *Н.С.*), почитаемый как [чэн]сян (канцлер – *Н.С.*) и [Вэйский] ван (государь, правитель – *Н.С.*), очень любил *ши* и *чжаны* (т.е. поэмы и стихотворные сочинения – *Н.С.*); [Вэй] Вэньди (Цао Пи – *Н.С.*), уважаемый как наследник престола, был чрезвычайно искусен в [написании] *цы* и *фу* (*цы* и *фу* – строфы и оды – *Н.С.*); Чэнь Сы (Цао Чжи – *Н.С.*), [обладавшему] могуществом принца (*досл.* – сына *гуна* – *Н.С.*), [стоило лишь] опустить кисть, [как из-под нее сразу выходили] превосходные яшмы. [Все они] вместе ценили таланты, поэтому выдающиеся люди [собирались вокруг них], [словно] облака (т.е. в великом множестве – *Н.С.*): Чжунсюань (Ван Цань – *Н.С.*) склонился в поклоне в Ханьнэ (в землях к югу от реки Ханьшуй, т.е. левого притока реки Янцзы, – *Н.С.*) (т.е., прибыв из Цзинчжоу, присягнул на верность – *Н.С.*), Кунчжан (Чэнь Линь – *Н.С.*) изъявил свою покорность в Хэбэе (в землях к северу от реки Хуанхэ – *Н.С.*) (т.е. подчинил себя воле государя, прибыв из Цзичжоу, – *Н.С.*), Вэйчжан (Сюй Гань – *Н.С.*) стал служить в Цинту (в «Зеленых землях», в Цинчжоу – *Н.С.*) (т.е., приехав из Бэйхая, стал чиновником – *Н.С.*), Гунгань (Лю Чжэнь – *Н.С.*) выказал [свое] повиновение в Хайюэ (на сухом морском берегу – *Н.С.*) (т.е. приехав из Дунпина, покорился – *Н.С.*); Дэлянь (Ин Чан – *Н.С.*) обобщал свои отточенные и верные мысли, Юань Юй (Жуань Юй – *Н.С.*) [находил] радость в беспечности, непринужденности (своего творчества – *Н.С.*). [*Вэньсинь дяолун, Шисюй 45*]

四

自献帝播迁，文学蓬转；建安之末，区宇方辑。魏武以相王之尊，雅爱诗章；文帝以副君之重，妙善辞赋；陈思以公子之豪，下笔琳琅。并体貌英逸，故俊才云蒸：仲宣委质于汉南，孔璋归命于河北；伟长从宦于青土，公幹徇质于海隅；德珪综其斐然之思，元瑜展其翩翩之乐；。。。

[文心雕龙，时序 四五]

Многие Мужичи не только находились на службе при Цао Цао, но и становились верными друзьями его сыновей:

«Вначале, когда Вэньди (Вэй Вэньди / Вэйский Вэньди / Цао Пи – *Н.С.*) был *угуань-цзяном* (*угуань-чжунланцзяном*, т.е. начальником охраны императорского дворца, – *Н.С.*), [он] вместе с Пинъюань хоу Чжи (Цао Чжи – *Н.С.*) увлекался литературой. Цань (Ван Цань – *Н.С.*) и Сюй Гань из Бэйхая, по второму имени – Вэйчжан, Чэнь Линь из Гуанлина, по второму имени – Кунчжан, Жуань Юй из Чэньлю, по второму имени – Юань Юй, Ин Чан из Жунаня, по второму имени – Дэлянь, Лю Чжэнь из Дунпина, по второму имени – Гунгань, все [они] вместе [с братьями Цао] были добрыми друзьями». [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

始文帝为五官将，及平原侯植皆好文学。粲与北海徐幹字伟长、广陵陈琳字孔璋、陈留阮瑀字元瑜、汝南应玚字德琰、【玚，音徒哽反，一音畅。】东平刘楨字公幹并见友善。
[三国志，魏书，卷二十一]

По мнению Цао Пи, , изложенному им в трактате *Дяньлунь*, разделе *Луньвэнь*, Мужичи в чем не уступали друг другу:

«Нынешние “люди изящного слова”, литераторы – это Кун Жун из царства Лу по прозвищу Вэнь-цзюй – “Подъявший изящное слово”; Чэнь Линь из Гуанлина по прозвищу Кун-чжан – “Конфуциев жезл”; Ван Цань из Шаньяна по прозвищу Чжунсюань – “Ставший вторым”; Сюй Гань с Северного приморья по прозвищу Вэй-чжан – “Великий начальствующий”; Юань Юй (Жуань Юй – *Н.С.*) из Чэньлю по прозвищу Юань-юй – “Изначальное сокровище”; Ин Дан (Ин Чан – *Н.С.*) из Жунани по прозвищу Дэ-лянь – “Ожерелье добродетелей”; Лю Чжэнь из Дунпина по прозвищу Гун-гань – “Общее дело”. У этих семи мужей в учености не было пробелов, в словах не было фальши. Все они мчались вровень, нога в ногу, запрокинув головы, словно [несравненные рысаки Ци] Ци и Лу [Эр], пробежавшие по тысяче верст – тут весьма трудно друг друга почитать!» [Лисевич, 1996, С. 40]⁷⁴⁰

斯七子者，于学无所遗，于辞无所假，咸以自骋骥馱于千里，仰齐足而并驰。以此相服，亦良难矣。[典论论文]

Цао Чжи, более чувствительный, нежели его рассудочный и рассудительный старший брат, отмечает, что препоручение Мужами себя покровительству Цао Цао не пошло на пользу раскрытию их талантов:

«Когда-то Чжунсюань не знал себе равных [в местности] к югу от [реки] Хань, Кунчжан парил, подобно орлу, над землями к северу от [реки] Хэ, Вэйчжан в *Цинту* снискал известность, Гунгань в Приморье славу приобрел, Дэлянь в великом [царстве] Вэй удостоился почета, [а] перед Вами благоговели в *Шанцзине*. В то время многие [из них] убеждали, что завладели жемчужиной божественного змея, каждый [из них] уверял, что заполучил яшму с горы Цзиншань. Потому-то наш государь и расставил свои небесные сети – опутать их, растянул свои восемь нитей – связать их, и теперь [он] собрал [их всех] в своем царстве. Однако мужи эти так и не сумели вновь подняться ввысь, не смогли вновь оторваться от земли, [и] не пустились [они] [в дальние странствия] за тысячи ли». [Цао Чжи. «Письмо Ян Дэцзю». Подробнее см. в нашем анализе]⁷⁴¹

⁷⁴⁰ Также см. перевод В.М. Алексеева: [Труды по китайской литературе, 2002, С. 381–382]. Перевод И.С. Лисевича, на наш взгляд, несколько более точный.

⁷⁴¹ Ранее это письмо перевел И.С. Лисевич: [Лисевич, 1996, С. 55–60].

Творчество братьев Цао и Семи *цзяньаньских* мужей имело общие характерные черты:

«К началу [периода] *Цзяньань* пятисловная [поэзия] была на подъеме. Вэньди (Цао Пи – *Н.С.*), Чэнь Сы (Цао Чжи – *Н.С.*) отпустили поводья, чтобы поскакать во весь опор; Ван (Ван Цань – *Н.С.*), Сюй (Сюй Гань – *Н.С.*), Ин (Ин Чан – *Н.С.*), Лю (Лю Чжэнь – *Н.С.*), устремив взоры на дорогу, наперебой помчались [вперед]. Бок о бок друг с другом любовались [они] [дивными] пейзажами, собирались [у] водоемов и пастбищ, [в своих стихотворениях] восхваляли милости и славу [правлящего дома], воспевали веселые [дружеские] пирушки; были пылки [в речах], поддаваясь порыву, [изъяснялись] открыто и прямо, проявляя [свой] талант. Изливая душу, повествуя о событиях, [они] не гнались [за тем, чтобы проявить свое] тонкое мастерство; изгоняя украшенные слова и внешнее, стремились лишь к ясности. Это – их общая особенность». [*Вэньсинь дяолун, Минши 9*]

(四)

暨建安之初，五言腾踊。文帝、陈思，纵辔以骋节；王、徐、应、刘，望路而争驱。并怜风月，狎池苑，述恩荣，叙酣宴；慷慨以任气，磊落以使才。造怀指事，不求纤密之巧；驱辞逐貌，唯取昭晰之能。此其所同也。

[*文心雕龙，明诗 六*]

Жизненный и творческий путь Цао Чжи

Цао Чжи родился в 192 г. (в *Саньгочжи* говорится, что он умер на шестой год *Тайхэ*, т.е. в 232 г., и на тот момент ему был 41 год, – см. далее) в браке между Цао Цао и его второй женой из рода Бянь:

«У У Хуанди (т.е. Вэйского Уди, т.е. Цао Цао, – *Н.С.*) было 25 сыновей: Бянь Хуанхоу (т.е. императрица Бянь, вторая жена Цао Цао, – *Н.С.*) родила Вэнь Хуанди (т.е. Вэйского Вэньди, т.е. Цао Пи, – *Н.С.*), Жэньчэн Вэйвана Чжана (Цао Чжана – *Н.С.*; Жэньчэн – географическое название, Вэй – посмертное имя – *Н.С.*), Чэнь Сывана Чжи (Цао Чжи – *Н.С.*; Чэнь – географическое название, Сы – посмертное имя – *Н.С.*), Сяо Хуайвана Сюна (Цао Сюна – *Н.С.*; Сяо – географическое название, Хуай – посмертное имя – *Н.С.*), супруга Лю родила...»

[*Саногочжи, Вэйшу, цзюань 20*]

武皇帝二十五男：卞皇后生文皇帝、任城威王彰、陈思王植、萧怀王熊，刘夫人生。。。。

[*三国志，魏书，卷 20*]

При этом именно Цао Чжи был любимым сыном своей матери:

«В *Вэйшу* говорится: “Дуньэ ван Чжи [был] младшим сыном *тайхоу* (матери (будущего) императора – *Н.С.*), его [она] любила больше всех...”».

Нам неизвестно, почему именно Цао Чжи, а не Цао Сюн здесь назван младшим сыном.

[Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 5*]

【魏书曰：。。。东阿王植，太后少子，最爱之。。。】

[三国志，魏书，卷 5]

До поры до времени сам Цао Цао видел своим наследником именно его, пусть публично и не объявлял об этом:

«Поначалу *тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*) долго не объявлял (*досл.* – не назначал – *Н.С.*) *тайцзы* (наследника, наследного принца – *Н.С.*), однако глубоко внутри (*досл.* – искренне – *Н.С.*) души не чаял в Линьцзы хоу (Цао Чжи – *Н.С.*)».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 22*]

初，太祖久不立太子，而方奇贵临淄侯。

[三国志，魏书，卷 22]

Однако в итоге характер Цао Чжи сыграл с ним злую шутку – его горячность и непослушание стали причиной немилости, в которую он впал и которая послужила началом всех его дальнейших бед:

«Чэнь Сы [обладал] превосходным литературным талантом, достаточным для того, чтобы самому установить связь с последующими эпохами, однако [он] не умел быть предупредительным, дальновидным и настороженным, [что] в итоге [его] привело к немилости».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19*]

陈思文才富艳，足以自通后叶，然不能克让远防，终致携隙。

[三国志，魏书，卷 19]

Итак, Цао Чжи – он же Цзыцзянь – он же Чэнь Сыван – с детства проявлял способности, склонность и тягу к литературному творчеству:

«Второе имя [*цзы*] Чэнь Сывана (Чэньского вана, посмертное имя которого – Сы, – *Н.С.*) – Цзыцзянь. В возрасте десяти с лишним лет [уже] декламировал *Ши[цзин]*, *Лунь[юй]*, а также *цы* и *фу*, насчитывающие сотни тысяч слов, [уже] был искусен в написании [литературных] произведений».

[Там же]

陈思王植字子建。年十岁馀，诵读诗、论及辞赋数十万言，善属文。

Уже в юном возрасте он добивался столь поразительных успехов на этом поприще, что даже Цао Цао, его отцу, не верилось, что свои произведения Цао Чжи создавал самостоятельно:

«*Тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*), однажды увидев его сочинения, обратился к Чжи со словами: “Ты поручаешь другим [сочинять за тебя произведения]?” Чжи, опустившись на колени, сказал: “Произношу слова, и они становятся суждениями (*досл. – лунь – Н.С.*); опускаю кисть, [и написанное] складывается в [литературные] произведения (*досл. – чжан – Н.С.*); почтите своим присутствием экзамен, [так сами и убедитесь] – зачем же [мне] поручать другим [сочинять за меня произведения]?”»

[Там же]

太祖尝视其文，谓植曰：“汝倩人邪？”植跪曰：“言出为论，下笔成章，顾当面试，柰何倩人？”

Однако вскоре Цао Цао представилась возможность воочию убедиться в силе таланта сына:

«Тогда ечэнская (в городе Ечэн – *Н.С.*) Башня медного воробья была только построена, *тайцзу*, узнав [об этом], повелел всем сыновьям подняться на башню, приказал каждому [по этому поводу] написать оду. Чжи, взяв кисть, тут же сочинил [ее], [причем сделал это с] очевидной [легкостью], [чему] *тайцзу* был немало удивлен <...>».

[Там же]

时邺铜爵台新城，太祖悉将诸子登台，使各为赋。植援笔立成，可观，太祖甚异之。

При этом Цао Чжи, наделенный незаурядными способностями и пользующийся огромной любовью и уважением отца, не был с людьми ни заносчив, ни высокомерен; также он был невероятно находчив – в частности, не раз выручал отца из неловких ситуаций:

«Цао Чжи обладал простым и легким характером, не стремился демонстрировать [окружающим свой] величественный вид. Украшения на [его] повозках и лошадях [отнюдь] не отличались пышностью и великолепием. Всякий раз, когда видел, что [Цао Цао] затруднялся [с ответом] на вопрос, тотчас [сам давал на него] верный [ответ], за что пользовался особым обожанием [отца]».

[Там же]

性简易，不治威仪。舆马服饰，不尚华丽。每进见难问，应声而对，特见宠爱。

В возрасте 20 лет Цао Чжи получил свое первое назначение (по крайней мере, первое, зафиксированное в хрониках), приняв которое он вступил на стезю служилого человека, – за первым последовали и другие:

«На 16 г. *Цзяньань* (211 г. – *Н.С.*) был назначен Пинъюань *хоу* (удельным князем Пинъюаня – *Н.С.*). На 19 г. (214 г. – *Н.С.*) был перемещен на должность Линьцзы *хоу* (удельного князя Линьцзы – *Н.С.*). [Когда] *тайцзу* отправился в [карательный] поход на Сунь Цюаня (Сунь Цюань (182–252 гг.) – правитель царства У – *Н.С.*), [он] повелел Чжи остаться охранять [уезд] Е, произнеся [следующие] наставления: “[Когда] я в свое время был начальником Дуныцюя, мне было 23 года. [Когда] думаю о том, что тогда делал, не сожалею до сих пор. Ныне тебе тоже 23 года, как же можно не усердствовать [в своем деле]?!”».

[Там же]

建安十六年，封平原侯。十九年，徙封临菑侯。太祖征孙权，使植留守邺，戒之曰：“吾昔为顿邱令，年二十三。思此时所行，无悔於今。今汝年亦二十三矣，可不勉与！”

К этому времени вокруг Цао Чжи начал формироваться круг сторонников, члены которого желали, чтобы Цао Цао сделал своим наследником именно его; да и сам Цао Цао долго сомневался несмотря на то, что Цао Чжи не был первым в очереди престолонаследия:

«Чжи также и [своим талантом] заслужил [к себе] особое отношение; Дин И, Дин И (братья Дин; в двух случаях разные иероглифы для “И” – *Н.С.*), Ян Сю и другие были его [верными] соратниками. *Тайцзу* колебался, несколько раз [собирался] сделать [его своим] *тайцзы* (наследным принцем, наследником престола – *Н.С.*)».

[Там же]

植既以才见异，而丁仪、丁廙、杨脩等为之羽翼。太祖狐疑，几为太子者数矣。

Вокруг Цао Пи также стали собираться его сторонники:

«Тогда Вэньди (Цао Пи – *Н.С.*) был *угуань-цзяном* (т.е. *угуань-чжунланцзяном* – *Н.С.*), а слава Линьцзы *хоу* Чжи как талантливого [человека] гремела повсюду. У каждого [из них] были [свои] сторонники, [каждый из них] замыслил побороться за [титул] наследника».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 10*]

是时，文帝为五官将，而临淄侯植才名方盛，各有党与，有夺宗之议。

[*三国志, 魏书, 卷 10*]

Когда борьба за право называться наследным принцем перешла в решающую фазу, многим сановникам пришлось сделать свой выбор и сказать свое веское слово; Цао Цао сам, у кого-то явно, а у кого-то тайно, спрашивал советы, однако большинство сановников было против пренебрежения заветами предков и назначения младшего сына в обход старшего:

«[Вначале, когда] царство Вэй было только основано, [*тайцзу*] назначил Цуй Янь ((?–216 гг.), был сановником царства Вэй – *Н.С.*) *шаншю*. В это время еще не был объявлен *тайцзы* (наследник престола – *Н.С.*), Линьцзы хоу Чжи был талантлив и сердечен. *Тайцзу* колебался, распорядился в [своем] письме тайно разузнать [обо всем] на стороне. [Только лишь] один [Цуй] Янь, не запечатывая [своего] письма, ответил: “Я слышал, что принципы, [изложенные] в *Чуньцю*, [предписывают] назначать [своим] наследником старшего сына (*досл.* – руководствоваться старшинством при назначении сыновей – *Н.С.*), к тому же *ууань-цзян* (Цао Пи – *Н.С.*) [отличается] человеколюбием, сыновней почтительностью, умом и просвещенностью, [поэтому и] следует [ему] по праву унаследовать [престол]. Янь до [своей] смерти будет придерживаться этого”. Цао Чжи был зятем младшего брата Яня». [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань* 12]

魏国初建，拜尚书。时未立太子，临菑侯植有才而爱。太祖狐疑，以函令密访於外。唯琰露板答曰：“盖闻春秋之义，立子以长，加五官将仁孝聪明，宜承正统。琰以死守之。”植，琰之兄女婿也。

[*三国志, 魏书, 卷* 12]

Кстати, в этом же эпизоде содержится и упоминание об инциденте с женой Цао Чжи, которая из-за своего проступка (Цао Цао счел ее поведение вольным) была вынуждена расстаться с жизнью:

«[В *Шиюй* говорится: “Жена Чжи нарядилась в расшитые [узорами] одежды, *тайцзу*, поднявшись на башню, увидел это, за нарушение [ею] предписаний повелел отослать [ее] домой и позволить [ей] умереть”.]».

[Цит.по: Там же]

【世语曰：植妻衣绣，太祖登台见之，以违制命，还家赐死。】

«Вначале *тайцзы* еще не был утвержден, [однако] Линьцзы хоу Чжи [уже] пользовался благосклонностью, многие, включая Дин И, в один голос превозносили его достоинства. *Тайцзу* спросил у Юна (*цзячэна* Син Юна – того самого, о котором Лю Чжэнь писал в своем письме к Цао Чжи, – *Н.С.*), Юн ответил: “Младшим [сыном] заменять старшего [сына] – [против этого] предостерегали предки. Желал бы, чтобы Ваше Величество серьезно подумало об этом!”».

[Там же]

初，太子未定，而临菑侯植有宠，丁仪等并赞翼其美。太祖问颯，颯对曰：“以庶代宗，先世之戒也。愿殿下深重察之！”

«Многие, включая Дин И, были его (т.е. Цао Чжи – *Н.С.*) [верными] сторонниками, уговаривали [Вэй] Чжэня (Вэй Чжэнь 卫臻 служил *дачэнем* 大臣, т.е. великим министром,

– *Н.С.*) самого примкнуть [к сторонникам Цао Чжи], [однако] Чжэнь, руководствуясь великим принципом (т.е. чувством долга – *Н.С.*), отказал [им] в этом. Когда Вэньди занял место [наследника престола], Дунхай ван (т.е. ван, правящий в Дунхае, – *Н.С.*) Линь (т.е. Цао Линь, внук Цао Цао, сын Цао Пи, – *Н.С.*) пользовался благосклонностью, ди (Цао Пи – *Н.С.*) спросил у Чжэня (Вэй Чжэня – *Н.С.*): “[А] каков Пиньюань хоу (Цао Чжи – *Н.С.*)?” Чжэнь [лишь] сказал, что почитает добродетели и достоинства [Цао Пи], однако [о Цао Чжи] так [ничего и] не сказал».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 22*]

丁仪等为之羽翼，劝臻自结，臻以大义拒之。及文帝即位，东海王霖有宠，帝问臻：“平原侯何如？”臻称明德美而终不言。

[*三国志, 魏书, 卷 22*]

Укрепление позиций Цао Пи началось с того, что Сяньди лично пригласил его занять высокий пост в империи:

«Весной 1-го месяца 16-го года [*Цзяньань*] <...> Сын Неба (Ханьский Сяньди, правивший с 189 по 220 г., 24-й и последний император династии Хань, на 10-й месяц 220 г. был вынужден уступить трон Цао Пи – *Н.С.*) объявил наследника [Цао]гуна (т.е. наследника Цао Цао – *Н.С.*) Цао Пи *угуань-чжунланцзяном*, определил [ему штат] подчиненных, назначил [его] заместителем *чэнсяна* (т.е. заместителем главного советника, *чэнсян* в Хань – главный советник – *Н.С.*)».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 1*]

十六年春正月，天子命公世子丕为五官中郎将，置官属，为丞相副。

[*三国志, 魏书, 卷 1*]

И в итоге, как мы знаем, выбор Цао Цао пал на Цао Пи:

«В *Шиюй* говорится: “...Вначале Вэньди и Чэнь Сыван боролись за [титул] *тайцзы* (наследника престола – *Н.С.*), вскоре после этого Вэньди добился титула (*досл.* – назначения – *Н.С.*) ...”».

[Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 25*]

【*世语曰: . . . 初文帝与陈思王争为太子, 既而文帝得立. . .*】

[*三国志, 魏书, 卷 25*]

И далеко не последним фактором, повлиявшим на это решение, стала разгневанность Цао Цао на Цао Чжи, вызванная слушанием сына:

«Однако Чжи в [своих] поступках и действиях [имел обыкновение] давать волю своему нраву, не [имел привычки] выставлять себя в лучшем свете, не знал меры в употреблении алкоголя. Вэньди мастерски пользовался [всякого рода] уловками, держался

неестественно, стремясь выглядеть лучше, [чем был на самом деле], имел придворных в своих союзниках, [которые] [не упустили случая] замолвить за него словечко; поэтому в итоге [именно он] был назначен наследником. На 22-й год [Цзяньань] (в 217 г. – Н.С.) к [жалованным] владениям Цао Чжи добавилось пять тысяч дворов, что вкуче с уже имеющимися составило десять тысяч дворов. Чжи однажды, сидя в повозке, проехал по дороге, предназначенной [только] для императора, и проследовал через *Сымамэнь* (досл. – ворота военачальника – Н.С.). *Тайцзу* страшно разгневался, приговорил возничего к смертной казни. Вследствие этого [инцидента] ужесточились ограничения и запреты для *чжухоу* (всех владетельных князей – Н.С.), а любовь к Чжи с каждым днем шла на убыль. [В *Вэй у гуши* («Рассказах о военных делах царства Вэй» – Н.С.) содержится приказ, [который] гласит: “Зачинщик (досл. – тот, кто начинает, – Н.С.) – Цзыцзянь; будучи мальчишкой, был больше всех горазд учинить беспорядок”. Также повелел: “С тех пор, как *Линьцзы хоу* Чжи тайно выехал [со двора], открыв *Сымамэнь*, [проехал через них и] достиг *Цзиньмэнь* (Золотых ворот – Н.С.), я иначе смотрю на этого сына (т.е. я пересмотрел свое отношение к нему – Н.С.)”. Также повелел: “*Чжухоу чжанши* (*чжанши* – главный писец, секретарь – Н.С.), а также *чжансяли* (*чжансяли* – мелкий (военный) чин при полководце – Н.С.) знают, позволял ли [я] *чжухоу* вести себя по собственному разумению, когда я выезжал. С тех пор, как Цзыцзянь тайно открыл *Сымамэнь* и проехал [через них], нет у меня больше доверия к *чжухоу*. Опасаюсь, что, как только уеду, так вновь [сможет] тайком выехать [через ворота], поэтому [впредь] не буду глаз спускать с *цзянсяна* (церемониймейстера – Н.С.). Более нельзя позволять себе сердцем прикипеть к кому бы то ни было!”]».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19*; об инциденте в *Сымамэнь* – также см. *Хоуханьшу, цзюань 54*]

而植任性而行，不自彫励，饮酒不节。文帝御之以术，矫情自饰，宫人左右，并为之说，故遂定为嗣。二十二年，增置邑五千，并前万户。植尝乘车行驰道中，开司马门出。太祖大怒，公车令坐死。由是重诸侯科禁，而植宠日衰。【魏武故事载令曰：“始者谓子建，儿中最可定大事。”又令曰：“自临菑侯植私出，开司马门至金门，令吾异目视此儿矣。”又令曰：“诸侯长史及帐下吏，知吾出辄将诸侯行意否？从子建私开司马门来，吾都不复信诸侯也。恐吾適出，便复私出，故摄将行。不可恒使吾【尔】以谁为心腹也！”】

[*三国志, 魏书, 卷 19*]

《续汉书》曰：“人有白修与临淄侯曹植饮醉共载，从司马门出，谤讪鄢陵侯章。太祖闻之大怒，故遂收杀之，时年四十五矣。”

[*后汉书, 卷五十四*]

Постепенно начали сгущаться тучи и над друзьями Цао Чжи. Сначала – над Ян Сю (он же – Ян Дэцзу):

«Тайцзу к этому времени [начинал] беспокоиться о переменах, которые все время происходили, – Ян Сю ((175–219 гг.), цзы Ян Сю – Дэцзу – Н.С.) был весьма одарен и смышлен, к тому же приходился племянником [Юань Шу 袁术] из рода Юань, поэтому [Цао Цао] [велел] казнить его по ложному обвинению. Чжи [от этого] стало на душе еще более беспокойно. [В Дяньлюэ говорится: “Ян Сю, по второму имени [цзы] – Дэцзу, был сыном тайвэя (тайвэй в эпоху Хань – командующий войсками, один из трех гунов – Н.С.) Бяо. <...> К тому же тогда Линьцзы хоу Чжи [уже] снискал государеву любовь и привязанность своей одаренностью и сметливостью; [когда] узнал о намерении отослать Сю, несколько раз писал Сю, [одно из] писем гласило: “Много дней не виделись [мы с Вами], [тем временем] [я] думал без устали о Вас, мечтал быть [рядом] с Вами... (см. «Письмо Ян Дэцзу» в нашем переводе – Н.С.)”.] (Ян Сю, он же – Ян Дэцзу, дал на это письмо свой ответ – Н.С.). <...> Они друг с другом поддерживали сношения (т.е. обменивались письмами – Н.С.), так было несколько раз. <...>. В Шиюй говорится: “Сю было 25 лет от роду, имел славу талантливого сына уважаемого господина, его ценил [сам] тайцзу, вместе с братьями Дин И желал, чтобы Чжи стал наследником престола. Тайцзы (Цао Пи – Н.С.) был недоволен им ...”.]».

[Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19]

太祖既慮终始之变，以杨脩颇有才策，而又袁氏之甥也，於是罪诛脩。植益内不自安。【典略曰：杨脩字德祖，太尉彪子也。《。》又是时临菑侯植以才捷爱幸，来意投脩，数与脩书，书曰：“数日不见，思子为劳；想同之也。”《。》其相往来，如此甚数。《。》世语曰：脩年二十五，以名公子有才能，为太祖所器，与丁仪兄弟，皆欲以植为嗣。太子患之。】

[三国志，魏书，卷 19]

В это время Цао Чжи вновь огорчил отца – по-видимому, именно в этот момент Цао Цао окончательно решил для себя, что не может положиться на Цао Чжи:

«На 24-й г. [Цзяньань] (т.е. в 219 г. – Н.С.) Цао Жэнь ((168–223 гг.) – известный полководец Цао Вэй периода Троецарствия, младший двоюродный брат Цао Цао – Н.С.) был окружен Гуань Юем ((?–220 гг.) – известный полководец царства Шу периода Троецарствия – Н.С.). Тайцзу назначил Чжи [на пост] южного чжунланицзяна (на закате Хань было 4 чжунланицзяна, которые водили войска в походы, – восточный, западный, южный и северный; Цао Чжи был назначен южным – Н.С.; в Хоуханьшу, Чжи, т.е. анналах, 25, говорится: «Ань (примечание – Н.С.): “В конце Хань к тому же было 4 чжунланицзяна, все

[они] водили войска в [карательные] походы, [однако] неизвестно, когда [эти должности] были введены. Дун Чжо был восточным *чжунланцзяном*, Лу Чжи – северным *чжунланцзяном*, Сяньди назначил Цао Чжи южным *чжунланцзяном*»), [поручил] исполнять [обязанности] *чжэнлюй цзянцзюня* (*досл.* – генерала, выступающего в поход и захватывающего в плен, – *Н.С.*). [Цао Цао] хотел послать [его] на помощь Жэню, призвал [его к себе, с тем чтобы] дать кое-какие наставления: Чжи был пьян и не мог [прийти] получить указания, вследствие чего [Цао Цао] пожалел [о назначении Цао Чжи на пост] и снял его [с поста]».

[Там же]

二十四年，曹仁为关羽所围。太祖以植为南中郎将，行征虏将军。欲遣救仁，呼有所救戒。植醉不能受命，於是悔而罢之。

[三国志，魏书，卷 19]

案：汉末又有四中郎将，皆帅师征伐，不知何时置。董卓为东中郎将，卢植为北中郎将，献帝以曹植为南中郎将。

[后汉书，志第二十五 百官二]

Затем тучи сгустились и над Дин И – Цао Пи, взоидя на престол, отомстил всему роду за оказание поддержки Цао Чжи:

«<...> Вэньди, взоидя на престол, казнил Дин И, а также всех их родственников-мужчин».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 19*]

文帝即王位，诛丁仪、丁廙并其男口。

[三国志，魏书，卷 19]

С тех пор для самого Цао Чжи должны были наступить тяжелые времена, что он, вероятно, осознавал, оплакивая свержение Хань:

«Вначале, [когда] [Су] Цзэ вместе с Линьцзы хоу Чжи слышали о том, что род Вэй занял место Хань, [они] оба, надев траурные одежды, горько зарыдали; Вэньди (Цао Пи – *Н.С.*) услышал, что Чжи [повел себя] подобным образом, но не слышал, что Цзэ [поступил] так же. Как-то раз *ди* (император; *зд.* – Цао Пи – *Н.С.*) в Лояне непринужденно сказал: “Я по [велению] неба [взошел на] престол, однако слышал, что есть те, кто [это] оплакивают, почему же?”».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 16*]

初，则及临菑侯植闻魏氏代汉，皆发服悲哭，文帝闻植如此，而不闻则也。帝在洛阳，尝从容言曰：“吾应天而禅，而闻有哭者，何也？”

[三国志，魏书，卷 16]

Более того, Цао Пи жаждал отомстить и Цао Чжи, но заступничество матери, наперекор которой Цао Пи не мог пойти, отвело от Цао Чжи беду:

«Чжи и *чжухоу* тотчас [вернулись в свои] земли. На 2-й год *Хуанчу* (в 221г. – *Н.С.*) *ечжэ* (ведущий приемом посетителей при дворе – *Н.С.*) при исполняющем обязанности главы государства Гуань Цзюнь, [желая] выслужиться, подал докладную записку, [в которой значилось, что] “Чжи, захмелев, вел себя разнузданно, угрожал гонцам, устрашал [их]”. Чиновники [стали] требовать для него наказания, *ди* (Цао Пи – *Н.С.*) из-за *тайхоу* (матери императора, вдовы императора – *Н.С.*) понизил [его в ранге] и пожаловал [ему титул] *хоу* Аньсяна».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань* 19]

植与诸侯并就国。黄初二年，监国谒者灌均希指，奏“植醉酒悖慢，劫胁使者”。有司请治罪，帝以太后故，贬爵安乡侯。

[*三国志, 魏书, 卷* 19]

Однако Цао Пи так и не смилостивился: не будучи в силах казнить брата, он принялся мучить его – давал ему одно назначение за другим, не позволяя подолгу засиживаться на одном месте:

«<...> В тот же год [вновь] разжаловал [его] [и] послал [его служить] *хоу* в Цзюаньчэне. На третий года [*Хуанчу*] назначил [его] *ваном* Цзюаньчэна, во владении у него было 2500 дворов. На четвертый год [*Хуанчу*] (в 223 г. – *Н.С.*) перенаправил [его служить] *ваном* Юнцюя. В тот же год направился на аудиенцию в столицу. <...> На 6-й г. [*Хуанчу*] (225 г. – *Н.С.*) [Вэнь]*ди* отправился с карательным походом на восток; на обратном пути шел через Юнцю, удостоил своим посещением дворец Чжи, добавил [к его владениям еще] 500 дворов. На первый год *Тайхэ* ((227–233 гг.) – первый девиз правления Вэйского Минди Цао Жуя – *Н.С.*) переместил [Цао Чжи] на службу в Цзюньи. На 2-й год [*Тайхэ*] (228 г. – *Н.С.*) вновь вернулся в Юнцю».

[Там же]

其年改封鄴城侯。三年，立为鄴城王，邑二千五百户。四年，徙封雍丘王。其年，朝京都。《。。。》六年，帝东征，还过雍丘，幸植宫，增户五百。太和元年，徙封浚仪。二年，复还雍丘。

Подобное положение дел немало угнетало Цао Чжи, и он неоднократно направлял Цао Пи письма с просьбой предоставить ему возможность проявить себя, позволить ему делом доказать, что он достоин оказываемых ему милостей, дать ему возможность служить на благо государю и государству:

«Чжи часто негодовал на самого себя – обладая острым умом, не имел возможности [его] применить (т.е. проявить себя – *Н.С.*) [и в конце концов решил] подать докладную записку [трону] с просьбой испытать его:

“Ваш покорный слуга слышал, что мужчина в этой жизни, находясь дома, служит отцу, а, выйдя за его пределы, служит государю; служа отцу, [необходимо] заботиться о славе [своего] рода, служа государю, [надобно] печься о процветании государства. Поэтому любящий отец не может любить беспутного сына, милостивый государь не может держать [при себе] бестолкового подданного. Ведь [только тот, кто], отмечая добродетель, назначает на должности, является государем, способным на свершение великих дел; [только тот, кто], оценивая [свои] способности, принимает назначения [на должности], является до конца своих дней [верным] подданным. Поэтому государь не [должен] попусту раздавать [назначения], [а] подданные не [должны] попусту принимать [назначения]; попусту раздавать [назначения] – [это] называется допускать ошибки, [а] попусту принимать [их] – [это] называется даром получать [свое] жалованье, [слова] из *Шицзина* “есть на дармовщину” (см. *Мэнцзы* 13.32.⁷⁴² – *Н.С.*) – как раз об этом. Когда-то оба Го (второй и третий из четырех сыновей – *Н.С.*) не отказывались от [своих] обязанностей перед двумя царствами, [поскольку] их добродетель была непоколебима; Дань (*Чжоу гун* Дань 周公旦 – *Н.С.*), Ши (*Шао гун* 召公 – *Н.С.*) не уступали свои [феодальные] земли Янь и Лу, [поскольку] их заслуги были велики. Ныне подданные пользуются великой государевой милостью, [что продолжается] вплоть до настоящего времени [уже на протяжении] трех царствований. Как раз тогда, когда [благодаря] государю (*досл.* – Вашему Величеству – *Н.С.*) воцаряется мир, [а подданные] купаются в государевой милости, проникаются (*досл.* – орошаются – *Н.С.*) [его] добродетельными наставлениями, можно сказать, что [в это время] [они] чрезвычайно удачливы. Однако [я], заняв не по заслугам (*досл.* – украл – *Н.С.*) пост в восточных удельных землях, по [своему] рангу занимаю высокое положение, тело [мое] [покрыто] легкими и теплыми одеждами, рот [мой] пресыщен сотнями вкусов, глаза мои премного насмотрены на великолепное и роскошное, уши мои наслышаны [музыкой] струнных и духовых [инструментов] – причина в том, что положение [мое] значительное, а жалованье щедрое. Оборачиваюсь назад и думаю о тех, кто в древности удостаивался титулов и наград (*досл.* – жалований – *Н.С.*), они не походили на меня (*досл.* – отличались от этого – *Н.С.*), все [они] [направляли свое] усердие и тщание на службу государству, [действовали] во славу государя, во благо народу. Ныне у Вашего покорного слуги нет добродетели, [которую] можно было бы явить (*досл.* – изложить – *Н.С.*), нет заслуг, [которые] можно

⁷⁴² «... Кто более, чем он [благородный муж], “не ест на дармовщину хлеба”? ...» [Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си, 2016, С. 739]

было бы продемонстрировать (*досл.* – записать – *Н.С.*), [если] таким образом годами не приносить пользу правящему дому, [то] в будущем [легко] навлечь на себя насмешки поэтов, что “такой вот [он человек]”. [Поэтому], поднимая голову, испытываю стыд перед парадным головным убором [государя], [а], опуская голову, ощущаю [свой] позор перед красными парадными одеждами [государя]...”».

[Там же]

植常自愤怨，抱利器而无所施，上疏求自试曰：臣闻士之生世，入则事父，出则事君；事父尚於荣亲，事君贵於兴国。故慈父不能爱无益之子，仁君不能畜无用之臣。夫论德而授官者，成功之君也；量能而受爵者，毕命之臣也。故君无虚授，臣无虚受；虚授谓之谬举，虚受谓之尸禄，诗之“素餐”所由作也。昔二虢不辞两国之任，其德厚也；旦、奭不让燕、鲁之封，其功大也。今臣蒙国重恩，三世于今矣。正值陛下升平之际，沐浴圣泽，潜润德教，可谓厚幸矣。而窃位东藩，爵在上列，身被轻暖，口厌百味，目极华靡，耳倦丝竹者，爵重禄厚之所致也。退念古之授爵禄者，有异於此，皆以功勤济国，辅主惠民。今臣无德可述，无功可纪，若此终年无益国朝，将挂风人“彼其”之讥。是以上惭玄冕，俯愧朱紱。

«На третий год [*Тайхэ*] (229 г. – *Н.С.*) [Цао Чжи] получил новое назначение – в Дуньэ (отсюда и “Письмо царевичу Дуньэ” – *Н.С.*). На пятый год [*Тайхэ*] (231 г. – *Н.С.*) [Цао Чжи] вновь представил докладную записку [трону], [в которой содержались его] просьбы, [а также] вопросы [о здоровье, благополучии] родных, поэтому, выражая [свою мысль], [он] сказал [следующее]: “...Что касается Вашего покорного слуги, [то мои] сношения с [другими] людьми [уже] прерваны, [я] скован путами [нашего] светлого времени (т.е. периода мира и покоя – *Н.С.*), [за что] Ваш покорный слуга тайком [нередко] бранит себя. Не осмеливаюсь возлагать непомерно [большие] надежды на то, чтобы свидеться с [людьми], близкими по духу, заняться житейскими делами, поговорить о людской морали (т.е. о морали человеческих взаимоотношений – *Н.С.*). В последнее время, однако, браки не заключаются, братья разлучены, счастливые и несчастные известия не достигают [тех, для кого предназначены], этикетные [правила] поздравлений и соболезнований отброшены, законы [взаимной] милости [между родными] попираются еще хуже, чем [между] чужими, [люди] в большей степени разобщены, нежели чем Ху и Юэ (страны севера и юга – *Н.С.*). Теперь у Вашего покорного слуги из-за всех [этих] порядков навеки не осталось надежды на [высочайшую] аудиенцию; что же касается [моей] преданности императорскому трону, [то все мои] чувства связаны со дворцом, и боги знают это. Однако поистине такова [воля] неба, что же [я еще могу] сказать об этом!..”».

[Там же]

三年，徙封东阿。五年，复上疏求存问亲戚，因致其意曰：《。。。》

至於臣者，人道绝绪，禁锢明时，臣窃自伤也。不敢过望交气类，脩人事，叙人伦。近且婚媾不通，兄弟乖绝，吉凶之问塞，庆吊之礼废，恩纪之违，甚於路人，隔阂之异，殊於胡越。今臣以一切之制，永无朝覲之望，至於注心皇极，结情紫闼，神明知之矣。然天实为之，谓之何哉！

«Чжи вновь подал докладную записку с просьбой (*до сл.* – со смыслом – *Н.С.*) пересмотреть сделанный выбор (т.е. сделанный Цао Пи выбор – *Н.С.*); [в ней он] сказал: “Ваш покорный слуга слышал, что согласие между небом и землей рождает тьму вещей, [верность] общим моральным принципам государя и подданных (здесь иероглиф 臣, обозначающий и “Вашего покорного слугу”, и “подданных”, – *Н.С.*) [способствует] вершению всех государственных [дел]...”».

[Там же]

植 复 上 疏 陈 审 举 之 义 ， 曰 ：
臣闻天地协气而万物生，君臣合德而庶政成。。。

Однако Цао Пи был непреклонен. Вскоре Цао Чжи скончался, так и не достучавшись до своего брата:

«На второй месяц четыре уезда [округа] Чэнь были даны в надел Чжи, [а сам он] был назначен Чэнь *ваном* (т.е. *ваном* Чэнь – *Н.С.*), у него в кормлении, [таким образом], оказалось 3500 дворов. Чжи все время хотел попросить Минди (т.е. Цао Жуя – *Н.С.*) об отдельной встрече и личной беседе, [хотел] обсудить насущные [вопросы] государственного управления, надеялся быть полезным, [однако ему] так и не предоставили возможность проявить себя. Вернувшись назад, испытывал досаду и отчаяние, [порядок] обращения с вассальными княжествами был искони суровым и жестким, все нижестоящие чиновники были торгашами с заурядными способностями, солдаты, выделяемые им (т.е. правителям этих земель – *Н.С.*), были [уже] искалеченными и старыми, [их] общее число не превышало 200 человек. А Чжи из-за прошлых ошибок во всем вновь и вновь недополучал половину, в течение одиннадцати лет 3 раза переезжал [с одного места на другое], постоянно испытывал напряжение, не зная радости; в конце концов, [он] заболел и умер, на тот момент ему был 41 год».

[Там же]

其二月，以陈四县封植为陈王，邑三千五百户。植每欲求别见独谈，论及时政，幸冀试用，终不能得。既还，怅然绝望。时法制，待藩国既自峻迫，寮属皆贾竖下才，兵人给其残老，大数不过二百人。又植以前过，事事复减半，十一年中而三徙都，常汲汲无欢，遂发疾薨，时年四十一。

Цао Чжи был похоронен весьма скромно, как он сам того хотел, сын же Цао Чжи, опять-таки в соответствии с его волей, вступил в права его наследника:

«Перед смертью завещал скромно [себя] похоронить. Сына Чжи (его сына тоже звали Цао Чжи, только Чжи в имени сына обозначалось другим иероглифом – 志 – *Н.С.*) [собирался объявить] хозяином в доме, хотел утвердить его [в качестве своего наследника]. Сначала Чжи поднялся на Юйшань, посмотрел сверху на Дуньэ, с тяжелым вздохом принял решение здесь [встретить свою] кончину, после чего [распорядился в этом месте] соорудить [себе] могилу. [Его] сын [Цао] Чжи [был объявлен его] наследником, перемещен [на должность] *вана Цзибэя*».

[Там же]

遺令薄葬。以小子志，保家之主也，欲立之。初，植登魚山，臨東阿，喟然有終焉之心，遂營為墓。子志嗣，徙封濟北王。

Некоторое время спустя Цао Чжи был посмертно реабилитирован, но не по милости Цао Пи:

«В [период] *Цзинчу* ((237 – 239 гг.) – *Н.С.*) [Минди] [издал] указ: “Чэнь Сыван, хотя в прошлом и допускал ошибки, [однако] уже [научился] обуздывать свой нрав (*досл.* – обуздывать себя – *Н.С.*), быть осмотрительным в [своих] поступках, восполнил упущения, [допущенные] в прошлом, к тому же с детства до [самой своей] смерти не расставался с книгами, что поистине большая редкость (*досл.* – труднодостижимо – *Н.С.*). Собрать все докладные записки, [поданные в период] *Хуанчу* [и содержащие сведения] о преступлениях Чжи, *гунам* и *цинам* (сановникам – *Н.С.*) затем обсудить [это] и уничтожить все (т.е. всю соответствующую документацию – *Н.С.*), [хранящееся] в трех приказах (*досл.* – трех *фу*, т.е. трех ведомств, – *Н.С.*) у *шаншу* (*досл.* *шаншу* – старший по письму; в Хань – главный распорядитель по письменному ведению дел – *Н.С.*), *мишу* (*досл.* *мишу* – секретное письмо; под *мишу* подразумевается либо дворцовая библиотека, либо префикс к должностям чиновников, служащих в соответствующих учреждениях, – *Н.С.*) и *чжуншу* (*чжуншу* в Хань – дворцовый секретарь – *Н.С.*), [а также хранящееся] у *дахунлу* (*досл.* *дахунлу* – великий хранитель порядка – *Н.С.*; в Хань – камергер, отвечающий за сношения с зависимыми территориями, – *Н.С.*). Записать все написанные [Чжи] *фу*, *сун*, *ши*, *мин*, *цзалань* в общей сложности в 100 с лишним *пянях*, хранить во дворце и за [его] пределами”. Чжи (уже сын, не отец – *Н.С.*) многократно прирастал [своими] владениями, [которые] вместе с уже имеющимися [составили] 990 дворов».

[Там же]

景初中诏曰：“陈思王昔虽有过失，既克己慎行，以补前阙，且自少至终，篇籍不离於手，诚难能也。其收黄初中诸奏植罪状，公卿已下议尚书、秘书、中书三府、大鸿胥者皆削除之。撰录植前后所著赋颂诗铭杂论凡百馀篇，副藏内外。”志累增邑，并前九百九十户。

И, тем не менее, несмотря на вражду между братьями, они оба внесли свой вклад в необычайный расцвет изящной словесности на закате Хань:

«Оценка гласит: “Когда-то Вэньди и Чэньвана [обоих] почитали как сыновей *гуна* (т.е. высокопоставленного чиновника – *Н.С.*), оба были прекрасно эрудированы, [обладали] литературным талантом; [их] голоса в унисон откликались друг в друге, бок о бок [друг с другом] выступали [они] как даровитые мужи, [кроме них], только лишь Цань и еще шестеро пользовались наибольшей славой...”».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

评曰：从前魏文帝、陈王曹植二人贵为公子，都博好文采。一时同声相应，才士并出，数王粲等建安七子最为出色。

[三国志，魏书，卷 21]

Не менее, чем Цао Пи (см. «Письмо У Чжи», или «Послание к У-чжи», как у И.С. Лисевича), Цао Чжи был потрясен смертью Мужей, – картины бушевавшей тогда эпидемии, нарисованные им, в высшей степени реалистичны, даже натуралистичны:

«Вэйский Чэнь Сыван однажды, говоря о [бушевавшем в свое время] море, сказал: “В каждом доме ощущали боль – [кругом было] множество трупов, в каждой комнате испытывали скорбь – [вокруг были слышны] рыдания: либо погибла вся семья, либо хоронили целый род”».

[*Хоуханьшу, Чжи 17 Усинъу*]

魏陈思王常说疫气云：“家家有强尸之痛，室室有号泣之哀，或阖门而殪，或举族而丧者。”

[后汉书，志第十七 五行五]

И это неудивительно – со многими из Мужей он был особенно близок еще и потому, что они входили в его, принца, свиту:

«По *Вэйчжи*, “Чжэнь, по второму имени [*цзы*] – Гунгань, <...>; с Сюй Ганем, Чэнь Линем, Жуань Юем, Ин Чаном вместе [они] прославились [своими] сочинениями; стал Пинъюань *хоу шуцзы*⁷⁴³ (членом свиты Пинъюань *хоу*⁷⁴⁴, т.е. Цао Чжи – *Н.С.*)”».

⁷⁴³ *Шуцзы* 庶子 – сын второй жены; принц, которому не было суждено унаследовать трон.

⁷⁴⁴ *Хоу* 侯 – аристократический титул маркиза, уступающий по значимости лишь титулам принца *вана* 王 и герцога *гуна* 公. Титул *хоу* был либо наследственным, либо дарованным за особые заслуги. Обычно (в данном

[Вэйчжи. Цит. по Хоуханьшу, цзюань 80 ся, Вэньюань лэчжуань 70 ся]

《魏志》桢字公干，为司空军谋祭酒，五官郎将文学，与徐干、陈琳、阮瑀、应玚俱以章知名，转为平原侯庶子。

[后汉书。卷八十下。文苑列传七十下]

В отличие от Чэнь Шоу и Пэй Сунчжи, которые несколько идеализируют фигуру Цао Чжи, Лю Се пытается на него смотреть более объективно. Во-первых, он не соглашается с укоренившимся в традиции мнением о том, что Цао Чжи был более талантлив, чем его старший брат, и при этом, как и всегда, аргументирует свою позицию; во-вторых, отдавая должное одаренности Цао Чжи, он подмечает и слабые стороны в его творчестве; в-третьих, Лю Се рассуждает и о человеческих качествах Цао Чжи, которые ему не представляются сплошь положительными.

Итак, по глубокому убеждению Лю Се, Цао Чжи и Цао Пи обладали разными творческими манерами, что ничуть не говорит о силе одной и слабости другой; кроме того, по мнению Лю Се, люди сами создали для себя трагический образ Цао Чжи, поэтому им приятно «наделять» талантами Цао Чжи, несостоявшегося властителя, и «обделять» ими Цао Пи, официально провозглашенного наследником своего отца:

«Талант Вэй Вэньди (Цао Пи – Н.С.) безбрежен, тонок и изящен, в беседах давно минувших дней принижали его [талант], поговаривали, что ему до [Цао] Чжи – тысячи ли. Однако Цзыцзянь [обладал] живым умом и незаурядным талантом, [его] *ши* были прекрасны, а *бяо* – превосходны; Цзыхуань [Цао Пи – Н.С.), размышляя, был дотошен, а, прилагая силу [таланта], не торопился, поэтому и не [мог] тягаться за [право] звучать первым. <...> Однако взлеты и падения в чувствах обывателя (речь идет о симпатиях и антипатиях – Н.С.) созвучны друг другу (т.е. люди нередко бездумно повторяют друг за другом – Н.С.), поэтому [люди] умаляли талант Вэньди [только лишь] из-за его уважаемого титула, а Чэнь Сы [они] еще больше ценили из-за [того] затруднительного положения, [в котором он оказался], а это не [может считаться] веским [основанием для] суждений».

[Вэньсинь дяолун, Цайлюэ 47]

魏文之才，洋洋清綺，旧谈抑之，谓去植千里。然子建思捷而才俊，诗丽而表逸；子桓虑详而力缓，故不竞于先鸣《。。。》但俗情抑扬，雷同一响，遂令文帝以位尊减才，思王以势窘益价，未为笃论也。

[文心雕龙，才略 四七]

случае тоже) употреблялся с префиксом – географическим названием, которое обозначало феодальные владения хоу.

Кстати, рассуждая подобным образом, Лю Се проявляет себя не только как теоретик литературы, но и как знаток человеческих душ.

Цао Чжи в свое время тоже говорил о существовании разных подходов в творчестве и фактически одобрял это разнообразие:

«Чэнь Сы также сказал: “Традиционно литераторы либо склоняются к многосложным текстам, обильной украшенности [этих текстов], [это] те, кто глубоко прячут [в тексте свои] идеи, либо [же] склоняются к выделению слов, различению речей (т.е. стремятся к ясности и четкости – *Н.С.*) [в своих текстах], [это] те, кто [проводят] мельчайший анализ: то, к чему [литераторы] привыкли, различно, то, чем [они] занимаются, [тоже] разнообразно”. [Цао Чжи так] говорил о разных случаях (*досл.* – обстоятельствах)».
[*Вэньсинь дяолун, Динши 30*]

陈思亦云：“世之作者，或好烦文博采，深沈其旨者；或好离言辨白，分毫析厘者：所习不同，所务各异。”言势殊也。

[*文心雕龙，定势 三十*]

Лю Се отмечает на редкость гармоничное звучание сочинений Цао Чжи:

«Звучание [произведений] Чэнь Сы и Пань Юэ ((247–300 гг.) – *Н.С.*) подобно звукам игры на бамбуковой флейте (т.е. столь же гармонично – *Н.С.*)».

[*Вэньсинь дяолун, Шэнлюй 33*]

陈思、潘岳，吹籥之调也。。。

[*文心雕龙，声律 三三*]

Также, затрагивая вопрос о музыкальности стихотворений Цао Чжи, он размышляет и о значении музыки в целом для *ши*, попутно приводя мнение Цао Чжи по этому поводу:

«Все слова, [которые ложатся] на музыку, называют *ши* (стихами, поэзией – *Н.С.*), звуки, [которые складываются] из стихотворений, называют песней; [когда] звуки соединяются со словами [и если] слов [при этом] много, [то] трудно [соблюсти] ритм. Поэтому Чэнь Сы говорил, что Ли Яньняню (на самом деле, как сообщает комментарий 17 к *Юэфу 7 (3)*, речь идет о Цзо Яньняне 左延年 – *цзяньваньском* музыканте, в то время как Ли Яньнянь 李延年 был музыкантом времен Ханьского Уди 汉武帝 – *Н.С.*) удается наращивать и сокращать слова, [идушие из] древности, [да и вообще] следует в наибольшей степени их сокращать, очевидно, что главное – убавлять [число слов]. [Если] посмотреть на напевы *Дафэн* (“Песнь о сильном ветре” – *Н.С.*) [Хань] Гао цзу (Хань Гао цзу 汉高祖 – посмертное имя Лю Бана 刘邦, первого императора династии Хань – *Н.С.*), вздохи *Лайчи* (“Опоздание”; песнь о супруге Ли – *Н.С.*) Сяо У (Ханьского Уди – *Н.С.*), [то становится видно, что слова] мальчиков-певцов сочетаются со звуками, [так] неужели [между ними]

нет гармонии? Цзыцзянь (Цао Чжи – *Н.С.*), Шихэн (Лу Цзи 陆机 – *Н.С.*) [и другие] – все создавали прекрасные произведения, однако вовсе не приглашали музыкантов [написать музыку], поэтому их и не исполняли (*досл.* – поэтому в этом деле и отказывались от музыки духовых и струнных инструментов – *Н.С.*). Обычно говорят, что [их стихотворения] не ложатся на мелодию, должно быть, [об это толком] еще и не думали».

[*Вэньсинь дяолун, Юэфу 7*]

凡乐辞曰诗，诗声曰歌；声来被辞，辞繁难节。故陈思称李延年闲于增损古辞，多者则宜减之，明贵约也。观高祖之咏“大风”，孝武之叹“来迟”；歌童被声，莫敢不协。子建、士衡，咸有佳篇，并无诏伶人，故事谢丝管。俗称乖调，盖未思也。

[*文心雕龙, 乐府 7*]

Кроме того, Лю Се излагает взгляд Цао Чжи и на творчество таких общепризнанных мэтров, как Ян Сюна и Сыма Сянжу; Лю Се рассказывает об отношении Цао Чжи вполне нейтрально, но читатель может ощутить неприятие Цао Чжи чрезмерной сложности в их сочинениях:

«Поэтому Чэнь Сы сказал: “В произведениях Яна (Ян Сюна 扬雄 – *Н.С.*), Ма (Сыма Сянжу 司马相如 – *Н.С.*) идеи глубоки – читателю без [помощи] наставника не разобраться в их словах, без [должной] эрудиции не постичь принципы, [заключенные] в них”».

[*Вэньсинь дяолун, Ляньцзы 39*]

故陈思称：“扬、马之作，趣幽旨深，读者非师传不能析其辞，非博学不能综其理。”

[*文心雕龙, 练字 三九*]

В то же время, ссылаясь на мнение Цао Чжи, Лю Се не всегда доверяет его мнению, по крайней мере, не доверяет безоговорочно, вероятно, отчасти потому, что уличает Цао Чжи в предвзятости, предубежденности и, быть может, даже зависти (при этом Лю Се говорит, что этим грешат все литераторы):

«Когда Чэнь Сы рассуждает о талантах, [он] также в значительной степени отбрасывает (т.е. принижает – *Н.С.*) Кунчжана (т.е. Чэнь Линя – *Н.С.*); [когда] Цзинли (Дин И 丁廙, ?–219 г., – чиновник и эрудит периода Троецарствия – *Н.С.*) попросил [Цао Чжи] отполировать [его произведение], он (т.е. Цао Чжи – *Н.С.*) восхитился прекрасными речами [Дин И]; Цзисюй (Лю Сю 刘修, ?–? г., – чиновник и литератор периода Троецарствия – *Н.С.*) был горазд критиковать [других], так [Цао Чжи] его сравнил с Тяньба (оратором царства Ци периода *Чжаньго* – *Н.С.*) – мнение [Чжи] тоже [вполне] понятно (Лю Се намекает на предвзятость Цао Чжи – *Н.С.*). Поэтому, [когда] Вэй Вэнь[ди] говорил, что

“литераторы друг друга недооценивают”, [это вовсе] не было пустой болтовней. <...> Среди тех, кто, [обладая] колоссальным талантом, возвеличивали себя и принижали других (досл. – притесняли – Н.С.), были Бань [Гу] и Цао [Чжи]».

[Вэньсинь дяолун, Чжисинь 48]

及陈思论才，亦深排孔璋；敬礼请润色，叹以为美谈；季绪好诋诃，方之于田巴；意亦见矣。故魏文称“文人相轻”，非虚谈也。《。。。》才实鸿懿，而崇己抑人者，班、曹是也。。。

[文心雕龙，知音 四八]

Свойственная взглядам Цао Чжи однобокость проявляется, по мнению Лю Се, и в «Письме Ян Дэцзу», выражениям в котором, по-видимому, не хватает корректности и деликатности:

«Письмо (т.е. «Письмо Ян Дэцзу» – Н.С.) Чэня (т.е. Чэнь Сывана – Н.С.) [написано] красноречиво, но не [самым] удачным [образом]».

[Вэньсинь дяолун, Сюйчжи 50]

陈《书》辩而无当。。。

[文心雕龙，序志 五十]

Рассуждая непосредственно о произведениях Цао Чжи, Лю Се отмечает его заклинательные тексты, (разнообразные) очерки, представления, а также его заслуги в написании иносказательных произведений, загадок:

«... затем последующие заклинания содержали [преимущественно] брань (досл. – стремились к тому, чтобы предаваться брани – Н.С.). Только Гаоцзю (Гаоцзювэнь 诘咎文; «Текст дознания о проступке»; посвящен бедам, учиненным сильным ветром, – Н.С.) Чэнь Сы скроен [так, чтобы отразить] истинное значение [заклинания, заклинательного текста]».

[Вэньсинь дяолун, Чжумэн 10]

。。。于是后之谴咒，务于善骂。唯陈思《诘咎》，裁以正义矣。

[文心雕龙，祝盟 十]

«Что касается Кэвэнь (возможно, имеется в виду Бяньвэнь “辩问” «Вопрошание» Цао Чжи – Н.С.) Чэнь Сы, то слова возвышенные, а сущность жидкая (т.е. содержание поверхностное – Н.С.)».

[Вэньсинь дяолун, Цзавэнь 14]

至于陈思《客问》，辞高而理疏。。。

[文心雕龙，杂文 14]

«Бяо (доклады, представления – *Н.С.*) Чэнь Сы сами по себе являются венцом [*бяо*] [других] талантливых людей. [Если] взглянуть [на них, то мы увидим, что] их форма [отличается] полнотой, а тональность – слаженностью, слова [в них] ясные, а стремления явные; следуя за вещами (т.е. реагируя на них – *Н.С.*), добивается [при этом] искусности, вслед за изменениями проявляет интерес; держа в руках поводья, [устремляется] далеко-далеко, поэтому может [когда-то] медленно, а [когда-то] быстро соответствовать моменту». [*Вэньсинь дяолун, Бяочжан 22*]

陈思之表，独冠群才。观其体赡而律调，辞清而志显，应物掣巧，随变生趣；执辔有余，故能缓急应节矣。

[文心雕龙，章表 二二]

«[В] *Хуанцюэ* (т.е. “Чиж”; имеется в виду “Песнь о полевой иволге” – *Н.С.*) Чэнь Сы (Цао Чжи – *Н.С.*), *Цинсун* (т.е. “Зеленая сосна”; имеется в виду “Посвящаю братьям” – *Н.С.*) Гунганя (Лю Чжэня – *Н.С.*) [чувствуется] твердый стиль и мощный талант, кроме того, [в них авторы] мастерски иносказательно изъясняются».

[*Вэньсинь дяолун, Иньсю 40*]

陈思之《黄雀》，公幹之《青松》，格刚才劲，而并长于讽谕。

[文心雕龙，隐秀 四十]

«[А] уже [загадки] Вэй Вэньди, Чэнь Сы (их загадки не сохранились до наших дней – *Н.С.*) [более] краткие, при этом [и более] досконально [продуманные]».

[*Вэньсинь дяолун, Сеинь 15*]

至魏文、陈思，约而密之。。。

[文心雕龙，谐隐 十五]

Нейтрально, но скорее положительно Лю Се высказывается о его *сун* (гимнах):

«В Вэй, Цзинь повсеместно [сочиняли] гимны, славословия (*сун* – *Н.С.*), редко [какие-либо из них] выходили [за рамки] привычного (*досл.* – выходили из колеи – *Н.С.*). [Среди] сочинений Чэнь Сы *Хуанцзы* (*досл.* – “Сын императора”; это был гимн на рождение *тайцзы* – старшего сына императора – *Н.С.*) – [самое] знаковое; [среди] многочисленных *пяней* (*зд.* – произведений – *Н.С.*) Лу Цзи только *Гунчэнь* (*досл.* – заслуженный сановник; это было славословие заслуженным сановникам, служащим при Хань Гаоцзу, – *Н.С.*) выделялся из всех. В их [*сунах*] похвала и хула переплетаются [друг с другом], хотя, конечно, [это уже был] измененный стиль [периода] конца династии (т.е. претерпевший изменение стиль *сун* – *Н.С.*)».

[*Вэньсинь дяолун, Сунцзань 9*]

及魏、晋辨颂，鲜有出轍。陈思所綴，以《皇子》为标；陆机积篇，惟《功臣》最显：其褒贬杂居，固末代之讹体也。

[文心雕龙，颂赞 九]

По-настоящему же критикует Лю Се эпитафии (*лэй*), (разнообразные) очерки, а также суждения (*лунь*) Цао Чжи:

«Чэнь Сы пользовался незаслуженно громкой славой, однако [в его эпитафиях] форма [слишком] пышная, а содержание [чересчур] рыхлое; в конце эпитафии *Вэньхуан* (эпитафии на смерть *Вэньди* – *Н.С.*) в прекрасных словах рассказал о себе самом, [в чем] весьма далеко отошел от [канонов]».

В комментарии (一, 40) говорится, что, возможно, сказывается приверженность Лю Се древним устойчивым формам, поэтому его критика Цао Чжи не совсем правомочна.

[*Вэньсинь дяолун, Лэйбэй 12*]

陈思叨名而体实繁缓；《文皇》诔末，旨言自陈，其乖甚矣。

[文心雕龙，诔碑 十二]

«*Цици* (“Семь наставлений” – *Н.С.*) Чэнь Сы прекрасны [своей] грандиозностью и величественностью».

[*Вэньсинь дяолун, Цзавэнь 14*]

。。。陈思《七启》，取美于宏壮。。。。

[文心雕龙，杂文 十四]

«*Бяньдао* (“Споры о пути” – *Н.С.*) Цао Чжи по [своей] форме похожи на список (т.е. копию – *Н.С.*). В словах не сохраняется прямота, *лунь* (т.е. суждения – *Н.С.*) [его] подобны только этому».

[*Вэньсинь дяолун, Луньшо 18*]

。。。曹植《辨道》，体同书抄。言不持正，论如其已。

[文心雕龙，论说 十八]

Вместе с тем Лю Се подчеркивает, что ошибки и промахи, допущенные Цао Чжи, ничуть не умаляют его заслуги и не принижают его одаренность:

«Чэнь Сы – талантливейший среди множества талантов, <...> [однако даже] просвещенный и мастеровитый (*досл.* – натренированный – *Н.С.*) Цзыцзянь (т.е. Цао Чжи – *Н.С.*), глубокий и скрупулезный Шихэн (Лу Цзи – *Н.С.*) и то не [могли] избежать ошибок...».

[*Вэньсинь дяолун, Шилэй 38*]

夫以子建明练，士衡沈密，而不免于谬。。。。

[文心雕龙，事类 三八]

А одарен он был, по мнению Лю Се, необычайно – чего стоит только один его вдохновенный порыв:

«... Чэнь Сы, [обладавшему] могуществом сына гуна, [стоило] опускать кисть, [чтобы из-под нее выходили] драгоценные яшмы».

[Вэньсинь дяолун, Шисюй 45]

陈思以公子之豪，下笔琳琅。

[文心雕龙，时序 四五]

«Цзыцзянь, взяв дощечку для письма, [начинает] будто бы декламировать по памяти (т.е. он словно лишь записывает то, что сочинил ранее, – Н.С.)».

[Вэньсинь дяолун, Шэньсы 26]

。 。 。 子建援牍如口诵。 。 。

[文心雕龙，神思 二六]

И произведения его не оставляют сомнений относительно одаренности их автора:

«Произведения Чэнь Сы превосходят [произведения] многих [других] талантливых [литераторов]».

[Вэньсинь дяолун, Чжися 41]

陈思之文，群才之俊也。 。 。

[文心雕龙，指瑕 四一]

Одной из самых лестных оценок поэзия Цао Чжи удостоилась от Чжун Жуна, поместившего ее в «высшую категорию»:

В *Шипинь* Чжун Жуна говорится: «Его [Цао Чжи] поэзия восходит к песням “Нравы царств”. Духовности необычайной и высокой, цветущая густою вязью слов; проникнута изысканным упреком, глубок по смыслу и прекрасен ее стиль. Своим сиянием пронзила древность, современную эпоху, над всем далеко вознеслась. О! Цао Чжи в поэзии – это князь Чжоу и Конфуций в нормах поведения, дракон и феникс среди рыб и птиц, свирель и флейта в музыке, узор обрядовой одежды в ткацком ремесле. Это и побуждает каждого, кто держит стило и сосет тушь, со взором, полным обожания, прижать к своей груди его произведения, надеясь озариться отблеском их солнечного света. Коль в доме у Конфуция занимались бы поэзией, то Чжан Се, Лу Цзи и Пань Юэ смогли бы лишь сидеть в проходе, Лю Чжэнь вошел бы в залу для гостей, а Цао Чжи был принят бы во внутренних покоях».

[Чжун Жун, 1996. С. 347]

魏陈思王植其源出於《国风》。骨气奇高，词采华茂，情兼雅怨，体被文质，粲溢今古，卓尔不群。嗟乎！陈思之於文章也，譬人伦之有周、孔，鳞羽之有龙凤，音乐之

有琴笙，女工之有黼黻。俾尔怀铅吮墨者，抱篇章而景慕，映馀晖以自烛。故孔氏之门如用诗，则公幹升堂，思王入室，景阳、潘、陆，自可坐於廊庑之间矣。

[诗品。卷上]

Жизненный и творческий путь Лю Чжэня

О семье Лю Чжэня мы располагаем достаточно скудными сведениями.

Тем не менее, в нашем распоряжении есть некоторые факты из жизни Лю Ляна – деда Лю Чжэня, вероятно оказавшего влияние на становление личности своего внука. В частности, известно, что Лю Лян происходил из знатной семьи, однако, рано потеряв родителей, он уже в детстве познал нужду:

«Цзы (второе имя – *Н.С.*) Лю Ляна – Маньшань, [также его] еще называли Цэнь, [он] был выходцем из Ниньяна Дунпина (Ниньян – древний уездный город на территории нынешней южной части уезда Гунцзюй округа Яньчжоу провинции Шаньдун). Лян был из потомков императорского рода, однако, осиротев в детстве, жил бедно, торговал книгами на рынке, зарабатывая себе на жизнь».

[*Хоуханьшу, цзюань 80 ся, Вэньюань лечжуань 70 ся*]

刘梁字曼山，一名岑，东平宁阳人也。宁阳，县，故城在今兖州龚丘县南。梁宗室子孙，而少孤贫，读书于市以自资。

[*后汉书。卷八十下，文苑列传七十下*]

Возможно, те тяготы, которые он испытывал с ранних лет своей жизни, и побудили его на обличение людских пороков в своих произведениях:

«Постоянно негодовал, что в [этом] мире нередко дружат ради выгоды, объединяются [по принципу общности] пороков, поэтому и написал *Поцюньлунь* “Суждение об испорченной толпе”. Будучи свидетелем событий своего времени, полагал, что, “[Когда] Чжунни (Конфуций – *Н.С.*) составил *Чуньцю*, беспутные сановники, узнав [об этом], испугались; (Мэнцзы [об этом сказал]: “Кунцзы (Конфуций – *Н.С.*) составил *Чуньцю*, сановники-смутьяны испугались). Ныне излагаю [я свои] суждения, неужели служилые мужи не устыдятся?” Его текст не сохранился».

[Там же]

常疾世多利交，以邪曲相党，乃著《破群论》。时之览者，以为“仲尼作《春秋》，乱臣知惧，《孟子》曰：“孔子成《春秋》，乱臣贼子惧”也。今此论之作，俗士岂不愧心”。其文不存。

Размышлял он в своих сочинениях также о парадоксах блага, о *цзюньцзы*⁷⁴⁵ (конфуцианском идеале благородного мужа) и о справедливости, о том принципе, который, по мнению Лю Ляна, должен быть превыше всего:

«Также [Лю Лян] написал *Бянь хэту*н *чжи лунь* “Трактат о спорах о гармонии”. Его строки гласят: “Иногда [случается так, что] в действиях имеются нарушения, но [при этом они способствуют] обретению *дао*⁷⁴⁶; [иногда в действиях] присутствует покорность, но [в них] теряется смысл; [иногда] ощущается любовь, но [она] во вред; [иногда] чувствуется ненависть, но [она идет] на пользу. В чем же причина этого? А причина в том, что получаемое от мудрости есть то же, что и утрачиваемое от глупости. Поэтому *цзюньцзы* в своих делах беспристрастен, непременно должен руководствоваться [принципом] справедливости”. (В *Луньюе* говорится: “*Цзюньцзы* в Поднебесной [заранее] не одобряет и не отрицает, мерило всего для него – справедливость”»).

[Там же]

又著《辩和同之论》。其辞曰：

夫事有违而得道，有顺而失义，有爱而为害，有恶而为美。其故何乎？盖明智之所得，闇伪之所失也。是以君子之于事也，无适无莫，必考之以义焉。《论语》曰：“君子之于天下也，无适也，无莫也，义之与此”。

Хотя Лю Лян и состоял на службе, он не занимал значительных постов, а, получив повышение, так и не смог проявить себя на новом месте – даже не успев добраться до него, он скончался от болезни:

«Во времена Хуаньди (императора Лю Чжи 刘志, годы правления – 146–168 гг. – Н.С.) [Лю Лян] был избран в качестве *сяоляня* (досл. – исполненного сыновней почтительности и бескорыстия; это была рекомендационная категория – под нее попадали мужчины, кандидатуры которых выдвигались местными властями для рассмотрения возможности их назначения на должности в столице – Н.С.), [а также] назначен начальником северной части Синьчэна (Бэйсиньчэн, т.е. северная часть города Синьчэна, который относился к Чжосяню, т.е. уезду Чжо). <...> Затем получил пост главы Евана, но не отправился [туда]. В период правления [императора] Гуан Хэ (императора Лю Хуна 刘宏, годы правления – 178–174 гг. – Н.С.) заболел и умер».

[Там же]

桓帝时，举孝廉，除北新城长。北新城属涿县。<...>
后为野王令，未行。光和中，病卒。

⁷⁴⁵ *Цзюньцзы* 君子 – конфуцианский идеал благородного мужа.

⁷⁴⁶ *Дао* 道 – даосское понятие пути.

Однако есть и другие сведения, согласно которым Лю Лян приходился Лю Чжэню не дедом, а отцом и по которым Лю Лян все-таки занимал должность начальника Евана:

«Отец Чжэня по имени (*мин* 名, т.е. первому имени, – *Н.С.*) Лян, по имени (*цзы* 字, т.е. второму имени, – *Н.С.*) Маньшань был уважаемым человеком. [Уже] в детстве отличался незаурядными способностями, выделялся [своей] литературной одаренностью; наконец [стал] служить начальником Евана». [Вэньшичжуань. Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

文士传曰：楨父名梁，字曼山，一名恭。少有清才，以文学见贵，终於野王令。
[三国志，魏书，卷21]

Тем не менее, и Хоу Ханьшу, и Вэньшичжуань сходятся в том, что Лю Лян был литературно одаренным человеком, и внук его Чжэнь, по-видимому, сполна унаследовал его склонность к изящной словесности:

«[Его] внук Чжэнь тоже прославился [своим] литературным талантом». [Хоуханьшу, цзюань 80 ся, Вэньюань лечжуань 70 ся]

孙楨，亦以文才知名。
[后汉书。卷八十下，文苑列传七十下]

При этом талант его стал проявляться уже в детские годы:

«Лю Чжэнь, по второму имени – Гунгань, с детства выделялся [своими] способностями и эрудицией, в возрасте 8–9 лет мог декламировать *Луньюй* и *Шицзин*, а также оды, насчитывающие несколько десятков тысяч слов; схватывал на лету, [был] красноречив и проворен [в своих речах]; тотчас отвечал на вопросы, в речах [был] пылок и горяч, никто не мог с ним сравниться».

[Вэньшичжуань. Цит. по: *Тайпин юйлань, цзюань 385, жэньши бу 26*]

《文士传》《。。。》又曰：刘楨字公幹，少以才学知名。年八九岁能诵《论语》、诗论及篇赋数万言，警悟辩捷，所问应声而答，当其辞苦掞烈，莫有折者。
[太平御览。卷三百八十五，人事部二十六]

А карьера Лю Чжэня, по крайней мере поначалу, складывалась более удачно, нежели чем у деда (или отца?):

По *Вэйчжи*, Чжэнь, по второму имени [*цзы*] – Гунгань, был *сыкун цзюньмоу цзицзю* (виночерпием при *сыкуне*⁷⁴⁷ по военному планированию – *Н.С.*), *угуань-чжунланцзян-вэньсюэ* (ведающим литературой при *угуань-чжунланцзяне*⁷⁴⁸ – *Н.С.*); с Сюй Ганем, Чэнь

⁷⁴⁷ *Сыкун* 司空 досл. – ответственный по копанию, т.е. выкапыванию каналов. Министр общественных работ; высокий пост с глубокой Древности. В Хань – один из трех *гунов*, высших чиновников центрального аппарата.

⁷⁴⁸ *Угуань-чжунланцзян* 五官中郎将, или *угуань-цзян* 五官将 – начальник придворных по всевозможным поручениям.

Линем, Жуань Юем, Ин Чаном вместе [они] прославились [своими] сочинениями; стал Пинъюаньхоу шуцзы⁷⁴⁹ (членом свиты Пинъюаньхоу⁷⁵⁰, т.е. Цао Чжи – Н.С.)».

[Вэйчжи. Цит. по: Хоуханьшу, цзюань 80 ся, Вэньюань лечжуань 70 ся]

《魏志》桢字公干，为司空军谋祭酒，五官郎将文学，与徐干、陈琳、阮瑀、应瑒俱以章之名，转为平原侯庶子。

[后汉书。卷八十下，文苑列传七十下]

Лю Чжэнь не только славился своими сочинениями и не просто сопровождал Цао Чжи, но и, наряду с Ван Цанем, был верным соратником братьев Цао в их меценатской деятельности:

«В [период] Цзяньань отец и сыновья Цао покровительствовали культуре, братья Пинъюань (Цао Пи и Цао Чжи – Н.С.) были опорой для литераторов. Лю Чжэнь и Ван Цань служили [им в этом] помощниками (досл. – были их крыльями – Н.С.)».

[Шипинь]

降及建安，曹公父子笃好斯文，平原兄弟郁为文栋，刘桢、王粲为其羽翼。

[诗品]

Цао Пи и Цао Чжи действительно высоко ценили Лю Чжэня, о чем мы, к примеру, можем судить на основе их же произведений:

«Искусность его [Лю Чжэня] пятисловных стихов была непревзойденной [среди] современников».

[Цао Пи «Письмо У Чжи». Цит. по: Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21]

至其五言诗，妙绝当时。

[曹丕“与吴质书”]

«Когда-то <...> Гунгань (Лю Чжэнь – Н.С.) в Приморье славу приобрел...».

[Перевод и анализ см. далее в «Письме Ян Дэцзу» Цао Чжи]

Тем не менее, благосклонность семейства Цао к нему, и, главным образом, милостивое отношение Цао Цао, в определенный момент стали идти на убыль, и виной всему – проступок Лю Чжэня, разрушивший его многообещающую карьеру:

⁷⁴⁹ Шуцзы 庶子 – сын второй жены; принц, которому не было суждено унаследовать трон.

⁷⁵⁰ Хоу 侯 – аристократический титул маркиза, уступающий по значимости лишь титулам принца вана 王 и герцога гуна 公. Титул хоу был либо наследственным, либо дарованным за особые заслуги. Обычно (в данном случае тоже) употреблялся с префиксом – географическим названием, которое обозначало феодальные владения хоу.

«Чан (Ин Чан – *Н.С.*), Чжэнь (Лю Чжэнь – *Н.С.*) оба были назначены *тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*) подчиненными *чэнсяна*⁷⁵¹. Чан [позднее] был назначен членом свиты Пинъюань *хоу* (Цао Чжи – *Н.С.*), а после – ведающим литературой при *угуань-цзяне* (Цао Пи – *Н.С.*). <...> Чжэнь [впоследствии] из-за [своего] неуважительного поступка был наказан; отбыв наказание, стал мелким чиновником».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

瑒、楨各被太祖辟为丞相掾属。瑒转为平原侯庶子，后为五官将文学。《。。。》
楨以不敬被刑，刑竟署吏。

[*三国志, 魏书, 卷 21*]

В источниках мы находим детали инцидента, послужившего причиной опалы Лю Чжэня:

«Цзы Чжи (т.е. второе имя У Чжи – *Н.С.*) – Цзичжун, [он] обладал способностями, эрудицией, обширными знаниями, был любим *угуань-цзяном* (Цао Пи – *Н.С.*) и *чжухоу*⁷⁵² (здесь, скорее всего, имеется в виду Цао Чжи – *Н.С.*). <...> Когда удалось умиротворить Хэбэй, главнокомандующий *угуань-цзян* (Цао Пи – *Н.С.*) был объявлен наследником престола, Чжи (У Чжи – *Н.С.*) и Лю Чжэнь сидели на пиру рядом друг с другом. В тот период, когда Чжэнь отбывал наказание, Чжи был направлен командующим в Чжаогэ, а затем – начальником в Юаньчэн...».

[*Вэйлюэ. Цит. по Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

魏略曰：质字季重，以才学通博，为五官将及诸侯所礼爱；质亦善处其兄弟之间，若前世楼君卿之游五侯矣。及河北平定，大将军五官将为世子，质与刘楨等并在坐席。楨坐谴之际，质出为朝歌长，后迁元城令。

«Вэй Вэньди (Цао Пи – *Н.С.*) пребывал в восточном дворце, [собрал] на пиру всех литераторов, захмелел от вина, повелел Чжэнь *хоу* (супруге из рода Чжэнь – *Н.С.*) почтить [своим присутствием] сидящих, сидящие все как один пали ниц, один лишь Лю Чжэнь прямо посмотрел на нее, *тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*) счел [этот поступок] непочтительным, отправил [Лю Чжэня] в ссылку служить [мелким] писарем».

[*Вэньшичжюань. Цит. по: Тайпин Юйлань, цзюань 51*]

⁷⁵¹ В эпохи Цинь – Северных и Южных династий *чэнсян* 丞相 был главным советником, одним из трех *гунов*, среди которых были распределены основные обязанности в центральном аппарате. После Хань *чэнсян*, главным образом, – почетный титул канцлера.

⁷⁵² Дословно *чжухоу* 诸侯 – все владетельные князья (или же маркизы). В Хань – императорские маркизы; *чжухоу* было общим обозначением тех сыновей принцев *ванов*, которым не было суждено унаследовать отцовский титул *вана*.

《文士传》曰：魏文帝之在东宫也，宴诸文学，酒酣，命甄后拜坐者，坐者咸伏，惟刘楨平仰观之，太祖以为不敬，送徙隶簿。

[太平御览。 卷五十一，地部十六]

Также в источниках содержатся и достаточно подробные сведения о наказании Лю Чжэня:

«Лю Гунгань по причине того, что утратил почтительность, подвергся наказанию. В *Дяньлюэ* говорится: “Лю Чжэнь, по второму имени – Гунгань, был родом из Ниньяна Дунпина. На 16-й год *Цзяньань* наследный принц (Цао Пи – *Н.С.*) занял пост *угуань-чжунланцзяна*, [он был] тонким ценителем литературы, повелел Чжэню (Лю Чжэню – *Н.С.*) сопровождать *тайцзы* (т.е. себя – *Н.С.*). Захмелев от вина и развеселившись, [он] тут же приказал супруге из рода Чжэнь выйти поприветствовать [гостей]; сидящие [на пиру] гости все пали ниц, а Чжэнь единственный прямо посмотрел [на нее]. На другой день было официально объявлено, что Чжэня отзывают [с должности], [но] заменяют смертную казнь ссылкой”. В *Вэньшичжуань* говорится: “Чжэнь по [складу своего] характера [любил] спорить, [был в спорах] проворен и ловок; на любой вопрос [у него] тотчас находился ответ. Сидя [на пиру], прямо посмотрел [на] супругу Чжэнь, [за что] [был разжалован в должности и] отправлен в ссылку, [где ему] было велено заниматься шлифовкой камня. *Уди* прибыл в *шанфан* (учреждение, ведавшее изготовлением всевозможной утвари для двора, – *Н.С.*) поглядеть на мастера [и] увидел Чжэня, сидящего прямо и с серьезным видом шлифующего камни. *Уди* спросил: “На что похож камень?” Чжэнь, уловив [скрытый смысл] сравнения, сам [все понял] и, стоя на коленях супротив [Цао Пи], сказал: “Камень рождается на вершине скалы *Цзиншань*, снаружи [у него] – разноцветный узор, внутри [он] таит драгоценность *Бянь* (*Бянь Хэ* – *Н.С.*). Как его ни шлифуй, [он] не станет блестеть сильнее, как его ни украшай резьбой, [на нем] не добавится узоров; по [своему] духу (зд. *ци* – *Н.С.*) [он] тверд и стоек, эти [особенности] дарованы [ему] природой. Однако [как его ни] полируй (досл. – приводи в порядок – *Н.С.*), [ни пытайся его] испортить, сломать, погнуть, сжать, не получится [этого] сделать”. *Ди* (император – *Н.С.*) огляделся по сторонам и рассмеялся, в тот же день его [Лю Чжэня] помиловал. *Вэньди* спросил: “Почему же вы не придерживаетесь установлений?” Лю Чжэнь сказал: “Ваш слуга в самом деле неотесан и невежественен, но и Ваши распоряжения не редки (т.е. не малочисленны – *Н.С.*)”. В *Вэйчжи* сказано: “*Ди* носил при жизни имя Пи, *цзы* [его было] *Цзыхуань*, был наследником Ханьского трона”. Согласно книгам и молве, Чжэнь был наказан при жизни Вэйского *Уди* (Цао Цао – *Н.С.*), а скончался от болезни на 20-й год *Цзяньань* (т.е. в 217 г. – *Н.С.*). Через 7 лет [после этого] *Вэньди* вступил на престол (т.е. Цао Пи стал *ди*, императором, только 7

лет спустя – Н.С.). Но говорить [о том, что] Чжэнь был наказан в период Хуанчу (220–226 гг. – Н.С.) ошибочно»».

[Шишосиньюй, Яньюй (2)]

劉公幹以失敬罹罪，（一）典略曰：「劉楨字公幹，東平寧陽人。建安十六年，世子為五官中郎將，妙選文學，使楨隨侍太子。酒酣坐歡，乃使夫人甄氏出拜，坐上客多伏，而楨獨平視。他日公聞，乃收楨，減死輸作部。」文士傳曰：「楨性辯捷，所問應聲而答。坐平視甄夫人，配輸作部，使磨石。武帝至尚方觀作者，見楨匡坐正色磨石。武帝問曰：『石何如？』楨因得喻己自理，跪而對曰：『石出荊山懸巖之巔，外有五色之章，內含卞氏之珍。磨之不加瑩，雕之不增文，稟氣堅貞，受之自然。顧其理枉屈紆繞而不得申。』帝顧左右大笑，即日赦之。」文帝問曰：「卿何以不謹於文憲？」楨答曰：「臣誠庸短，亦由陛下綱目不疏。」魏志曰：「帝諱丕，字子桓，受漢禪。」按諸書或云楨被刑魏武之世，（二）建安二十年病亡。後七年文帝乃即位。而謂楨得罪黃初之時，謬矣。

[世说新语。 言语第二]

Таким образом, ссылкой Лю Чжэня был фактически ознаменован конец его карьеры – оказавшись в самом низу служебной лестницы, больше он по ней не поднимался. Писарем Лю Чжэнь тоже служил недолго – заболев, он уже чувствовал скорое наступление смерти, о чем писал в своих произведениях:

«Я опутан оковами тяжелой болезни <...> Постоянно опасаясь, что [душа] отправится скитаться на горы Тайшань, и я уже не увижусь вновь со старым другом».

[Лю Чжэнь «Посылаю угуань-чжунланцзяну [Цао Пи]». Цит. по: Чжао мин Вэньсюань, цзюань 23]

余嬰沉痾疾《。。。》常恐游岱宗，不夏见故人。

[刘楨“贈五官中郎將”：昭明文选，卷 23]

«Мудрый посланник с самого начала проникся сочувствием, и с каждым днем его внимание и забота проявлялись все более. <...> Хотя болезнь не излечили, [я близок к смерти и мне] не на что роптать».

[Лю Чжэнь «Письмо Линьцзы-хоу Цао Чжи». Цит. по: Тайпин Юйлань, цзюань 739, цзибин бу 2]

明使君始垂哀怜，意眷日崇《。。。》疾虽未除，就没无恨。

[刘楨“与临淄侯曹植书”。太平御览，卷 739，疾病部二]

Мор, унесший за собой жизнь Лю Чжэня, погубил и его друзей-цзяньаньцев:

«Юй (Жуань Юй – Н.С.) скончался на 17-й год [периода Цзяньань] (в 212 г. – Н.С.). Гань (Сюй Гань – Н.С.), Линь (Чэнь Линь – Н.С.), Чан (Ин Чан – Н.С.), Чжэнь (Лю Чжэнь – Н.С.) скончались на 22-й год [периода Цзяньань] (в 217 г. – Н.С.).»

[Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21]

瑀以十七年卒。幹、琳、瑒、楨二十二年卒。

О кончине Мужей эмоционально высказывается и Цао Пи в своем письме к У Чжи:

«На 23-й год [периода Цзяньань] тайцзы вновь написал У Чжи (здесь дается уточнение, поскольку всего было 2 письма от Цао Пи к У Чжи – Н.С.): “... В прошлом году, [когда свирепствовал] мор, многие родные и (старые) друзья пали жертвами этого бедствия, Сюй, Чэнь, Ин, Лю в одночасье один за другим скончались, как же [мне] передать словами [свою] боль!..”».

[Там же]

二十三年，太子又与质书曰：“。。。昔年疾疫，亲故多离其灾，徐、陈、应、刘，一时俱逝，痛何可言邪！。。。”

Что касается личности Лю Чжэня, то за ним закрепился образ человека прямого и открытого, обладающего независимым характером и твердой волей.

В *Саньгочжи* утверждается, что «Лю Гунгань из Дунпина обладал обширными познаниями и выдающимися способностями, [был] правдив в делах, преисполнен высокими устремлениями, однако [его] характер и поведение не были ровными, не [ведал он] сдержанности и опасливости, удачи и неудачи [его] могли сполна скомпенсировать друг друга».

[Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 29]

东平刘公幹，博学有高才，诚节有大意，然性行不均，少所拘忌，得失足以相补。

[三国志，魏书，卷 29]

Лю Се отмечает, что «Гунгань горяч, поэтому [в] словах он бесстрашен, а [в] чувствах взволнован».

[Вэньсинь дяолун, Тисин 27]

公干气褊，故言壮而情骇。

[文心雕龙，体性 二七]

Чжун Жун схожим образом оценивает личность Лю Чжэня:

«Отдавался порыву, имел пристрастие к удивительному (даже диковинному – Н.С.); как [же] он волновал, до чего же [сильно] воодушевлял!»

[Шипинь]

仗气爱奇，动多振绝 [诗品];

«Крепкая кость (*гу* – *Н.С.*) не страшится морозов (стойка перед лицом невзгод – *Н.С.*); высокий ветер (*фэн*; здесь, скорее, – благородство – *Н.С.*) преодолевает [границы] мирского»

[Там же]

真骨凌霜，高风跨俗。

Цао Пи, оценивающий Мужей критически, отметив свойственную Лю Чжэню импульсивность, в то же время отдал должное силе его духа:

«...Лю Чжэнь зрел, но не собран» [Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности, 1996, С. 41]

刘桢壮而不密 [典论论文];

«Гун-гань обладал безудержным духом, но все же [в словесности] предела еще не достиг» [Послание к У-чжи, 1996, С. 49]

公幹有逸气，但未遒耳 [与吴质书].

Тем не менее, его эмоциональность и порывистость виделись теоретикам и критикам как черты, добавляющие своеобразия его творчеству. Например, Лю Се писал, что «Возвышенные чувства Лю Чжэня [сами по себе] способны украсить».

[Вэньсинь дяолун, Цайлюэ 47]

刘桢情高以会采。

[文心雕龙，才略 四七]

Безусловно, на склад характера, мировоззрение, мировосприятие Лю Чжэня проливают свет и его произведения.

В «Письме-увещевании, адресованном Пинъюань хоу Чжи» Лю Чжэнь сетует на то, что Цао Чжи предпочел его, менее достойного, *цзячэну* Син Юну, который, по мнению Лю Чжэня, и заслуживал того, чтобы быть отмеченным; по характеристике, данной Лю Чжэнем Син Юну, мы можем сделать вывод о том, какие качества он в первую очередь ценил в людях, что добавляет мазки и к его собственному портрету: Лю Чжэнь предупреждает Цао Чжи о том, что не стоит «собирать весенние цветы *шуцзы*, выбрасывать осенние плоды *цзячэна*», напоминает ему, что «[цзячэн Син Юн] с детства остается верным высоким моральным принципам; тихий и скромный, предпочитает словам дела», и подытоживает, что «воистину [он] благороден».

[Перевод и анализ см. далее]

На то, какие качества в людях Лю Чжэнь считал образцовыми, указывают и строки из «Эпитафии [на смерть] *чуши* Го Вэньфу» “处士国文甫碑” (*чуши* – интеллектуал, не сделавший или не делающий карьеру чиновника – *Н.С.*): «[и когда у него] выпадали зубы

(т.е. в детстве – *Н.С.*) и [будучи] взрослым человеком, всем телом не был ни нерасторопным, ни нерадивым, в речах не допускал ошибок, был добросовестен в делах, аккуратен и внимателен, осторожен и осмотрителен».

[Цит. по: Полное [собрание] прозы Восточной Хань, *цзюань* 65]

韶黻以及成人，口无愆辞，兢兢业业，小心畏忌妒。

[全后汉文，卷 65]

«Письмо, написанное в ответ Цао Пи, [пожелавшему] позаимствовать широкий пояс» демонстрирует нам, с каким достоинством Лю Чжэнь реагирует на оскорбление; текст письма проникнут спокойствием; более того, Лю Чжэнь, находясь по отношению к Цао Пи в подчиненном положении, держится независимо: «К сожалению, то, что носит на поясе Чжэнь, лишено украшений. Если [же оно] и впрямь [столь] необычайно, Уважаемый может [его] забрать».

[Перевод и анализ см. далее]

О своей стойкости и непоколебимости Лю Чжэнь заявлял и сам, например:

«Хотя ветер и дождь порывисты и сильны (трудности велики – *Н.С.*), корень и ствол не выкорчевать и не наклонить (решимость непреклонна – *Н.С.*)».

[Заглавие утрачено. Цит. по: [Собрание] стихотворений доциньского периода, Хань, Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий, *Вэй ши, цзюань* 3]

风雨虽急疾，根株不倾移。

[失题诗：先秦汉魏晋南北朝诗，魏诗，卷 3]

Как и другие Мужи, Лю Чжэнь в своих произведениях выражал надежды на то, что на просторах Поднебесной наступят мир и покой:

«... спрятать оружие в арсенале Яньди (в государевом арсенале – *Н.С.*), загнать боевых коней на далекие [пастбища] Цзюе (уезд Цзюе провинции Шаньдун – *Н.С.*)».

[«Ода о столице Лу». Цит. по: *Ивэнь лэйцзюй, цзюань* 61]

戢武器于有炎之库，放戎马于巨野之垆。

[鲁都赋：艺文类聚，卷六十一]

Сам он был готов пренебречь мирскими условностями – заявлял о своем стремлении стать отшельником, который «надевает поношенное и грязное платье, селится в камышовой хижине, дабы воспарить [духом]».

[Ода «Об устремлениях». Цит. по: *Ивэнь лэйцзюй, цзюань* 26]

袭初服之芜秽，托蓬芦以游翔。

[遂志赋：艺文类聚，卷二十六]

Кстати, впоследствии странником Лю Чжэнь представлялся и Се Линьюню:

«[Лю Чжэнь] исчезал, бродя и скитаясь по Сюйцзину».

[В подражание собранию стихотворений *ечэнской* [группы] Вэйского *Тайцзы*. Цит. по: Полное собрание стихотворений Се Линъюня]

沦飘薄许京

[拟魏太子邺中集诗: 谢灵运诗全集]

Оценки его творчества, в отличие от его образа, который вошел в традицию достаточно цельным, отнюдь не так однозначны.

Любопытно, что в «Письме У Чжи» Цао Пи упомянул пятисложные стихотворения Лю Чжэня, лучшие из которых, по его мнению, стали венцом не только его творчества, но и творчества его современников:

«...в лучших из пятисложных стихов он утончен и современников превзошел».

[Послание к У-чжи, 1996, С. 49]

至其五言诗, 妙绝当时。

[与吴质书]

Лю Се, очевидно знакомый с оценкой Цао Пи, был совершенно иного мнения о сильных сторонах в творчестве Лю Чжэня:

«Цзянь (письма – *Н.С.*) и цзи (записки – *Н.С.*) Гунганя [не только] красивы, но и поучительны, познавательны; Цзыхуань (Цао Пи – *Н.С.*) не упомянул [их] [в *Дяньлунь луньвэнь*], поэтому в поколениях [они] все [и] утрачены (т.е. поэтому о них и не знают – *Н.С.*). Если даже обобщенно, вкратце схватить [их] суть, то [станет ясно, что они] прекраснее [его] стихотворений».

[*Вэньсинь дяолун, Шуцзи 25*]

公幹笺记, 丽而规益, 子桓弗论, 故世所共遗。若略名取实, 则有美于为诗矣。

[*文心雕龙, 书记 二五*]

Как явствует из слов Лю Се, по его мнению, отдельного внимания заслуживает дидактическая составляющая прозаических сочинений Лю Чжэня. С этим трудно не согласиться: если взять, к примеру, «Письмо-увещевание, адресованное Пинъюань хоу Чжи» (см. далее перевод и анализ), то его дидактическая нагрузка очевидна.

Высказывания самого Лю Чжэня о литературе и литературном творчестве, а также о других литераторах в свою очередь помогают нам понять многое о нем как о художнике слова: «Лю Чжэнь сказал (мы знаем об этом из других источников, в частности – из *Вэньсинь дяолун*, т.е. в пересказе Лю Се; оригинальные записи не сохранились – *Н.С.*): “Энергия тела [литературного] сочинения включает в себе как силу, так и слабость, но если получается так, что при словах, уже исчерпанных, энергия [еще] остается в избытке, то

[такое под силу] лишь одному человеку во всей Поднебесной, [других таких людей] найти невозможно”. То, о чем говорит Гунгань, также вполне затрагивает и вопрос *ци* (в данном случае – духа литературного сочинения – *Н.С.*). Однако, что касается имманентной энергии текста, то [эта] энергия в себе сочетает и твердость, и мягкость, необязательно [проявляется в] громких словах и пылких [речах], именно [это] и называется [настоящей] энергией».

[*Вэньсинь дяолун, Динши 30*]

刘桢云:“文之体势有强弱, 使其辞已尽而势有馀, 天下一人耳, 不可得也。”公干所谈, 颇亦兼气。然文之任势, 势有刚柔, 不必壮言慷慨, 乃称势也。

[文心雕龙, 定势 三十]

«Гунгань также сказал: “Из рода Кун (Кун Жун – *Н.С.*) – выдающийся [человек], поистине таит [в себе] необыкновенный *ци* (дух, эфир – *Н.С.*); свойства [его] кисти и туши почти непревзойденны”».

[*Вэньсинь дяолун, Фэнгу 28*]

公干亦云:“孔氏卓卓, 信含异气; 笔墨之性, 殆不可胜。”

[文心雕龙, 风骨 二八]

В хрониках зафиксирован эпизод, косвенно указывающий на то, что к словам Лю Чжэня прислушивались не только в вопросах литературного творчества, но и государственного управления:

«Потом Лю Чжэнь из Дунпина во сне [увидел] четвероногую змею, [которая] жила в норе в дверном проеме, распорядился истолковать этот [сон], [и] было объявлено: “Этот сон касается государства, [а] не вашей семьи. Должно умерщвить женщин-изменниц. Вскоре предательницы Чжэн и Цзян были обе казнены; змея – зловещее предзнаменование, [указывающее] на женщину, [однако] змее не подобает иметь ноги, (а во сне змея была четвероногой – *Н.С.*), поэтому [обе эти женщины были казнены]”».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 29*]

后东平刘桢梦蛇四足, 穴居门中, 使宣占之, 宣曰: “此为国梦, 非君家之事也。当杀女子而作贼者。”顷之, 女贼郑、姜遂俱夷讨, 以蛇女子之祥, 足非蛇之所宜故也。

[三国志, 魏书, 卷 29]

Позднее вещий сон приснился Цао Пи, только на сей раз речь шла о его жене, той самой Чжэнь, из-за которой был наказан Лю Чжэнь, и сон призывал спасти ее от гибели: «Вскоре *ди* (Цао Пи – *Н.С.*) вновь спросил: “Я прошлой ночью во сне [увидел] зеленый дымок, курящийся над землей и устремляющийся в небеса”. [Ему] было сказано: “В Поднебесной, должно быть, была знатная дама, [которая] была незаслуженно приговорена к смерти”. К тому моменту *ди* (Цао Пи – *Н.С.*) уже направил [своего] посланника к Чжэнь

хоу, [дабы] удостоить [ее] письмом с императорской печатью, [извещающим ее о приказе приказать ее смертной казни], а, услышав [это] заявление, [Цао Пи] пожалел об этом, послал [второго] гонца, [чтобы тот] догнал первого, [но уже] не успел».

[Там же]

无几，帝复问曰：“我昨夜梦青气自地属天。”宣对曰：“天下当有贵女子冤死。”是时，帝已遣使赐甄后玺书，闻宣言而悔之，遣人追使者不及。

К сожалению, большинство произведений Лю Чжэня не сохранилось до наших дней. Однако даже по тем немногочисленным сочинениям, которые все же уцелели, и по тем разрозненным биографическим сведениям, которые дошли до нас, мы можем наметить для себя контуры жизненного пути Лю Чжэня, составить для себя представление как о его художественной манере, так и о его личности, в том числе о его образе мыслей, мировоззренческой позиции, складе характера и т.п.

Жизненный и творческий путь Ван Цаня

В отличие от многих других *цзяньваньских* мужей, сведения о жизни и творчестве которых рассеяны по хроникам и трактатам, Ван Цань удостоился отдельного жизнеописания – Ван Цань *чжуань*, – вошедшего в *Саньгочжи*, *цзюань* 21.

Жизнеописание открывается повествованием о предках Ван Цаня – о его прадеде, деде и отце, – все трое из которых были достойнейшими представителями своего времени.

И Ван Гун 王龚, и Ван Чан 王畅, и Ван Цянь 王谦, занимавшие высокие чиновничьи посты, относились к высшей прослойке аристократии. Ван Гун запомнился потомкам как почитатель традиции и блюститель нравов, Ван Чан – как радетель за справедливость и благо для простого народа, Ван Цянь – как человек независимый:

«Ван Цань, по второму имени (*цзы* – *Н.С.*) – Чжунсюань, был родом из Гаопина Шаньяна (из уезда Гаопин округа Шаньян – *Н.С.*). [Его] прадед Гун, дед Чан – оба [в свое время] входили [в число] трех ханьских гунов (т.е. высших сановников Ханьской империи – *Н.С.*).

[*Саньгочжи*, *Вэйшу*, *цзюань* 21].

王粲字仲宣，山阳高平人也。曾祖父龚，祖父畅，皆为汉三公。

[*三国志*, *魏书*, 卷 21]

[В *Ханьцзи* (т.е. «Ханьских анналах» – *Н.С.*) Чжан Фаня говорится:

«Гун, по второму имени (*цзы* – *Н.С.*) – Боцзун, был широко известен на [просторах] Поднебесной. Во времена правления Шуньди (Лю Бао 刘保; годы правления: 125–144 гг. –

Н.С.) служил *тайвэем* (*тайвэй* – главнокомандующий, один из трех *гунов* – Н.С.). Поначалу, [когда] *тайшоу* (правитель области – Н.С.) Шаньяна Сюэ Цинь потерял жену, [он] не плакал, позднее, [когда] были похороны, приблизился к гробу и сказал: “К счастью, умерла немолодой, о чем же [здесь] сожалеть?”. Когда умерла жена Гуна, Гун бок о бок со всеми почтенными мужами, опершись на траурный посох, соблюдал траур; [из] современников, быть может, [нашлось лишь] несколько, [кто это] высмеял.

Второе имя (*цзы* – Н.С.) Чана – Шумао, был одним из восьми выдающихся людей [своего времени]. Во времена Линьди (刘宏 Лю Хун; годы правления: 168–189 гг. – Н.С.) [он] был *сыкуном*; из-за потопа был уволен, а Ли Ин к тому же еще отослан в [свою] родную область; оба они тогда были отвергнуты за [свою] верность, приверженность принципам. В Поднебесной [почитали] Чана, Ина за высоконравственных мужей; все те, кто придерживались в [своих] речах и делах честности и прямоты, [высоко] ценили и уважали их, желали быть рядом с ними (*досл.* – влиться в их группу – Н.С.), только опасались, что [это для них] недостижимо. Объединенные [общей] бедой, [государевы] советники (*досл.* – все те, кто говорят и делают, – Н.С.) в один голос твердили, что три *гуна* не такие (имеется в виду, что они недостойные, – Н.С.) люди, надобно из-за этого их заменить Чаном и Ином, тогда обязательно будет явлено доброе предзнаменование. Из-за этого евнухи затаили [на них] злобу, да так обозлились, что Ина убили, а Чана выгнали прочь, скончался [он] у [себя] дома».]

[Там же]

【张璠汉纪曰：龚字伯宗，有高名於天下。顺帝时为太尉。初，山阳太守薛勤丧妻不哭，将殡，临之曰：“幸不为夭，复何恨哉？”及龚妻卒，龚与诸子并杖行服，时人或两讥焉。畅字叔茂，名在八俊。灵帝时为司空，以水灾免，而李膺亦免归故郡，二人以直道不容当时。天下以畅、膺为高士，诸危言危行之徒皆推宗之，愿涉其流，惟恐不及。会连有灾异，而言事者皆言三公非其人，宜因其变，以畅、膺代之，则祲祥必至。由是宦竖深怨之，及膺诛死而畅遂废，终于家。】

«Отец [Ван Цаня] [Ван] Цянь служил *чжанши* (адъютантом – Н.С.) при главнокомандующем Хэ Цзине. Цзинь, [зная о том, что] Цянь был потомком славных *гунов*, желая породниться [с ним], представил [ему] своих двух сыновей, попросил выбрать [из них себе зятя]. [Ван] Цянь не согласился. [Ван Цянь], заболев, был разжалован, скончался [у себя] дома».

[Там же]

父谦，为大将军何进长史。进以谦名公之胄，欲与为婚，见其二子，使择焉。谦弗许。以疾免，卒于家。

Сам Ван Цань, как мы позднее убедимся, унаследовал от своих предков некоторые убеждения и черты характера: он оставался знатоком и апологетом древних установлений, выказывал равнодушие к тяготам жизни простых людей, отстаивал то, что считал справедливым, обладал независимой натурой. При этом он был человеком необыкновенно одаренным, что стало в нем проявляться весьма рано, еще в юные годы. В хрониках сохранился эпизод, повествующий о том, как Цай Юн (133–192 гг.), прославленный интеллектуал, литератор, каллиграф периода Восточная Хань, увидев его, сразу разглядел в нем незаурядный талант:

«[Когда] Сяньди (Ханьский Сяньди, Лю Се 刘协; последний император династии Восточная Хань; годы правления: 189–220 гг. – *Н.С.*) направился на запад, [Ван] Цань последовал [за ним] в Чанъань, *цзо-чжунланцзян* (левый начальник дворцовой стражи; в период Хань были *цзо-чжунланцзян*, *ю-чжунланцзян*, т.е. правый начальник дворцовой стражи, и *угуань-чжунланцзян*, т.е. начальник дворцовой стражи пяти канцелярий, или же начальник дворцовой стражи по всем вопросам, над всеми – *Н.С.*). Цай Юн, увидев [его], [сразу] подивился [ему]. Тогда [уже] Юн славился [своей] ученостью, пользовался большим уважением при [императорском] дворе, часто колесничие и всадники заполняли [собой] [все] улочки [вокруг его дома], [а] гости сидели повсюду [в его доме]. [Однажды], услышав, что Цань стоит за воротами [его дома], [он так поспешил] выйти к нему навстречу, что надел сандалии шиворот-навыворот. Ван Цань вошел [в дом] – возрастом мал, обликом тщедушен, – [так все] сидящие разом и удивились. Юн сказал: “Это – внук *гуна* Вана (Ван Чана – *Н.С.*), необычайно [он] талантлив, мне не сравниться [с ним]. Все книги, труды в моем доме должно отдать ему”».

[Там же]

献帝西迁，粲徙长安，左中郎将蔡邕见而奇之。时邕才学显著，贵重朝廷，常车骑填巷，宾客盈坐。闻粲在门，倒屣迎之。粲至，年既幼弱，容状短小，一坐尽惊。邕曰：“此王公孙也，有异才，吾不如也。吾家书籍文章，尽当与之。”

Вскоре после этого, как нам сообщают источники, Ван Цань вступил на путь служилого человека – сначала при Лю Бяо, затем при Цао Цао:

«В возрасте семнадцати лет [получил] рекомендацию *сыту* (начальника приказа по делам воспитания и обучения, одного из трех *гунов* – *Н.С.*), призвал его к желтым воротам (в императорский дворец – *Н.С.*) [служить] *шиланом* (членом императорской дворцовой свиты – *Н.С.*), [однако], поскольку в западной столице (Чанъани – *Н.С.*) стало беспокойно, [он] так и не занял [этот пост]. Вскоре [после этого] отправился в Цзинчжоу служить при Лю Бяо. Бяо [же] по причине того, что внешность у Цаня была невзрачной, телосложение хлипким, а сам он был вольным [по своей натуре] (т.е. не связывал себя условностями –

Н.С.), не особенно его любил. [Ваш раб Сунчжи (Пэй Сунчжи – *Н.С.*) сказал: «Если внешность безобразна, говорят, что она отражает его (т.е. человека – *Н.С.*) сущность. Тот [же], кто волен и свободен, относится к этому просто»]. Бяо умер. Цань уговаривал сына Бяо Цуна примкнуть к *тайцзу* (к Цао Цао – *Н.С.*)».

[Там же]

年十七，司徒辟，诏除黄门侍郎，以西京扰乱，皆不就。乃之荆州依刘表。表以粲貌寝而体弱通悦，不甚重也。【臣松之曰：貌寝，谓貌负其实也。通悦者，简易也。】表卒。粲劝表子琮，令归太祖。

«*Тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*) назначил [его] помощником *чэнсяна* (*чэнсян-юанем*, т.е. помощником канцлера, – *Н.С.*), [также] пожаловал [ему] титул *гуаньнэй-хоу* (удельного князя внутренних, т.е. внутривосточных, земель – *Н.С.*). [Когда] *тайцзу* давал пир на берегу [реки] Ханьшуй, Цань поднял кубок и пожелал ему: “Как раз теперь Юань Шао поднимает [на восстание] Хэбэй, опираясь на широкие массы, замышляет подчинить [себе] Поднебесную, однако, [хотя он и] привечает таланты, [тем не менее], не умеет находить им применение, поэтому незаурядные люди уходят, [покидая] его. Лю Бяо чувствовал себя вольготно на [территории] Цзин и Чу (т.е. территории царства Чу – *Н.С.*), безучастно (*досл.* – сидя – *Н.С.*) наблюдал за изменением обстановки, полагая, что может подражать гегемону Запада (т.е. Чжоу Вэньвану – *Н.С.*). Те мужи, которые, спасаясь от смуты, оказались в Цзинчжоу, все являли собой цвет [территории] в пределах морей (т.е. в Китае – *Н.С.*), [Лю] Бяо [же] не [мог] сообразить, как [их] расставить (т.е. не ведал, как [им] найти применение – *Н.С.*), поэтому, когда царство оказалось в опасности, [ему было] не на кого опереться. В тот день, когда Милостивый государь (Вы – *Н.С.*) покорил Цзичжоу, [он], прибыв [на место] (*досл.* – сойдя с повозки – *Н.С.*), сразу же [принялся за то, чтобы] привести в порядок его (т.е. Цзичжоу – *Н.С.*) войска, отобрать лучших из них (т.е. лучших из воинов Цзичжоу – *Н.С.*), дабы включить в свои ряды и [посредством этого] установить [свое] господство в Поднебесной; когда умиротворил Цзян, Хань, [вновь] призвал [к себе] мудрейших и доблестнейших [из мужей Цзян и Хань], [каждому] определил [он] место, тем самым побудив [территории] в пределах морей (т.е. Китай – *Н.С.*) одуматься, ожидал благоприятных обстоятельств, желая установить [в Поднебесной] свое господство, воздействовал как культурой, так и оружием, героически не жалея сил, – все это [достойно] деяний Трех *ванов* (т.е. талантливых государей трех первых династий – Ся, Шан, Чжоу – *Н.С.*).

[Там же]

太祖辟为丞相掾，赐爵关内侯。太祖置酒汉滨，粲奉觞贺曰：“方今袁绍起河北，仗大众，志兼天下，然好贤而不能用，故奇士去之。刘表雍容荆楚，坐观时变，自以为西伯可规。士之避乱荆州者，皆海内之俊杰也；表不知所任，故国危而无辅。明公定冀州之日，下车即缮其甲卒，收其豪杰而用之，以横行天下；及平江、汉，引其贤俊而置之列位，使海内回心，望风而愿治，文武并用，英雄毕力，此三王之举也。”

Очевидно, что Ван Цань, будучи, как и остальные Мужа, в высшей степени равнодушным к политическим событиям своего времени, относился к Цао Цао с большим уважением, отдавая должное его доблести, мудрости и дальновидности, о чем мы можем судить на основании отдельных его высказываний, вошедших в хроники, а также некоторых его произведений. Эти высказывания дают нам четкое представление о том, как Ван Цань относился к власти, какие качества ценил в правителе, за кем он был готов идти. К примеру, *цзюань 15 Вэйшу Саньгочжи* содержит следующий тезис, приписываемый Чжун Яо (высокопоставленному сановнику царства Вэй периода Троецарствия, известному каллиграфу; годы жизни: 151–230 гг. – *Н.С.*) и Ван Цаню: «Не совершенномудрому [правителю] не достичь великого спокойствия».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 15*]

鍾繇、王粲著论云：“非圣人不能致太平。”

[*三国志, 魏书, 卷 15*]

В связи с этим будет уместно вспомнить стихотворение (если быть точнее – стихотворный цикл, состоящий из пяти стихотворений) Ван Цаня «Выступаем в [военный] поход» “从军诗五首”, о котором в хрониках сообщается следующее (мы приведем расширенный эпизод):

«На седьмой месяц (речь идет о 18-м г. *Цзяньань*, т.е. о 213 г., – *Н.С.*) в царстве Вэй начали возводить храм божествам Шэ (богу земли – *Н.С.*) и Цзи (богу злаков – *Н.С.*). Сын Неба (ханьский *Сяньди* – *Н.С.*) взял в жены трех дочерей *гуна* (Цао гуна, т.е. Цао Цао, – *Н.С.*), пожаловал им титулы *гуйжэней* (благородных, т.е. первых из младших жен императора, – *Н.С.*), [при этом] самая младшая из них в ожидании совершеннолетия осталась в царстве [Вэй]. <...> На одиннадцатый месяц [в царстве Вэй] начали учреждать [такие должности, как] *шаншу* (*досл.* – ответственный за письмо; главный распорядитель по письму; один из шести главных распорядителей, т.е. *люшанов*, которые служили под началом *шаофу*, ответственного за личную императорскую секретарскую работу, – *Н.С.*), *шичжуня* (дворцового служителя – *Н.С.*), *люцинов* (шести министров – *Н.С.*). [В *Вэйши Чуньцзю* говорится: «<...> Вань Цань, Ду Си, Вэй Цзи были назначены *шичжунями*»].

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 1*]

秋七月，始建魏社稷宗庙。天子聘公三女为贵人，少者待年于国。【*献帝起居注*曰：使使持节行太常大司农安阳亭侯王邑，赍璧、帛、玄纁、绢五万匹之邺纳聘，介者五人，皆以议郎行大夫事，副介一人。】九月，作金虎台，凿渠引漳水入白沟以通河。冬十月，分魏郡为东西部，置都尉。十一月，初置尚书、侍中、六卿。【*魏氏春秋*曰：以荀攸为尚书令，凉茂为仆射，毛玠、崔琰、常林、徐奕、何夔为尚书，王粲、杜袭、卫觊、和洽为侍中。】

[三国志，魏书，卷 1]

На двенадцатый месяц 20-го г. *Цзяньань* (215 г. – *Н.С.*) *гун* (Цао гун, т.е. Цао Цао, – *Н.С.*) вернулся из [уезда] *Наньчжэн*, оставил *Сяхоу Юаня* стоять с войском в [округе] *Ханьчжун*. [В пути *Цань* сочинил пятисловные стихи, дабы воспеть это предприятие: “从军有苦乐...”.].»

[Там же]

十二月，公自南郑还，留夏侯渊屯汉中。【*是行也，侍中王粲作五言诗以美其事曰：“从军有苦乐。。。 ”*】

В стихотворении «Выступаем в [военный] поход», написанном под влиянием порыва, охватившего Ван Цаня, когда он выступил с Цао Цао в военный поход против царства Восточное У, содержатся строки, тоже недвусмысленно выражающие взгляды Ван Цаня на те качества, которыми, по его мнению, должен быть наделен полководец, государь, а также на его отношение к личности Цао Цао:

«В походе есть [место] и горестям, и радостям, однако [стоит] спросить, за кем [выступают в поход] (т.е. все зависит от того, кто возглавляет войско в походе – *Н.С.*)»

[Выступаем в [военный] поход, 1. Цит. по: *Чжао мин Вэньсюань*, 27]

“从军有苦乐，但问所从谁”

[从军，第一首：文选，二十七];

«[если тот, за кем следуют, мудр да еще и мужественен», «[тогда] как же [он может] подолгу изнурять [свое] войско (т.е. как же тогда война может длиться долго – *Н.С.*)?»

[Там же]

“所从神且武”，“焉得久劳师”?

Здесь же Ван Цань заявляет и о своей верности долгу перед общим делом:

«[Все]м телом служу делу войны, как же могу помышлять о личном?»

[Там же, стихотворение 3]

“身服干戈事，岂得念所私”

[第三首]

При этом Ван Цань не заявляет ни о каком подвижничестве, ни о какой жертвенности; он все время помнит о том, ради чего ведется война, – для того, чтобы поскорее воцарились мир и покой, которые позволят и ему, и тем, кто вокруг него, окунуться в водоворот каждодневных забот:

«...не можем подражать Лэю и Ни (т.е. Чан Лэю и Цзе Ни – отшельникам древности – *Н.С.*), вслед друг за другом берем в руки мотыгу и плуг»

[Там же, стихотворение 1]

“不能效泪溺，相随把锄犁”

[第一首].

Придворная карьера Ван Цаня складывалась весьма благополучно – он занимал видные чиновничьи посты и исполнял важные поручения общегосударственного масштаба (продолжаем повествование о его жизни, изложенное в *Саньгочжи, Вэйшу, цзюане 21*):

«Затем [Ван Цань] [был направлен служить] *цзюньмоу цзицзю* (виночерпием при военном стратеге – *Н.С.*). [После того, как] было основано царство Вэй, он был назначен *шичжун*ом. [Поскольку] [его] познания были обширны, не было такого вопроса, на который он давал бы неверный ответ. К тому времени старые порядки [уже] были заброшены, [нужно было] устанавливать новые, Цань [и] занялся этим (*досл.* – распространением установлений – *Н.С.*). [Чжи Юй (эрудит из Чаньани; годы жизни: ?–311 гг. – *Н.С.*), в своем труде «То, на что надобно обратить внимание для разрешения сомнений» писал: «В конце [периода правления династии] Хань [Поднебесная] погрузилась в смуту, нигде не было [видно] яшмовых подвесок (речь идет о традиционном яшмовом украшении, которое носила на груди и животе аристократия, – *Н.С.*). Вэйский *шичжун* Ван Цань знал о старой [традиции ношения] яшмы, начал ее возрождать. Сегодняшний (Чжи Юй жил в царстве Западная Цзинь – *Н.С.*) [обычай ношения] яшмовых подвесок был установлен Цанем»].

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

后迁军谋祭酒。魏国既建，拜侍中。博物多识，问无不对。时旧仪废弛，兴造制度，祭恒典之。【*挚虞决疑要注曰：汉末丧乱，绝无玉珮。魏侍中王粲识旧珮，始复作之。今之玉珮，受法於粲也。*】

[三国志，魏书，卷 21]

Ван Цань был не только знатоком и хранителем традиции, но также и ответственным по установлению норм и правил в царстве Вэй:

«Когда было основано царство Вэй, Вэй Цзи был назначен *шичжун*ом, вместе с Ван Цанем ведал законами и установлениями».

[Там же]

魏国既建，拜侍中，与王粲并典制度。

Незаурядная личность Цаня проявляла себя не только на государственной службе, но и в повседневной жизни, и в литературном творчестве:

«Как-то Цань, идя [по дороге] вместе с друзьями, [остановился] прочитать [то, что было написано на] стеле у дороги, друзья [его] спросили: “Вы умеете декламировать (по памяти)?” [Ван Цань] ответил: “Умею”. [Именно] поэтому [они его] попросили повернуться спиной [к стеле] и продекламировать то, [что на ней написано], и он прочитал, не пропустив ни иероглифа».

[Там же]

初，粲与人共行，读道边碑，人问曰：“卿能闇诵乎？”曰：“能。”因使背而诵之，不失一字。

«[Однажды Ван Цань] увидел, [как играли в] облавные шашки [и нечаянно] опрокинули доску, Цань [вызвался] помочь восстановить на ней [первоначальный порядок]. Те, кто играли в шашки, не поверили, [что он способен это сделать], накрыли платком [игорную] доску, велели [ему] заменить эту доску другой [и на ней воссоздать порядок], [в итоге они] сравнили и [не обнаружили] ни одной ошибки. Его сильная память, [способность] запоминать наизусть были [как раз] таковы».

[Там же]

观人围棋，局坏，粲为覆之。棋者不信，以帊盖局，使更以他局为之。用相比校，不误一道。其强记默识如此。

«[У Ван Цаня была] природная склонность к счету; совершая вычисления, [он] с легкостью давал правильный ответ (*досл.* – просто, с простотой доводил их, т.е. вычисления, до разумного конца – *Н.С.*)».

[Там же]

性善算，作算术，略尽其理。

«Он был силен в сочинительстве, [стоило ему] поднять кисть, как тут же слагал [он строки], [никогда] ничего не исправлял, современникам подчас казалось, что [он] придумывал заранее; однако поистине, [даже если другие] многократно [и] оттачивали [изложенную на письме] мысль, продолжительно обдумывали [то, что предстояло написать], все равно не могли превзойти [его]. [В *Дяньлюэ* говорится: «Поскольку Цань обладал большим талантом, [он был] находчив в дискуссиях и диспутах. Чжун Яо, Ван Лан, хотя и были вэйскими высокопоставленными чиновниками, но, когда доходило до [подачи] докладных записок трону, они откладывали кисти, не будучи в состоянии [ничего]

предпринять».] Написанные [им] *ши* (стихотворения – *Н.С.*), *фу* (оды – *Н.С.*), *лунь* (суждения – *Н.С.*), *и* (представления, записки – *Н.С.*) сохранились [в количестве] 60 пяней».
[Там же]

善属文，举笔便成，无所改定，时人常以为宿构；然正复精意覃思，亦不能加也。

【典略曰：粲才既高，辩论应机。鍾繇、王朗等虽名为魏卿相，至於朝廷奏议，皆阁笔不能措手。】著诗、赋、论、议垂六十篇。

Жизнь Цаня сложилась в целом благополучно, однако умер он рано, от болезни, а сыновья его были казнены вскоре после его смерти:

«На 21-й год *Цзяньань* (216 г. – *Н.С.*) [Ван Цань] последовал за [Цао Цао] в поход на [царство] У. На 22-й год (217 г. – *Н.С.*) весной по пути [в У он] заболел и умер, [ему шел] тогда 41 год. Оба сына Цаня были втянуты Вэй Фэном [в дело измены царству Вэй], [за что они] были казнены. [От них] не осталось потомков. [В *Вэньчжанчжи* («Обзоре произведений» авторства Чжи Юя – *Н.С.*) говорится: «*Тайцзу* шел с походом на Ханьчжун, [когда] услышал, что сыновья Цаня умерли, со вздохом сказал: “Если бы сироты были в живых, не получилось бы так, что Чжунсюань не оставил после себя потомства”»].

[Там же]

建安二十一年，从征吴。二十二年春，道病卒，时年四十一。粲二子，为魏讽所引，诛。后绝。【文章志曰：太祖时征汉中，闻粲子死，叹曰：“孤若在，不使仲宣无后。”】

Вышеизложенное содержание «Ван Цань *чжуаня*» 21 *цзюаня Вэйшу Саньгочжи* передано и в *цзюане 56 Хоуханьшу*, только в более сокращенном виде.

[*Хоуханьшу, цзюань 56*]

Чуть более подробно об отношениях Ван Цаня и Лю Бяо, о библиотеке Цай Юна, о казни сыновей Ван Цаня, а также о наследнике книг, подаренных Ван Цаню Цай Юном, написано в *цзюане 28 Вэйшу Саньгочжи*:

«В *Боуцзи* (“Записках о самом разном” авторства Чжан Хуа эпохи Цзинь – *Н.С.*) говорится:

“Ван Цань вместе с троюродным братом Каем бежал, спасаясь, в Цзинчжоу, Лю Бяо хотел [выдать] дочь замуж за Цаня, однако был недоволен тем, что тот был некрасив, [поэтому], воспользовавшись [случаем], поспешно [отдал ее] в жены Каю, обладавшему приятной наружностью. У Кая родился Е, приходящийся, [таким образом], внуком Лю Бяо. У Цай Юна было [много] книг, около десяти тысяч *цзюаней*; на склоне лет погрузил [он их] на несколько повозок и [отвез] Цаню [в подарок]; после того, как Цань умер, Вэй Фэн, помощник канцлера, задумал [осуществить государственный] переворот, [и] сыновья Цаня были [в этом деле] замешаны; поскольку [они были] казнены, все подаренные Юном книги

достались Е. <...> В *Чуньцю* Вэйского рода говорится: “Раз уж *Вэньди* казнил двух сыновей Цаня, Е [теперь считается] наследником Цаня”.”».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цюань 28*]

【。。。博物记曰：初，王粲与族兄凯俱避地荆州，刘表欲以女妻粲，而嫌其形陋而用率，以凯有风貌，乃以妻凯。凯生业，业即刘表外孙也。蔡邕有书近万卷，末年载数车与粲，粲亡后，相国掾魏讽谋反，粲子与焉，既被诛，邕所与书悉入业。业字长绪，位至谒者仆射。子宏字正宗，司隶校尉。宏，弼之兄也。魏氏春秋曰：文帝既诛粲二子，以业嗣粲。】

[*三国志, 魏书, 卷 28*]

По оценкам многих, творчество Ван Цаня было «венцом [творчества] Семи мужей» [*Вэньсинь дяолун, Цайлюэ 47*] (можно предложить и другой перевод: Ван Цань был «первым среди Семи мужей» 七子之冠冕 [*文心雕龙, 才略 四七*]). Как правило, именно его вместе с Цао Чжи, формально не входящим в группу Семи мужей, однако, как мы знаем, тесно связанным с ней, называют ярчайшими представителями своей эпохи. В частности, неоднократно подчеркивалась универсальность таланта Ван Цаня – его одаренность проявляла себя в разных литературных жанрах, и сам он, в отличие от многих, был мастером как четырехсловного, так и пятисловного стиха – к слову, эта особенность была общей для него и Цао Чжи. Например, Лю Се в связи с этим пишет:

«Поэтому, [если] окинуть взором предшествующие эпохи, [то] можно увидеть многочисленные изменения в обстановке и обстоятельствах [тех времен]; [если] выделить [в тех эпохах] сходства и различия, то можно понять основные принципы [творчества]. Если же [взять, к примеру,] правильный стиль четырехсловных [стихов], то основу [его] составляют изящество и сочность; главное, на чем покоится нормативное звучание пятисловных стихов, – [это] ясность и красочность. [Что касается] разницы в подходах к форме и содержанию, [то] это определяется только талантом [каждого отдельно взятого литератора]. Поэтому, [например], Пинцзы (Чжан Хэн – *Н.С.*) взял [оттуда] их изящество (т.е. такую их особенность, как изящество, – *Н.С.*), Шуе (Цзи Кан – *Н.С.*) привнес [в свои сочинения] их гладкость, Маосянь (Чжан Хуа – *Н.С.*) [в своих стихотворениях] воплотил их свежесть и ясность (т.е. такие их особенности, как свежесть и ясность, – *Н.С.*), Цзиньин (Чжан Се – *Н.С.*) выпестовал [в своих произведениях] их красочность. [Теми же, кому] удавались в равной степени [особенности как четырехсловных, так и пятисловных стихотворений] были Цзыцзянь (Цао Чжи – *Н.С.*), Чжунсюань (Ван Цань – *Н.С.*), однобоко прекрасны были [сочинения] Тайчуна (Цзо Сы – *Н.С.*), Гунганя (Лю Чжэня – *Н.С.*).

[*Вэньсинь дяолун, Минши 7*].

故铺观列代，而情变之数可监；撮举同异，而纲领之要可明矣。若夫四言正体，则雅润为本；五言流调，则清丽居宗。华实异用，惟才所安。故平子得其雅，叔夜含其润，茂先凝其清，景阳振其丽。兼善则子建、仲宣，偏美则太冲、公幹。

[文心雕龙，明诗 六]

К слову сказать, Лю Се не раз сравнивал Ван Цаня и Цао Чжи, подчеркивая необыкновенную даровитость обоих:

«Цзыцзянь (Цао Чжи – *Н.С.*) брал бумагу [и быстро писал так], будто декламировал [по памяти] [сочиненное ранее]; Чжунсюань поднимал кисть [и поспешно записывал так], словно заранее сочинял [то, что собирался записать]».

[*Вэньсинь дяолун, Шэньсы 26*]

子建援牍如口诵，仲宣举笔似宿构

[文心雕龙，神思 二六]

Однако были и те теоретики, которые, не умаляя заслуг Ван Цаня, отдавали пальму первенства Цао Чжи; к примеру, Янь Яньчжи (384–456 гг.), менее заметный, чем Лю Се (456–521 гг.), однако живший чуть ранее, в отношении четырехсловной и пятисловной поэзии признает универсализм исключительно за творчеством Цао Чжи:

«В *Тингао* (“Семейном наставлении” – *Н.С.*) Янь Яньчжи говорится: “...Что касается гладкости и тонкости (т.е. изящества – *Н.С.*) пятисловных [стихотворений], то [в этом были особенно сильны] Лю Чжэнь, Чжан Хуа; [если же говорить о] глубине и густоте, [характеризующих] четырехсловную [поэзию], то [в этом мастерами были] Чжан Хэн, Ван Цань. [Но вот] если [сказать о] Чэнь Сыване, [то] можно сказать, [что ему] было подвластно и то, и другое”».

[*Тайпин Юйлань, цзюань 586, вэньбу 2*].

颜延之《庭诰》曰：。。。至於五言流靡，则刘桢、张华；四言侧密，则张衡、王粲。若夫陈思王，可谓兼之矣。

[太平御览，卷五百八十六，文部二]

Здесь мы видим, что и оценки, даваемые Лю Се и Янь Яньчжи четырехсловной и пятисловной поэзии, разнятся.

Вероятно, имена Цао Чжи и Ван Цаня часто упоминаются в связи друг с другом еще и потому, что они были достаточно близки – именно Ван Цаня и Лю Чжэня называют опорой семейства Цао среди литераторов (см. очерк о жизненном и творческом пути Лю Чжэня):

«В [период] *Цзяньань* отец и сыновья Цао покровительствовали культуре, братья Пиньюань (Цао Пи и Цао Чжи – *Н.С.*) были опорой для литераторов. Лю Чжэнь и Ван Цань служили [им в этом] помощниками (*досл.* – были их крыльями – *Н.С.*)».

[*Шипинь*]

降及建安，曹公父子笃好斯文，平原兄弟郁为文栋，刘桢、王粲为其羽翼。

[*Шипинь*]

«Поэтому известно, что Чэнь Сыван (Цао Чжи – *Н.С.*) составлял славу [периода] *Цзяньань* (*досл.* – был героем *Цзяньань* – *Н.С.*), Гунгань (Лю Чжэнь – *Н.С.*) и Чжунсюань (Ван Цань – *Н.С.*) были [его] друзьями и соратниками».

[Там же]

故知陈思为建安之杰，公幹、仲宣为辅。

При этом Чжун Жун добавляет:

«Посылаю братьям» Чэнь Сы, “Семь печалей” Чжунсюаня, “Думаю о друге” Гунганя <...> – все это “кнуты”, [подгоняющие развитие] пятисловной [поэзии]» (из литераторов *Цзяньань* Чжун Жун упомянул только Цао Чжи, Ван Цаня, Лю Чжэня; в ряду литераторов, представляющих разные эпохи, они стоят первыми, они и были по времени первыми, поэтому именно их считают законодателями в области китайской пятисловной поэзии – *Н.С.*).

[Там же]

陈思赠弟，仲宣《七哀》，公幹思友。。。斯皆五言之警策者也。

Стихотворения Цао Чжи, Ван Цаня и Лю Чжэня, в отличие от стихотворных сочинений других *цзяньаньцев*, причислялись Чжун Жуном к стихотворениям высшей категории – к *шанпинь* 上品.

[Цит. по *Тайпин Юйлань, цзюань 586, вэньбу 2*]

Ван Цаня сравнивали и с другими *цзяньаньцами*, к примеру, с Сюй Ганем, причем это сравнение, не замалчивающее недостатки в творчестве Сюй Ганя, было призвано заявить, что он, тем не менее, достоин стоять в одном ряду с Ван Цанем:

«Ван Цань был силен в элегиях-*цы* и одах-*фу*. У Сюй Ганя подчас заметен дух [царства] Ци, но [в остальном] под стать он Цаню».

[Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности, 1996, С. 40]

王粲长于辞赋，徐干时有齐气，然粲之匹也。

[*Дяньлун. Дяньлун*]

Безусловно, в источниках мы находим и характеристики, подчас весьма подробные, даваемые их авторами творчеству самого Ван Цаня:

«Чжунсюань горяч и остер, поэтому дает о себе знать [его] неординарность (досл. – острое выходит наружу – *Н.С.*) и проявляет себя его талантливость (досл. – талант приносит свои плоды – *Н.С.*)».

[Вэньсинь дяолун, Тисин 27]

仲宣躁锐，故颖出而才果

[文心雕龙，体性 二七]

«Чжунсюань был преисполнен [литературным] талантом, [в творчестве] был проворен, при этом и внимателен; самые разнообразные [виды] сочинений были ему одинаково подвластны, в языке [его] редко [встречались] оплошность, усталость, [если] собрать его *ши* и *фу*, [то станет ясно, что они] венчают [собой] [*ши* и *фу*] Семи мужей!».

[Вэньсинь дяолун, Цайлюэ 47]

仲宣溢才，捷而能密，文多兼善，辞少瑕累，摘其诗赋，则七子之冠冕乎！

[文心雕龙，才略 四七]

«Что касается Чжунсюаня, [то его мастерство в одах] тонко и филигранно, с самого начала [его *цы* и *фу*] непременно [несли в себе] силу».

[Вэньсинь дяолун, Цюаньфу 8]

及仲宣靡密，发篇必遒

[文心雕龙，诠赋 八]

Лю Се указывал не только на внимательное отношение Ван Цаня к мельчайшим деталям, но и на его глубокие аналитические способности, также проявляющиеся в его произведениях:

«Чжунсюань (Ван Цань – *Н.С.*) [в своем стихотворении] “Семь разъяснений” стремится к определению сути (досл. – принципов – *Н.С.*) вещей».

[Вэньсинь дяолун, Цзавэнь 14]

仲宣《七释》，致辨于事理。

[文心雕龙，杂文 十四]

Однако у тех же классических теоретиков встречаются и не столь лестные отзывы о творчестве Ван Цаня:

«[Что касается] вэйского *шичжуня* Ван Цаня, [то] его истоки (т.е. истоки его творчества – *Н.С.*) восходят к Ли Лину. В скорбных речах слог [у него] был прекрасен, качество [же их] было слабым. Между Цао (семейством Цао – *Н.С.*) и Лю (видимо, не только Лю Чжэнем, но и остальными Мужами – *Н.С.*) стоял он отдельно (т.е. стоял особняком – *Н.С.*). Один Чэнь Сы [испытывал] нехватку, [но] по сравнению с Вэйским Вэнем (Вэй Вэньди, т.е. Цао Пи, – *Н.С.*) имел излишек».

[Шипинь]

魏侍中王粲其源出於李陵。发愀怆之词，文秀而质羸。在曹、刘间，别构一体。方陈思不足，比魏文有馀。

[诗品]

«Чжунсюань талантом слаб, плоть [в его сочинениях] одерживает верх над костями».

[Шисоу «Стихотворные рощи», 1979, нэйбянь (внутренний бянь), цзюань 2, С. 29]

仲宣才弱，内胜骨

[诗薮内编卷二，1979，内编，卷 2，二十九]

Что же касается непосредственно личности Ван Цаня, его воспитания, образования, взглядов и убеждений, склада характера, то здесь можно выделить несколько ключевых моментов.

Как мы имплицитно указывали ранее, Ван Цань был не только высокопоставленным государственным служащим и видным литератором, но также эрудитом и интеллектуалом, хорошо знакомым с традицией, стремящимся ее осмыслить и сохранить, имеющим свое видение ее изучения, дальнейшего укрепления и распространения:

«В начале [того, как царство] Вэй [установило свою] гегемонию, методы [управления] сочетали в себе [подходы] [как] логистов (номиналистов – *Н.С.*), [так и] легистов (законников – *Н.С.*); Фу Гу, Ван Цань [в своих рассуждениях] исследовали отношения между именами и принципами».

[Вэньсинь дяолун, Луньшо 18]

魏之初霸，术兼名法。傅嘏、王粲，校练名理。

[文心雕龙，论说 十八]

Ван Цань, внешне невзрачный, обладал недюжинным духом; пылкий и честолюбивый, он относился ревностно к тем, кого считал своими конкурентами, – по крайней мере так он себя вел при дворе, когда дело касалось чиновничьей службы:

«Чжунсюань, хилый и тщедушный, [тем не менее], был горяч и стремителен в [своей] погоне [за карьерой]».

[Вэньсинь дяолун, Чэнци 49]

仲宣轻锐以躁竞

[文心雕龙，程器 四九]

«После того, как было основано царство Вэй, [Ду Си] (Ду Си 杜袭; цзы – Цзы Сюй 子绪 – *Н.С.*) был назначен *шичжунюм*, вместе с Ван Цанем, Хэ Ця занимал [он эту должность]. Цань [обладал] глубокими знаниями, широкой эрудицией, поэтому, [когда]

тайцзу (Цао Цао – *Н.С.*) совершал поездки, выезжал [со двора] и возвращался [обратно], часто велел [ему выступать в качестве одного из] государевых возниц, но, когда доходило до аудиенции, ему выказывалось меньше уважения, чем Ця, Си. [Ду] Си однажды [был вызван] один на аудиенцию [к Цао Цао], пробыл [у него] до глубокой ночи. [Ван] Цань был [по своему складу] характера вспыльчив и сорежовнатель, [поэтому он] встал, [подошел к Хэ Ця] и произнес: “[Вот уж] не знаю, о чем же говорит *гун* (Цао Цао – *Н.С.*) с Ду [Си]?” [Хэ] Ця, смеясь, ответил: “Разве так бывает в Поднебесной, чтобы все сплошь складывалось как нельзя лучше? Вы ведь днем сопровождаете [государя], а [теперь вот] из-за этого (т.е. из-за встречи Цао Цао и Ду Си – *Н.С.*) расстраиваетесь, [неужели] хотите исполнять еще [и наши с Ду Си обязанности]?!”».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 23*]

魏国既建，为侍中，与王粲、和洽并用。粲强识博闻，故太祖游观出入，多得驂乘，至其见敬不及洽、袭。袭尝独见，至于夜半。粲性躁竞，起坐曰：“不知公对杜袭道何等也？”洽笑答曰：“天下事岂有尽邪？卿昼侍可矣，悒悒於此，欲兼之乎！”

[*三国志, 魏书, 卷 23*]

Действительно, если на тему способностей и талантов Ван Цаня хронисты и теоретики литературы высказывались весьма охотно, причем почти всегда в восторженных выражениях, то вопрос о характере Ван Цаня обходили стороной, а если уж затрагивали его, то делали это аккуратно и осторожно – видимо потому, что характером он обладал непростым, а писать об этом (об отрицательных сторонах человеческой природы) было не очень принято:

«Оценка гласит: “Когда-то Вэньди и Чэньвана [обоих] почитали как сыновей *гуна* (т.е. высокопоставленного чиновника – *Н.С.*), оба были прекрасно эрудированы, [обладали] литературным талантом; [их] голоса в унисон откликались друг в друге, бок о бок [друг с другом] выступали [они] как даровитые мужи, [кроме них], только лишь Цань и еще шестеро пользовались наибольшей славой. Однако Цань, занимавший особый пост *чанбо* (вельможи, входящего в ближний круг государя, – *Н.С.*), [ведавший] установлением порядков [для] своей эпохи, тем не менее, в своей скромности и непритязательности, добродетельности и милости все же не мог сравниться с [душевной] чистотой Сюй Ганя”».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

评曰：昔文帝、陈王以公子之尊，博好文采，同声相应，才士并出，惟粲等六人最见名目。而粲特处常伯之官，兴一代之制，然其冲虚德宇，未若徐幹之粹也。

[*三国志, 魏书, 卷 21*]

Добавляя последние штрихи к портрету Ван Цаня, мы хотели бы подчеркнуть, что он, как, собственно, и другие Мужей, и Цао Чжи остро переживал тот хаос, в который погрузилась империя в последние годы правления династии Восточная Хань, четко осознавал, на чьи плечи легли основные тяготы времени, на плечи простого народа, глубоко сопереживал ему – все эти чувства и мысли нашли свое отражение в строках его произведений.

Например, в «Семь печалей. Стихотворение первое» “七哀诗。其一” Ван Цань в высшей степени реалистично описывает увиденные им страшные картины:

«Выхожу из ворот [и] ничего не вижу, [окромя] белых костей, устилающих равнину (досл. – Пиньюань – Н.С.)».

[Цит. по: Чжао Мин Вэньсюань, 23]

“出门无所见，白骨蔽平原”

[文选，二十三];

«На дорогах [вижу] голодных женщин; детей, прижимаемых [ими] к груди, бросают в траву. Повсюду слышу [я] звуки рыданий, вытирают [они с лица] слезы, [идут дальше] в одиночестве, не оборачиваясь назад»

[Там же]

“路有饥妇人，抱子弃草间。顾闻号泣声，挥泪独不还”.

А в «Семь печалей. Стихотворение второе» “七哀诗。其二” он подводит эмоциональное заключение под сказанным ранее, давая волю чувству «глубокой тоски, [которое] тяжело вынести» “忧思壮难任”.

[Там же]

Со смертью Ван Цаня, остальных Мужей и других представителей Цзяньань в истории китайской литературы закончилась целая эпоха, необыкновенно короткая и необычайно яркая; те литераторы, которые сразу пришли им на смену, так и не смогли с ними сравниться:

«[В Вэйлюэ говорится: “После того, как Ван Цань, Чэнь Линь, Жуань Юй, Лу Цуй умерли, среди молодой поросли талантлив был один лишь Сян (Ван Сян 王象, цзы которого – Сибо 羲伯, – Н.С.)”].».

[Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 23]

【魏略曰：。。。及王粲、陈琳、阮瑀、路粹等亡后，新出之中，惟象才最高。】

При этом они оказывали влияние и на поэтов последующих поколений.

Чжун Жун, к примеру, в Шипинь писал:

«[Что касается] цзиньского *хуанмэна* Чжан Се, [то] истоки его [творчества] восходят к Ван Цаню»

晋黄门郎张协其源出於王粲;

«[Что касается] цзиньского *сыкуна* Чжан Хуа, [то] истоки его [творчества] восходят к Ван Цаню»

晋司空张华其源出於王粲;

«[Что касается] цзиньского *тайвэя* Лю Куня и цзиньского *чжунлана* Лу Чэня, то истоки их [творчества] восходят к Ван Цаню»

晋太尉刘琨晋中郎卢湛其源出於王粲.

[Шипинь]

Жизненный и творческий путь Ван Цань

О жизни и творчестве Сюй Ганя сегодня известно отнюдь не много: основные сведения о его жизни содержатся не в хрониках и трактатах, а в анонимном ханьском предисловии к его философскому труду *Чжунлунь* 中论 («Умеренные суждения» – Н.С.); от Сюй Ганя до наших дней дошло меньше поэтических и прозаических произведений, чем от кого-либо другого из Семи мужей, исключение составил лишь *Чжунлунь*, который сохранился практически целиком (почему мы делаем оговорку «практически» – см. далее).

Сюй Гань (170–218 гг.), который был, по свидетельствам современников, человеком редкой добродетели (см. здесь и далее), родился в семье, на протяжении многих поколений почитавшей ученость и нравственность:

«В [наш] век [жил один человек], в полной мере достигший [уровня] *цзюньцзы*, фамилия [его] – Сюй, имя – Гань, второе имя – Вэйчжан, уроженец Цзюй[сяня] (сегодняшняя территория западной части уезда Чанлэ провинции Шаньдун – Н.С.). Его предки при ведении дел руководствовались тем, чтобы давать [всему] четкие, ясные оценки; в веках (т.е. из поколения в поколение – Н.С.) передавались их (т.е. их семьи – Н.С.) достоинства, и добродетели не попирались ими вплоть до [самого] *цзюньцзы* (т.е. до Сюй Ганя – Н.С.), который [явил собой] десятое поколение [в ряду подобных людей в своей семье]. *Цзюньцзы* нес в себе изначально прекрасный, ясный порыв (*досл. – ци*), таил в себе созидательную основу талантливому и образованному [человека]...».

[Ханьское анонимное предисловие к *Чжунлунь* Сюй Ганя].

世有雅達君子者，姓徐名干，字伟长，北海剧人也。其先业以清亮臧否爲家，世济其美，不陨其德，至君之身十世矣。君含元休清明之气，持造化英哲之性。。。

[汉无名氏徐干《中论》序]

Сюй Гань с малых лет проявлял неутомимую тягу к знаниям, невиданное упорство в обучении и необыкновенные успехи на этом поприще:

«... как открывал рот, чтобы заговорить, так с радостью декламировал строки, [прославляющие] девять добродетелей, как поворачивал ухо, чтобы услышать, так внимал [сказанному] без [дополнительных] повторений, не было [у него] иных помыслов, кроме как учиться, и [к определенному времени] он уже [мог] читать наизусть тексты, насчитывающие сотни тысяч слов. В возрасте 14 [лет] начал читать “Пятикнижие”, брался [за учение] с рвением, забывая о пище, опускал занавеску (т.е. приступал к занятиям – *Н.С.*), сосредотачивая [свою мысль], – [так] ночь сменялась днем, [и] отец, опасаясь, что он заболит, нередко запрещал ему это. Поэтому, еще не повзрослев (*досл.* – еще не надев шапку совершеннолетия, т.е. еще не достигнув 20 лет, – *Н.С.*), он [уже] изучал “Пятикнижие”, целиком [его себе] проговаривал, читал комментарии и записки (различные комментарии к каноническим книгам – *Н.С.*), речи [его сами по себе] слагались в сочинения, [стоило ему] взять кисть, [как из-под нее] выходили произведения».

[Там же]

。。。放口而言则乐诵九德之文，通耳而识则教不再告，未志乎学，盖已诵文数十万言矣。年十四，始读五经，发愤忘食，下帷专思，以夜继日，父恐其得疾，常禁止之。故能未至弱冠，学五经悉载于口，博览传记，言则成章，操翰成文矣。

В это время ханьский императорский дом клонился к закату, некогда могущественная империя погружалась в смуту, нравы в обществе разлагались, и Сюй Гань, видя это, предпочел удалиться от мирских дел, с еще большим рвением погрузиться в ученье:

«Это время (отрочество и юность Сюй Ганя – *Н.С.*) пришлось на последние годы [правления] Линди, правила и установления в государстве были отброшены, [тогда многие] отпрыски знатных семей собирались вокруг могущественных домов [и], заручившись [их] поддержкой, жаждали славы, наперебой стремясь заполучить титулы. Цзюньцзы переживал (*досл.* – болел – *Н.С.*) о том, что [люди вокруг] [в нравственном отношении] заблудились (т.е. люди были словно ослеплены – *Н.С.*); вскоре после этого [он] отгородился от внешнего мира, [дабы] блюсти себя (сохранять свое достоинство); не [желая] быть с толпой, находил отраду лишь только в “Шестикнижии”».

[Там же]

此时灵帝之末年也，国典隳废，冠族子弟结党权门，交援求名，兢相尚爵号。君病（*原注：一作“疾”*）俗迷昏，遂闭户自守，不与之群，以六籍娱心而已。

Далее автор этого анонимного предисловия рассуждает о том, как именно необходимо учиться, что, безусловно, в первую очередь характеризует его самого, но также проливает свет и на его отношение к Сюй Ганю, поскольку в учении он призывает брать пример, очевидно, с Сюй Ганя:

«[Чтобы] достичь [уровня] *цзюньцзы*, надобно учиться не у одного (постоянного) учителя: [коли] кто-то в чем-то преуспел, [надо] сразу у него учиться, непременно исчерпать (т.е. досконально вникнуть во – *Н.С.*) все то, что он знает, чтобы потом [себе] это разъяснить; [если] найдется прекрасное слово, нельзя позволить, чтобы [оно] прошло мимо уха, надо обязательно его усвоить. Цель заключается в том, чтобы упорядочить (*досл.* – свести воедино – *Н.С.*) [все самое] достойное во множестве высказываний, объединить тончайшее в *дао* и в добродетели, устыдиться того, что [даже] чего-то одного не знаешь, осрамиться [из-за] того, что [даже] каким-то одним искусством не владеешь, поэтому [надобно] и днем, и ночью проявлять усердие, [вплоть до] второй половины дня не ведать ни отдыха, ни пищи, вечером не иметь времени раздеться, днем штудировать канонические и апокрифические книги, ночью, не отрываясь, наблюдать за созвездиями. Познавать первозданный хаос в его еще не оформившемся состоянии, заполнять пустоты в премудрой добродетели, широко и долго размышлять о беспредельном, прославлять скорое звучание (*досл.* – ниспадание – *Н.С.*) заветных слов (или проникновенных речей – *Н.С.*). Где уж найти свободное время, чтобы заниматься малым учением (т.е. малым путем, см. *Луньюй*, 19.4⁷⁵³ – *Н.С.*), предаваться пустой славе, вместе с вульгарными мужами латать дыры! Поэтому поверхностные и ограниченные люди как раз только и делают, что гонятся за славой и богатствами, откуда же им знать основы великого пути?»

[Там же]

君子之達也，学无常师：有一业胜己者，便从学焉，必尽其所知而后释之；有一言之美，不令过耳，必心识之。志在總衆言之长，统道德之微，耻一物之不知，愧一艺之不克，故日夜夙夙，晷不暇食，夕不解衣，昼则研精经纬，夜则歷观列宿。考混元于未形，补圣德之空缺，诞长虑于无穷，旌微言之将坠，何暇謹（徐湘琳校注本误作“难”）小学，治浮名，与俗士相弥缝哉！故浮浅寡识之人，适解驱使荣利，岂知大道之根？

В самом *Чжунлунь*, в частности – в *Чжисюэ* 治学 (в «Управлении учением» – *Н.С.*), Сюй Гань также излагает свои взгляды на обучение:

⁷⁵³ Цзыся сказал:

– Даже малый путь

Обладает неизменными достоинствами

Но на нем, боюсь, застрянешь, устремясь к далекой цели,

Поэтому благородный муж не тратит на него своих усилий.

[Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 178]

«Цзюньцзы прошлого достигали [высокого] морального [уровня], устанавливали [для себя] [высокие] нравственные [ориентиры]; [после их] смерти [доброе] имя [их] оставалось нетленным; в чем же причина [этого]? В учении».

[Чжунлунь, Чжисюэ I]

昔之君子成德立行，身没而名不朽，其故何哉？学也。

[中论，治学一]

«Ученье [способствует тому, чтобы] озарить [свой] дух, прояснить [свой] разум, обуздать [свое] чувство, привести в порядок [свою] природную основу; [во всем этом] и состоит величайшая задача совершенного мудрого. [Когда] человек только рождается, он [пребывает] в сумраке, ничего не ведает; [это] подобно драгоценности в темной комнате, [которую в сумраке] ищешь, но не видишь; [как только же] выходит яркое солнце, то [тут же становится] различимо [все] множество вещей. Ученье – [как раз] яркое солнце в сердце».

[Там же]

学也者，所以疏神达思，治情理性，圣人之上务也。民之初载，其蒙未知。譬如宝在于玄室，有所求而不见，白日照焉，则群物斯辨矣。学者，心之白日也。

Далее Чжунлуньсюй (Предисловие к Чжунлунь анонимного ханьского автора) повествует, что после того, как вспыхнуло восстание под предводительством Дун Чжо (190 г.), Сюй Гань, как и многие, подобные ему, оставался в тени, осознавая свою неуместность и ненужность в сложившихся обстоятельствах:

«Затем был поднят мятеж, мудрейший государь переехал на запад (в Чанъань – Н.С.), узурпаторы были преисполнены варварских намерений, Поднебесная осталась без государя. Путь (досл. – дао – Н.С.) совершенномудрых был прерван, зло и беззаконие (досл. – дело зла и беззакония – Н.С.) процветали; те [корыстные] мужи, которые преследовали выгоду, оказались в почете, те добродетельные [мужи], которые блюли [свою] нравственную чистоту, оставались [никем] не замеченными, поэтому доброе имя цзюньцзы было никому не нужно (досл. – было в упадке, в застое – Н.С.) в Хуася (т.е. в Китае – Н.С.). Яшмы и шелка (т.е. подарки, которыми обменивались царства при заключении союзов, – Н.С.), повозки с сиденьями (т.е. те повозки, которые предназначались для уважаемых лиц, – Н.С.) не достигали дверей. [Если] принять во внимание его (т.е. Сюй Ганя – Н.С.) добродетельное поведение и склонность к литературе и искусствам, [то] он действительно мог бы быть помощником государя, однако путь (досл. – дао – Н.С.) не осуществлялся, как же не сожалеть [об этом]?»

[Чжунлуньсюй]

于时董卓作乱，圣主西迁，奸雄满野，天下无主。圣人之道息，邪僞之事兴，营利之士得誉，守贞之贤不彰，故令君誉闻不振于华夏，玉帛安车不至于门。考其德行文艺，实帝王之佐也，道之不行，岂不惜哉！

В этот период Сюй Ганю предлагали поступить на службу, занять (чиновничий) пост, однако он, удрученный происходящим, предпочитал уединение и одиночество:

«Цзюньцзы, убегая из (отдельной) местности (см. *Луньюй*, 14.37⁷⁵⁴ – *Н.С.*) (по всей видимости, имеется в виду новая столица, куда Дун Чжо вынудил перебраться императора, его двор и столичных жителей, – Чанъань – *Н.С.*) на край земли, возвратился в древнюю столицу (судя по всему, – в Лоян – *Н.С.*); правитель области, [задумав] пригласить [Сюй Ганя] на службу, с осторожностью и почтительностью собрал воинов, желая послать их [к нему]. Цзюньцзы [же] полагал, что в [столь] беспокойное (*досл.* – запутанное, хаотичное – *Н.С.*) время, [если даже] прежний мудрец (Конфуций – *Н.С.*) оказывается в затруднительном положении (здесь имеется в виду то, что попираются традиционные добродетели, – *Н.С.*), то что же говорить об их последователях [, к коим себя причислял и Сюй Гань, – *Н.С.*]?! Упрекал Мэнцзы в том, что тот недостаточно высоко ценил себя и, подражая Премудрому (т.е. Конфуцию) в проведении пути, получал пропитание у многих *чжухоу* (см. *Мэнцзы* 10.6.⁷⁵⁵ – *Н.С.*) (*чжухоу* – местных владетельных князей – *Н.С.*); [в то же время] Сюй Гань глубоко ценил поведение Янь Юаня (Янь Хуэя 颜回, лучшего ученика Конфуция, 521–481 гг. до н.э., который отличался сильной тягой к знаниям ⁷⁵⁶ ,

⁷⁵⁴ Учитель сказал:

Достойный удаляется от мира,
За ним следует бегущий из страны,
Следующий избегает взгляда,
За ним следует бегущий от речей

...

[Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016. С. 150]

⁷⁵⁵ Как отмечает И.И. Семенов, «[Мэнцзы] сводит помощь государя бесприютному мудрецу к установлению между ними дружеской связи, предполагающей необходимость делиться друг с другом своими преимуществами и благами»

[Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си, 2016, С. 609]

⁷⁵⁶ 11.7. Благотельный из Младших спросил у Конфуция о том, кто из его учеников любит учиться. Он ответил:

– Был Янь Хуэй, он любил учиться.
К несчастью, его жизнь была короткой, он умер.
Теперь таких уж нет.

[Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 120–121]

непритязательностью⁷⁵⁷ и добродетелью⁷⁵⁸, – Н.С.) и Сюнь Цина (Сюнь Куана, т.е. Сюньцзы 荀子, ?316–235 гг. до н.э., также остро переживавшего смуту, упадок нравов и пренебрежение ученостью⁷⁵⁹, – Н.С.). Поэтому [Сюй Гань] исчез в горных долинах, живя в уединении, постигал суть вещей [и] предавался размышлениям, в результате чего заболел, скрылся от [посторонних] глаз, [дабы] продлить [себе] годы».

[Там же]

君避地海表，自归旧都，州郡牧守礼命，踟躇连武欲致之。君以爲纵横之世，乃先圣之所厄困也，岂况吾徒哉！有讥孟轲不度（《全后汉文》所据《中论》元刻本作“较”）其量，拟圣行道，传食诸侯，深美颜渊、荀卿之行。故絶迹山谷，幽居研几，用思深妙，以发疾疢（《全后汉文》作“痲”），潜伏延年。

Однако появление Цао Цао как возможного объединителя Поднебесной настолько воодушевило Сюй Ганя, что он, ведя борьбу с болезнью, встал в ряды его сторонников и последовал за ним:

«В скором времени (досл. – в это время – Н.С.) гун (Цао Цао – Н.С.) [объявил о своем намерении] положить конец смуте, начался государев путь к установлению порядка (досл. – предписаний, законов – Н.С.), вскоре после чего [Сюй Гань], преодолевая болезнь и повинаясь приказу, выступил в поход (по охране границ)».

[Там же]

会上公拨乱，王路始闢，遂力疾应命，从戎征行。

Вероятно, именно в это время Сюй Ганю предлагали разные чиновничьи должности. В частности, нам доподлинно известно, что «Гань был помощником *сыкуна* [по вопросам] военного планирования и возлияний [жертвенного] вина, ответственным по литературе (т.е.

⁷⁵⁷ 6.10. Учитель сказал:

– Какой достойный человек Хуэй!
Живет в убогом переулке,
Довольствуясь плетушкой риса
И ковшом воды.
Другие не выдерживают этих трудностей,
Хуэй не изменяет этим радостям.
Какой достойный человек Хуэй!

[Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 90]

Об этом говорит и Мэнцзы – см. 8.29.:

[Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си, 2016, С. 525]

⁷⁵⁸ 11.3. Янь Юань, Минь Цзыцзянь, Жань Боню, Чжунгун отличались в своей жизни добродетелью...

[Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 120]

⁷⁵⁹ Сюнь Цин болезненно относился к политике смутного времени, когда непрерывно появлялись правители-смутьяны и гибли государства; [когда] не следовали Великому Пути, <...> [когда] недостойные ученые погрязли в мелочах, а люди, вроде Чжуан Чжоу, занимались словоблудием и порчей нравов. [Сюнь Цин] умел выделить лучшее <...> Он умер, оставив труды в несколько десятков тысяч иероглифов.

[Сыма Цянь. 1996. Том VII. Жизнеописания. Гл. 74.]

хранителем книг, документов, записей – *Н.С.*) при *угуань-цзяне* (в данном случае – при Цао Пи – *Н.С.*)».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

幹为司空军谋祭酒掾属，五官将文学

[三国志，魏书，卷 21]

Также нам известно, что от двух должностей, на которые Цао Цао назначал Сюй Ганя, Сюй Гань отказывался из-за болезни:

«... В середине [периода правления] *Цзяньань тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*) особым [указом] удостоил [Сюй Ганя] назначения на [чиновничью] должность, [однако Сюй Гань] по причине болезни [был вынужден отказаться и] отправиться на покой. Позднее даровал [ему пост] начальника Шанъяя, [однако он] вновь по причине болезни не занял [его]».

[*Сяньсянь синчжуан* «Изложение деяний мудрецов древности». Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*].

【先贤行状曰：。。。建安中，太祖特加族命，以疾休息。后除上艾长，又以疾不行。】

[先贤行状曰：三国志，魏书，卷 21]

К сожалению, в источниках отсутствует информация о том, в какой временной последовательности Сюй Гань занимал и отклонял должности.

В этом же фрагменте из «Изложений деяний мудрецов древности» (вновь отметим, что цитируем по *Саньгочжи* с комментариями Пэй Сунчжи) – в строках, предшествовавших сообщению об отказе Сюй Ганя от постов, на которые он выдвигался, – дается краткая характеристика его личности, при этом подчеркивается, что к карьере, должностям и чинам он отнюдь не стремился, напротив, чурался погони за ними (собственно, эта характеристика повторяет ту, которая дается в предисловии к трактату):

«Гань скромн и незаметен, всем своим существом верен пути (*досл.* – блюдет *дао* – *Н.С.*); преисполнен [он] шести добродетелей; умен и эрудирован, [обладает] обширными познаниями; ведет [он] кистью, [и из-под нее] выходят сочинения; с пренебрежением относится к (чиновничьей) службе, с презрением – к жалованью; не жаждет [он] мирской славы».

[Там же]

[先贤行状曰：幹清玄体道，六行脩备，聪识洽闻，操翰成章，轻官忽禄，不耽世荣。。。]

На равнодушие Сюй Ганя к мирским благам, на его добрый нрав и на его верность моральным принципам указывал Ван Чан 王昶 ((?–259 гг.), по второму имени – Вэньшу 文

舒) в своем наставлении племянникам и детям (其为兄子及子作名字《。。。》逐书戒之曰), подчеркивая при этом, как он хотел бы, чтобы его сыновья подражали Ганю:

«... Сюй Вэйчжан из Бэйхая не гнался за славой (досл. – громким именем – *Н.С.*), не стремился к стяжательству, [был он] тих и спокоен, сдержан и требователен к себе, единственным [его] путем (досл. – *дао* – *Н.С.*) был долг. [Пусть] у него и были [свои] достоинства и недостатки, [но, когда говорили о них], ссылались на мнение древних, нам [же] теперь не пристало [огульно] хвалить или порицать. Я почитаю его, уважаю его, хочу, чтобы сыновья брали с него пример».

[Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 27*]

遂书戒之曰:

北海徐伟长, 不治名高, 不求苟得, 澹然自守, 惟道是务。其有所是非, 则托古人以见其意, 当时无所褒贬。吾敬之重之, 愿儿子师之。

[三国志, 魏书, 卷 27]

На службе при Цао Цао Сюй Гань состоял около 5–6 лет, затем, одолеваемый недугом, он вновь удалился от мирских дел и забот:

«Так прошло 5–6 лет, а болезнь [его] становилась все опаснее, [вскоре он уже] не мог [участвовать в ведении] государственных дел, удалился в одиночестве в глухой переулочек (см. *Луньюй 6.10.*⁷⁶⁰ и *Мэнцзы 8.29.*⁷⁶¹ – *Н.С.*). [В это время] закалял (досл. – воспитывал – *Н.С.*) [свою] волю, берег [свою] подлинную, истинную сущность, [жил в условиях] неприязнительности и недеяния, был верен лишь истинному пути (т.е. *дао* – *Н.С.*). Стены его отшельнического жилища [нужны были только] для того, чтобы укрыть жену и детей, на два дня подряд [растягивал] пищу, [предназначенную для съедения за один день], не считал [это] причиной для горести. Вращивал свой всеобъемлющий порыв (знаменитый термин Мэнцзы – см. *Мэнцзы 3.2.*⁷⁶²), упражнялся в мастерстве, [подвластном] Сяньмэню (обожественному отшельнику, жившему в III в. до н.э., – *Н.С.*). [Среди] современников

⁷⁶⁰ Учитель сказал:

– Какой достойный человек Хуэй!
Живет в убогом переулке,
Довольствуясь плетушкой риса
И ковшом воды!

...

[Ранняя конфуцианская проза: «Луньюй», «Мэнцзы», 2016, С. 90]

⁷⁶¹ ... Яньцзы же в годину смуты проживал в убогом переулке, [довольствуясь] чашкой риса и ковшом воды. Другие не выдерживали этих трудностей, а Яньцзы этим радостям не изменял, и Конфуций его одобрял.

[Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си, 2016, С. 525]

⁷⁶² – Я понимаю речи, я умею вращивать мой всеобъемлющий порыв.

– Осмеливаюсь спросить, что значит всеобъемлющий порыв?

– [О нем] трудно говорить. Это [такой] порыв, что в высшей степени велик и неукротим. Если ему не вредить, питая его прямою, то заполняет [все] между Небом и землей...

[Там же, С. 273]

[одни], услышав о нем, о подобном его [образе жизни], направлялись посмотреть на него, [другие же] были весьма наслышаны о нем (*до сл.* – о его подлинной сущности, истинной природе – *Н.С.*) и следовали за ним (*до сл.* – становились его последователями – *Н.С.*), *цзюньцзы* не проявлял к ним нетерпимого отношения (*до сл.* – у *цзюньцзы* не было такого, чтобы он нетерпимо обращался с ними – *Н.С.*), соблюдал торжественные и строгие интонацию [речи] и выражение [лица], контролировал (*до сл.* – взвешивал – *Н.С.*) [свои] чувства и устремления [при общении с ними], выступал (*до сл.* – проявлял инициативу – *Н.С.*) с речами, знал, что можно увлечь их разговорами о презренном положении почтенных (т.е. высоконравственных людей – *Н.С.*), сделать так, чтобы полезные друзья (по Конфуцию, есть три полезных друга – прямой, верный и ученый – см. Луньей 16.4.⁷⁶³ – *Н.С.*), сами того не ведая, претерпели внутренние изменения (*до сл.* – чтобы тайным образом перевоспитать их так, чтобы они сами того не осознали, – *Н.С.*), [тем самым] со своей стороны делая много для того, чтобы исправить положение [вещей]. Среди знакомых *цзюньцзы* никто не обращал внимания на его недостатки, каждый видел в нем достоинства и ценил [именно] их. [Если] отношения [таковы], что, завязывая дружбу, [люди] не проявляют [желания] отдать всех себя ей (т.е. дружбе – *Н.С.*), [то тогда] не будет в [этой] дружбе ни усердия [на благо ее созидания], ни любви. То, что объединяет совершенномудрых и их жизненные пути, – это [желание] оставаться мудрым и разумным и придерживаться правил и установлений на своем поприще. Невозмутимость и непостижимость поистине является инструментом для того, чтобы беречь редкое и выдающееся. *Цзюньцзы* по своей природе, как правило, любит убавлять избыточность мира, восполнять недостающее в мире».

[*Чжунлуньсюй*]

歷載五六，疾稍沉篤，不堪王事，潛身窮巷。頤志保真，淡泊無爲，惟存正道。環堵之牆，以庇妻子，并日而食，不以爲戚。養浩然之氣，習羨門之術。時人或有聞其如此而往觀之，或有頗識其真而從之者，君無不容而見之，厲以聲色，度其情志，倡其言論，知可以道長者則微而誘之，令益者不自覺，而大化陰行，其所匡濟，亦已多矣。君之交也，則不以其短，各取其長而善之。取故少顯盡己之交，亦無孜孜和愛之好。統聖

⁷⁶³ Конфуций сказал:

– Есть три полезных друга
И три вредных друга.
Полезны:
Прямой друг,
Верный друг
И ученый друг.
...

[Ранняя конфуцианская проза: «Луньей», «Мэнцзы», 2016, С. 162]

人中和之业，蹈贤哲守度之行，渊默难测，诚宝伟之器也。君之性，常欲损世之有余，益俗之不足。

Весьма примечательно: несмотря на то, что в историю Сюй Гань вошел, прежде всего, как литератор, сам он оценивал собственно литературное, художественное творчество как более низкое по значимости в сравнении с философскими изысканиями, почему в итоге и предпочел свой трактат *Чжунлунь* стихотворениям, одам, гимнам, эпитафиям, панегирикам:

«Видя прекрасные строки литераторов, в то же время [и сам] писал, но в связи с тем, что прежде не разъяснял и не развивал великие принципы, не распространял морального воздействия, не искал этого у премудрых, не спасал заблуждающихся в современном ему мире, он отбросил *ши, фу, сун, мин, цзань*, написал в 22-х *пянях Чжунлунь*. Читая [его], разгадываем чаяния, некогда охватывавшие *цзюньцзы*, вероятно, их были тысячи и сотни». [Там же]

见辞人美丽之文，并时而作，曾无阐弘大义、敷散道教、上求圣人之中、下救流俗之昏者，故废诗、赋、颂、铭、赞之文，着《中论》之书二十二（“十”下“二”字原无，《全后汉文》有，是，据补）篇。其所甄纪，迈君昔志，盖千百之一也（“盖”下原缺一字，据《全后汉文》补“千”字）。

Цао Пи в своем «Письме У Чжи» тоже писал о том, что *Чжунлунь* состоял из более чем 20 *пяней* [см., к примеру, *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань* 21], однако сегодня мы располагаем только 20 *пянями*, поровну разделенными на 2 *цзюаня*, – по 10 *пяней* в каждом. В *шан* 上, «верхнем», излагаются взгляды Сюй Ганя на нравственное (само)совершенствование, в *ся* 下, «нижнем», он обращается, главным образом, к правителям, выдвигая свою концепцию государственного управления и достижения уровня просвещенного государя. Иными словами, *Чжунлунь* явил собой своеобразное руководство к воплощению конфуцианских идеалов. И современниками, и последующими поколениями *Чжунлунь* был воспринят, прежде всего, как философский трактат.

Весьма примечательно, что в том же «Письме У Чжи», в котором Цао Пи упоминает *Чжунлунь*, он также характеризует и личность самого Сюй Ганя, причем эта характеристика совпадает с той оценкой, которую в *Чжунлуньсюй* ему дает неизвестный ханьский автор, – оценкой Сюй Ганя как человека редкой добродетели и необычайной одаренности:

«[Если] окинуть взором литераторов прошлого и настоящего, [то] никто [из них] не был мелочным (*до сл.* – все они не обращали внимание на мелочи, пустяки – *Н.С.*), редко

кому [из них] удавалось сделать карьеру (*досл.* – встать на ноги – *Н.С.*) благодаря [своим] [славным] именам и [твердым] моральным устоям. Однако один лишь Вэйчжан сочетал в себе [как] [незаурядный] литературный [талант], так и [выдающиеся] [человеческие] качества, был скромн и непритязателен, умерен [в своих] желаниях, обладал волей, [достойной отшельников] Цзишань (т.е. в столь бурный и беспокойный век оставался верным высоким моральным принципам – *Н.С.*), можно сказать, был совершенным (т.е. безупречным как в творчестве, так и в жизни – как с точки зрения литературного таланта, так и с точки зрения человеческих качеств – *Н.С.*) *цзюньцзы*. Написал [философский трактат] *Чжунлунь* («Умеренные суждения» – *Н.С.*), [состоящий из] более чем 20 *пяней*, слова и смыслы [в нем] преисполнены образцового изящества, достойны [они того, чтобы] передаваться в последующих [поколениях]. Это [его] детище нетленно».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*. В данном случае – перевод Н.А. Строгановой.]

观古今文人，类不护细行，鲜能以名节自立。而伟长独怀文抱质，恬淡寡欲，有箕山之志，可谓彬彬君子矣。著中论二十馀篇，成一家之业，辞义典雅，足传于后，此子为不朽矣。

[与吴质书：三国志，魏书，卷 21]

При этом сам Цао Пи, как, впрочем, и другие теоретики, оценивали весьма высоко не только плоды философских изысканий Сюй Ганя, но также и его собственно художественные сочинения:

«Возьмем для примера такие <...> оды <...> Ганя: “Черная обезьяна”, “Чаша, которой процеживают вино”, “Круглый веер”, “Ода дереву апельсиновому” – их даже Цай [Юн] и Чжан [Хэн] не превзошли. Однако о прочей их изящной словесности я такого бы не сказал».

[Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности, 1996, С. 40]

幹之玄猿、漏卮、圆扇、橘赋，虽张、蔡不过也。然于他文，未能称是。

[典论。论文]

Кстати, если обратиться непосредственно к контексту, в который помещена эта фраза, то мы заметим, что Сюй Гань сравнивается с Ван Цанем:

«Возьмем для примера такие Цаня оды, как “Первый поход”, “Поднимаюсь на башню”, “Ода дереву софоры”, “Думы в походе”, или Ганя: ...».

[Там же]

如粲之初征、登楼、槐赋、征思，幹之玄猿、漏卮、圆扇、橘赋，虽张、蔡不过也。

К сожалению, из перечисленных од Сюй Ганя сохранилась лишь одна *Юаньшань* «Круглый веер», и то виде лишь нескольких строк.

Если при сравнении талантов двух литераторов может возникнуть неоднозначность, то при сопоставлении их характеров, напротив, складывается однозначное впечатление:

«Цань <...>, тем не менее, в своей скромности и непритязательности, добродетельности и милости все же не мог сравниться с [душевной] чистотой Сюй Ганя».
[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

评曰：。。。而粲《。。。》然其冲虚德宇，未若徐幹之粹也。

Что касается собственно художественного творчества Сюй Ганя, то теоретики отмечали его мастерство далеко не только в одах.

В частности, Лю Се, подчеркнув, что «Вэйчжан [был] широко эрудирован [и что] во всем проявлялся (*досл.* – то и дело, постоянно встречался, попадался на глаза – *Н.С.*) [его] мощный [литературный] талант» 伟长博通 [*Вэньсинь дяолун, Цюаньфу* 论赋 8], говорил, что Сюй Гань не только в «[своих] *фу* (одах – *Н.С.*) и *лунь* (суждениях – *Н.С.*) являл прекрасное» 徐幹以赋论标美 [Там же, *Цайлюэ* 才略 47], но и, в отличие от многих, был силен в написании скорбных слов – «[что касается] скорбных строф, [которые писали в период] *Цзяньань*, одному лишь Вэйчжану [они] относительно удавались, [в его] *Синной* (эпитафии «Вторая дочь» – *Н.С.*) неизменно (т.е. на всем ее протяжении – *Н.С.*) присутствует горечь» 惟伟长差善, “行女”一篇, 时有恻怛 [Там же, *Айдяо* 哀弔 13].

При этом Лю Се, как и неизвестный ханьский автор *Чжунлуньсюй*, как и Цао Пи, не оставляет без внимания и человеческие качества Сюй Ганя, говоря об отсутствии у него «изъянов», тем самым заявив о том, что и ученому мужу под силу быть безупречным:

«Если [взять, к примеру,] верность, преданность и стойкость, непоколебимость Цюя (Цюй Юаня 屈原 – *Н.С.*) и Цзя (Цзя И 贾谊 – *Н.С.*), сметливость, находчивость и начекушенность, бдительность Цзоу (Цзоу Яна 邹阳 – *Н.С.*) и Мэя (Мэй Чэна 枚乘 – *Н.С.*), сыновью почтительность Хуан Сяна, молчаливость (т.е. скромность, неприхотливость, непритязательность – *Н.С.*) Сюй Ганя, [то встает вопрос:] Как же можно говорить, что [каждый] ученый муж непременно [имеет] свой изъян?»

[Там же, *Чэнци* 49]

若夫屈、贾之忠贞，邹、枚之机觉，黄香之淳孝，徐幹之沈默：岂曰文士，必其玷
欤？

[*文心雕龙, 程器* 四九]

О годе смерти Сюй Ганя мы располагаем противоречивыми сведениями: в *Саньгочжи Вэйшу* сообщается, что «Гань, Линь, Ян, Чжэнь умерли на 22-й год [периода *Цзяньань*] (т.е. в 217 году – *Н.С.*)» 幹、琳、瑒、楨二十二年卒 [*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*], а в *Чжунлуньсюй* неизвестного ханьского автора эмоционально заявляется, что Сюй Гань, «не дописав [*Чжунлунь*] до конца, в возрасте 48 лет, весной 2 месяца 23-го г. *Цзяньань*, сраженный мором, по повелению неба кончался, как же тут не скорбеть!».

文义未究，年四十八，建安二十三年春二月，遭厉疾，大命殒頽，岂不痛哉！

[中论序]

Жизненный и творческий путь Чэнь Линя

«В *Вэйчжи* говорится: “[Чэнь] Линь, по второму имени [*цзы*] – Кунчжан, родом из Гуанлина (территория нынешнего городского округа Янчжоу провинции Цзянсу – *Н.С.*); спасаясь от смуты (последние годы правления Ханьского Линди 汉灵帝, его скорая смерть; Хэ Цзинь 何进, брат вдовствующей императрицы из рода Хэ, казнен евнухами; в Лояне, столице, охваченной беспорядками, бесчинствует Дун Чжо 董卓 – *Н.С.*), бежал в Цзичжоу, (ища защиты и поддержки у Юань Шао 袁绍 – *Н.С.*), [где] Юань Шао поручил [ему] заниматься документацией. [Когда] Шао было нанесено поражение, примкнул к *тайцзу* (т.е. к Цао Цао – *Н.С.*)».

[Цит. по: *Хоуханьшу, цзюань 74 шан*]

《魏志》曰：“琳字孔璋，广陵人，避难冀州，袁绍使典文章。绍败，归太祖。太祖谓曰：‘卿昔为本初移书，但可罪状孤而已，恶恶止其身，何乃上及父祖邪？’琳谢罪。太祖爱其才而不咎也。”

[后汉书，卷七十四上]

Таким образом, «Кунчжан изъявил свою покорность в Хэбэе (в Хэбэе – в землях к северу от реки Хуанхэ; под Хэбэем имеется в виду Цзичжоу, подконтрольный Юань Шао; лишь позднее Чэнь Линь подчинил себя воле государя, т.е. Цао Цао, прибыв из Цзичжоу, – *Н.С.*)».

[*Вэньсинь дяолун, Шисюй 45*]

孔璋归命于河北。

[文心雕龙，时许 四十五]

Таково первичное представление о жизненных и служебных перипетиях Чэнь Линя, тесно связанных с историческими событиями того времени.

Строки из *Хоуханьшу*, пунктиром намечающие линию жизни Чэнь Линя, фактически представляют собой выжимку из *Саньгочжи*:

«Линь в свое время занимал должность *чжубу* (ведающего записями – *Н.С.*) [в ставке главнокомандующего] Хэ Цзиня ((?–189 гг.), единокровного старшего брата императрицы из рода Хэ, – *Н.С.*). [Хэ] Цзинь хотел покарать всех евнухов, *тайхоу* (вдовствующая императрица – *Н.С.*) не внимала [его призывам], Цзинь [же] собрал отовсюду отважных полководцев и повелел [им] стягивать войска к столице, желая тем самым напугать *тайхоу*. Линь убеждал Цзиня:

“*Чжоуи* (включает в себя *Ицзин*, т.е. «Книгу перемен», и *Ичжуань*, т.е. комментарии к «Книге перемен», – *Н.С.*) предостерегает против того, чтобы (*досл.* – говорит о том, что – *Н.С.*) “преследовать оленя [в то время, как рядом] нет *юя* (*юйгуаня*, т.е. смотрителя лесов и охотничьих угодий, – *Н.С.*), [поскольку] пословица гласит, [что это сродни тому, чтобы], “прикрыв глаза рукой, ловить птиц” (*см. продолжение через абзац, после уточнения Лю Се, – Н.С.*).

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

琳前为何进主簿。进欲诛诸宦官，太后不听，进乃召四方猛将，并使引兵向京城，欲以劫恐太后。琳谏进曰：“易称‘即鹿无虞’。谚有‘掩目捕雀’。

[*三国志, 魏书, 卷 21*]

Лю Се по этому поводу в *Вэньсинь дяолун Шуцзи 25* пишет:

«Что касается увещеваний Чэнь Линя (здесь имеется в виду его «Уговариваю Хэ Цзиня призвать региональные войска» “*谏何进召外兵*” (т.е. войска, стоящие вне пределов столичной области) – *Н.С.*), то [в них] говорится: «прикрыв глаза рукой, ловить птиц» (образно в значении обманывать себя – *Н.С.*) <...> – [Чэнь Линь, таким образом], позаимствовал пословицу [и] вплел ее в [ткань] литературных словес».

[*Вэньсинь дяолун, Шуцзи 25*]

至于陈琳谏辞，称“掩目捕雀”《。。。》：并引俗说而为文辞者也。

[*文心雕龙, 书记 二十五*]

Далее Чэнь Линь продолжает и развивает мысли, навеянные этой пословицей:

“Ведь, [даже что касается этих] крошечных живых существ, [и то] невозможно, обижая и обманывая, достичь своих целей, что уж говорить о больших делах [всего] государства? Разве можно [путем] обмана добиться своего (*досл.* – встать, утвердить свои позиции – *Н.С.*)? Ныне полководец (т.е. Хэ Цзинь – *Н.С.*) концентрирует [в своих руках] [все] императорское могущество, обладает [полнотой] военной власти, взлетает, [словно] дракон, передвигается, [словно] тигр, милует и карает по воле [своего] сердца; вести себя

подобным образом – не что иное, как разжигать [огонь] в печи, чтобы сжечь волосок. Однако [стоит только начать] быстро и решительно действовать (*досл.* – оглушать раскатами грома – *Н.С.*), реализовывать [свою власть], немедленно реагировать, нарушать правила и следовать *дао* (в смысле законов природы и человеческих дел – *Н.С.*), [как] небо и люди вам покорятся; [вы] же, напротив, обнажаете свое острое оружие, все больше [войск] стягиваете к столице (*досл.* – к нему, т.е. к городу, – *Н.С.*). [Когда] крупные войска объединятся, [а] тот, кто силен, станет героем, вы, как говорится, будете держать щит и копье не за тот конец (т.е. будете вынуждены передать власть другому по причине своих необдуманных действий – *Н.С.*), будете отдавать другому рукоятку [своего] меча (т.е. будете вынуждены уступить власть другому – *Н.С.*). [Ваша] затея никоим образом не сможет увенчаться успехом, [а] только [наоборот] вызовет смуту (*досл.* – только станет началом смуты – *Н.С.*)”.

Цзинь не внял его речам, в конце концов навлек на себя несчастья».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*. Также сведения об этом содержатся в *Хоуханьшу, цзюань 69*].

夫微物尚不可欺以得志，况国之大事，其可以诈立乎？今将军总皇威，握兵要，龙骧虎步，高下在心；以此行事，无异於鼓洪炉以燎毛发。但当速发雷霆，行权立断，违经合道，天人顺之；而反释其利器，更徵於他。大兵合聚，强者为雄，所谓倒持干戈，授人以柄；功必不成，祇为乱阶。”进不纳其言，竟以取祸。

[*三国志, 魏书, 卷 21*]

Затем «Линь бежал в Цзичжоу, спасаясь от смуты, [и] Юань Шао поручил [ему] заниматься документацией. Когда роду Юань было нанесено поражение, Линь примкнул к *тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*). *Тайцзу* [ему] сказал: “Вы в свое время за Бэньчу (Бэньчу – *цзы* Юань Шао – *Н.С.*) отправляли письма, однако, [если бы вы] [перечисляли в них] злодеяния лишь [меня] одного и, ненавидя зло, остановились бы [только] на мне, [то ладно], [но] зачем [же вам понадобилось также] упоминать (*досл.* – подниматься до – *Н.С.*) [моих] отца и деда?” Линь повинился, [и] *тайцзу*, ценя [в нем] его талант, не покарал [его]».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

琳避难冀州，袁绍使典文章。袁氏败，琳归太祖。太祖谓曰：“卿昔为本初移书，但可罪状孤而已，恶恶止其身，何乃上及父祖邪？”琳谢罪，太祖爱其才而不咎。

В *Хоуханьшу* содержатся более подробные сведения о письме Юань Шао к Цао Цао, составленном Чэнь Линем, и о реакции Цао Цао на это письмо:

«Письмо Юаня (Юань Шао – *Н.С.*) к Цао (Цао Цао – *Н.С.*) было крайне заносчивым. Чэнь Линь составил за Юаня воинственное письмо (*сишу; сшу* – послание военного

характера; как правило, *сишу* – письмо либо с объявлением войны, либо с приказом о наборе солдат – *Н.С.*), [в котором] говорилось [следующее]: “Дед Цао Тэн был ненасытен в [своей] алчности, безудержен в [своем] самовольстве, отец [Цао] Сун, сам из нищих, был приемышем [евнуха Тэна], а [Цао Цао], [соответственно], – порождением отродья евнуха”. [Письмо Чэнь Линя] вобрало в себя дерзкие речи, Цао страшно разгневался, пожелал тотчас с ними (т.е. с Юань Шао и Чэнь Линем – *Н.С.*) расправиться, однако, опасаясь, что [его силы] не превосходят [силы] противника, [предпочел сначала] посоветоваться с Сюнь Юем (Сюнь Юй (163–212 гг.) – советник Цао Цао, видный стратег – *Н.С.*). Сюнь рассчитал, что, хотя Шао силен, в итоге [все равно] будет покорен Цао, поэтому сказал, что сначала [надобно] взять Люй Бу (Люй Бу (161–199 гг.) – видный полководец периода Троецарствия – *Н.С.*), а [уже] потом планировать, [как расправиться с] Шао, Цао последовал этому (т.е. совету Сюнь Юя – *Н.С.*). На 3-й год *Цзяньань* (т.е. в 198 г. – *Н.С.*) Люй Бу был схвачен, Сюйчжоу был умиротворен».

[*Хоуханьшу, цзюань 70*]

绍与操书甚倨。陈琳为绍作檄书曰：“操祖父腾鬻放横，父嵩乞丐携养，操赘阉遗丑。”并倨慢之词也。操大怒，欲先攻之，而患力不敌，以谋于彧。彧量绍虽强，终为操所制，乃说先取吕布，然后图绍，操从之。三年，遂擒吕布，定徐州。

[后汉书，卷 70]

Лю Се также сообщает нам некоторые подробности, касающиеся этого письма:

«[За Юань Шао] объявляю войну Юйчжоу” Чэнь Линя [написано] храбро, твердо и прямо. Хотя и поносит [Цао Суна, отца Цао Цао] как приемыша евнуха [Цао Тэна], непомерно разглашает [его] тайну; [утверждает, что Цао Цао поручает] раскапывать могилы [с целью] извлечения [из них] сокровищ (Чэнь Линь в своем письме писал: «Цао к тому же специально учредил [должности] *чжунланцзяна* по выкапыванию могил и *сяовэя* по извлечению [из них] сокровищ, все [вокруг он] разрушил, не [осталось той] кости, [которую бы он] не выкопал [из земли]» . “操又特置发丘中郎将，摸金校尉，所过隳突，无骸不露。”), клеветает на него, [рассказывая о] его зверствах; однако [те] резкие слова, [в которых он] описывает жестокости [Цао], четко [направлены на его] разоблачение. Осмелился в отношении Цао *гуна* (Цао Цао – *Н.С.*) [сделать] выпад, к счастью, избежал [того, чтобы его считали членом] группировки Юаня и [избежал того, чтобы его из-за этого] казнили».

[*Вэньсинь дяолун, Си 20*]

陈琳之《檄豫州》，壮有骨鲠，虽奸阉携养，章密太甚；发邱摸金，诬过其虐；然抗辞书衅，皦然露骨矣。敢指曹公之锋，幸哉免袁党之戮也。

[文心雕龙, 檄移 二十]

Вышеупомянутое письмо было далеко не единственным, которое Чэнь Линь составил за Юань Шао. Более того, Юань Шао привлекал Чэнь Линя к ведению не только переписок, но и переговоров.

Уже в *Вэйшу цз. 1* содержатся сведения, напрямую указывающие на то, что Юань Шао направлял Чэнь Линя на решение дипломатических задач – поручал ему вести переговоры о заключении мира; кстати, сам Юань Шао здесь предстает в крайне неприглядном виде – он изображается как трус, использующий других в своих корыстных целях:

«На 9-й год [Цзяньань] (т.е. в 204 г. – *Н.С.*) <...> осенью седьмого месяца <...> Гун (т.е. Цао Цао – *Н.С.*) нанес [по войскам Юань Шао] контрудар [и] разгромил их, после чего сразу же окружил его (т.е. Юань Шао – *Н.С.*) военный лагерь. Еще не будучи окруженным, старший (т.е. Юань Шао – *Н.С.*) испугался, [поэтому] послал бывшего *цзыши* (т.е. ревизора, инспектора округа – *Н.С.*) Юйчжоу Инь Куя, а также Чэнь Линя просить [Цао Цао] о заключении мира. Гун отказался [и] еще больше усилил осаду. Старший [всю] ночь бежал, укрылся в Цишане, [а воины Цао Цао все время] преследовали его. Он (т.е. Юань Шао – *Н.С.*) перед сражением сдал в плен Ма Яня, Чжан И; все (т.е. войска Юань Шао – *Н.С.*) разбежались, [а сам] старший убежал в Чжуншань».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 1*; об этом же эпизоде, только в несколько иных выражениях, повествуется и в *цз. 6*, а также в *Хоуханьшу, цз. 74 ся*]

九年《。》秋七月《。》公逆击破走之，遂围其营。未合，尚惧，遣故豫州刺史阴夔及陈琳乞降，公不许，为围益急。尚夜遁，保祁山，追击之。其将马延、张顓等临陈降，众大溃，尚走中山。

[三国志, 魏书, 卷 1]

Это был не единственный случай, когда Чэнь Линю (кстати, вновь вместе с Инь Куем) представилась возможность проявить свои дипломатические способности – на сей раз его умелое заступничество помогло спасти жизнь одного из чиновников:

«Когда Шао умер, между двумя [его] сыновьями началась борьба, боролись [они] за [Цуй] Яня (Цуй Янь 崔琰 (?/165–216 гг.) – служилый человек; сначала служил при Юань Шао, затем – при Цао Цао – *Н.С.*). Янь, ссылаясь на болезнь, решительно подал в отставку, [за что он и] был наказан, брошен в темницу; [только] благодаря Инь Кую и Чэнь Линю, [которые] спасли [его], [он] избежал [смерти]».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 12*]

及绍卒，二子交争，争欲得琰。琰称疾固辞，由是获罪，幽于囹圄，赖阴夔、陈琳营救得免。

[三国志，魏书，卷 21]

Как уже говорилось выше, Чэнь Линь, служа при Юань Шао, неоднократно выступал в роли письмоводителя – ему поручалось составлять, оформлять и отправлять письма от имени Юань Шао. В *цз. 7 Вэйшу* повествуется о том, как Чэнь Линь по велению Юань Шао вступил в переписку с земляком Цзан Хуном, при этом ответ последнего на письмо Чэнь Линя весьма примечателен – в нем за счет контрастного противопоставления Чэнь Линю дается весьма нелестная оценка конформиста и приспособленца:

«[Цзан] Хун (Цзан Хун 臧洪 (160–196 гг.) – полководец периода смуты, в которую империя погрузилась на закате Хань; был соратником Чжан Чао 张超; воевал против Юань Шао; затем никак не был связан с Цао Цао – *Н.С.*), как услышал об этом (т.е. о том, что Чжан Чао был окружен, – *Н.С.*), [так] прямо-таки [начал] ходить босиком [из стороны в сторону] и плакать навзрыд, [вскоре после чего] собрал войска, [которыми он командовал], также попросил [Юань] Шао [выделить ему] солдат и лошадей, желая спасти [Чжан] Чао (Чжан Чао (?–195 гг.) – полководец конца периода правления династии Восточная Хань – *Н.С.*), однако Шао так и не согласился [пойти на это]. В итоге [род] Чао был [полностью] истреблен. [И] Хун вследствие этого затаил обиду на Шао, разорвал [с ним] [всякие] сношения. Шао поднял войска, [чтобы] повести их на него (*досл.* – чтобы окружить его – *Н.С.*), [однако] в течение нескольких лет [ему это] не удавалось (т.е. не удавалось взять его в осаду – *Н.С.*). Шао повелел земляку Хуна Чэнь Линю написать Хуну письмо, [дабы] вразумить [его, предоставляя возможность сравнить] бедствие и благоденствие, укорить [его] путем оказания милости и призыва к ответу по справедливости. Хун ответил: “<...> Действуйте, Кунчжан! Вы, милостивый государь, гонитесь за выгодой за пределами границ, Цзан Хун [же] жертвует [своей] жизнью ради государя и родных; Вы ищите покровительства у гегемона союза (т.е. у Юань Шао – *Н.С.*), Цзан Хун [же] пребывает на службе (*досл.* – находится в списке служащих – *Н.С.*) в Чанъани. Вы говорите, [что] я погибну и имя [мое] будет предано забвению, я тоже, смеясь, [говорю], что вы [ни] при жизни, [ни] при смерти не [удостоитесь] славы, как же жаль! [Вы и я вышли из] одного корня, [но затем] концы [наших ветвей] разошлись [в разные стороны], упорствуйте дальше, что еще могу сказать?!”».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 7. Также об этом написано в Хоуханьжу, цз. 58]*

洪闻之，果徒跣号泣，并勒所领兵，又从绍请兵马，求欲救超，而绍终不听许。超遂族灭。洪由是怨绍，绝不与通。绍兴兵围之，历年不下。绍令洪邑人陈琳书与洪，喻

以祸福，责以恩义。洪答曰：。。。行矣孔璋！足下徼利於境外，臧洪授命於君亲；吾子托身於盟主，臧洪策名於长安。子谓余身死而名灭，仆亦笑子生死而无闻焉，悲哉！本同而未离，努力努力，夫复何言！

[三国志，魏书，卷 7]

Действительно, повинуюсь приказу Юань Шао, Чэнь Линь в угоду ему не брезговал тратить свой талант и на обман:

«Хоу (в данном контексте – лазутчик – *Н.С.*), [служащий при Юань] Шао, получил его письмо (т.е. письмо от Гунсунь Цзяня, отца, к Гунсунь Сюю, сыну, – *Н.С.*), [по этому поводу] в *Сяньди Чуньцю* говорится [следующее]: “Лазутчик получил письмо, Шао повелел Чэнь Линю изменить слова в нем”, то есть в этом письме (имеется в виду внести правку в текст этого письма – *Н.С.*)».

[*Хоуханьшу, цзюань 73*]

绍候得其书，《献帝春秋》“候者得书，绍使陈琳易其词”，即此书。

[后汉书，卷七十三]

Примкнув к Цао Цао, Чэнь Линь продолжил заниматься письмоводством, поражая при этом своим мастерством самого Цао Цао:

«[Жуань] Юй в молодые годы учился у Цай Юна. В середине [периода правления] *Цзяньань духу* (наместник – *Н.С.*) Цао Хун собирался повелеть [ему] ведать делопроизводством, Юй в итоге не согласился (*досл. – не подчинился – Н.С.*). *Тайцзу* назначил обоих – [Чэнь] Линя и [Жуань] Юя – *сыкун цзюньмоу цзицзюй* (виночерпиями при военном стратеге при *сыкуне – Н.С.*), [поручил им] ведать палатой записей (или же, иначе говоря, назначил их *цзиши* – канцеляристами, регистраторами – *Н.С.*; стоит уточнить, что, в соответствии с *Саньгочжи Вэйшу цз. 21*, цитирующем *Вэйлюэ*, не только Чэнь Линь и Жуань Юй были *цзиши* – их было много: «Цуй (Лу Цуй 路粹, *цзы – Вэнь Вэй 文蔚 – Н.С.*) <...> вместе с Чэнь Линем, Жуань Юем и другими [стал] ведать палатой записей...» 【*典略曰: 。。。粹后为军谋祭酒，与陈琳、阮瑀等典记室。。。。*】; на это есть указания и в *Хоуханьшу цз. 70 – Н.С.*).

瑀少受学於蔡邕。建安中都护曹洪欲使掌书记，瑀终不为屈。太祖并以琳、瑀为司空军谋祭酒，管记室。。。。

<...>

Шу (письма – *Н.С.*) и *си* (либо в целом официальная корреспонденция, либо, как в данном случае, послания военного характера – как правило, приказы о начале военных действий или наборе солдат – *Н.С.*), [касающиеся вопросов] государственного [управления] и [ведения] войны, преимущественно составлялись Линем и Юем. [В *Дяньлюэ* говорится:

«Линь составлял все *шу* и *си*, [набросав] черновики, подавал [их] *тайцзу*. У *тайцзу* однажды страшно разболелась голова – в этот день разыгралась [его] болезнь, [поэтому он] прилег [и начал] лежа читать сочиненное Линем; [вдруг], охваченный порывом, [он] встал и сказал: “Это сильнее моей болезни”. [И] щедро одарил [его] богатыми дарами. Как-то раз *тайцзу* повелел Юю написать письмо Хань Сую; когда *тайцзу* как раз собирался выезжать [со двора], Юй последовал [за ним] – поскольку на коне подготовил черновик, [поэтому сразу] подал ему (т.е. Цао Цао – *Н.С.*) письмо. *Тайцзу* взял кисть, желая что-нибудь подправить, однако, вопреки ожиданиям, не смог [ничего] [ни] добавить, [ни] убавить». Линь был перемещен [на должность] *мэньсяду* (дворцового смотрителя; назначение, на которое, как правило, выдвигались видные военачальники, – *Н.С.*), а Юй был назначен помощником в *цанцао* (хлебных амбарах; конкретные обязанности, функции неясны – *Н.С.*)».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

军国书檄，多琳、瑀所作也。【*典略*曰：琳作诸书及檄，草成呈太祖。太祖先苦头风，是日疾发，卧读琳所作，翕然而起曰：“此愈我病。”数加厚赐。太祖尝使瑀作书与韩遂，时太祖適近出，瑀随从，因於马上具草，书成呈之。太祖揽笔欲有所定，而竟不能增损。】琳徙门下督，瑀为仓曹掾属。

[*三国志, 魏书, 卷 21*]

Также они оба были настолько вхожи в семью Цао, что даже были приближены лично к Цао Чжи:

«В *Вэйчжи* [говорится, что] Чжэнь, по второму имени [*цзы*] – Гунгань, вместе с Сюй Ганем, Чэнь Линем, Жуань Юем, Ин Чаном прославились своими *чжанами* (докладами трону; сочинениями – *Н.С.*), стали *шуцзы* (членами свиты наследника престола – *Н.С.*) Пиньюань хоу (Цао Чжи – *Н.С.*)».

[*Хоуханьшу, цзюань 80 ся*]

《*魏志*》楨字公干，为司空军谋祭酒，五官郎将文学，与徐干、陈琳、阮瑀、应玚俱以章知名，转为平原侯庶子。

[*后汉书, 卷八十下*]

Скончался Чэнь Линь, как и многие в то время, от свирепствовавшего мора:

«Гань, Линь, Ян Чжэнь умерли на 22-й год [*Цзяньань*]».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

幹、琳、玚、楨二十二年卒。

Таким образом, если год рождения Чэнь Линя нам не известен, то год его смерти представляется вполне достоверным – 217 г.

Мало кто после смерти Мужей мог с ними сравниться – среди молодых талантом выделялся только Ван Сян:

«[В *Вэйлюэ* говорится: “Ван Сян, по второму имени (т.е. *цзы* – *Н.С.*) – Бо И. После того, как Ван Цань, Чэнь Линь, Жуань Юй, Лу Цуй и другие умерли, среди новой поросли один лишь Сян выделялся своим талантом”]».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 23*]

【魏略曰：王象字羲伯。《。。。》及王粲、陈琳、阮瑀、路粹等亡后，新出之中，惟象才最高。。。】

[*三国志, 魏书, 卷 23*]

Главным образом, Чэнь Линь был силен в составлении разного рода посланий, о чем нам сообщают различные источники:

«Доклады (*чжаны* – *Н.С.*) и представления трону (*бяо* – *Н.С.*), послания (*шу* – *Н.С.*) и записки (*цзи* – *Н.С.*) [Чэнь] Линя и [Юань] Юя (Жуань Юя – *Н.С.*) – суть редчайшие яства наших времен».

[*Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности. См.: Лисевич, 1996, С. 41*]

琳、瑀之章表书记，今之俊也。

[*典论论文*]

В своем письме к У Чжи Цао Пи отмечает достоинства докладов и представлений Чэнь Линя, не обходя стороной и их небольшой, с его точки зрения, недостаток:

«У Кун-чжана доклады и представления трону крепости редкой, но, пожалуй, чрезмерно пышны».

[*Послание к У-Чжи. См.: Лисевич, 1996, С. 48*]

孔璋章表殊健，微为繁富。

[*与吴质书*]

Лю Се же, цитируя Цао Пи, не увидел в его словах никакой критики в адрес Чэнь Линя:

«*Чжаны* и *бяо* Линя и Юя в то время были прославлены; [Цао Пи] утверждал, [что в сочинениях] Кунчжана [присутствуют] бодрость и крепкость, [что] его выделяет [среди остальных Мужей]».

[*Вэньсинь дяолун, Чжанбяо 22*]

琳、瑀章表，有誉当时；孔璋称健，则其标也。

[*文心雕龙, 章表 二二*]

Также Лю Се обращает внимание на незаурядность и других посланий авторства Чэнь Линя:

«Линь, Юй прославились [своими] *фу* (верительными письмами, грамотами, бирками – *Н.С.*) и *си* (объявлениями о наборе солдат, приказами о начале военных действий, иными посланиями военного характера – *Н.С.*).

[*Вэньсинь дяолун, Цайлюэ 47*]

琳、瑀以符檄擅声

[*文心雕龙, 才略 四七*]

Тем не менее, в другой главе Лю Се подмечает и существенные недостатки Чэнь Линя:

«[А теперь] взглянем слегка на недостатки литераторов: <...> Кунчжан – [человек] невежественный и притом поверхностный (небрежный и невнимательный – *Н.С.*)».

[*Вэньсинь дяолун, Чэнци 49*]

略观文士之疵：《。。。》孔璋惚恫以粗疏。。。。

[*文心雕龙, 称器 四九*]

Почти те же слова мы находим и в комментарии к *Вэйшу цз. 21*:

«[В *Вэйлюэ* говорится: “<...> Чжунцзян сказал: “<...> Кунчжан действительно сам по себе небрежен и невнимателен”. ...]».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

孔璋实自粗疏

Лю Се не замалчивает и того, что отрицательно о Чэнь Лине отзывался и Цао Чжи:

«Когда Чэнь Сы рассуждал о талантах (речь идет о «Письме Ян Дэцзу» – *Н.С.*), он также решительно (*досл. – глубоко – Н.С.*) исключил (*досл. – выбросил, выкинул – Н.С.*) [из их числа] Кунчжана».

[*Вэньсинь дяолун, Чжисинь 48*]

及陈思论才，亦深排孔璋

[*文心雕龙, 知音 四八*]

Действительно, лестной назвать оценку, данную Цао Чжи Чэнь Линю, весьма трудно:

«Возьмем, [к примеру], талант Кунчжана. [Кунчжан] [отнюдь] не мастер *цы* и *фу*, хотя то и дело уподобляет себя Сыма Чанцину, [а между тем], как он ни пытается нарисовать тигра, все равно получается собака; [в одном из] прошлых писем [я] высмеял его, [а он], напротив, чванливо утверждал, будто [в нем] я выразил [все] восхищение его твореньем...».

[Цао Чжи. Письмо Ян Дэцзу. См. ранее перевод и анализ].

以孔璋之才，不闲于辞赋，而多自谓能与司马长卿同风，譬画虎不成反为狗也，前书嘲之，反作论盛道仆赞其文。

[与杨德祖书]

Однако в этом же письме Цао Чжи ясно дает понять, что Чэнь Линь некогда был поистине талантлив, однако, поступив на службу к Цао Цао, он утратил или же растратил весь свой талант:

«Когда-то <...> Кунчжан парил, подобно орлу, над землями к северу от [реки] Хэ. <...> Потому-то нам государь и расставил свои небесные сети – опутать их (Мужей – Н.С.), растянул свои восемь нитей – связать их, и теперь [он] собрал [их всех] в своем царстве. Однако мужи эти так и не сумели вновь подняться ввысь, не смогли вновь оторваться от земли, [и] не пустились [они] [в дальние странствия] за тысячи ли».

[Там же]

孔璋鷹揚于河朔《。。。》吾王于是設天網以該之，頓八以掩之，今悉集茲國矣。然此數子猶復不能飛軒絕迹，一舉千里。

Жизненный и творческий путь Ин Чана

Как уточняется в доступных нам изданиях *Саньгочжи* с комментариями Пэй Сунчжи 裴松之 (372–451 гг.)⁷⁶⁴ и *Вэньсинь дяолун* с комментариями Лу Каньжу 陆侃如 (1903–1978 гг.) и Моу Шицзиня 牟世金 (1928–1989 гг.)⁷⁶⁵, звали его именно Ин Чан. К сожалению, многие китаеведы, в том числе и отечественные, зачастую неправильно транскрибируют имя Ин Чана, называя его то Ин Даном, то Ин Яном: в частности, у В.М. Алексеева – Ин Чан [Ин Ян]⁷⁶⁶, у И.С. Лисевича и в «Истории всемирной литературы» (т. 2) – Ин Дан⁷⁶⁷, у Л.Е. Черкасского – Ин Дан⁷⁶⁸, у И.А. Алимова, М.Е. Кравцовой – Ин Ян⁷⁶⁹ – Н.С.).

Итак, «Ин Чан, по второму имени [цзы] – Дэлянь, происходил из Жунаня (округ Жунань находился на территории нынешнего городского уезда Сянчэн 项城 провинции

⁷⁶⁴ См. *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*: 汝南应场字德璉、【场，音徒哽反，一音畅。】。

⁷⁶⁵ См. *Вэньсинь дяолун, Минши, б*:

4: 应: 应场 (chàng 唱), 字德璉

[文心雕龙, 明诗, 六].

⁷⁶⁶ См., к примеру: [Трактат о стильном произведении (Дянь лунь лунь вэнь) // Труды по китайской литературе (Кн. 1), 2002, С. 381]

⁷⁶⁷ См., к примеру: [Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности // Лисевич, 1996, С. 40]

См. [История всемирной литературы (Т. 2), 1984, С. 98]

⁷⁶⁸ См., к примеру: [Черкасский, 1963, С. 8]

⁷⁶⁹ См., к примеру: [Алимов, Кравцова, 2014, С. 364]

Хэнань, фактически располагался на границе сегодняшних провинций Хэнань и Аньхой – Н.С.)».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

汝南应场字德珽

[*三国志, 魏书, 卷 21*]

Год рождения Ин Чана точно не известен, однако, по-видимому, он был самым младшим из Семи мужей. Ин Чан происходил из семьи потомственных чиновников; мужчины в его роду на протяжении многих поколений занимали заметное место в обществе:

«В начале [периода правления] *Чжунсин* ((87–48 гг. до н.э.) – Н.С.) матушка Ин, родив четверых сыновей, овдовела. [Однажды она] увидела, [как] чудесное сияние озарило ее общину, попробовала его на ощупь, оказалось – золото. С тех пор все сыновья (здесь имеется в виду ее потомство – Н.С.) служили и учились, да притом снискали славы, [все] семь поколений вплоть до Чана были эрудированными и видными [представителями своих эпох]».

[*Хоуханьшу, цзюань 48*]

中兴初, 有应姬者, 生四子而寡。见神光照社, 试探之, 乃得黄金。自是诸子宦学, 并有才名, 至场七世通显。

[*后汉书, 卷四十八*]

Вполне возможно, что дед, дядя и отец Ин Чана своим примером повлияли на его становление. Вот что о них писали в хрониках:

«[В *Ханьшу* Хуа Цзяо ((?–293 гг.), историограф периода Вэйцзинь 魏晋, его *Ханьхоушу* 汉后书 входит в *Бацзя Хоуханьшу* 八家汉后书, т.е. в собрание восьми восточноханьских исторических анналов, – Н.С.) говорится: “Дед Чана – Фэн, по второму имени [*цзы*] – Шишу. [Обладал] талантом и живым, гибким [умом], любил декламировать [стихи], поэтому [о нем] тогда говорили, [что] “Ин Шишу в учении разом [охватывал] пять строчек (метафора сметливости, остроты ума – Н.С.)”. Сочинил *Хоусюй* (досл. – «Послесловие» – Н.С.) в более чем 10 *пянях*, был книжником-конфуцианцем. В середине [периода правления] *Яньси* ((158–167 гг.) – Н.С.) стал *сыли-сяовзем* (досл. *сыли* – ведающий рабами, т.е. военнопленными или преступниками, приговоренными к каторжному труду; в период Хань *сыли* и *сыли-сяовэй* – должность столичного коменданта – Н.С.). [Его] сын Шао, по второму имени [*цзы*] – Чжуньюань, тоже [обладал] широкой эрудицией, многочисленными знаниями, был исключительно любознателен. Все то, что он написал, [включает] такой [труд], как *Фэнсутун* («Энциклопедия о нравах и обычаях», «Все о нравах и обычаях» – Н.С.), в общей сложности [состоит из] ста с лишним *пяней*, хотя слова [в этом

труде] и лишены классического [изящества], [однако] сведения, [приводимые Ин Шао] об обычаях того времени, обширны”.

[Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*]

【华峤汉书曰：瑒祖奉，字世叔。才敏善讽诵，故世称“应世叔读书，五行俱下”。著后序十馀篇，为世儒者。延熹中，至司隶校尉。子劭字仲远，亦博学多识，尤好事。诸所撰述风俗通等，凡百馀篇，辞虽不典，世服其博闻。。。】

[*三国志, 魏书, 卷 21*]

В *Сюйханьшу* (авторства Сыма Бяо 司马彪 (240–306 гг.), также входит в *Бацзя Хоуханьшу – Н.С.*) говорится: “Шао также написал *Чжунхань цзисюй* («Сборник [материалов] по среднему периоду правления династии Хань» – *Н.С.*), *Хань гуань* («[Труд по] ханьскому чиновничьему церемониалу» – *Н.С.*), а также *Лиш гуши* («Истории об этикете» – *Н.С.*), всего [им было написано] 11 видов [сочинений] в 136 *цзюанях*. Дворцовые порядки, чиновничьи нормы и правила поведения поэтому (т.е. благодаря Ин Шао – *Н.С.*) и не погибли (*досл. – не стали мертвецами – Н.С.*) – Шао их записал. Дослужился до *тайшоу* (*досл. тайшоу – великий защитник; в период Хань – титул, обычно присуждаемый вождям аборигенных племен юга и юго-запада, иначе – правитель области – Н.С.*) [земель вокруг горы] Тайшань. Младший брат Шао – Сюнь, по второму имени [*цзы*] – Цзи Юй, [служил] помощником *сыкуна* (*досл. сыкун – ответственный по выкапыванию каналов; в Хань – министр общественных работ – Н.С.*), являлся отцом Чана]».

[Цит. по *Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21*].

【。。。续汉书曰：劭又著中汉辑叙、汉官仪及礼仪故事，凡十一种，百三十六卷。朝廷制度，百官仪式，所以不亡者，由劭记之。官至泰山太守。劭弟珣，字季瑜，司空掾，即瑒之父。】

[Там же]

Самому же Ин Чану, одному из Семи мужей, была уготована не менее славная участь, чем его предкам, – «... Когда-то <...> Дэлян в великом [царстве] Вэй удостоился почета...».

[Цао Чжи. Письмо Ян Дэцзу. Цит. по: *Саньгочжи, Вэйшу, цз. 21*]

【典略曰：。。。德珽发迹於大魏】

[*与杨德祖书: 三国志, 魏书, 卷 21*]

Ин Чан проявил себя не только на литературном поприще – он также занимал высокие чиновничьи посты:

«Чан (Ин Чан – *Н.С.*), Чжэнь (Лю Чжэнь – *Н.С.*) – оба были назначены *тайцзу* (Цао Цао – *Н.С.*) помощниками *чэнсяна* (главного советника – *Н.С.*). Чан [позднее] был переведен [на должность] *шуцзы* (члена свиты наследника престола – *Н.С.*) [при] Пиньюань

хоу (т.е. Цао Чжи – Н.С.), а после – [на должность] ведающего литературой при угуань-цзяне (или угуань-чжунланцзяне, т.е. главе придворных, ведающем самым широким кругом вопросов; в то время – при Цао Пи – Н.С.)».

[Саньгочжи, Вэйшу, цзюань 21]

瑒、瑒各被太祖辟为丞相掾属。瑒转为平原侯庶子，后为五官将文学。

В хрониках содержится информация и об отдельных представителях младшего поколения семьи Ин, которые тоже прославились как своими литературными сочинениями, так и ревностной службой:

«У Чана был младший брат Цюй, у Цюя был сын Чжэнь, оба снискали известность [своими] литературными произведениями. Цюй дослужился до *шичжун* (досл. *шичжун* – служащий во дворце; в период Хань – дворцовый служитель, на эту должность назначались чиновники центрального аппарата, которых император выбирал в качестве своих советников по конфиденциальным вопросам – Н.С.). Чжэнь [в период] *Сяньси* ((264–265 гг.) – Н.С.) участвовал в ведении военных дел при *сянго* (в Хань – главный советник; должность, фактически альтернативная *чэнсяну*, но в то же время котирующаяся выше; в Хань назначению на эту должность сопутствовало дарование титула *хоу*, если назначаемый к этому времени еще не был *хоу*, – Н.С.)».

[Там же]

瑒弟璩，璩子贞，咸以文章显。璩官至侍中。贞咸熙中参相国军事。

Кстати, упоминанию об одаренности Чана сопутствовало и упоминание о, по-видимому, не меньшей одаренности его младшего брата:

«Юношей Чана, Цюя к тому же называли литературными талантами».

[Хоуханьшу, цзюань 48]

弟子瑒、璩，并以文才称。

[后汉书，卷四十八]

Здесь же, в *Хоуханьшу*, содержатся и некоторые уточнения относительно имен родственников Ин Чана:

«В книге Хуа Цзяо (см. ранее – Н.С.) говорится: “Младший брат Шао – Сюнь, по второму имени [цзы] – Цзи Юй, [служил] помощником *сыкуна*. Сюнь родил (т.е. был отцом – Н.С.) Чана”.

[Цит. по: Хоуханьшу, цзюань 48]

《华峽书》曰：“劭弟珣，字季瑜，司空掾。珣生瑒。”魏志曰“瑒字德琰，瑒弟璩字休琰，咸以文章显”也。

В *Вэйчжи* говорится: “Второе имя [цзы] Чана – Дэлянь, второе имя [цзы] Цюя, младшего брата Чана, – Сюлянь, оба прославились [своими] произведениями”».

[Цит. по: Там же]

魏志曰：“瑒字德琰，瑒弟璩字休琰，咸以文章显”也。

Если о годе рождения Ин Чана нам ничего не известно, то о годе его смерти мы располагаем вполне достоверными сведениями – как и многие Мужы, он скончался в 217 г. от болезни, вызванной бушующей в то время эпидемией:

«Гань, Линь, Чан, Чжэнь умерли на 22-й год [периода *Цзяньань*] (т.е. в 217 г. – *Н.С.*)».

[*Саньгочжи, Вэйшу, цюань 21*]

幹、琳、瑒、楨二十二年卒。

Цао Пи в письме У Чжи писал об этом следующее:

«В прошлые годы свирепствовал мор, и потому близкие мне в большинстве пострадали от этой беды. Сюй, Чэнь, Ин и Лю в одночасье вместе из мира ушли... Как высказать эту боль!

<...>

Дэ-лянь всегда был изыскан, склонность имел передавать и творить, таланта его и учености было довольно, чтобы написать посланье, но прекрасных своих устремлений он не успел [воплотить]. Об этом поистине можно только горько жалеть!»

[Послание к У-Чжи. См.: Лисевич, 1996, С. 48–49]

"昔年疾疫，亲故多离其灾，徐、陈、应、刘，一时俱逝。《。。。》德琰常斐然有述作意，其才学足以著书，美志不遂，良可痛惜！。。。"

[与吴质书：三国志，魏书，卷 21]

О таланте Ин Чана рассуждал и Лю Се. Весьма примечательно, что, по мнению Лю Се, успехами на литературном поприще Ин Чан обязан и своему образованию:

«Ин Чан прекрасно учился, что способствовало [его] литературным достижениям».

[*Вэньсинь дяолун, Цайлюэ 47*]

应瑒学优以得文

[*文心雕龙，才略 四七*]

Лю Се был убежден, что литературные сочинения Ин Чана были плодом напряженной работы мысли:

«Дэлянь (Ин Чан – *Н.С.*) обобщал свои отточенные и безукоризненные (т.е. иначе – блестящие, литературно обработанные, – *Н.С.*) размышления».

[*Вэньсинь дяолун, Шисюй 45*]

德琰综其斐然之思

[文心雕龙, 时序 四五]

Определенные недостатки в его творчестве подметил Цао Пи:

«Ин Чан [Ин Ян] гармоничен во всем, но мужества в нем не хватает» [Трактат о стильном произведении (Дянь лунь лунь вэнь) // Труды по китайской литературе (Кн. 1), 2002, С. 382]; «Ин Дан гармоничен, однако не зрел» [Рассуждения о классическом. Рассуждение об изящной словесности // Лисевич, 1996, С. 41].

应场和而不壮。

[典论论文]

Также стоит отметить, что Ин Чан был не только литератором, но и теоретиком литературы – его *Вэньлунь* удостоился высокой оценки Лю Се:

«[Если] пристально посмотрим на тех, кто в последнее время [пишет] *луньвэни* (суждения о литературе – *Н.С.*), [то увидим, что] их много: что касается Вэйского Вэнь[ди], [который] изложил [свои мысли] в *Дянь* (т.е. *Дяньлунь луньвэнь* 典论论文 – *Н.С.*), Чэнь Сы, [который] поведал [о своих размышлениях] в *шу* (*Юй Ян Дэцзу шу* 与杨德祖书 – *Н.С.*; Лю Се тем самым относит «Письмо Ян Дэцзу» к числу теоретических произведений – *Н.С.*), Ин Чана [и его] *Вэньлунь* (не сохранился до наших дней; зато сохранился *Вэньчжилунь* 文质论, который, тем не менее, к изящной словесности не имеет отношения; как подчеркивается в издании *Вэньсинь дяолун* с комментариями Лу Каньжу и Моу Шицзиня, здесь речь идет именно о *Вэньлунь* 文论, а не о *Вэньчжилунь* – *Н.С.*), [что касается] Лу Цзи [и его] *Вэньфу*, Чжунця (т.е. Чжи Юя 摯虞 – *Н.С.*) [и его] *Любе* (*Вэньчжан любелунь* 文章流别论 «Суждение о видах и разновидностях литературных сочинений» – *Н.С.*), [что касается] Хунфаня (Ли Чуна 李充 – *Н.С.*) [и его сочинения] *Ханьлин* (*Ханьлинлунь* 翰林论 «Суждение о лесе кистей» – *Н.С.*), – все они [однобоко] освещают [лишь] отдельные стороны [литературного творчества] (*досл.* – лишь щель в углу – *Н.С.*), [в то время как] редко смотрят на него широко (*досл.* – поглядывают на столбовую дорогу – *Н.С.*). <...> *Лунь* (*Вэньлунь* – *Н.С.*) Ина (Ин Чана – *Н.С.*) цветист, но поверхностен...».

[*Вэньсинь дяолун*, *Сюйчжи* 50]

详观近代之论文者多矣：至于魏文述《典》、陈思序《书》、应场《文论》、陆机《文赋》、仲洽《流别》、宏范《翰林》，各照隅隙，鲜观衢路《。。。》应《论》华而疏略。。。。

[文心雕龙, 序志 五十]

Читая Лю Се, мы узнаем, что современники подтрунивали над внешними изъятиями Ин Чана:

«[В период] Вэй-Цзинь ((220–420 гг.) – *Н.С.*) юмористические [сочинения] получили распространение, тягаясь друг с другом [в остроумии]. Поэтому (т.е. вследствие их распространения – *Н.С.*) [и писали, что] нос Ин Чана будто бы был обрублен разбойником, [превратившись в] подобие яйца».

[*Вэньсинь дяолун, Сеинь 15*]

魏晋滑稽，盛相驱扇。遂乃应场之鼻，方于盗削卵。。。

[*文心雕龙，谐隐 十五*]

Наконец, если мы зададимся вопросом, насколько заметный след Ин Чан оставил в истории китайской литературы, то ответ на него мы получим, к примеру, в романе «Сон в красном тереме». Когда Линь Дайюй учит Сянлин писать стихи, она выражает и свое отношение к классической литературе, фактически выступая здесь в роли резонера самого Цао Сюэциня. Среди литераторов, сочинения которых, по ее мнению, надо обязательно прочитать, она упоминает и Ин Чана: сначала велит Сянлин читать стихи Ван Вэя, Ду Фу, Ли Бо, потом говорит ей, что «затем почитаешь Тао Юаньмина, Ина (Ин Чана – *Н.С.*), Лю (Лю Чжэня – *Н.С.*), Се, Жуаня, Юя, Бао и других, не понадобится и усилий целого года; [так или иначе] без печали не стать великим поэтом».

[*Цао Сюэцинь, глава 48*]

“。。。然后再把陶渊明、应、刘、谢、阮、庾、鲍等人的一看不用一年工夫，不愁不是诗翁了”。

[*红楼梦，第四十八回*]

На примере этих строк мы видим, вровень с какими поэтами другой великий классик китайской литературы ставил Ин Чана.